

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. О. КУРБАНОВ

С БЛОКНОТОМ ПО КОРЕЕ

Записки востоковеда

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ББК 26.89(5Кор+5Коо)
К93

Рецензент д-р филол. наук А. Ф. Троцевич (Ин-т восточн. рукописей РАН)

*Печатается по постановлению
Научной комиссии Восточного факультета
С.-Петербургского государственного университета*

Курбанов С. О.

К93 С блокнотом по Корее: записки востоковеда. — 2-е изд.—
СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2017. — 480 с. + вкл. 16 с.
ISBN 978-5-288-05744-1

В издание вошли систематизированные по темам короткие заметки о Южной и Северной Корее: о национальном характере, церемониях, этикете, традициях, религиозной жизни, трудовой деятельности, культуре, особенностях гражданского общества и т. п. Автор описал не просто события или отдельные стороны жизни корейцев, которые были интересны ему самому, для публикации он выбрал то, что, на его взгляд, с профессиональной страноведческой точки зрения действительно важно для понимания Южной и Северной Кореи.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся корейской культурой. Она может быть полезна специалистам-востоковедам, студентам отделений востоковедения высших учебных заведений и всем имеющим связи с Республикой Корея и КНДР.

ББК 26.89(5Кор+5Коо)

ISBN 978-5-288-05744-1

© С. О. Курбанов, 2017

© С.-Петербургский
государственный
университет, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	22
-------------------	----

ЧАСТЬ 1. ЮЖНАЯ КОРЕЯ

Глава 1. Национальный характер.....	23
1. Любознательность, общительность, желание выучить английский язык.....	23
2. Ключик к корейцу	23
3. «Одноразовость» корейца	24
4. Вспыльчивость	24
5. Честность и заботливость	25
6. Вежливость-вспыльчивость	25
7. Добрый полицейский	26
8. Грубость.....	26
9. Культура запахов	27
10. Еще раз об «одноразовости» корейцев	28
11. Восприятие корейцами сезонов года	29
12. Честность и воровство.....	29
13. Работа и обед.....	30
14. Совесть.....	31
15. Добрый водитель автобуса.....	32
16. Закрытость?	33
17. Духи в метро.....	33
Глава 2. Церемонии, этикет, традиции.....	34
1. Страсть к церемониям.....	34
2. Лепесток розы.....	35

3. Традиционная одежда	35
4. Обращение друг к другу.....	35
5. Церемония жертвоприношений духам <i>коса</i>	36
6. Жизненность традиционного лунного календаря	38
7. Почему для корейца важно знать свой род.....	38
8. Душ и несменяемое постельное белье	39
9. О том, когда едят сырую рыбу <i>хве</i>	40
10. Корейские и русские народные детские игры	40
11. Христианство и разрушение традиций	42
12. Поведение женщины в отдаленных деревнях в начале — середине 1980-х годов.....	44
13. Из бесед со скульптором О Дэсопом и его супругой, балетмейстером Ким Мённан 21 сентября 1995 г. в городе Кунсан (<i>Частное мнение корейцев</i>)	45
14. Этикет посещения туалетов	46
15. Корейское спальное место зимой.....	46
16. Сотрудник Института востоковедения Университета Тангук Ким Ёнсу и его рассказ о почтительности к родителям <i>хё</i>	47
17. <i>Понсонхва</i> — цветок бальзамина, или Как корейские женщины в старину красили ногти	48
18. Порядок принятия корейской пищи.....	49
19. Церемониальный головной убор <i>само</i>	49
20. Кое-что о старой традиции приветствий в наши дни	50
21. Речевой этикет корейцев за столом.....	50
22. Неприятие джинсов в провинции (к провинциальному этикету)	51
23. Посещение дома шаманки 8 декабря 1996 года	52
24. Некоторые корейские поверья.....	54
25. Из бесед с Ким Самтхэ, выпускником Университета Вонгван, специалистом в области корейской медицины.....	54
26. «Стол — это часть посуды». <i>Этнографическая заметка</i>	55
27. Корейский этикет в общественном транспорте.....	56
28. Забастовка железнодорожных рабочих и этикет	56
Глава 3. Праздники	57
1. Праздник фонарей	57
2. Праздник <i>чхусок</i> 1 октября 2001 года.....	57
3. Чайная церемония и осенний день поминовения предков <i>чхусок</i>	60

4. Осенний день поминовения предков <i>чхусок</i> и обои	61
5. Некоторые замечания по поводу празднования осеннего дня поминовения предков <i>чхусок</i>	61
6. Подарки осеннего дня поминовения предков <i>чхусок</i>	62
7. Праздник <i>чхусок</i> (осенний день поминовения предков) и рассказы о ситуации в Сеуле	63
8. Осенний день поминовения предков <i>чхусок</i> и традиционная корейская борьба <i>сирым</i>	64
9. Что чувствуют корейцы во время совершения церемонии поклонения предкам <i>чеса</i>	64
10. Что думают молодые люди о церемонии поклонения духам предков	65
11. День зимнего солнцестояния в Южной Корее	65
12. Бабушка-хозяйка сеульского пансиона <i>хаскук</i> и день 50-летия освобождения Кореи	66
13. Празднование Дня движения за независимость — 1 марта.....	67
14. О праздновании нового года 1 января по григорианскому календарю.....	68
Глава 4. Нравы	69
1. Неприкосновенность собственности	69
2. Еще раз о лозунгах.....	69
3. Корейская традиция с фотографиями близких	70
4. Зонтики	70
5. Смена обстановки	71
6. Высказывание о корейской европейской моде	71
7. Бытовая культура	71
8. Высунутый язык	72
9. Бытовая культура. Невежливость в общественном транспорте	72
10. Нравы, или Маленькое наблюдение в дорогом японском ресторане Сеула.....	73
11. Некоторые замечания к показу мод в универмаге «Лотте» <i>16 июня 1995 года (14–15 часов дня)</i>	73
12. Анекдот о лапше быстрого приготовления <i>рамён</i>	74
13. Анекдот о корейском мини-автомобиле марки «Дэу Тико» (Daewoo Tico)	74
14. Шорты у мужчин	75

15. Разные высказывания студента Кана, который жил в соседней со мной комнате в пансионе в квартале Тэсин-дон	75
16. Комментарий к моей поездке на берег Восточного моря 12–15 августа 1995 года вместе с сотрудниками фирмы «Коин» (Event Group Geoin).....	76
17. Замечание о мытье рук.....	80
18. Интересное поверье о порогах.....	80
19. Поездка в г. Иксан к Ким Самтхэ 2–3 марта 1998 года	81
20. Самый дорогой сапожник Кореи	85
21. Корейские лица. Зарисовки с натуры.....	86
22. Сотовые телефоны (<i>Случай с арендой автомобиля</i>)	89
23. Шорты	90
24. Рабочий класс: доброта.....	91
25. Кампания против употребления в пищу собачьего мяса ...	92
26. Посетители Музея современного искусства.....	92
27. Отношение корейцев к морю	93
28. Я — «кореец»	95
29. Запрет делать фотографии	96
30. Чашка кофе, или Новые корейские нравы.....	97
Глава 5. Роль личности и коллективизм	98
1. Культ личности в Южной Корее	98
2. Тяга к коллективному обучению	99
3. Как корейцы уходят в отпуск	99
4. Кое-что из «социалистического» распорядка дня Института национальной истории.....	100
5. Второй визит в «Комитет по изданию материалов национальной истории»	100
6. Организация жен сотрудников одной фирмы	101
7. Открытость «личного пространства»	102
8. Холод и традиционный корейский коллективизм.....	103
9. Реклама и мобилизационные кампании	103
Глава 6. Национально-государственные особенности.....	104
1. О корейских адресах	104
2. Время начала работы частных корейских ресторанов и закусочных	105
3. О культуре доставки писем.....	105
4. Улучшения в сфере корейского почтового обслуживания.	105
5. пляж, на котором нельзя купаться	106

Глава 7. Религиозная жизнь	108
1. Продавец часов и пропаганда христианства	108
2. Христианство в метро	109
3. Кое-что о буддийских монахах.....	109
4. Протестантская церковь в квартале Сонин около Больших восточных ворот Тондэмун	109
5. Церковные взносы.....	110
6. Протестантская церковь «Пхёндын кёхве» в г. Инчхон.....	110
7. Из жизни протестантской церкви в Корее.....	112
8. Протестантская церковь — объединение людей по профессиям	116
9. Христианство как вера в Мессию	116
10. Прагматический подход к христианству.....	117
11. «Активные христиане» и противоречия с национальной культурой	118
12. Сеульская православная церковь: пять лет спустя.....	118
13. Научно-исследовательский институт Чынсандо	120
14. «День открытых дверей» во Дворце просвещения и культуры Чынсандо.....	121
Глава 8. Отношение южных корейцев к иностранцам.....	126
1. Дети и иностранцы	126
2. Водка на улице.....	126
3. Пьяный в вагоне метро	127
4. Разносчик газет	128
5. Глухонемой и американцы	128
6. Почему меня не поняли на научной конференции Европейской ассоциации корееведческих исследований в Праге в 1995 г.	129
7. Из сеульской жизни «иностранцев на дне»	130
8. Две встречи	131
9. Встреча в поезде провинция — Сеул.....	134
10. Борьба за улучшение отношения к иностранцам	135
11. Отношение к иностранцам в провинции в середине 2000 г.	136
12. Объявления в развлекательном комплексе Lotte World	138
13. Помощь на улице.....	138
14. Аэропорт 2003.....	139
15. Солдат в автобусе	139

16. Сверхвежливое обслуживание иностранца в ресторане «Чикхкн бэни»	140
17. Невежливый Итхэвон	141
Глава 9. Отношение южных корейцев к русским	142
1. По пути в Сеул (<i>отношение к советским</i>)	142
2. Отношение детей к советским людям	143
3. Предостережения советским гражданам в Сеуле.....	144
4. Отношение к русским.....	144
5. Советские в Корейской войне 1950–1953 гг. и память об этом.....	145
6. Русский язык.....	145
7. Женьшень за 1 рубль	146
8. Случай в квартале оптовой торговли обувью	147
9. Русские в Корее	148
10. Встреча с корейскими друзьями 25–26 мая 1992 года	149
11. Аэропорт Кимпхо: новые услуги сервиса для русских	155
12. «Советский».....	155
Глава 10. Россия в Корее	156
1. Молодые «советские корейцы» в Сеуле и бизнес.....	156
2. Восприятие Кореи сахалинскими корейцами	157
3. Сахалинские корейцы и знакомство на улице	157
4. Русская культура и Корея.....	158
5. Русский язык в международном аэропорту Кимпхо.....	158
6. Российское посольство в марте 1998 года	159
7. Самолеты «Аэрофлота» в аэропорту Кимпхо	160
8. Русские женщины в Кунсане.....	161
9. Русские девушки — раздатчицы рекламы.....	162
Глава 11. Брак и свадьба	162
1. Возраст вступления в брак.....	162
2. О свадьбе по договоренности родителей	162
3. Описание одной корейской свадьбы во «Дворце бракосочетания Мокхва»	163
4. Желание выйти замуж и названия курсов в Женском университете Ихва	168
5. Почему в Корее трудно вступить в брак по любви.....	169
6. Как подается заявление на вступление в брак	169
7. Брачные объявления на обочине дороги.....	170

Глава 12. Мужчины и женщины.....	171
1. Корейские молодые девушки и экономика	171
2. О посещении «водочных домов» <i>сульччи</i>	172
3. «Лав-отель» (Love-hotel).....	172
4. Как корейские мужчины традиционно относятся к женщинам	173
5. Курящая женщина в метро!	174
6. Загорающая кореянка.....	175
7. Где мини-юбки?	176
8. Женская одежда и фигуры	176
9. Усы и борода	178
10. Мини-юбки	178
Глава 13. Климат.....	179
1. О сезоне дождей, или Как я стал жертвой наводнения	179
2. Пыль в Корее	181
3. Ощущение от корейского дождя	181
Глава 14. Описание отдельных местностей, районов	182
1. Дорога из аэропорта в город.....	182
2. Вечернее путешествие по Сеулу 29 апреля 1992 г.	182
3. Поездка в фольклорную экспедицию в провинцию Северная Чхунчхон, уезд Чинчху со студентами и преподавателями Университета Тангук 21–24 июня 1995 г.	185
4. Некоторые комментарии к поездке в фольклорную экспедицию в провинцию Северная Чхунчхон.....	205
5. Вторая фольклорная экспедиция в провинцию Южная Чолла уезда Чанхын со студентами и преподавателями Университета Тангук 24–27 июля 1995 года	206
6. Новый старый Итхэвон.....	230
7. Впечатления от города Тэчжон (1).....	232
8. Впечатления от города Тэчжона (2).....	233
9. «Европейский город» Тэчжон	233
Глава 15. Описание домов, общественных мест	234
1. Корейские дома конца XX века	234
2. Кафе «Утопия».....	234
3. В гостинице «Лотте»	236
4. Больница «Синхва»	237

5. Кафе «Ночной свет»	237
6. День рождения в кафе «Утопия»	240
7. Банки не для иностранцев.....	241
8. Телефонные будки	243
9. Больница «Йльчжи».....	243
10. Старая редакция «Корейской экономической газеты» (Хангук кёнчже синмун)	244
11. Место отдыха продавцов в универмаге «Лотте»	245
12. Поход в ресторанчик, специализирующийся на свиных копытцах <i>ччокупаль</i> , с водителем автобуса 19 мая 1992 года	245
13. Поездка домой к корреспонденту «Корейской экономической газеты» Ким Гиуну 21 мая 1992 года	248
14. Фантастическая прогулка по ночному Сеулу 22 мая 1992 года	252
15. Обстановка в комнате Кан Ённёна, которую он снимал в г. Инчхоне за 60 тыс. вон в месяц	255
16. Туалеты	256
17. Описание квартиры Пак Минсо.....	257
18. Дешевое коммерческое студенческое общеежитие <i>косивон</i>	259
19. Корейский поезд и туалет. Свежие впечатления о дизайне.....	260
20. В провинциальном книжном магазинчике	261
21. Корейская баня в провинции.....	262
22. Провинциальная клиника в 2000 году.....	265
23. Опыт проживания в дешевой гостинице Мённюн на улице Тэханно в Сеуле.....	266
Глава 16. Экономика.....	268
1. Корреспондент «Корейской экономической газеты» о корейском развитии	268
2. Корея — страна дефицитов (Или кое-что об импортозависимой экономике).....	269
3. Скупка товаров	270
4. Повышение спроса на уголь.....	270
5. Безработица	270
6. «Нечего есть»	271
7. Реклама и мобилизационные кампании	271
8. Реклама и развлекательные телевизионные программы	272

9. «Эпоха Международного валютного фонда» (1)	272
10. Эпоха МВФ (2)	274
11. Кризис. Кризис?	274
12. «Эпоха МВФ» исчезает	276
13. «Сделано в Китае» (1)	276
14. «Сделано в Китае» (2)	277
15. «Сделано в Китае» (3)	277
16. «Сделано в Китае» и «Сделано в Корее»	277
17. Как в Южной Корее отключают электроэнергию	279
Глава 17. Бизнес по-корейски	280
1. Бизнес по-корейски в Корее (1)	280
2. Бизнес по-корейски в Корее (2) (<i>Торговец сувенирами</i>)	281
Глава 18. Модернизация	283
1. Замечание о модернизации Кореи	283
2. Сеул — полудеревня	284
3. Вежливость (Европеизация)	284
4. Судьба караоке <i>норэбан</i>	284
5. Некоторые изменения в Корее рубежа тысячелетий	285
6. Мобильные телефоны	287
7. «Кукушка» в метро	287
8. Новое содержимое рекламы (<i>Заметки об Интернет-революции</i>)	287
9. Компьютеры захватывают мир	288
10. Как корейцев учили ездить на эскалаторе в метро	288
11. Интернет-реклама в метро	289
12. Изменения в банке «Ханпит ынхэн»	289
13. Мода на цифровые камеры	290
14. Новый растворимый кофе	290
15. Новое корейское лото «Lotto»	291
16. «Мыльницы» не продают!	291
17. Модернизация по необходимости	292
Глава 19. Торговля	293
1. Сеульские рынки	293
2. Торговля с тележек	295
3. Бабушка на рынке «Намдэун»	295
4. Распространители рекламы	296
5. Магазин пуховой одежды на торговой улице «Итхэвон»	296

6. Рынок «Тондэмун» в выходной день. Уличные торговцы-певцы	298
7. Торговка цветами	299
8. О знании корейцами сеульских рынков	299
9. Корейцы и рынки	299
10. Корейские «челноки».....	300
11. Авторынок квартала Синволь-дон в городе Пучхон	301
12. Обман в торговых сетях.....	301
13. Новый рынок «Тондэмун».....	303
14. Цены на электронном рынке, или Как в Корее продают товары.....	303
15. Свободные цены на лекарства, или Не покупайте лекарства только на Тондэмуне	305
16. Рынки — только для пожилых.....	306
17. Как легко обменять бракованную вещь в книжном универсаме Кёбо	307
Глава 20. Транспорт	308
1. Такси. Ночное такси.....	308
2. Корейские «таксисты-заряжалы»	309
3. Поезда класса «Голубь».....	309
4. Цены на метро	310
5. Такси высшего класса «де люкс» исчезают	310
6. Исчезновение поездов третьего класса.....	311
7. Такси и тарифы.....	311
8. Улучшение обслуживания в автобусах	312
9. Метро: научились у русских?	312
10. В метро больше нет давки.....	313
11. Новая система сеульских городских автобусов.....	313
12. Водительская солидарность и внимание к пассажирам.....	314
13. «Зайцем на поезде»: изменение правил проезда на железнодорожном транспорте	315
14. Мужской голос диктора в метро	316
Глава 21. Качество жизни	316
1. Контрасты (возможно, немного преувеличенные).....	316
2. Официальные нищие.....	317
3. Рикши	317
4. Об уровне жизни	318
5. Личные автомобили.....	318
6. Телефон в деревне.....	318

7. Неофициальные нищие.....	318
8. Девочка в метро и жевательная резинка	319
9. Попрошайки (1)	319
10. Попрошайки (2)	320
11. Подержанная электроника.....	320
12. Кто живет в богатых особняках на живописных холмах Сеула?.....	321
13. О сеульской воде.....	321
14. Чечжуские жалобы на жизнь	322
15. Контрастная Корея	323
16. Новое городское жилье.....	324
Глава 22. Культура.....	325
1. О современной художественной литературе.....	325
2. Заметки после посещения вечера традиционных танцев в Городском дворце собраний г. Кунсан провинции Северная Чолла.....	326
3. Необычное восприятие музыки и драмы в Корею.....	326
4. Китайская письменность в Корею.....	327
5. Две категории библиотек.....	327
Глава 23. Молодежная культура	328
1. Старшеклассницы в автобусе	328
2. «Цветная» молодежь	328
3. Нет крашенных волос. Мода	330
Глава 24. Гражданское общество	331
1. Демонстрация и шофер.....	331
2. Менеджер программы «Холидэй он Айс» и «Сеульский режим».....	332
3. Лозунги.....	332
4. Антикимирсеновская пропаганда.....	333
5. Перебежчик с Севера.....	333
6. О свободе	334
7. Высказывание официанта ресторана «Кукче хвагван» при Фонде корееведческих исследований Хангук хаксуль чинхын чэдан о политических партиях в Корею	335
8. Корейская «железная стена»	335
9. Некоторые комментарии в связи с обрушением сеульского универмага «Сампхун» (삼풍백화점) 29 июня 1995 года.....	335

10. Вооруженная охрана на почте.....	337
11. «Безопасность» на рейсе авиакомпании «Кориан Эа»	337
12. «Сумасшедшая корейка»	338
Глава 25. Армия. Объединение Кореи.....	338
1. О корейской армии	338
2. Что думают молодые корейцы об объединении страны	339
3. Южные корейцы о Северной Кореи.....	339
4. Тяготы армейской жизни.....	340
5. Отношения между Южной и Северной Кореей	341
6. Северная Корея по радио	341
Глава 26. Разное о Южной Кореи.....	342
1. Короткие заметки о разном	342
2. Некоторые недоказанные карееведческие предположения	343
3. Мысли и впечатления от посещения Центрального исторического музея во дворцовом комплексе Кёнбоккун.....	343
4. Корейская археология и строительный рынок	344
5. Записи одной строкой	345
 ЧАСТЬ 2. СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ 	
Вводные замечания	346
Глава 1. Трудовая деятельность.....	346
1. Индивидуальная трудовая деятельность в КНДР (1).....	346
2. Индивидуальная трудовая деятельность (2)	347
3. Трудолюбие корейцев.....	347
4. Как строят стены в провинции	348
5. Цветы на стройке.....	349
6. Склад оборудования Сунчхонского виналонового объединения.....	349
7. Корейская обувная фабрика	350
8. Добровольный труд	351
9. Производственная гимнастика	351
10. Велорикши	352
11. Режим работы северокорейских предприятий.....	352
12. О воровстве на производстве.....	352

13. Воровство	352
14. Воровство кукурузы и охрана.....	353
Глава 2. Транспорт, передвижение.....	353
1. Автодороги.....	353
2. КПП на автодорогах.....	354
3. Расчистка дорог от снега.....	355
4. Корейские пешеходы на дороге.....	355
5. Пьянство за рулем (1).....	355
6. Пьянство за рулем (2).....	356
7. Борьба с авариями.....	357
8. Номера автомобилей, личный автотранспорт	358
9. Проездной билет на поезд.....	358
10. Дорога на работу из другого города	359
11. Пхеньянское метро в 2000-е годы	360
Глава 3. Уровень жизни.....	362
1. Беседы на заводе у горячей спирали (1).....	362
2. Беседы на заводе у горячей спирали (2).....	363
3. Жизнь молодого рабочего	363
4. Быт молодых рабочих Сунчхонского виналонового комбината.....	364
5. Снабжение молодых рабочих	364
6. Оплата труда в Северной Корее.....	365
7. Зарплата официантки.....	365
8. Деньги в сберкассе от молодежи	365
9. Штраф на производстве.....	365
10. «Красные» воны у корейцев	366
11. Еще раз о «красных» вонгах	366
12. Вещевая сберегательная лотерея «Чогым чхучхом».....	367
13. О продуктах питания	367
14. Питание корейцев в ресторане гостиницы «Чансусан»	368
15. Четыре бутылки пива.....	368
16. Дома отдыха.....	369
17. Детские сады, школы.....	369
18. Отпуск.....	370
19. Равенство рабочих и колхозников	370
Глава 4. Рынки, магазины, торговля.....	370
1. Рынки. Стихийные рынки	370
2. Базарные дни	371

3. Валютные магазины. Серия заметок	371
4. Валютный универмаг «Рагвон»	373
5. Кореец — магазин для иностранцев.....	373
6. Магазин «Пхеньян» — еще магазин для иностранцев. Реформы мая 1988 года.....	374
7. Двухкассетная стереомагнитола для корейца	375
8. О типах магазинов.....	376
9. Торговые палатки.....	376
10. Новый уровень сервиса авиакомпании «Корё хангон»	377
11. Переполненные рестораны.....	377
12. Эпизод с четырьмя чашками кофе в горах Мёхянсан (рынок идет)	378
13. Сувенирная лавка для «простых» корейцев	379
14. Теперь не торгуются.....	379
Глава 5. Модернизация	380
Сотовые телефоны.....	380
Глава 6. Религиозная жизнь	380
«Искусственный» монах.....	380
Глава 7. Пропаганда.....	381
1. Корейцы и пропаганда	381
2. Пропаганда и действительность	381
3. Плакаты, лозунги	382
4. Постоянные лозунги и объединение Кореи.....	382
5. «Экскурсии» по революционным местам.....	383
6. Агитбригада на стройке	383
7. Об идеях <i>чучхе</i> (1).....	384
8. Об идеях <i>чучхе</i> (2).....	385
9. Особенности телевидения	386
10. Впечатления от северокорейского телевидения.....	387
11. Кое-что о радиовещании	387
12. «Тезисы централизованного обучения [членов] Социалистического союза трудовой молодежи»	387
13. Разучивание песен (1)	388
14. Разучивание песен (2)	389
15. Распространение газет подписчикам.....	389
16. Глушение радиостанций	390
17. Показуха	390

18. Странное Пхеньянское радио	390
19. Радио «Голос народа»	391
Глава 8. О Ким Ирсене	392
1. Личные впечатления о Ким Ирсене <i>посла СССР в КНДР Г. Г. Бартошевича</i>	392
2. Отношение простых корейцев к «Великому вождю» (1).....	392
3. Отношение простых корейцев к «Великому вождю» (2).....	393
4. Отношение простых корейцев к «Великому вождю» (3).....	393
5. Портреты «Великого вождя» и «Любимого руководителя»	393
Глава 9. Ассоциация корейцев в Японии — чхонрён	394
1. Чхонрёновцы в Корее	394
2. Чхонрёновец Кан Сончжин.....	396
3. Эпизод с чхонрёновцами	397
4. Подарок от чхонрёновцев	397
Глава 10. Описание отдельных учреждений	398
1. Гостиница «Корё».....	398
2. Ресторан на 44-м этаже гостиницы «Корё».....	399
3. Посещение ресторана корейской лапшы <i>куксу</i> в районе Тэтхарён (Пхеньян)	400
4. Бар-ресторан на пятом этаже «Рыбного магазина»	401
5. Пхёнсонская специальная школа иностранных языков.....	401
6. Институт вышивки. Посещение 3 января 1988 года	402
7. Торговый институт в Пхеньяне	402
8. Общежитие для иностранцев Университета им. Ким Ирсена.....	403
9. Пхеньянский Дворец пионеров и школьников («старый»).....	404
10. Экскурсия в Исторический музей селения Самхва-ри, провинция Южная Пхёнан	404
11. О Художественном музее в Пхеньяне	406
12. Посещение кабинета зубного врача рядовой больницы г. Пхёнсона	406
13. Подъем на Монумент идеям <i>чучхе</i>	407
14. Пролог. На пограничной станции Хасан.....	407
15. Гостиница «Янгакто»	409
16. Мавзолей Ким Ирсена.....	412

17. Посещение электровозного и тепловозного депо Пхеньянской железной дороги	416
Глава 11. Пхеньян. Впечатления.....	417
1. По ночным улицам Пхеньяна.....	417
2. Прогулка по Пхеньяну, или Размышления о Северной Корее.....	417
Глава 12. Армия и система охраны	425
1. Охрана на Сунчхонском виналоновом комбинате (1).....	425
2. Охрана на Сунчхонском виналоновом комбинате (2). Смена караула	426
3. Работники органов безопасности на стройке	427
4. Учения по гражданской обороне.....	427
5. Встреча с солдатами в окрестностях Цеха разделения воздуха.....	427
6. Об армии.....	428
7. О школе и женщинах в армии	428
8. Экспорт оружия.....	429
Глава 13. Объединение Кореи.....	429
Взгляд из Северной Кореи.....	429
Глава 14. Цикл «Сельскохозяйственные работы»	430
1. Полевые работы в марте	430
2. Полевые работы в апреле.....	431
3. Полевые работы конца апреля — начала мая.....	432
4. Полевые работы середины мая	432
5. Ремонт дамб и боронование.....	432
6. Полевые работы июня	433
7. Средство борьбы с вредными насекомыми	434
8. Полевые работы июня — конца августа	435
9. Полевые работы конца августа	435
Глава 15. О девушках, женщинах	436
1. Отношения юноша — девушка (1)	436
2. Отношения юноша — девушка (2)	436
3. Украшения корейских девушек.....	436
4. Корейская женская психология	437
5. Отношения «мужчина — женщина»	437
6. О женщинах	437

Глава 16. О браке и свадьбе	438
1. О свадьбе	438
2. О помолвке	439
3. О браке (1)	439
4. О браке (2)	439
5. Родовые отношения и брак	440
Глава 17. Традиционные обряды, праздники	440
1. Календарь	440
2. Похоронный обряд.....	440
3. Хансик — весенний день поминовения предков	441
4. 22 декабря — день зимнего солнцестояния	442
Глава 18. Современные государственные праздники.....	442
1. Празднование Нового года (по европейскому календарю).....	442
2. День рождения Ким Ченира (16 февраля)	443
3. О праздновании 8 марта	443
4. Празднование 8 марта	444
5. Танцы на центральной площади г. Пхёнсона 15 апреля 1988 года	445
6. Танцы по праздникам.....	447
7. 25 июня — день памяти начала Корейской войны.....	447
8. Массовые работы перед праздником.....	447
9. Сунчхонский виналовый комбинат и 9 сентября — праздник основания Республики.....	448
Глава 19. Игры	448
1. Корейская детская игра «гальки» — чагаль	448
2. Эбальги	450
Глава 20. Особенности национального характера, традиции.....	450
1. Личные печати.....	450
2. Отношение к керамике.....	451
3. Летнее корейское лакомство.....	451
4. Корейский национализм.....	451
5. Любопытство	452
6. Дисциплина у школьников.....	452
7. Обидчивость	453
8. Отзыв о национальном характере.....	454
9. Надписи на стенах	454

Глава 21. О молодежи	454
1. Молодежь и знание о прошлом.....	454
2. Призыв товарища Ким Ченира к фестивалю молодежи и студентов. Возраст в Корее.....	455
3. Журнал мод	455
Глава 22. Отношения между советскими (россиянами) и корейцами	456
1. Общение «иностранец-кореец» в провинции	456
2. Общение «иностранец — корейские дети» (1).....	456
3. Общение «иностранец — корейские дети» (2).....	457
4. Случай с корейцем, начальником «народной группы» и советскими специалистами — Беляевым и Вагиным.....	458
5. «Иностранец — вон из Кореи!»	459
6. История со значком Ким Ирсена.....	460
7. Как легко фотографироваться с незнакомыми корейцами	460
8. Выступление иностранцев с номерами художественной самодеятельности.....	461
9. Инцидент между мной и переводчиком Чха Н 15 апреля 1988 года	462
10. Провокационные действия корейцев по отношению к советскому специалисту-обувщику Вере Я.	463
11. Отношение корейцев к советскому оборудованию.....	464
12. Вопросы об СССР, которые часто задают корейцы всех возрастов и полов.....	464
13. Советская пропагандистская литература в Корее.....	465
14. Полет из Владивостока в Пхеньян	465
15. Визит министра путей сообщения Н. Е. Аксененко в КНДР 16–17 марта 2001 года.....	467
Глава 23. Иностранное влияние на Корею	471
1. Лев Толстой в Корее	471
2. Корейцы и советская эстрада.....	471
3. Музыка диско в Корее	472
4. Корейская молодежь и музыка.....	472
5. Внешний вид корейца. Исключение	472

Глава 24. Корея при японцах (1910–1945).....	473
1. Корея — японская колония.....	473
2. Японские школы в Корее в период японской колонизации	474
3. Рассказ переводчика Ли Боммо о днях освобождения Кореи Красной Армией.....	474
Глава 25. Разное о Северной Корее	475
1. Легенда о создании корейского алфавита	475
2. Мытье в реке	476
3. Образцовое произношение.....	476
4. Сроки пребывания в Корее родственников, постоянно проживающих за рубежом.....	476
5. Летнее время в КНДР	476
6. О лесах.....	477
7. Об объединении Кореи	477
8. Корейско-кампучийское сотрудничество	478
9. Жизнь китайских специалистов, работающих на строительстве ТЭЦ Сунчхонского виналонового объединения	478
10. Категории переводчиков	479

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга — это собрание небольших заметок о Южной и Северной Корее, которые автор вел на протяжении 24 лет во время своих долгосрочных или кратких поездок в страны Корейского полуострова. По сути эта книга — дневник. Заметки представляют собой описание того, что автор видел своими глазами, слышал или участником чего являлся сам. Даже если какая-либо информация повторяет данные официальных источников, все же она получена из живого общения, а значит, указывает на то, что особенно важно в жизни корейцев.

Большинство записей сделано в течение трех-четырех дней после того, как произошло событие или была получена информация. И лишь совсем небольшое дополнено позднее, после возвращения из поездок в Южную или Северную Корею.

Все заметки сгруппированы по тематическим разделам, как, например: «Трудовая деятельность», «Магазины», «Праздники» и т. д. Сразу следует отметить, что классификация заметок по тематическим разделам *условна* и не всегда полностью соответствует содержанию заметок: некоторые из них могут относиться к *различным* тематическим разделам *одновременно*, но представлены лишь в одном из них.

В пределах одного тематического раздела заметки расположены по большей части в хронологическом порядке, отражающем процесс *постепенного проникновения* автора в глубину корейской практической культуры. Встречающиеся в книге описания отдельных «негативных», с точки зрения автора, сторон жизни двух корейских государств имеют целью показать процесс «столкновения» родной культуры автора книги с культурой Кореи — страны Востока. На самом деле, ничего «объективно негативного» в описываемых сюжетах нет. Автор четко осознает то, что если бы заметки писались им в настоящее время, на основе разностороннего знания и опыта, то описываемые сюжеты были бы представлены значительно мягче.

Автор настоящей книги описывал не просто события или отдельные стороны жизни корейцев, которые были интересны ему самому, но то, что с профессиональной страноведческой точки зрения действительно важно для понимания Южной и Северной Кореи. Несмотря на внешнюю «легкость» стиля записей, практически каждый из описанных сюжетов может быть снабжен глубоким научным комментарием.

Часть 1

ЮЖНАЯ КОРЕЯ

ГЛАВА 1. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

1. Любознательность, общительность, желание выучить английский язык

14 мая 1992 года, поздно вечером, когда Судьба занесла меня в центральный район Сеула — Мёндон, ко мне обратился незнакомый кореец лет 38. Я просто шел по улице, а он окликнул меня по-английски. Он думал, что я — американец и хотел попрактиковаться со мной в английском. Узнав, что я из России, он сначала как-то расстроился, но потом немного разговорился. Как и все корейцы (от уборщика до президента фирмы) он почему-то считает, что поскольку у нас земля большая, много разных ресурсов, хороший уровень науки и искусства и вдобавок ко всему есть демократия, то лет через десять мы обязательно заживем богато, а Россия станет очень даже развитой страной. Пока мы говорили, он купил у проходящего мимо торговца напитками с небольшой тележкой на двух колесах женьшеневого тоника. Потом я спросил, где тут можно недорого покушать. Мой уличный знакомый что-то объяснял мне. А когда мы расстались, я так и не решился один войти в кричаще-пустую холодную ночную дверь с аппетитной вывеской. Лишь зашел в магазин «24 часа», тут же, в Мёндоне, и купил холодного риса, завернутого в водоросли — *кимпан*.

1992

2. Ключик к корейцу

Один из вариантов «раскачивания» корейца, то есть установления контакта с незнакомым корейцем, скажем, продавцом в небольшой лавочке, может быть следующим.

Для этого вы должны: 1) иметь небольшую группу людей, человек 4–6, довольно дружных, несущих теплое положительное биоэнергетическое поле; 2) активно разговаривать с хозяевами, быть инициатором общения.

Тогда в ответ вы получите наисердечнейший прием, всевозможные проявления повышенного внимания к вам, а также такие приятные элементы сервиса, как бесплатные напитки.

Попытайтесь проделать то же самое в одиночку, и результаты всегда будут менее эффективны.

1993

3. «Одноразовость» корейца

«Одноразовость» в общении — это корейская национальная черта (или особенность культуры?), которая имеет тесную связь с другой корейской особенностью: проявлять огромное любопытство к незнакомому предмету с последующей необыкновенно быстрой потерей всякого интереса к нему.

К примеру, если вы пришли в первый раз в какое-либо заведение (магазин, ресторан и т. п.) и хозяин его очень радушно принимал вас, снижал цену или в виде «сервиса» угощал напитками, не ждите ничего подобного при повторном посещении того же места. Цены будут подняты, а *отношение* может стать хуже.

1993

4. Вспыльчивость

Как говорил мне мой корейский знакомый по гастролям Ленинградского государственного балета на льду прошедшим в 1992 г., Ким Сангюн, Корея — это такая страна (наверное, как и все страны мира. — С. К.) которую невозможно узнать по книгам, прочти ты даже 100 томов.

Так, по отношению к иностранцам корейцы могут быть очень вежливыми и внимательными. Однако между самими корейцами споры могут возникать по любому незначительному поводу. И жестом Ким Сангюн показывал мне незначительность повода: одна фаланга указательного пальца. Корейцы, как говорил мне Ким, «заводятся до состояния гнева» буквально с пол-оборота.

И точно. Как-то сломался у меня мой любимый советский фотоаппарат «Зенит», и я наугад пошел в первую попавшуюся мне на пути мастерскую: «Кхамера сури сентха» («Центр по ремонту фотокамер») находился на четвертом этаже одного из зданий на улице Чонгьо самга (Третья улица Колокольной дороги). Посмотрели мастера мой

«Зенит», покрутили и буквально бросили мне обратно: мол, иди к другому мастеру. Я расстроился, стал копать сам и попросил отвертку на пару минут. Отказали. Тогда я сказал, обидевшись, что в нашей стране так не поступают. Сказал так молодому мастеру, у которого просил отвертку. Тогда сидевший рядом пожилой мастер стал очень грубо орать, мол «Что ты такое там говоришь? А ну повтори!»

Я сразу вспомнил Санъюновскую характеристику корейцев. Было очень неприятно, но и отрицательный опыт тоже никогда не помешает.

1993

5. Честность и заботливость

10 августа 1993 года я был на станции сеульской надземной железной дороги Вансимни. Ожидая поезд, подошел к паребрику, ограждавшему лестницу, ведущую вниз — к параллельному пути. Положил на паребрик сумку и зонтик. Затем решил попить кофе из автомата. Взял сумку-портфель. Пью кофе. Вдруг ко мне подбегает парень, сидевший слева от того места, где я раскладывал свои вещи. Сначала я не понял, что ему от меня было нужно. Но потом увидел в руках у него злополучный зонтик, который я в тот день уже чуть не потерял в российском посольстве. И очень, очень благодарен ему...

1993

6. Вежливость-вспыльчивость

В Корее очень велико психоэнергетическое поле. При этом часто можно наблюдать такие случаи, когда, к примеру, один кореец случайно задевает на улице другого и при этом не приносит извинений. Тогда второй буквально пронзает первого взглядом, словно ножом, и словно готов убить его, все же ожидая при этом извинений. Если таковые последуют, то конфликт исчерпан. Если нет — возможна грубая перебранка, которая может сопровождаться рукоприкладством.

Таким образом, можно предположить, что очень педантично разработанный традиционный этикет и нормы вежливости есть ни что иное, как защита от свойственной корейцам вспыльчивости.

Подтверждение этому можно найти и в средневековых корейских текстах.

1993

7. Добрый полицейский

12 июня я очень поздно возвращался «домой», то есть в комнату в пансионе, которую снимал недалеко от университета Ёнсе. Вышел на станции метро Тонниммун («Ворота независимости»), встал на автобусной остановке и, без толку простояв там около пятидесяти минут, догадался, что встал не там, хотя на вывеске были обозначены подходящие мне автобусные номера.

Устав от бесполезного ожидания, отправился в сторону тоннеля «Кымхо», который, как мне представлялось, вел в нужную мне сторону. Такси брать дорого. Смотрю, стоят офицеры дорожной полиции, а рядом с ними машины. Подошел и спрашиваю, как добраться до Западных ворот Женского университета Ихва, то есть примерно до того квартала, где я проживал.

— Да вот, — отвечает один из них, — иди в тоннель.

— А разве там есть пешеходная дорожка?

— Да, минут пятнадцать пешком.

И, глядя на мое кислое выражение лица, продолжает:

— А что, у тебя денег на такси нет? Ну что, довезем его? — обращается мой собеседник к своему молодому напарнику.

Сажусь в голубую, то есть полицейской раскраски, легковую машину марки «Дэу Леман» (Daewoo Lemans). Пять минут езды. Проезжаю мимо моего квартала. Не узнал. Возвращаемся обратно. По узким переулкам мой провожатый подвозит прямо до дверей дома. Я на прощание машу ему рукой и жутко довольный поездкой иду в свою очень дешевую и поэтому весьма неприглядную комнату в полуподвале. Уже первый час ночи.

13 июня 1995 года

8. Грубость

12 июня в газетном киоске недалеко от Сеульского вокзала покупал почтовые конверты. Стою с портфелем в руках. Вдруг чувствую, что кто-то без слов и довольно грубо двигает меня вместе с портфелем. Оказывается, загораживаю кому-то место и мешаю рассматривать продаваемые газеты.

И подобное со мной повторялось не раз. И у киосков, или просто, когда я медленно шел по улице, меня также грубо двигали-подталкивали в сторону без каких-либо слов извинения.

14 июня 1995 года

9. Культура запахов

А) Одно из наиболее часто употребляемых в Корее выражений, отрицательно характеризующих окружающую среду — это «нэмсэ(-га) нанда» (냄새(가) 난다; подробнее о понятии *нэмсэ* см. ниже пункт «Д»), что значит «воняет». Чаще всего эта характеристика употребляется в отношении а) людей, б) одежды, в) помещений.

Б) Большинство корейцев не переносят запахов духов или туалетной воды, которые также называют колоритным словом *нэмсэ* («вонь», «(дурной) запах»). Мужчины не употребляют туалетную воду вообще, а женщины — в основном молодые, то есть в возрасте 20–35 лет, и то в соотношении не более, чем несколько человек из ста¹.

В) Хозяйка пансиона *хасук*, где я проживал до 24 августа 1995 года, всегда настаивала на том, чтобы ее постояльцы, уходя из дома, не запирали двери своих комнат, а оставляли их открытыми, чтобы за время отсутствия жильцов запахи, то есть *нэмсэ*, выветривались. Если кто-нибудь все же забывал открыть дверь, то хозяйка делала это сама.

Как-то, зайдя ко мне в комнату, она пожаловалась: «Ай-яй-яй! Там на третьем этаже “американец” живет; от него ну такая “вонь” (*нэмсэ*) исходит! А в соседней комнате еще хуже — одинокий мужчина (*хорэ-би* — 홀애비) с его запахом вдовца. Если комнаты не проветривать, то туда просто зайти невозможно!»

Г) Хозяйка моего второго жилища 1995 года — комнаты в особняке в районе Синса-дон — 30 августа завела со мною разговор по поводу стирки. Дело в том, что сначала она предложила стирать мне сама, то есть в семейной стиральной машине. Я вежливо отказался, считая это несколько неудобным. Ко всему прочему я объяснил, что люблю стирать руками и что у меня по этому поводу даже есть своя философия. На это хозяйка ответила:

— Хорошо, стирайте в ванной. Там есть все, в том числе и стиральная доска.

Однако я стирал в раковине (так удобнее, не нужно наклоняться; кроме того, раковина имеет пробку), пользуясь не хозяйственным, а обыкновенным туалетным мылом. Когда я развешивал белье для сушки, хозяйка учуяла характерный сильный аромат и спросила:

¹ К 2010 году отношение к туалетной воде в Южной Корее несколько изменилось в сторону принятия этой западной традиции запахов.

— А вы чисто стираете? Может, вам прополоскать? Может, вам отжать? Почему у вас от белья исходит такой *нэмсэ* (то есть «запах» или «вонь»)? Джинсы, если их плохо отжать, долго сохнут и у них появляется характерный неприятный запах.

— Но, вы знаете, я люблю, когда от вещей исходит легкий аромат, — ответил я.

— Нет, от одежды должен исходить «запах белья», то есть нейтральный, а не какой-либо другой.

Д) *О слове нэмсэ* (냄새).

В августе 1995 года я около месяца учился в Центре корейского языка (한국어학당) университета Ёнсе (연세대학교) в одной группе вместе с молодыми учеными из Китая. В один из последних дней моих занятий, 31 августа, я попросил корейскую преподавательницу по имени Чон Хёнок (정현옥) объяснить ее понимание слова *нэмсэ*, которое в корейско-русском словаре однозначно переводится нейтральным понятием «запах», но, на мой взгляд, употребляется в современной Южной Корее больше в негативном смысле. На мой вопрос Чон Хёнок ответила так:

— Да, раньше это слово было нейтральным, но теперь приобрело отрицательный оттенок. Мы, корейцы, вообще плохо относимся к сильным запахам, например духам. Корейские женщины не пользуются духами. Я, лично, просто ненавижу духи. А иностранцы не знают наших особенностей и ходят на свидание, сильно надушившись. На самом деле так делать нельзя.

Е) *Вывод*

Корея — страна, где идеальным запахом является «ноль-запах», то есть его отсутствие. Это — атрибут еще одного очень важного корейского понятия — «чистота», «чистый» (깨끗하다), о котором также нужно говорить отдельно.

31 августа 1995 года

10. Еще раз об «одноразовости» корейцев

Опыт моего проживания в частном доме еще раз доказал «одноразовый» характер корейцев при встрече и общении с незнакомыми людьми².

² Более подробно об этом феномене смотрите мои корейские дневники предыдущих лет. Напоминаю читателю, что под «одноразовостью» понимается проявление огромного интереса к незнакомому человеку при первой встрече с ним, вплоть

Так, хозяйка дома в районе Ынпхён квартала Синса, где я стал жить с 24 августа, в первые дни после моего переезда каждое утро приносила на подносе ко мне в комнату кофе и жаренные тосты с джемом. Потом она стала просто звать меня на кухню, также давала кофе и поджаренные тосты и еще банку с джемом, предлагая намазать его самому. Затем стала давать к кофе лишь два куска «голового» белого хлеба, то есть не обжаренного и без джема. К началу сентября хозяйка просто перестала обращать на меня какое-либо внимание, и я стал сам кипятить себе пустой кофе.

Аналогичная судьба постигла и мои ужины. В первые дни после переезда, буквально каждый вечер, хозяйка стучала в дверь моей комнаты и предлагала вместе поужинать. Однако с начала сентября призывы к совместной трапезе внезапно прекратились, как раз после того, когда я, растроганный гостеприимством хозяйки, решил вносить по 30 долларов ежемесячно сверх установленной арендной платы.

7 сентября 1995 года

11. Восприятие корейцами сезонов года

«Весна — сезон женщин (여자의 계절). Осень — сезон мужчин (남자의 계절)», — нередко говорили мне корейцы.

*Записано 3 ноября 1995 года
со слов преподавательницы Центра корейского языка
Университета Ёнсе госпожи Чхе Чжихён.*

12. Честность и воровство

28 августа, находясь в Сеульском Центре Искусств (서울의 전당, Seoul Arts Center), я разговаривал по телефону-автомату, находившемуся у контрольного пункта перед дверью, ведущей в гримерные и другие рабочие помещения театра. Во время разговора возникла необходимость посмотреть в блокнот, а было темно. Увидев это, один из работников контрольного пункта, в форменной одежде, подошел ко мне и включил свет. Закончив разговор, я расположился в кресле для ожидающих, которое находилось прямо перед контрольным пунктом, и стал делать страноведческие заметки в своем зеленом блокноте. Через некоторое время я снова пошел звонить, а затем отправился

до оказания особых знаков внимания, и резкое угасание этого интереса с последующим неприятием человека в дальнейшем.

на сцену. В то время я помогал в организации первых в постперестроечное время гастролей Санкт-Петербургского государственного балета на льду в Сеуле.

Покончив с урегулированием текущих вопросов, я вдруг обнаружил, что в моей сумочке нет зеленого блокнота с путевыми заметками. Забыл? Где? У телефона?

В ужасе я побежал к контрольному пункту. Ведь в блокноте ценнейшая и уже невозстановимая информация!

Мой блокнот аккуратно лежал на полочке внутри затемненного контрольного пункта и служащие, без лишних слов, с улыбкой отдали его мне.

С другой стороны, происходили в Сеульском Центре искусств и случаи противоположного характера. Врач и артист балета Игорь N в воскресенье 23 августа оставил в своей незапертой гримерной 50 одноразовых шприцев. В понедельник спектаклей не было, а во вторник выяснилось, что все шприцы исчезли.

29 августа 1998 года

13. Работа и обед

31 августа в Сеульском Центре Искусств, в Оперном театре, там, где проходили спектакли Санкт-Петербургского государственного балета на льду, происходила разборка «передвижного льда», размещенного прямо на сцене театра. Работа состояла в том, что, не останавливая холодильные установки, лед раскалывали на куски и выносили в специальных бадах на улицу. Так делалось для того, чтобы лед не таял в помещении и, таким образом, не повредил сцену. Когда основная часть льда была убрана, полагалось выключить компрессоры, смотать резиновые трубки, по которым подавалась охлаждающая жидкость, и убрать оставшиеся на специальной подложке куски льда.

Как раз когда компрессор уже был выключен и нужно было срочно убирать тающие кусочки льда, пробило полдень. Корейский заведующий сценой, под руководством которого человек пятнадцать молодых людей собирали лед, подошел к руководству Балета и твердо, на несколько повышенных тонах заявил:

— Все! Обед! Мои рабочие должны поесть.

— А как же лед? Ведь он тает, может повредить сцену. Сначала нужно закончить работу, — возразила российская сторона.

— Они голодны. Они голодны и не могут работать. С места не сдвинутся.

И, обращаясь к рабочим, кореец продолжил:

— Все! Пошли обедать!

Удивленные русские остались на месте и продолжили убирать лед.

1 сентября 1998 года

14. Совесть

17 января 1999 года я ехал на поезде 2-го класса — «Мугунхва» («Цветок гибискуса») из Сеула в город Н. Был воскресный день, когда поезда переполнены пассажирами, возвращающимися в провинцию или в Сеул. Поэтому в поездах находились пассажиры, которые имели билеты без мест и теперь были вынуждены стоять в проходах между кресел.

Мне повезло. Знакомые купили мне билет заранее, и у меня было место.

Я сел в поезд на Сеульском вокзале. Обычно здесь садится менее половины пассажиров. Вторая половина подсаживается на следующей станции — Ёндынпхо, которая расположена на острове Ёйдо, где находятся правительственные учреждения и офисы крупнейших южнокорейских компаний.

Напротив моего кресла, в проходе, стояла девушка, очевидно — учащаяся среднего специального учебного заведения, с рюкзаком за спиной. Она не садилась в кресла, несмотря на то, что вагон был полупустой. «Значит, с билетом без места», — подумал я. Обычно пассажиры, имеющие билет без места, занимают свободные кресла и сидят там до тех пор, пока не приходит пассажир с билетом. Иногда удается просидеть более половины пути.

Даже после станции Ёндынпхо вагон все еще не был заполнен пассажирами, однако девушка продолжала стоять в проходе. Наконец она сначала решила положить свой рюкзак на полку для багажа, расположенную над креслами. При этом девушка так торопилась, что лямки рюкзака оказались висющими над креслами. В принципе, эти лямки никому не мешали, но она снова подобралась к полке и поправила рюкзак так, чтобы лямки не болтались. Затем села на кресло рядом со мной и стала читать какой-то медицинский учебник. На каждой остановке, вся сжавшись, словно пружина, внимательно вглядывалась в лица проходящих мимо пассажиров, пытаясь заранее вычислить хозяина места, чтобы тот и не догадался о том, что на его месте сидел кто-то другой. Ей удалось просидеть довольно долго. И как только по-

казался человек с билетом, внимательно рассматривавший таблички с номерами мест и направлявшийся явно к ней, она тут же вскочила и убежала вместе с рюкзаком в дальнюю часть вагона...

... Перед конечной станцией N поезд практически пуст. Из 62 мест в вагоне занято от силы мест 5–6. И вот на последнем перегоне перед конечной станцией один из пассажиров — мужчина лет 50 в черной кожаной куртке — стал поправлять салфетки с подголовников кресел, которые сползли или даже упали. «Во всем нужен порядок. Нужно убирать за собой».

И в то же время... те же корейцы нередко оставляют банки от напитков или упаковки от съеденных продуктов в багажных сеточках кресел поездов и междугородных автобусов.

21 января 1999 года

15. Добрый водитель автобуса

27 октября 2004 года к 18.20 меня привезли на Западный автовокзал Тэчжона. Думал, что поеду го города Кунсан, но оказалось, что с этого автовокзала автобусы в Кунсан не ходят, только в N, чему я обрадовался, так как N — самый «застывший во времени» город Кореи — был конечной целью моего путешествия. Билет мне обошелся в 12900 вон. В автобусе кроме меня было всего 4 пассажира: двое мужчин средних лет, направлявшихся до уездного города Сочхон, и две женщины в возрасте, следовавшие, как и я, до N. Мест было много, и водитель предложил взять мою внушительного размера сумку с собой, в автобус, поставить на переднее сиденье. Туда я и сел.

Когда автобус отправился, несмотря на то, что перед тем я разговаривал по-корейски, водитель *жестами* попросил пристегнуть ремень безопасности.

Тэчжон оказался не таким уж «провинциальным» городом. Для того, чтобы выехать за его пределы, потребовалось почти полчаса. Отъехав недалеко от города, водитель почему-то включил освещение в своей кабине. Оказалось, искал печенье. Взял сам и... предложил мне. Извинился, что нет ничего другого.

Через некоторое время он снова включил свет, достал конфету и предложил ее пассажиру, что сидел слева от меня. Тот отказался. Тогда водитель предложил конфету мне. Конфета была мятной, специально предназначенной для улучшения состояния горла. Я же все время кашлял. Протягивая конфету мне, водитель сказал: «Кашляете... Возьмите это. К сожалению, ничего другого у меня нет».

И почему корейские водители в провинции такие добрые?.. И сразу вспоминаешь гордых и надменных водителей родного города...

28 октября 2004 года

16. Закрытость?

На крыше универсама «Син сего» (Новый мир), построенного в начале 2007 года в районе Чукчон города Ёнин (провинция Кёнги), оборудован мини-сад под открытым небом: с живописными дорожками между деревьями, водоемами, скамеечками для отдыха, кафе...

Мне, как русскому человеку, взобравшись на высоту 50–70 метров, хочется посмотреть на окружающую высотную панораму. Однако, как я ни искал, никакого окошка во внешний мир (уже не говоря о смотровой площадке) я не обнаружил.

Быть может, это свидетельство обращенности корейской культуры в себя, во внутрь, пренебрежения к внешнему миру (свидетельства чего я не раз находил в различных проявлениях корейской жизни)? Или просто архитектурное «совпадение»?

5 августа 2007 года

17. Духи в метро

Ехал как-то в конце июня 2007 года в метро по линии Пундан. Рядом со мной сидела молодая девушка, прихорашивалась (ехала на свидание?). Вдруг достала из сумочки флакончик туалетной воды и побрызгала на себя.

Посмотрел на это и очень удивился. Помню, в начале 1990-х годов, когда я сам употреблял ароматические вещества (туалетную воду), то все это вызвало у корейцев весьма негативную реакцию, а запах туалетной воды, исходившей от меня, определялся не очень приятным словом *нэмсэ*, которое можно понимать и в значении «запах», и в значении «вонь».

В то время корейцы практически не пользовались духами или туалетной водой.

Очевидно, в начале XXI века ситуация несколько изменилась. Действительно, в больших супермаркетах (Е-Mart и т.п.) можно увидеть и отделы, продающие туалетную воду, и даже дезодоранты, в том числе и мужские. Разнообразие дезодорантов еще не так велико — 3–4 вида для мужчин и женщин. Но все же это показатель меняющейся культуры «употребления запахов».

5 августа 2007 года

ГЛАВА 2. ЦЕРЕМОНИИ, ЭТИКЕТ, ТРАДИЦИИ

1. Страсть к церемониям

Хабаровск, 1990 год. После того, как чартерный самолет южнокорейской авиакомпании «Кориан эа» (Korean Air) доставил из Сеула коллектив Ленинградской Филармонии и стал готовиться к принятию на борт артистов Ленинградского государственного балета на льду, к руководству Балета сразу подошли представители компании «Лотте шоппинг» (Lotte shopping), прибывшие тем же рейсом, представились, начали беседовать. Тут же крутились какие-то необычайно симпатичные корейские девушки. Как ни спрашивали корейцев о том, зачем они здесь и какое отношение имеют к балету, не балерины ли они, корейцы отвечали:

— Они не балерины.

— Может быть, они — сотрудники фирмы «Лотте»?

— Нет!

— Ну, так кто же они?

Но все время нам давали один и тот же ответ: «Встречать».

И что это значит? Через некоторое время мы прошли таможенный и пограничный контроль, собрались было выйти на летное поле, чтобы пройти к самолету, но тут корейцы вдруг засуетились и стали просить немного подождать. Кто-то из них принес огромный транспарант с корейской надписью: «Приветствуем Ленинградский государственный балет на льду», а по-русски было написано лишь неуклюжее «ленинградского балета на льду» с какой-то орфографической ошибкой. Наконец, разрешили идти к самолету. Руководство Балета — впереди, остальные — сзади. Забегали фотографы. А перед самолетом выстроилось все корейское руководство, да так, словно они нас видят первый раз в жизни. Тут же в рядок стояли одетые в национальное корейское платье *чогори* те самые симпатичные девушки, предназначение которых было так загадочно. Все стали здороваться и приветствовать друг друга. Работали фотографы. Вот попросили всех русских позировать для общей фотографии на фоне девушек. И лишь потом нам разрешено подняться в самолет...

И вот мы в сеульском аэропорту. Ситуация аналогична Хабаровску. После того, как получены вещи и можно идти садиться в автобусы, всех заставляют разделиться на три группы, красиво пройти перед камерами то в одну, то в другую сторону сквозь строй приветствующих девушек, одетых в национальные костюмы. Девушки вручают

всем по букетику цветов из 12 роз и еще каких-то беленьких мелких цветочков; внизу букеты обернуты в фольгу и перетянуты цветными ленточками посередине. Это — типичное для Южной Кореи оформление праздничных букетов. Все торжественное прохождение усиленно фотографируется. И лишь после того, как снова, наконец, сделана общая фотография, мы можем выйти из здания аэровокзала на автостоянку.

1990

2. Лепесток розы

В номере гостиницы «Лотте», в котором жил директор Балета на льду В. Л. Марковский, у окна стоял небольшой столик, выдержанный, как и весь номер, в стиле барокко. На столике всегда находилось белое блюдо, наполненное водой, в котором плавал лепесток розы. Тогда, в Корею, я просто не успел обратить внимание на эту деталь. Здесь же, в Ленинграде, никто из специалистов не смог мне сказать по этому поводу ничего вразумительного.

1990

3. Традиционная одежда

Южные корейцы по большей мере носят европейскую одежду. Бизнесмены — костюмы, студенты — джинсовку. Женщины среднего класса — европейского типа платья, кофты. Однако в местах развлечений, как, например, в местном «Диснейленде», который называется «Лотте уолд» (Lotte World — «Мир Лотте»), куда приезжает много людей из провинции, часто по выходным можно встретить целые группы, одетые в национальные костюмы. И это не только старики, но могут быть и люди средних лет.

1990

4. Обращение друг к другу

Любопытно, как корейцы называют друг друга (в особенности в сравнении с Северной Кореей). Традиционно вежливое обращение состоит в присоединении к фамилии того, с кем намереваются говорить, слова «фамилия» (господин) — *сси*. Можно обращаться к собеседнику, называя его по схеме: фамилия + занимаемая должность + частичка, указывающая на особо уважительное обращение к собесед-

нику: *ним*. Сверстника мужского пола можно окликнуть способом попроще: «Эй, друг!» — «*чхингу*»! Или можно обратиться к незнакомцу, используя старинное вежливое обращение «учитель» — *сонсэнъним*. К незамужней женщине можно обратиться, сказав вежливое *агасси*, то есть «девушка», и т. д. Не правда ли, довольно сложно?

А тут как-то поднимаюсь по лестнице подземного перехода, что у гостиницы «Лотте», и вдруг слышу, как один кореец обращается к другому: «Мисытха Ри, мисытха Ри!», то есть «Мистер Ли!» Вот так! И здесь английский язык одержал победу над традиционными запутанными условностями. Он уже проник во многие сферы языка и местами вытеснил исконно корейскую лексику. После этого случая мне не раз доводилось слышать, как корейцы называют друг друга словами «мистер», «мисс» или «миссис».

1990

5. Церемония жертвоприношений духам *коса*³

24 апреля во время вечернего представления Балета корейцы вдруг позвали директора Ленинградского государственного балета на льду В. Л. Марковского и меня, как переводчика, в рабочий офис фирмы «Лотте» (организовавшей гастроль Балета). Под офис было отведено одно из помещений первого этажа ледового дворца «Моктон». В комнате ждал ответственный от фирмы за проведение гастролей — начальник Отдела развития торговли г-н Но Бёнён. Нас с В. Л. Марковским нередко вызывали в эту «штаб-квартиру», так как постоянно возникали вопросы, касавшиеся гастролей.

На этот раз г-н Но поговорил сначала о каких-то «мелочах», а потом вдруг произнес: «Вы знаете, вам это может показаться странным, но у нас в Корее есть такая традиция. Чтобы на новом месте в новом деле все получалось удачно, мы приносим жертвы духам. Это называется “*коса*”. Дворец спорта построен в 1989 году и гастроли Вашего Балета — первое большое мероприятие. У вас в СССР ведь нет таких церемоний? Когда мы их проводим, то устанавливаем в месте проведения церемоний вареную голову свиньи. Заранее готовим угощения. Во время церемонии кладем в пасть свинье деньги, а потом сами съедаем все угощения, которые приготовлены для жертвенного стола. К сожалению, мы не смогли приготовить угощений столько, чтобы хватило всем артистам. Поэтому просим Вас отобрать для участия человек 20, на Ваше усмотрение. Еще раз прошу правильно понять нашу тради-

³ *Коса* (告祀) — церемония кормления («жертвоприношения») духам места.

цию. А то выступления Балета уже начались, а мы эту церемонию так и не провели. А вот там — голова свиньи», — добавил г-н Но, указывая на большой узел, завернутый в красную материю.

Примерно в 21.40 спектакль Балета на льду закончился. Те, кого отобрал директор, собрались в холле у гримерных. Через некоторое время подошел представитель фирмы и сказал, что все готово и можно идти.

Все вошли в зрительный зал. На время гастролей прямо на бетонном основании ледового катка соорудили центральную трибуну, а перед ней отвели небольшое пространство, на которое положили доски, обитые ковровым покрытием. На этой площадке посередине стояли три жертвенных стола, сдвинутые вместе. На центральном столе была расположена вареная голова свиньи с открытой пастью. По обе стороны от нее — по одной зажженной толстой восковой свече. Чуть слева от головы — около 20 поставленных вместе зажженных курительных свечей. На левом и правом столах были расставлены блюда с кушаньями. Тут же — пластиковая бутылка с рисовой водкой. Справа от этих трех столов находился еще ряд столов с выставленными на них банками пива, такими же пластиковыми бутылками с рисовой водкой, тарелками с закуской: орешками, полосками сушеной рыбы, вялеными кальмарами, печеньем, конфетами и т. п. Отдельно был приготовлен корейский суп-«солянка» с соевыми побегами, рыбой, мясом. И помимо всего прочего — тарелки с кусочками пресной вареной свинины.

Итак, советские артисты вошли в зал и расселись на временной трибуне. Справа от жертвенных столов находилась группа корейцев. Г-н Но отделился от них, вышел вперед и стал объяснять артистам смысл церемонии *коса*. Затем он произнес: «Начинаем!» Так как среди корейцев он был самым главным по должности, то он первым совершил положенные действия.

Церемония проходила так. Г-н Но вышел вперед и расположился у края ледового поля, перед «церемониальным пространством». Затем кто-то из группы корейцев, которые находились в правой части «церемониального пространства», подал г-ну Но небольшой белый конверт с банкнотами. После чего г-н Но подошел к краю полиэтиленового «ковра», разостланного напротив жертвенных столов, снял обувь и, держа обеими руками конверт, приблизился к свинье и вложил его в открытую пасть. После он отступил на несколько шагов назад, встал на колени, руками уперся перед собой и, касаясь лбом «земли», совершил 2–3 поклона. Затем поднялся на ноги. В это время стоявший справа от столов кореец налил в бумажный стакан рисовой водки. Г-н Но подошел к «распорядителю церемонии» и двумя руками взял

стакан, после чего направился к жертвенным столам и пронес стакан над свечами и блюдами с угощением, как бы описывая замкнутый круг над каждым из предметов. Далее, так же держа стакан в руках (на этой стадии церемонии стакан можно держать только в одной руке), г-н Но удалился с «ковра», надел ботинки и вышел на лед, куда вылил оставшуюся церемониальную водку. Затем г-н Но вернулся на свое место и пригласил совершить такую же церемонию директора дворца спорта «Моктон» г-на Сон Сечжона, вслед за ним — директора Балета на льду В. Л. Марковского и далее нижестоящий руководящий состав фирмы «Лотте». Всего участие в жертвоприношении приняло человек 5. Окончание каждого такого «выхода» артисты Балета, а заодно с ними и корейцы приветствовали аплодисментами.

Затем г-н Но объявил: «Теперь все остальные могут подойти к голове свиньи и вложить ей во все имеющиеся отверстия — уши, ноздри, пасть — мелкие металлические монеты». Артисты и остальные присутствующие подошли к голове свиньи и выполнили указание г-на Но. Когда жертвоприношение было завершено, г-н Но пригласил: «А сейчас пройдемте к столам и давайте съедим все, что на них выставлено, так чтобы гастрологи и все связанное с ними прошло успешно». Участники церемонии направились к дальним столам справа, куда через некоторое время корейцы принесли блюда с угощениями, находившимися на жертвенных столах. Официальная часть церемонии завершилась.

1990

6. Жизненность традиционного лунного календаря

В Южной Корее до сих пор, даже в карточках-удостоверениях личности, которые каждый кореец обязан всегда носить с собой — *кумин тыннокчын*, дни рождения записаны по лунному календарю и часто может быть так, что человек не знает своего дня рождения по европейскому календарю.

1993

7. Почему для корейца важно знать свой род

У корейцев очень мало фамилий и в то же время очень много имен. При этом фамилии, несмотря на их малочисленность, также различаются в зависимости от того, откуда «основатель» ее ведет свое происхождение. Так, в «пределах» одной из распространеннейших корейских фамилий — Ли, есть порядка 22 «родов» Ли, каждый из которых

имеет свое «место происхождения». Например, Ли из города Кёнчжу (경주 이씨) и так далее.

13 июня 1995 года я был приглашен домой в гости к профессору университета Тангук доктору Хван Пхэгану (단국대학교 국문학과 黃湏江 교수). В большом двухэтажном особняке европейского стиля, расположенном в относительно престижном южном районе Сеула, профессор принял меня довольно радушно. Будучи сам выходцем из Северной Кореи, перешедшим на Юг в годы Корейской войны, он знал немного русский язык и довольно тепло относился к русским.

К своему удивлению я обнаружил у него на рабочем столе раскрытую генеалогическую книгу *чокпо* (족보, 族譜). Профессор вносил туда данные о своем внуке. Я спросил его о том, почему для корейца так важно знать в точности свой род, вести все эти генеалогические записи. На мой вопрос профессор ответил так:

— Да, это очень важно, в том числе и из практических соображений. Вот, к примеру, поехал ты куда-нибудь в незнакомую деревню, и там нужно будет переночевать. А гостиниц нет. И тогда придется обратиться в частный дом с просьбой о ночлеге. При этом хозяин, прежде всего, заведет разговор о вашем роде. И если род окажется «высоким», то вас примут с большим почетом. Денег за ночлег, конечно, не возьмут. Однако перед уходом гость с хозяином идут в Храм предков — место, где хранятся особые таблички с именами предков, перед которыми проводятся церемонии кормления духов предков — совершают поклоны перед алтарем и гость оставляет «деньги на церемонии»⁴. Обычно столько, сколько в действительности стоит ночлег. И хозяин никогда не будет считать деньги, ведь они не его, а «его предка».

Конечно, это лишь один маленький, но интересный и малоизвестный пример. При заключении браков, иногда при приеме на работу, а также в ряде других случаев корейцы всегда интересуются родом партнера.

14 июня 1995 года

8. Душ и несменяемое постельное белье

Моя догадка 1993 года о том, что в дешевых корейских гостиницах *ёгван* (여관) белье меняется очень редко и на нем спят десятки, а может, и сотни людей, оказалась правильной.

⁴ Подробнее см.: Курбанов С. О. Конфуцианский классический «Канон сыновней почтительности» в корейской трактовке. Корейское восприятие универсальной категории «почтительности к родителям». СПб., 2007.

Так, хозяйка моего пансиона, выдав мне необычайно грязную подушку и одеяла, дала строгое предписание принимать душ каждый день, так, чтобы постель была чистой.

Ту же корейскую этнографическую особенность подтверждает мой многочисленный опыт ночевки в домах корейцев.

Однако здесь следует сделать небольшой комментарий. Корейское «постельное белье» отличается от того, что под этим словом принято понимать в России. Во-первых, оно цветное. Во-вторых, не имеет ничего соотносимого с понятием «простыня» или «пододеяльник». То, на чем спят — это просто тонкое *одеяло*, простеганное, внешняя часть которого выполнена из шелка или похожей по качеству синтетической ткани, или из дорогой ткани *рами* (모시). Таким же одеялом и накрываются. Соответственно, приходится стирать *все* одеяло, что не способствует большой частоте стирок. С другой стороны, душ корейцы принимают гораздо чаще, чем наши соотечественники (по крайней мере, в городах).

19 июня 1995 года

9. О том, когда едят сырую рыбу *хве*

В Корее есть очень специфичное национальное блюдо — особо обработанная сырая рыба. Оно называется *хве* и во многом похоже на японское рыбное блюдо сасими. В эту поездку в Корею я узнал, что рыбу *хве* принято есть зимой, а летом лучше воздерживаться от ее употребления. Причины такого отношения к сырой рыбе вполне очевидны: летом она быстрее портится и может послужить причиной инфекционных болезней. Именно так мне объяснили причину летнего воздержания от *хве* сами корейцы.

Однако не менее интересные и совсем необъяснимые вещи я узнал о тунце (참치): оказывается, его не принято есть в дождь.

19 июня 1995 года (Со слов Хан Чхунсока)

10. Корейские и русские народные детские игры

С удивлением обнаружил в Корее по крайней мере четыре игры, практически абсолютно идентичные тем, в которые играют (или играли раньше, в 1960–1970-е годы) российские дети.

1. Игра, которая по-русски называется «гальки». В нее очень часто играли у нас в стране в 1940–1960-е годы. В Северной Корее она тоже называется «гальки» — *чагаль* (자갈) и популярна до сих пор. Игру эту я подробно описал в северокорейской части своих дневников.

В Южной Корее игра именуется «камешки» — *конгиттоль* (공기돌). Более всего в нее играли в 1960-е — начале 1970-х годов. Сейчас, наверное, мало кто из молодежи знает о ней.

2. Игра, которая в 1970-е годы в СССР называлась «игра в слона». Суть ее состояла в том, что участники игры запрыгивали на спину своих товарищей, первый из которых стоял, согнувшись в форме буквы «г» и опираясь на стену. Запрыгивание продолжается до тех пор, пока эта «конструкция» из людей не разваливается под своей собственной тяжестью или пока «слон» не ударит удачно одного из запрыгивающих, после чего последний становится «слоном». В Южной Корее аналогичная детская игра называется «лошадь» или «запрыгивание на лошадь» — *маль нори, маль тхаги* (말놀이, 말타기). Об этой игре я узнал из фильма «Ливень», поставленного по одноименному рассказу классика современной корейской литературы Хван Сунвона. Говорят, что и сейчас в деревенских школах дети играют в эту игру, причем не только мальчики (изначально игра эта — мальчишеская), но и девочки.

Обе из упомянутых игр описаны в южнокорейской книге «Календарные обряды и народные игры» (세시풍속과 민속놀이)⁵.

3. Игра в «резиночки». Популярна в России среди девочек до сих пор. Для игры используется чаще всего бельевая резинка, которая натягивается в виде вытянутого прямоугольника, охватывая ноги двух играющих. Далее, не снимая резинку с ног, играющие делают из нее различные «конфигурации» и «узоры». Играть можно и одному, используя в качестве «партнера», скажем, ножки стула. В Южной Корее тоже есть аналогичная игра с подобным названием: «резиновая веревка» (고무줄).

4. пляжный волейбол — «картошка», когда играющие встают в круг, один из участников игры садится посередине. Подавая мяч друг другу, играющие стараются также ударить мячом по сидящему в середине. Всякий, не взявший очередную подачу, садится в центр круга. Если кому-то из сидящих удастся поймать посланный в него мяч, все «картошки» снова возвращаются в круг, а сделавший неудачный удар садится в центре и игра начинается с начала. В Южной Корее абсолютно идентичная игра называется «убийственный волейбол» — *сарин пэгу* (살인 배구). Впервые я с ней познакомился во время моего отдыха на берегу Восточного моря 12–15 августа 1995 года.

19 августа 1995 года, 22 июля 1997 года

⁵ 이강로. 세시풍속과 민속놀이 (Ли Канно. Календарные обряды и народные игры). 교양 국사 총서, 38. 서울, 세종대왕기념사업회, 1988, p. 184, 194.

11. Христианство и разрушение традиций⁶

Хозяйка моего сеульского дома в районе Ынпхён, где я поселился 24 августа 1995 года, госпожа Чон, была христианкой и дважды в неделю, то есть по вечерам в среду и утром по воскресеньям, вместе со своей младшей дочерью ходила в протестантскую церковь. Остальные члены семьи — старшая дочь, сын и муж, хотя и не были такими же активными как мать с дочерью прихожанами, также были христианами по вероисповеданию.

Скоро должен был наступить праздник осеннего поминовения предков *чхусок*, который в 1995 году приходился на 9 сентября⁷. Я спросил у своих хозяев, как они отмечают этот праздник, не собираются ли поехать в провинцию на могилы предков? Они ответили мне, что в *чхусок* на могилы предков не ездят, церемоний кормления духов предков не совершают и вообще ни в каких «таких» духов не верят.

И правда, даже внешне уклад жизни членов семьи, где мне предстояло провести вторую половину моей корейской стажировки 1995 года, был практически европейским, если не принимать во внимание их корейскую пищу и культуру умывания — несмотря на то, что в доме была прекрасная ванная и душ, все умывались сидя на полу, поливая на себя воду из тазиков. Благо, в полах ванн комнат во всех корейских домах имеется канализационное отверстие, так что воду можно лить на пол столько, сколько душе угодно. Отношения между членами семьи, между старшими и младшими, были достаточно свободными и равноправными.

Старшая дочь хозяйки — Чан Сольвон, высокого роста девушка лет двадцати семи с чрезмерно выпуклыми для кореянки глазами, всегда модно одевающаяся — работает по ночам на Рынке у Южных ворот Намдэун⁸, а по воскресеньям — косметологом в салоне красоты. Я ее редко вижу.

⁶ Здесь и далее, везде, где информантом является хозяйка моего дома в районе Ынпхён квартала Синса, речь идет только о христианстве протестантского толка. Тем не менее в заголовках употребляется слово «христианство», а не «протестантизм», поскольку сам информант говорил как бы о «христианстве в целом».

⁷ Все традиционные праздники в Корее отмечаются по лунному календарю, который не совпадает с солнечным. Для каждого года одна и та же дата лунного календаря, переведенная в солнечный, оказывается различной. Так, *чхусок* отмечается всегда в 15-й день 8-го лунного месяца. В 1995 году он приходился на 9 сентября, в 1996 — 27 сентября, 1997 — 16 сентября и так далее.

⁸ В Сеуле на территории двух крупнейших вещевых рынков — Намдэун (У Больших Южных ворот, 남대문시장) и Тондэун (У Больших Восточных ворот; 동대문시장) — есть особые торговые ряды, работающие с 12 часов ночи до 8–9 ча-

Средняя дочь — Чан Хевон, ей чуть больше двадцати, дает частные уроки фортепиано и одновременно обучается игре на флейте.

Младшая дочь — Чан Ынхи, семнадцати лет, ходит в частное учебное заведение, называемое родовым словом *хагвон* (학원), то есть «школа», но не средняя. Это что-то вроде вечерних частных курсов. В таких «школах» *хагвон* будущих абитуриентов готовят к поступлению в университеты. Большинство обучающихся там — это те, кто уже пытался поступить в вуз самостоятельно, но провалился на экзаменах. Как раз такая печальная судьба и постигла в нынешнем году Ынхи. Помимо того, что младшая дочь учится в *хагвоне*, вечера она проводит в так называемых «читальных залах», или *токсосиль* (독서실). Южнокорейское понятие «читального зала» не всегда соответствует российскому. Иногда этим словом действительно называют зал библиотеки, где читатели могут ознакомиться с книгами. Однако нередко тем же словом называют особое, «самостоятельное» помещение, могущее находиться где угодно. Работает такой особый «читальный зал» где-то до часу ночи. Его посетители — все те же будущие абитуриенты или школьники, готовящиеся к экзаменам. По не до конца еще понятым мною причинам корейские школьники и абитуриенты не готовятся к экзаменам дома, как это принято у нас, в России. Для нормального заучивания им требуется собраться вместе, в одном помещении, сидеть там и коллективно зубрить. *Токсосиль* — это, очевидно, еще одно необычное проявление корейской культуры коллективизма. Однако для Чан Ынхи посещение *токсосиль* иногда служило поводом просто прийти домой попозже, проведя вечер где-нибудь с молодым человеком. Главное — успеть к закрытию «читального зала», имеющего автобус, который бесплатно развозит в такое позднее время своих юных читателей по домам. Как мне показалось, частная жизнь Ынхи остается во многом скрытой для родителей.

Младший и единственный сын — Чан Ынсон — учится в средней школе, помешан на компьютерах, современной корейской поп-музыке. По вечерам долго не ложится спать, засиживаясь иногда до

сов утра. Эти рынки предназначены в основном для оптовых закупщиков, хотя иногда товар могут продать и в розницу. Днем ночные торговые ряды, как правило, закрыты. В последнее время ночные рынки стали модернизироваться: интерьеры торговых павильонов (или малюсеньких лавочек в зданиях рынков) все более соответствуют требованиям современного дизайна. Торгуют в них уже не старушки или женщины и мужчины средних лет, как это бывало раньше, а симпатичные молодые девушки, часто исполняющие одновременно и роль манекенщиц: иногда молодые продавщицы могут надеть на себя что-либо из продаваемого товара.

часу — двух ночи. По утрам ему трудно проснуться и вообще, как всякий нормальный европейский молодой человек, по утрам он любит поспать. В принципе, он добр и умен и родители много ожидают от своего единственного наследника.

Мать совершенно не переносит европейской живописи, в чем с нею солидарна средняя дочь, которая в то же время сама занимается западной музыкой.

Таким образом, когда видишь свободные, раскованные отношения между родителями и детьми в этой семье, в голову невольно закрадывается мысль о том, что в корейском обществе, хочется того или нет, по крайней мере в некоторых его слоях, идет процесс угасания традиционной культуры — то, чего мне так долго не хотелось признавать. И я это склонен связывать с христианством, его идеей равенства всех перед Богом.

3 сентября 1995 года

12. Поведение женщины в отдаленных деревнях в начале — середине 1980-х годов

Как то на занятиях по корейскому языку в Университете Ёнсе преподавательница Чон Хёнок разговорилась о своих впечатлениях по поводу того, каково ей было лет десять тому назад, когда время от времени приходилось навещать родственников мужа в корейской глубинке. Вот краткое резюме ее монолога:

— Женщине нельзя было входить в дом через основной вход, то есть через крыльцо *мару* (마루), а позволялось заходить только через кухню. (Комнаты корейского традиционного дома, как правило, расположены в один ряд, при этом каждая имеет свой отдельный вход с улицы и в то же время связана с соседними. Есть отдельный вход и у кухни, также соединенной с остальными частями дома.)

— Мужчины и женщины, даже если это муж и жена, спят отдельно.

— Едят женщины также отдельно от мужчин, при этом мужчинам отдается самое лучшее.

— Если молодая женщина стирает на берегу реки или пруда (как правило, сидя на корточках) и мимо проходят жители деревни, старшие по возрасту, то она всегда обязана подняться и приветствовать проходящих поклоном.

— Чон Хёнок, будучи жительницей Сеула, совершенно не могла сидеть по-корейски, то есть на полу, скрестив ноги. Поэтому специально для родителей мужа она привезла в деревню пять складных стульев.

— Если в чьем-либо доме праздновали день рождения⁹, то обязательно нужно было по мегафону созвать к себе домой всех жителей деревни на утренний завтрак.

4 сентября 1995 года

**13. Из бесед со скульптором О Дэсопом и его супругой,
балетмейстером Ким Мённан
21 сентября 1995 г. в городе Кунсан
(Частное мнение корейцев)**

А. Особая корейская керамика

Вечером 21 сентября в кафе «Marronnier, Coffee & Restaurant» я сидел вместе со своими знакомыми — скульптором О Дэсопом и его женой, балетмейстером Ким Мённан. Они подарили мне две чашечки из сероватой глины с причудливо изогнутыми ручками. Эти чашечки специально для меня изготовил знакомый гончар О Дэсопа. В сероватой глине виднелись маленькие черные вкрапления размером с маковые зернышки. О Дэсоп, указывая на них, сказал, что эти камушки именуются по-корейски *метпансок* (멧방석). Их смешивают с глиной потому, что камушки способствуют дезинфекции воды. Чашечки хорошо выдерживают высокую температуру, но в них нельзя кипятить воду или использовать их в микроволновых печах.

Позже я пытался найти в словаре перевод слова *метпансок*, но, естественно, ничего не нашел. И не знаю, правда ли то, что говорил мне о каменистых вкраплениях в керамику скульптор О Дэсоп, или это очередная корейская современная легенда.

Б. Знаменитая «сидячая водка»

Из воды озера Хансан, что находится к северу от реки Кымган в провинции Южная Чхунчхон, делают особую, очень известную в округе водку, которая получила прозвище «сидячая водка», или *анчжынбэни суль* (앉은뱅이 술). Зерно для этой водки также берут из окрестностей озера. Свое прозвище водка получила из-за оказываемого ею эффекта. Пьется она очень легко, и пока сидишь, совсем не ощущаешь того, что запьянел. Но стоит только попробовать подняться, как тут же пони-

⁹ В Корее, в отличие от Европы, не принято отмечать дни рождения, за исключением первого дня рождения (1 год), а также шестидесятилетнего юбилея. Поэтому на самом деле жителей деревни приходится созывать не так часто, как может показаться.

маешь, насколько она была крепка. И сразу хочется сесть снова, чтобы не кружилась голова.

В. О корейском образовании

До сих пор образование в Южной Корее сводится к толкованию и заучиванию «канонических», то есть считающихся истинными и не подлежащих переоценке утверждений. В обучении не воспитывается индивидуальность и не развивается творчество. По крайней мере, на уровне средней школы, до поступления в университет.

Но даже если высшая школа и пытается привить студентам навыки творчества, сделать их более индивидуальными — все равно эффект невелик из-за всего предшествовавшего опыта среднего образования.

Г. Впечатления корейца,

когда он ест острую, горячую, кипящую похлебку: «свежо, прохладно!» (시원하다).

Записано 27 сентября 1995 года

14. Этикет посещения туалетов

Когда корейцы хотят зайти в кабинку туалета и дверь при этом закрыта, то они *всегда* очень громко стучат в дверь, прежде чем попросить повернуть ручку, чтобы проверить, закрыто ли.

Записано 12 ноября 1995 года

15. Корейское спальное место зимой

Хорошо, когда в холодное время года в жилом помещении тепло, особенно в спальне. Однако корейцы могут обойтись без достаточного отопления всего жилого дома. Главное для них, чтобы спальное место было теплым. Если спят на полу, то подогревается пол, если на кровати, то кровать, с помощью специального электрического матраца.

Так, хозяева моего второго в период пребывания в Корее в 1995 году жилища, где я жил с 24 августа, купили к зиме эти самые электрические матрацы. Огромный двухэтажный дом, который они снимали у директора фирмы рейсовых автобусов, им было трудно протопить. Не хватало средств на керосин для индивидуального водонагревателя. Поэтому хозяева спали исключительно на электрических матрацах, расстелив их предварительно на полу. Кроватями не пользовались, хотя в доме их было предостаточно.

Я же спал на кровати на холодной веранде, в брюках и куртке, укрывшись всеми имевшимися в моем распоряжении одеялами, и по утрам долго не мог согреться.

Записано 22 ноября 1995 года

16. Сотрудник Института востоковедения Университета Тангук Ким Ёнсу и его рассказ о почтительности к родителям хё¹⁰

8 июля 1996 года благодаря заботам профессора Хван Пхэгана я посетил сеульский кампус университета Тангук и Институт востоковедения при нем. Получил в подарок огромное количество книг, которые оказались довольно тяжелы. По завершению моего визита профессор Хван поручил своему «ученику», сотруднику института, г. Ким Ёнсу, отвезти меня на машине до дома, то есть до города Пучхон, района Соннэ, где я жил в то время. Дело в том, что квартира Ким Ёнсу находилась неподалеку и подобная услуга не была слишком обременительна (как мне казалось).

Итак, отдав меня под покровительство Ким Ёнсу, профессор Хван распрощался со мной, а г. Ким повел сначала в свой кабинет, где он долго разговаривал со своим коллегой г. Ю Ёнсу, а я очень скучал в ожидании. (В Южной Корее все преподаватели университетов имеют свой персональный кабинет для работы.)

Кабинет Ким Ёнсу находился на 8-м этаже здания Института и представлял из себя большую комнату, обставленную по всему периметру полками с книгами. Посередине комнаты стояла ширма, делящая комнату пополам. За ширмой у окна виднелась лежанка. Перед ширмой, на столе — компьютер, заботливо накрытый накидкой с «рюшечками», чтобы не пылился. У самого входа в кабинет стояли несколько кресел, два из них — из бамбука, между ними — чайный столик.

Наконец два друга закончили свой разговор и г. Ким вывел меня из кабинета. Лифт работал довольно странно. Для того, чтобы попасть на 8-й этаж, нужно было ехать до 9-го, а затем спускаться этажом ниже. То же самое и со спуском: нужно было подняться либо на 9-й этаж, либо спуститься на 7-й. Ким Ёнсу, естественно, выбрал спуск. При

¹⁰ Подробнее см. монографию: Курбанов С. О. Конфуцианский классический «Канон сыновней почтительности» в корейской трактовке. Корейское восприятие универсальной категории «почтительности к родителям». СПб., 2007.

этом на 8-м этаже все же была дверь лифта. Я из любопытства нажал кнопку перед нею, но это не оказало никакого воздействия на поведение лифта.

Итак, Ким Ёнсу вывел меня из здания Института к своей машине — «КИА — Капитал» выпуска конца 1980-х, серого, почти черного цвета.

Как только мы сели в машину, г. Ким Ёнсу перестал обращаться ко мне в вежливом стиле речи и стал говорить довольно фамильярно. И это при том, что он был не намного старше меня. Я с трудом дотерпел до конца нашей поездки, чтобы не сорваться на какое-нибудь резкое выражение.

И мое терпение было вознаграждено. В его словах прозвучало одно очень интересное и важное для меня замечание о категории сыновней почтительности хё в Корее. Он сказал, что из-за этой почтительности к родителям в случае возникновения войны, среди корейцев всегда возникали споры, идти на войну или нет. Если пойдешь на войну, то будешь защищать отечество. Но тогда покинешь родителей. И если ты вдруг погибнешь, то кто будет заботиться о них в старости? Или вдруг в твое отсутствие враг нападет на родителей? Значит, можно не идти на войну, а оставаться дома, чтобы защитить родителей, заботиться о них и еще не дать погибнуть себе, чтобы тем самым обеспечить родителям спокойную старость. И приходили на корейскую землю захватчики...

Записано 13–14 июля 1996 года.

17. Понсонхва — цветок бальзамина, или Как корейские женщины в старину красили ногти

И в старой Корее женщины красили ногти в красный цвет и прекрасно обходились при этом без достижений современной химии. Краску готовили из листьев бальзамина *понсонхва* (봉선화), иногда в сочетании с лепестками цветов.

Сорванные листья сначала немного выдерживались в помещении. Потом листья клали в небольшую ступку, где их толкли до образования однородной кашицы, одновременно добавляя немолотую соль (дословно по-корейски — «толстую соль»). Перед сном истолченные листья и сок наносились на ногти и пальцы оборачивались небольшими кусочками материи. Наутро ногти становились красными, несмотря на то, что сама смесь была зеленого цвета.

Этот старинный способ окраски ногтей используется в Корее и поныне. Отличие состоит только в том, что вместо кусочков материи ногти оборачиваются полиэтиленовой пленкой.

20 июля 1996 года

18. Порядок принятия корейской пищи **Частные предположения** **на основании личных наблюдений**

Корейская еда — это как бы «единая прямая линия» вкуса базового «нейтрального риса» с фоном из традиционной квашеной капусты *кимчи*, которая «отклоняется то влево, то вправо», благодаря попеременному принятию так называемых «закусок» *панчхан* — разного рода овощных и мясных блюд. «Закуска» может быть много по типам, но, как правило, не по количеству. Таким образом, в идеале прием пищи для корейца — это наслаждение разного рода вкусами на базе риса («вкус 0») и *кимчи* («вкус 100»). Поэтому для корейца степень вкуса пищи является крайне важной для достижения удовлетворенности от еды.

Примечание: Для русского (европейца) прием пищи — это последовательная смена блюд, каждое из которых представляет *самостоятельную* ценность. Единой «линии» приема пищи нет.

Записано 21 июля 1996 года

19. Церемониальный головной убор *само*

Ничего особо нового о головном уборе *само* я сообщить не могу, ибо об этом уже писалось в книгах отечественных этнографов. И, тем не менее, одно дело читать, а другое дело видеть.

Когда 23 ноября я был в ателье, где изготавливается традиционная корейская одежда, (хозяин некто «мистер Ли», и расположено его ателье недалеко от станции метро «Чонно 3 га»), я обратил особое внимание на головной убор цилиндрической формы, белый, с синей окантовкой по краям и двумя «ушами», расходившимися от самого низа шляпы в разные стороны. Я сразу вспомнил традиционные чиновничьи головные уборы с подобными же «ушами» и спросил у хозяйина ателье о назначении этих «ушей», а также еще об одной странной белой шляпе на его рабочем столе.

Хозяин, Ли Хочжун, сказал мне, что вообще о таком в книгах не пишут, но он об этом знает все. Белая шляпа — это ритуальная шляпа *само*, которую одевает жених во время свадебной церемонии для того, чтобы

совершить поклон родителям. При этом вступающий в брак повторно должен загнуть правое «ухо» к шляпе так, чтобы его не было видно. Вступающий в брак в третий раз должен загнуть оба «уха». Наверное, в загнутых «ушах» был некоторый элемент позора, который должен был по-своему способствовать единственному в жизни вступлению в брак.

Вообще же «ушастые» шляпы для церемонии бракосочетания были придуманы, по мнению хозяина ателье, вот в связи с чем. Дело в том, что «шляпа с ушами», правда, черного цвета, надевалась в старину чиновниками, находившимися на государственной службе. При этом у чинов выше 5-го ранга «уши» были загнуты вверх, а ниже 5-го ранга, соответственно, книзу. Мало кому удавалось достичь высоких постов за свою жизнь, в особенности выходцам из простонародья. Поэтому каждому корейцу, хотя бы раз в жизни, хотя бы на церемонии бракосочетания, давалось право надеть такую шляпу с «ушами» и почувствовать себя «истинным аристократом».

Записано 25 ноября 1996 года

20. Кое-что о старой традиции приветствий в наши дни

Раньше, вплоть до последнего десятилетия XIX столетия, в Корее существовала традиция или, даже, скорее обязательное правило приветствия проходящего мимо по улице высокопоставленного чиновника. Находящийся на улице должен был бросить все свои дела, подняться и совершить поклон.

Это было раньше. А вот вам Корея — сегодня. Одна из центральных улиц города Кунсан, улиц, где находятся престижные дорогие магазины. Иду я по улице вместе с председателем Ассоциации Традиционного Танца, женщиной 47 лет. Вдруг наш путь пересекает дорогая представительская машина «Грэнчжэ» (Grandeur, Хёндэ) с затемненными стеклами, а наша спутница отвешивает почтительный поклон в пояс тому, кто в машине сидит. Начальник!

Записано 25 ноября 1996 года

21. Речевой этикет корейцев за столом

Находясь в конце ноября 1996 года в городе N в доме моей корейской знакомой, на первом этаже которого был ресторан, принадлежавший ее матери, питался я, естественно, не в жилых помещениях второго этажа, где также была своя кухня, а в этом ресторане.

Кроме матери среди работающих были две женщины, лет под шестьдесят каждая. У одной из них были осветлены волосы почти до «состояния блондинки». Другая курила недорогие сигареты марки «Сосна» («Соль»). Обе женщины были весьма веселы и трудолюбивы. Естественно, не с городским «аристократическим», но с деревенским открытым добрым простонародным характером.

После того, как я несколько раз покушал там, знакомая сделала мне замечание, мол, почему я не приглашаю их поесть вместе со мной, когда мне подают еду?

Для меня это было дико. Ведь гость — это я. Я в доме вообще ничего не знаю. К тому же женщины *работают* тут на кухне, то есть являются больше хозяевами, чем я. И как же мне, гостю, который ничего не знает, предлагать пищу, которой я не распоряжаюсь, тем, кто ее готовит?

Однако по корейским понятиям, я, будучи, наверное, человеком близким к хозяйке дома, должен приглашать к столу нижестоящих, пусть даже они и являются формальными распорядителями стола.

Моя знакомая также увязала все эти условности с той категорией понятий, в системе координат которых находятся такие утренние, дневные и вечерние приветствия, заменяющие обычное «здравствуйте», как например: «Ты позавтракал? Ты пообедал? Ты поужинал?».

Записано 26 ноября 1996 года

22. Неприятие джинсов в провинции (к провинциальному этикету)

Находясь в провинциальном городе N, я столкнулся с удивительной вещью, совершенно незаметной в Сеуле. Это — пренебрежительное отношение к джинсам как к одежде, самой что ни на есть плебейской и непотребной.

В эту свою поездку в Корею я не брал с собой много одежды спортивного стиля, зная, что мне придется иметь много официальных встреч. Но взял дорогие джинсы «Ливайс Силвер Тэб» (Levi's Silver Tab), которые в самой Корее стоят порядка сотни долларов. Но даже и они не устроили моих корейских знакомых. Мне купили брюки в клеточку, из тех, что в России никто не наденет (а если и найдется такой смельчак, то вряд ли будет понят) и сказали, чтобы я одевался «прилично» и ходил если не в костюме, то в пресловутых брюках в клеточку и желательно вообще никогда не надевал джинсы.

Увы, о вкусах и представлениях, о приличии в той или иной культуре не спорят. Мне пришлось подчиниться.

Записано 26 ноября 1996 года

23. Посещение дома шаманки 8 декабря 1996 года

По моей просьбе одна знакомая корейка решила в воскресенье утром привести меня к шаманке, к которой сама в свое время даже обращалась несколько раз. Заранее предупредила меня, что дом у шаманки маленький, бедный, и чтобы я ничего такого особенного не ожидал.

Итак, около 8.50 утра, сев в машину (вел я), мы приехали в юго-западную часть города N, за железнодорожный переезд. Остановились недалеко от рынка, у Т-образного перекрестка. Народу на улице было много, несмотря на ранний час, потому что это был так называемый базарный день. Выйдя из машины, отправились в небольшой переулок с бетонированной дорогой. От нее отходила узкая грунтовая дорожка, ведущая в очень бедный квартал низеньких одноэтажных домов. Подошли к строению ангарного типа: на дугообразные конструкции было натянуто нечто, похожее на плотную водонепроницаемую ткань серебристого цвета. В «ангар» вела дверь, деревянная, в верхней части закрытая матовым стеклом. Постучались. На стук вышла женщина в домашней, до пят юбке, кофте на пуговицах с V-образным воротником, коротко стриженная, волосы завиты, в очках. Иными словами, хозяйка «ангара» имела вполне цивилизованный вид. Ничего особенного, или уж, тем более, страшного. Пригласила нас внутрь «ангара». Внутри находилось «параллелепипедной» формы сооружение, построенное из кусков дерева и фанеры, которое служило, очевидно, жилым помещением. В него вела металлическая застекленная дверь высотой в половину человеческого роста. Для входа внутрь, таким образом, требовалось наклониться. Часть «ангара» перед «фанерным домом» использовалась как кухня и склад. Справа от дома была устроена дровяная плита. Посередине перед «фанерным домом» на цементном полу стоял огромный холодильник. Слева от входа лежали мешки с рисом.

Вошли внутрь «фанерного дома». В дальней части комнаты-залы, низкой, оклеенной желтого цвета обоями — алтарь. Алтарь закрыт красной занавесью и занимает всю длину дальней стены.

Мы садимся на пол. Знакомая подносит шаманке фрукты. Идти с визитом к шаманке с пустыми руками нельзя. Начинается беседа.

Я осматриваюсь. У левой стены на специальной подставке стоит стереотелевизор¹¹. Рядом с телевизором — пепельница. Шаманка курит. В правом углу — вешалка для одежды, с накинутой на ее толстые деревянные штыри вещами. Над входом в комнату на желтых полосках бумаги красной тушью записаны буддийские молитвы и благопожелания. У самой шаманки на левой руке надеты буддийские четки, а на шее — буддийское ожерелье. Когда мы входили в помещение, шаманка приветствовала нас буддийским поклоном, сложив две руки вместе.

Я почему-то очень стеснялся шаманки.

А знакомая сказала просто, обращаясь к хозяйке дома:

— Открой занавес алтаря, пусть гость посмотрит.

Шаманка подчинилась просьбе и открыла занавес. Но прежде попросила меня сделать поклон на буддийский манер.

На стене алтаря были прикреплены бумажные изображения духов.

Левая стена:

1. *Самсин дэван* — Великая государыня Трех духов (삼신 대왕), или *Самсмин хальмони* (삼신 할머니) — Бабушка Трех духов. Женский дух-покровитель, отвечает за рождение детей. В руках у Великой государыни Трех духов веер, на котором изображены три фигуры, очевидно, и символизирующие этих «Трех духов».

2. *Обан синчжанним* (오방 신장님) — Защитники четырех сторон света. Изображены в виде воинов с мечами в руках.

3. *Сонгван тхоса* (선관토사) *санин* (산신) — дух горы.

Задняя стена:

1. *Хогу пёльсан* (호구별상) [функции духа уточнить не удалось].

2. *Пукту чхильсонним* (복두칠성님) — дух созвездия Большой Медведицы; согласно шаманским представлениям является духом-защитником.

3. *Сансин* (산신) — дух горы.

4. *Ёнгон дэван* (용궁대왕) [функции духа уточнить не удалось].

5. *Чучжан дэсин* (주장 대신) — дух мертвых, выступает в мужской ипостаси.

6. *Мэхва бугин* (매화 복인) [функции духа уточнить не удалось].

Правая стена:

1. *Чири тхоса* (지리 토사) [функции духа уточнить не удалось; возможно — покровитель земли].

2. *Ёнгон дончжа* (용궁 동자) — дух — «сын шаманки».

¹¹ В то время стереотелевизоры относились к классу дорогих моделей.

На самом алтаре был расположен ряд предметов, которые используются в шаманских ритуалах: слева стоял цветок лотоса, посередине — роза, а справа — сосуд с рисом вместе с *синдэ* (신대) — «метелкой духов». Слева и справа от розы, чуть впереди — две свечи. А на самом переднем плане алтаря была расположена курильница, справа о нее — «ножи духов» *синчжанкхаль* (신장칼).

Сделав несколько фотографий алтаря и поговорив немного на самые общие темы, я покинул дом шаманки.

Декабрь 1996 года

24. Некоторые корейские поверья

- Если разбить зеркало — к несчастью.
- Если разбить тарелку — плохая судьба на сегодняшний день.
- Если в деревню слетаются вороны, значит, скоро кто-то умрет.
- Сорока прилетела — к хорошему гостю.

Записано 25 февраля 1997 года

25. Из бесед с Ким Самтхэ, выпускником Университета Вонгван, специалистом в области корейской медицины¹²

2 марта 1998 года, дойдя с Ким Самтхэ до буддийского монастыря, мы расположились там на отдых. Через некоторое время, попив чая с фруктами и наслаждаясь видом заходящего солнца, я стал вести с Ким Самтхэ беседы на философские и социальные темы.

Заговорили о том, что все в этой жизни скоротечно. Я сказал:

— Нужно всегда много записывать, вести дневники, чтобы «ухватить» эти ускользающие и невозвратимые мгновения жизни.

Ким Самтхэ ответил мне:

— Но ведь в то время, когда ты что-либо пишешь, ты ведь тоже не живешь полноценной жизнью, можно сказать, тоже безвозвратно теряешь свою жизнь. Поэтому я не пишу, а предпочитаю просто жить в то время, которое ушло бы на написание чего-либо.

Потом мы заговорили об истории. Я сказал:

— Все в истории происходит согласно объективным закономерностям. Роль личности в истории ограничена.

¹² См. также запись № 20, глава 4, часть 1.

— Нет, — отвечал Ким Самтхэ, — во всем в жизни той или иной страны виноваты люди, стоящие у ее руля: правительство, короли... Вот, например, в Южной Корее больше популярны западные лекарства, а не традиционные, восточные. И в этом виновато южнокорейское правительство, действовавшее в интересах определенных кругов.

Я возражаю, на что мой собеседник отвечает:

— Ваша точка зрения на «объективность» исторических процессов — это точка зрения представителя больших стран, проводящих колониальную политику, в то время как моя точка зрения на историю — это точка зрения представителя малых стран, долгое время находившихся в колониальной зависимости.

Через некоторое время наш разговор переключился на взаимосвязь истории и географии. Ким Самтхэ сказал:

— В Японии даже нищие и оборванцы живут с чувством огромного напряжения внутри. Это как бы ожидание очередного землетрясения. Поэтому-то японцы на протяжении всей своей истории стремились захватить континентальные страны — Корею, Китай — чтобы уйти с беспокойных опасных остров на твердую надежную сушу.

1998

26. «Стол — это часть посуды».

Этнографическая заметка

Раньше меня всегда смущало то обстоятельство, что корейцы кладут прямо на стол ложку и палочки, которыми едят, сплевывают на стол кости от рыбы или мяса. Если кусок мяса, который собираются зажарить на специальной жаровне, расположенной на столе, упал на стол, то это не является чем-то ненормальным. Никто не будет торопиться с тем, чтобы поднять этот кусок мяса со стола и как-то очистить его. Спокойно, как будто ничего и не произошло, кусок мяса будет поднят со стола и тут же положен на жаровню.

Глядя на эти непонятные европейцу особенности застольного «этикета» корейцев, мне в голову пришла следующая мысль. Возможно, для корейцев стол — это в какой-то степени часть посуды, которая, подобно посуде, начисто моется и вытирается, и падение на поверхность стола пищи не считается чем-то негигиеничным.

Действительно, традиционные корейские столы, предназначенные для того, чтобы сидеть за ними на полу, сложив ноги по-корейски (потурецки), очень низкие и часто невелики по размеру. Их легко пере-

мешать и просто мыть. К тому же нередко их поверхность обработана красным лаком, таким же, каким обрабатывают деревянную посуду (подносы).

25 января 1999 года

27. Корейский этикет в общественном транспорте

2 июля 2003 года наблюдал в метро (4-я, голубая, линия) следующую сцену. На одной из станций (в северной части Сеула) в вагон вошла женщина с дочерью лет 5. В руках у женщины был стаканчик с горячим корейским чаем, только что купленным в автомате по продаже горячих напитков, которые стоят на каждой станции метро Сеула. В принципе, входить в вагон со стаканчиками с разного рода напитками не разрешается. Но, очевидно, дочь очень захотела пить, и мать решила позволить себе войти в вагон, нарушив общепринятые правила.

Так как чай был куплен для дочери, то, заняв место на сидении для пассажиров, мать дала стаканчик с чаем дочери. В это время вагон резко дернулся (на каком-то извилистом участке пути), и... чай выплеснулся из стаканчика на пол, растекшись по полу грязной коричневатой лужицей.

Не знаю, как поступила бы в таком случае пассажирка российского метро, но кореянка быстро достала из сумочки пачку салфеток, наклонилась и начисто вытерла только что запачканный пол. И никаких следов происшествия не осталось.

3 июля 2003 года

28. Забастовка железнодорожных рабочих и этикет

В субботу 28 июня 2003 года по всей Южной Корее началась забастовка железнодорожных рабочих. В половину сократилось движение междугородных поездов, а также поездов метро. Сеульским пассажирам метро, например, приходилось ждать очередного поезда по 30–40 минут.

В то же время машинисты поездов метро время от времени выступали по трансляции с объяснениями и просьбой к пассажирам понять ситуацию и извинить за причиненные неудобства.

3 июля 2003 года

ГЛАВА 3. ПРАЗДНИКИ

1. Праздник фонарей

«Праздником фонарей» в Корее называют день рождения Будды. Это — общегосударственный праздник, выходной день. Он отмечается по лунному календарю и в 1990 году приходился на 2 мая. Примерно за две недели до этого дня на улицах Сеула стали развешивать гирлянды из традиционных фонарей — разноцветные бумажные шары диаметром 30–40 сантиметров с электрическими лампочками внутри. Другой приметой приближающегося праздника было огромное количество транспарантов, размещенных на мостах, пешеходных (надуличных) переходах, просто между деревьями, которые напоминали о том, что 2 мая — день рождения Будды. Корейцы говорили мне, что это — грандиозный праздник и вечером на огромной площади острова Ёйдо собираются люди с фонарями, и это очень красиво. В тот день Ленинградский балет на льду давал два представления — дневное и вечернее, и мне не удалось попасть на этот остров или даже просто побродить по улицам. Но ни днем, ни поздно вечером я не заметил ничего особенного, что бы отличало этот день от остальных. По телевизору, по крайней мере тогда, когда мне удалось его посмотреть, также не было сообщений о Празднике фонарей. Нигде и ничего. Корейцы, работавшие с нами, никак не показывали необычность, особую праздничность этого дня. Быть может, потому, что они были христианами, и им не пристало обращать внимание на подобные праздники. Как бы то ни было, день прошел тихо и незаметно. После праздника фонари еще с неделю украшали город, после чего их стали неторопливо убирать.

1990

2. Праздник *чхусок* 1 октября 2001 года

В 2001 году осенний праздник поминовения предков — *чхусок* — пришелся на 1 октября. Праздник этот, как и традиционный новый год, отмечают по лунному календарю. Поэтому каждый год 15-й день 8-й луны приходится на разные дни григорианского календаря.

Ниже — несколько заметок, которые я сделал в связи с этим праздником.

1. *Женичины и чхусок*. Несмотря на то, что формально осенний «праздник благодарения» *чхусок* связан, прежде всего, с совершением

церемоний поклонения духам предков в доме самого старшего в семье мужчины, во многих южнокорейских радиопередачах, звучавших накануне праздника, говорилось о том, что посещение родного дома в провинции в этот день связано, прежде всего, с посещением *матери* и с желанием увидеть именно мать.

30 сентября 2001 года

2. *Рестораны накануне праздника чхусок*. Большинство провинциальных ресторанов¹³ прекращают работу уже днем накануне праздника. Все члены семьи, приехавшие в провинцию, занимаются подготовкой праздничного церемониального стола.

Одиноким посетителям, случайно забредшим в предпраздничный ресторан, вежливо говорят, что «сегодня лучше пойти домой и покушать дома».

Поздно вечером члены семьи — владельца ресторана, к которому съехались родственники, ужинают в определенном порядке: сначала старшие мужчины, затем — дети, и уже после всех — женщины.

30 сентября 2001 года

3. *Церемония поклонения духам предков чеса* в одном из частных корейских провинциальных домов.

Рано утром, примерно без 10 минут шесть, хозяйка дома уже находилась в одной из комнат первого этажа, где было оборудовано место для церемонии: особый корейский низенький стол для угощений, большая восьмистворчатая ширма позади стола. Вскоре подошел старший сын с женой. Вместе они стали расставлять на столе в строго определенном порядке церемониальные блюда.

Когда я подошел к месту совершения церемонии, в комнате уже ярко горел свет, слева и справа от стола были зажжены две огромные свечи, а посередине в чашку с рисом были вставлены две курительные свечи. У левой стены комнаты сидел старший сын в европейском костюме «комби», с галстуком. Создавалось впечатление, что он уже начал церемонию поминовения в одиночестве. Рядом ходила хозяйка. Я думал, что для совершения церемонии *чеса* в комнату спустятся все члены семьи одновременно. Но так не произошло. Спали все, кроме непосредственных участников, то есть тех, кто должен был подносить

¹³ В южнокорейской провинции рестораны, как правило, представляют собой двухэтажное здание, первый этаж которого занят собственно под ресторан, а на втором этаже располагаются жилые помещения хозяев.

предку церемониальное вино. Недалеко находились жена старшего сына. Она была одета в обычную домашнюю одежду спортивного типа, и находилась главным образом на кухне.

Вскоре подошел младший сын. Он был без пиджака, но с повязанным галстуком (средний сын не смог приехать). Он молча налил церемониального вина в ритуальный сосуд и, встав на колени перед столом, трижды обвел им вокруг чаши с рисом и курительными свечами. Всего на передней части стола стояло три чаши. Две из них были с рисом, а третья предназначалась для наливания вина — то есть для «подношения вина предку». Именно в эту чашу он и налил церемониальное вино, а в другую, с рисом, воткнул уже вторую по счету ложку (первая, очевидно, была воткнута старшим сыном) и поправил лежавшие поверх чаши палочки. Перед всем этим старший брат предвзвешенно вылил вино из церемониальной чаши, стоявшей на столе, в специальный чайничек, находившийся рядом.

Затем младший брат поднялся и из положения стоя совершил два с половиной поклона, как полагается в отношении умерших.

Чуть позже спустился сын старшего брата и вместе с отцом совершил церемонию подношения вина предку (как было описано выше), а также два с половиной поклона. Затем сын поднялся на второй этаж — досыпать.

Потом все взрослые участники церемонии вместе с хозяйкой дома вернулись к церемониальному столу, посидели перед ним некоторое время, а затем стали убирать с него. К мужской половине семьи присоединились и женщины. И вскоре свечи, ширма и сам стол (со складными ножками) были убраны.

... Раньше я специально изучал порядок совершения церемонии *чеса*, поэтому обратил внимание на то, что в этой домашней церемонии *чеса* не использовались таблички предков и был опущен ряд действий, предписанных официальными руководствами по *чеса*, например, «Призывание духа с Неба», «Закрывание дверей», «Проводы духа» и т. п.¹⁴

4. *Посещение могилы в праздник чхусок*. Около 8 утра, через два часа после того, как была совершена церемония поклонения предкам *чеса*, мужская часть семьи, а также дети отправляются на могилы. Каждая группа родственников, по прибытии на кладбище, совершает два с по-

¹⁴ Подробнее см.: Курбанов С. О. Конфуцианский классический «Канон сыновней почтительности» в корейской трактовке...

ловиной поклона самостоятельно, не дожидаясь, пока приедут остальные родственники.

Никаких подношений перед могилами не совершается.

5. После того, как все необходимые церемонии праздника *чхусок* совершены в доме мужа, семья может отправляться к родственникам жены для выражения своего почтения.

6. *Детские поклоны чоль* (절). На протяжении всего дня праздника *чхусок* дети могут совершать поклоны перед каждым из проходящих в дом «новых» родственников. При этом принято, чтобы взрослые давали за это детям деньги на карманные расходы (подобно традиции поклонов в лунный новый год). Обычно детям дают от 2 тыс. до 20 тыс. вон.

2 октября 2001 года

3. Чайная церемония и осенний день поминовения предков *чхусок*

Уже во второй раз, зайдя в лавку «Традиционный чайный павильон» (傳統 茶園) в районе Инса-дон для того, чтобы купить деревянное блюдечко под селадоновую чашку — блюдо, которое я не мог найти нигде в Сеуле, кроме как в этом магазине — спросил мужчину, заменявшего хозяина, с которым я был уже знаком после своего первого визита:

— Много ли посетителей?

— Нет, очень мало.

— А как же вы не разоряетесь?

— Сейчас мы здесь только так, что называется, «для вида» сидим, а вот когда наступит праздник *чхусок*, тогда мы весь наш товар нагрузим на передвижные лавочки-тележки, и он весь разом будет раскуплен.

* * *

Вообще изначально этот магазин продавал только чай, а посуда в его ассортименте появилась значительно позже. И то ее больше покупают иностранцы. К примеру, чайные деревянные блюдечки, за которыми я пришел в магазин, производятся в количестве не более 1 тыс. штук в год. И это на весь Сеул!

1993

4. Осенний день поминовения предков *чхусок* и обои

В Корее существует традиция, не знаю, насколько новая, один раз в год или в два (все зависит от качества обоев и финансовых возможностей семьи) переклеивать обои в квартирах. Рулон хороших обоев стоит порядка 4,5 тыс. вон. Как правило, это делают осенью, в канун праздника *чхусок*, отмечаемого 15 числа 8 лунного месяца.

Новые обои были наклеены в закуской *«Кыллория пунсик»* (*Gloria bunsik*), расположенной недалеко от станции метро *«Соульдэ ипку»* (Вход в Сеульский государственный университет). Поверх, с моей точки зрения, красивых обоев с рисунком в стиле дерева были наклеены простые белые, без рисунка, «чтобы было чище».

Пак Минсо (см. запись № 17, глава 15, часть 1) вместе со мной переклеивал обои в обеих комнатах и прихожей своей старенькой квартиры.

1993

5. Некоторые замечания по поводу празднования осеннего дня поминовения предков *чхусок*

1. Избегают присутствия на церемонии иностранцев

Создается впечатление, что корейцы избегают присутствия иностранцев на самой церемонии.

Ли Минчжа обещала взять меня «в горы», на могилы предков, дабы я смог ближе познакомиться с этой корейской традицией, но, получив отказ со стороны своей семьи, не сдержала своего слова.

Пак Минсо в день праздника *чхусок* пригласил меня к себе домой к 11 утра, в то время как вся церемония совершалась около 9 утра. Сам же сказал мне: «Вот если бы ты пришел пораньше, то все бы увидел и сфотографировал», зная, что изначально это было невозможно.

2. Традиционный корейский костюм

Практически каждый член любой корейской семьи имеет традиционный корейский костюм *ханбок*, который надевается несколько раз в год, как правило, по таким праздникам, которые требуют совершения церемонии кормления духов предков. Кроме праздника *чхусок* это и традиционный Новый год, и весенний день поминовения предков *хансик* (отмечается 5 или 6 апреля), который в Южной Корее празднуется менее активно, чем в Северной.

Однако если на улице в этот день можно увидеть немало женщин и детей, одетых в *ханбок*, то вы практически никогда не увидите на

улице мужчин моложе 60, которые бы рискнули показаться в традиционном наряде перед посторонней публикой. На мой вопрос «почему», я получил довольно странный ответ: «Неудобно». В физическом смысле «неудобно».

У бабушки Пак Минсо, вдовы со времен Корейской войны, традиционное платье *чогори* черного цвета.

1993

6. Подарки осеннего дня поминовения предков *чхусок*

В моих дневниках 1993 года я довольно подробно описывал то, как в Южной Корее празднуется традиционный праздник — осенний день поминовения предков, или *чхусок* (추석)¹⁵.

Во время моего обучения в Центре корейского языка (한국어 학당, 연세대학교) на одном из занятий разговор зашел об этом празднике. И тут, от преподавательницы Чон Хёнок, я узнал совершенно удивительную вещь, о которой нигде не доводилось читать: оказывается, очень давно возникла традиция дарения подарков в этот день.

Подарки дарятся только младшими и только старшим. Родителям они преподносятся в день самого праздника. Другим более дальним старшим родственникам — за несколько дней до *чхусока*.

Предметы дарения — все, что может повлиять на улучшение здоровья, продлить жизнь родных, например, массажеры, традиционные профилактические снадобья и так далее. Может дариться одежда. Раньше еще преподносили водку, табак или мясо. Но теперь все знают, что эти, в свое время дорогие и деликатесные продукты, далеко не благоприятны для здоровья человека в возрасте.

Традиция дарения подарков к празднику *чхусок* настолько распространена, что в крупных универсальных магазинах даже устраивают специальные отделы по продаже подарочных наборов ко дню осеннего поминовения предков.

1 сентября 1995 года

¹⁵ Более подробно об этом празднике можно почитать в работах российского специалиста по корейской этнографии Ю. В. Ионовой. Кроме того, в 1997 году во втором выпуске Вестника Центра корейского языка и культуры (Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета) вышла моя статья, посвященная важнейшей составной части этого праздника — церемониям кормления духов предков.

7. Праздник *чхусок* (осенний день поминовения предков) и рассказы о ситуации в Сеуле

На занятиях по корейскому языку в Центре корейского языка университета Ёнсе 4 сентября, в преддверии праздника *чхусок*, преподавательница Чон Хёнок сообщила следующее.

Накануне этого праздника порядка 10% населения Сеула выезжают в провинцию к родителям или другим более дальним родственникам для того, чтобы посетить могилы предков и совершить ежегодные церемонии кормления духов предков *чеса*¹⁶. Об этом даже написано в учебнике корейского языка для 6-го уровня, изданного в том же Университете Ёнсе¹⁷. Десять процентов населения Сеула — это теперь около 1.2 млн человек, и вывезти всех их в провинцию, даже несмотря на наличие личного транспорта, оказывается не так просто. А если принять во внимание население городов-спутников, то цифра получится в несколько раз больше. Поэтому:

а) В преддверии праздника всегда не хватает билетов на поезда или междугородные автобусы. Отчасти это происходит потому, что некоторые «смышленные» корейцы заранее покупают большое количество билетов, а потом перепродают их желающим, но уже втридорога. Благо, на автобусных и железнодорожных билетах имя пассажира не указывается.

б) У Сеульского вокзала, единственного крупного железнодорожного узла в столице Кореи, также в связи с трудностью достать билеты, собираются частные или взятые в аренду автобусы, где также за очень большую плату желающих предлагают отвезти в провинцию. Автобусы эти обычно старые и не слишком чистые. Но есть и положительные моменты. В отличие от рейсовых автобусов, частники останавливаются везде, где пожелает пассажир.

в) У касс Сеульского вокзала с вечера выстраиваются очереди за билетами. Люди спят на вокзале в ожидании открытия касс утром. По телефону билеты не заказать, так как в канун праздника *чхусок* эта служба перестает работать.

г) Говорят, что и число краж в период празднования *чхусок* увеличивается, ведь немало домов остаются пустыми. Многие наживаются

¹⁶ Подробнее см.: Курбанов С. О. Конфуцианский классический «Канон сыновней почтительности» в корейской трактовке...

¹⁷ 한국어 6. 연세대학교 한국어학당편. (Корейский язык. 6-й уровень. Университет Ёнсе. Центр корейского языка. Сеул, 1994. С. 34.)

на поднятии цен при продаже предпраздничных подарков. Есть даже особый термин — *тэмок* (대목) — получение доходов от поднятия цен «по случаю».

* * *

Но все это — рассказы Чон Хёнок. Лично я, то ли по лености, то ли по неумению смотреть, а может потому, что действительно ничего подобного не было — никакого усиления криминального элемента в Сеуле ни накануне, ни в сам праздник *чхусок* не заметил.

4 сентября 1995 года

8. Осенний день поминовения предков *чхусок* и традиционная корейская борьба *сирым*

Раньше во время осеннего дня поминовения предков *чхусок* в сельской местности часто устраивали соревнования по традиционной народной корейской борьбе *сирым* (씨름). При этом победитель в качестве приза получал вола.

В настоящее время в деревнях, где практически не осталось молодых людей, таких соревнований уже нет. Однако традиция не умерла совсем. Из провинции она переместилась в столицу и несколько модернизировалась. В дни празднования *чхусок* соревнования теперь проходят на центральных стадионах Кореи и транслируются по телевидению по всей стране.

9 сентября 1995 года, информант — Пак Минсо.

9. Что чувствуют корейцы во время совершения церемонии поклонения предкам *чеса*

По поводу того, что чувствуют корейцы во время совершения церемонии кормления духов предков *чеса* (祭祀), преподавательница корейского языка Центра корейского языка университета Ёнсе Чон Хёнок высказалась так: «Сказать трудно. Во всяком случае, тяжелых чувств, вроде горести и тоски, нет. Нет грусти! (슬픔이 없다)».

Записано 19 сентября 1995 года

**10. Что думают молодые люди
о церемонии поклонения духам предков
(Из беседы с девушкой по имени Пак Соён,
сотрудницей фирмы «Event Group Geoin»)**

В середине сентября, находясь в офисе фирмы «Коин», известной читателю в связи с моей поездкой на берег Восточного моря (см. запись № 16, глава 4, часть 1), разговорился с одной из сотрудниц, молодой девушкой по имени Пак Соён. Как раз только что прошел праздник осеннего поминовения предков *чхусок*, и я решил по этому поводу задать мисс Пак несколько вопросов:

— Я знаю, что в связи с церемонией кормления духов предков употребляются два термина — *чеса* (제사, то есть «жертвоприношение») и *чхаре* (차례, то есть «чайная церемония»). Это одно и то же, или эти два слова употребляются к каким-то различным церемониям?

— Словом *чеса* называют церемонию кормления духов предков, совершаемую в день смерти покойного, а словом *чхаре* — все остальные такие же церемонии, только совершаемые в другие дни — традиционный лунный новый год, осенний день поминовения предков, и еще на могилах.

Хотя многое изменилось сейчас... Вот, например, кладут на жертвенные столы бананы и ананасы. Разве были такие фрукты в старину?

— А вот как обстоит дело с христианами? — спросил я. — Насколько я знаю, христианам запрещено совершать церемонии кормления духов предков. Что же, корейские христиане совсем отказались от старинных обычаев?

— Ну, знаете... Многие действительно не совершают. Но есть такие, которые, скажем, в день смерти родителя достают церемониальную табличку с именем предка, ставят ее, а также специально приготовленную еду на жертвенный стол, а затем читают христианские молитвы.

Записано 19 сентября 1995 года

11. День зимнего солнцестояния в Южной Корее

День зимнего солнцестояния — *тончжиналь*, приходящийся на 21 или 22 декабря, был в старину одним из важнейших корейских праздников, который соотносят с древним новым годом. Одним из основных его внешних признаков было приготовление и вкушение каши

из красных бобов *пхатччук*. Восемь лет тому назад в Северной Корее, по крайней мере, в провинции, корейцы обязательно готовили и вкушали это блюдо, должное своим цветом отгонять злых духов и обеспечивать счастье в новом году.

А что же в Южной Корее? В провинции мои знакомые 22 декабря также приготовили кашу *пхатччук*, и все мы ели ее и в сам день зимнего солнцестояния, и в следующие дни. Однако скульптор из города Кунсан, г. О Дэсон, занимающийся также и продажей стилизованной традиционной корейской одежды, совсем забыл об этом дне и был очень удивлен, когда мы принесли ему в лавку кастрюлю с кашей. В Сеуле горожане также не проявляли никаких признаков того, что пришел древний Новый год.

Записано 25 декабря 1996 года

12. Бабушка-хозяйка сеульского пансиона *хасук* и день 50-летия освобождения Кореи

Итак, к 8 часам вечера 15 августа 1995 года, обгоревший на солнце, с трудом ковылявший по улицам в кроссовках без шнурков, которые мне пришлось снять, чтобы вдеть в кроссовки свои распухшие от загара ноги, я вернулся с побережья Восточного моря. Атмосфера в полуподвальных комнатах в пансионе *хасук*, в котором я проживал, была не лучше. В Корее в самом разгаре был сезон дождей и бабушка-хозяйка периодически включала обогрев пола для того, чтобы подсушить намокший от воды пол. Поэтому в полуподвалах, что я делил с еще несколькими студентами из провинции Канвон, было необычайно жарко и влажно.

Однако около 9 часов вечера хозяйка спустилась к нам и, постучавшись, раздала каждому из квартирантов по два больших персика и по банке дорогого пива «Касс». Все же праздник, 50-летие Возрождения Родины, нужно постояльцев уважить.

Увы, старое поколение относится к праздникам совершенно иначе, чем новое, предпочитающее не замечать их, но с удовольствием пользующееся предоставленным государством свободным временем.

Записано после 18 августа 1995 года

13. Празднование Дня движения за независимость — 1 марта

Вплоть до 1998 года я еще ни разу не был в Южной Корее в марте.

Второй полный день моего пребывания здесь совпал с празднованием 74-й годовщины Первомартовского движения 1919 года — праздник, имеющий огромное значение для корейцев, ибо с событий 1 марта 1919 года народ Кореи начал активную борьбу против японского колониального господства. Именно это движение, продолжившееся в последующие годы, дает корейцам повод говорить о самостоятельности освобождения от колониальной зависимости в 1945 году. Кроме того, в Корее считают, что именно Первомартовское движение стало первым в борьбе угнетенных народов мира против колониальной системы.

Утро 1 марта 1998 года выдалось в Сеуле теплым и солнечным. Легкая дымка рассеивала утренние лучи солнца, подкрашивая улицы в сказочный розовый цвет. Повсюду на домах виднелись вывешенные еще накануне национальные флаги. По праздникам флаги на улицах домов вывешивают не государственные службы, а частные лица — владельцы или арендаторы зданий.

Если кто-то не успел подготовиться заранее, то не беда. Вот, например, сегодня у центральных станций метро можно увидеть временные торговые точки, продающие национальные флаги на древках, специально приспособленных для размещения на стенах домов. Все флаги в футлярах. Средняя цена — 5 тыс. вон (около 3 долларов США).

Ровно в 10 утра по телевидению началась телевизионная трансляция торжественного собрания, проводившегося в самом большом концертном зале Сеула — «Дворце культуры имени государя Сечжона» (세종문화회관). Мне оно напомнило время скучных собраний советской эпохи: пение гимна, поклон национальному флагу, торжественные звуки труб военного оркестра, скучные речи на трибунах и застывшие зрители в одинаковых бесцветных костюмах...

Однако подобные телевизионные программы никто, кроме заезжих «туристов» вроде меня, долго не смотрит. И хозяева сеульского дома, гостеприимно принявшего меня прошлой ночью, переключают телевизор на многосерийную драму. Пожалуй, ничто, кроме национальных флагов, вывешенных на улице, и патриотических телевизионных программ, не напоминает о празднике. Создается впечатление, что из жителей Сеула только один я обращаю какое-то особое внимание на Первомартовское движение.

По удивительной случайности именно сегодня проходит матч по футболу между командами Японии и Кореи — бывшим колонизатором и бывшей колонией. И в день памяти борьбы за независимость бывшая колония проигрывает бывшему колонизатору со счетом 1:2. Ирония судьбы?

Записано 2 марта 1998 года

14. О праздновании нового года 1 января по григорианскому календарю

В настоящее время в Южной Корее, как и в старые времена, основным новогодним праздником считается так называемый «старый» (구정), или «лунный» новый год, который отмечают по традиционному лунному календарю.

Однако так было не всегда. Во времена нахождения у власти президента Пак Чонхи (1961–1979), на рубеже 1960–1970-х годов, как раз тогда, когда было развернуто «движение за новую деревню», по всей стране также проходила правительственная кампания за празднование нового года по европейскому, григорианскому календарю. Это делалось в том числе и для «укрепления духа единства и сплоченности» граждан страны. В то время корейцы (подобно советским гражданам) поздно вечером 31 декабря собирались в кругу семьи или у знакомых, ждали 12 часов ночи, слушали обращение президента страны и под звук бокалов встречали новый год.

Со временем, по мере ослабления диктаторского режима в Южной Корее, все стало возвращаться «на круги своя»: новый год по григорианскому календарю стали праздновать все меньше и меньше. Однако эта новая традиция не умерла совсем. Более всего она сохранилась в Сеуле, причем в отдельных семьях до сих пор «новый» праздник считается важнее традиционного лунного нового года.

27–28 января 1999 года; со слов информанта

ГЛАВА 4. НРАВЫ

1. Неприкосновенность собственности

2 мая 1992 года на вечернем представлении Балета на льду, которое проходило на стадионе Моктон, я зашел во временный рабочий кабинет компании «Лотте», оборудованный здесь же на стадионе, чтобы обсудить вопрос интервью с телекомпанией Кей Би Эс (KBS). Пока шел разговор с г. Чон Чжэмо, кто-то из работников офиса, одетый в униформу, предложил мне баночку прохладительного напитка «Акварис». Потом меня вдруг срочно вызвали к директору Ленинградского балета на льду. Баночку я оставил у корейцев в офисе на столе. Думал, что скоро вернусь и смогу спокойно насладиться напитком в приятной обстановке.

Когда возвратился в кабинет к корейцам, баночки на прежнем месте не оказалось. «Вот, — думаю, — нечисти, уже уработали». Каково же было мое удивление, когда девушка-секретарша, работавшая в офисе, открыла железный шкафчик у задней стены кабинета и двумя руками протянула мне заветную баночку.

1992

2. Еще раз о лозунгах

Я уже неоднократно обращал внимание на особую «любовь» корейцев к лозунгам. Не буду комментировать это явление, а приведу несколько примеров.

На здании редакции «Корейской экономической газеты» (*Хангук кёнчже синмун*) можно было увидеть лозунг такого содержания: «Слившись воедино, энергично будем двигаться вперед!» Причем выражение «слившись воедино» точно такое же, какое употребляется в аналогичных же лозунгах и в Северной Корее (*хана-ро мунчхё*).

Внутри здания этой же редакции, недалеко от главного входа на стене висело воззвание, оформленное в традиционном стиле (особая деревянная рамка, шрифт, серовато-коричневатый фон): «А что я сегодня сделал для общества?» Позже, когда мне довелось быть в редакции еще несколько раз, я видел все тот же лозунг и в том же оформлении.

1992

3. Корейская традиция с фотографиями близких

Днем 22 июля 1993 года, когда я вышел проветриться из хранилища рукописей и ксилографов «Кючжангак» при Сеульском государственном университете, со мной разговаривал очень приветливый охранник, чье крестное имя было Иероним. Угостил меня особого вида корейской сладостью *тонъгварю* — нечто вроде замороженного сока, который корейцы любят потреблять в жаркое время года. Я сразу вспомнил, как северные корейцы, спасаясь от жары, изготавливали лед в лаборатории цеха разделения воздуха Сунчхонского виналонового объединения, который потом с жадностью сосали.

И вот Иероним спрашивает меня:

— Нет ли у вас случайно с собой фотографий родных?

— Нет, — говорю, — не люблю я с собой носить такие вещи.

На это мой собеседник, мужчина лет 55, в форменной синей рубашке и черных брюках охранника, худой и весь — сплошная доброта, ответил:

— У нас в Корее не принято носить с собой фотографии родственников. Ну, ты совсем как кореец!

1993

4. Зонтики

В Корее есть одна интересная летняя этнографическая традиция. Летняя, потому что именно на лето, в особенности на июль и август, приходится максимальное количество дождей, поэтому посещавшие эту страну в другое время года могут о ней и не знать.

Строго соблюдаемая традиция заключается в том, что при входе практически в любое общественное заведение — магазин, банк, кафе и т. д., зонтики всегда оставляют около входных дверей. В хороших заведениях для этого могут быть приспособлены большие пластмассовые ведра с надписью «место хранения зонтов». Иногда зонтиков может быть столько, что за нехваткой места посетители просто сваливают их кучей около ведра. И самое интересное заключается в том, что, несмотря на отсутствие какого-либо охранника, практически никто и никогда не забирает при выходе чужой зонтик. По крайней мере, я никогда со случаями воровства не сталкивался.

В больших универсамах с огромным количеством посетителей таких «зонтикохранилищ», естественно, нет и вместо этого для посетителей приготовлены одноразовые полиэтиленовые пакеты для зонтов,

которые иногда используются по несколько раз. И лишь в Библиотеке Национального собрания оставляемые при входе зонты запираются на замок в особых стеллажах.

1993

5. Смена обстановки

Есть в центральном сеульском районе Мёндон весьма странный универмаг — «Чеиль пэкхвачжом», или в переводе — «Первый универмаг». В нем не слишком велик выбор товаров, сумасшедшие цены и, как правило, небольшое количество посетителей. Сходя в этот раз, то есть через год после своего предшествующего визита в Корею, с удивлением обнаружил, что там изменено местоположение отделов. И сразу мне вспомнился Пхеньян, с его постоянной манерой делать чудовищные перестановки в таких крупных валютных магазинах, как «Универмаг рай» (*Раквон пэкхвачжом*) и «Магазин Пхеньян» (*Пхёнъян санчжом*; магазин для иностранцев) и даже одноименном с южнокорейским пхеньянском «Первом универмаге» (магазин для корейцев).

Воистину, Корея едина!

1993

6. Высказывание о корейской европейской моде

Корейская «европейская мода», начинаясь в модных салонах и имея довольно приличный европейский вид, копируясь и повторяясь через воспроизводство в кустарных крохотных, часто площадью в несколько квадратных метров, лавчонках-мастерских, все более приобретает специфические национальные черты, теряя соответственно первоначальный европейский а-ля аристократический облик.

1993

7. Бытовая культура

А. Урны

Время от времени в центре Сеула можно увидеть урны с надписями следующего содержания: «Мы — культурные люди» (*Ури-нын мунхваин*).

Б. Запрет курения

Во дворце Чханъдоккун часто можно увидеть таблички с довольно смешной надписью «В процессе ходьбы курить запрещено» (*Похэн-чжун кымъён*).

Комментарий: конечно же, надпись сообщает о том, что около деревянных построек, то есть на территории дворцового комплекса, курить запрещено. Можно курить лишь в специально отведенных местах. Однако надпись выглядит до смешного двусмысленно. Ее можно интерпретировать так: «Во время ходьбы курить нельзя, но если ты остановился, то курить можно».

В. Штрафы

За неправильный переход улицы на пешехода налагается штраф в 5 тыс. вон. За окуроч, брошенный на землю, если это увидит полицейский, штраф — 25 тыс. вон. Но все равно большинство бросает окурки куда попало, хотя по радио время от времени и проводят кампании под девизом: «Если ты бросил окуроч на землю, значит, ты бросил на землю часть своей души и растоптал ее».

1993

8. Высунутый язык

Кратковременное высовывание языка во время разговора в качестве знака положительного удивления — особенность, нередко встречающаяся как среди пожилых, так и молодых корейцев (по крайней мере тех, с кем мне приходилось общаться).

Возможно, это как-то связано с характером корейского языка, потому что и я сам, и некоторые другие корееведы начинали делать то же самое в процессе свободного разговора.

Первый же день возвращения на родину избавляет от этой странной разговорной привычки.

1993

9. Бытовая культура.

Невежливость в общественном транспорте

Корейцы нередко ведут себя очень невежливо, в особенности тогда, когда общение происходит на уровне равных по положению или, тем более, с нижестоящими (по возрасту, общественному положению, достатку и т. п.)

Так, в общественном транспорте, если кто-либо собирается выходить на следующей остановке, то он просто проходит по салону и в 99 случаях из 100 не услышишь ни просьб подвинуться, ни элементарных извинений. Все довольно грубо и молчаливо толкают (двигают) друг друга.

1993

10. Нравы, или Маленькое наблюдение в дорогом японском ресторане Сеула

Как в любой стране дети богатых людей, в особенности оставленные без присмотра, начинают «сходить с ума», заниматься разного рода «излишествами», и при этом нарушается вся система традиционных отношений в обществе.

Как-то в конце августа — начале сентября 1993 г. по приглашению одного из своих знакомых пошел в японский ресторан, называвшийся по-корейски «Мупхун чидэ» (無風 地帶), то есть «Безветренный район», в районе многоквартирных домов *Хёндэ апхатхы*, недалеко от одного из самых дорогих районов Сеула — Апкучжон.

Пока мой знакомый решал за столом проблемы бизнеса со своими партнерами, я стал наблюдать за соседним столиком, где сидело четыре человека: две девушки лет 18–20, обе в голубых свитерах «Поло» и темных джинсах, и два молодых человека. Один из них был в костюме, на вид лет 27, другой — в спортивной одежде. Ели что-то очень дорогое. Девушки курили. Одна из них выходила в туалет и при этом хорошо качалась. Случайно в тот же ресторан пришли родственники кого-то из сидевших: супружеская пара лет 45. Подсели за столик молодых людей. Заказали красного вина, еще не подозревая о состоянии девушек. Одна из девушек упилась так, что уже не могла нормально сидеть, пускала слюну изо рта и время от времени истерически рыдала. Затем снова решила выйти в туалет и по дороге упала на пол, будучи уже не в состоянии подняться. Тогда женщина-родственница стала долго распинать парня в костюме. Под конец последний не выдержал, грубо наорал на женщину и пулей выскочил из ресторана.

1993

11. Некоторые замечания к показу мод в универмаге «Лотте» 16 июня 1995 года (14–15 часов дня)

В крупных универмагах Сеула время от времени происходит показ новых модных моделей одежды, как с просветительской, так и коммерческой целью: чаще всего такие шоу устраиваются в начале очередного сезона года.

16 июня на первом этаже универмага «Лотте», что находится в центральном районе Мёндон, показывали новые модели купальников. В центре главного торгового зала был сооружен большой подиум. На время показа у края зала установили кабинки для переодевания

манекенщиц. Между кабинками и подиумом цепочкой выстроились работники службы безопасности универмага, чтобы обеспечить моделям беспрепятственный проход к «сцене».

Наблюдая за этим весьма интересным шоу, я обратил внимание на некоторые *восточные* особенности поведения молодых девушек, демонстрировавших купальники. По крайней мере, каждая пятая участница шоу при передвижении от подиума к кабинкам для переодевания либо прикрывали руками грудь, либо запаховали промежность, если конструкция костюма позволяла это сделать. При этом, что удивительно, прически, взгляды, движения у них были как у весьма эмансипированных людей. И на самой сцене под аккомпанемент музыки они двигались достаточно раскованно. Однако под плавками купальников у женщин всегда было надето нижнее белье, и перемещались они от сцены к раздевалкам и обратно всегда бегом.

16 июня 1995 года

12. Анекдот о лапше быстрого приготовления *рамён*

Как сказал один из студентов, проживавших со мной в пансионе *хасук*, корейцы часто едят лапшу быстрого приготовления *рамён* (라면). Все бы неплохо, да есть в ней два недостатка — это лапша и порошковая приправа. (То есть все ее компоненты.)

19 июня 1995 года

13. Анекдот о корейском мини-автомобиле марки «Дэу Тико» (Daewoo Tico)¹⁸

Как-то едет «Тико» по скоростной автомагистрали и вдруг ни с того ни с сего останавливается. Подъезжает к нему дорожная полиция и спрашивает у водителя:

— Что случилось?

— Да вот ехали, ехали, и вдруг колеса зацепились за жевательную резинку. Машина и остановилась.

Комментарий: Автомобиль «Тико» — самая дешевая, самая непредставительная машина, поэтому подвергается насмешкам корейцев за

¹⁸ Анекдот рассказан госпожой Ли, девушкой лет 25, проживавшей в провинции Северная Чолла.

размеры, вес, тихходность и вообще «автомобильное убожество». Можно в какой-то степени сравнить с советским «Запорожцем».

15 июня 1995 года

14. Шорты у мужчин

Несмотря на наличие элементов восточного консерватизма в жизни корейцев, некоторые традиции стремительно меняются, и на смену восточной сдержанности приходит некая западная раскованность.

Так, в 1993 году мужчину, появившегося на центральных улицах города в шортах, могла остановить полиция и высказать нарекания за неприличную одежду. К 1995 году ситуация коренным образом изменилась. Всюду в Сеуле, в центре города и в метро, но более всего у университетов, можно было встретить, как правило, молодых мужчин, носящих шорты. Водители рейсовых автобусов также часто надевали шорты.

19 июня 1995 года

15. Разные высказывания студента Кана, который жил в соседней со мной комнате в пансионе в квартале Тэсин-дон

В один из вечеров середины июня я и еще несколько студентов, живших со мной в дешевых полуподвальных комнатах пансиона в квартале Тэсин-дон, собрались в небольшом холле, куда выходили двери наших комнат. Сидели на циновке. Младшие из ближайшего магазинчика принесли пива и закусок, главной из которых была сушеная каракатица *очжино* (어징어). Сидели, пили, беседовали на разные темы. Студентам предстояло разъехаться на каникулы. Это была последняя встреча после окончания семестра. На встречу, как иностранного соседа, пригласили и меня.

Студент по фамилии Кан, как самый старший, говорил более всего и его беседы и суждения показались мне самыми интересными. Поэтому я их записал. Общего сюжета в них нет. Самые разные мысли буквально обо всем.

Начал он с разговора о западной культуре «свободного секса», когда спишь с кем хочешь и меняешь партнера когда хочешь. Все это, говорил Кан, похоже на отношения между корейскими дворовыми собаками, которых корейцы выращивают на съедение. Таких собак

иногда еще называют «ттонкэ» (똥개), то есть «дерьмовые собаки». Сравнение, очевидно, было выбрано Каном для того, чтобы как можно хлестче принизить то, что он относил к «европейской морали» (или «аморальности»?). Если уж жить с женщиной, говорил Кан, то прежде всего нужно жениться, как полагается, и быть верным ей до конца.

Однако Кан не был последовательным в своих суждениях. Когда он заговорил о зарубежных культурах вообще, то вдруг сказал, что всякую незнакомую культуру нужно принимать такой, какая она есть и без критики.

Затем, после изрядной порции пива, беседа потекла в русле обсуждения родной корейской культуры. Кан начал с гордого утверждения о том, что корейцы совершают поклоны предкам (церемонию кормления духов предков?) каждый месяц. Вообще, каждый кореец ощущает гордость за свой род, свою фамилию. Поэтому-то и возникает стремление каждого быть первым во всех делах, первым для того, чтобы прославить свой род. В потреблении пищи тоже есть свой порядок. Старший всегда начинает есть первым и первым встает из-за стола.

Итак, шел наш разговор то о Корее и ее прекрасных традициях, то о загранице и ее мрачном облике. Закончился наш вечер следующим заявлением Кана. Он сказал, что если когда-нибудь попадет в Париж, то ни за что не пойдет в Лувр, потому что все экспонаты в нем не свои, французские, а наворованные из других стран в период колониализма.

Записано в середине июня 1995 года

16. Комментарий к моей поездке на берег Восточного моря 12–15 августа 1995 года вместе с сотрудниками фирмы «Коин» (Event Group Geoin)

Начну с рассказа о том, что такое фирма «Коин» (Event Group Geoin) и как я там оказался.

Находясь в 1995 году в Сеуле на языковой стажировке, я решил попробовать себя в организации культурного обмена между Россией и Южной Кореей. Через старые знакомства я вышел на небольшую фирму, занимающуюся как проведением гастролей национальных и иностранных творческих коллективов, так и просто организацией досуга своих сограждан. К категории последнего относились поездки в какую-либо часть Кореи с целью занятий спортом на природе: например, горными лыжами или спуском на лодках по горным рекам.

Фирма имела весьма странное название «Коин» (거인 — 巨人 Geoin), что можно перевести как «Большой человек», «Великан». Однако офис «Великана» помещался в полуподвальном помещении небольшого офисного центра, расположенного рядом со станцией метро «Тондэ ипку» третьей линии метро. Несмотря на то, что ступеньки с улицы вели под землю, вы попадали во вполне приличное хорошо кондиционируемое помещение площадью порядка 100 квадратных метров, имеющее вполне современные дизайнерские интерьеры. Хозяин фирмы, скромно именовавший себя «заведующим отделом» (실장), а не директором, ездил на очень дорогой, последней модели автомобиля «Грэнчжэ» (корейское чтение французского слова *grandeur* — «величина») концерна Хёндэ и любил хаживать в бар элитной гостиницы Вэстин Чосун (Westin Chosun) в центре Сеула.

На 12–15 августа фирма «Коин» запланировала для своих клиентов, то есть тех, кто ежегодно вносил членские взносы, а потом имел право за символическую плату участвовать в организованных ею мероприятиях досуга, поездку на один из пляжей восточного побережья Корейского полуострова. На 12 и 13 августа выпадали суббота и воскресенье; 15 августа праздновалось 50-летие освобождения Кореи от японской колониальной зависимости. Таким образом, если кореец «брал отгул» на 14 августа, то в итоге он получал небольшие летние каникулы, бывшие весомым дополнением к стандартному отпуску в 7 дней в году. Мне, как вероятному «деловому партнеру», предложили съездить бесплатно.

Не буду описывать всю поездку подробно, так как о многом из облика провинции я уже писал раньше. Остановлюсь на том, что тогда, в августе 1995, поразило меня больше всего.

А. Об отношении к явлениям чужой культуры, или одетые корейцы на пляже

Поскольку 12 августа автобус выехал из Сеула только около пяти вечера (большинство в Корею работают по субботам до часу дня), то до места, пляжа Чанхо (장호 해수욕장), расположенного немного южнее города Самчхок (삼척), мы добрались очень поздно, когда уже стемнело. Поэтому на пляж мне удалось выйти только на следующее утро, 13 августа.

Жили все приехавшие, порядка 80 человек, кто в палатках на берегу моря, а кто в небольших домах, именуемых *минбак* (민박), что можно перевести как «место остановки для народа». *Минбак* — это самая низкая категория гостиниц, представляющая собой, как правило, не-

сколько убогое на вид одноэтажное здание, выстроенное в традиционном стиле, без мебели, с циновками для сна на полу. В очень редких случаях хозяева *минбак* могут предоставлять кровать. Туалет и место для мытья находятся на улице. Там же может быть кухня.

Вся наша группа отдыхающих, в основном молодые люди от 18 до 30 лет, была разделена на «звенья» *чо* (조), которые должны были вместе организовывать питание, а по возможности и веселиться.

Утро 13 августа выдалось серым. Однако к полудню распогодилось, и ясная солнечная погода стояла до последнего дня нашего отдыха. Как только появилось солнце, я поспешил раздеться до плавок, чтобы побыстрее загореть. К тому же в душе я решил показать корейцам пример, как европейцы ведут себя на пляжах. Еще по своей первой поездке в Северную Корею лет 10 тому назад¹⁹ я помнил, что корейцы никогда не раздеваются на пляже. Тогда я приписывал это их «скованности», «стеснительности» или же ограничениям традиционной культуры, не приветствующей обнажение у всех на виду. Южные корейцы вели себя аналогично: все, абсолютно все оставались в футболках, а многие даже не снимали шорт. Причем «форма пляжной одежды» не менялась ими даже тогда, когда они купались в море. «Ну вот, — думал я, — и эти, несмотря на свою американизированность, тоже не умеют раздеваться».

Весь первый день я усиленно щеголял по пляжу в одних плавках, а корейцы упорно не хотели раздеваться. Море и солнце были чудесны. Мне даже впервые в жизни удалось попробовать себя в катании на виндсерфинге. Однако к концу дня я стал чувствовать себя не очень комфортно, хотя ничего страшного не было. Кожа на теле начала чуть-чуть побаливать.

На второй пляжный день, то есть 14 августа, до полудня я еще ходил раздетым. А потом кожа вдруг начала болеть. Сначала я просто надел футболку и еще пытался купаться одетым. Но и это не помогло. Боль стала нестерпимой. Такого со мной еще не было никогда в жизни. Болело все — начиная от ступней и кончая шеей. После обеда я забрался под тент и всю вторую половину дня просидел в тени. К вечеру ноги распухли так, что я уже не мог надеть шлепанцы. Я не мог ходить. Кожа на теле обгорела настолько, что начала вспухать. По телу стал разливаться нездоровый жар. В своей жизни я немало загорал на берегу Черного моря. Я знаю, что такое южный загар, но никогда со мною не происходило того, что в этот раз. Никогда кожа так не болела.

¹⁹ В 1984–1985 годах я находился на десятимесячной языковой стажировке в Северной Корее, в Пхеньяне. Тогда я еще не вел страноведческих дневников.

От боли я не мог сидеть. Не легче было и лежать. Однако и стоять я не мог. В итоге, когда все собрались на берегу, около 9 вечера, я отправился в свой *минбак* и завалился на единственную кровать. Для меня это было спасением. Кровать была мягче, чем циновка на полу.

На третий день я изредка мог доковылять до пляжа, чтобы поесть. Все остальное время с нетерпением ждал отъезда в Сеул. И каково же было мое удивление, когда я обнаружил, что к третьему дню практически все корейцы разделись! Все с большим удовольствием загорали и купались в море как полагается, в одних купальных костюмах. Боже мой! Оказывается, вот в чем дело! Корейцы не раздевались только потому, что знали, насколько жестко и опасно солнце на берегу Восточного моря. Ничего-то они не стеснялись. Просто ждали, пока кожа привыкнет к солнцу. Вот вам и «раскованная» европейская и «консервативная» корейская культура!

Европеец! Приезжая на Восток, не относись свысока к местным традициями и не торопись показать свою «цивилизованность»! Лучше внимательно присмотрись к местным обычаям. Они придуманы не просто так. А то и с жизнью расстаться можешь.

После этой поездки с меня, впервые в жизни, в течение двух недель сошло порядка 70% кожного покрова, а с некоторых мест кожа сходила дважды подряд.

Б. Деревенский храм духов-покровителей садан (祠堂)

15 августа, в последний день пребывания на пляже Чанхо, сильно обгоревший на солнце, я большую часть времени провел в доме, то есть в дешевой гостинице *минбак*, с нетерпением ожидая отъезда в Сеул. Когда я сидел на крыльце дома в тени, ко мне подошел мужчина, которому на вид было лет за пятьдесят. Он оказался хозяином дома, который его мать сдавала на лето отдыхающим в качестве гостиницы *минбак*. Хозяин представился ни больше ни меньше как преподавателем сеульского Университета Кёнхи (경희 대학교). Спросил, почему я не на пляже и вообще, кто такой и чем занимаюсь. Когда я рассказал, что интересуюсь проблемой культа предков в Корее, хозяин сообщил, что и здесь, в деревне Чанхо (莊湖), есть свой особый храм, который также называют *садан* (사당). Он находится неподалеку на холме, за бронзовой статуей, виднеющейся с шоссе, в зарослях деревьев. Мой собеседник не уточнил, построен ли храм в честь кого-либо из основателей рода жителей деревни. Однако он заметил, что в этом храме *садан* постоянно совершаются церемонии жертвоприношений на благо всей деревни.

Вообще, раньше основным занятием жителей было рыболовство, а теперь главный источник доходов — летний туристический бизнес, — поведал мне мой собеседник.

В. 15 августа 1995 года — день 50-летия освобождения Кореи от японского колониального господства

День отъезда с берега Восточного моря в Сеул пришелся на 15 августа, когда вся страна праздновала знаменательную дату — 50-летие освобождения Кореи от японского колониального господства. В душе я немного жалел, что не остался в Сеуле и не посмотрел на торжественные мероприятия, приуроченные к этому дню. Поэтому, возвращаясь из деревушки Чанхо, я всю дорогу пялил глаза в окно автобуса, пытаюсь обнаружить какие-нибудь приметы праздника. Практически нигде, за исключением сравнительно больших городов, таких как Тонхэ, где местами на улицах виднелись национальные флаги, праздник никак не ощущался. Люди были одеты по-будничному и занимались обычными делами: кто работал в поле, кто строил дом.

(Информация к размышлению на тему: традиции и современность в Корее.)

Основа текста записана 16–18 августа 1995 года

17. Замечание о мытье рук

Корейцы считают, что нельзя мыть руки там, где готовишь пищу, поскольку это может осквернить пищу. А ведь русские нередко моют руки на кухне. Однако если вы пришли в гости к корейцу домой и он вас приглашает к столу, а вы по старой русской привычке захотите ополоснуть руки на кухне, это может привести к разного рода не слишком приятным для вас последствиям.

Записано 15 июля 1996 года

18. Интересное поверье о порогах

Корейцы считают, что на порогах, разделяющих комнаты, нельзя стоять, ибо это приносит несчастье. И в то же время они прекрасно здороваются, протягивая руки через порог, и не видят в этом никаких дурных предзнаменований.

Записано 5 декабря 1996 года

19. Поездка в г. Иксан к Ким Самтхэ 2–3 марта 1998 года

Ким Самтхэ — высокий кореец лет 37 с бритой как у буддийского монаха головой, одетый в черный спортивный костюм — личность странная и непонятная, вызывающая одновременно как симпатию, так и отвращение...

До города Иксан я вместе с Ким Самтхэ доехал на междугороднем автобусе. По дороге пытался вести с ним разговоры на философские темы, но это мало помогло мне в попытке установить с ним какие-либо чуть более дружеские отношения.

По приезде в Иксан Ким Самтхэ начал вести себя довольно странно. Сначала мы вместе с ним шли пешком по одной из «задних» улочек города. А потом Ким вдруг взял такси. Оказалось, что, в отличие от Сеула, посадочная стоимость здесь не выросла: всего 1 тыс. вон, в то время как в столице — целых 1300. Поехали куда-то в «среднюю» часть города. Вышли у небольшого двухэтажного здания и спустились на подземный уровень. Там на этаже «В» располагался центр изучения корейской национальной музыки. Студенческий. Перед входом в огромное пустое помещение, выстланное линолеумом, нужно снять обувь и поставить ее на металлический стеллаж. Огромный зал удобен для репетиции танцев. В дальнем конце помещения — маленькая комнатка с теплым полом, жилая. Без мебели, убогая, но с телевизором, видеомagneитофоном, телефоном. На полу — одеяла и подушки.

Ким Самтхэ здесь живет. Он учится в магистратуре Университета Вонгван, на отделении традиционной корейской медицины. В прошлом году брал академический отпуск, а в этом возобновил учебу. До окончания остался всего один семестр, а Ким даже и темы своей диссертации не знает: все еще не выбрал. Сидим на полу на подушках и разговариваем о том, о сем. Ким Самтхэ вдруг стал говорить о «целебных» свойствах молитв и о том, что хочет стать шаманом...

Пока мы сидели, Ким Самтхэ нашел где-то старую куртку и дал ее мне на время: мы собираемся в горы, а вечером будет холодно. А я только в свитере и джинсах. Достал где-то рюкзак и велел положить туда мою маленькую дорожную сумочку и эту куртку в рюкзак. Потом представил мне своего приятеля — молодого человека из того же университета Вонгван, который занимается в кружке национальной музыки. Он поедет с нами в горы, где расположен буддийский монастырь Мирыкса...

В монастырь отправились на машине друга — старенькой KIA-Capital 1989 года выпуска, немойтой, с помятым правым передним

крылом. Я всю дорогу дремал, поэтому не запомнил, как доехали до монастыря. Музейный комплекс буддийского монастыря Мирыкса административно подчиняется городу Иксан. Там есть выставочный павильон, где представлены предметы, обнаруженные во время раскопок на месте монастыря, остатки древней каменной пагоды эпохи Пэкче (VII в.). Напротив развалин — современная реконструкция пагоды, показывающая грандиозные размеры разрушенного временем шедевра. В музей попасть не удалось: по понедельникам там выходной день.

Поставив машину на стоянке, почти сразу отправились на гору Мирыксан. Название горы переводится на русский язык как «Гора [будды] Майтреи». К вершине горы ведет вытоптанная тропа, оборудованная перилами в особо опасных местах. Вдоль тропы на ветвях и стволах деревьев прикреплены пластиковые или ламинированные таблички, призывающие охранять природу. На них же указаны названия организаций, представители которых посетили горы Мирыксан и оставили на деревьях эти таблички. Чаще всего — это средние школы.

Ким Самтхэ не любит вытоптанных троп. Временами он уводит нас с «другом» в сторону от тропы, и мы влезает на какую-нибудь скалу, круто обрывающуюся вниз. Сначала — это высота птичьего полета. Потом — высота полета самолета. Ким Самтхэ всегда идет первым. В сторону спутников не оборачивается. Дыхание у него ровное.

В очередной раз ненамного уходит в сторону от тропы. Виднеется общественный туалет, построенный на невероятной высоте, прямо в лесу. Зачем высоко в горах, там где много деревьев и скал и где можно с легкостью справить нужду практически где угодно, построен этот туалет? Оказывается, недалеко, у Скалы льва (사자암), находится небольшой буддийский монастырь. Среди его построек не только павильоны, выстроенные в традиционном стиле, но и вполне современные дома с металлическими стенами. И рядом — небольшой горный источник. Кто в такую высь тащил огромные металлические блоки? На вертолете? Нет. Монастырь с подножием горы соединяет канатная дорога, объясняющая наличие всех удобств цивилизации, в том числе электричества и телефона-автомата.

Ким Самтхэ, помолвившись немного, выносит из монастырского павильона апельсины и яблоки, принесенные верующими в дар Будде. Предлагает угоститься. Очевидно, Ким Самтхэ близко знаком со служителями этого монастыря.

Подъем до самой вершины горы занял еще минут 10. Но на соседний пик, видневшийся метрах в двухстах, Ким Самтхэ идти отка-

зался, объяснив свое нежелание тем, что однажды он уже ходил туда, но там — злые духи, и после он не мог спать целую ночь.

Спуск с горы, от монастыря, был для меня сплошным мучением. Корейцы бегут вниз словно лани, ловко ступая на нужные выступы скал и выемки между корнями деревьев. Я же иду медленно, с опаской ставя ноги перед собою, боясь поскользнуться. У корейцев почему-то подобных проблем нет.

На стоянке, что у подножья горы, где храм Мирыкса, уже темно, и машин почти нет. Однако общественный туалет, хотя свет там и не включен, по-прежнему открыт.

Затем мы едем в город Чончжу. Большой, равнинный. Заходим в местный магазин старой книги. Ассортимент бедный, цены — большие. Ким Самтхэ покупает для меня книгу о корейских пагодах. Потом едем в чайный дом *табан* (茶房). Хозяева, супружеская пара лет 45, одеты в стилизованную корейскую одежду; они хорошие знакомые Ким Самтхэ. Похоже, в этой чайной организуют небольшие концерты или декламацию стихов. Там и сейчас выставлены картины. Еще здесь продают керамику и принадлежности для чая. Пьем чай. Пьем корейскую рисовую брагу *макколли*. Всего одну пиалушку. Кислая. Разговор клеится плохо. Самтхэ считает себя выше всех, в том числе выше меня, и все принимают его необъяснимое лидерство. В чайной обычно не подают ужин, но специально для Ким Самтхэ хозяева готовят рис и овощные приправы. Кушаем за столом, представляющим собою пень огромного дерева. «Стулья» — керамические кувшины *ханари* (항아리), поставленные вверх дном и покрытые подушками для сидения.

После ужина — снова чай. Но я заказываю кофе. В чайной не подают кофе. С трудом находят банку растворимого «Нескафе» и сахар. Разговор переходит на Россию. Самтхэ делится своими впечатлениями о поездке туда. В разговор снова втягиваюсь я. В принципе, я не интересен Самтхэ. Он — сам себе «Будда», и его не интересует «чужая» мудрость.

В чайную заходят еще человека четыре — ее завсегдатаи, они же — члены кружка традиционной корейской музыки.

Около 12 ночи выезжаем в деревню, расположенную недалеко от города Кимчже. Я еду на старой разбитой «КИА-капитал». Самтхэ — на «Хёндэ» новейшей модели «Атос» вместе со своим другом — председателем кружка корейской народной музыки. Спать будем в доме одного молодого крестьянина — тоже члена кружка. Все, кроме меня и хозяина «КИА», будут спать в новом металлическом доме хозяина.

А я — в старом традиционном доме с глиняным полом, глинобитными стенами, крышей, покоящейся на деревянных столбах и деревянными дверьми-окнами, оклеенными бумагой.

Над верхней частью дверей огромные щели, сантиметра четыре. И между створками дверей тоже щели. Холодный ветер свободно гуляет по всей комнате, потому что в противоположной стене — тоже бумажная одностворчатая дверь. Холод в помещении такой, как на улице. А звуки со двора — лай собак, мычание коров — слышны настолько отчетливо, что, кажется, спишь на открытом воздухе.

Мой спутник, владелец «КИА», сообщил радостную новость: включили бойлер, и скоро полы станут теплыми. Если укрыться одеялом, то, благодаря теплу пола, в узком пространстве между полом и одеялом можно согреться, хотя по комнате и гуляет ледяной ветер.

Однако к нашему приходу полы еще не успели достаточно прогреться. Мой спутник, однако, раздевается до нижнего белья и влезает под одеяло. Я же ложусь в джинсах и свитере. Хотя это и невежливо, я, как иностранец, могу себе такое позволить: холодно. Несмотря на гулявший по лицу ветер, я быстро уснул. Где-то к середине ночи я согрелся до такой степени, что, наконец снял джинсы и свитер. Но все же остался в рубашке.

Утром завтракали на кухне глинобитного традиционного дома. Хотя кухня здесь, по всем правилам, находилась чуть ниже уровня жилых комнат, пол в ней тоже подогревался, чего в традиционном доме не бывает. И, естественно, в кухне нет традиционной угольной топки. Современный набор кухонной мебели, холодильник, газовая плита, микроволновая печь.

С нами в кухне завтракал и дед, лет 80. Сидел он, правда, за отдельным столиком. Спросил, кто я. Ответили: русский. Оказалось, что среди американцев, японцев и русских последние, согласно градации деда, занимают самую низшую ступень. При этом русских и японцев дед называл скотами (*ном*), а американцев — людьми (*сарам*). Против такой градации Самтхэ сильно возражал и предлагал деду на деньги, вырученные от продажи риса, съездить в Японию или Россию и самому на все посмотреть. При этом Самтхэ вызвался быть гидом в будущих поездках...

Завтрак окончен. Самтхэ знает мое пристрастие к кофе. Но хозяину найти кофе не удастся, и я, как и все, пью обычную сырую воду.

Домой меня везет владелец старой «КИА». Самтхэ тоже в этой машине. Приезжаем. Все прощаются со мной. Самтхэ — холодно, без видимых чувств. Однако он дарит мне почти что новый рюкзак, одол-

женный накануне. В нем книги на 30 тыс. вон, приобретенные для меня, а на мне — спортивные тапочки, купленные в Иксане, чтобы было удобнее подниматься в горы Мирыксан.

Вот такой он, Ким Самтхэ.

3–4 марта 1998 года

20. Самый дорогой сапожник Кореи

Дело было солнечным и теплым утром 4 марта 1998 года в провинциальном городке N провинции Южная Чхунчхон. Одной моей знакомой корейской женщине потребовалось заменить набойки на туфлях. Она направилась к ближайшей сапожной мастерской, располагавшейся недалеко от железнодорожного переезда. Будка сапожника примерно такая же, как и в России, только чуть побольше по размерам, так, что в ней можно расстелить на полу подстилку и прилечь там в часы, когда нет посетителей и работы. Действительно, когда женщина дошла до будки, то оказалось, что на полу горой лежат несколько одеял. Женщина приоткрыла дверь, окликнула хозяина и, не получив никакого ответа, хотела было закрыть дверь и уйти, как вдруг одеяла зашевелились, и из них вылезла старая сморщенная бабка. Она поведала, что хозяин отлучился в туалет, и предложила оставить туфли на некоторое время. В будке сапожника были приготовлены шлепанцы и два старых пластиковых табурета с привязанными сверху старыми сплюснутыми подушками. Женщина оставила туфли и пошла к своему старому знакомому, который работал неподалеку.

Прошло минут сорок. Женщина вернулась за туфлями и обнаружила, что сапожник — древний старик со сморщенными и дрожащими руками — все еще боролся с набойкой для первого каблука. Гвозди и молоток плохо слушались своего хозяина. Каждый второй гвоздь, вбивавшийся в каблук, сгибался пополам, и его приходилось вытаскивать отверткой и заколачивать новый. Резиновые набойки не сидели на своем месте и все время норовили соскочить с каблука.

Женщина робко спросила:

— Сколько возьмете за работу?

— Три тысячи вон.

— Три тысячи? — переспросила женщина, слегка повышая тон, удивленная дороговизной работы

— Восемь! Восемь тысяч! — грубо отрезал раздраженный старик.

— Вы что? Не может быть! Какие восемь тысяч? За что? За пару резиновых набоек?

— Не нравится, забирай! Не знаешь, какое сейчас время. Везде так! Нет денег, нечего было сдавать в ремонт! — не унимался старик.

Расстроенная женщина, приехавшая в город N издалека, поспешила позвать на помощь мать, которая жила неподалеку и хорошо знала жителей округи. Мать пришла, посмотрела на разъяренного сапожника, тихо отдала старухе семь тысяч и сказала своей дочери:

— Не надо поднимать шума из-за этого. Оставь...

Сапожник и его жена молча приняли деньги.

6 марта 1998 года

21. Корейские лица. Зарисовки с натуры

Фото на улице

29 января 1999 года около часу дня недалеко от центрального универмага «Лотте», по пути в книжный магазин «Ёнпхун», я решил сделать фотографический автопортрет на фоне только что выпавшего, но уже тающего сеульского снега, декоративных сосен и высоких офисных зданий. Стал примерять фотоаппарат к небольшому выступу у столба уличного светильника, то есть так, чтобы иметь возможность воспользоваться функцией автоспуска.

Какой-то кореец, молодой человек лет 35 в черных брюках и черном полупальто, с тонким черным портфелем для документов в одной руке и сотовым телефоном в другой, проходил мимо. Мне показалось, что он обратил внимание на мои мучения с фотоаппаратом, но, тем не менее, продолжил идти дальше. Пройдя метров двадцать вперед, молодой человек вдруг остановился, развернулся, подошел ко мне, и не говоря ни слова, показал на фотоаппарат и попытался сообщить мне с помощью жестов, что готов мне помочь.

Я точно также, жестами, выразил свое согласие. (Почему-то совсем не хотелось признаваться, что я говорю по-корейски). Кореец сделал снимок, поклонился мне и протянул фотоаппарат, держа его двумя руками, выражая тем самым свое почтение ко мне. И затем, не говоря ни слова, отправился по своим делам.

Обувной рынок Тондэмун (1)

В тот же день около четырех часов дня был в обувных рядах на рынке Тондэмун (Рынок у Восточных ворот). Нужно было купить женские

сапоги с высоким голенищем. В это время большинство обувных лавок, торгующих оптом и в розницу, уже закрывались. Наконец, мне удалось найти небольшой магазинчик, где был большой выбор женских сапог. Он находился ближе к главной площади. Я очень обрадовался, подумав, что уж в этом магазинчике я обязательно найду нужную модель. (В других местах сапог уже не продавали, так как зимний сезон подходил к концу.)

Зашел внутрь. Спрашиваю молодого человека, по возрасту явно младше меня:

- Сколько, в среднем, стоят у вас сапоги?
- 50 тысяч вон. (Около 45 долларов.)
- Дорого, — отвечаю я.
- А на сколько вы рассчитываете? — спрашивает продавец.
- Ну, тысяч на 35...

И тогда, вместо человеческого ответа или какой-либо стандартной для этой ситуации попытки поторговаться, он вдруг пренебрежительно указывает мне в сторону двери и грубо говорит:

— Пошел отсюда!

Меня всего словно вывернуло наизнанку. Еле сдерживаясь, посоветовал торговцу обратить внимание на плакат, установленный на станциях сеульского метро, который призывает корейцев лучше относиться к иностранцам²⁰. И далее, пожелав хозяину «заработать больше денег», как раскаленная пружина, вышел вон.

Обувной рынок Тондэмун (2)

Однако женские сапоги я должен был купить именно сегодня. Поэтому я продолжил поиски дальше. У пешеходного перехода над автомобильной эстакадой²¹ наткнулся на обувную лавочку, в которой сидели две женщины-продавщицы. У них были сапоги из искусственной кожи. Сказали, что стоимость — 25 тыс. вон. Я предположил, что такие же кожаные должны стоить около 35 тыс. Женщины согласились со мной, но потом вдруг куда-то позвонили по телефону. Они объяснили мне, что женские сапоги не их; они их взяли для продажи из обувного магазинчика, расположенного на задней улице. И им «неправильно называли цену». На самом деле сапоги стоят... 55 тыс. После того, как я стал интересоваться другими моделями сапог, женщины

²⁰ См. запись № 10, глава 8, часть 1.

²¹ Эстакада демонтирована в 2003 году, а на ее месте создана пешеходная зона у реки Чхонгечхон, которая в то время была закрыта железобетонными плитами.

решили, что лучше будет отвести меня в тот самый магазинчик на задней улице, откуда они взяли товар для продажи.

Хозяином оказался мужчина. Разных моделей сапог здесь было множество, и все они стоили порядка 50 тыс. вон.

Затрудняясь сделать нужный выбор, я, наконец, решился позвонить заказчице. Передав трубку хозяйину, я дал ему возможность лично объяснить особенности всех моделей и указать их цену. Поняв, что имеет дел с корейкой не из Сеула, он стал особо расхваливать одну из моделей, а заодно и накинул цену на нее на 10 тыс. вон, убеждая купить именно эту модель.

В результате я сдался на уговоры, но в душе остался какой-то неприятный осадок и ощущение того, что меня обманули.

Продавец напитков в поезде

Вечером 29 января я должен был ехать на поезде в провинцию. Получилось так, что в тот день я не успел пообедать, и поэтому запланировал перекусить в дороге. В поездах по вагонам ходят продавцы напитков и легких закусок, везущие свой товар на небольших тележках. Почему-то в большинстве случаев это лысеющие мужчины лет пятидесяти.

Итак, я сел в поезд, но не стал покупать еду сразу. Лишь через некоторое время, после того, как продавец напитков прошелся по вагонам три или четыре раза, я решился что-нибудь купить. На этот раз перед мной был продавец в форменной одежде лет 27–30. Я попросил его остановиться. Он подчинился моей просьбе, но как-то нехотя. Я спросил, есть ли что-нибудь несладкое. Служащий ответил отрицательно и сразу двинулся прочь, несмотря на то, что в руках у меня был кошелек и весь вид мой говорил о том, что я действительно тверд в намерении что-нибудь купить. Я попросил служащего вернуться. Однако он, буркнув через плечо, что у него «ничего нет» и что он «очень торопится», (куда?) рванул вперед по проходу между кресел.

Попутчица в поезде

Рядом со мною в поезде сидела женщина лет тридцати пяти, в черных брюках, черном пуловере и черной жилетке. Всю дорогу она дремала. В руке у нее был сотовый телефон. На среднем пальце левой руки — массивное золотое кольцо, похожее на обручальное. Незадолго до станции Чхонан женщина проснулась, услышала, как я говорю по-корейски с продавцом напитков, и уверенно спросила меня:

— Вы путешествуете?

— Нет, по делам, в командировке, — ответил я.

— А куда едете?

— В город N, там у меня знакомые.

— И как ваше впечатление о Корее?

В ответ на последний вопрос я рассказал о своих злключениях на рынке Тондэмун. На это женщина сказала:

— Это не только в Корее. В любой стране мира есть люди плохие и хорошие. Я думаю, что хороших людей больше. Через них движется жизнь. На них стоит мир.

Я согласился. И захотелось продолжить разговор дальше с моей случайной попутчицей, имевшей, судя по манере говорить и держать-ся, университетское образование.

Но поезд уже остановился на станции Чхонан, и моя попутчица сошла с поезда.

29 января 1999 года

22. Сотовые телефоны (Случай с арендой автомобиля)

И в январе 1999 года, когда я последний раз приезжал в Корею, сотовых телефонов в стране было уже достаточно много. А нынче я обратил внимание на следующее. Значительно сократились размеры телефонных аппаратов. Визуально — раза в два. И в большинстве своем они складные, светлых тонов. Иногда с украшениями, отражающими индивидуальность хозяина (чаще — хозяйки). Телефонов стало больше. Но на улице это не заметно. Телефонные аппараты такие маленькие, что в сложенном виде умещаются в кулаке. Но когда живешь среди корейцев, то рост числа владельцев сотовых телефонов заметен сразу. В семье уже, как минимум, два телефона: у мужа и у жены. Пэйджеры, внезапно появившиеся в середине 1990-х, кажется, уже совсем исчезли.

Корейцы относятся к сотовым телефонам естественно, не столь трепетно, как русские.

12 августа со мной произошел случай, характеризующий простоту и естественность владения сотовым телефоном в Корее.

В тот день я должен был вернуть в фирму «Сохэ Рент Кар», расположенную в городе Чончжу, легковой автомобиль «Акцент», взятый для меня в аренду накануне. Город я знаю плохо, а точнее — совсем не знаю. Поэтому впереди меня шла машина корейских знакомых. На перекрестке, попав на красный сигнал светофора, я потерял прово-

дников. А они меня почему-то не подождали. Решил искать фирму сам по адресу, указанному на визитной карточке. Порасспрашивал на улице корейцев. Доехал... Не туда! Фирма та самая, но место другое, совсем не то, где я вчера брал машину...

Оказалось, что у фирмы в городе Чонджу есть два филиала. Подумал, обращусь-ка я к служащим того филиала, куда я попал, и они мне наверняка помогут. Прошел под вывеску «Сохэ Рент Кар» во двор, где стояли автомобили. Было около семи вечера. Смеркалось. Все окошки офисов были темными. Открытой была только дверь душевой. Внутри горел свет. Доносились звуки льющейся воды. В отчаянии я решил войти внутрь и спросить, есть ли здесь кто-либо из фирмы по прокату автомобилей.

— А они переехали три дня тому назад. Здесь ничего нет. Куда — не знаю, — ответил мне голый молодой человек. И предложил: — А вы позвоните им в офис...

— У меня нет ни сотового телефона, ни телефонной карточки для таксофонов. Уж и не знаю, что делать, — ответил я.

— Ну, позвоните с моего телефона, — ответил, вытираясь, молодой человек и указал мне на потертый белый сотовый телефон новейшей модели.

Позвонив, я подумал о том, а может ли в России владелец сотового телефона одолжить его попользоваться незнакомому прохожему?

15 августа 2000 года

23. Шорты

В 2000 году шорты, похоже, стали основной повседневной летней одеждой сеульцев. Большинство пассажиров метро, независимо от пола и возраста, носят длинные шорты из хлопчатобумажных тканей неброских светлых тонов. На ногах — босоножки или даже шлепанцы. Такое ощущение, что работники солидных фирм или перестали ездить на метро (обычно мужчины одевались в костюмы, строгие рубашки с галстуками, женщины носили строгие юбки и блузки), или же стали переодеваться в офисах.

И, кстати, в 2000 году полностью исчезла мода на мини шорты или мини юбки.

20 августа 2000 года

24. Рабочий класс: доброта

Нынешний мой визит в Корею обрадовал приятным общением с рабочим классом. Хотя, наверное, во всем мире люди созидательного труда одинаковы...

А дело было так. 28 августа 2000 года я отправился в торговый район «Сеун санга» (세운상가), расположенный в центре Сеула. В частности, мне нужно было купить колеса для чемодана. С трудом нашел «нечто похожее» на то, что мне было нужно: пластмассовое колесо небольшого диаметра. Однако колесо было в металлической «оправе», которую требовалось снять. Хозяин лавочки не смог помочь мне избавиться от «оправы» и посоветовал отправиться во внутренние кварталы торгового района, поскольку там находились механические мастерские.

Так я и сделал. У одной из мастерской обратил внимание на молодого парня, раскладывавшего металлические прутья квадратного сечения. Сначала молодой человек просто не обратил внимания на мой вопрос насчет снятия «оправы». Потом поднял голову, молча взял мое колесо, плоскогубцы и стал отделять металлическую «оправу» от колеса. Получалось у него плохо. Позвал на помощь товарища из соседней мастерской. В итоге первое колесо с трудом освободилось от «оправы». «Оправу» второго колеса решили подрезать на станке. От высокой температуры пластиковое колесо расплавилось...

Я не расстроился, сказал рабочим, что пойду в лавку и куплю новое. Вернулся к хозяину лавки, что продал мне колеса, и сказал:

— Вот, колесо расплавилось, пока «оправу» пробовали снимать. Пришел купить новое.

На это хозяин мне ответил:

— Так берите.

— Как так «берите»? — переспросил я.

— Берите, берите! Бесплатно! Вот они там у меня лежат.

Я в хорошем расположении духа снова пошел в механические мастерские.

Корейские рабочие, наловчившись, быстро и без проблем освободили от «оправы» и второе колесо.

Я спросил:

— Сколько я вам должен за работу?

— Ничего.

— Почему? Ведь вы столько для меня сделали!

— Разве это работа? Разве за это берут? Вот если потом у вас будут какие-либо значимые заказы по металлу, тогда и придете и заплатите сполна — ответил мне молодой рабочий.

И я ушел из мастерской очень довольный. Довольный не тем, что для меня что-то сделали бесплатно, а просто хорошим человеческим отношением.

Потом я еще некоторое время искал в других лавочках подходящие для моих колес болты и гайки.

И вот, когда уже ближе к вечеру я шел по торговой улице, держа в руках заветный пакетик с колесами и ботами, вдруг услышал обращенный ко мне вопрос:

— Ну как, все нашли, что искали?

Это спрашивал хозяин колесной лавочки, который, очевидно, куда-то выходил по своим делам, а теперь, возвращаясь обратно, шел мне навстречу.

— Все в порядке! Огромное спасибо! — ответил я.

31 августа 2000 года

25. Кампания против употребления в пищу собачьего мяса

В конце 2001 г. в СМИ Южной Кореи стала активно разворачиваться кампания против традиционного для корейцев употребления в пищу собачьего мяса.

В результате корейцы значительно сократили потребление этого «деликатеса» и рестораны, специализировавшиеся на супе из собачатины — *посинтхан* (보신탕 — дословно: «суп [для] защиты тела»), стали нести значительные убытки. Подешевело и само собачье мясо.

Декабрь 2001 года

26. Посетители Музея современного искусства

В сеульском Музее современного искусства я не был 10 лет (то есть с 1993 г.). Был, правда в 1995 г., но, что называется «мельком», не один, и за полноценный визит я это не считаю.

По сравнению с тем, что было 10 лет тому назад, теперь стало гораздо удобнее добираться. Раньше от станции метро Садан требовалось ехать на пригородном автобусе. А затем пешком тащиться около километра или же платить за подвесную канатную дорогу.

Нынче же и метро сюда ходит, и от станции метро до самого музея курсирует специальный бесплатный автобус. Это великолепно.

Был во вторую половину дня субботы, то есть в выходной день. Теоретически, должно было быть много народа. Однако залы были достаточно пусты и 80% посетителей составляли молодые парочки, 90% из которых ходили по залам в обнимку (то есть ходят корейцы в этот музей как в один из объектов для свиданий).

Второй по количеству категорией посетителей были молодые семейные пары с детьми до 5 лет.

Группочки из пожилых пар или двух-трех женщин составляли менее 5–10% посетителей. Остальные — одиночки, подобные мне.

Экспозиция за это время (за последние 10 лет) несколько изменилась. Исчезла часть картин, созданных в первой половине XX века. Это и понятно: «современность», то есть новейшая история, в Корее считается с 1945 года.

28 июня 2003 года

27. Отношение корейцев к морю

4–5 августа 2003 г. я должен был ехать на экскурсию в портовый город Мокпхо, расположенный на юго-западной оконечности Корейского полуострова, а также в уезд Канчжин, неподалеку от Мокпхо.

Моя экскурсия была организована частным образом. Три служителя протестантской церкви, увлекающиеся родной корейской историей, решили вместе со мной поехать на большом автомобиле «Хёндэ — Старэкс» в давно не посещавшиеся ими районы, чтобы показать мне разные исторические места.

Однако же мне показалось, что мое нахождение в этом коллективе было в известной степени предлогом для того, чтобы этим троим весьма замечательным людям отправиться в путь «по волнам своей памяти».

Я отправился в эту поездку с большими надеждами. Давно хотелось посмотреть не только на город Мокпхо, с которым связаны события новой и новейшей истории Кореи, но и просто море, не мутное от прибрежного ила, каким оно является практически вдоль всего западного побережья полуострова, а «настоящее» — с прозрачной, чистой голубоватой водой.

Первым делом по приезде в Мокпхо мои сопровождающие решили отобедать (что является совершенно нормальной, естественной и не-

отменяемой традицией корейского народа). Несмотря на то, что я сказал в пути моим сопровождающим, что терпеть не могу всякие «склизкие» морепродукты типа трепангов и прочих морских растений, они выбрали именно такой ресторан, в котором вам готовят только что купленные на улиц «склизкие» морепродукты.

Во время ожидания того, пока приготовят обед, я спросил, будет ли подаваться рыба. Мне сказали, что купили какую-то местную рыбу, но в дальнейшем я ее почему-то не обнаружил на столе.

Пока готовили купленные морепродукты, я решил прогуляться рядом с рестораном. У стойки с кассой висела карта города, и я обнаружил, что нахожусь в двух шагах от причала. Решил пройтись до моря. Действительно, метрах в 75 от ресторана находились причалы с паромными и рыболовецкими судами, прилегающая территория к которым была забросана всевозможным бытовым мусором. Было время отлива, и я спустился по наклонному бетонному спуску к воде. Самый край бетона был покрыт вросшими в его «тело» мелкими раковинами. Поэтому, когда я решил потрогать соленую морскую воду, то слегка поранился.

Вода была относительно чистая. Чище, чем в некоторых отечественных морских портах. Но, как всегда, с плавающим по поверхности бытовым мусором (которого было очень мало).

На улице была жара за 30 градусов, и я очень хотел искупаться в голубой воде.

Вернулся в ресторан минут через 15. На карте также обнаружил, что от ресторана начинается великолепная дорога вдоль берега, с которой открывается прекрасный вид на морскую бухту.

Сев за стол, я попросил моих сопровождавших обязательно проехаться по приморской дороге.

Однако после еды они поехали в провинциальную управу, чтобы взять карты и прочие туристские буклеты, представляющие местные достопримечательности. По прибрежной дороге мы не поехали.

Далее — хотели отправиться на близлежащие острова (остров Вандо) на пароме, но паром туда ходит всего 2 раза в день и последний, на 13 часов с чем-то, уже ушел. Морской музей также не работал, так как был понедельник.

Я еще несколько раз попросил свезти меня на берег моря. Мне обещали поездку на пляж, который здесь тоже есть, завтра.

Но ни в тот день, ни на следующий никто и не подумал везти меня на берег моря. Даже не вспомнили о моей просьбе.

Сами мои сопровождающие тоже никак не интересовались морскими пейзажами (уже не говоря о совершенно нетрадиционном для

корейцев купания в море). Им было совершенно все равно, есть ли море в г. Мокпхо или нет, и они вели себя так, словно это был обычный «материковый» провинциальный город.

Действительно, ни в одном приморском городе Кореи (по крайней мере, на западном и восточном побережье страны) вы не увидите прогулочной приморской набережной. Корейцам неинтересно гулять вдоль берега моря, вдыхая ароматы «неизвестных далей».

Только в городе Инчхон (что недалеко от Сеула) на острове Вольмидо, где устроен городок аттракционов, вы можете увидеть прибрежные кафе. Но это исключение из правила.

Корейцы традиционно не являются морскими романтиками...

6 августа 2003 года

28. Я — «кореец»

2 августа 2005 года со мной произошла очень интересная история. В обеденный перерыв я отправился на Центральную улицу Чунанно города Тэчжон в офис телефонной корпорации «Кэй Ти Эф» (КТФ) для того, чтобы внести плату за сотовый телефон. Надо сказать, что большинство тарифов на сотовую связь построены по принципу оплаты разговоров по факту. Такие тарифы не так дороги (12–15 вон за 10 секунд разговора), но требуют, чтобы владелец номера имел корейское гражданство или постоянную регистрацию иностранца, а также владел кредитной картой. Тому, кто не имеет ни того, ни другого, можно завести дорогой тариф с оплатой авансом, от 10 тыс. вон в месяц, со стоимостью разговора около 60 вон за 10 секунд. Так было и в моем случае, причем договор с телефонной компанией также оформлял знакомый кореец.

Итак, я пришел в офис Кэй Ти Эф, который находился на шестом этаже здания, что напротив универсама «Галлерия», взял билетик с номером очереди (№ 85) и стал ждать. Слава Богу, в офисе был бесплатный кофе и чай, и мне было чем заняться.

Когда подошла моя очередь, я подсел к соответствующему окошку и назвал номер телефона, сообщив, что хочу внести аванс.

— Чо Ханхий? — спросила девушка, обращаясь ко мне как к корейцу, владельцу номера.

— Да, Чо Ханхий, — сказал я, прикидываясь, будто бы понял вопрос в том смысле, что спрашивают, верно ли названо имя номинального хозяина номера (ибо реальным хозяином был я).

— У вас есть удостоверение личности?

— Нет, не взял с собой.

— Ладно, я вам и так все оформлю.

Когда были внесены деньги и выполнены все формальности, я попросил обеспечить мне сервис определения номера (платный, 1 тыс. вон в месяц).

Девушка в окошке снова меня спросила:

— Чо Ханхий? У вас есть удостоверение личности? Требуется удостоверение личности.

Тут я не выдержал и сказал:

— Нет, я не Чо Ханхий. Чо Ханхий — это мой знакомый.

— Я так и думала, — с облегчением сказала девушка и объяснила, как с помощью моего корейского знакомого можно обеспечить сервис определения номера заочно.

...

Неужели я так похож на корейца?

А еще как-то ехал в лифте в одном из универмагов. Стоял себе спокойно. Рядом — мать с дочерью. Вдруг мать говорит своей маленькой дочери:

— Похоже, этот дяденька понимает по-корейски.

Я кивнул в знак согласия.

И как они все это чувствуют?

5 августа 2005 года

29. Запрет делать фотографии

20 июля 2009 года. Вышел от железнодорожной станции города Чханвон и отправился по Чханвонскому шоссе (Чханвон дэро) в сторону торгового центра «Хоум Плас» (Home Plus). Неподалеку от вокзала находилась автозаправочная станция, кажется, фирмы «GS» (сотрудники одеты в зеленую униформу). Меня вдруг привлек вид облаков, которые как бы «лежали на брюхе», опершись на верхушки сопок. Мне захотелось сделать фотографию этого красивого вида. При этом с правой стороны находилась автозаправочная станция, частично попавшая в кадр.

Мужчина лет за 50, сотрудник автозаправки, в униформе, но в то же время в несколько фривольной соломенной шляпе на голове, твердыми шагами подошел ко мне и стал настойчиво выяснять, а что это

такое я (иностранец) здесь фотографирую. Он явно пытался запретить мне делать фотосъемку.

Я еле сдержался. Почему это в «демократической стране» мне запрещают совершать вполне законные действия...

Еле сдерживаясь, сказал мужчине:

— Посмотрите, видите облака. Они мне нравятся.

— Это наша собственность, — сказал раздраженно кореец, указывая на автозаправку, — я думал, что у вас именно к ней такое внимание.

Я молча развернулся и продолжил свой путь к цели моего пешего путешествия.

20 июля 2009 года

30. Чашка кофе, или Новые корейские нравы

Вечером 31 мая 2010 г. я в лобби санкт-петербургской гостиницы «Амбассадор» ожидал время начала вечернего коктейля, который устраивался по случаю проведения «Корейско-российского форума».

В правой дальней части лобби на диванчиках расположился южнокорейский дипломат N; неподалеку от него ожидали начала мероприятия еще несколько дипломатических работников. Рядом с N как раз было свободное местечко, и я решил присоединиться к компании ожидающих, чтобы впервые за несколько месяцев посидеть вместе с дипломатом и попытаться наладить неизвестно почему охладившиеся с ним отношения.

Только я подошел к диванчикам, как N, вместо того, чтобы пригласить меня сесть рядом, вдруг вскочил и сказал:

— Очень хочется пить. Не сходить ли нам в кафе, попить чаю, а лучше — кофе. Я очень хочу выпить чашечку. Аж в горле пересохло...

— Конечно, — с радостью сказал я.

— Но, вы знаете, у меня с собой нет русских денег. Ни копеечки. Что же делать? — сказал дипломат и как-то по-особенному взглянул на меня.

— Ну ладно, я Вам куплю. Пойдемте!

Мы отправились в кафе, расположенное перед входом в банкетный зал. Сели за стол, у которого стояли мягкие кресла. Дипломат заказал две чашки кофе. Сначала он стал пить кофе без сахара, а затем, поморщившись, произнес:

— Горько, очень горько. Ну и кофе...

— А вы положите сахару. Кофе вообще рекомендуют пить с сахаром.

Н без особого энтузиазма добавил в кофе сахар, но выражение недовольствия все же не исчезло с его лица

На протяжении 20 минут сидения со мной, несмотря на то, что кофе предполагалось пить за мой счет, дипломат долго увещевал меня, пытаясь заставить сменить меня точку зрения на межкорейские отношения.

Наконец, время подошло к 7 вечера. У входа в банкетный зал появились какие-то важные персоны. Дипломат вдруг принял крайне озабоченный вид, показывая мне, что ему нужно срочно идти к этим высокопоставленным лицам, и сказал:

— Ну, я пойду...

Я же в некоторой растерянности остался один. Затем поднялся и пошел искать официантку, чтобы расплатиться и поскорее покончить с этим странным эпизодом.

6 июня 2010 года

ГЛАВА 5. РОЛЬ ЛИЧНОСТИ И КОЛЛЕКТИВИЗМ

1. Культ личности в Южной Корее

В Южной Корее есть реалии, очень напоминающие северокорейский культ личности. В последнюю неделю гастролей Балета на льду, в среду, на 34-м этаже гостиницы «Лотте», в новом крыле, для всех советских организаций, чьи представители, связанные делами с фирмой «Лотте», находились в Сеуле, был устроен прием и встреча с председателем всего концерна «Лотте» — господином Син Гёкхо. Таким образом, среди приглашенных, кроме руководства и солистов Ленинградского государственного балета на льду, были чиновники московского ЦУМа, а также научные деятели из Алма-Аты и Сибири. Угощали только кофе с печеньем, пирожными и конфетами. Г-н Син опаздывал из-за непредвиденных обстоятельств. И тогда один из его заместителей, присутствовавших на приеме, решил поведать нам краткую биографию г-на Сина. Душещипательная история о том, как Син Гёкхо в 12 лет в крайней бедности начал свою трудовую деятельность, занявшись торговлей жевательной резинкой, как много страдал и вот теперь, наконец, стал одним из четырех богатейших людей мира. Причем нет той работы, в которой бы он не принял личного

участия. «Вот, посмотрите на убранство этого зала, интерьер которого сделан в стиле ампира, — говорил заместитель. — Его дизайн лично разрабатывал г-н Син». И при этих словах рассказывавший многозначительно и загадочно переглянулся с другими корейцами из руководства корпорации.

1990

2. Тяга к коллективному обучению

26 июля 1993 г. отправился первый раз посмотреть на то место, где на рубеже XIX и XX веков находилось Российское дипломатическое представительство, а также Российская Духовная Миссия. От зданий не осталось практически ничего, кроме так называемой «Часовой башни». Под нею внизу разбит парк. В части, что ближе к выходу из парка, группа молодых людей играла в мяч. А в глубине парка, на скамеечке я увидел четырех студентов — парня и трех девушек, вместе зубривших китайские фразы. При этом юноша, игравший роль лидера, время от времени что-то объяснял девушкам. Заучиваемые фразы иногда повторялись хором.

1993

3. Как корейцы уходят в отпуск

В Южной Корее июль и август, (особенно август) — период отпусков. И есть в этом та интересная особенность, что работники одной фирмы (например, универсам «Сэрона»), группы однородных лавочек (торговые ряды импортных товаров на рынке Намдэун — у Больших Южных ворот) или же просто служащие находящиеся рядом и никак не связанных между собою по роду работы или торговли заведений, уходят в отпуск одновременно, разом.

Также одновременно могут уйти в отпуск хозяева и сотрудники отдельных «лавочек», занимающихся схожей деятельностью, но расположенных в относительной удаленности друг от друга, хотя и в пределах одного квартала. Так, в августе по причине отпуска были закрыты все ателье по ремонту фотоаппаратов в районе рынка Намдэун. Кстати, тогда же были закрыты и торговые ряды, специализирующиеся на продаже фотоаппаратов.

Не знаю, как для отдыхающих («отпускников»), но для простого потребителя такая манера ухода в отпуск создает огромные неудобства.

1993

4. Кое-что из «социалистического» распорядка дня Института национальной истории

В 11.50 по внутренней трансляции Института национальной истории²² начинает играть маршевая музыка, сопровождаемая счетом диктора (раз, два, три..., раз, два три...), для того, чтобы сотрудники Института делали производственную гимнастику перед тем, как отправиться на обеденный перерыв.

В 17.55 по той же трансляции передается гимн Республики Корея, который также и начинает рабочий день..

Во всех кабинетах руководства Института слева от входной двери есть очень интересный продолговатый деревянный ящичек с лампами внутри, около 9 штук, и шнурком выключателя. Напротив каждой лампочки — белое матовое стекло с надписью одной из должностей девяти руководящих лиц Института. Если лампочка горит, значит, человек на работе (в кабинете), если нет — значит, уже ушел.

Так вот, есть в Институте некий негласный порядок погашения лампочек в конце рабочего дня. Обычно это происходит после 18.00. Пока низший по рангу не погасит свою лампочку, более старший не может выключить свою (уйти с работы).

Последним «корабль» покидает «капитан» — директор Института национальной истории.

1993

5. Второй визит в «Комитет по изданию материалов национальной истории»

Есть в районе Квачхон (южная часть Сеула; формально — столичная провинция Кёнги), там где расположена часть южнокорейских министерств, так называемый «Комитет по изданию [материалов] национальной истории», который в переводе на английский иногда называют просто как «Институт национальной истории» (국사편찬위원회).

Впервые я посетил это учреждение еще в 1993 году и описал этот визит в моих ранних корейских дневниках.

Нынче я сходил туда еще раз 30 июля 2003 г.

Новый директор проф. Ли Манёль встретил меня еще более холодно и неприязненно, нежели прежние директора. А ведь я был с ним

²² 국사편찬위원회.

знаком еще в 1998 г. Ко всему прочему, когда я приходил к прежним директорам, я был всего лишь научным сотрудником российского исследовательского учреждения. А нынче я был полноправным доцентом («профессором»), директором Центра корейского языка и культуры и даже одним из 3 российских членов этого комитета. Однако же директор только и ждал того, пока я покину его кабинет, и это очень хорошо чувствовалось.

Однако пишу я об этом Комитете совсем не по причине безразличия его членов к моей персоне, а по причине одного весьма интересного изменения.

10 лет тому назад в каждом кабинете висел указатель с перечнем основных должностных лиц Комитета. Причем за каждой секцией с названием должности находилась лампочка, которая всегда включалась, когда начальник находился на рабочем месте и выключалась, когда его не было. В Комитете было негласное правило: каждый вышестоящий начальник уходил после нижестоящего (то есть ждал, пока соответствующая лампочка не погаснет).

В 2002 г. я обнаружил, что указатель заклеен пленкой «под дерево». Поэтому незнающий человек может подумать, что на стене висит просто кусок «непонятной технической деревяшки». Я спросил у работников Комитета о причинах отказа от этого прибора.

На мой вопрос получил ответ: «Все равно сотрудники всегда включали лампочки, даже когда их не было на рабочем месте. Пойдешь к начальнику по делам, а в кабинете никого нет: ушел. Раз так, то решили вообще от этой системы сигнализации выхода на работу отказаться».

18 августа 2003 года

6. Организация жен сотрудников одной фирмы

Не является секретом, что корейцы часто объединяются в негосударственные организации по признакам кровного родства, общности места рождения или места обучения²³. Об этом немало написано в южнокорейской научной литературе.

Однако кроме многочисленных организаций, созданных по указанным выше признакам, я через г. Ли Минчжа узнал об еще одной:

²³ Чончхинхве (종친회) — организация по линии кровного родства, хянухве (향우회) — организация по линии землячества, тончханхве (동창회) — организации по линии общего учебного заведения.

собрание жен сотрудников одной фирмы, имеющей все те же формальные признаки, что и организации кровного родства, землячества или соученические²⁴.

Во-первых, у этой неформальной организации жен имеется свой председатель — *хвечжан* (회장). Во-вторых, организация жен имеет четкую периодичность собраний: один раз в месяц, как правило, первый вторник каждого месяца. В-третьих, каждый член организации обязан один раз в месяц вносить соответствующие взносы в размере нескольких тысяч вон.

Что делают на таких собраниях? Сидят, пьют, едят, обсуждают насущные проблемы. Однако, как меня уверяла г-жа Ли, поведение своих мужей обсуждать не принято.

1993

7. Открытость «личного пространства»

Корея — это страна, где нельзя быть закрытым, иметь какие-то секреты от окружающих. Один из примеров этого — порядок жизни, заведенный в маленьких частных пансионатах *хасук* (하숙집). Пансион *хасук* представляет собой небольшое, двух-трехэтажное здание с комнатами для постояльцев, на одного или на двоих. На первом этаже есть комната-столовая, где проживающим подается завтрак и ужин. Хозяева, как правило, живут в том же доме.

Есть некоторые неписанные правила жизни в таком *хасук*. Уходя из дома, нельзя закрывать комнаты на ключ. Мало того, лучше, чтобы двери вообще оставались открытыми, так, чтобы комната «лучше проветривалась». Хозяин считает себя в праве в любое время заходить в комнату постояльца. Хотя в моем конкретном случае это было не так плохо. Иногда, возвращаясь из университета, я находил в своей комнате дыню, арбуз или корейские хлебцы *тток*. Надо отдать должное и жильцам, с кем я проживал в пансионе в районе Содэmun-гу, Тэсиндонг N 125-13. Никто из них ни разу не заходил в мою комнату. Вещи из нее не пропадали. Не заходил к другим и я.

17 июня 1995 года

²⁴ Госпожа Ли Минчжа не указала мне название фирмы, где работает ее муж.

8. Холод и традиционный корейский коллективизм

1 ноября 1995 года на Сеул совершенно неожиданно «обрушился» холод. Утром температура была около — 2–4° С. Сначала светило солнце, а потом сгустились тучи, подул сильный ветер и даже показались первые снежинки.

Тем не менее к моему удивлению большинство мужчин в этот день ходили как обычно: в костюмах или тоненьких летних курточках. Только отдельные женщины позволили себе надеть теплую одежду.

Я напрямую спросил преподавателя Центра корейского языка Университета Ёнсе г. Чо Ханнока о причинах такого явления (не одевания теплой одежды в холода): что, мол, корейцы холода не чувствуют? (Сам я пришел в университет в теплой кожаной куртке).

Ответ был примерно таким: «Холодно. Очень холодно. Но приходится терпеть. Корейцы привыкли терпеть. Ведь сейчас еще только осень, и не время надевать теплые [зимние] одежды. И если, к примеру, мне одному надеть теплую одежду, то все коллеги будут смотреть на меня как на ненормального. Поэтому приходится терпеть. Вот если бы все сразу договорились прийти в теплой одежде, тогда было бы ничего, независимо от времени года».

Записано 2 ноября 1995 года

9. Реклама и мобилизационные кампании

Просматривая южнокорейские газеты начала января, в основном газету «Хангук ильбо», столкнулся с очень интересной рекламой, направленной на мобилизацию населения во имя преодоления финансово-экономического кризиса.

Так, в номере «Хангук ильбо» от 12 (?) января была помещена реклама, изображавшая 8-летнюю девочку, говорившую: «А не отдать ли мне мое золотое колечко, подаренное ко дню годовщины со дня рождения, государству, чтобы экономика в стране стала лучше?» Реклама направлена на организацию кампании продажи в казну личного золота по фиксированным государственным ценам.

А на странице 9 той же газеты от 16 января реклама изображала пейджер с открытой крышкой отсека для батареек, в которой батарейка была завернута в американский доллар. Реклама спрашивала: «А не тратятся ли в моем пейджере американские доллары?» То есть реклама призывала к использованию исключительно отечественных (южнокорейских) батареек.

Записано 25 января 1998 года

ГЛАВА 6. НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ

1. О корейских адресах

Современные корейские адреса совершенно не приспособлены для поиска домов незнакомцами. Адрес состоит из название района, квартала и номера дома. В центре города, правда, есть «улицы» со своими названиями, но и это не облегчает ситуацию.

Как-то раз, в середине мая, искал улицу «Намдэmunно о га» («Пятую улицу Шоссе Больших Южных Ворот»). Сначала я пошел на сам рынок у Южных Ворот, расположенный поблизости. Думал, может там знают, где находится интересующая меня улица. Однако мои расспросы совершенно ни к чему не привели, так как хозяева лавочек нередко указывали мне совершенно противоположные направления. Наконец, я догадался подойти к самим Южным воротам. Никто из прохожих ничего определенного сказать мне не мог.

Заметив у края площади какую-то каптерку строителей, смело вошел внутрь. Рабочий тоже ничего не знал, но догадался позвонить по телефону того учреждения, куда мне нужно было попасть: Корейский Фонд. Он что-то долго выяснял по телефону о месте, которое, как оказалось, находилось минутах в 12 ходьбы от каптерки. Рабочий любезно нарисовал мне план, и я быстро нашел искомое место.

* * *

В другой раз, когда я с парой молодых сотрудников фирмы «Лотте шопинг» сопровождал в поликлинику двух артистов Балета на льду (у обоих было что-то с ногами), то столкнулся еще раз с аналогичной ситуацией. Буквально у каждого перекрестка машина, в которой мы все ехали, останавливалась, и наш корейский сопровождающий долго расспрашивал о местоположении больницы, называя адрес. В конце концов, он отчаялся и стал звонить куда-то по телефону, чтобы уточнить путь до поликлиники.

В результате почти 40-минутных мытарств мы все-таки добрались до места. Самое смешное то, что весь путь обратно, до гостиницы «Лотте», занял всего 5 минут.

1992

2. Время начала работы частных корейских ресторанов и закусочных

Большинство корейских частных ресторанов и закусочных, за исключением, быть может, сети быстрого питания типа «Макдоналдс» или «Лоттериа» (Lotteria)²⁵, фактически начинают работу около 12 часов дня, когда вся Корея отправляется на обеденный перерыв, соблюдаемый здесь как нечто святое. До этого времени, хотя ресторанчики и могут быть открытыми, ничего путного вы там не найдете.

Примером может служить ресторанчик «Хэнбок хвеван» («Счастье»), а также все другие, находящиеся поблизости от него в районе к западу от Национального музея.

1992

3. О культуре доставки писем

В тех кварталах Сеула, которые застроены частными особняками, имеющими огороженные забором дворы, письма адресатам доставляются весьма шокирующим способом: они просто бросаются на землю за ворота. И слава Богу, если нет дождя или какая-нибудь собака не унесет все это за угол. (Хозяева частных домов нередко держат дома небольших собак.)

Однако в отдельных случаях, если почтальону покажется, что корреспонденция имеет характер особой важности, он может дожидаться хозяев и передать послание лично.

6 сентября 1995 года

4. Улучшения в сфере корейского почтового обслуживания

В моих прежних дневниковых описаниях Южной Кореи не раз появлялись заметки о некоторых неудобствах в устройстве повседневной жизни рядовых граждан.

Так, по крайней мере до июля 1996 года в южнокорейских почтовых отделениях не продавались почтовые конверты. Совсем. И человеку, желавшему отправить письмо по почте, приходилось идти в магазин канцтоваров (문방구) или искать газетные лавочки, где продают

²⁵ Сеть ресторанов быстрого питания корпорации «Лотте» (Lotte).

все — от жевательной резинки до сигарет — и искать там злополучные конверты.

Но летом 1996 года случилось чудо. 5 июля, написав письмо, я было отправился на почту (по привычке думая, что там я куплю почтовые конверты), и, придя туда, с ужасом вспомнил, что конверта я с собой не прихватил. И только я направился к выходу из сеульского Главпочтамта, как вдруг обратил внимание на небольшую стойку, оборудованную несколько в стороне. Там две молодые девушки в униформе работников почтамта продавали внутренние и международные конверты. Какое счастье! Последний стоил 30 вон за штуку.

Записано 5 июля 1996 года

5. пляж, на котором нельзя купаться

25 июня 2007 г., в один из редких солнечных дней сезона дождей, решил отправиться на ближайший от моего места жительства корейский «пляж». По крайней мере, в качестве пляжа данное место (парк Сондовон города Инчхон) было обозначено на туристических картах Кореи.

Поездка на метро и трех автобусах (всего — три пересадки в одну сторону) заняла больше двух с половиной часов и стоила мне около 6 тыс. вон — 180 рублей в одну сторону.

Когда я вышел из автобуса, мне показалось весьма подозрительным полное отсутствие в парке каких-либо гуляющих и развлекающихся граждан Южной Кореи.

Несмотря на это, при входе в парк аттракционов, на территории которого и был расположен «морской пляж», с меня взяли за вход 3 тыс. вон, то есть 90 рублей. Когда я спросил билетершу, за что же я получу за свои деньги (глядя на пустой парк и стоящие без дела аттракционы), я так и не смог получить внятного ответа...

«Морской пляж» оказался маленьким, закрытым со всех сторон озерцом-лужей, в которую морская вода поступала непонятно откуда, поскольку никакого моря за обилием окружающих сопков, сельскохозяйственных угодий и жилых домов не было видно. Усомнившись в причастности этой «лужи» к великим водам Тихого океана, попробовал на вкус: соленая. Это несколько успокоило меня.

Сам пляж был абсолютно пуст. Вдоль него стояли многочисленные кафе со скучающими хозяевами и пустыми столиками. За пределами пляжа, на газоне, в тени дерева скромно приютилась на пикнике одна южнокорейская семья.

Плохо понимая, что происходит (а нигде не было вывешено каких-либо предупреждений, запрещающих пользоваться пляжем), я разделся и пошел в воду. Все же в море не купался уже 4 года. А то, что было 4 года назад — это и купанием-то назвать сложно. А так — 14 лет не радовался пляжной жизни!

Вода оказалась очень теплой, наверное, около 30 градусов. Но вместе с этим радостным открытием меня ожидало глубокое разочарование. То ли на отлив попал, то ли пляж был такой странный. Но в самом глубоком месте зоны для купания, ограниченной деревянными шестами, вода не доходила даже до пояса! И все же, гонимый тоской по морским ваннам, смело окунулся в воду и поплыл, стараясь не задевать руками и коленями дно, что было крайне сложно.

Пока я плыл, стал слышаться приближающийся звук мотора. Подплыла лодка, и сидевший в ней кореец стал что-то кричать. Я не сразу догадался, что «товарищ» обращался ко мне. Перестал плыть. Поднялся на ноги. Воды было чуть выше колен. Кореец сказал, что купаться запрещено и попросил выйти из воды. В ответ я закинул ногу на борт лодки и пояснил «товарищу», что у меня бо́льшая кожа на ногах и мне крайне необходимы морские и солнечные ванны, что ради этого приехал на пляж издалека.

В ответ я услышал:

— Нельзя. Пляж закрыт.

— Когда откроют? — спросил я.

— Не знаю, может быть, в первую декаду июля.

— Но я все же еще окунусь несколько раз?

— Нельзя. На берегу сидят мои начальники. Все видят. Я не могу их ослушаться.

Делать нечего. Потащился на берег, лег на песок и стал загорать.

Через некоторое время недалеко от меня, вдоль берега пляжа, по воде прошлись отец с дочерью. Корейцы. Дочь очень просилась поплескаться в теплой воде. Отец сказал: «Нельзя! И вообще, выходи из воды. А то змея укусит»...

Чуть позже по берегу прошли две русские женщины с двумя дочерьми. Те тоже не позволяли себе «ничего лишнего» и скромно шли по воде, по мелкой части, показывая своим поведением, что не собираются нарушать неписаных норм: «пляж закрыт, значит, купаться запрещено»...

«Почему закрыт? — думал я. — Погода хорошая. Вода теплая. Дно мелкое. Рестораны, кафе, аттракционы пустуют, терпя убытки. Есть желающие порезвиться в воде. Быть может, дело в том, что корейцы

не умеют плавать, боятся морской воды, не любят ее? Традиционно... И когда официально “открывается” пляжный сезон, слишком большие меры предосторожности приходится принимать для обеспечения безопасности?».

12 июля 2007 года

ГЛАВА 7. РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ

1. Продавец часов и пропаганда христианства

28 апреля 1992 года отправился на рынок у Южных ворот Намдэун посмотреть, что же изменилось за два года моего отсутствия в Корее, да и к товару приглядеться. За площадью перед универмагом «Синсеге» («Новый мир») начинается рыночный квартал. На одной из улочек, уходящих вглубь квартала — целая вереница лавочек, торгующих часами. Перед лавочками выставлены столы с навесами, на которых выложены часы подешевле, аляповатые, и не всегда лучшего качества.

Остановился у одной из таких лавочек. Разговорился с хозяином — невысоким мужичонкой в красной клетчатой теплой куртке. Я сразу же оповестил его, что я «из СССР». Услышав это, хозяин стал демонстрировать мне лучшие, по его мнению, часы средней стоимости. А потом вдруг резко сменил тему нашего разговора. Стал говорить о Боге-Отце, Боге-Сыне и Боге-Духе Святом — Троице. Я проявил интерес к его словам, так как для меня это было полезно, прежде всего в плане расширения лексического запаса. Кореец воодушевился, возможно, по-своему истолковав мой интерес. Казалось, хозяин совсем забыл о том, для чего он находится на рынке. Стал убеждать меня, что по воскресеньям нужно обязательно ходить в церковь, а особенно важным он почему-то посчитал ближайшее воскресенье. Потом стал говорить о грядущем пришествии Христа. В конце концов я все же напомнил моему собеседнику, что хоть я и приехал из бывшей коммунистической страны, все же в Христа мы верим уже более тысячи лет и кое-что знаем об этом. Тогда хозяин немного успокоился и мы снова вернулись к его часам.

Но, к сожалению, ассортимент его лавочки не вдохновил меня на покупку.

1992

2. Христианство в метро

Как-то раз по вагонам метро (а в Корее все вагоны соединены между собой переходами) шли две женщины маленького роста, лет сорока, раздавая налево и направо христианские открытки, а также маленькие карманные схемы линий метро, на обратной стороне которых были напечатаны картинки и текст аналогичного содержания. При этом одна из них, протянув мне такую схему, přátельски подмигнула как правоверному американцу. Корейцы брали карточки довольно охотно.

1990

3. Кое-что о буддийских монахах

Буддийские монахи в Корее очень неоднородны по составу, роду занятий, положению и т. п.

Так, одни могут быть выпускниками философского факультета университета и заниматься чуть ли не профессионально живописью в стиле «рисую на корейский манер музыку Моцарта». О встрече с таким мне рассказывала одна молодая пара из Балета.

Другие приходят на выступления Балета на льду и фотографируют полуобнаженных женщин.

1990

4. Протестантская церковь в квартале Сонин около Больших восточных ворот Тондэмун

Гуляя в конце июля 1993 года по вечернему Сеулу, недалеко от Больших восточных ворот наткнулся на протестантскую церковь. Снаружи — это кирпичное здание со шпилем и крестом с неоновой подсветкой наверху. Построено под католический собор. Вокруг разбит садик. Около 10 часов ночи. Справа от входа стоит скамеечка, на которой расположились бабки и деды, беседуют оживленно о чем-то.

Внутри — нечто похожее на театр со сценой и занавесями на месте алтаря. Пол покрыт желтым линолеумом, по которому ходят босиком, оставляя обувь при входе. Слева и справа — школьные доски. Потолок низкий. По помещению взад-вперед бегают дети.

1993

5. Церковные взносы

Посещающий регулярно протестантскую церковь прихожанин обязан ежемесячно отдавать церкви 10% от своего заработка, что очень и очень немало.

Хотя эту информацию я впервые получил из разговоров с корейцами, она также находит подтверждение и в литературе²⁶.

1993

6. Протестантская церковь «Пхёндын кёхве» в г. Инчхон

Корейские протестантские церкви являются прекрасным образцом, символом того, как Корея воспринимает европейскую культуру.

Практически все церкви Кореи построены не так давно и внешне напоминают классические «кирхи-костелы»: те же башни, увенчанные крестами, высокие стены, которые предполагают наличие внутри большого соборного пространства.

Но вот вы входите внутрь, и что же представляется перед вашим взором? За главной дверью — небольшая «прихожая», где слева может быть туалет, а справа — будка охранника-смотрителя. Тут же начинаются бесчисленные коридоры и лестницы.

Однако откроем главную дверь первого этажа. За нею — сравнительно большое по площади помещение с невысоким потолком и поднятым корейским полом, покрытым деревом. Возможно, что это подогреваемый пол *ондоль*, поверхность его гладко отполирована. Как и полагается, по этому полу ходят босиком; на нем же и сидят. У самого входа перед полом — углубление, чтобы можно было снять обувь. Слева от двери у стены — шкаф непонятного предназначения, справа — пятиярусная полка для обуви и еще мебель утилитарного назначения (явно не для духовных нужд). Низкий потолок поддерживается традиционными для корейского дома столбами, правда, квадратными в сечении, на одном из которых висят кварцевые часы. У левой и правой стены сдвинуты вместе традиционные католическо-протестантские скамьи. На них, очевидно, сидят не так часто. Посередине «алтарной» стены — кафедра с микрофоном; рядом — деревянный стол

²⁶ 현대 한국 종교변동 (Изменения в религиях современной Кореи). Сеул, 한국정신문화연구원 (Академия корейской духовной культуры, 1994. С. 94).

с барельефом, изображающим Христа с Апостолами. Позади кафедры на стене водружен выпуклый деревянный крест.

Специальная служба для молодежи проходит каждую субботу в 19.40. Происходит это так. Перед кафедрой на пол садится священнослужитель в брюках, розовой рубашке и галстук. (Пиджака на нем нет, так как стоит июльская жара.) Сбоку от него портфель. На портфеле — Библия. Прихожане рассказываются по кругу, так что священнослужитель оказывается на его вершине.

Когда произносится молитва, то все стоят на коленях, опустив голову вниз, и читают строки из Библии, указанные служителем, читают хором. Чтение заканчивается словом «аминь», и никто никогда не крестится.

После молитвы могут петь песни, уже сидя на полу, по-корейски. Или кто-то может начать рассуждать на библейские темы, одновременно делясь с товарищами проблемами личной жизни. Песни поют по специальному песеннику *чхансонга*. Мелодии модернизированные, пение сопровождает игра на фортепиано, стоящим тут же, в правой части зала. Играет девушка, одна из прихожанок. Да, у портфеля священнослужителя тут же на полу лежит гитара.

В середине службы священнослужитель, как правило, произносит проповедь, в основном на разные бытовые темы, как, например, о преодолении жизненных трудностей. Как священнослужитель, так и прихожане могут подсмеиваться во время службы по поводу тех или иных ситуаций — вещь недопустимая на православной проповеди.

В церковном помещении никаких икон, только голые белые стены.

За проповедью снова следует совместная молитва. После молитвы желающие могут идти домой, а иные собираются в тесный кружок и обсуждают дела насущные.

В центре круга молящихся может находиться невысокий сосуд, покрытый изнутри красным бархатом, для сбора пожертвований.

При вступлении в церковную общину нового члена все поют хвалебную песню в его честь, указывая двумя руками с вывернутыми вверх ладонями в направлении вновь пришедшего.

* * *

Опыт пребывания в корейской протестантской церкви получен с помощью проживавшего в то время в Инчхоне «китайского корейца» по имени Кан Ённён.

7. Из жизни протестантской церкви в Корее

1. Зал для богослужений в пресвитерианской церкви Хонгван кёхве

Зал для богослужений церкви Хонгван кёхве имеет форму прямоугольного треугольника, в основании которого находится сцена с двумя кафедрами на двух уровнях. Позади кафедр — 7 кресел в псевдоготическом стиле. За креслами — киноэкран, занавешенный красной тканью. Слева от кафедр стоит рояль, а справа — ударная установка.

Нигде нет ни креста, ни каких-либо других атрибутов культа. Интерьер помещения скорее театральный (чем-то напоминает советский дом культуры). Половина зала выложена кремовым ребристым пластиком, в то время как другая часть стен — это обыкновенная кирпичная кладка. Скамьи для сидения прихожан во время богослужения выдержаны в традиционном церковном стиле, однако неожиданно мягкие.

Слева от сцены имеется отдельное место для хора; певчие одеты в некую униформу.

На втором этаже в задней части зала находится балкон.

2. «Почему корейцы стали христианами»

Еще в начале 1993 года, знакомясь с книгой о. Феодосия об истории Российской Духовной Миссии в Сеуле²⁷, я обратил особое внимание на его высказывание о том, что в начале XX столетия корейцы обращались в христианство в том числе и из соображений прагматического характера.

В известной степени подтверждение этой мысли я получил от активного прихожанина церкви Хонгван кёхве г. Сон Чжонгапа, который в то время владел фотоателье «Мёндон фото» (명동 포토), располагавшемся в самом центре Сеула.

По дороге в город Тэгу на совещание руководителей пресвитерианских церквей 17 октября 1993 г. он сказал мне примерно следующее: «Посмотри на страны, верующие в Будду и другие подобные религии. Я был в Индии, Таиланде. Все они живут бедно, потому что их религия не заставляет людей работать и бороться за улучшение своей жизни. Ведь, по их учению, если ты несчастлив в этой жизни, то ничего страшного, так как можно родиться счастливым в другой».

²⁷ Архимандрит Феодосий (Перевалов). Российская Духовная Миссия в Корею за первое 25-летие ее существования (1900–1925 гг.). Харбин, 1926.

Христианство же призывает активно бороться во имя улучшения существующего порядка вещей. Если хочешь, я покажу тебе карту стран и религий и ты увидишь, кто хорошо живет.

Мы активно верим в Бога и Иисуса Христа, чтобы хорошо жить...»

3. Отступление. Буддизм и «хорошая жизнь»

21 октября 1993 г. по дороге в исторический комплекс дворца «Кёнбоккун» (경복궁) в вагоне метро, где я ехал, почти все время, аж от станции метро Кёдэ (Сеульский государственный педагогический университет), воздух сотрясала громкими речами женщина лет 50. Создавалось впечатление, что она была не совсем психически здорова (реакция пассажиров на ее воззвания была именно такой). Она призывала верить в Будду. Казалось, единственным желанием всех пассажиров было то, чтобы она поскорее вышла, но она ехала и ехала.

Так вот, одним из важнейших ее аргументов, доказывавших истинность буддизма, был следующий: «Смотрите! Кто верит в Будду, тот хорошо живет!»

4. О принятии христианства и вступлении в церковную общину, Или о сверхорганизованности корейской протестантской церкви

Желающие стать прихожанами какой-либо протестантской церкви, прежде всего, должны подать заявление о вступлении в общину, заполненное на отпечатанном типографским способом бланке. При этом требуется, чтобы на заявлении обязательно стояла подпись-рекомендация одного из постоянных прихожан.

Когда такое заявление подано (а обычно это происходит по воскресеньям), в конце воскресной службы следует «церемония принятия» в члены общины. Пастор *мокса* объявляет с трибуны имена вновь вступивших. Новички выходят в зал и становятся в один ряд перед трибуной, лицом к прихожанам. Всем на грудь накалывают искусственные розы.

Однако перед тем происходит голосование:

— Кто за то, чтобы принять этих людей в состав нашей церкви? — объявляет священник.

В ответ — лес рук.

После такой «церемонии» всем вновь принятым надлежит явиться в специальное помещение, где «младший пастор», молодой парнишка в костюме, раздает новым прихожанам церковные блокноты, сок в баночках, а также памятки, где подробно расписано, как себя вести в церковной общине и какие дополнительные занятия по Закону Божьему следует этим новообращенным посещать.

При этом всех новичков довольно сурово спрашивают о том, посещали ли они церковь когда-либо раньше и крещенные ли они.

5. Церковь-сваха

В специальной литературе немало сказано о том, что до сих пор молодые люди в Южной Корее знакомятся друг с другом и даже женятся через посредничество других: через особых «свах» или по договоренности родителей.

В случае с владельцем фотоателье «Мёндон фото» г. Сон Чонгапом такую роль сыграла церковь, которую он регулярно посещал.

6. О церковной организации

Создается впечатление, подтверждаемое и специальной литературой, что в корейской церкви, по меньшей мере протестантской, большую роль играет бюрократическая структура, нежели священнослужители, число которых крайне мало.

Так, одними из самых уважаемых и имеющих наибольшую власть в церкви считаются старейшины *чанно* (장로), фактически являющиеся ее руководителями. Кроме того, церковь имеет и ряд других организаций внутри себя, скажем, собрание 30-летних мужчин, собрание 40-летних мужчин и т. п.

Протестантские церкви одного направления могут объединяться в большие региональные структуры, скажем, «Церкви юго-востока Кореи».

Так, 17 октября 1993 года мне посчастливилось присутствовать на Всекорейском совещании пресвитерианских церквей «Тэхан Есугё чаннохве», проходившем в городе Тэгу в церкви «Намсон кёхве».

На совещание собралось около 100 человек представителей церквей из всех частей Кореи. Сначала все отправились в «малую молельню» на первом этаже церковного «здания под готику» со стандартным для такого рода помещений, присутствующих во всех церквях, теплым полом *ондоль*, обязательным снятием обуви, которую ставят на специально приготовленных полках. Потолок в молельне низкий. В дальнем конце помещения находится небольшая кафедра, справа от которой стоит фортепиано, прикрытое покрывалом белого цвета, с вышивками и кружевами по краям. За кафедрой находится дверь, ведущая в кухню, на которой суетятся женщины. Кстати, все собравшиеся на совещание — исключительно мужчины.

Итак, гости заходят в «малую молельню», где на полу заранее расставлены низенькие корейские столики и приготовлены подушки

для сидения. Рассаживаются. Женщины выносят из кухни довольно скромную трапезу, которая всеми присутствующими оценивается как нечто особое. Дань традиции и этикету. Никто не курит и не употребляет алкогольных напитков. Закончив прием пищи, во время которого гостям вручаются «стикеры» на костюм, где фломастером написано имя «делегата» и название церкви его прихода, все поднимаются на второй этаж в «главную молельню», выдержанную в европейском стиле и напоминающую интерьеры, уже неоднократно описанные мной раньше.

Уже почти 6 часов вечера и на обсуждение церковных проблем отводится только один час, так как в 7 вечера будет проходить вечерняя служба. Справа от общей массы собравшихся, расположившихся на церковных скамьях, как и полагается, сидит секретарь, ведет протокол.

Несмотря на мирские цели собрания, оно начинается с молитвы и пения гимнов. Вслед за этим выходят «докладчики», отчитываются о проделанной своей церковью «общественной работе», финансах, предлагают планы на будущее. В частности, в центре Сеула предполагалось провести благотворительный концерт усилиями нескольких пресвитерианских церквей.

Особо остро стоял вопрос об отделении церквей юга страны в некую самостоятельную «Ассоциацию пресвитерианских церквей юга», которое уже произошло по их собственной инициативе, и этот шаг был расценен как сепаратизм. Дебаты были очень шумными. Но в конце концов «президенту» новой организации удалось убедить собравшихся, что это всего-навсего лишь формальный шаг и все ее церкви признают верховенство «центрального руководства».

Затем в 19.00 своим чередом пошла вечерняя служба с хором в правой части зала. Прихожан — не участников настоящего собрания, пришедших на службу, было не более 7–8 человек.

В конце службы делегация от уже знакомой нам церкви «Хонгван кёхве» вышла на сцену перед кафедрой и спела очень боевой по мотиву гимн, который репетировала в автобусе по дороге в Тэгю.

Вся обстановка собрания почему-то напомнила мне пионерские слеты в СССР.

На этом «совещание» закончилось, и, сделав несколько фотографий на память, делегаты стали разъезжаться по домам.

Постскриптум. Обычно верующие, выезжая в дальнюю дорогу, молятся перед началом пути. Делегация церкви «Хонгван кёхве» из-за усталости, а также удовлетворенности удачной поездкой, решила

изменить всегдашнему правилу и не молиться перед дорогой в Сеул. В результате при въезде в город Тэчжон, на полпути в Сеул, церковный автобус попал в аварию, врезавшись в стоявшую впереди машину...

7. Церковный взнос

Общаясь с прихожанами церкви «Хонгванъ кёхве», я еще раз столкнулся с совершенно определенной цифрой обязательных пожертвований в церковь: 10% от доходов (десятина).

Однако можно пожертвовать церкви и большую сумму денег. При этом наиболее отличившиеся заносятся в особые списки, публикуемые в ежевоскресных «программках» очередной службы. Частично эти списки могут зачитываться с церковной кафедры перед собравшимися на воскресную службу прихожанами.

1993

8. Протестантская церковь — объединение людей по профессиям

Еще раньше, до лета 1995 года, я неоднократно имел возможность наблюдать случаи того, когда протестантская церковь выполняла функции не только культовые, но и некоего «клуба» общения людей, связанных одной профессией.

Так, 25 июня 1995 года, в церкви «Ёндон кёхве» (영동교회), что находится в южной части Сеула недалеко от станции метро «Самсон», я встретил: директора Корейского исследовательского центра танцев (The Korea Research Center for Dance) Пак Чунгиля, его брата — куратора того же центра Пак Ильгвона, преподавателя танцев университета Ханъян (한양대학교), его ученицу и еще несколько человек, связанных с современными танцами и балетом.

Живут все встреченные мною деятели танцев в разных районах Сеула, но собираются в этой церкви практически каждое воскресенье, поддерживая, таким образом, необходимый уровень общения.

28 июня 1995 года

9. Христианство как вера в Мессию

Согласно рассказам госпожи Чон, хозяйки дома, в котором я снимал комнату в 1995 году, основной пафос веры в Христа состоит в убежденности том, что Он, как Государь ван (왕), спустится на землю

на облаках, воскресит мертвых и заберет с собой в рай *чхонгук* (천국) всех достойных, то есть тех, кто при жизни верил в Него.

Тогда же наступит конец света.

Время прихода Христа — время прихода мира к концу. В настоящее время как раз и происходит ухудшение моральных качеств людей, загрязняется окружающая среда, появляется много новых неизлечимых болезней — как раз то время, когда Он, Христос, должен прийти.

Хозяйка (ей за 50) верит, что Христос придет при ее жизни.

Когда у хозяйки, госпожи Чон, плохое настроение или что-то очень болит, одним из ее часто произносимых восклицаний является: «Скорее бы мне в рай!» (То есть: «Скорее бы пришел Христос!»).

Никакого философствования, размышления о Боге, Христе в ее вере нет. И вообще хозяйка считает, что главное содержание Библии (мысль, которая встречается более 1000 раз) — это сообщение о втором пришествии Христа.

Записано 5 сентября 1995 года

10. Прагматический подход к христианству

Из разговора с госпожой Чон, хозяйкой моего дома в районе Ынхён

1) «Бог (или Христос, Троица) дает только тем, кто у Него *активно просит*. Так, — говорит хозяйка, — сын у меня просит деньги, и я ему их даю. Как могу не дать? Ведь он сын. А вот младшая дочь, Ынхи, не такая. Даже если нет денег, то мучается, но молчит. Не просит. И я не даю. Так же и Бог. Не попросишь — не даст, хотя и знает, что у тебя ничего нет».

2) «Как только корейцы стали активно верить в Иисуса Христа, так сразу жить стали лучше. Вообще, когда раньше совсем плохо жили, то молились и на рассвете, и днем, и вечером. Теперь не так. Даже вечернюю воскресную службу теперь проводят не в 6–7 часов вечера, как полагается, а в 3 дня, чтобы можно было больше отдохнуть. И все равно говорят, что Корея — самая молящаяся страна в мире. Поэтому и вам, и мне — всем обязательно нужно ходить в церковь».

Записано 19 сентября 1995 года

11. «Активные христиане» и противоречия с национальной культурой

Члены семьи, где я живу с 24 августа, активно ходят в церковь, не совершают церемоний кормления духов предков, отрицательно относятся к буддизму: принципиально не ходят в буддийские монастыри, даже в те, которые признаны достоянием национальной культуры.

Однако в осенний день поминовения предков чхусок семья получила много традиционных подарков к этому празднику (см. запись № 6, глава 3, часть 1), которые были с гордостью показаны мне.

Записано 19 сентября 1995 года

12. Сеульская православная церковь: пять лет спустя

После моего первого визита в Сеульскую православную церковь в 1993 году прошло уже пять лет. И, движимый предчувствиями чего-то необычного, 8 марта 1998 года я решил посетить греческую православную церковь, расположенную в районе Мапхо. Тем более, что в марте этого года должна была выйти из печати моя статья о русской православной церкви в Сеуле.

На 11-часовую службу я пришел некоторым опозданием. Церковь была заполнена верующими, что называется, до отказа. Особенно много верующих стояло в задней части церкви, у входа. Больше двух третей верующих были корейцы. Остальные — иностранцы, по большей части не русские.

Церковь дышала богатством. Дорогие нарядные одеяния о. Сотириуса и других священнослужителей. Самих священников, участвующих в литургии, стало значительно больше: человек шесть — восемь. Во время службы звучала речь на греческом, корейском, английском, французском, русском языках. К 1995 году к ряду церковных построек, что стояли напротив храма, пристроили небольшой зал для чаепитий и небольших официальных церемоний. В самом храме стало больше икон.

Казалось, что из-за этого внешнего богатства и обилия людей, среди которых было немало иностранцев, пришедших в церковь скорее из любопытства, нежели по причине православной веры, и очень много фотографировавших, атмосфера религиозной духовности почти не ощущалась. Сделав несколько видеозарисовок, я вышел из храма.

Через некоторое время во двор перед храмом вышли священнослужители вместе с прихожанами, часть из которых держала в руках иконы (цветные фотографии в деревянных рамах, покрытые лаком). Они продолжили богослужение перед зданием церкви.

Литургия близилась к завершению. Процессия вернулась в храм. Вслед за процессией вошел внутрь и я. Нужно было купить книгу о православной церкви на случай, если в будущем мне придется выступать с лекцией на эту тему. И вдруг я увидел Савваса Ли — моего старого знакомого, у которого я брал интервью пять лет тому назад. Тогда он фактически заведовал всеми административными делами церкви. Сегодня он стоял у иконостаса и переводил проповедь о. Сотириуса. После завершения службы он, как и раньше, выступил с текущими объявлениями.

Одет Саввас Ли был гораздо лучше, чем пять лет тому назад: модный симпатичный костюм, белая рубашка и галстук. А тогда — лишь дешевые брюки и рубашка навыпуск.

Однако... сегодня, после того, как закончилась литургия, Саввас стал как-то одиноко переходить от одного священнослужителя или высокопоставленного гостя к другому, говорил с каждым о чем-то коротко, потом шел к следующему. Было видно, что уже не он заведует делами церкви: не он считает деньги, занимается бумагами. Обилие высокопоставленных священнослужителей, какие-то «деловые женщины» в офисе, где раньше безраздельно хозяйничал Саввас, молодые люди перед компьютерами...

А я все время после литургии разговаривал со своими ученицами, которые находились на практике в Южной Корее и сегодня пришли в церковь. Разговаривал долго, следя взглядом за Саввасом, готовый в любую минуту прервать разговор и подойти к нему, чтобы напомнить о себе, спросить о книге, посвященной истории православной церкви в Корее, которую он собирался писать. Видимо, на какое-то время я упустил его из виду, потому что, когда спохватился, то обнаружил, что Саввас уже ушел домой, один, не отягощенный бременем забот, которые теперь за него легли на плечи других. И теперь уже мало кто помнит, что в конце 1950-х именно он спас православную церковь от закрытия.

Я подошел к одному из служащих церкви и попросил дать мне телефон Савваса Ли. Телефон мне не сообщили, но набрали номер и дали возможность поговорить с Саввасом. Он вспомнил меня. Но договориться о встрече так и не удалось...

9 марта 1998 года

13. Научно-исследовательский институт Чынсандо

22 октября 2004 года я приехал в город Тэчжон, что расположен в провинции Южная Чхунчон — научно-техническую «столицу» Южной Кореи, в которой находится ряд правительственных учреждений. В 2004 году в воздухе витала идея о том, чтобы «административную столицу» Южной Кореи полностью перевести в этот город. Но не встретив достаточной поддержки как среди населения страны, так и в кругах политической элиты, к октябрю 2004 года эта идея благополучно скончалась...

Тэчжонский вокзал поразил своей стеклянно-металлической новизной. Новое здание было построено к открытию движения по скоростной железной дороге, которое состоялось 1 апреля. Основное железнодорожное полотно у обычных поездов и у скоростных разное, но вокзал часто один и тот же, хотя и не всегда.

Я приехал на обычном, «дешевом» поезде. Хотя понятие «дешевого» поезда в 2004 году — это совсем не то, что было в 1994 году. «Дешевые» поезда, тип которых имел название «Голубь» (*Пидульги*) или «Объединение» (*Тхониль*), похоже, совсем снят с эксплуатации. По крайней мере, с центрального Сеульского вокзала такие поезда уже не ходят. Я приехал на поезде типа «Гибискус» (*Мугунхва*), самом дешевом для Сеульского вокзала образца 2004 года и весьма приличном по классу комфорта для начала 1990-х годов.

Меня встретила молодая сотрудница Научно-исследовательского института Чынсандо (Чынсандо — так называемая корейская «новая религия»²⁸), русистка «Маша» (это ее неофициальное имя). Внешне ее нельзя было назвать красивой, слишком полная для корейнок. Все это навело на мысль о том, что благополучные женщины, как правило, в философию не приходят. Волосы были распущены (единственный раз за все время общения с нею). У меня была тяжелая сумка с разными вещами (уже вторую неделю я путешествовал по Корее, и кое-что из вещей успело поднакопиться, — в основном книги). Сначала Маша повела меня в пиццерию, где мы заказали... корейские рыбные супы (не люблю я корейскую «итальянскую кухню»: уж слишком много искусственного). Затем поехали в институт на такси.

²⁸ Подробнее см.: Курбанов С. О. Корейская религия чынсандо. Краткое изложение основных идейных постулатов. Личные впечатления (Опыт многостороннего описания объекта) // Вестник Центра корейского языка и культуры. СПб., 2005. Вып. 8. С. 216–239.

Такси привезло к 4-этажному дому, скорее напоминающему жилой. Так оно и было на самом деле. Лестница вела на площадки с квартирами, вся левая часть которых использовалась под помещения института. Мне открыли дверь, и я увидел... обычную корейскую гостиную, только без мебели, часть которой была огорожена офисными ширмами, и двери в жилые комнаты, еще 3, в которых стояли столы и полки с книгами научных сотрудников. Весьма странная и шокирующая для «института» обстановка с точки зрения русского человека, привыкшего огромным НИИ с пропусками, директорами, бухгалтерией и прочим обслуживающим персоналом.

Расположив сумку в отведенной мне комнате, пошел в головное здание института. Оно оказалось более привычного устройства — с большими офисами, рабочими столами и книжными полками, соответствующими по духу помещениям, в которых они стояли. Но... было там и одно шокирующее обстоятельство. В офисе для переговоров головного офиса меня ждали человек 5–7 сотрудников, сидевших в креслах и... обутых в домашние тапочки... Вся обувь стояла при входе в офисное помещение. Мне пришлось тоже снять башмаки. Но так как тапочек у меня не было, я был вынужден направиться к столу переговоров босиком.

В остальном, никаких особых проблем или шокирующих обстоятельств не было за исключением того, что все присутствовавшие на переговорах со мной были невысокого роста, некрепкого телосложения и имели необъяснимый «странно-добрый» вид, который не заметишь ни в среде бизнесменов, ни профессоров, ни рабочих, ни студентов.

Переговоры прошли быстро. Все началось со взаимного представления, объяснения хода работ по переводу канонического «Трактата о Пути» (*Точжон*) на русский язык.

Затем меня привели на мое временное «рабочее место», в комнату «квартиры» № 204.

Так началось мое пребывание в Тэчжоне, в Научно-исследовательском институте Чынсандо.

24–28 октября 2004 года

14. «День открытых дверей» во Дворце просвещения и культуры Чынсандо

24 октября во Дворце просвещения и культуры Чынсандо для «простых горожан» проводились мероприятия, посвященные пропаганде этого корейского идейного учения кореецентристской направленности.

Я приехал во Дворец культуры со своей сопровождающей к 10 часам утра.

У входа стояли две девушки в «универмажных» униформах с бейджами на шее. Попросили зарегистрировать меня, написать на бейдже мою фамилию. Еще попросили заплатить 10 тыс. вон за вход. Но моя сопровождающая объяснила, что я — гость Института чынсандо, и меня пустили бесплатно, дав последний номер журнала «Кэбёк» — «Открытие Неба и Земли» и информационный бюллетень в черно-белом «ксерокопировальном» исполнении, в котором освещались все возможные катастрофические события, происходящие в мире.

Интерьеры Дворца просвещения, построенного в 2001 г., поражают некоторой помпезностью, я бы сказал *особенностью и уникальностью* дизайна. Все выполнено в стиле бело-серого мрамора.

Поднялся вместе с моей сопровождающей на второй этаж. С удивлением обнаружил, что в огромном зале собраний Дворца («Тхэыльгун» — «Дворец Великого Начала» — так называется концертный зал) все ходят... в домашних тапочках. И хотя в проходах зала лежали ковры, между рядами следовало ходить по белому — светло-серому линолеуму, положенному на голый цемент. Таким образом, перспектива хождения по полу босиком отпадала.

Моя сопровождающая пошла на первый этаж, в небольшой магазинчик «попутных товаров», и купила там две новые пары тапочек — себе и мне. Там же можно было купить мешок для обуви. Дело в том, что зал рассчитан примерно на 1500 мест, и если, согласно корейской традиции, оставлять уличную обувь при входе в помещение, то это вызывает невообразимый беспорядок перед входными дверьми. Поэтому все корейцы обязаны складывать уличную обувь в мешок и брать с собой в зал.

Поскольку я был иностранным гостем, то мне и моей сопровождающей позволили оставить уличную обувь перед дверью. Кроме наших, перед дверью уже стояли 7–10 пар обуви каких-то других «значимых» посетителей.

В зале дежурили охранники в черных костюмах и с переносными рациями в руках. Они не разрешали вновь входящим занимать *любое* место, и предлагали занять свободные места в партере посередине, так, чтобы зал выглядел плотно заполненным, несмотря на свободные места по краям.

В зале собраний Дворца просвещения были установлены 2 телекамеры: одна — направленная на сцену, в сторону докладчика, другая — на зрителей-слушателей.

Изображение говорящего (докладчика на сцене) и слушателей постоянно проецировались на два больших экрана, расположенных в левом и правом углу сцены.

Несмотря на то, что лекция о Принципах движения космоса и Земли намечалась на 10.30, оказалось, что все уже было «в самом разгаре» (план сдвинули). Докладчик стоял у доски и с жаром рассказывал о том, что Корея — особая, избранная Богом земля, имеющая почти что 11-тысячелетнюю историю, и т. д., и т. п.

Решил присмотреться к тем, кто сидел в зале. Оказалось, что большинство слушателей имели возрастную категорию от 20 до 40 лет. Хотя были люди постарше и помладше. Мужчин было около 65%, женщин, соответственно, около 35%. Хотя мои сопровождавшие убеждали меня, что последователи новой религии чынсандо, в основном, люди образованные, у меня создалось впечатление об обратном. Также присутствовавшие в зале не отличались внешним богатством и... были совсем неагрессивными. Именно неагрессивность, некая «доброты», как мне показалось, была отличительной особенностью этих людей. Также на большинстве из них лежала печать некоей неудовлетворенности, если не сказать больше — неудачливости в жизни. Все присутствовавшие были как бы на одно лицо. Они не вызывали чувства неприязни, но и не притягивали к себе. Словно бы в зале Дворца Великого Начала сидела особая порода людей. Тихих и спокойных, возможно, лишь до известного предела.

Лекция о космосе и земле сопровождалась рядом видеороликов, так что слушателям было некогда скучать.

После завершения лекции все присутствующие, по команде ведущего, поблагодарили лектора. Благодарение было выражено полупоклоном вперед в положении сидя; ладони в это время были соединены вместе и приподняты ко лбу. Затем последовали аплодисменты.

Вскоре был объявлен перерыв на обед. Участников мероприятия попросили вернуться в зал к 13.20. Сопровождавшая меня девушка сначала провела меня по парадной части Дворца просвещения и культуры чынсандо. В ней находился книжный магазин «Сечжон мунго» («Книжный магазин имени государя Сечжона»), кафе с интерьером, выдержанным в двух стилях: правая часть — «европейская классика», левая — «супер-модерн а-ля XXI век», в темносине-металлических тонах. Ниже находился книжный магазин, достаточной большой, но со слабой организацией расстановки книг на полках.

Далее меня повели в столовую Дворца, находившуюся на подземном этаже. При входе в столовую стояла огромная очередь, и моя со-

проводящая предложила пойти в какой-нибудь ресторанчик поблизости, коих было множество. Отправились в ресторан, специализировавшийся на мясной похлебке *соллонтхан*.

После очень вкусного обеда (Тэчжон вообще отличается особой изысканностью вкуса блюд, и не только в ресторанах) вернулись во Дворец. Сопровождавшая повела меня в другой книжный магазин, в котором продавали литературу для последователей чынсандо. Он был расположен на 6-м этаже здания, в его административной части. Для того, чтобы попасть в магазин, следовало подняться на лифте, пройдя ряд хозяйственных помещений. Таким образом, становилось понятным, что этот магазин работал для «посвященных». В продаже была в основном специальная литература, предметы для поминальной церемонии, а также четки с молитвой («мантрой») «Тхэыльчжу».

Вскоре наступило время для второй части лекций и прочих выступлений. Направляясь к залу «Дворец Великого Начала», сопровождавшая показала мне молельный зал, который находился на нижнем этаже. Огромное помещение с традиционным теплым полом желтого цвета. Естественно, по залу ходят босиком. Подушки для сидения. В дальней части зала — алтарь для поклонений. На алтаре два больших портретных изображения: *Санчже-ним* (Бог в теле человека) и его супруга *Тэмоним*. Перед портретами — ритуальные сосуды с водой. Вода — основа жизни на земле, единственный и главный предмет поклонений в чынсандо. Ступенью ниже — сосуд с песком для втыкания курительных свечей. Слева от него — узкий высокий сосуд с самими курительными свечами, справа — подставочка с пьезо-зажигалкой. В зале находился ряд молящихся. Они безмолвно сидели на коленях, каждый сам по себе; под колени положены плоские широкие подушечки. Я спросил, можно ли сфотографировать зал. Сказали, нельзя. Пришлось «сфотографировать в собственную память».

Вошли в зал — «Дворец Великого Начала». Выступала женщина лет пятидесяти, из новообращенных, «функционерка» учения. Рассказывала о том, как духовно мучалась, ходя по буддийским монастырям и протестантским церквям. Формально учение чынсандо относится к другим религиям «как бы» дружественно, или, по крайней мере, нейтрально. На самом деле со сцены сыпались бесконечные упреки как в сторону буддийской, так и протестантской церкви. В особенности выступавшая была недовольна христианским представлением о грехе и запретом исполнения церемоний кормления духов предков *чеса*. Она не раз повторяла так: «Говорят мне там, что я грешна.

А в чем я грешна? Что я сделала не так? Почему они так хотят, чтобы я была в чем-то виновата? Не понимаю!»

После выступления «функционерки» объявили перерыв на 30–40 минут. Чтобы отдохнуть и подготовиться к слушанию заповедей нынешнего *практического* патриарха учения — *сабунима* («духовного отца») Ан Гёнчжона (1954 года рождения; совсем молодой для «патриарха»!).

Во время перерыва на сцену вынесли ширму с изображениями гор, солнца и луны — такую, какую обычно ставили за тронем корейских государей. Перед ширмой расположили широкое резное лаковое кресло, выполненное из цельного куска дерева. На кресле лежала белая подушка. Перед креслом выставили резной стол, уставленный цветами.

Сабуним вышел на сцену тихо и незаметно, безо всяких аплодисментов, без прожекторов и какой-либо реакции со стороны публики. На нем был темный костюм, белая рубашка, яркий зеленый галстук с красно-розовыми цветами; на ногах — белые шлепанцы. Сел за стол. Устремил взгляд вниз, куда-то в пол. В это время «ведущий» предупредил, что *сабунима* следует приветствовать двумя глубокими поклонами (подобными тем, что совершаются перед здравствующими родителями). Прозвучала команда, удар гонга. Сидевшие на зрительских местах встали и все вместе совершили два с половиной поясных поклона. Те, кто находился в проходах, совершили поклон по полному ритуалу: из положения стоя дважды опустили на колени и затем коснулись лбом рук, сложенных на полу (то есть коснулись лбом пола). Третий раз совершили полупоклон из положения стоя.

Сабуним принял поклоны участников молча, без какой-либо особой реакции, все также устремив свой взгляд в пол.

Когда все сели, то ведущий попросил всех присутствующих приготовить конспекты для записи Заповедей *сабунима* — *тохун*. Участники собрания дружно вытащили из правых ручек кресел столики и разложили из перед собой. (Зал «Дворца Великого Начала» имеет кресла той же конструкции, что и в больших аудиториях высших учебных заведений).

Сабуним начал свою речь как-то очень тихо, робко и неуверенно... Было трудно разобрать, что он говорит. Минуты через две голос *сабунима* повысился, стал не просто громким, но громовым, воинствующим. Казалось, что он хочет заклеить всех неверующих, всех тех, кто не пришел или уже ушел (бывали и такие случаи) из чынсандо. Формально по программе *сабуниму* был отведен один час на выступление. Через час и десять минут *сабуним* вдруг понизил голос и как-то неуверенно, извиняющимся тоном спросил у ведущего, сколько ему

дано времени, один час или полтора. Ведущий ответил: «Один час». *Сабуним* сказал: «Хорошо. Я обязательно завершу выступление через полтора часа. Обещаю». Еще говорил почему-то о том, что очень занят и ему надо ехать в издательство. В 17.31 «наставление» завершилось. Присутствующие снова выразили почтение двойным с половиной поклоном. *Сабуним* тихо покинул сцену...

Ведущий попросил всех участников сдать именные бейджики при выходе.

Минут через 15 Дворец просвещения и культуры чынсандо опустел, и в нем остались только рослые охранники в черных костюмах с рациями, и административный аппарат чынсандо.

24–28 октября 2004 года

ГЛАВА 8. ОТНОШЕНИЕ ЮЖНЫХ КОРЕЙЦЕВ К ИНОСТРАНЦАМ

1. Дети и иностранцы

Южнокорейские дети детсадовского возраста очень дружелюбно относятся к иностранцам. В «Этнографическую деревню» — национальный этнографический музей под открытым небом в пригороде Сеула — каждый день приезжает огромное количество детей. Как правило, дети одной группы одеты в одинаковую по фасону одежду, некое подобие униформы. Например, это может быть желтый спортивный костюм, кроссовочки и рюкзаки.

7 мая 1990 г. мы тоже ездили на экскурсию в «Этнографическую деревню». И, удивительное дело, почти всегда при встрече с нами дети произносили две фразы: «Иностранцы! Иностранцы! Смотри!» и «Хэлло! Привет! Здравствуйте!» (по-корейски). При этом часто, в знак приветствия, махали руками. Очевидно, они принимали нас за американцев.

1990

2. Водка на улице

Поздно вечером 26 апреля 1992 года, уже ближе к полуночи, пошел гулять в район Мёндон, что расположен недалеко от гостиницы «Лотте», практически напротив одноименного универсама. Это была моя первая ночная прогулка в этот раз, и хотелось посмотреть, что же

изменилось за прошедшие два года. И увидел я все те же «романтические улочки», которые знал и раньше, где достижения современной промышленности невероятным образом перемешаны со средневековой убогостью. И запах на улицах был все тот же — необъяснимый, общий для обеих Корей: эдакая кисло-сладкая рыбная пряность.

Возвращаясь в гостиницу, шел по подземному переходу, что под небольшой площадью напротив гостиницы «Лотте», в начале улицы Ыльчжи. Там у одной из скамеечек, прямо на полу, расположилось четверо корейцев. Они сидели, а перед ними стояла бутылка корейской водки «Чилло сочжу». Рядом — тарелочка с небольшими ломтиками мяса, кажется, куриного. Один из сидящих, очень грязный, окликнул меня по-английски. Я по-корейски ответил, что не американец, а «советский». (Это слово лучше понятно корейцу, более привычно на слух, чем слово «русский».) В ответ мне просто была протянута рука, грязная теплая дружественная рука самого маленького и бедного корейца. Я почувствовал, что мне искренне обрадовались. Предложили вместе выпить и закусить. Наливали хозяева. Палочки для закуски дали свои, уже использованные. Потом какой-то человек (похоже, хозяин одной из лавочек-закусочных, расположенных в подземном переходе) вышел к нам и поднес выпивающим несколько пиалушек корейского бульона *кунмульт*. (Почему?) Хозяева «напольного пиршества» сначала поднесли его мне, затем отпили сами. Чуть позже предложили выпить еще по одной чарке водки. Но я отказался, ссылаясь на работу. Настаивать не стали, а мой «маленький друг» в красной клетчатой рубашке, что первым подал руку, даже стал защищать мою точку зрения. Расстались очень хорошо, и я на некотором эмоциональном подъеме зашагал в отель.

1992

3. Пьяный в вагоне метро

20 июля 1993 года еду поздно вечером в метро по четвертой линии из гостей от профессора Сеульского университета г. Хан Енъю. Вдруг заходит на станции какой-то кореец, видно рабочий, брюки заляпаны чем-то белым. Жутко пьян. И, как назло, садится около меня. Естественно, думает, что я американец. Сначала закидывает ногу на ногу так, что подошва от ботинка поднятой ноги касается чуть ли не моих брюк. Через некоторое время он, кажется, понимает, что такая поза слишком груба, передумывает и садится нормально.

По прошествии еще нескольких минут ощущаю толчок в плечо. Пристает на английском языке. Долго выясняет, из какой страны

я приехал. Потом вдруг начинает по-корейски, громко, на весь вагон, длинные рассуждения примерно о том, что не имеет права одна нация стрелять в другую, а еще об отличии своем от христиан, которые формально верят в Христа, а сами только и делают, что гоняются за деньгами и т. п. Говорил, что воевал во Вьетнаме.

Вообще, я с трудом понимал его пьяную речь, процентов на тридцать.

В конце концов, он проехал мимо своей остановки. Мы вышли из вагона вместе, и он властно послал меня на выход не в очень нужную мне сторону, противоположную той, куда направился он сам.

1993

4. Разносчик газет

В Южной Корее почту по домам и квартирам разносят не старые женщины с тяжелыми сумками на плечах, а молодые люди на мотоциклах, как небольших, так и многоцилиндровых, или же на мотороллерах.

28 июля 1993 года я вечером возвращался в свое общежитие. Мимо меня проехал почтальон. Потом он вдруг неожиданно развернулся и, подъехав ко мне, спросил по-английски: «Не хотите ли почитать газету “Кориан Таймс” (Korean Times)?» Я ответил утвердительно. Затем, когда я уже по-корейски спросил, нет ли у него еще что-нибудь почитать, но на корейском языке, он, немного удивившись, без промедления дал мне дневной и вечерний выпуск «Корейской ежедневной газеты» *Хангук ильбо*.

1993

5. Глухонемой и американцы

28 июля 1993 года поздно вечером в подземном переходе на перекрестке улиц Чонно са га (Четвертая улица Колокольной дороги) и Ыльчжиро ко мне пристал глухонемой кореец, лет тридцати на вид. Сначала угостил меня кальмарным «печеньем» в форме небольших шариков, которое ел сам. А затем жестами стал приглашать меня пойти куда-то. Также жестами и написанием отдельных корейских слов в воздухе пытался объяснить мне, что то ли не может, то ли не хочет идти куда-то один. Предлагал вместе выпить, за его счет.

Я, жадный до приключений, решил пойти следом за ним. Он же, видя, что я все еще не понимаю, что ему от меня нужно, повел куда-то

и указал жестами на большие железные ворота напротив. Они вели на американскую военную базу. У ворот была надпись, что-то в роде «Фар Ист Департамент... и т. п. (Far East Department — Дальневосточное подразделение). И только тогда, когда я увидел эти ворота, до меня дошел смысл его многочисленных жестов: «У тебя длинный нос, и ты пройдешь, а меня не пустят, будут бить (уже били). С тобой вместе я пройду».

Тогда я объяснил, что я не американец, после чего он расстроено извинился и ушел прочь.

Позднее я узнал, что на этой базе очень хороший ресторан и бильярдная.

1993

6. Почему меня не поняли на научной конференции Европейской ассоциации корееведческих исследований²⁹ в Праге в 1995 г.

На конференции Европейской ассоциации корееведческих исследований, проходившей в 1995 году в Праге, выступая с докладом, я сказал одну не запланированную заранее фразу, вызвавшую в зале весьма негативную реакцию. Суть моего заявления состояла в следующем. Я сказал, что порядка половины корееведов из Европы и Америки, побывавших или живущих сейчас в Южной Корее, либо просто не любят эту страну, либо даже ненавидят ее и собираются в будущем бросить свою специальность.

Старые «мэтры» меня не поняли, и вот почему. Дело в том, что в дни их молодости, когда они еще только учились, Южная Корея была бедной страной и к иностранцам, как правило, более богатым, приехавшим из более развитых стран, относились с почтением, можно сказать, «бегали за всеми, кланяясь». Поэтому впечатление о корейцах того времени у них выражалось словами: «Эти приятные милые люди».

Ныне же, когда страна входит в число одной из наиболее развитых в мире и уровень жизни простого народа достаточно высок, отношение к иностранцам, а в особенности к бедным студентам, изменилось. Если на иностранцев и не смотрят свысока, то, по крайней мере, желают, чтобы те в обязательном порядке подстраивались под корейские реалии.

²⁹ Association for Korean Studies in Europe (AKSE).

В результате и возникает то негативное отношение европейцев к Корее, констатирование которого так не понравилось «научной публике».

17 июня 1995 года

7. Из сеульской жизни «иностранцев на дне»

Вечером 29 июня 1995 года мне довелось увидеть зрелище, потрясшее меня до самых кончиков самых тончайших нервов.

В самом центре Сеула, там, где пересекается Проспект Сечжона (세종로) и Колокольная улица (종로), позади здания крупнейшего корейского концерна Хёндэ (Hyundai Building), случайно обнаружил «гостиницу» для иностранцев под названием «Тэвон» (Daewon Hotel). В архитектурном плане — это одноэтажное здание, построенное в традиционном корейском стиле, то есть имеющее теплый пол и черепичную крышу, поддерживаемую на столбах. Стены выложены из глины.

Первое впечатление — трущоба такая, что и в дурном сне не приснится. Гостиница находится на узенькой улице, выгнутой дугой. Невысокая деревянная дверь ведет во двор с цементным полом. Двор местами закрыт дырявой крышей, выложенной грязными стеклянными сегментами. Слева и справа вдоль двора стоит ряд корейских одноэтажных домиков с теплыми полами и раздвигающимися в стороны дверьми. Каждая из многочисленных дверей домиков открывается в небольшую комнатку, размерами чуть больше чем 2 на 2 метра. Стоит такая комната порядка 10 тыс. вон (12,5 долларов) в сутки. А если вы снимаете ее на двоих, то получается совсем дешево, всего 6 долларов в сутки на человека. Именно так, по двое, и живут здесь большинство постояльцев.

В центре крытого двора с цементным полом стоят столы. За ними сидят люди, иностранцы, которых почему-то хочется назвать «отбросы европейского общества». Это и немцы, и американцы, и пакистанцы, и представители тюркских народностей. Как их занесло сюда? Облик постояльцев необычен. Например, у одной из женщин в носу пять колец. Но есть во дворе и корейцы: хозяин, члены его семьи.

В другой части двора стоит кран с холодной водой, торчащий прямо из пола. Рядом с ним — тазики, из которых принято умываться. То есть нельзя просто открыть кран и умываться под струей воды. Сначала обязательно нужно налить воду в пластмассовый тазик, а уж потом умываться из него. Это корейская традиция. Здесь же в крытом

дворе на веревках сушится чье-то белье. И еще есть большой шкаф-холодильник, из которого жильцы берут напитки.

А в целом — невероятная грязь, полумрак и такое ощущение, что крыша вот-вот обвалится.

Двери в комнатухи постояльцев открыты: кто-то играет на гитаре. Кто-то просто лежит. И хочется отсюда бежать, бежать без оглядки из этого средоточия невероятной грязи и тяжелых психических расстройств.

Только увидев эту «гостиницу» я понял, почему хозяева ближайших ресторанчиков квартала берут деньги вперед с иностранных посетителей. Очевидно, слишком часты бывали случаи «бесплатного обеда», инициаторами которых, скорее всего, являлись постояльцы гостиницы «Тэвон» или их друзья.

Кстати, летом 1995 года мне приходилось встречаться с такими иностранными «корреспондентами» газет, которые за неимением денег спали в Сеуле на скамейках в парках, а умывались в туалетах на станциях метро.

30 июня 1995 года

8. Две встречи

8 и 9 июля у меня произошли две встречи. Первая из них — традиционная для Кореи. Вторая — совершенно необычная и отражает что-то удивительное новое, чего не было раньше и что, возможно, как-то по-особенному определит будущее этой страны.

Первая встреча

8 июля 1996 года ехал на метро из Сеула к станции Соннэ, в сторону дома, где я жил в этот свой визит в Корею. Дорога долгая, около 50 минут. Чтобы скоротать время, стал внимательно читать комиксы, расположенные в рамке на внутренней стене вагона, там, где обычно размещается реклама. Оказалось, комиксы тоже имели рекламный характер. Они были подготовлены фирмой, производящей корейскую 25-градусную водку *сочжу*. В рамке было 8 рядов по 5 картинок в каждом. Каждый ряд представлял собой законченный сюжет, как то: спорят японец и кореец по поводу территориальной принадлежности острова Токто, что в Японском (Восточном) море. Японец говорит: «Наш остров». А кореец в ответ: «Давай-ка копнем, посмотрим, что

там в земле имеется!» Стали копать. Смотрят, в земле бутылка водки *сочжу*! Значит остров — корейский!

Итак, я стою перед комиксами и читаю. Вообще-то, я теперь редко сажусь в метро. В принципе, раньше иностранцам как почетным гостям, даже молодым, в общественном транспорте часто уступали место. И я тоже мог бы сидеть со спокойной совестью. Но к 1996 году в Сеуле развернулась активная кампания за улучшение отношения к престарелым и женщинам. Трансляция в метро, многочисленные «плакаты-наклейки» призывают уступать места старшим по возрасту и инвалидам. И эта кампания имеет эффект. Места теперь уступают гораздо чаще и охотнее, чем 5 лет назад.

Почти напротив меня сидит мужчина лет 55, в светлой рубашке без галстука, костюмных брюках, с папочкой на коленях. Он видит, как я внимательно смотрю на корейские надписи и с полной уверенностью в том, что ответ будет положительным, спрашивает:

— Вы говорите по-корейски?

Далее следует вопрос, подтверждающий широкий опыт общения моего случайного знакомого с миром за границы:

— Вы, наверное, немец?

— Нет, русский.

Называние меня «немцем» — небольшая ошибка с его стороны. Обычно любой белый иностранец для корейца — это американец. Если человек различает американца и европейца, значит, он уже кое-что познал в сложных этнических вопросах.

После нескольких обычных для нового знакомства фраз у нас завязывается разговор. Мой собеседник занимается импортно-экспортными операциями, связанными с оптикой. Знает несколько русских слов. Говорит, сам пытался учить. Обсуждаем ситуацию в мире, в России. Как всегда в случаях подобных случайных знакомств, слышу лишь самое хорошее в отношении моей страны.

Но вот уже и моя остановка. Мне выходить. Обмениваемся визитными карточками. Добрые теплые улыбки. И... прощай навсегда господин Чон Кухан!

Вторая встреча

Другая встреча произошла в Сеуле у станции метро *Тоннимун* («Арка Независимости»).

Только что у меня был очень важный и очень тяжелый телефонный звонок. Руки тряслись. Нервы были готовы разлететься в мелкие

обрывки. Вышел к парку у входа в метро. Поставил свой рюкзак на каменный паребрик. Закурил.

Вдруг ко мне подходит девушка лет 27–28 в белой блузке, брюках из костюмной ткани. Волосы собраны на затылке в пучок. Спрашивает: — Do you have «writer»? («У вас есть писатель?»)

Долго не могу понять, в чем дело. Наконец, не выдержав, она достает сигарету. Я догадался. Она, что свойственно многим корейцам, вместо звука «l» произносит звук «г», в результате чего слово «зажигалка» превратилась в «писателя». Ей нужна зажигалка. Достаяю. Она, к моему удивлению, закуривает тут же на улице. Завязывается разговор. Сразу спешит сообщить, что интересуется религией, философией и искусством. («Значит, ничем», — думаю я про себя). Предлагает пройтись вместе. Курит на ходу средь бела дня. Время около 15.40. Действительно, невиданное для Кореи дело!

В парке «Тоннимун» есть небольшое кафе под открытым небом. Идем туда. Берет два чая в банках и бумажный стаканчик в качестве пепельницы. Сразу раскуривает еще одну сигарету марки «88 — ментоловые» и совершенно неожиданно для меня вставляет ее мне в рот. Говорит: «Попробуйте вкус!» Потом прикуривает другую для себя. После она уже не предлагала мне раскуренных ею сигарет, но сама курила безбожно. Пепел иногда сыпался ей на брюки, но она этого не замечала.

Говорили с нею исключительно по-английски. Она рассказала, что закончила какой-то не очень известный сеульский университет, отделение «общественных связей» (public relations). Сейчас работает медсестрой в клинике своего отца. Старший брат ее тоже врач. Про младшего я не запомнил.

Разговор был путанным, без стройного сюжета. Раз она перевела разговор на тему о сексе, и глаза ее, чем-то похожие на цыганские, вдруг загорелись особым огнем.

С трудом удалось перевести беседу на более нейтральные темы. Девушка сообщила мне, что уже успела побывать в психиатрической больнице, что пробовала разного рода наркотики и электростимуляторы, что имеет компьютер, подключенный к внутрикорейской компьютерной сети, где обменивается со своими друзьями ночными посланиями о том, кто во что одет. Еще говорила, что есть у нее какой-то знакомый, преподаватель из Австралии; в Корею он читал лекции о женской красоте, выпустил альбом с фотографиями обнаженных женщин. Корейка часто носит фотографии из этого альбома у себя в портмоне, но сегодня их у нее нет. Часто пишет преподавателю пись-

ма. А когда говорит с ним по телефону, то чувствует особое возбуждение.

Представления о жизни у нее четко делились на «черные» и «белые», и я чувствовал себя с ней, как дедушка с малолетним ребенком, когда пытался заговаривать о смысле жизни.

В конце концов девушка дала мне свой телефон, адрес и, естественно, назвала имя. Ее звали Ли Н. Просила обязательно позвонить, так как она знает много хороших мест, где можно поразвлечься.

На мое счастье, когда Ли Н отправилась в туалет, по дороге туда она встретила свою американскую знакомую, которая училась в университете Ёнсе и «занималась исследованием» периода японской колонизации Кореи (1910–1945 гг.). Это удачное совпадение позволило мне легко оставить сумасшедшую кореянку с резким, отрывистым, напористым, громким английским языком.

14 июля 1996 года

9. Встреча в поезде провинция — Сеул

Корейцы все еще продолжают интересоваться иностранцами, желая лучше узнать культуру других народов, и в наше время индустриального развития и интернационализации всего и вся.

Утром 28 ноября 1996 года, в четверг, в 8.30 утра, сел в практически пустой поезд из провинции в Сеул. Солнечный морозный бесснежный день. Вскоре после отправления на одной из станций рядом со мной села бабушка, которая всю дорогу аппетитно потребляла корейское «печенье» из риса. Она вышла на станции Онъян Ончхон, чуть было не пропустив свою станцию, перед самым отходом поезда, у которого двери закрываются автоматически. Она везла с собой два огромных тюка.

Потом рядом со мной села женщина лет 38–45. Читала конспект (как оказалось) своих лекций о воспитании родительских навыков. И вдруг обратилась ко мне с вопросом, не говорю ли я по-корейски. Я ответил утвердительно. А когда выяснила, что я говорю и по-французски, с удовольствием перешла на этот язык, сообщив, что 6 лет прожила во Франции, где познакомилась со своим будущим мужем, корейцем. Сказала, что является преподавателем сеульского Женского университета Сукмён. Говорить с нею было легко. Долгая жизнь и учеба во Франции, издание там двух книг сделали ее чуть более европейской женщиной. В конце нашей встречи дала два адреса,

домашний и университетский, сообщила о своих последних статьях по проблемам воспитания.

Записано 28 ноября — 10 декабря 1996 года

10. Борьба за улучшение отношения к иностранцам

В августе 1998 года на стенах станций сеульского метро появились плакаты, изображавшие стилизованный дорожный знак «движение без остановки запрещено», где вместо надписи «STOP» была изображена стрелка разворота, но «вверх ногами». Ниже была расположена надпись крупными буквами: «Приезжают и уезжают ни с чем». Текст внизу плаката объяснял его смысл: «Ежегодно Республику Корея посещают огромное количество иностранцев. Но задумываются ли корейцы о том, какое впечатление о стране остается у них из-за поведения не всегда гостеприимных хозяев?»

В связи с указанной кампанией, развернутой Сеульским метрополитеном, со мною приключилась следующая история.

23 августа около 9 утра я был на станции Пучхон сеульской надземной железной дороги и решил купить многоцветный билет за 5 тыс. вон. Я был с чемоданом и очень торопился на вокзал: нужно было ехать в провинцию. Дал служащему купюру достоинством в 10 тыс. вон. Служащий, решив проявить особое внимание к иностранцу, решил вместе с билетом дать мне и пластиковый футляр для его хранения. Он начал вставлять билет в футляр, но билет почему-то никак не помещался. Служащий долго возился и, наконец, сконфуженный, выдал мне футляр с наполовину засунутым в него билетом.

Я схватил билет в футляре и сдачу и побежал к турникету. Уже после того, как я приехал на вокзал и открыл кошелек, чтобы расплатиться за пончики и колу, то обнаружил, что у меня есть лишь десятитысячные купюры и одна банкнота достоинством в 1 тыс. вон. Неужели забыл взять сдачу? К счастью, я запомнил, что служащий, продавший мне билет, сидел у левого окошка кассы, и его фамилия была О (около окошка стояла именная табличка).

На следующий день я уже вернулся из провинции и поехал на станцию Пучхон, к месту моего проживания. Господина О на месте не оказалось. И только 26 августа О появился в левом окошке кассы.

Я подошел к О и стал, несколько волнуясь, объяснять ситуацию с не выданной сдачей. О сидел с каменным лицом и делал вид, что ничего не помнит или не понимает. Позвал кого-то из глубины помеще-

ния и отослал меня к соседнему окошку, туда, где билеты не продавали. Я снова стал объяснять ситуацию. Кореец посоветовал мне прийти завтра, к 9 утра, когда будет работать другая смена. Мол, может они вспомнят о происшествии трехдневной давности. Но потом о чем-то задумался, вспомнил, наверное о кампании по улучшению отношения к иностранцам, развернутой в метро, взял у господина О 5 тыс. вон и отдал мне.

27 августа 1998 года

11. Отношение к иностранцам в провинции в середине 2000 г.

В нынешний мой визит (2000 г.) в город N провинции Южная Чхунчхон мне показалось, что отношение к иностранцам-европейцам стало заметно хуже.

Поначалу я ходил по магазинам городка вместе с моими корейскими знакомыми, которые лично знают многих владельцев лавочек. И везде нас ожидал теплый и радушный прием.

А потом мне пришлось посетить несколько магазинов самостоятельно.

Как-то раз пошел за соком в минимаркет «Тонъян» (동양). Хозяин, мужчина лет 42–45, угрюмо сидел у стола с кассой. Когда я вошел в магазин, он исподлобья бросил на меня взгляд, а потом сделал вид, будто меня вообще в магазине нет. Когда я подошел к хозяину с коробкой сока в руках, чтобы рассчитаться, он без слов набрал на калькуляторе сумму, молча взял от меня деньги и отвернулся, продолжив заниматься своими делами.

Когда я зашел в этот магазин в другой раз, чтобы купить растворимый кофе, я снова был встречен тем же угрюмым выражением лица. И когда хозяин в очередной раз попытался безмолвно набрать сумму покупки на калькуляторе, я не выдержал и сказал:

— Можете сказать по-корейски. Я понимаю.

Никакой реакции мое владение корейским языком не последовало. Угрюмым тоном хозяин произнес:

— Семь тысяч двести вон.

И все!

В другой раз я зашел в мастерскую, где ремонтировали сумки, чтобы узнать насчет возможности замены колеса от чемодана. Увидев меня, зашедшего в лавку с чемоданом, хозяин, в ответ на мой вопрос,

произнесенный по-корейски, резко вытянул перед собой руки, как бы пытаясь этим жестом выставить меня из мастерской, и сказал:

— У нас таких колес нет. И нигде нет в N!

— А что же делать?

— Не знаю.

— Неужели так и нигде нет? — не сдавался я.

— Нет, повторяю. В городе N есть. Это большой город. А здесь нет. До свидания!

А вот еще эпизод. Есть на центральной улице N, идущей от железнодорожного переезда к дамбе, магазин игрушек и канцтоваров. В первый раз я зашел туда вместе с корейскими знакомыми, и чувствовал себя психологически довольно комфортно: принимали как «своего».

На другой день (шел сильный дождь) я отправился в тот же магазин один. Нужно было купить перманентный маркер. Хозяйка никак не отреагировала на то, что я вошел в магазин. Не было даже стандартного для такого случая приветствия. А потом случилось следующее...

В период дождей в корейских магазинах, ресторанах и других общественных заведениях при входе ставят большие пластмассовые ведра для того, чтобы посетитель мог при входе оставить в них свой мокрый зонт. Таким образом, в помещении сухо.

Я избегаю класть свои зонты в такие ведра, потому что хозяева магазинчиков не слишком часто выливают оттуда воду, а некоторые посетители принимают эти ведра за мусорные и бросают туда всякий хлам. Поэтому, заботясь о «долголетии» зонтов, я предпочитаю располагать их не в самом ведре, а около него. Так я поступил и на этот раз. Хозяйка, поначалу не отреагировавшая на мой визит, увидев, что я поставил зон «не там», моментально вскочила и указала мне на пластмассовое ведро:

— Вы должны положить свой зонт туда. А то мокро.

А ведь еще вчера, когда я был в том же магазине с корейцами и когда я также поставил свой зонт *около* ведра, хозяйка мне ничего не сказала ...

... И такое отношение к себе я чувствовал везде, куда бы ни ходил: и в магазине стройматериалов, и в кондитерской. Быть может, корейцы принимали меня за американца, которые иногда посещают N по пути из авиабазы в Сеул?

26 августа 2000 года

12. Объявления в развлекательном комплексе Lotte World

В 2001 году объявления в развлекательном комплексе «Мир Лотте» (Lotte World), расположенном в районе Чамсиль Сеула, стали делать одновременно на корейском, японском и китайском языках.

27 сентября 2001 года

13. Помощь на улице

Мне показалось, что в нынешнем 2002 году корейцы стали более вежливыми и внимательными к иностранцам. Возможно, это влияние «воспитательной работы», проведенной в связи с кубком мира по футболу, который в этом году проводится в Корее.

* * *

20 июля я ехал из Академии корееведения на автобусе № 303 до станции метро «Индогвон». У меня был солидный багаж: огромная тяжелая сумка и чемодан на колесах. Когда я выходил из автобуса, то мужчина с ребенком помог мне выгрузить чемодан, а затем он нес его по ступеням подземного перехода вплоть до турникетов метро.

* * *

Когда я 12 августа с тяжелой сумкой (26 кг) и чемоданом (13 кг) тащился вверх по лестнице станции метро Соннэ, какая-то женщина с ребенком без слов взяла вторую ручку сумки и помогла мне внести ее на верхний этаж станции.

* * *

14 августа я возвращался от станции метро Соннэ к дому, где в то время проживал. Остановился у пешеходного перехода со светофором, у которого был очень долгий интервал смены сигналов. Вдруг стал накрапывать дождик. А я не стал доставать зонтик, так как решил зайти в универмаг, который располагался сразу за пешеходным переходом.

В это время к переходу подошла женщина средних лет, под зонтиком. Увидев, что я, иностранец, неуклюже пытаюсь спрятаться от дождя под «козырьками» светофора, она вежливо предложила встать под зонтик рядом с ней.

15 августа 2002 года

14. Аэропорт 2003

Уже не помню, в какой по счету раз я прилетаю в «новый» аэропорт Инчхон на острове Ёнчжондо. Что изменилось по сравнению с прошлым годом? Бросилось в глаза большое количество европейцев, стоявших в очередь на пограничный контроль. Было такое чувство, что вообще европейцев стало в Корее больше. И, как выяснилось потом, это чувство совсем не обмануло меня...

Второе, что особенно запомнилось в *сравнении* — это то, что теперь при посадке в большие междугородние автобусы уже никто не помогает пассажирам загружать в багажное отделение автобуса свои вещи. А летом 2002 года таких служащих аэропорта было много. Наверное, дело все в том, что тогда, в прошлом году, был кубок мира по футболу и корейцы проявляли особую вежливость к иностранцам, а нынешний год — самый что ни на есть обычный.

И, все же, забрасывая мои тяжелые сумки в грузовое брюхо автобуса, мне было как-то не по себе...

18 июня 2003 года

15. Солдат в автобусе

18 августа ехал из южного города Масан в Сеул. Автостанция в Масане («Восточная автостанция») — еще та: постройки 1970-х годов, очень старая и некомфортабельная.

Обслуживают линию Масан — Сеул автобусы фирмы «Центральные скоростные [магистральи]» («Чунан косок»; 중앙 고속). Берут за перевоз из Масана в Сеул в полтора раза дороже (24 тыс. вон), чем, например, за путь от Сеула до южного города Сачхон (почти такое же расстояние; 15,8 тыс. вон). Последний маршрут обслуживает фирма «Комплексные перевозки Чинно» («Чинно чонхап ютхон»); 진로 종합유통).

Между прочим, по комфортабельности и классу обслуживания «Чинно» гораздо лучше «Чунан». Цены, указанные выше — это цены за проезд в автобусах повышенной комфортности, то есть имеющих только 3 кресла в одном ряду, откидывающиеся подставочки для ног (часть кресла), спутниковое телевидение, индивидуальное подключение наушников к аудиосистеме автобуса.

Однако если в «Чинно» и кресла были новые, и всю дорогу телепрограммы показывали, то в «Чунан» этого не было. А дорога из Масана

в Сеул почему-то на час дольше, чем из Сачхона. Мало того, водитель был очень невежлив к пассажирам.

Вот в таком вот автобусе ехал из Масана в Сеул.

Через 2,5–3 часа пути водитель автобуса наконец-то остановился в одном из пунктов отдыха скоростной магистрали, оборудованном, как это полагается в Корее, огромными туалетами, разного рода недо-рогими закусочными, магазинчиками.

Я ограничился лишь туалетом и стаканчиком кофе из автомата. Покупать ничего не стал, так как когда я купил «хот-дог» на одном из пунктов отдыха по дороге из Сеула в Сачхон, то после этого у меня сильно разболелся живот.

В автобусе рядом со мной сидел молодой солдат южнокорейской армии. Я с ним практически не разговаривал. Лишь попросил при посадке уступить мне место у окна, которое полагалось мне по билетам. К тому же я собирался слушать коротковолновое радио, и антенна должна была быть расположена как можно ближе к окну.

Когда из пункта отдыха я вернулся в автобус, солдат ел какой-то «блин на палочке» (из серии «корейских хот-догов»). Когда я сел на свое место у окна, вдруг быстро-быстро предложил мне свой блин. У него их было несколько. Но я вежливо отказался. После этого мы с солдатом уже никак не общались.

25 августа 2003 года

16. Сверхвежливое обслуживание иностранца в ресторане «Чикхкн бэни»

7 июля 2011 г. отправился в район улицы Чонно (Колокольной улицы Сеула), чтобы поужинать. Перед тем организаторы корееведческой «Ассамблеи» выдали наличность для того, чтобы участники мероприятия сами позаботились о вечернем «хлебе насущном».

Сначала попытался найти свой любимый сетевой рестораник «Чхунчхон так кальби», что значит «Куриные ребрышки [города] Чхунчхон». Но его не оказалось на старом месте: очевидно, разорился или был поглощен другой фирмой.

В итоге, побродив по узким улочкам ресторанного квартала, решил зайти в ресторан, специализировавшийся на жареной курице. Он назывался «Чикхен бэни» — этакая смесь английских и корейских слов: «чикхен» — от английского слова «chicken» — «курица», а «бэни» (뱅이) — это суффиксальная словообразующая частичка, обозначающая

человека, качества которого тесно связаны со словом, к которому эта частичка присоединяется. В нашем случае название ресторана можно понять в значении «человек, очень любящий курицу».

Зашел я в этот ресторан, в частности, и потому, что при входе стояли две женщины — работницы, которые активно зазывали прохожих, хотя в ресторане и без того хватало посетителей, а на параллельной улице висел плакат, призывавший владельцев ресторанов не зазывать к себе клиентов.

Узнав, что ужинать я буду один, мне выделили небольшой столик неподалеку от открытой террасы. На улице шел дождь, а при входе не было оборудовано специального места для складывания зонтов, поэтому я прямо с мокрым зонтом прошел к столу, долго думая, куда бы его пристроить. Неожиданно кто-то из работников ресторана подошел с небольшим пластиковым пакетиком для зонтов, какие обычно предлагаются посетителям при входе в большие торговые комплексы, и услужливо положил мой зонтик туда.

Принесли меню. Ко мне подошел сам хозяин (главный менеджер?) и на английском языке попытался порекомендовать самое лучшее из недорогих блюд ресторана.

Мой заказ был выполнен почти моментально, а на столе никогда не оставались пустыми тарелки с салатами: мне их постоянно приносили до тех пор, пока я сам не сказал «хватит».

Вообще-то в Корее принято добавлять салаты и так называемые «закуски» в том случае, если тарелки быстро пустеют. Но здесь в манерах поведения и интонациях обслуживающего персонала я почувствовал особую «заботу об иностранце».

Записано 21 июля 2011 года

17. Невежливый Итхэвон

Торговая улица Итхэвон, около которой расположен главный штаб американских войск («войск ООН»), расквартированных в Южной Корее, известна как торговый центр, ориентированный на иностранцев, главным образом на тех же американцев. Ассортимент товаров здесь несколько другой, нежели в обычных южнокорейских магазинах и торговых центрах, да и размеры продаваемой одежды лучше подходят гостям из-за рубежа.

В субботу 10 июля я решил отправиться на Итхэвон, чтобы купить подарков для членов семьи (кое-что здесь действительно стоит

намного дешевле, чем в «настоящей Корее»). Зашел в магазин, в котором продавались кожаные сумки. Как полагается, поздоровался с хозяином и принялся расспрашивать о товаре.

В это время на улице пошел сильный дождь, и в магазин зашла женщина, лет 30, родственница хозяина.

Хозяин тут же перестал обращать на меня хоть какое-то внимание, сразу переключился на родственницу, позвал ее к стойке кассы (там сидели другие родственники хозяина магазина), стал предлагать напитки и подробно расспрашивать о родственниках.

Я же в недоумении и одиночестве остался стоять перед стеллажами с сумками, не зная, что делать, в ожидании, что хозяин или кто-то из других продавцов все же подойдет ко мне.

Не дождавшись проявления должного внимания и с трудом добившись от хозяев элементарной вежливости — чтобы те хотя бы попрощались с посетителем при выходе из магазина — вышел на улицу. Дождь почти прекратился. И я побрел дальше в поисках другого магазина, где мог бы приобрести нужный мне товар.

Записано 24 июля 2011 года

ГЛАВА 9. ОТНОШЕНИЕ ЮЖНЫХ КОРЕЙЦЕВ К РУССКИМ

1. По пути в Сеул (Отношение к советским)

Южные корейцы, в отличие от северных, на советской земле замкнуты и недружелюбны. Например, группа сотрудников фирмы «Лотте Шоппинг» (Lotte Shopping) прилетела в Хабаровск, чтобы встретить труппу Ленинградского государственного балета на льду. Большинство из них были здесь впервые. Очень им захотелось город осмотреть, а время свободного — всего один час. Поймали каких-то таксистов-частников, которым сразу за работу дали около 50 рублей и порядка 10 долларов. Поехали. Ухмылочки по поводу того, что в СССР мало магазинов, почти ничего не продают... На окружающих смотрят не как на людей, а как на музейные реликвии, и чуть-чуть свысока. Когда с ними переводчиком работаешь, то словно и не замечают тебя. Ни знание языка, ни дружественное отношение не пробивает холодных довольных улыбок.

Другое дело в Корее. Ощущаешь совершенно особое отношение к себе уже в самолете авиакомпании «Кориан Эа» (Korean Air). После того, как я заговорил на корейском языке, весть об этом быстро передалась обслуживающему персоналу. Затем, время от времени, ко мне подсаживался кто-нибудь и заговаривал; много расспрашивали о Северной Корее. Вскоре проявились особые знаки внимания ко мне: предложили сигареты; дополнительную банку пива; кофе принесли еще раз после того, как обслужили всех. Когда самолет подлетал к Сеулу и я с интересом, не отрываясь от иллюминатора, смотрел на фантастическую панораму ночного города, ко мне подсел представитель авиакомпании и стал объяснять, что есть что. Всем пассажирам — артистам Балета, подарили сувенирные значки, а мне, ко всему прочему, достались европейские и корейские национальные игральные карты.

Тем не менее музыкальному руководителю Балета Лео Корхину в багажном отсеке самолета каким-то образом умудрились залить машинным маслом его чемодан. Представители авиакомпании чуть ли не чеством клялись в том, что все будет моментально исправлено за их счет, и... фактически бросили растерявшегося Лео на произвол судьбы. И лишь гораздо позже, уже почти перед отъездом из Кореи, за счет гостиницы «Лотте» торжественно были почищены брюки, но чемодан так и остался подмасленным.

1990

2. Отношение детей к советским людям

В Сеуле есть великолепный детский крытый городок аттракционов. На Западе такие называются «Диснейлендами». Сеульский называется «Мир Лотте» (Lotte World). «Лотте» — потому, что построила и владеет этим комплексом корпорация «Лотте».

Итак, в один из дней стоим мы с директором Ленинградского балета на льду и кем-то из руководства фирмы «Лотте» у Южных ворот комплекса. Перед нами автобус, в который садятся дети, только что получившие всю гамму удовольствий в этом удивительном «мире». Они вертятся у нас под ногами, не обращая на нас совершенно никакого внимания. И вдруг ни с того ни с сего наш кореец говорит детям:

— Смотрите, это не американцы, это советские.

— Дети не верят.

— Правда советские. А ну-ка, поздоровайтесь с ними! — продолжает наш кореец.

И тут одна девочка выделяет следующее:

— Не американцы? — переспрашивает она, — Советские? Во! — говорит девочка и показывает сжатый кулак с большим пальцем, вытянутым кверху. Лицо ее сияет.

1990

3. Предостережения советским гражданам в Сеуле

Ответственный от фирмы «Лотте» за гастроли Балета на льду г-н Но Бёнён обратился к директору Балета с особой просьбой, чтобы он передал всем артистам и обслуживающему персоналу Балета на льду следующее.

Находясь в Сеуле, не рекомендуется уходить далеко от центра города, ездить на окраины, ходить поздно ночью по улицам, особенно в одиночку. Конкретно он никак свою просьбу не объяснил и лишь ссылаясь на «особые обстоятельства».

1990

4. Отношение к русским

Особенности того, как корейцы относятся к русским, ярче всего проявляются при посещении магазинчиков, лавок, рынков. Где же еще можно вступить в непосредственное общение, кроме как не здесь? В универсамах персонал слишком вышколен, чтобы как-то проявлять свои эмоции. А здесь...

Заходишь, к примеру, в часовую лавку на улице Чонно. Маленькая, тесная, с низеньким потолком. Хозяин, мужчина лет 45, и молоденькие женщины-служанки оживленно беседуют с какой-то знакомой, зашедшей в гости по пути. На меня не обращают никакого внимания. На мое приветствие, сказанное по-корейски, лишь сдержанный ответ. Хозяева пьют кофе. Я рассматриваю часы. Спрашиваю о цене. Большая. Отвечают мне нехотя, с трудом отрываясь от кофе и разговора, всем видом показывая мне, что им на меня глубоко начихать. Меня это начинает раздражать. Я уже знаю, что к русским в Корее относятся хорошо.

Первый спрашиваю:

— А как вы думаете, из какой страны я приехал?

— Американец, — с уверенностью отвечают хозяева.

— Нет, — отвечаю я.

— Ну, тогда немец или голландец, — в глазах у хозяев зажигается некое подобие интереса ко мне и интонация становится оживленнее.

Снова отвечаю:

— Нет.

Наконец уставшие от гаданий продавцы сдаются, и я гордо объявляю, что приехал из Советского Союза. Моментально лица хозяев расплываются в улыбку, они бросают свои дела. Завязывается оживленный диалог. В конце концов, я собираюсь уходить. Хороши хозяева, да слишком дорог товар. Но, чтобы не обидеть, говорю, что, мол, пока еще не решил, какой товар выбрать, но зайду позже.

На это хозяин-мужчина с горькой усмешкой уверенно отвечает:

— Больше вы сюда уже не придете.

И он прав. В городе очень много других магазинчиков, где подобный товар можно купить гораздо дешевле.

1990

5. Советские в Корейской войне 1950–1953 гг. и память об этом

2 мая 1990 г. произошла первая попытка разгрома советского представительства в Сеуле. Была поломана мебель, разбросаны документы. Говорят, что утром толпа собравшихся скандировала: «Русские — вон из Кореи!» На мой вопрос, почему это произошло, корейцы ответили мне, что, наверное, в народе еще жива память о том, что именно советские помогали северным корейцам в войне 1951–1953 годов.

1990

6. Русский язык

В Южной Корее, как и в Северной, очень популярно изучение иностранных языков. Есть даже особые магазины, специализирующиеся на продаже книг и лингафонных курсов для изучения языков. Как ни странно, среди популярнейших иностранных языков оказался русский. Есть теле- и радио уроки русского.

На торговой улице Итхэвон (расположенной у штаб-квартиры командования американских вооруженных сил в Южной Корее), недалеко от гостиницы «Хамильтон», практически напротив ее, есть магазинчик, торгующий изделиями из кожи. Ее хозяин — внешне доволь-

но приятный молодой мужчина, имеет хобби: собирать фотографии с подписями знаменитостей мира сего. В основном это американские «звезды». Когда нет покупателей, он читает английские книги. Мало того, у него есть американский самоучитель русского языка, который он с гордостью показывает советским гостям.

А на центральной сеульской улице Чонно я видел транспарант, где на зеленом фоне красовалась надпись: «Изучайте русский язык».

1990

7. Женьшень за 1 рубль

14 мая 1990 года, днем, после церемонии передачи денег газете «Чосон ильбо», мы с директором Балета В. Л. Марковским пошли на рынок «Намдэун». Он хотел купить себе ремни. На обратном пути я зашел в аптечную лавку, что находилась у входа в подземный переход под площадью с фонтаном.

Сначала я вошел в лавку один и спросил, есть ли женьшеневые шарики *ындан*. Со мной разговаривал мужчина. Всего за прилавком было человека три, в том числе женщина лет сорока. Продавец показал мне аналог того, о чем я просил — *хяньмидан*. Я спросил о цене. Две тысячи вон (около трех долларов). Денег таких у меня с собой не было, и я стал просить что-нибудь подешевле. Продавец сказал:

«Дешевле нет. Это — самое лучшее. Берите! Разве у вас в Америке есть такое?» А я отвечаю, что не американец я, советский, а только что подошедший ко мне человек — директор Ленинградского государственного балета на льду. На это замечание оживилась вся лавка и в разговор вступали остальные, до тех пор занимавшиеся каждый своим делом. Кто-то, оказывается, был даже на представлении Балета. И тут я попробовал схитрить. Так до меня делали многие артисты, и я решил проверить на практике, срабатывает ли такой механизм действия. И говорю, мол, у меня случайно есть с собой советский рубль, который я от всей души дарю на память продавцу. Попутно объясняя его покупательную способность. Продавец берет рубль и кладет его куда-то в стеллаж. Подходит ко мне и говорит, что тот женьшеневые шарики (*индан*), которые я рассматривал, он тоже дарит мне на память. Вежливо раскланявшись, мы с директором вышли из лавки.

1990

8. Случай в квартале оптовой торговли обувью

Сеул — промышленный центр страны, и многие товары попадают в провинцию через столичные оптовые магазины. Некоторые из таких магазинов находятся в центре города и практически ничем не отличаются от обычных. Вот, к примеру, магазинчик по оптовой продаже женской обуви «Морнинг флауэр» (Morning Flower). Он находится в районе Понгнэ, 1-я улица, дом 126-5. Небольшая витрина. Слева — вход. Внутри все четыре стены заставлены стеллажами с обувью. Обувь рядами выставлена на полу, так что трудно ходить. В лавке человек пять-шесть. Все они куда-то снуют, приносят коробки, тут же на полу приклеивают внутрь туфлей фирменные этикетки, запаковывают их и складывают в коробки. Суета на пределе.

Вообще в таких магазинах отдельным покупателям ничего не продают. Иначе вся Корея покупала бы товары только в таких магазинах — качество товара хорошее, а цены низкие. Но для иностранцев делают исключение. Если заходишь в такой магазинчик и спрашиваешь, можно ли купить что-либо, то хозяева, как правило, любезно ответят: «Пожалуйста. Что Вы хотите?» И будут очень внимательно, даже с участием помогать.

Наш шофер Ким Бёно открыл нам целый торговый центр по оптовой продаже обуви в районе рынка «Тондэмун».

12 мая 1990 года я, шофер Ким Бёно, директор Балета В.Л. Марковский и музыкальный руководитель Балета Лео Корхин как раз и отправились туда. Мы медленно продвигались по второму этажу этого длиннейшего торгового центра, по своему устройству ничем не отличающегося от обычного рынка, разве что назначением — оптовая торговля. В.Л. Марковский и Л. Корхин были полны желания приобрести кое-что для себя и своих близких. А наш любезный шофер в каждой лавке вежливо объяснял, что «высокий господин» — сам директор знаменитого на весь Сеул Ленинградского государственного балета на льду. Но дело в том, что в СССР, говорил Ким Бёно, ему платят очень мало денег. И хотя это высокий по положению человек, не мог бы хозяин продать гостю что-нибудь получше и подешевле. На такое представление покупателей хозяева обычно бурно реагировали, очень радовались и почти всегда помогали в выборе товаров. А в одной из лавок, что находилась справа, в дальней от Восточных ворот части рынка, произошло следующее.

После очередного представления нашего милейшего шофера хозяева настолько обрадовались неожиданному визиту, что даже стали

просить дать им автографы. В это время предприимчивый Л. Корхин достал из своего волшебного портфеля набор корейских открыток о Советском Союзе. Были там и открытки с Балетом на льду. Советские гости стали ставить на них свои подписи. Слух о «высоких гостях» мгновенно дошел до соседних лавок, и за автографами прибежало еще человек восемь. В самой лавке работало около пяти человек, в основном приятные молодые люди. Кульминация наступила тогда, когда из того же волшебного портфеля Л. Корхина появилась шикарно изданная программка выступлений Балета, где на одной из первых страниц была фотография В. Л. Марковского с его посланием корейскому народу и факсимиле подписи. И когда Марковский под этим факсимиле поставил настоящую подпись, со всех сторон от работников соседних лавок и от кого-то из персонала самой лавки стали раздаваться возгласы, что, мол, за такие сувениры надо бы и корейцам как-то достойно ответить. Тогда хозяин нашей лавки сказал В. Л. Марковскому: «Вот перед Вами прилавок с нашей обувью. Пожалуйста, выбирайте любую пару. Это будет наш подарок Вам». В. Л. Марковский стал выбирать. Но Л. Корхину, которому принадлежала идея использовать в диалоге с корейцами печатную продукцию, а также сами открытки и программка, подобных предложений не сделали. И пока мы с Марковским выбирали пару для него, Л. Корхин еще раз открыл свой волшебный портфель, что-то вынул оттуда и через несколько минут вышел довольный, неся в руках пару туфель.

1990

9. Русские в Корее

В 1992 г. уже хорошо чувствуется проникновение в Сеул русских и прочих славян. На рынках в продаже появились советские часы и янтарь. На самой оживленной торговой улице для иностранцев — Итхэвон — чуть ли не каждый второй продавец знает хотя бы одно русское слово. И даже попадаются надписи по-русски, как то: «пуховая куртка», сделанные черным фломастером на белой плотной бумаге.

Многие из артистов Балета видели на рынках, более всего на «Тондэмуне» — рынке у Восточных ворот, поляков, скупающих целые коробки корейской одежды... Из-за этого отношение к гостям из СССР — некогда великой страны, стало хуже, нежели два года тому назад.

... Хотя, наверное, причин подобного ухудшения отношения к русским, наверное, больше. Но эта, особенно на бытовом уровне, играет далеко не последнюю роль.

1992

10. Встреча с корейскими друзьями 25–26 мая 1992 года

В течение всего мая группа дизайнеров, что работала в прошлом году в СССР на подготовке выставки-продажи корейских товаров, устроенной фирмой «Лотте» в Санкт-Петербурге, добивалась встречи со мной. Возможно, это был лишь повод для того, чтобы собраться старым «друзьям по Союзу» и вспомнить за рюмочкой «прошлые дни».

Наконец, вечером, накануне дня моего отъезда из Кореи, я смог выделить время для встречи. Вся группа — Ким Чхольчжин, Чи Инголь, Ли Чжончже, Ли Чжонъёл, к 21.40 собрались в холле гостиницы комплекса «Мир Лотте», где проходил прощальный банкет в честь успешного завершения Сеульских гастролей Санкт-Петербургского государственного балета на льду.

Я вышел к друзьям, и мы отправились на улицу. Здесь какая-то девушка поприветствовала моих спутников, и я понял, что она собирается идти вместе с нами, хотя мне она никак не была представлена и причина ее присутствия мне не была объяснена. Я сел в машину неофициального лидера всей «команды» — заведующего отделом дизайна фирмы «Лотте Шоппинг» Ким Чхольчжина. Ехали мы куда-то в ресторанчик, находящийся неподалеку, и наша спутница, сидевшая на первом сиденье, объясняла дорогу. Это было довольно непросто, и я вместе со всеми моими спутниками от души посмеялся над сложностью объяснений, так как корейская система адресов не позволяет четко указать местоположение искомого объекта, даже если он находится всего в двух шагах от искателя.

Наконец, приехали. У входа в ресторанчик встретила еще одна девушка, и мне даже показалось, что эта встреча случайна. Однако все было оговорено заранее, и она просто ждала у входа. Было часов 10, начало 11. Зашли в ресторан, хотя нам уже и сказали, что необходимого количества мест в нем нет. Посередине холла — фонтан с маленьким «микропарком». Слева — легкое возвышение с низенькими корейскими столиками для сидения на полу. В глубине — стойка бара, а в центре главного зала — столы и стулья для сидения по-европейски.

Пока еще раз переспрашивали по поводу мест, «братик» — так я с прошлого года зову дизайнера по имени Ли Чжончже, он старше меня года на три — обнаружил маленькую крыску, бегавшую по микропарку. Самое удивительное, что она прекрасно вписывалась в искусственный пейзаж, и ее появление не вызвало у меня никаких негативных эмоций. Наоборот, я даже пожалел, что она слишком быстро скрылась в какой-то щели. Однако за время наших с братиком активных созерцаний выяснилось окончательно, что мест нет, и мы отправились на поиски свободного заведения поблизости.

Для этого не потребовалось много времени. Перейдя на другую сторону перекрестка, мы оказались перед входом с несколькими вывесками. Одна из них возвещала о том, что на втором этаже имеется корейский ресторан «Пубу поссам». Поднялись наверх. Слева от входа — касса, открывающая галерею с рядом окон. Вдали — стойка бара. Слева и справа — возвышения, огороженные невысокими деревянными резными лакированными оградами, за которыми также находились низенькие корейские столики с подушками на желтом теплом линолеумном полу. Посередине — ряд европейских столиков со стульями. Мы выбрали ряд свободных столиков справа. Тут же их сдвинули в один большой стол. Меню вместе с вырезкой из какой-то газеты, рекламирующей данное заведение, уже было перед нами.

Прежде всего, заказали фирменное блюдо ресторана — *пубу поссам* — мясо, завернутое в листья салата. Однако подаются листья салата отдельно, положенные в тарелочку, а свинина с приправами — отдельно. Сам посетитель должен обмакнуть мясо в соус и завернуть его в лист. Мои корейские друзья рассказали о значении названия блюда. *Поссам* — или «завертывание в ткань» — это действие, которое совершается в отношении вдовы с тем, чтобы украсть ее из дома и взять для совместной жизни³⁰. Ну а слово *пубу* по-корейски как раз и означает «супруги».

Ну и, конечно же, к основному блюду нам принесли корейскую водку *сочжу*, которая хотя и считается более слабой, чем русская, но подействовала на меня не меньше, да и по вкусу не была мягче.

Я пришел на встречу с друзьями после приема в гостинице «Мир Лотте», поэтому есть не хотел. Очевидно, голодны были мои корей-

³⁰ Вплоть до конца XIX столетия корейским вдовам было запрещено вступать в брак повторно. Однако существовала традиция, согласно которой состоятельный мужчина мог «украсть» вдову для того, чтобы взять ее к себе в наложницы.

ские друзья. Они заказали еще и картофельной лапши с мясом и овощами — *чанчхе*, потом «пирожки», похоже, из рыбьей муки.

Мои знакомые произносили много тостов. Сначала выпили за меня. Потом этот тост неоднократно повторялся в разных вариациях, а я делал над собой усилия, чтобы не заснуть, и старался понять речь своих собеседников. Не обошлось и без традиционной церемонии обмена чарками. Чи Инголь, сидевший напротив меня, протянул мне свою керамическую чарку, заставил взять ее в руки и налил мне водки. Я отпил чуть-чуть, остатки вылил в свою рюмочку, а пустую чарку протянул хозяину.

Вспоминали Советский Союз, говорили о чем-то. Но все происходившее было для меня как в тумане. Было уже поздно и кроме нас в зале оставалось человека четыре. Я встал и прошел позвонить из автомата. Десятиконовые монетки мне дали в кассе. «Интересно, — подумал я, — это сервис, или стоимость телефонного разговора будет включена в счет?»

После того, как вернулся за стол, еще посидели немного.

Наш ресторанчик оказался не таким уж дешевым. Порция *пубу поссама* стоила 10 тыс. вон. Вышли к кассе у выхода. Мои друзья стали представлять меня, мол, приехал с Балетом на льду такой вот переводчик, прекрасно по-корейски говорит. А хозяйка уже и так поняла, что я знаю корейский. Она слышала мою речь по телефону. Попросила мой автограф. Сказала, это большая честь для нее, что такой гость пришел. А напоследок раздала всем пластики жевательной резинки. Это — «сервис». Вообще, в Корее любую дополнительную бесплатную услугу принято называть «сервисом», и поначалу я не сразу распознал смысл этого слова.

Спустились к выходу из ресторана. Ким Чхольчжин предложил еще зайти в пивной бар — *хоф*, который находился на подземном этаже того же здания. Ступеньки вниз развернули нас на 180 градусов, и мы попали в уютное помещение с узенькими проходами и кабинками. Нам выделили самую большую кабинку в конце зала. Подошел вежливый официант — молодой парнишка — и принял заказ: всем принесли по полной кружке пива, а двум девушкам, которые нас сопровождали — по половинке, но они к своим бокалам практически не притронулись. Подали закуску — арахисовые орешки, сушеные кальмары и что-то еще в традиционном корейском стиле. Пока выполнялся заказ, возник какой-то спор по поводу количества кружек, но официант только улыбался и превратил весь конфликт в легкую приятную шутку.

Все уже были сыты, и пиво плохо шло. Произнесли несколько тостов, и мои корейские друзья обменялись традиционными дружескими «налитиями» пива в кружки своих соседей.

Наконец, все с облегчением встали, и Ким Чхольчжин пригласил желающих к себе домой на заключительную чашку кофе. Ли Чжоннъёль не пошел и тепло распрощался со мной. Я поехал на машине Ким Чхольчжина вместе с его ближайшим другом, «юмористом» Чи Инголем. «Братик» с двумя девушками поехал на другой машине. Ее вел неизвестный мне кореец. Как правильно догадался Ким Чхольчжин, «братик» плохо знал дорогу. Поэтому, хотя его машина и уехала вперед, добрались до дома хозяина они значительно позже.

Ночной двор с корейскими пятиэтажками походил на такой же советский, скажем, где-нибудь в Крыму. Холмистый рельеф. Платаны. Южное тепло и пряный аромат воздуха. Редкие машины во дворе: темнота скрывает различие в новизне дизайна корейских автомобилей.

Ким припарковал машину около парадной. Мы с Чи не стали ждать Кима и вошли в парадную. Полуосвещена. Лифта нет и довольно крутые ступеньки. На каждой лестничной площадке всего по две двери. Нам нужно было подняться на последний, пятый этаж. Позвонили в дверь. Открыла женщина, сначала не совсем понявшая, в чем дело, но моментально пригласившая гостей внутрь. Тут же была взрослая дочь в джинсах и футболке. Обе поздоровались с поклоном.

Прихожая необычайно мала. Ее почти нет. На полу небольшой квадрат углубления, где входящий должен оставить свою обувь. Направо — дверь в комнату сына. Его сейчас нет, он живет в общежитии того университета, где учится. Прямо и налево — безо всяких дверей — гостиная *косиль*. Слева в гостиной застекленный балкон. Направо гостиная также естественно переходит в кухню, никаких дверей или загорода. В гостиной тесно. У дальней стены — европейские диваны и кресла. У ближней — низенькие шкафчики, забитые всевозможной аппаратурой, пластинками, компакт-дисками, кассетами. Книг почему-то не видно. В левой части гостиной, справа от балкона — огромный телевизор с видеомagneтофонами двух форматов. По краям балкона — колонки. Гостиная освещается лампой дневного света. Такая же лампа и на кухне, заставленной громадным холодильником, шкафами, европейским столиком и четырьмя стульями.

Хозяева усаживаются на полу. Мне предлагают оставаться на диване. Но я для поддержки компании также усаживаюсь на пол. Жена Кима суется на кухню, готовя закуску, но, благодаря особой плани-

ровке квартиры, она одновременно находится вместе с гостями, перебрасываясь то с ними, то с хозяином короткими репликами.

Мне захотелось в туалет. Он расположен за кухней, напротив прихожей, в маленьком закутке. Дверь прямо — в очередную комнату, а направо — как раз туда, куда мне нужно. Справа от двери выключатель. Захожу. Сразу пахнуло чем-то родным, русским. Дверь закрылась с трудом. Но замок в ней такой же, как в гостинице. Вообще, в интерьере корейских квартир много элементов гостиницы. И так, почувствовал что-то родное. Очень тусклый свет лампы. Очень. Сразу вспомнилась кем-то брошенная фраза, что в Корее очень дорогая электроэнергия. На стенах — розовый кафель. В дальней стене, у которой стоит ванна, небольшое оконце. Слева на гвозде висит корыто и еще какие-то предметы стирального быта. Унитаз, как и везде в Корее — до половины наполнен водой, которая уходит лишь на короткие секунды смыва. На раковине недорогое мыло, вечно протекающий из основания кран. Старое зеркало. Справа от раковины, в углу (и слева от унитаза) небольшая полочка с бритвенными принадлежностями. Во всем — атмосфера простого быта и легкой изношенности. Как потом сказали хозяева, дом, в котором они живут, один из первых многоэтажек в Корее.

Закончив дела в туалете, я вышел, сняв перед тем пластиковые шлепанцы для ванной, и босиком проследовал к столу. Ким Чхольчжин достал откуда-то бутылку дорогого виски. Я люблю дорогие спиртные напитки. Но очень устал и к тому же мне еще предстояла трудная ночь сборов перед отъездом. Поэтому лишь пригубил дорогой напиток. Так сидели, разговаривали, а смешной Чи даже успел опрокинуть стакан на скатерть.

Наконец, звонок в дверь. Сначала вошел кореец, который вел первую машину, страшно запыхавшийся и удивленный тем, что в доме нет лифта. Ким сказал, что и Сергей обратил на это внимание. Но я тут же стал уточнять, что ничего плохого не имел в виду и что в России все такие дома не имеют лифта. Потом вошли две девушки и «братик». Последние трое сели на диван позади меня, а «шофер» в уголке справа.

Хозяин включил музыку, поставив «1812 год» П. И. Чайковского. На корейцев почему-то огромное впечатление производит то место, где звучат барабаны. Затем Ким решил показать видеозапись, сделанную им в прошлом году в Москве на выставке-продаже. «Братiku» налили виски, а шоферу, девушкам и мне — кофе. Сначала, когда я попросил черный кофе, хозяйка налила мне его в темно-синюю чашку.

Второй раз я попросил кофе со сливками и мне его подали, как полагаются, двумя руками, но в белой чашечке.

Я долго маялся в полусне, стараясь не свалиться в обмороке и, наконец, нашел способ, чтобы уйти. Ким, кстати, за время неофициального приема гостей успел переодеться в спортивную форму. Одели обувь. Жена и дочь, которую я за время пребывания в гостях только однажды заметил стоявшей у раскрытой двери в ее комнату и, кажется, с любопытством слушавшей разговор, попрощались со мной и остальными на пороге квартиры. Ким спустился вниз, до самой машины «шофера», и сказал, что придет завтра к гостинице, чтобы попрощаться. Чи — «юморист» сел на первое сидение, а мы с «братиком» и двумя девушками сели на заднее.

Когда ехали через мост, соединяющий южный берег Хангана с северным, обнаружили полицию, что-то проверявшую в автомобилях. Одной девушке срочно пришлось пригнуться и спрятаться за спину своей подруги. Как сказал мне «братик», такие проверки ночью бывают нередко. Но почему на мосту?

В остальном доехали без происшествий. Одна из девушек жила где-то далеко, и мои спутники очень бурно обсуждали, где же ей переночевать. Юморист Чи настаивал на том, чтобы девушка поехала на ночь к нему, поскольку у него симпатичный неженатый сын. Но это была явная шутка, и после прибытия в гостиницу Чи с «братиком» отправились ко мне в номер подождать, пока «шофер» отвезет девушек в дом той, которая жила неподалеку.

Спутники мои были уже достаточно навеселе. Был третий час ночи. Сказывалась как усталость, так и алкоголь, которого они приняли неплохо. Оба сходили в туалет, начали пачку лежавших на столе моих сигарет «88 ди лакс», пофотографировались со мной, выразив при этом какую-то двусмысленную симпатию ко мне, поговорили на какие-то малозначащие темы и очень трогательно, с трудом, как какие-то очень близкие родственники или совершенно неразлучные друзья — попрощались. И выходили мои друзья, конечно же, спиной вперед, все время пожимая мне руки, делая прощальные знаки руками.

На следующее утро у автобусов незаметно появился Ким Чхольджин. Вел он себя как официальное лицо, провожающее коллектив Балета на льду — скромно, незаметно, как-то по-деловому. Ко мне сам ни разу не подошел. Я бегал с какими-то поручениями директора Балета и решал мелкие дела, связанные с отъездом. Конечно же, подошел и к моему Киму, от всей души попрощался. Ким стоял на месте до самого отъезда автобусов с артистами Балета и легковушки директо-

ра, в которой находился и я, и махал мне рукой, как-то одиноко стоя в сторонке. Я знал, что никакого официального отношения к гастролям Балета он не имеет. И пришел он сам, по своей воле. Но держался так, что я до сих пор не знаю, ради меня ли он пришел или у него были какие-то другие дела. Хотя ради кого еще ему нужно было приходиться?

1992

11. Аэропорт Кимпхо: новые услуги сервиса для русских

Каждый мой новый приезд в Южную Корею сопровождается все новыми свидетельствами ее «русификации», наглядными проявлениями все более тесных отношений между Россией и Кореей.

12 августа 1998 года летел в Корею из Москвы на старом самолете Ил-62. По прилете его поставили не у гибкого трапа, а где-то посередине между двумя терминалами международного аэропорта Кимпхо. Поэтому ехать до терминала пришлось на автобусе. Уже в автобусе корейский работник аэропорта обратился к кому-то из экипажа самолета на ломаном русском языке.

Однако поразило меня не это, а место выхода из зоны таможенного контроля в зал прибытия. Там стояли русские молодые люди «делового вида» и наперебой предлагали новичкам из России, беспомощно озиравшимся по сторонам, услуги по перевозке и сопровождению в Корею, помощь в поиске жилья и вообще «в делах». Русская предпринимчивость протянула свои руки и методы работы уже и в далекую Южную Корею...

13 августа 1998 года

12. «Советский»

22 января, в пятницу, около 15.20 я пришел на Сеульский вокзал для того, чтобы заранее поменять купленный мною вчера билет с семичасового поезда на восьмичасовой. У касс стояли небольшие очереди, человек по 5–8. Сразу обратил внимание на нововведения. Во-первых, служащие теперь сидели не за стеклянными, наглухо отделяющими их от пассажира стойками, а за открытыми, подобными тем, что можно увидеть в провинциальных управах. Во-вторых, у самой крайней стойки висела табличка с английской надписью: «для иностранцев».

Зная, что ни на железнодорожном билете, ни в компьютерной базе данных имя или гражданство пассажира не фиксируется, я понял, что единственное отличие этой стойки от других состояло в том, что ее кассир, очевидно, говорил по-английски.

Итак, подошла моя очередь. Я попросил поменять билеты, на что бойкая девушка лет 27, почему-то в грубом стиле речи, спросила:

— Приехал из Советского Союза?³¹

— А что, заметно? — вежливо ответил я.

Тогда кассирша, уже перейдя на вежливый стиль речи, сказала:

— По лицу видно. Выражение лица другое. Другое лицо.

— Да, — подумал я, — и что же такого у нас, русских, на лице, что этого даже от корейцев не скрыть?

25 января 1999 года

ГЛАВА 10. РОССИЯ В КОРЕЕ

1. Молодые «советские корейцы» в Сеуле и бизнес

21 июля, поднимаясь по лестнице общежития при Международном центре Фонда поощрения корееведения, в котором мне посчастливилось жить в Сеуле (посчастливилось, ибо при максимальных удобствах плата за проживание в нем была минимальной) услышал русский говор. Смотрю — сидят в холле второго этажа какие-то корейцы и беседуют себе на чистейшем русском языке. Кто такие? Оказалось, приглашенные учиться корейскому языку «соотечественники», проживающие за рубежом, то есть корейцы из России. Приехали за свой счет. За обучение также платят из своего кармана, по 500 долларов в семестр. Сейчас каникулы и они устроились на подработку в небольшие торговые фирмы. Работа заключается в том, чтобы после приезда русских «челноков» прийти к ним в гостиницу, а расселяются «челноки» в ограниченном числе гостиниц, «поймать» их, скажем, в коридоре, или даже в номер «вломиться», дать свои визитные карточки с адресами и телефонами соответствующих фирм и «убить» своим русским языком. Дело в том, что «советские корейцы», в особенности выходцы

³¹ Раньше в Южной Корее в разговорной речи иногда вместо слова «Россия» (러시아) употребляли словосочетание (по-корейски — слово) «Советский Союз» (소련).

с Сахалина, после нескольких месяцев проживания в Корее настолько адаптируются к местной жизни, что внешне никак неотличимы от «корейских корейцев»: одежда, манеры поведения, взгляд... Поэтому «челноки» часто принимают их за местных и потом долго не могут поверить в то, что имеют дело со своими согражданами. Именно такой эффект часто оказывает решающее воздействие на приоритет в выборе той или иной фирмы.

Итак, после первого шокирующего контакта с нашими «челноками», корейцы едут в офисы и сидят на телефонах, принимают клиентов, водят их по городу за руку или за нос. За все это получают около 600 долларов в месяц, плюс бесплатное питание. В периоды заезда «челноков» работа длится с 9 утра до 10 часов вечера каждый день. Работают парами: парень и девушка, обычно по двое в конкурирующей фирме.

1993

2. Восприятие Кореи сахалинскими корейцами

При встрече сахалинские (российские) корейцы, проживавшие в Сеуле, так отзывались о Южной Корее:

«Здесь, в Южной Корее, все чужое, никак не привыкнуть ко многим обычаям и порядкам. Нам часто говорят: «Оставайтесь здесь жить! Почему бы вам не жить здесь? Ведь здесь хорошо!» Но нет, не хочется. Наша родина там, в России, на Сахалине. И туда тянет, ностальгия».

1993

3. Сахалинские корейцы и знакомство на улице **(Невозможность знакомства на улице)**

Как-то сахалинские корейки жаловались мне, что пытались познакомиться с корейскими парнями на улице. Но нет, не вышло. Те реагируют совершенно индифферентно, как на «пустое место». Живут своим замкнутым коллективом и никого туда не пускают. Вход туда возможен при одном единственном условии: должен быть человек, который тебя представит и введет в круг.

1993

4. Русская культура и Корея

Все больше и больше русская культура удивительным образом проникает в массовую корейскую культуру, и выражается это не только в том, что на крупнейших корейских рынках появляются надписи на русском языке. Вот несколько примеров этого.

В многосерийном художественном сериале «Песочные часы» (모래시계) в качестве песни-лейтмотива была взята выбрана песня «Журавли», исполненная Иосифом Кобзоном. После этого она стала часто передаваться по радио и телевидению и даже использоваться в качестве музыкального сопровождения в рекламных роликах.

29 июня 1995 года в 12 часов на радиостанции MBC-2 шла передача о русской культуре. В качестве «музыкальных пауз» проигрывали российскую музыку, в частности «Миллион алых роз» А. Пугачёвой — песню, которая была очень популярной в Северной Корее в конце 1980-х годов.

29 августа примерно в 18 часов на станции метро Оксу транслировали песню «Очи черные» на русском языке. (С июля 1995 года на многих станциях метро Сеула стала проигрываться музыка, в основном классическая.)

Видел, как в метро читают роман А. М. Горького «Мать» (в переводе на корейский язык).

31 августа у Сеульского вокзала заметил молодого человека в корейской футболке с громадной вышитой надписью «Аэрофлот» и соответствующей эмблемой ниже. Позже обнаружил в районе Содэмун (У «Больших западных ворот») небольшой магазинчик, торгующий одеждой с надписью «Аэрофлот».

31 августа 1995 года

5. Русский язык в международном аэропорту Кимпхо

3 июля 1996 года в 10.40 по местному времени прибыл в аэропорт Кимпхо. Со мною в самолете Ил-96–300, пассажирами которого были главным образом корейцы, летели две молодые русские девушки. Характерно, что были они не слишком высокого роста и со светлыми волосами. По их словам, они были приглашены «какой-то» фирмой на работу в качестве «референтов-переводчиков». Место работы — самый высокий в Сеуле 63-этажный небоскреб «63-building».

Итак, паспортный контроль. Отдельные кабинки предназначены для иностранцев и отдельные — для граждан Республики Корея. Русские девушки не сразу ориентируются, что к чему, сначала встают не в ту очередь. И тут, откуда ни возьмись, выплывает кореец лет 40, уже с животиком, в серой с аксельбантами форме работника пограничной службы, и начинает бойко, на ломаном, но лексически богатом русском языке беседовать с девушками: «Русская девушка красивый. Что вы здесь будет делать?»...

4 июля 1996 года

6. Российское посольство в марте 1998 года

10 января 1998 года я отправился в Консульский отдел Посольства Российской Федерации в Республике Корея, чтобы заверить сделанный мною заранее и уже отпечатанный перевод на корейский язык российского свидетельства о браке.

Было около 11.40 утра, когда я подходил к мрачному, выстроенному в «корейско-голландском» стиле, кирпичному зданию Посольства. Государственный флаг, размещенный над входом, плотно намотался на древко под воздействием холодного зимнего ветра. У кирпичной стены напротив входа выстроились в ряд дорогие Мерседесы, Вольво, Дэу последних моделей. У края здания была прикреплена табличка, возвещавшая о том, что проезд вдоль здания любых автомобилей, кроме посольских, запрещен.

В приемной Консульского отдела — небольшой комнате площадью 18–20 м² со стеклянной стеной, за которой находились работники Консульства и «будкой» слева для корейской девушки-переводчицы — находилось человек 8 молодых людей и девушек, по виду южнокорейских «бизнесменов». Почти все присутствующие были с сотовыми телефонами и худо-бедно говорили по-русски.

Для посетителей были открыты три окошка, из которых два предназначались для приема документов. За ними сидели незнакомые мне люди — неопределенного возраста мужчины с короткими стрижками и безразличными выражениями лица. Дальнее левое окно предназначалось для приема консульских сборов, здесь работала женщина более чем почтенного возраста.

Изложив суть вопроса, я показал свой перевод одному из мужчин, который весьма скептически стал сверять русский и корейский текст. Думаю, что он в корейском тексте не понял и половины, так как я в пе-

реводе использовал иероглифику. Видимо, зная особые требования корейцев к оформлению документов, консульский работник не стал придираться, поставил какую-то печать и сказал:

— Оплатите 49 тыс. вон (около 30 долларов) в кассу, и забирайте.

Услышав это, я немного растерялся. Как можно требовать такие большие (по тем временам) деньги за работу, которая уже сделана, да еще и с гражданина России? (Тогда доходы рядовых сограждан были более чем скромными.) Такой наличности у меня с собой не было. Пришлось пойти к станции метро, до ближайшего банкомата, и снять деньги с банковской карточки.

Вернувшись в Консульство, получил у пожилой женщины из 3-го окошка заверенный перевод. Перед этим какой-то кореец подобострастно поздравлял женщину с прошедшим 8 марта. И каково же было мое удивление, когда я обнаружил, что печать, заверяющая перевод с русского языка *на корейский*, а также все надписи, сделанные внутри нее — *на русском языке*! И что же получается? Мне нужно снова переводить печать с русского языка на корейский, и снова заверять новый перевод *печатью на русском языке*, и снова переводить — и так до бесконечности?!

...Корейская девушка-переводчица в «будке» сидела, как всегда занятая телефонными разговорами со своими подружками, и совсем не реагировала на посетителей. Как и полтора года тому назад...

10 марта 1998 года

7. Самолеты «Аэрофлота» в аэропорту Кимпхо

Уже второй год, как самолеты «Аэрофлота» ставят на удаленную стоянку аэропорта Кимпхо. Их не подгоняют, как самолеты других «приличных» авиакомпаний, к гибкому трапу у терминала. К зданию аэропорта везут на автобусах, а потом приходится идти по каким-то узким коридорам. Пункт пограничного контроля находится в совсем небольшом зале. Никаких реклам или украшений.

В начале 1990-х годов, когда Южная Корея только открылась миру, она с трепетом ожидала иностранцев, с затаенным вниманием ожидала их реакции на страну. А нынче, в 2000 году, создается впечатление, что год от года Южная Корея обращает все меньше и меньше внимания на своих иностранных гостей.

14 августа 2000 года

8. Русские женщины в Кунсане

13 августа 2000 года взяли в городе Кунсан такси, чтобы отвезти русских преподавателей балета до города Куи, что расположен рядом с Чонджу. Оказалось, что за путь туда и обратно — целых 100 километров — водитель возьмет всего 30 тыс. вон (около 27 долларов).

Водителем был молодой человек лет 27 в джинсах с дырами на коленях (мода такая), белой футболке и темных солнцезащитных очках. Слева от водительского места был оборудован специальный держатель для сотового телефона с наушниками, чтобы можно было свободно беседовать во время движения.

Услышав русскую речь (я беседовал с преподавателями балета), водитель спросил:

— Это русский язык?

— Да, а откуда вы знаете? Возили русских?

— Нет, но в Кунсане много русских женщин. Их возили другие, и я знаю о них больше по рассказам. Они в основном работают в увеселительных заведениях «Американского городка»³². Есть там женщины из разных стран, но русских — больше всего. Они, знаете, очень экономные. Проезд из города до «Американского городка» стоит 1560 вон. Кореец не станет считать мелочь, и просто отдаст водителю 1600 вон. А эти заранее зажмут в кулаке нужную сумму и расплачиваются без сдачи, чтобы водитель не затруднял себя поиском мелочи.

Работают русские женщины и в других питейных заведениях Кунсана, более всего «рум-салонах»³³. Корейцы любят ходить туда. Такие уж они по характеру. И еще русских женщин можно часто увидеть на рынках города. Они очень хорошо говорят по-корейски. Вот такая история...

16–17 августа 2000 года

³² «Американский городок» (American Town) — изолированный торгово-развлекательный квартал, построенный специально для военнослужащих американской военной базы в Кунсане.

³³ «Рум-салон», от английского «room salon», что значит «салон с отдельными кабинетами». Особое питейное заведение с женским обслуживающим персоналом, в обязанности которого входит обслуживание клиента при непосредственном нахождении с ним (и совместном потреблении спиртных напитков) за одним столом.

9. Русские девушки — раздатчицы рекламы

24 июня 2003 года в центре Сеула, рядом с рынком Намдэун (улица, ведущая от Южных ворот к универмагу «Син сеге») увидел двух молоденьких симпатичных девушек, раздававших прохожим листки с рекламой. В этом облике не было бы ничего необычного, если бы вторая из двух девушек не была... русской.

Увидев меня, проходившего мимо, она, кажется, немного застеснялась и постаралась быстренько отвести взор в сторону.

6 июля 2003 года

ГЛАВА 11. БРАК И СВАДЬБА

1. Возраст вступления в брак

В Корее довольно поздно женятся и выходят замуж. Мужчины — лет в 27–28, женщины — в 23–25. Ситуация та же, что и в Северной Корее. Однако связано ли это каким-то образом с физиологией или же обуславливается социально-экономическими причинами?

1990

2. О свадьбе по договоренности родителей

До сих пор, то есть до начала 1990-х годов, женитьба происходит не «по любви», а по договоренности родителей. Таким образом, к примеру, в 1992 году женился Пак Ханнён (박한룡), друг Пак Минсо (см. запись № 17, глава 15, часть 1). У него родился ребенок и, кажется, он очень доволен своей семейной жизнью.

Комментарий. Иногда мне в голову приходила такая мысль, что, вероятно, это отчасти возможно и потому, что в юности практически все корейские девушки одинаковы: как по образу мыслей, интеллекту, душевным качествам, что связано с особенностями корейского образования, так и по красоте.

1993

3. Описание одной корейской свадьбы во «Дворце бракосочетания Мокхва»

«Есикчан», что значит дословно «дворец церемоний», скорее можно назвать «дворцом бракосочетания», так как других церемоний, кроме указанной, насколько мне известно, в нем не совершается. Обычно *есикчан* — это большое многоэтажное здание, которое стараются строить чуть более красиво, чем окружающие дома. Называется дворец, как правило, по наименованию того района, где находится.

Однако не будем говорить о корейском дворце бракосочетаний в общем и целом, а вернемся во «Дворец бракосочетания Мокхва» 12 октября 1993 г.

Центральный вход. Внутри небольшой холл с лифтами на каждый этаж. Перед лифтами — молоденькие девушки в костюмах европейского покроя: черные юбки, недлинные, кремовые блузки и красные жилеты. На головах у них что-то вроде шляпок. Громко спрашивают входящих, кто на чью свадьбу пришел и направляют на соответствующий этаж, размахивая при этом руками. Определяют гостей по времени начала церемонии, естественно, а не по именам молодоженов.

В лифте находится такая же девушка-распорядительница («оператор лифта»), как и в лифте хорошего универсама.

Поднимаемся на пятый этаж. Я пришел вместе с госпожой Ли. В правой части неширокого коридора (правой, если стоять лицом ко входу в здание) стол с табличкой на высоком металлическом шесте. На табличке написано имя жениха и (или) невесты. За столом сидят трое мужчин, очевидно родственников, и собирают с гостей, выстроившихся в небольшую очередь, конверты с деньгами. Никаких подарков! При этом в специальный журнал записывается имя того, кто внес деньги, а также сумма. Рядом со столом стоят отец и мать невесты, оба в белых (рабочих) перчатках. Принимают рукопожатия от родственников.

Затем все проходят в зал церемоний. На каждом из шести этажей по одному такому залу. Перед входом в зал есть еще одна дверь в небольшую комнату с надписью сверху «Комната ожидания для жениха». Комнаты невесты рядом я не обнаружил.

Зал церемоний низкий, как и все корейские залы. Слева и справа — ряды кресел темно-красного цвета. Около 25 рядов и 140 мест. В дальнем конце зала — сцена. Посередине — трибуна. Слева и справа — маленькие «президиумные трибуночки». Перед ними — два огромных «столба» с цветами и розовыми ленточками, на которых

написаны всевозможные благопожелания. Позади трибуны — нечто вроде декорации, представляющей собой стену европейского дворца, с зеркалами. То, что я называл «декорацией» — это не картина на холсте, а обычная рельефная стена.

Вообще весь зал выдержан в стиле дорогого ресторана или гостиницы с европейским интерьером.

На потолке зала идут два ряда люстр, представляющих собой сплошную линию тонких трубочек, почти соприкасающихся друг с другом. И прямо под ними, как раз между рядами кресел, разостлана розовая атласная (на плотном материале) дорожка.

Да, в правом углу «сцены» расположено едва приметное фортепиано, а слева от «сцены» — еще одна маленькая трибуна с микрофоном.

Примерно в 11.53 на этой маленькой трибуне появляется молодой мужчина в двойке с искусственным цветочком на лацкане пиджака и объявляет: «Через пять минут начинается церемония. Просим гостей занять свободные места, хотя их осталось уже немного».

Ровно в 12 тот же распорядитель командным голосом предлагает матерям войти в зал. Обе мамы, одетые в розовое и цвета морской волны традиционное платье *ханбок* соответственно, взявшись за руки, идут под аккомпанемент фортепиано по розовой дорожке из дальнего входа в зал к трибуне. Поднимаются. Там на маленьких «президиумных трибуночках» уже приготовлены две толстые свечи. Слева стоит красная, справа — синяя.

Распорядитель предлагает во имя счастливой жизни молодоженов зажечь матерям свечи. Сначала должна зажгаться красная свеча, потом синяя. Подходят две девушки-служанки в темных юбках, светлых сорочках и кремовых жилетах с зажженными маленькими белыми свечами в руках. У «левой» матери (красная свеча) что-то не получается, правая ждет, но не выдерживает и зажигает первая.

После того, как толстые свечи зажжены (не знаю, куда дели левую маленькую белую свечу), правую белую свечу мать отдала мужчине в белой рубашке и галстук, то ли фотографу, то ли ассистенту. Он задул ее и как-то уж больно небрежно бросил на стол, где была установлена синяя свеча. Маленькая белая свеча обернута снизу в ребристую фольгу, чтобы воск не обжигал руки.

Матери уходят со сцены.

Затем распорядитель слева зычно выкрикивает: «Жених — в зал!» Жених в черном костюме с белым (искусственным?) цветком в петлице медленно, под сопровождение фортепиано, идет из дальнего конца зала к сцене по розовой дорожке, подходит к «центральной трибуне»,

поднимается на небольшое возвышение перед ней и поворачивается лицом к залу.

После такая же команда (грубоватая, на мой взгляд) следует в отношении невесты: «Невеста — в зал!» Невеста в белом платье с огромным волочащимся по полу шлейфом в сопровождении отца, ведущего ее под руку, также медленно (еще медленнее из-за платья) под аккомпанемент фортепиано идет к «сцене». Примерно метрах в четырех от «сцены» происходит передача невесты жениху, который перед этим уже спустился со своего возвышения. Затем отец садится на один из первых рядов «зрительного зала», а жених с невестой идут к возвышению перед «сценой», поднимаются. Служащие-девушки в кремовом помогают невесте повернуться лицом к залу. В зале раздаются аплодисменты.

Распорядитель объявляет, что с этого момента жених и невеста считаются мужем и женой.

Вслед за этим молодожены чуть спускаются в зал и становятся лицом друг к другу. Распорядитель произносит: «Приветствие!» Молодой человек и девушка кланяются друг другу, согнувшись в поясе в форме буквы «Г», застыв при этом на некоторое время. (Восток!) Далее снова поднимаются на возвышение перед главной трибуной, оставаясь при этом спиной к гостям.

В то же время распорядитель объявляет, что приветственное слово молодоженам зачитает профессор того университета, который закончил жених. На «сцену» выходит мужчина лет 57–65 и начинает читать свою речь, которая длится около 10 минут. Кроме как о счастливой жизни, там говорится об изречениях древнекитайского философа Мэн-цзы. Все это довольно скучно и человек 8–15 гостей уходят из зала, главным образом те, кто оказался без места или сидел в конце зала.

Наконец, примерно в 12.20 приветственное слово кончается. Молодожены разворачиваются лицом к гостям. Распорядитель объявляет о завершении церемонии. Пока жениха с невестой продолжают фотографировать, гости беспорядочно, во всех возможных направлениях выходят из зала и следуют в «банкетные залы». Интересно отметить, что на лестнице, соединяющей этажи, посередине нанесена желтая линия, разделяющая ее на две части, так, чтобы посетители ходили по разным сторонам, точно так же, как и на пешеходных мостах через улицы.

Словосочетание «банкетный зал» я написал во множественном числе, так как гости со стороны жениха трапезничают в одном банкетном зале, находящемся на том же этаже, где проходила церемония, а со стороны невесты — этажом выше. При этом гости жениха и не-

сты не только не знакомы друг с другом, но даже не выражают никакого желания узнать своих новых родственников поближе. (Традиция.) Мало этого, даже в пределах зала жениха или невесты ситуация та же: большинство гостей незнакомы друг другу и так же пассивны в плане сближения. Сидят себе за столами, словно посторонние в каком-нибудь ресторане, и спокойно потребляют пищу.

Говорят, что потом, после свадебного путешествия, в доме жениха (отдельно) и невесты (отдельно) еще будет продолжение праздника, и некоторые ближайшие родственники, наконец, познакомятся друг с другом, но и таких будет немного. И еще говорят, что это дело жениха и невесты, а не гостей, узнавать всех своих самых «нужных» родственников.

Итак, мы находимся в зале родственников и знакомых невесты. Перед входом стоят родители, которые встречают гостей или уже провожают тех, кто успел отобедать на скорую руку. Столы расставлены в несколько изолированных рядов, покрыты красными бархатными скатертями. На столах заранее приготовлены европейские закуски. Официанты по мере необходимости подают грибной суп-пюре, отбивную. Кроме того, ставят отдельную тарелочку с рисом. Выбор напитков ограничивается корейским лимонадом *сауда* (cider). Бутылок на столах немного. Водки нет. Позже уже какие-то гости своим тесным кружком заказали три бутылки корейской водки *сочжу*. Но это скорее исключение. А так — тихая прагматическая еда без тостов, чоканий или благопожеланий.

Примерно к 12.50 многие уже завершают прием пищи и, в принципе, уже можно уходить, что некоторые и делают. Однако на самом деле это еще не конец торжественной части свадьбы, так как должны прийти молодожены и отвесить гостям традиционный поклон *инса*. Но прежде молодожены должны отправиться в «зал жениха» и совершить указанную церемонию там, уже будучи переодетыми в традиционный корейский костюм *ханбок*.

Традиционный корейский костюм необходим, прежде всего, потому, что после окончания, так сказать, «европейской части» бракосочетания, молодожены должны отправиться в комнату, именуемую по-корейски *пхебэксыл* («комната подарков» *페백실*) — место совершения, традиционного обряда поклона родителям. *Пхебэксыл* — это небольшое помещение на 4-м этаже, размером с просторную комнату в традиционном корейском доме, только с более высоким потолком. Двери стеклянные. Слева от входа — два манекена в традиционных корейских костюмах демонстрируют, какую одежду может предоста-

вить Дворец бракосочетания. Посередине у дальней стены, закрытой художественной ширмой, низкий стол, точнее — два стола, сдвинутых вместе. За ними — четыре подушки для родителей. На столе стоит шапка женатого мужчины с «крылышками», надеваемая во время церемонии. Слева и справа у стен — еще по четыре подушки для ближайших родственников.

Во время совершения церемонии поклона женщины-матери обязательно должны быть одеты в традиционное платье. При этом в большинстве случаев мужчины-отцы, принимающие поклон, сидят в европейских костюмах. Оба молодожена обязаны быть в традиционной одежде.

После совершения поклона родителям молодожены, как уже было сказано выше, совершают приветственные поклоны перед гостями — со стороны жениха и невесты отдельно, а затем сразу отправляются в небольшое свадебное путешествие.

Таков один из вариантов современной корейской церемонии бракосочетания — простой, прозаичной, немного театральной и где-то бесчувственной. Однако за пределами нашего повествования остался такой момент, как документальная фиксация брака. Происходит ли это? Конечно. Где и когда, а также еще несколько замечаний относительно современной корейской свадьбы, я приведу ниже. Информация взята из дополнительных расспросов, а также собственных наблюдений.

* * *

Дополнение к описанию свадебной церемонии

Принято, чтобы до свадьбы молодые встречались год, два, три... Свадеб после знакомств продолжительностью месяц и меньше в Южной Корее, как правило, не бывает.

Если принято решение о свадьбе, то не может быть отказа от церемонии бракосочетания непосредственно перед днем свадьбы. Поэтому фотографируются жених с невестой в европейских свадебных нарядах в различных красивых исторических местах до начала свадебной церемонии, описанной выше. К примеру, где-нибудь во дворце Токсугун собираются несколько пар будущих молодоженов, человек 16–20. Все ходят по газонам, становятся у живописных мест и активно позируют фотографу.

Часто гражданская регистрация брака с выдачей соответствующего свидетельства происходит в том же Дворце бракосочетания также

до начала свадебной церемонии. При этом подписи в документе ставят только свидетели *чуре*, в то время как молодожены ничего не подписывают.

Свадьбу празднуют в европейском стиле, а не в традиционном из-за европейского образа жизни. Дело в том, что одним из важнейших материальных условий, позволяющих провести традиционную свадьбу, является наличие двора, куда можно было бы созвать все огромное количество гостей. А в современных многоквартирных домах *апатхы* это абсолютно невозможно.

Не обязательно теперь и праздновать свадьбу. Можно лишь только официально зарегистрировать брак. Для этого необходимо обратиться в районную администрацию по месту официальной регистрации (в Коре и такое есть!) и подать соответствующее заявление.

Обручальные кольца. Вручаются, как правило, во время церемонии помолвки. Надевают же их уже после свадьбы. Раньше, лет 5 тому назад, кольца надевались во время церемонии бракосочетания.

1993

4. Желание выйти замуж и названия курсов в Женском университете Ихва

В одном из старейших вузов Южной Кореи — Женском университете Ихва (이화여자대학교) — три курса из четырех (с 1-го по 3-й) имеют образные названия, демонстрирующие желание студенток выйти замуж и их практические достижения. Очевидно, что эти названия в какой-то мере отражают реальную ситуацию:

1 курс — «бедность в богатстве» (풍요 속의 빈곤): есть много приятелей парней, но нет ни одного «возлюбленного».

2 курс — «богатые становятся богаче, бедные становятся беднее» (부익부 빈익빈): у кого есть «возлюбленные», у того их много, а у кого их нет — так нет совсем и без какой-либо надежды на появление.

3 курс — «взбесившиеся собаки» (미친 개): желание выйти замуж доходит до такой степени, что студентки готовы «схватить» буквально любого парня, и если им это удастся, то уже потом не отпускают его совсем.

* Информация получена от Чан Хевон — дочери хозяйки дома, где я снимал комнату с 24 августа 1995 года.

25 августа 1995 года

5. Почему в Корее трудно вступить в брак по любви
Из рассказа хозяйки магазина старой книги у перекрестка
«Содэмуна» (Больших Западных ворот) на втором этаже
здания³⁴, где расположен магазин снадобий восточной
медицины Ханыйвон (한의원) госпожи Ким Огъён

Находясь среди пыльных полок магазина старой книги «Содэмуна тосо» («Книги у Больших Западных ворот»), я пролистывал страницы романа «Потерянный ты» (잃어버린 너), в котором говорится о самоотверженной любви женщины, бросившей все и отправившейся вслед за возлюбленным. Я не смог удержаться от язвительного комментария и сказал хозяйке магазина, молодой девушке лет 24, госпоже Ким Огъён:

— Знаете, этот роман — выдумка. В Корее нет таких женщин, как героиня романа. Здешние женщины при выборе мужчины в качестве возлюбленного смотрят, прежде всего, на его происхождение, деньги, общественное положение.

Хозяйка ответила так:

— И хотелось бы любить так, как в этом романе, да вот мешает мнение окружающих, против которого трудно идти. Даже если двое, поженившись, и считают, что они счастливы в браке, а окружающие думают иначе (например, потому, что у молодых нет денег), то все будет так, как думают окружающие! В конце концов и супруги начнут думать, что они несчастливы и станут жить так, как говорят другие. Поэтому при заключении браков мнение окружающих является главным.

Записано 22 ноября 1995 года

6. Как подается заявление на вступление в брак

Церемонию бракосочетания в Корее можно совершить, насколько мне известно, в двух местах — это либо дворец бракосочетания *есикчан* (см. мои дневниковые записи 1993 года), либо церковь. Теоретически можно и просто «записаться» без свадьбы в местных органах власти (*тон самусо*), но для Кореи последнее практически неприемлемо.

Если бракосочетание совершается в церкви, то для этого, прежде всего, нужно подать соответствующее заявление священнику. При его

³⁴ К настоящему времени (2010 г.) здание снесено.

приеме от жениха с невестой требуется предъявить документ, называемый *хочжок тынбон* — то есть список членов семьи основной фамилии, во главе с «хозяином двора» (*хочжу*), где указывается семейное положение всех ее членов. Иными словами, от вступающих в брак требуется официальное подтверждение того, что они не состоят в браке.

Помимо заявления, жених с невестой также должны заполнить анкету, в которой, кроме ответов на формальные вопросы, такие как имя и дата рождения, нужно сообщить, является ли акт вступления в брак добровольным, не имеется ли у кого-либо из молодых венерических болезней, нет ли претензий к религиозным убеждениям будущего супруга и так далее.

Записано 25 ноября 1996 года

7. Брачные объявления на обочине дороги

На обочине дороги, что проходит над скоростной магистралью у Академии корееведения и ведет в сторону ряда строений «Государственного управления информации» (корейской службы госбезопасности), в почву вбито самодельное объявление — реклама следующего содержания: «Международные браки: Япония, Вьетнам» (국제 결혼: 일본, 베트남).

То, что корейянки (корейцы) и раньше любили вступать в брак с иностранцами из развитых стран, таких как США или Япония, это я знал и раньше. Но то, что корейцы нынче стремятся вступить в брак с вьетнамцами или китайцами — было для меня несколько шокирующим открытием.

Кстати, среди «самодельных» объявлений–реклам встречаются и такие, что рекламируют брак с китайцами (китайянками).

Действительно. Вчера, 28 июня, смотрел 9-часовые новости телекомпании Эм Би Си (МВС). Там было интервью с корейцем, что открыл клинику для лечения заболеваний кожи в Пекине. Он, говоря о популярности его услуг в Китае, начал было распространяться о том, что в Китае проще продавать его услуги, чем в Корее... (И на этом его интервью было резко оборвано.)

Один из профессоров Академии корееведения, г. Ли, рассказывая своему давно «не виденному» другу о том, что делают его дети, с гордостью сообщил, что один сын закончил что-то в США, а второй — учится в Пекинском университете. И знает китайский язык.

29 июня 2003 года

* * *

Комментарий: я ошибался.

Через несколько дней я спросил у знакомого корейца, почему vessают такие странные брачные объявления и разве есть корейцы, которые хотят уехать жить в Китай или Вьетнам.

На мой вопрос я получил вполне исчерпывающий ответ, объяснивший всю странность ситуации с брачными объявлениями.

Дело в том, что эти объявления предназначены не для женщин, а для тех корейских мужчин, которые не смогли вступить в брак с корейнками. Например — деревенские сельскохозяйственные рабочие. Именно для них такие полулегальные «брачные агентства» подбирают **жен** из Китая или Вьетнама. Говорят, что из китайнок или вьетнамок получаются очень хорошие жены. Правда... некоторые из таких иностранных жен, скопив достаточно денег, иногда сбегают от своих корейских мужей к себе на родину...

11 июля 2003 года

ГЛАВА 12. МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

1. Корейские молодые девушки и экономика (По рассказам Ким Санъюна)

Сейчас стало очень трудно познакомиться с приличной девушкой. И это всегда очень дорого. Если раньше, во времена молодости родителей, главным в отношениях между парнем и девушкой было то, есть ли у них любовь, и мало обращали внимания на материальное положение, то теперь важно, есть ли дом, машина, хорошие доходы. Имей ты хоть сверхкрасивую внешность, если ты беден, никто на тебя и не посмотрит.

Мало того, если еще не так давно около старых и не слишком симпатичных богачей девушки вились буквально стаями, то теперь они еще и требуют, чтобы избранник был не только богат, но и красив.

Поэтому к 28 годам Ким Санъюн трижды был близко знаком с девушками, но, в конце концов, со всеми расстался и так и не вступил в брак.

1993

2. О посещении «водочных домов» *сульччип*
(Со слов корреспондента
«Корейской экономической газеты» г. Мун Бёнхвана)

Если мужчина сходит в заведение, именуемое в разговорном языке «водочный дом» — *сульччип*, то есть то место, где можно выпить, где есть прислуживающие клиентам молодые девушки, — и если мужчина «поиграет» с ними, то это не считается изменой жене.

1993

3. «Лав-отель» (Love-hotel)

Заметка 1.

Преподавательница Центра корейского языка университета Ёнсе (한국어학당, 연세대학교) Ли Ёнсук (이영숙) однажды на занятиях рассказала такой случай.

Как-то раз в осенний день поминовения предков *чхусок*, естественно на своей машине, поехала она с мужем и детьми за город, в деревню к родителям. Точнее, выехали не в день праздника, а накануне, так как в это время огромное количество корейцев разъезжается по провинции с тем, чтобы навестить родителей и совершить церемонии кормления духов предков. В эти дни дороги не справляются с потоками транспорта, то и дело образуются пробки, так что, не отправившись заранее, рискуешь опоздать ко времени совершения домашних ритуалов.

Одну ночь нужно было переночевать в отеле. К месту ночлега прибыли днем, но оказалось, что свободных номеров нет. Тогда служащий, регистрирующий гостей, обнадежил:

— А вы приходите попозже, ближе к вечеру. Тогда места будут.

— А почему места будут к вечеру... — начала было спрашивать ничего не понимающая Ли Ёнсук, пока муж шепотом не оборвал ее на полуслове:

— Молчи. Таких вопросов здесь не задают. Я тебе потом объясню.

Потом муж рассказал, что молодые парочки часто снимают на несколько часов номера в гостиницах, в особенности в дни праздников, в результате чего такое явление даже получило особое англоязычное название — «лав-отель», то есть «гостиница любви».

Заметка 2.

В сеульском районе Синчхон (신촌), там, где расположен крупнейший корейский Университет Ёнсе (연세대학교), особенно вдоль

улицы, по которой студенты ходят от станции метро «Синчхон» до университетского кампуса, расположено большое количество магазинов модных товаров, ресторанов, дискотек. И все это представляется вполне приличным и естественным, если не свернуть с центральной улицы и не углубиться внутрь квартала, где обнаружится немало небольших корейских гостиниц *ёгван* (여관), на некоторых из которых по ночам светится неоновое изображение сердца или же слово «love», то есть «любовь». Предназначение **таких** гостиниц в этом районе, устроенном по линии магазин/ресторан — дискотека — гостиница, очевидно.

1–2 сентября 1995 года

4. Как корейские мужчины традиционно относятся к женщинам

У иностранцев, так или иначе сталкивавшихся с Кореей, бытует мнение, что эта страна создана для мужчин и женщины в ней занимают очень низкое, почти бесправное положение. Среди самих корейцев также можно встретить аналогичное мнение. Даже словосочетание в Корее особое есть: «мужской авторитаризм» (남자 권위주의).

Однако совсем другое рассказал мне заведующий отделом фирмы Кориан Джeneral Кемикал Компании (Korean General Chemical Company), то есть Корейской Генеральной Химической Корпорации (한국종합화학), г. Ким Чжонсик. 18 июля я встретился с ним в офисе Корпорации, которая расположена в районе Ангук, в самом центре Сеула. Было где-то между двенадцатью и часом дня — время обеденного перерыва, и Ким Чжонсик предложил отобедать с ним вместе где-нибудь в ресторанчике поблизости. Для того, чтобы общение было более непринужденным, он пригласил вместе с нами одного из служащих своего отдела, г. Пака. (Я уже встречался с ним в прошлом году, когда также зашел к Ким Чжонсику в сеульский офис в гости, и он тогда пригласил меня на ужин, также позвав г. Пака.)

Г. Ким выбрал ресторан, специализирующийся на особых овощных лепешках *пхачжон*. В связи с всеобщим обеденным перерывом, который в Корее неукоснительно соблюдается, а также поскольку в районе Ангук расположено много офисов разных фирм, свободных мест в ресторане почти не было. Как и во всяком корейском более или менее приличном ресторане, зал был разделен на две части: для сидения на

стульях за столами, то есть «европейскую часть», и для сидения на теплом обогреваемом полу, несколько приподнятом над основной поверхностью, то есть «корейскую часть». «Корейская часть» ресторана считается более почетной, и мы выбрали ее.

Заказав пару бутылок пива, приступили к обеду. Застольный разговор затрагивал самые разные вопросы и, в частности, — проблему взаимоотношений с женщиной в семье. Ким Чжонсик долго слушал мои рассуждения и, наконец, сказал:

— Вижу я, что в семейных вопросах ты разбираешься еще слабо. Не женщина отвечает за атмосферу в семье, а мужчина. Он словно садовник, ухаживающий за розой, словно бабочка, опыляющая цветок. То, что потом женщина отдает мужчине — это лишь возврат женщиной того, что она получила. И никакого принудительного служения женщины мужчине в Корее нет. Все то, о чем я говорю — часть нашей традиционной высокой философии и странно, что ты до сих пор этого не знал.

Записано 21 июля 1996 года

5. Курящая женщина в метро!

28 июня 2003 года решил поехать в сеульский Музей современного искусства, что расположен в Сеульском центральном парке (서울대공원). Выбрал несколько странный маршрут: на автобусе № 1550–3 доехал до станции метро Садан, а оттуда решил уже на метро добираться до Центрального парка.

Когда около 15 часов дня спускался по лестнице вниз на станцию, увидел (уже в подземном переходе, что для Кореи невозможное дело) человека, идущего с зажженной сигаретой в руках. Увидел со спины. Черные волосы. Широкие бедра. В ушах сережки типа «пирсинг». На голове — наушники. Сначала я подумал, что это — несколько нагловатый молодой человек. Не может быть, чтобы это была женщина... Ведь это Корея! Однако для мужчины слишком полноваты ягодичы... У лестницы, прямо перед входом на станцию метро, был туалет. Человек с зажженной сигаретой в правой руке отправился в... женский туалет!..

28 июня 2003 года

6. Загорающая кореянка

Насколько мне было известно, в Корее, по крайней мере традиционно, не принято загорать. Даже одно время была мода на белую кожу: чем белее кожа, тем «аристократичнее» человек.

5 июля 2003 года, в субботу, в полдень решил пойти в горы позагорать. Загорать в Корее, так, чтобы тебя никто не видел, довольно сложно. Корейцы могут загорать на пляжах или в открытых бассейнах у гостиниц. Но так, чтобы загорать «где попало», как, например, это происходит в России, не принято.

В горах также загорать непросто. Если это гора-парк, устроенная для прогулок рядовых граждан, то там, естественно, загорать невозможно. Если это «дикая» гора — то она по всей своей поверхности покрыта густой древесной растительностью, и там тоже загорать негде. Остаются только могилы в горах, вокруг которых место расчищено, трава подстрижена и есть где прилечь под живительные лучи солнца.

Я нашел для себя такое место в горах, что напротив Академии ко-рееведения.

Пролежав час под жаркими лучами редкого летнего солнца, весь в поту и «захоженный» муравьями, стал спускаться вниз, заодно осматривая другие места с могилами чуть пониже. Дело в том, что даже час лежания у могилы приводит к тому, что аккуратно подстриженная трава приминается и мне было очень неудобно перед погребенным, что я нарушил гармоничный вид места его упокоения. Хотелось поискать другое место, где мое присутствие в качестве загорающего не оставляло бы никаких следов.

У очередной могилы, окруженной густыми зарослями высоких деревьев, решил сделать чуть более «глубокую» разведку места. Стал подниматься вверх от проходящей мимо тропинки. И в самом дальнем углу искусственной поляны обнаружил... сидящую на подстилке молодую женщину без верхней одежды. Сначала я подумал, что это кто-то из европейцев нашей Академии, как и я, решил воспользоваться редким солнечным днем и позагорать. Даже кивнул головой в знак приветствия. Присмотрелся — Боже мой! Сидит смущенная молодая кореянка в светлом нижнем белье. Потупила голову. Чтобы не смущать странную кореянку, я поспешил удалиться.

Внизу горы, под деревьями была спрятана белая машина «Авантэ» (старой по меркам 2003 г. модели) с затемненными окнами. Наверное, эта была машина той самой молодой женщины.

А еще говорят, что корейцы не любят загорать...

5 июля 2003 года

7. Где мини-юбки?

А. Н. Ланьков в книге «Корея: будни и праздники» (М., 2000) написал, что молодые кореянки любят носить мини-юбки.

В 2003 году (да и несколькими годами ранее) мини-юбки увидеть на улицах Южной Кореи практически невозможно. В настоящее время мини надевают лишь девушки, занимающиеся рекламными акциями на улицах, то есть мини — это часть «униформы».

Обычные гражданки Республики Корея летом предпочитают носить длинные шорты (до колен и ниже) или платья. Причем шорты тоже имеют такой покрой, что за ними надежно скрываются всякие формы тела.

Мода скорее на мини-шорты, а не на мини-юбки была в Корее в начале — середине 1990-х годов и быстро прошла. Свидетельством этому может быть то, что все же в отдельных, очень редких случаях в Корее можно увидеть *не слишком молодых* женщин в мини-шортах, которым около 30 лет (или больше?).

Возможно, одной из причин того, что мини не в моде, может быть тенденция общего пополнения («ожирения») молодого населения Кореи. Зрительно до 50% девушек в возрасте до 20 лет необычайно полны (в особенности для традиционной корейской комплекции). Поэтому им просто «нечего показывать», надевая мини.

Молодые люди тоже встречаются полные (полных юношей тоже гораздо больше, чем раньше). Но все же их меньше, чем девушек.

А те редкие 30-летние, что иногда рискуют выходить в стареньких мини-шортах, по-прежнему стройны. Хотя к их возрасту такая одежда, право, не слишком подходит.

26 августа 2003 года

8. Женская одежда и фигуры

В начале 1990-х годов южнокорейские девушки в возрасте 18–25 лет отличались стройностью и, я бы сказал, красотой. В метро многие читали книги, в том числе и стихи. Носили в то время или юбки, или облегающие фигуру джинсы, несколько коротковатые, и обувь на высоких каблуках, отчего ноги казались стройнее.

В конце 1990-х годов южнокорейская молодежь женского пола вдруг совершенно отказалась от юбок и перешла на широкие брюки типа *кэжьюал*, то есть «повседневно-спортивного» типа, или шорты,

длинные и широкие. Таким образом, фигура оказывалась скрытой за обилием складок мешковатой одежды. Обувь стали носить также соответствующую, спортивного типа, то есть без каблуков. Из-за этого и без того не слишком длинные ноги кореянок стали выглядеть еще короче. Возможно, одной из причин подобной перемены во вкусах и моде стало повсеместное массовое ожирение, связанное с улучшением питания, появления в нем больше мясной и хлебной пищи, а также с неподвижным образом жизни девушек, которые вынуждены проводить в средних школах время с раннего утра и до поздней ночи; но об этом — отдельный разговор. Таким образом, к началу 2000-х годов корейским девушкам было уже нечего показывать молодым парням, и фигуру постарались скрыть за мешковатой «модой». Этой тенденции пошло на руку то, что в 2000-е годы стали популярными брюки с многочисленными боковыми (на уровне коленей) карманами, которые еще больше стали скрывать форму ног. Европейская мода на «открытые пупки» в Корею так и не прижилась. Девушки, носящие брюки подобного фасона, все же попадаются, но крайне редко.

Однако в 2005 г. в моду все же стали входить длинные яркие одноцветные «юбки-воланы», сшитые из ряда поперечно соединенных частей. Однако все это слишком однообразно, и кореянки не очень активно стали переходить на такой фасон. Да и вряд ли перейдут. Посмотришь на старшеклассниц — «тумбочки ходячие» в униформах и кроссовках. Походка такая — словно роботы на больших колесах перекатываются. Однако корейским парням и такие, видимо, нравятся. Несколько раз видел на улице Тэчжона парочки старшеклассников (юноша и девушка), где юноша ведет себя очень активно, поглаживая спутницу то по голове, то по плечам, то по рюкзаку, висящему за спиной.

С другой стороны прокалывание ушей — просто массовое явление, в том числе и среди молодых парней. Даже некоторые парни-функционеры местных корейских религий — и те уши прокалывают и сережки носят. Поэтому если раньше с уверенностью можно было говорить о том, что особенностью корейской культуры является, в частности, то, что женщины не прокалывают уши и не носят сережки, то в настоящее время все с точностью до наоборот.

17 июля 2005 года

9. Усы и борода

В 1990-е годы было практически невозможно встретить корейца, носящего усы. Усы и бороды отращивали либо совсем пожилые люди, либо «деятели искусств», которые и одевались по-особенному, так что наличие у них усов или бороды не «шокировало» окружающих.

Дело в том, что усы раньше носили в основном японцы — представители господствующего класса колонизаторов. (Корея была японской колонией с 1910 по 1945 годы) Поэтому наличие у мужчины усов автоматически вызывало ассоциации с ненавистными японскими колонизаторами.

Летом 2007 году я стал замечать в Корее немало мужчин, молодых и среднего возраста, «обычной», то есть не богемной (прощающей много) внешности, носящих усы, или же усы и бороды.

Очевидно, история японской колонизации все больше отходит в категорию «забытого прошлого», а нравы становятся более свободными.

5 августа 2007 года

10. Мини-юбки

В 2007 году в моду снова вошли мини юбки. Причем не только у молодых девушек, но и у женщин 40 лет. Об этом даже писала одна из центральных южнокорейских газет «Чосон ильбо».

Юбки действительно могут быть *очень* короткими, так что женщинам, поднимающимся по ступеням лестниц подземных переходов, приходится придерживать юбку сзади (чтобы не показывать нижнее белье окружающим).

Возможно, данное явление можно объяснить падением рождаемости и объективной необходимостью привлечь внимание мужчин.

Ведь в странах с большой рождаемостью нет общественной секс-культуры, а одевания граждан очень и очень строги. Наоборот, в странах с низкой рождаемостью публичная секс-культура очень развита.

5 августа 2007 года

ГЛАВА 13. КЛИМАТ

1. О сезоне дождей, или Как я стал жертвой наводнения

Это, пожалуй, единственный раздел моего корейского дневника 1995 года, написанный через два года после происшествия событий. Однако он также имеет характер документального, потому что одновременно со страноведческим дневником я вел личный, в котором описано все, что я собираюсь представить читателю ниже.

Июль и август — время, именуемое в Корее «сезоном дождей». Небо в это время в Сеуле почти всегда серое или в дымке. Часто идет дождь. Причем иногда это такой ливень, попав под который, несмотря на наличие зонтика, у человека вся одежда промокает насквозь за две минуты и вода противно чавкает в башмаках.

Днем 23 августа как раз шел такой жуткий ливень. К счастью, я был дома, то есть в полуподвальной комнате пансиона *хасук*: нужно было написать несколько писем. Вдруг из комнаты моих корейских соседей Вон Дэхё и Чи Юнчхана в холл посередине хлынула толстая темно-коричневая струя воды. За две минуты все наше полуподвальное жилище — комнаты и холл — оказалось залитым грязной водой на 5–7 сантиметров над уровнем пола. Я еле успел спасти вещи. Ведь пансион мой был корейским, то есть таким, где спишь, держишь постельное белье и многие вещи на полу. Поэтому буквально за пару десятков секунд нужно было собрать все с пола и развесить на гвозди, вбитые в стены, либо сложить на небольшом металлическом стеллаже. Что случилось? Видимо, дом был построен некачественно и грунтовая вода, вместо того, чтобы собираться в отводные каналы, промыла нижнюю часть подвала и ворвалась в помещение.

Очень скоро мои вещи и вещи моих соседей начали сыреть от влажного воздуха, поэтому было решено временно перенести все наши вещи в комнату хозяйки, на первый этаж. Подошло время ужина. Несмотря на то, что я пострадал по вине арендодателя, хозяйка даже не удосужилась меня накормить. Да, я ей платил очень мало, и в мою арендную плату не входило питание. Но в этом экстренном случае все же можно было хоть как-то проявить чувство ответственности перед постояльцами.

Подавленный случившимся, я отправился бродить по городу в поисках жилья. По-прежнему беспощадно хлестал ливень. И мне хотелось плакать, потому что все предлагаемое по объявлениям на улице было необычайно дорого, более 500 долларов в месяц. А все мои

корейские «друзья», к которым я пытался обратиться за помощью по телефону, делали вид, что ничего страшного не произошло. Мне же было просто негде спать.

На одну ночь хозяйка решила пустить меня в комнату «американца» (американского студента? Явно без его ведома), которая находилась на втором этаже того же пансиона. Было около 10 вечера. Крохотная комнатенка «американца» показалась мне истинным раем. В ней стоял письменный стол, и не было малюсеньких окошек под потолком, которые выходили на поверхность земли. Большое светлое окно гордо смотрело на небо, деревья и крыши соседних домов. А у меня не было денег даже на такую крохотную, но «человеческую» комнату. Сон не шел. Я беспощадно курил и выпил с горя остаток драгоценной 7-летней настойки из полыни, полученной в последнюю фольклорную экспедицию. Ох, не видать тебе, настойка, холодных зимних российских вечеров! Пьяный, уснул, слушая плеер «американца» и раздумывая, почему это в его комнате так много книг на корейском языке и, главное, зачем ему кассеты с лингафонным курсом английского языка.

Около 5 утра дверь комнаты открылась, и в нее вошел ничего не понимающий «американец», который оказался обыкновенным корейцем лет 20 (очевидно, проживающим в США). Сквозь сон я пробубнил ему, что у меня наводнение и бабка-хозяйка послала спать сюда. Ничего не сказав в ответ, он мирно улегся на пол рядом со мной и вскоре заснул.

Но мне было не до сна. Встал я очень рано и пока «американец» спал, я тихонько собрал свои вещи и вышел из комнаты, побросав пожитки на первом этаже у хозяйки.

Начался второй день мытарств под дождем, день поиска жилья, когда изо всех общежитий, где проживают иностранцы, меня гнали поганой метлой. Мой пост преподавателя Санкт-Петербургского государственного университета (естественно, не подтвержденный письменно из высших корейских инстанций) ничего не менял. Наоборот, мне говорили, что, мол, раз так хорошо говоришь по-корейски, то вот иди и ищи жилье там, где все корейцы живут. А общежитие — это для зеленых новичков, которые ничего не понимают ни в Корее, ни в жизни вообще. Вот так!

Убитый отчаянием, случайно нарвался на улице на металлическую «сетку» на ножках, в которой находилась пачка завернутых в полиэтилен (от дождя) свежих бесплатных рекламных газет «Пёрук сичжан» (벼룩시장), то есть «Блошинный рынок», сел на автобус и поехал обратно, в изуродованные полуподвальные комнаты моего пансиона

хасук, из которых насосом уже выкачали воду. Почему? Там был бесплатный телефон, по которому я начал названивать по объявлениям. Наконец, нашел одно подходящее. Поехал по указанному хозяйкой адресу. Меня встретила симпатичная, хорошо одетая девушка лет 24. Большой двухэтажный дом, где мне всего за 190 долларов в месяц предстояло снимать комнату, был выстроен в европейском стиле и стоял посередине сада, огороженного забором. Окна комнаты как раз выходили в сад. Прекрасная кровать. Чистые и современные туалет и ванная... Подарок Господень! В тот же день я решил переехать. «Рай», правда, не оказался раем. Но об этом отдельный рассказ. А пока, счастливый, я рванул в свой старый *хасук*, собрал вещи. Хозяйка велела забирать и постельное белье, которое она дала мне при поселении. Обещала вернуть половину оставшейся суммы за пансион. За ее обещанием мне пришлось ходить больше месяца...

23–24 августа 1995 года; 28 июля 1997 года

2. Пыль в Корее

Пыль в Корее, как в Южной, так и в Северной, как в городах, так и в провинции имеет одинаковый серо-черный оттенок. Пыль довольно «крупная», отдаленно напоминает «мелкий песок».

Записано 14 ноября 1995 года

3. Ощущение от корейского дождя

Август 1998 года, а в особенности его первая половина отличалась необычайно большим количеством дождей. В день выпадало до 80–120 мм осадков. (А в отдельные дни и в отдельных регионах фиксировали до 400 мм осадков в день.)

Причем по ощущениям дождь совсем не казался сильным. Он не был особенно густым, капли падали на землю с мягким шуршанием. При этом в ямах и низинах с поразительной быстротой скапливалась чистая прозрачная вода. Она никуда не уходила, создавая огромные лужи.

В ночь с 14 на 15 августа шел сильный ливень, громяхая по крышам домов, карнизам, припаркованным автомобилям. Но к утру дождь прошел и никаких следов «наводнения» на улицах уже не было.

15–18 августа 1998 года

ГЛАВА 14. ОПИСАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ МЕСТНОСТЕЙ, РАЙОНОВ

1. Дорога из аэропорта в город

Автостоянка в аэропорту Кимпхо платная. При выезде изволь платить деньги. Контрольно-пропускной пункт — несколько будок со служащими. Будки стоят вряд и разделены шлагбаумами. Перед ними — маленькие светофоры.

Аэропорт практически «влит» в город. И дорога из него — это просто городская улица. Ночью поражает обилие светящихся красных неоновых крестов. Они не венчают купола церквей или шпили храмов. Просто как бы «висят» в темноте. Их очень много. Днем становится видно, что они могут быть установлены на крышах домов, первые этажи которых занимают магазины или офисы, и лишь несколько комнат на каком-либо из этажей могут служить культовым целям. В Южной Корее очень распространен протестантизм и католицизм. Многие из корейцев начинают принимать христианство уже в зрелые годы. Создается впечатление, что быть христианином — это признак хорошего тона для любого, кто хочет быть преуспевающим, своего рода «социальная мода».

Пока ехали по ночному Сеулу в гостиницу, обратил внимание на то, что местами дороги были перекрыты черно-белыми металлическими «быками», что напомнило мне реалии Северной Кореи.

1990

2. Вечернее путешествие по Сеулу 29 апреля 1992 г.

«Пьяный»

Район Мёндон, что недалеко от гостиницы «Лотте». Около 11 вечера. Редкие прохожие на улице, идущей параллельно Второй улице Намдэун-но. Иду неспешными шагами. Около китайского культурного центра остановился, чтобы прочесть надпись на стене. В Сеуле, как и в Пхеньяне, тоже бывает не так светло, как это может показаться по рекламным проспектам.

Вдруг на меня обращает внимание маленький кореец в несвежей белой рубашке, помятых брюках и к тому же пьяный. Как всегда, обращается ко мне на ломанном английском языке. И, как всегда, не сразу понимает то, что я неплохо говорю по-корейски.

Разговор пошел сложно. Он ничего не понимал из того, что я говорю (и отнюдь не по причине моих ошибок в речи). В конце концов, он

сказал: «Ну, пойдем, выпьем!», на что я ответил, что не пью. На мой отрицательный ответ кореец безнадежно махнул рукой и, чуть качаясь, поплелся вниз по улице.

Молельня

Из полупустых темных улиц района Намсан-донг, очень живописных, уютных и по детски маленьких, неспешно вышел на дорогу, вьющуюся у подножия «Южной горы» — Намсан. Проходя мимо какого-то «дипломатического клуба», спрятавшегося в живописном парке, вспомнил свои редкие вечера в «Дипклубе» Пхеньяна в 1984 году... И захотелось, чтобы прошлое стало настоящим, посидеть за кружечкой волшебного пива, поговорить с таинственными иностранцами, а затем полупьяному под стрекот цикад возвратиться куда-нибудь в скромную уютную гостиницу... Но это все очень далеко от будней переводчика при непростой персоне директора Балета на льду.

Пройдя немного вдоль шоссе у Намсана, заметил каменную лестницу, огороженную с двух сторон забором из металлической сетки и какой-то свет в глубине горы. Может, это недорогая закусовая для корейцев? Сейчас я бы не пожалел денег из своего скромного дохода за хороший романтический ужин.

Решил подняться в гору. Неспешные шаги. Вдруг в темноте под дождем перед моим взором открылся небольшой грот среди скал, внутри которого были выставлены зажженные свечи. В дальнем углу находилась женщина, сидевшая на земле. Она была в барабан и молилась, напевая нудный мотив. Перед ней стоял поднос с чашечками. У правой части подноса — свечи. Невдалеке от грота было здание, похожее на магазинчик. Около входа в грот — надпись: «Яксутхо», что значит — «Источник минеральной воды».

Я в нерешительности остановился перед лестницей, ведущей к гроту. А вдруг там пещерный храм и, быть может, иностранцам вход туда запрещен?

Вдруг заметил на ступеньках лестницы чей-то более чем скромный портфель и сумку, стоявшую рядом. Увидел, как из дома-магазинчика вышел потрепанный и какой-то очень забитый с виду кореец. Когда он проходил мимо меня, я попытался спросить его о храме и о том, можно ли мне спуститься вниз. В ответ он только все время кивал мне головой. По глазам я видел, что он понимает меня. Но почему-то он ничего не отвечал мне кроме нейтрально-вежливого «да», «да», «да»... И все время кланялся мне. И так, кланяясь, ушел восвояси. Портфель и сумка, стоявшие на ступенях, оказывается, были его.

Я решился подойти к гроту. На крыльцо дома-магазинчика вышла женщина лет 50 в кофте и брюках. Эта простая одежда напомнила мне одежду северокорейских женщин.

Вдруг кто-то окликнул меня: «Дяденька (*ачжосси*), где здесь дорога на Сеульский вокзал?» Оглядываюсь. Там — супружеская пара. На спине у женщины — ребенок. Похоже, что они приехали из провинции. Я отвечаю, что не знаю. Вместо меня дорогу им указывает хозяйка дома-магазинчика. Встречаюсь с ней взглядом, и она чувствует, что я понимаю их, корейцев, мысли. Тогда я подхожу к ней и расспрашиваю о том, куда же я пришел. Отвечает, что люди сюда, на Тигровую скалу (Пом пави), приходят постоянно, чтобы молиться — и днем, и ночью. Ставят свечи, пьют воду из целебного источника — там вот и черпак имеется. Иностранцы сюда обычно не приходят. Но я могу подойти поближе. Можно с открытым зонтиком, а можно и закрыть его.

Подошел совсем близко к скалам. Источник прикрыт фанерной крышкой. Вскоре к молельне пришла еще одна женщина и достала металлические чашечки, подобные тем, что я уже видел у той, что молилась раньше. Кстати, та, первая женщина, была одета в белую спортивную куртку с капюшоном, и издалека одежда смотрелась как облачение монахини, от чего мое первое впечатление от этой буддийской молельни было еще более фантастическим. Вновь пришедшая женщина поставила чашечки на поднос и направилась к источнику. Наполнила чашечки водой. Вернулась. Села. Начала молиться. Ну а я решил не мешать ее общению с божествами и вернуться обратно.

У дома-магазинчика уже никого не было, и свет в окнах не горел.

Служащий «делового клуба»

Возвращаясь от Тигровой скалы с Южной горы, снова прошел по безлюдным живописным «низеньким» жилым кварталам. Затем — мимо дискотеки у гостиницы «Пасифик» к улице Тхвегеро. Спустился в пешеходный переход. Там есть еще вход в станцию метро четвертой, «синей» линии. На выходе ко мне пристал какой-то одиноко стоящий кореец в пиджаке. Стал спрашивать по-английски, не хочу ли я выпить?

Прежде всего я начал с того, что я не американец. Понемногу разговаривались. Сначала он, как это и водится в подобных случаях, стал выяснять, откуда я знаю корейский язык. Я, конечно, не удержался, решил высказать свои теплые чувства по отношению к этой стране. И вроде, смотрю, кореец проникает ко мне и даже стал откровенничать. Сказал, что зарабатывает тем, что «отлавливает» на улице иностран-

цев, в основном японцев и реже — американцев, и отводит их в питейные заведения, где можно провести время с «девочками». Говорит, что может заработать до 300 тыс. вон в день, то есть до 375 американских долларов

Прогулялись с ним немножко по улице, и он даже угостил меня «пирожками» из рыбной муки на деревянных палочках *оден* по 300 вон штука вместе с рыбным бульоном, которые продавали с передвижной торговой точки на колесах. Говорил, что очень хотел бы встретиться со мной еще раз и даже сводить в гости к себе домой. Сейчас он, правда, занят. Работать нужно. Но можно встретиться в субботу на этой неделе, в том же месте, в 11 вечера. Тогда у него выходной.

В субботу у меня случилась досадная задержка на стадионе, где выступал Балет на льду. Выясняли какие-то технические детали. Поэтому я подошел к месту встречи только в 11.06. Но знакомого своего не встретил. Прождал до 11.35, с тоской поглядывая на молодых людей, пьяных и веселых, выкатывавшихся из баров Мёндона.

1992

3. Поездка в фольклорную экспедицию в провинцию Северная Чхунчхон, уезд Чинчху со студентами и преподавателями Университета Тангук 21–24 июня 1995 г.

Все началось с телефонного звонка профессора Факультета родной словесности университета Тангук доктора Хван Пхэгана. Я сидел на полу своей полуподвальной комнаты частного дома, где снимал комнату. Свет из узкого окошка под потолком, которое находилось чуть выше уровня земли, слабо освещал комнату, где кроме металлического стеллажа для книг да маленького круглого корейского столика, за которым можно было сидеть, лишь находясь на полу и скрестив ноги, ничего не было. Одежда висела на алюминиевой штанге, протянутой между стен. Дружеский голос профессора развеял пессимизм моего жилья, за которое приходилось платить 350 долларов в месяц:

— Господин Курбанов, не хотите ли поехать с нашими студентами в небольшую фольклорную экспедицию? Четыре дня. Для нас это тоже большое событие. Студенты и профессора ездят не более одного раза в год. Конечно, условия жизни не такие удобные, как в Сеуле, но, думаю, для вас это будет уникальный опыт. Я и сам очень хочу поехать, да дела не позволяют. Так как?

— Конечно, с большим удовольствием, — ответил я, с легкой иронией подумав насчет условий жизни и вспомнив, как мне приходится спотыкаться по ночам, выходя по нужде в туалет, расположенный на улице.

— Тогда договоримся так. Автобус из Сеула в город Чхонан, где находится второй кампус нашего университета, выезжает в 8 утра. Это будет наш университетский автобус. Встретимся с вами в 7.40 у станции метро Каннам. Я вас провожу до автобуса и представлю профессорам.

— Большое спасибо. Для меня это действительно редкая возможность. Очень признателен вам. А сколько это будет стоить?

— Студенты вносят плату за участие в таких экспедициях, но для вас все будет бесплатно. Я договорился.

— Огромное спасибо! До свидания.

— До встречи.

День первый, 21 июня 1995 года

Поднявшись в 5.20 утра и завершив все необходимые приготовления, ровно к 7.40 я подъехал на станцию метро, где договорился встретиться с профессором Хван Пхэганом. Он меня ждал, очевидно, придя заранее. Тепло поздоровались. Он спросил по-русски:

— Как дела?

— Хорошо, — ответил я.

На этом наш русский диалог закончился. Но я искренне обрадовался этому приветствию, так как найти в Корее человека, не только знающего русский, но и активно следящего за нашей гуманитарной наукой, довольно сложно.

Профессор Хван проводил меня до университетского автобуса, ожидавшего пассажиров у перекрестка. Автобус был не очень нов, но с работающим кондиционером, обещавшим временный отдых от тридцатиградусной жары и невыносимой влажности. Профессор представил меня кому-то из коллег, разговор с которым у меня так и не пошел: уж слишком молодо я выгляжу для того, чтобы быть университетским преподавателем и «доктором наук» (так называют в Корее российских кандидатов наук). Потом профессор Хван долго стоял на жаре, не спадавшей и ранним утром, и ждал до тех пор, пока автобус не отправился, помахав на прощание рукой.

Через час монотонной дороги по скоростному шоссе показался Чхонанский кампус университета Тангук: городок из четырех — пятиэтажных зданий, облицованных красной кирпичной плиткой. Пре-

подаватель, которому меня поручил профессор Хван, провел по этажам пустого в эти дни каникул здания Факультета родной словесности. Цементные полы, крашенные стены, голые доски для объявлений.

Наконец, дверь деканата открыли и туда стали собираться студенты и ассистенты профессоров. Корейский «ассистент» — это не то, что российский. Как правило, это совсем молодой человек или девушка до 30 лет, занятый более технической, нежели преподавательской работой.

Итак, меня провели в деканат, представили присутствующим. Студенты угостили баночкой сока. Сок был принесен для всех, находившихся в помещении. Вскоре пришел и профессор, молодой по корейским меркам, лет 37. С ним мне предстояло провести всю поездку. Его звали Юн Чжупхиль. Необычайно высокого для корейца роста, хорошего телосложения, в летних сафари, кроссовках, короткой рубашке в полоску и уже немодной в Корее на поясной сумочкой. В руках у него была панاما из джинсовой ткани с полями. Сначала он повел представить меня начальнику экспедиции, декану факультета профессору Ю Минъёну. Разговор с деканом был очень короткий: лишь формальное представление. И отношение было чуть свысока. И только имя моего поручителя, профессора Хван Пхэгана, спасало от отношения ко мне как к обыкновенному студенту.

Через некоторое время студенты и профессора разместились в два автобуса и отправились в дорогу. Тут же мне вручили план экспедиции — целую книгу объемом в 50 страниц, где были указаны не только цели и распорядок экспедиции, но и методы работы с местным населением. Был там и готовый опросник. Из этого же плана я узнал, что все участники будут разбиты на несколько звеньев, от 10 до 42 человек в каждом. Я был определен в звено к профессору Юну.

Сначала автобусы остановились в уездном центре, городе Чинчхон, недалеко от гостиницы «Ногвончжан», игравшей роль штаб-квартиры экспедиции. Было 12 часов дня, и по плану полагалось обедать. Надо сказать, что обед — это вообще нечто святое для корейца. Не пообедать — целая катастрофа. Недаром одно из дневных приветствий по-корейски так и звучит: «А вы пообедали?»

Обед был в ресторане «Синчжон», недалеко от «штабной» гостиницы. Второй этаж невысокого здания. Длинная узкая комната-галерея с рядом раздвижных дверей вдоль коридора и сплошной линией окон напротив. При входе, естественно, снимаешь обувь и садишься на чуть приподнятый пол за низенький столик. Мне определили место около профессоров. Очень хочется кушать. Многочисленные закуски уже

выставлены на столе. Палочки и ложки, можно сказать, сами прыгают в руки, готовые тотчас насытить изголодавшийся живот. Но... сначала следуют речи, которые необходимо выслушать. Выступает начальник экспедиции, декан Ю. Среди общих и естественных для такого случая слов как-то по особенному звучит такое:

— Наши девушки-студентки — основные участницы полевых фольклорных исследований, а роль юношей — охранять их.

И действительно, в § 16 «Плана экспедиции» так и сказано: старые люди более откровенны с девушками, нежели с юношами. И далее профессор Ю продолжает:

— А когда наши девушки будут спать, кто в гостинице, а кто в деревенских домах — они обязательно должны закрываться изнутри. И еще. Не нужно есть и пить ничего местного без предварительной термической обработки.

Честно говоря, для меня все это звучало более чем странно. В-первых, Корея — страна, где «бытовая преступность» находится на очень низком уровне. Во-вторых, учитывая особое внимание корейцев к чистоте и достижениям мировой цивилизации, которые, как казалось, прочно привились на корейской земле, трудно предположить, что потребление местной пищи может быть хоть как-то опасно для здоровья.

Наконец, приступили к обеду и, закончив его, дружно «выползли» на узенькую улочку перед рестораном в ожидании дальнейших распоряжений. Студенты 6-го звена, в которое я был определен, не проявляли ко мне традиционного любопытства, то есть не подходили и ни о чем не спрашивали. И это было понятно. Вроде, я относился к категории «профессоров», а по отношению к ним следует соблюдать этикет, не «приставать» с разными вопросами, пока к тебе не обратятся.

И вот на улице показался профессор Юн Чжупхиль, и мы отправились на автостанцию, откуда на местном рейсовом автобусе, далеко уступающем сеульским по степени новизны модели и удобству, отправились в селение Токсан, центр одноименного округа, определенного объектом исследований для 6-го звена.

Надо сказать, что невозможно прийти просто так в «первую попавшуюся» деревню и ни с того ни с сего обратиться к местным жителям с просьбой рассказать что-нибудь о старине. Никто вас и слушать не станет. А если найдется такой, кто согласится все же вам помочь, много он вам не расскажет. Вас должны представить из местного управления округом, то есть, по меньшей мере, позвонить старосте деревни или уважаемому человеку, рассказать о вашей экспедиции, вашем университете и вообще официально поручиться за вашу порядочность. Тогда

вы получите и должный прием, и поддержку со стороны местного населения. Поэтому профессор Юн вместе с ассистентом и со мной прежде зашли в управление округа Токсан, небольшое двухэтажное здание, окруженное невысокой стеной. Над крыльцом плакат: «Строим уезд Чинчхон, хороший для проживания». Справа от входа что-то вроде лозунга, призывающего жителей округа включиться в «движение» за улучшение жизни в округе, за «гордость провинции Северная Чхунчхон».

Само помещение местной управы разделено небольшой стойкой на две части: меньшая, с диванчиками и стульями вдоль окон — для посетителей, и большая — для служащих. На стойке — пластиковые таблички с указанием имен и должностей. У дальней стены — шкафы с бумагами, книгами. На стенах — образцы каллиграфии и традиционная живопись. И на всем — налет некоей «провинциальности».

Переговорив с чиновником Отдела культуры и получив местные издания-путеводители по округу, профессор Юн договорился также и о том, чтобы нас подвезли до первой цели экспедиции, деревни Чунбан. Дали маленький грузовичок и легковую машину.

И вот мы в деревне. Перед въездом — небольшая площадь, обставленная магазинчиком и заведением, о существовании которого я раньше никогда не подозревал и которое, признаюсь, весьма удивило меня. Небольшое одноэтажное здание, облицованное кирпичной плиткой. Узенькая веранда со старыми стульями, на которых сидят прожженные солнцем морщинистые старики в одеждах традиционного покроя. За верандой — кухня. Слева от кухни и позади нее — комнаты. В главной, что слева — огромный запыленный телевизор, пара столов, заваленных такими же пыльными журналами, остановившиеся настенные часы, несколько картин с традиционной живописью. Окна, непрозрачные, затянуты металлической сеткой от мошкар. В углу сложены подстилки. На полу — пепельницы, корейские шахматы и шашки, деревянные подголовники-«подушки». И называется все это — «Павильон для престарелых», нечто вроде клуба, где пожилые жители деревни могут собраться, побеседовать, поиграть в шашки, принять гостей с ночевкой. Кстати, ходят в такие «павильоны» в основном мужчины, в то время как пожилые женщины предпочитают собираться у кого-либо дома. Все бы ничего, и идея сама неплоха, но старость, собранная в одном месте, налет пыли, хотя полы в помещении чисты и кухня оборудована весьма современно, все же производит странное впечатление. Там студентам и предстояло ночевать.

Часов около четырех дня в «павильоне» собралось шесть человек стариков, кто в традиционной корейской одежде *ханбок* — широкие розовые штаны и кофта с V-образным воротом, желтая жилетка, кто в недорогих европейских одеждах — брюки, рубашка и куртка. Все собрались в углу большой комнаты, недалеко от входа. Студенты, семь человек, и профессор Юн сразу выставили перед стариками корейскую рисовую брагу *макколли* в пластиковых бутылках, печенье, сушеных кальмаров. Какие песни и предания без бутылочки?

Однако старики не сразу стали петь. Сначала пошли разговоры о жизни, мол, вот в пятидесятые годы не было мужчин, доживавших до 60 лет, а теперь самому старшему — 83. Потом стали говорить о женитьбе, мол, какие симпатичные девушки (студентки) приехали в деревню, и неплохо было бы их поскорее отдать замуж, желательно за местных. А студенты все более настойчиво требовали народных песен. Худые, сморщенные, с лицами темно-шоколадного цвета старики беспрерывно курили и сначала стали говорить об ушедших традициях деревни Чунбан:

— Был раньше в деревне священный холм и источник. И люди пили из него и брали воду, чтобы умыться. И еще собирали с каждого дома немного риса и совершали жертвоприношения духу холма. Но теперь деревня опустела, все молодые в городах. Никто жертвоприношений не совершает...

Я во время этого первого опроса, боясь нарушить атмосферу доверительности между студентами и стариками, ибо вид иностранца в глубинке к откровенности не располагает, уселся в дальнем конце комнаты под остановившимися настенными часами. Тем не менее я тоже потихоньку вытащил микрофончик и попытался записать речи стариков. И вдруг один из них встал и, ни слова не говоря, подошел к часам и стал заводить их, не обращая на меня никакого внимания, словно меня вообще не было. Часы неприятно затикали над головой, создавая заметные помехи записи. К счастью, они оказались сломанными и минут через 15–20, к моему величайшему облегчению, остановились.

Ближе к 6 вечера профессор Юн сообщил мне, что эту ночь мы будем ночевать в гостинице, и поэтому нам нужно поехать в уездный центр Чинчхон. Пройдя пару километров по узкой бетонированной дороге, вышли на автобусную остановку. На невысоком деревянном помосте, покрытом линолеумом — некий уличный аналог корейского традиционного пола, на котором сидят, или, проводя параллели с нашей культурой — «скамейке для ожидания» — сидели трое

весьма подвыпивших корейца, на вид лет шестидесяти. Профессор Юн спросил у них направление на город Чинчхон. Один из ожидавших, думая, что я американец, стал грубо приставать, спрашивая, кто я, откуда, сколько лет, а потом вдруг стал говорить, что воевал во Вьетнаме. Интонации были немного острые. Юн объяснил, что я русский, научный работник и преподаватель. На этом ветеран успокоился.

Вскоре доехали до «штабной» гостиницы «Ногвончжан», поднялись в номер, отведенный для профессоров: корейский теплый пол, естественно выключенный на лето, шкаф, подставка для телевизора. В углу сложены подстилки, одеяла, подушки. Туалет с ванной — со-мещенные.

Через некоторое время собрались профессора, возглавлявшие остальные звенья экспедиции. Как мне объяснили, по традиции принято в первый день экспедиции всем профессорам ходить в ресторан и отмечать окончание семестра.

И вдруг в нашу комнату № 308 постучался и вошел полный кореец средних лет, одетый совсем неофициально. В руках у него были документы о... количестве студентов, аспирантов, ассистентов, преподавателей, участвующих в экспедиции, сведениями о местах их проживания во время пребывания в уезде. Он попросил дать более точную информацию о количестве юношей и девушек для отчета в местное полицейское управление. При этом чиновник неудачно пошутил, мол, давай больше девушек, чтобы выдать их замуж в деревне. В ответ представитель университета очень удивился тому, что необходимы какие-то уточнения, так как все данные были отосланы в полицейское управление за 10 дней до начала экспедиции.

К восьми вечера были приготовлены машины для профессоров, одной из которых управлял сотрудник университетского издательства, выпускник Факультета родной словесности, приехавший специально для похода в ресторан. Отправились куда-то километров за двадцать в ресторан, специализировавшийся на приготовлении «китайского караса», которого вылавливали тут же в озере. Само озеро поразило обилием неподвижно разбросанных плотов с палатками, что-то около тридцати. Это — корейский любительский способ ловли рыбы.

Ресторан представлял собой несколько домов традиционного типа с черепичными крышами. Внутри стены оклеены неновыми светлыми обоями. Никаких особых украшений, и лишь одинокие вентиляторы, повешенные на стенах, лениво разгоняли тяжелый влажный воздух. Было довольно скучно. Профессора в очередной раз напомнили мне

корейскую традицию потребления алкоголя, смысл которой заключается в установлении более тесных дружеских отношений с сидящим за столом, согласно которой, прежде всего, пить нужно обязательно нечетное количество рюмок. Кроме того, никто не наливает себе водку сам. Это должен делать кто-либо из сидящих рядом, лучше, если младший по возрасту. Вдобавок есть еще и особая церемония «обмена рюмками». Так, инициатор обмена, как правило, старший или равный по положению, дает противоположной стороне свою рюмку, сам наливает в нее водку. Угощаемый обязательно должен выпить до дна и возвратить ее инициатору церемонии, налив в свою очередь ему. Однако если тот, кому наливают, значительно младше по возрасту и ниже по положению, то он должен лишь пригубить рюмку и сделать это, чуть отвернувшись в сторону. Таким образом, двое становятся ближе друг к другу, между ними устанавливаются особые отношения. Следует отметить, что это сугубо мужская традиция, и я никогда не видел, чтобы такой обмен рюмками происходил между мужчиной и женщиной.

Около одиннадцати вечера мы вернулись в гостиницу. Там профессоров ожидали несколько студенток старшего курса, в обязанности которых входило «сидеть на телефонах» и отвечать за сохранность вещей.

Я же отправился к ближайшему телефону-автомату, чтобы позвонить в другой город. Номер у абонента был постоянно занят, и мне пришлось около получаса бродить взад-вперед по пустынным в это время улицам, ожидая возможности соединения.

Наконец, дозвонившись, направился к гостинице и не успел пройти и десяти шагов, как нарвался на профессора Юна, который наугад пошел искать «потерявшегося» иностранного гостя.

День второй, 22 июня 1995 года

Я проснулся в 7.40 и с удивлением обнаружил, что в номере уже никого не было. Старался как можно быстрее собраться, но зашедшие за мной профессора с трудом сдерживались, чтобы не сказать что-нибудь по поводу моей медлительности. Завтракать пошли в ресторан неподалеку. Ели похлебку из морепродуктов *хэчжангук* и рис. Надо сказать, что традиционно корейцы завтракают по утрам довольно плотно и завтрак, по нашим меркам, мало отличается от обеда. Кофе пришлось пить из кофейного автомата на улице.

Около девяти утра вместе с профессором Юном приехали в деревню Чунбан, где студенты нашего 6-го звена еще только завтракали. Их внешний вид немного смутил меня: на юношах были свежие футбол-

ки или рубашки, а девушки к тому же поменяли и джинсы на шорты, комбинезоны или брюки из легкой материи. Иными словами, как принято в «хороших домах», все переоделись. И только я остался во вчерашней рубашке. Новое время — новые традиции.

Поначалу отправились в ближайшее селение Мэсан, зашли в первый попавшийся двор. Там была бабушка лет восьмидесяти, ходившая, как и все корейские бабушки этого возраста, полусогнутая, не в состоянии распрямить спину, что объяснимо. В традиционном корейском доме нет стульев, все сидят на полу. И долгое сидение на полу как раз и приводит к такой фатальной фиксации положения спины.

Итак, это была первая попытка опроса «на улице», не очень удачная. Бабушка много рассказывала о жизни в старину, но песен спеть от начала до конца так и не смогла. Студенты сидели на траве перед крыльцом дома, построенного в европейском стиле, но имеющего традиционные обогреваемые полы. Я же спрятался за их спины, чтобы не разрушить своим длинноносым и светловолосым видом чужака хрупкую атмосферу диалога.

Затем по грунтовой дорожке, ведущей мимо рисовых полей вдоль подножия холма, отправились к небольшому буддийскому храму «Соннимса», визит в который обещал быть интересным. Говорили, что с ним связаны какие-то легенды. По дороге у одного из селений я увидел колодец: бетонный цилиндр на бетонной площадке, прикрытый наполовину деревянной крышкой прямоугольной формы. На нем лежал уже высохший корейский хлебец *тток*, который был приготовлен для совершения церемонии кормления местных духов — *коса*. Надо сказать, что такая церемония очень популярна в Корее, и жива не только в деревнях, но и в Сеуле, и не только среди простого населения, но распространена также в крупных фирмах. Цель такой церемонии — обеспечить успех в новых начинаниях. Профессор Юн объяснил мне, что если после совершения *коса* хлебец, использовавшийся там, положить на колодец и подождать несколько дней, то он приобретает особенные целительные силы. Однако об этом хлебце почему-то забыли, и теперь его можно было просто выкинуть. Пройдя еще немного, увидели слева от дороги небольшую постройку, которая, судя по конструкции и богатой росписи на стенах, была храмом. Рядом находились два одноэтажных дома традиционного типа, выкрашенные в желтый цвет. На стене одного из них висела каллиграфическая надпись, изображавшая иероглиф «Будда» — это хозяйственно-административные постройки монастыря. Направились прямо туда и объяснили цель своего визита. Там был всего один мо-

нах и женщина лет пятидесяти, занимавшаяся хозяйством. Монах рассказал нам следующее:

— Храм «Соннимса» был основан примерно 40–50 лет тому назад. Прямо перед въездом в храм есть дом. Был он здесь и тогда. Сейчас там живет женщина лет шестидесяти пяти. Ее зовут Пак Кёнсун. Ее свекор, можно сказать, и был первооткрывателем изваяния Будды, что находится внутри храма. Как-то свекор стал разгребать землю у холма недалеко от своего дома и случайно обнаружил там каменное изваяние Будды, вырубленное в скале. После этого местность прозвали «Долина Будды». Затем основали и сам храм: изваяние Будды прикрыли с трех сторон деревянным строением и построили административные здания.

Со временем приехали ученые из Сеула, определили, что изваяние относится к периоду Корё, X–XIV века. Долго думали, относить ли храм к категории «национального достояния», да так ничего и не решились.

Но вот что интересно: те, кто помогал и раскапывать изваяние Будды и строить храм, очень долго жили.

Вскоре к нам позвали и саму бабушку. Ко всей истории, уже рассказанной монахом, она добавила:

— Будда этот особенный. Три дня ему будешь молиться — дочь родишь. Пять дней — сына. Я, да и соседи мои, поначалу не верили. Но вот попробовали, да так все и вышло...

Поблагодарив монаха за гостеприимство, а бабушку за рассказ, спросили, можно ли перекусить здесь, в административном здании. Еду мы взяли с собой и требуется лишь горячая вода. Женщина, служившая в храме, дала не только воду, но и корейскую острую капусту *кимчи*, вкусные хлебцы *тток*, в том числе медовые. Поистине, деревенские жители во всем мире одинаково гостеприимны!

После обеда, по ужасающей жаре, хотя небо и было затянуто облаками, продолжили путь до соседней деревни Инсан. И прежде пошли к «Павильону для престарелых», который есть теперь в каждой деревне. Нас там должны были ждать. Тут наше звено разделилось. Девушки опрашивали стариков, более на предмет диалектизмов, нежели о каких-либо преданиях. Мужская, то есть менее нужная часть нашего звена, отправилась на вершину ближайшего холма осмотреть могильную стелу «Большого ребенка». «Большой ребенок» — это девушка, жившая в деревне у подножия холма три столетия тому назад. В старину в Корее женщины вообще не имели имен. Чаще всего их называли по имени детей: «мать такого-то». А девушка не вышла замуж,

ибо ее суженый погиб. Поэтому похоронили ее на вершине холма, долго помнили об этом, а не так давно жители деревни на свои деньги поставили новый памятник.

Тут же, на другой стороне холма, сходили мы посмотреть на стелу у «Женьшеневой скалы». Она тоже новая, сооружена только в 1989 году. На ней высечен текст, рассказывающий о некоем Чон Умуне, у которого два столетия тому назад заболели родители и врач сказал, что для их излечения требуется нечто особенное. Отправился тогда почтительный сын в дорогу и в 1784 году пришел в эту местность, поднялся на холм и набрел на огромный камень, что до сих пор стоит тут же недалеко от стелы. Прожил он на холме три месяца, пока не вырос под камнем женьшень. Выкопал его Чон Умун и увидел, что корень женьшеня был в форме ребенка. Обрадованный, вернулся он домой, а его родители, приняв драгоценное лекарство, выздоровели. После этого события имя почтительного сына стало известно всей округе, а местная администрация даже подала в столицу прошение с просьбой присвоить ему почетный титул «почтительного сына». Однако тогда в просьбе было отказано. Тем не менее жители этой округи в течение многих поколений не забывали поступка, достойного подражания, и в конце концов воздвигли подобающую стелу.

Осмотрев все самое интересное на холме, мы снова спустились в деревню, где женская половина звена заканчивала опрос. Подождав, пока девушки осмотрят могилу «Большого ребенка» и «Стелу преданному сыну», отправились в соседнюю деревню Очжими. Было около четырех часов дня.

Несмотря на усталость, студенты не теряли энтузиазма, и я вместе с профессором Юном и частью нашего звена попал в дом к одному из старейших жителей деревни по имени Кан Вончжун. Худой старик 77 лет в белой футболке с растянутым воротом и серых брюках расположил нас на крыльце своего дома, попросив внучку нарвать в саду корейской вишни. Вишня светло-красная, более мелкая, чем наша, но вкусна, особенно на голодный желудок.

О многом рассказывал старик, а студенты тщательно записывали его рассказы в свои рабочие блокноты. Говорил об особенностях свадебной церемонии в его родной деревне, о том, что когда кто-то заболевает, часто зовут шаманов из соседних деревень. Вспоминал о церемонии моления Небу о дожде — *киучже*. Проводится она на вершине самой высокой горы в округе, как раз на Холме Большого Ребенка. В жертву приносят свинью, которую покупают на деньги, собранные со всех жителей. Кроме свиньи, женщины готовят и другие церемо-

ниальные блюда, которые мужчины берут с собой в гору. Женщины в церемонии, естественно, не участвуют. Совершив необходимые поклонны, прочтя заклинания, собравшиеся на горе едят столько, сколько смогут, а оставшееся приносят в деревню.

И еще говорил старик о церемонии жертвоприношений Небу, которая совершалась раньше в первый день третьего месяца по лунному календарю, ровно в полдень. Связано это было с местной легендой о некоем дедушке Ёндоне, который давным-давно во второй лунный месяц спустился с Небес в деревню, пробыл там две недели и снова вернулся на Небо. Объяснить происхождение имени старик не смог. Профессор Юн тоже впервые слышал о таком.

Да, много удивительного и неизвестного хранит земля корейская и уходит все это вместе со стариками, растворяется в потоке лучей компьютерных мониторов, заливающих новым светом логичности «предрассудки» старины.

Наконец, старик заканчивает свой рассказ, который, кажется, он готов вести до бесконечности. Я сижу рядом со студентами и тоже иногда принимаю участие в беседе. Отношение ко мне теплое и, главное, меня практически никак не выделяют из состава участников экспедиции, считают вроде как «своим».

Времени уже далеко за семь вечера. Еще не темно, но чувствуется, как день идет на убыль. Пора возвращаться в деревню Чунбан, откуда мы вышли сегодня утром и где нам предстоит ночевать. По дороге спрашиваем деревенских женщин, всем им за пятьдесят, есть ли где-нибудь поблизости дом шамана? Говорят, что есть, за холмом. Идем в указанном направлении. И в небольшой лощине нам открывается одинокое здание, совсем новое, выстроенное из кирпича, с застекленной верандой и шиферной крышей. От грунтовой дороги к нему ведет свежцементированный спуск. Перед домом стоит довольно дорогой корейский автомобиль. Вдоль веранды ходит молодой мужчина лет тридцати, в шортах и футболке. Профессор Юн спускается к дому, одновременно просит студентов подождать в стороне. О чем-то говорит с хозяином. Оказывается, шамана здесь нет. Одна из родственниц хозяина, действительно, занимается шаманским ремеслом, но она давно уже не живет в этой местности.

Тогда я еще не знал, что все дома в Корее, где проживают шаманки, помечаются особым образом: над крышей устанавливается длинный шест, на вершине от которого прикрепляются белая и красная ленты (или небольшие флажки). Ничего подобного на этом зажиточном доме не было.

Немного разочарованные, мы вернулись в деревню Чунбан. Девушки-студентки приготовили ужин, где была и жареная картошка с луком — блюдо совсем не корейское, но уже приживающееся в некоторых сеульских домах. После ужина студенты, и девушки и юноши, вместе отправились на кухню «Павильона для престарелых» мыть посуду, а в углу большой комнаты, там, где мы ужинали, расположились профессор Юн и старик по имени Син Сонхо. Я был тут же, на любимейшем мне месте под сломанными настенными часами, в некотором отдалении от говоривших. Однако это не мешало мне с интересом вслушиваться в речь старика:

«Да, важная это вещь — сыновняя почтительность. Ведь родители дали нам жизнь, наше тело, благосостояние. Поэтому мы должны уважать их. А после смерти надо совершать церемонии кормления духов умерших родителей, и вообще помнить о предках. У нас в деревне все верят в существование духов предков. Так принято. Так нас учили.

А современная молодежь — как мотыльки-однодневки. Живут одним днем. Ни о прошлом не думают, ни о будущем. И распустились совсем. Ехал я как-то в автобусе и слышу, как одна молоденькая девочка спрашивает другую: «А ты купила мне сигареты?» Ну что же это такое?!

А разводов теперь сколько стало! Я думаю так, с женой надо жить до конца, до самой смерти. И не важно, любишь ты ее или нет, живешь мирно или ругаешься, калека она или красавица. И только тогда государство будет крепким.

Все это — наше традиционное конфуцианство. Очень мудрое учение, и нельзя его вот так просто выкидывать на помойку...»

И так за беседой время незаметно подошло к одиннадцати вечера. Я вышел на улицу. Перед «Павильоном для престарелых» крутились детишки, а какой-то молодой деревенский парень пытался заманить меня на рюмочку водки. Как всегда оказавшийся к месту профессор Юн отсоветовал:

— Не нужно ходить с ним. Это не то чтобы опасно, но лучше не ходите. Лучше отправимся спать.

Студенты в это время подметали перед сном полы, усеянные мошкаррой, слетающей на ночной свет. И никакие сетки ей не помеха. Студенты расположились на ночь прямо на полу. Однако мне и профессору Юну нашли подстилки и одеяла. Меня очень заинтересовали деревянные колобашки, сложенные в углу — традиционные корейские «подушки». Старики иногда спят на них, отдыхая в дневную жару. Я тоже решил попробовать себя в роли настоящего корейца, но через

десять минут голова заболела, и я положил под голову свой походный рюкзачок. Несмотря на жару, сон пришел быстро.

День третий, 23 июня 1995 года

Утро выдалось солнечным и не очень жарким. Умывался и чистил зубы под краном, расположенным во дворе у «Павильона для престарелых». Площадка перед краном с холодной водой цементированная. Рядом стоят несколько пластмассовых тазиков, куда следует наливать воду и уже затем умываться. Мыться из крана не принято. Это элемент корейской культуры умывания. Одно время мне казалось, что такой способ умывания как-то связан с экономией воды. Однако, как я выяснил позже, воды при таком способе потребляется ничуть не меньше, чем если бы вода из крана лилась не очень сильной струей. Просто уже в течение тысячелетий корейцы умываются, сидя на корточках и поливаясь из плошки. И традиция эта сохраняется даже в современных домах, там, где есть ванные и душ. Также набирают воду в тазик, садятся на корточки и обильно поливаются водой. И еще одно поразило меня. В «Павильоне для престарелых» есть кухня, а значит, есть там и краны с водой. Однако никто не умывается там, даже не чистит зубы. Место для приготовления пищи с мытьем несовместимо.

Итак, позавтракав и собрав вещи, наше 6-е звено отправилось на автобусную остановку. Оттуда наш путь лежал в селение Токсан — центр одноименного округа, чтобы затем продолжить путь в селение Сончжанни, где, по сведениям чиновников из Отдела культуры окружной администрации, проживал дед, знающий много песен и легенд.

Приехав в Токсан, спрашивали прохожих, как попасть в деревню Сончжанни. Судя по карте, она находилась совсем недалеко от окружного центра. Одни говорили, что идти туда минут сорок, другие — пару часов. Так или иначе, вышли на узкую бетонную дорогу, которая вела в нужном направлении и побрели по жаре вдоль невысоких холмов. Мимо нас проехал легкий грузовик белого цвета и почему-то остановился. Водитель вышел и обратился к профессору Юну, как самому старшему, не группа ли это студентов из университета Тангук. Удивительно, как быстро распространяются слухи. И селение, вроде, не такая уж глубинка, все атрибуты современного технического прогресса здесь налицо. Однако традиции... Спросил, куда мы следуем и, услышав название деревни, предложил подбросить туда. Студенты дружно забрались в кузов, профессор Юн и кто-то из студенток сели в кабину.

Водитель вел грузовик очень осторожно, и встречный ветер приятно освежал в эту невыносимую жару. Дорога заняла около получаса. Страшно было и подумать о том, как бы мы шли пешком. Расставаясь, водитель пригласил зайти к нему домой после окончания опроса местных жителей. Как оказалось, сам он тоже был из этой деревни.

Визит к деду Пак Тону, который якобы знал много песен и легенд, принес одни только разочарования. Оказывается, он был известен местной администрации только потому, что часто во время летних каникул принимал студентов из провинциального университета Сонсиль, которые на несколько недель останавливались в деревне, а он их учил уму-разуму насчет традиционной сельской жизни. Легенд и песен он знал мало. Рассказал, между прочим, о том, что в окрестностях деревни есть могила лошади полководца Ли Ёнгун, которая, говорят, умела скакать быстрее стрелы и помогала своему хозяину одерживать победы во всех сражениях. Однако все это уже было известно профессору Юну из краеведческих справочников. Напел он и мелодию «песни работников» — *сансориккун*, у которой есть лишь припев, состоящий из звукоподражаний, а сам текст песни придумывается по принципу: «что вижу, о том и пою». Такие песни не особенно интересовали студентов. А в заключение своих пространных речей он сказал:

— Если вы хотите узнать что-то старинное и малоизвестное, вам нужно ехать в восточные провинции — Канвон и Кёнсан. А у нас что... У нас ничего не осталось. Никаких церемоний жертвоприношений Небу у нас нет, злых духов не выгоняем.

И, тем не менее, кое-что интересное увидеть удалось. Продолжая свое пессимистическое заключение, старик Пак сказал:

— Правда, есть и у нас кое-что. Была около деревни раньше река, и было два камня в ней, большие такие. Их прозвали «большая скала». И думали люди, что камни эти приносят счастье. Поэтому, кстати, и основали здесь давным-давно деревню. А вот недавно решили проложить дорогу и изменили русло реки. Камни оказались в стороне от течения и заросли в конце концов тростником. Невидно их стало совсем. И с тех пор стала жизнь в деревне хуже. Ох уж эти власти! Совсем перестали уважать традиции, прислушиваться к мнению стариков! А вы не хотите их посмотреть? Я думаю, их обязательно нужно посмотреть. И сделайте, пожалуйста, фотографию. Скажите словечко, где надо.

Итак, вышли мы вслед за стариком и отправились к дороге. По пути старику Паку встретился односельчанин. Пак объяснил, куда мы

идем. Тогда односельчанин вдруг как-то нахохлился, лицо его покраснело, и он стал крепкими словами, бурно жестикулируя, ругать власти и причитать, мол, что же это сделали с деревней, совсем жизни не стало, как засыпали камни.

Мы перешли через дорогу. Где-то в ямах, буйно заросшие, едва проглядывали два небольших камня, размерами с половину легкового автомобиля.

Узнав, что недалеко в окрестностях ведутся раскопки, мы пошли туда. В углу площадки, местами размеченной, стоял тент, стулья под ним, рядом палатка. На столах под тентом — неубранные арбузные корки. Археологи, очевидно, ушли на обед, и узнать что-либо о раскопках так и не удалось.

Пора было обедать и нам. Медленно поплелись в сторону деревни. Студенты срывали по дороге малину. Предложили немного и мне. Профессор Юн отстал по дороге, и потом мы долго ждали его у дома старика Пака. Он, оказывается, вместе с теми, кто не пошел к камням и месту раскопок, нашел интересного информанта и занимался записью легенд. Мы же, большая часть звена, ждали под навесом дома около часа. Устав сидеть, я пошел прогуляться и обнаружил свалку старых холодильников, вполне еще пригодных к эксплуатации, но устаревших и потому немилосердно выброшенных.

Наконец, пришел довольный профессор Юн, и мы отправились в дом к Ли Хынсоку — водителю грузовичка, что подвез нас до деревни.

Во двор, окруженный с четырех сторон одноэтажными традиционными жилыми и хозяйственными постройками, вели ворота. На улице сидела старенькая бабушка и разбирала овощи. Как и полагается, сняв обувь, мы вошли в дом, расположились на полу. Сразу обратили внимание на потолок, где практически по всей его площади из сигаретных коробок были выложены красные иероглифы «счастье» (сигареты марки «Сосна») на голубом фоне (сигареты марки «88»). На стене точно таким же экстравагантным способом был выложен девиз семьи, пожалованный знаменитым государем Сечжоном, создателем корейского алфавита, еще в XV веке. Очевидно, хозяин дома происходил из старого рода местных аристократов. Пока его жена готовила нам обед, хозяин показал альбомы с фотографиями местных достопримечательностей, потом появился альбом с марками. Хозяин попросил меня уточнить страну происхождения некоторых из них. Затем он повел нас в свой «кабинет», где показал рукопись романа, написанного им еще лет двадцать назад, свои стихи, а также различные квитанции, например, за оплату электроэнергии за последние десять лет.

Впечатление от визита было более чем странное. Однако литературные начинания хозяина дома лично у меня почему-то не вызывали сочувствия. Профессор Юн, тем не менее, подробно записал личные данные хозяина, чтобы затем сообщить о нем в университет. Мне он объяснил, что в Корее интересуются такими «деревенскими самородками», и иногда даже помогают им.

За обедом Ли Хынсок рассказал, что деревня отличается тем, что всякая женщина, выходящая замуж за местного мужчину, обязательно рождает мальчиков. И это — большое достоинство деревни.

Действительно, для Кореи с ее культом предков до сих пор очень и очень важно иметь в семье именно мальчика. Церемонии поклонения духам предков может совершать только мужчина. Родословная ведется также по мужской линии.

После обеда, угощая кофе, хозяин сообщил, что все жители этой деревни очень любят кофе и когда уходят в поле на работы, обязательно берут с собой термос с этим напитком.

А надо сказать, что на юго-западе Кореи до сих пор встречаются селения, где невозможно купить ни кофе, ни кока-колу по той простой причине, что жители их просто не пьют.

Итак, обед закончен, сделана фотография на прощанье, и хозяин на своем грузовичке везет нас до окружного центра Токсан, откуда мы на рейсовом автобусе продолжаем путь в уездный центр Чинчхон. Экспедиция практически закончена. Сегодня вечером еще предстоит общий торжественный ужин, где студенты должны будут отчитаться о проделанной работе. Завтра все вместе, все восемьдесят человек экспедиции, будут тренироваться в снятии копий с надписей на каменных стелах. Но это будет завтра.

А сегодня до семи часов вечера свободное время. В семь все должны собраться в том же ресторане у «штабной» гостиницы, в котором проходил первый обед фольклорной экспедиции.

Время летит быстро. Вот и семь часов. Однако на столах есть нечто, отличающее ужин сегодня от обеда 21 июня. Это — корейская 25-градусная водка *сочжу*. Студенты отчитываются как-то скромно, не показывая и трети проделанной работы. Еще мало опыта. Однако все выступления сопровождаются теплыми аплодисментами. Произносит заключительную речь начальник экспедиции профессор Ю. Приступаем к ужину. Я, естественно, сижу за столом с профессорами. Ем, пью, а потом начинается нечто неожиданное. К столу профессоров подходят студенты, каждый с бутылочкой в руках, наливают своим преподавателям по рюмочке, громко называют свой имя и курс

и предлагают выпить. Я в недоумении. Сидящий рядом со мной профессор Юн объясняет:

— Дело в том, что во время учебного процесса отношения между студентами и преподавателями очень официальные. К тому же у профессоров нет возможности как-то ближе познакомиться со студентами. И это у них, студентов, единственный шанс представиться, как-то запомниться тем, кто будет их учить, принимать экзамены.

Постепенно столы пустеют. Кто-то уходит раньше, кто-то еще проносит последние тосты. Наконец, студенты подходят к преподавателям и предлагают за их студенческий счет сходить в салон караоке — *норэбан*, попеть песен, еще выпить немного. Профессора соглашаются, и каждый идет в то звено, с которым проводил экспедицию. Я с профессором Юном — соответственно в звено № 6.

Корейские салоны караоке везде одинаковы: и в Сеуле, и в самой отдаленной провинции. Узкая лестница на второй или третий этаж невысокого здания, в котором может находиться еще ряд заведений досуга. При входе — узенький холл со стойкой и видеоаппаратурой, откуда хозяин управляет всем салоном. За холлом — коридор со множеством дверей в небольшие комнаты, оклеенные обоями темных тонов. ВIDEOSистема с программой заказа песен в каждой. У стен — диваны и стулья. Посередине — стол, где лежит список песен. Два микрофона.

Обычно перед тем, как зайти в комнату караоке, клиент заранее оплачивает время нахождения в салоне: полчаса, час или более. Курить и распивать спиртные напитки в таких заведениях запрещено, но иногда хозяин на свой страх и риск разрешает употребление спиртного, что грозит ему закрытием заведения в случае, если он попадется полиции. После того, как песня заказана, на экране монитора строка за строкой появляется ее текст, звучит музыкальное сопровождение. Фоном для текста в лучшем случае служат картинки из области спорта или пейзажи, в худшем — кадры из шоу «Мисс побережья», которые, как правило, совсем не соответствуют лирическому содержанию песен. После окончания исполнения песни компьютер выдает на экране монитора оценку по 100-балльной системе с комментариями вроде: «поздравляем с рождением новой поп-звезды!» Корейцы великолепно поют. Однако, по моим наблюдениям, оценки, выдаваемые компьютером, редко соответствуют реальному мастерству поющего. Тем не менее все посетители очень довольны и при желании за небольшую плату могут получить даже кассету с записями голосов участников похода в *норэбан*.

День четвертый, 24 июня 1995 года

Последний день экспедиции выдался каким-то формальным и не столь интересным, как предыдущие. Я проснулся в 7.30 и, помня удовольствие мною профессоров в первый день моего ночлега, быстро собрался. Завтракали в том же ресторане, специализировавшемся на похлебке из морепродуктов *хэчжангук*, что и во второе утро поездки. После завтрака, без каких-либо происшествий, все участники экспедиции сели в автобусы и отправились в южную часть уезда Чинчхон к конфуцианскому храму «Сонганса», где студенты должны были практиковаться в снятии копии с каменной стелы.

Для меня это было очень интересно. Сразу вспомнились таинственные белые иероглифы на черном фоне — так выглядит отпечаток-копия, снятая с твердой поверхности. Подобная есть и в секторе Дальнего Востока Института востоковедения в Санкт-Петербурге. Я знал, что знаменитый китаевед академик В. М. Алексеев делал такие копии в Китае почти столетие тому назад, но не слышал, чтобы кто-либо из отечественных корееведов имел подобный опыт. К тому же теперь это стало делать гораздо сложнее. Все исторически ценные стелы находятся на государственном учете. Производство каждой копии в какой-то степени негативно отражается на состоянии памятника. Поэтому, прежде чем приступить к копированию старинных надписей, высеченных на камне, нужно получить официальное разрешение. А при выдаче разрешения власти смотрят на то, действительно ли вы настолько квалифицированы, чтобы сделать копию хорошо, не повредив памятник.

Зачем делают такие копии? Во-первых, читать текст, написанный на древнекитайском языке, бывшем официальным языком делопроизводства в Корее вплоть до конца XIX века, удобнее сидя дома, нежели находясь где-нибудь в сопках. Во-вторых, иероглифы часто просто плохо различимы, сливаются с фоном, в особенности на очень старых стелах. На копии надпись выглядит гораздо четче.

Итак, приехав на место, студенты вышли из автобуса и дружно принялись за дело. Кто-то пошел за водой, кто-то принес лестницу. Сначала стали мыть стелу, поставленную в честь известного поэта и конфуцианского ученого XVIII века Чон Сонгана. Одновременно студентки, разложив на земле газету, стали готовить тушь. Далее чистый памятник смочили водой и наложили сверху особую корейскую бумагу для снятия копий, кисточками «приклеили» ее с помощью той же воды. Затем стали особыми щетками «вбивать» бумагу в камень, так, чтобы проступили иероглифы. Закончив эту работу, особыми

валиками-мешочками с чумизой внутри, смоченными в туши, стали равномерно проходиться по всей поверхности памятника так, чтобы образовывался черный фон и белые иероглифы в выемках.

Начинали все операции профессора. Далее под руководством ассистентов пробовали студенты, в том числе и я. Работа шла дружно, весело, несмотря на то, что все очень устали за дни экспедиции. И вот копии сняты, разложены на просушку. Наступило время обеда.

Из автобусов достали нечто вроде сухих пайков, стали раскладывать под огромным деревом, где были сооружены столики для туристов, посещающих стелу. Сухой паек, или по-корейски *тосирак* — «пища с собой» — это пластиковая коробочка прямоугольной формы, в которой обязательно есть рис, корейская капуста *кимчи*, ну а далее — исходя из средств и вкусов клиента: мясо, рыба, редька, перец или что-то более деликатесное вроде креветок.

Честно сказать, я уже был очень голоден к этому времени и краем глаза посматривал на профессоров, закупивших в магазинчике при храме несколько бутылок пива и уютно располагавшихся под навесом, несколько в стороне от всей компании студентов. Однако сегодня никто уже не звал меня к столу преподавателей. Немного в растерянности стоял я так между студентами и профессорами, пока одна девушка из моего 6-го звена, с волосами почти до пояса, не подошла и не позвала меня:

— Учитель, пойдемте есть с нами, с нашим 6-м звеном!

Меня не нужно было просить дважды.

Поев и собрав мусор в коробки из-под сухого пайка, студенты сфотографировались на память на фоне стелы и по команде профессоров расселись по автобусам. На обратном пути практически все спали. У кампуса университета Тангук в городе Чхонан также сделали общую фотографию. Студентов собрали на небольшой инструктаж. Мне же профессор Юн сообщил, что один из двух автобусов, привезших нас, пойдет дальше в Сеул, и я могу спокойно поехать на нем.

Долго ждать не пришлось. Всего в Сеул ехало человек двадцать студентов. Остальные жили, видимо, в общежитии чхонанского кампуса. Я сел на переднее сиденье, расслабился было, как ко мне подошла студентка и сказала:

— С вас 2 тыс. вон за дорогу. Мы все собираем водителю по две тысячи,

Я раскрыл кошелек, передал нужную сумму, а вскоре уже дремал, утомленный жарой и монотонностью дороги.

4. Некоторые комментарии к поездке в фольклорную экспедицию в провинцию Северная Чхунчхон

а) Деревенское гостеприимство

Жители корейских деревень отличаются особым гостеприимством (по отношению к своим согражданам, естественно). Такого уже не найдешь в современных городах. Монах храма «Соннимса» (성림사) и его «домработница» не только пригласили членов экспедиции в помещение передохнуть, но и угостили корейской капустой *кимчи*, корейскими хлебцами *тток*, дали возможность воспользоваться кухней для того, чтобы разогреть корейскую лапшу быстрого приготовления *рамён*.

В деревне Очжими (어지미) старик Кан Вончжу (강원주), рассказывая о местных преданиях и легендах, угостил участников экспедиции *корейской вишней*.

Ли Хонсок (이홍석) из деревни Сончжанни (성장리) возил участников экспедиции на своем грузовичке, пригласил к себе домой и даже накормил всех обедом.

Хозяева фермы, что расположена рядом с храмом «Соннимса», также угостили студентов чашечкой кофе.

б) Церемониальное вино

По сообщению профессора Юн Чжупхилия, в церемониях кормления духов предков *чеса* (제사) могут применяться три вида так называемого «церемониального вина» (祭酒).

Если церемония совершается по отношению к предкам королевской семьи, то так называемое «вино» — это обыкновенная вода, именуемая «черным вином» *хёнчжу* (玄酒).

Для стандартной семейной церемонии кормления духов предков используется легкая рисовая настойка желтоватого цвета на травах с небольшим, всего 6%, содержанием алкоголя, называемая «лекарственным вином» *якчу* (藥酒) или «чистым вином» *чхончжу* (淸酒).

Кроме того, в отдельных случаях в качестве церемониального вина может употребляться и рисовая брага *макколли* (막걸리), также с небольшим содержанием алкоголя. Она белого цвета и имеет осадок из рисовой муки. Иногда ее еще называют «мутным вином» *тхакчу* (濁酒).

в) Положение рук при поклоне в позе «сидя на коленях» с касанием пола лбом

При поклоне живому человеку (отцу, матери, старшему по положению) правая рука должна лежать поверх левой.

При поклоне мертвому (духу предка) левая рука должна находиться поверх правой.

г) Почему в основании стел часто находятся каменные изваяния черепахи

По сообщению профессора Юн Чжупхилия, каменное изваяние черепахи как постамент для памятных стел «служит» двум основным целям. Во-первых, это «обеспечивает» стеле ее долгое существование. Черепаха живет долго, тем более каменная, поэтому она может «способствовать» сохранности стелы на протяжении многих веков.

Во-вторых, черепаха отгоняет от стелы разного рода «злую силу» (악 (厄)을 물리친다).

Записано 24 июня 1995 года

д) Модернизированные деревенские туалеты — «очко»

В уезде Чинхын провинции Северная Чхунчхон в деревнях очень часто встречаются традиционные туалеты типа «очко», усовершенствованные весьма необычным образом. В целом они такие же убогие и имеют ту же конструкцию, что и везде в мире: небольшое отдельно стоящее помещение с дверью, посередине его — круглое отверстие, внизу — яма. Однако поверх отверстия устанавливается некое пластмассовое сооружение, имеющее две створки, закрывающие его. Около створок есть особо выделенные места для ног. Если наступить на «места для ног», то створки автоматически откроются. Благодаря такому усовершенствованию воздух в туалете чище и практически нет мух.

Записано 7–8 сентября 1995 года

**5. Вторая фольклорная экспедиция
в провинцию Южная Чолла уезда Чанхын со студентами
и преподавателями Университета Тангук 24–27 июля 1995 года**

Предисловие

Вторая экспедиция июля 1995 года уже не явилась для меня такой неожиданностью, как первая. Я теперь знал, что ожидать, как к ней готовиться. Однако были в этой экспедиции и свои особенности. Во-первых, несколько иными были цели: не только запись народных песен, преданий и легенд, но и поиск новой рукописной и ксилографической литературы, которая есть в провинции у частных владельцев и которая могла бы представлять интерес для изучения родной истории и культуры. Именно поэтому в эту экспедицию решил лично отправиться известный читателю профессор родной словесности Хван

Пхэган, являющийся крупнейшим специалистом Южной Кореи в области традиционных памятников письменности. Иным был и состав экспедиции. На этот раз все студенты и профессора представляли два факультета *столичного* кампуса Университета Тангук (檀國大學校): Факультет традиционной литературы (고전문학부) и Факультет родной словесности (국어학부).

Поскольку местом полевых исследований фольклорной экспедиции (второй для меня, но 78-й для студентов университета) была самая южная часть Корейского полуострова, то решено было добираться туда сначала поездом до города Кванчжу, а оттуда на рейсовом автобусе до уезда Чанхын (全羅南道 長興郡).

День первый, 24 июля 1995 года

Участники экспедиции должны были собраться к 8.30 утра на Сеульском вокзале в зале отправления. В отличие от первой экспедиции, студентов было совсем немного — человек тридцать-сорок. Это и понятно. Сеульский кампус значительно меньше Чхонанского.

Сначала стали собираться преподаватели. Профессор Хван Пхэган пришел одним из первых. Однако в общении со мною был несколько более сдержан, чем обычно. Я сразу получил отпечатанный на принтере план экспедиции и погрузился в его изучение. В нем не только указывался распорядок и состав экспедиции, но и давались краткие аннотации к тем историко-культурным объектам, которые предстояло посетить.

Сеульский вокзал — это сооружение, заслуживающее особого описания³⁵. Здание его состоит из двух частей. Фасад, обращенный к площади, построен еще при японцах в «имперском» стиле. Однако основная часть вокзального сооружения находится над железнодорожными путями, являясь как бы мостом, соединяющим две части города. Это вполне современное здание с огромным залом ожидания, билетными кассами, кафе, ресторанами и универмагом на втором этаже.

Когда все участники экспедиции собрались, раздали билеты, в которых были указаны номер вагона и места. Корея — страна небольшая; дорога на поезде занимает самое большее 4 часа, поэтому все поезда с местами только для сидения. Однако без билета вас могут не пустить на платформу при посадке в поезд или не выпустить с территории вокзала после окончания поездки. То есть билет на по-

³⁵ В настоящее время (2010 год) описываемые здесь старые постройки Сеульского вокзала используются исключительно как музейные и торговые площади.

езд в Корею проверяется дважды, причем второй раз, при выходе, он изымается у пассажира³⁶.

Дорога до Кванчжу занимает более трех часов. Студенты, да и большинство преподавателей, коротали дорогу, созерцая сны. Я же беседовал с профессором Хван Пхэганом о корейских мифах, в частности о тех, где наблюдается влияние буддийских сюжетов. Было необычайно интересно, но очень хотелось спать, так как ночь накануне экспедиции я спал всего три часа: нужно было тщательно собраться в дорогу и сказалось волнение.

Уже на вокзале в Кванчжу участники экспедиции разделились на две самостоятельные группы: Факультет родной словесности отправился по своему заранее определенному маршруту, а я вместе с Факультетом традиционной литературы — по своему. Встретиться нам предстояло во второй половине дня 26 июля, уже на обратном пути в Сеул.

Поездка на обычном рейсовом автобусе из Кванчжу до города Чанхын — административного центра одноименного уезда, заняла несколько часов и прошла быстро и незаметно. Из небольшого сугубо функционального, то есть не имеющего заметных архитектурных отличий от окружающих, здания автовокзала, прямо с вещами, направились в Администрацию уезда Чанхын (장흥군청) — неизбежный шаг перед началом любой экспедиции в провинции. И это не просто формальное извещение властей о прибытии студентов и профессоров и предполагаемом маршруте экспедиции. Визиты в районную администрацию могут оказать реальную помощь в собственно научных изысканиях. Во-первых, в них есть специальные «отделы культурной информации» (문화공보사무실), в которых работают люди, прекрасно знакомые с местной историей и традициями. Во-вторых, в таких уездных администрациях есть обширные библиотеки, в которых собраны уникальные местные издания по истории и культуре, часто отсутствующие в столице.

Итак, я, профессор Хван Пхэган и еще три профессора отправились внутрь внушительных размеров четырехэтажного здания администрации. Студенты остались ждать на улице. Сначала мы прошли в Отдел культурной информации. Профессора представились одному из работавших. Нам предложили чаю. Чай в Корею подают зеленый, в миниатюрных (по-нашему — чуть ли не «кофейных») чашечках, и почему-то всегда чуть теплый. Через некоторое время пришел начальник отдела. Профессора сообщили о цели своего визита, после чего нас пригласи-

³⁶ В настоящее время (2010 год) порядок посадки и высадки стал гораздо проще, и билеты не проверяются столь строго, как это было в середине 1990-х годов.

ли пройти в библиотеку провинциальной администрации — большой зал со столами для заседаний посередине и стеллажами с книгами по периметру. Две молодые женщины сидели за столами и занимались каталогизацией библиотеки. Между профессорами и представителем администрации завязалась оживленная беседа.

Сначала наш провожатый представил местные книжные издания: серию, описывающую историю уезда с незапамятных времен и до наших дней — *кунги* (郡記), отдельное собрание, посвященное средневековым государственным конфуцианским школам *хянгёчжи* (鄉校誌) уезда Чанхын, а также сборник рассказов писателей — выходцев из уезда.

Затем кто-то из профессоров спросил о корейских родах, ведущих свое происхождение из уезда Чанхын. Ими оказались фамилии Ма (馬) и Лим (林). Далее разговор зашел о местных достопримечательностях, которые следовало бы посмотреть во время настоящей фольклорной экспедиции.

После уездной администрации нам еще следовало нанести визит в особое Управление культуры (문화원), которое располагалось в другой части города, куда мы отправились пешком. По дороге я отметил, что в этом южном городе Кореи население довольно активно пользуется велосипедами. Есть даже особые велосипеды для полиции с соответствующей надписью на раме.

Визит профессоров в Управление культуры — одноэтажное здание, выкрашенное белой краской по штукатурке — был очень долгим и скучным. Снова бесконечное сидение в кабинете и ожидание начальника. Наконец, начальник управления пришел, поговорил с профессорами о том о сем и выдал справочную литературу об уезде Чанхын.

Но наконец-то формальная часть поездки закончилась. Студенты, находившиеся все это время снаружи, «поймали» где-то небольшой автобус, который довез нас до первой цели экспедиции — частной конфуцианской школы *совон*, основанной в 1698 году в честь конфуцианских ученых — братьев Мин Чончжуна (閔鼎重, 1638–1692) и Мин Ючжуна (閔維重, 1630–1687). В 1726 году школа указом государя получила название «Ёнгок совон» (淵谷書院), что значит «Палата книг Ущелья потока».

Совон находился на окраине уездного центра Чанхын, и дорога туда заняла всего около двадцати минут. Когда мы туда приехали, было уже довольно темно. *Совон* представлял собой территорию, огороженную забором, на которой находилось несколько небольших одноэтажных зданий, выстроенных в традиционном стиле. И ворота, и двери помещений — все было заперто на замок. Однако к приезду нас ожидал смотритель *совона*, который и открыл помещения.

Несмотря на то, что уже наступила темная южная ночь, студентам предстояло выполнить довольно сложную работу: отпечатать ксилографическим способом предисловие к «Собранию сочинений Нобона», доски оригинала которого хранились в *совоне*. (Нобон — это литературный псевдоним ученого Мин Чончжуна.) Местом хранения печатных досок был небольшой деревянный павильон, площадью около 8–10 квадратных метров с деревянными решетками вместо окон и стен. Студенты зажгли огромные туристские фонари и стали переносить доски из хранилища к главному зданию школы. В нем было электрическое освещение; недалеко находился водопровод, что позволяло даже глубокой ночью заниматься ксилографической печатью.

Как выглядит ксилографическая доска? Это деревянный прямоугольник размером примерно 30 на 40 сантиметров, на котором с двух сторон вырезаны иероглифы. Он называется *мокпхан* (목판). С двух краев к доске прикреплены два бортика *магури* (마구리). Одна из их функций — обеспечивать доступ воздуха, то есть вентиляцию поверхности доски во время ее хранения. А хранятся доски, будучи сложенными в огромные штабеля, одна на другую. Без бортиков поверхности досок соприкасались бы друг с другом, что в условиях жаркого и влажного лета привело бы к гниению дерева.

Итак, как происходит печать? Прежде всего, необходимо очистить поверхность печатной доски специальной щеткой. Одновременно готовится тушь. Тушь на дальнем Востоке действительно нужно *готовить*, так как производится она в виде твердого черного бруска, который перед употреблением растирают на особой растирочнице, добавляя в образующийся порошок воду. Во время растирки для лучшего качества печати можно добавить яичный белок или порошок из сушеных трав для того, чтобы от книги исходил приятный аромат, который в то же время защищал бы ее от насекомых. Также перед печатью по размерам доски нарезается особая корейская бумага *ханчжи* (韓紙). Она действительно «особая» не только по способу изготовления. Для демонстрации ее необычных качеств профессор Хван Пхэган на моих глазах скомкал лист бумаги в кулаке, затем расправил, сказав, что через некоторое время лист примет тот же вид, что и до деформации. Сказав это, он отдал бумагу мне. Действительно, примерно через месяц бумага вернулась к практически первоначальному «новому» виду.

Итак, доска, тушь и бумага готовы. Что же происходит дальше? Непосредственно перед печатью доска увлажняется водой. Затем доску смазывают тушью, после чего два человека натягивают лист бумаги над доской, прижимая его к выступающим бортикам *магури*.

Третий участник процесса печати с помощью особой растирки *тамбо* (담보), представляющей собой мешочек, заполненный чумизой, растирает бумагу сверху до получения отпечатка. Обычно первый отпечаток с доски не очень хорошего качества и нужно сделать несколько копий с тем, чтобы печать была четкой и ясной.

Попробовал печатать и я. Ксилографическая книга, которая для меня всегда была чем-то таинственным и необычайно ценным, которая в библиотеках России выдается только в читальный зал, — создавалась моими собственными руками. И это было южной корейской ночью, в настоящей конфуцианской школе, рядом с храмом предков, посвященным Мин Чончжуну и Мин Ючжуну. Отпечатки получились хорошими и профессор Хван даже сказал мне, что «от имени Кореи выдает лицензию» на самостоятельное книгопечатание.

Для большинства студентов работа была новой. Поэтому все предисловие сочинения отпечатать не удалось, только оглавление.

Работу закончили около часу ночи. К этому времени доски были вымыты и перенесены в павильон-хранилище. Стали располагаться на ночлег. Профессора, а среди них и я, должны были спать в отдельной комнате главного здания *совона*, где студенты заблаговременно развесили марлевый полог от ночного гнуса и зажгли особые курения против насекомых. На стене комнаты я обнаружил лягушку и позвал студентов. Они тоже удивились тому, что в Корее есть лягушки, умеющие передвигаться по вертикальным поверхностям. «Непрошенного гостя» не без труда удалили.

День второй, 25 июля 1995 года

Второй день предстоял быть очень напряженным, планировалось совершить четыре переезда. В конфуцианской школе «Ёнгок» нам оставалось сделать лишь две вещи: выслушать рассказ зрителя об эксплуатации *совон* в наши дни и совершить церемонию поклона духам предков ученых, в честь которых он был основан.

Утром все проснулись около шести утра. Никакого завтрака. Он запланирован на более позднее время. А пока — время для работы. К нам пришел глава «Ёнгок совон», господин Ли Геён (李季瑢, 이계용) — полный, пожилой, уже заметно облысевший мужчина в европейских костюмных брюках темно-синего цвета и белой рубашке с короткими рукавами. Он пригласил всех участников экспедиции в учебное помещение *совона* (마루) и открыл его задние двери, за которыми открывался живописный вид на ближайшие холмы. Говорил он весьма эмоционально. Его небольшая лекция послужила хорошим

дополнением к тому, что поведал мне о *совоне* профессор Хван Пхэган еще вчера. Ли Геён говорил, что *совоны* в настоящее время играют роль скорее храмов предков, чем учебных заведений. Действительно, в них всегда есть храмы предков в честь основателей *совона*. Однако являются *совоны* и культурно-историческими памятниками. Тем не менее государство не выделяет денег для их эксплуатации. Все держится на инициативе и пожертвованиях родственников того, в честь кого основано учебное заведение. Примерно один раз в год потомки собирают деньги, которые передают добровольному смотрителю *совона*. Как правило, это один из родственников. Деньги в основном уходят на содержание храма и «школы», хотя что-то «перепадает» и самому смотрителю, который не получает никакой официальной зарплаты за свою работу. Но вчера профессор Хван говорил о *совонах* в целом. А сегодня утром господин Ли Геён сообщил нам о проблемах *совона* Ёнгок, в котором нам посчастливилось провести ночь.

Сейчас, говорил Ли Геён, очень и очень трудно поддерживать порядок в *совоне*. Не хватает денег. Есть 23 человека — члена «комитета управления *совоном* Ёнгок», все — потомки Мин Чончжуна. Но они не слишком жалуют школу (храм) своим вниманием. Приезжают всего один раз в год, да и деньги дают небольшие.

Вообще история у *совона* печальная. Во времена правления отца государя Кочжона — регента *тэвонгуна* (1863–1873), *совон* был уничтожен, и осталась лишь памятная стела, указывавшая на прежнее место его нахождения. В своем современном виде *совон* был восстановлен лет 15–20 назад. Но пока еще не оборудован нормальный туалет у жилой части строений. Поэтому и гости в *совоне* долго не задерживаются, и студенты не приезжают учиться...

Но вот уже заканчивается эта печальная речь смотрителя, и всем нам предстоит совершить поклон духам Мин Чончжуна и Мин Ючжуна, в том числе и для того, чтобы «поблагодарить» за предоставленный ночлег и возможность попрактиковаться в ксилографической печати.

Я уже давно рассказывал профессору Хван Пхэгану о том, что интересуюсь проблемой культа предков в Корее. Поэтому для церемонии поклона было решено одеть меня в традиционные церемониальные одежды. Остальные члены экспедиции — и профессора, и студенты — должны были совершать поклон в обычной «европейской» одежде.

Оказалось, что в комплексе построек *совон* есть специальное здание для хранения церемониальной одежды, куда меня и провели. С чувством таинственного трепета и не меньшего любопытства я на-

дел на себя халат из искусственного голубого шелка, черную чиновничью шляпу с подвязками и черные тканевые сапоги с загнутыми носами и красной окантовкой. Последнее мне пришлось сделать, подогнув пальцы ног, так как подходящих размеров обуви не нашлось. Однако чего только не сделаешь, чтобы получить уникальный опыт! В настоящем храме предков, в настоящей конфуцианской церемониальной одежде совершить настоящие поклоны!

Есть три вида церемониальных поклонов. Для государя — это четыре поклона подряд, для духов предков — два, для здравствующих родителей — один.

Сначала поклон предстояло сделать мне, как особому гостю, а потом уже и всем остальным. Облачившись в церемониальные одежды, через внешние ворота я зашел на территорию храма предков, отгороженную отдельным забором. И вошел я не просто так, как мне того хотелось. В храм предков всегда ведут трое ворот. Правые предназначены только для входа в него, левые — только для выхода. Средние — для передвижения духов предков. Люди через них не ходят. Поэтому я зашел через правые ворота.

В самом храме предков — одноэтажном здании, построенном в традиционном стиле, также имеется три двери с точно такими же функциями, что и ворота. Поэтому и в храм предков я зашел также через правые двери. Все двери храма предков *совона*, как полагается, были обращены на южную сторону.

В помещении уже находился хранитель *совона* Ли Геён, игравший роль распорядителя церемонии. На деревянном полу храма он растелил циновки, зажег три ароматические свечи и две обыкновенные, восковые. Затем снял футляр с деревянной таблички, вертикально стоявшей на большой прямоугольной тумбе с ножками. К табличке была приклеена полоска бумаги с именем основателя *совона*. Я все это время стоял внутри здания на пороге у входа. Ли Геён пригласил меня взойти на циновку. Не снимая ритуальной обуви, я встал по стойке «вольно» с руками по швам и ждал команды. По знаку распорядителя я сначала встал на колени, затем опустил руки, положенные одна поверх другой на пол, наклонился к рукам, коснувшись лбом пола, немного побыл в таком положении, снова встал и еще раз таким же способом совершил второй поклон. Я совершал поклон покойному и поэтому свою левую руку положил поверх правой.

Когда я закончил поклон, то меня попросили отойти в сторону к левой двери и на мое место встал молодой преподаватель Ким Ёнсу. Студенты в это время выстроились в ряд перед храмом. Снова после-

довала команда распорядителя, и преподаватель вместе со студентами также совершил двойной поклон.

Переодевшись, я спросил профессора Ким Ёнсу, почему были зажжены именно три ароматические свечи. Он пояснил мне, что цифра три в данном случае имеет два значения. Первое — это, скорее всего, символ «духа-производителя» *самсин* (三神), что в переводе как раз означает «три духа». Во-вторых, цифра «три» в корейской культуре нередко воспринимается в значении «много». Таким образом, ставя три свечи, предкам преподносят вообще, так сказать, «все, что можно предложить».

Итак, мы поблагодарили духов Мин Чончжуна и Мин Ючжуна. Студенты собрали вещи. Сделали последние фотографии. И — прощай, «Ёнгок совон»!

До городка Чанхын мы идем пешком. Оказывается, это совсем недалеко. Завтракаем в небольшом ресторанчике супом из морепродуктов (해장국). Я бы с большим удовольствием перекусил бутербродом с чашкой кофе. Но все остальные участники экспедиции очень довольны завтраком, после которого мы отправляемся на автостанцию, откуда на рейсовом автобусе нам предстоит отправиться в буддийский храм Поримса (寶林寺) в горах Качжисан (迦智山). Цель — просмотр наиболее интересных ксилографов и рукописей, что хранятся в библиотеке храма. А пока — есть немного свободного времени. Два студента из группы остались на автовокзале, чтобы присмотреть за вещами. Остальные, в том числе и я, разбрелись кто куда, условившись собраться через сорок минут.

К храму Поримса мы подъехали к 11.10 утра. Со стороны главного входа его территория огорожена каменной оградой. Между деревьями натянут транспарант с лозунгом: «Отправляясь в путь — позвони [родственникам] об отъезде, а прибыв на место — позвони [родственникам] о прибытии». Интересный лозунг. Его автор — Корейское Агентство Связи (한국통신). Смысл — не только призыв к тому, чтобы почаще пользоваться телефоном. В Корее семейные отношения настолько крепки и важны, что никакой член нормальной корейской семьи не может передвигаться вне дома, не сообщая об этом своим родственникам, с которыми вместе живет. Конечно, в последнее время семейные отношения уже начали изменяться, и связи слабнут. Наверное, Агентство решило внести свою лепту как в сохранение традиций, так и в увеличение собственных доходов.

О нашем приезде было заранее известно, и в храмовой столовой уже все было приготовлено к обеду. Монастырская столовая — сугубо

функциональное здание с цементными стенами и металлической крышей. Такое здание могло бы стоять и на стройке, исполняя функции рабочего офиса. Однако пол в нем обогреваемый, то есть ходят по нему босиком, сидят на полу, а обедают за низенькими столиками. Столики были выстроены в длинный ряд. Я, как всегда, немножко опоздал. Сел около входа, там, где попрохладнее от легкого сквозняка. Однако это мало спасало меня от невыносимой жары. После обеда один из монахов устроил небольшую экскурсию по храму, рассказывая о старинных стелах и буддийских изваяниях — достопримечательностях храма. Затем студентам предоставили свободное время, а профессора отправились изучать старинные книги. Для студентов чтение и анализ буддийских книг, написанных на древнекитайском языке, — занятие слишком сложное: не хватает компетенции. Поэтому основной работой занялись преподаватели во главе с профессором Хван Пхэганом.

Профессоров пригласили в узкое одноэтажное здание с несколькими комнатами, расположенными в один ряд, то есть дом с традиционной корейской планировкой. Комната, куда мы вошли, напоминала обыкновенный корейский офис: тут и письменные столы, и металлический сейф, и шкафы с папками отчетной документации, и телефон, и кожаные диваны для посетителей. Только хозяевами его были бритые монахи в серых кофтах с широкими рукавами и таких же широких серых штанах.

После короткой беседы хозяева принесли книги, а гости принялись за работу. Одному из монахов — высокому молодому парню с недорогими, но яркими, под позолоту часами — поручили приготовить чай. Я внимательно наблюдал за его «магическими» действиями.

Сначала он ополоснул заварной чайник горячей водой из большой пиалы. Затем налил горячую воду в чайные чашечки. Через три — четыре минуты вода из чашечек снова была слита в большую пиалу. В эту же пиалу монах добавил свежей горячей воды. Полученная таким образом «смесь» из горячей воды была отправлена в заварной чайник, в котором уже лежали листья зеленого чая. Спустя некоторое время заварка была налита в большую пиалу, которую монах снова разбавил горячей водой. После этого чай был разлит по чашечкам и предложен гостям.

Если гость хочет выпить чая еще, то в заварной чайник доливают воду, заварка из него снова переливается в большую пиалу и уже из нее чай попадает в чайные чашечки. Такая чайная церемония настолько сложна и длительна, что после прохождения всех ее этапов чай уже никак нельзя назвать горячим.

Но не слишком ли увлеклись профессора изучением ксилографов, содержание которых не всегда бывает понятно даже самим монахам? Нужно подумать и о студентах. Завершив часть работы, профессор Хван Пхэган зовет студентов и устраивает им небольшую лекцию об особенностях средневековой корейской ксилографической книги.

Ксилографы бывают двух типов: сделанные с новых досок (첫계본) и с досок, с которых уже снимались отпечатки (후세본). Знать это необходимо для уточнения датировки книги. Новые ксилографы имеют более четкую печать. В «старых» копиях в столбцах между иероглифами появляются горизонтальные черты — следы от квадрата, в котором мастер вырезал письменный знак. Кроме того, в конце книги, как правило, указывается год, когда были сделаны доски для печати. Иногда там может быть имя резчика.

Что касается дат, то здесь тоже есть интересные особенности. В принципе, корейский лунный месяц делится на три декады — «верхнюю», «среднюю» и «нижнюю» (상순, 중순, 하순), однако очень часто в текстах пишется не слово «декада», а слово «стирка» — *хан* (澣), то есть «верхняя стирка», «средняя стирка» и «нижняя стирка», поскольку в старину как раз было принято мыться и стирать один раз в десять дней. При этом служилое сословие — *янбане* — на время стирки могли получать небольшой отпуск.

Еще профессор Хван говорил, что иногда на бумаге ксилографа можно заметить прозрачные линии — «линии напряжения», которые образовывались оттого, что мокрую бумагу брали пальцами.

Однако лекция закончена. Студентам уже больше нечего делать в монастыре. А профессора еще не завершили изучение материалов. Поэтому принимается решение: студенты пойдут вперед в *совон* Кансон (江成書院), что находится неподалеку, начнут практиковаться в снятии отпечатков со стелы, а преподаватели, закончив работу, подойдут позже.

Я отправился вместе со студентами. Деревня Кынъённи (勤龍里), где находился *совон*, расположилась на противоположном берегу небольшой речки Вольчхон (月川), которая из-за проливных дождей вышла из берегов. «Мост» из камней, положенных на дно, местами был залит бурным потоком. Поэтому для перехода на другую сторону пришлось снять обувь и закатать штанины брюк.

Совон Кансон находился в самом конце деревни. Жители ее, встречавшиеся нам на улице, искоса поглядывали на столичных гостей, но не говорили ни слова. Ворота на территорию *совона* не были закрыты и мы беспрепятственно вошли туда. Замок висел лишь на воротах, отделяющих храм предков от остальной его части. *Совон* Кансон был

основан в 1785 году в честь конфуцианского ученого Мун Икчома (文益漸, 1329–1398), который был выходцем из уезда Кансон.

Не спеша, студенты подошли к крыльцу учебного корпуса *совона*, сложили вещи. И в этот момент, откуда ни возьмись, появился старик в традиционной корейской аристократической (*янбанской*) одежде белого цвета, то есть поверх кофты *чогори* на нем был надет белый халат *турумаги*. Однако шляпа на его голове была вполне европейская, белая, которая, несмотря ни на что, прекрасно гармонировала со всем национальным костюмом. Старик подошел к студентам, сел на крыльцо, раскрыл книгу — современное переиздание старинного корейского ксилографа с текстом на древнекитайском языке — и начал ее читать: сначала по-китайски, но в корейском произношении. Затем стал, что называется, «с листа» делать перевод на современный корейский язык и комментировать его. Студенты, как это и полагается при общении со старшим, без лишних слов окружили старика и стали слушать его комментарии. Как я понял, книга представляла собой историческую хронику данной местности.

Старик читал с огромным вдохновением — наконец-то в его деревне нашлись ученики, готовые воспринять старые, традиционные знания. Однако, как мне показалось, «ученикам» было довольно скучно. Некоторые из них стали постепенно отходить в сторону и готовиться к снятию копии-отпечатка со стелы, расположенной тут же.

Почувствовав настроение студентов, минут через сорок старик перестал читать свою книгу и куда-то исчез.

Студенты приступили к снятию копии-отпечатка (*тхакпюн*, 탁본)³⁷ со стелы, содержащей краткую историю образования *совона* Кансон. На этот раз в порядке их работы были некоторые отступления от правил: во-первых, стелу не мыли. Мне сказали, что она и так чистая, да и воздух чересчур влажный, чтобы ее мыть. Во-вторых, тушь не растирали, как это обычно делается, а использовали уже готовую жидкость.

Пока студенты работали со стелой, из храма Поримса подошли профессор, завершившие просмотр рукописей и ксилографов. Они попросили кого-то из студентов сходить за хранителем *совона*. Его адрес был заранее сообщен в уездной администрации. Хранителем оказался старик в традиционных белых корейских одеждах, который уже приходил к нам. Он открыл ворота храма предка, Мун Икчома. Внутрь

³⁷ Подробное описание методики снятия копий-отпечатков со стел смотрите в описании фольклорной экспедиции в уезд Чинчху 21–24 июня 1995 года.

были допущены лишь профессора и я, как почетный гость. Студенты были снаружи. Также, как и в «Ёнгок совон», профессор Хван Пхэган, его ученик Кан Чжэчхоль (강재철) и я совершили поклон предкам, в честь которых был построен храм. На этот раз уже никто традиционных одежд не надевал. Но поклоны также совершались одновременно и по команде распорядителя — хранителя «Кансон совона». В завершение нам была предложена книга почетных посетителей, где два профессора и я записали свои имена и адреса. Оказывается, такие книги есть практически во всех храмах предков. На прощание профессор Хван Пхэган передал хозяину деньги — на содержание храма и в знак благодарности за возможность снять копию со стелы.

Поели в небольшом ресторанчике у автобусной остановки за речкой, которую было уже не так страшно переходить по пути обратно. Воды не стало меньше, но появилась сноровка в перепрыгивании с камня на камень. Ресторанчик был совсем крохотный, в нем подавалась лапша с «китайским» черного цвета соусом из бобов — *чачжанмён* (자장면). Слово «китайский» я написал в кавычках не случайно. Как говорят сами китайцы, такой еды в Китае нет, но все корейцы почему-то относят это блюдо к китайской кухне.

Ели в спешке, потому что скоро должен был подойти автобус, который направлялся в уездный центр Чанхын. Следующий шел только через час. К счастью, автобус немного запоздал, и мы выехали без происшествий. Из Чанхына наш путь лежал в небольшое селение под названием Панчхон (방촌) на самом юге уезда, или на самом юге Кореи, у берегов Южного моря³⁸.

Ехали на обыкновенном рейсовом автобусе, таком, какие ходят по городским маршрутам, — с небольшим количеством мест для сидения, входом со стороны водителя для того, чтобы пассажир заранее оплатил свой проезд, и выходом посередине. За время нашего пути зашло солнце, и над Страной Утренней Свежести опустилась горячая летняя южная ночь. Мимо проносились какие-то поселки, освещенные разноцветными огнями вывесок. Слева и справа на темно-синем пространстве неба высились сопки или горы, напоминавшие курганы древних королей. В раскрытые окна автобуса врывался теплый ветер, развеивая одежду пассажиров, словно флаги. Мы ехали в романтику.

³⁸ Корейские названия морей, омывающих Корейский полуостров, отличаются от тех, которые обозначены на привычных нам картах. Желтое море называется Западным, Японское море — Восточным, а Корейский пролив и пролив Чечжу именуются Южным морем.

Но вот пора выходить. Темно. Казалось, что автобус остановился посередине поля. Куда идти? Студенты нашей группы, родом из здешних мест, заранее изучившие маршрут, немного растерялись, не зная, куда двигаться дальше. К счастью, нам навстречу вышел уже ожидавший нас заместитель старосты деревни и повел за собой, куда-то по проселочной дороге, уводившей в сторону от шоссе. Вскоре показалась сама деревня. Из-за темноты о ее размерах трудно было судить. Провожатый довел нас до небольшого двухэтажного здания, выстроенного из кирпича, оштукатуренного и покрашенного белой краской. В нем совмещалась контора деревенской администрации (방촌리사무소), а также нечто вроде клуба (회관). На втором этаже здания имелись помещения для гостей и кухня. Там нам предстояло ночевать. Однако несмотря на то, что было поздно, около половины девятого вечера, до сна еще было далеко. Предстояла беседа с местными старейшинами, за которыми отправился заместитель старосты.

Пришло около пяти стариков — все в простой одежде европейского покроя, но с «корейским привкусом»: одежда была сшита из легких светлых тканей, свободного покроя и без каких-либо следов моды. Начался долгий и немного скучноватый разговор. В помещении открыли окна, и в комнату врывался свежий ветер с моря, расположенного где-то за холмами. Вот о чем шел разговор:

... Сейчас в деревне живут в основном представители рода Ви (위魏). Всего 124 двора. Раньше было больше, 180 дворов, и молодые были. А теперь, как и во всех деревнях, остались только старики. Самому молодому человеку — 47 лет. И, скорее всего, в ближайшем будущем пустующих домов станет еще больше.

Да, нравы сейчас не те, что прежде. Вот была тут недалеко в окрестностях небольшая каменная пагода. Строили дорогу и решили пагоду поставить в другое место. А на время, до принятия решения, сложили каменные блоки на складе. Пока думали, кто-то пагоду украл. Заявили в полицию. Да что толку? Разве найдешь?

А еще в деревне очень интересные лягушки живут. Когда кто-нибудь заходит в деревню, то лягушки молчат. А когда человек выходит, то начинают громко квакать. Так было раньше. Так оно и теперь...

И врывается в окна свежий морской ветер. И течет мерно разговор. Но в беседе самое активное участие принимают лишь профессора. Студенты тихо сидят в самом дальнем углу комнаты и ни о чем не спрашивают. Такое ощущение, что фольклорная экспедиция организована не для студентов, а для профессоров. Совсем не то, что экс-

педия Чхонанского кампуса университета Тангук, когда всю основную исследовательскую работу выполняли студенты. Наверное, все дело в целях двух экспедиций: одно дело собирать народные песни и изучать диалекты, и совсем другое — искать новые литературные и исторические памятники, написанные на малопонятном студентам древнекитайском языке.

Пока я так сидел и размышлял, пришел, наконец, староста села — загорелый сухощавый старик с узким лицом, господин Ви Бонхван (위봉환). Оказалось, что, несмотря на весь свой деревенский облик, в свое время он закончил Университет Чосон, отделение Родной словесности (조선대학교, 국문학과). Тем не менее создавалось такое впечатление, что староста учился в какой-то традиционной школе конфуцианского толка, уж слишком консервативными были его взгляды. Например, он очень резко относился к современному чересчур активному употреблению слова «папа» — *анпа* (아빠), говоря:

«Когда ребенку 3–4 года и он называет отца “папа”, “папочка” — это нормально. Но в более старшем возрасте отца нужно называть почтительно — *абочжи* (아버지). А сейчас и большие лбы, обращаясь к отцу, все также зовут его “папочка”. И даже некоторые жены позволяют себе называть так отцов своих мужей. И это совсем недопустимо!

А тут еще новая мода появилась. Называют старших соучеников по школе или университету “старшим братом” *хён* (형). И даже девушки позволяют себе такое обращение! Ну как же такое возможно!»

Спросили Ви Бонхвана, а чем же он занимается, живя в деревне, ведь не сельским же хозяйством? Как ни как, высшее образование есть.

Он ответил, что занимается переводами с древнекитайского на современный корейский язык старых корейских книг, связанных с историей его родины — уезда Чанхын, района Квансан (冠山邑). Книги эти публикуются. Причем такой деятельностью занимается не только он, получивший образование в университете, но и другие его сельчане, учившиеся в традиционных конфуцианских школах.

Кстати, такие школы делятся на две категории. Одна — уже известная студентам и читателю частная школа *совон*. Вторая — средневековое государственное учебное заведение *хянгё* (鄕校), что можно условно перевести как «деревенская школа». В обоих типах учебных заведений есть храмы предков *садан* (祠堂). Однако если в *совон* эти храмы поставлены в честь реальных исторических личностей, живших в данной местности или как-то связанных с ней, то в *хянгё* храмы воздвигаются в честь Конфуция или его учеников.

Таким образом, разговор перешел на храмы предков *садан*, которыми я особо интересовался, и поэтому мне было позволено задать несколько вопросов:

— Каково должно быть положение рук при совершении поклонов в храме предков? — спросил я, уточняя уже известное мне.

— При совершении поклонов перед живыми предками левая рука должна лежать поверх правой. Совершая поклоны умершим, в храме предков, правая рука находится поверх левой. Однако для женщин — порядок противоположный.

— А как нужно двигаться, поднимаясь в храм предков?

— Когдаходишь в храм, правая нога идет вперед, а левая приставляется к ней. Когда выходишь — левая нога идет вперед, а правая приставляется. Но каждый род, а то и отдельные большие семьи могут иметь свои собственные правила совершения церемоний — *Ка каре* (家家禮). Поэтому что-то может и отличаться.

Далее разговор продолжили профессора. В частности, профессор Хван Пхэган спросил, не занимаются ли жители деревни переводами буддийской классической литературы (также с древнекитайского на современный корейский язык). На это Ви Бонхван ответил:

— Нет, просто времени на все не хватает.

Пока шел длительный, более чем два с половиной часа, разговор со старейшинами деревни, я внимательно наблюдал за поведением студентов. Как я уже сказал, они практически не участвовали в разговоре. Только сидели и слушали. Некоторые откровенно скучали. Однако за все время беседы никто из них не двинулся с места ни для отдыха, ни для перемены обстановки. В помещении находились *старшие*, занятые серьезным делом. И без их команды никто не имел права уйти. Вот вам и современная Южная Корея с «американизированной» молодежью! Кто бы мне ни говорил о том, что нравы в Корее изменились — это не так! Лишь Сеул как некий суперцентр, государство в государстве, может в некоторых отдельных случаях позволить своим жителям, особенно молодым, временно «забыть» традиционные общественные отношения. При этом всякий раз, когда любой кореец, независимо от возраста, выходит за пределы субкультуры Сеула, все традиционные особенности национального характера проявляют себя сполна.

Кстати, за все время экспедиции курящие студенты ни разу не курили днем, в присутствии преподавателей, а делали это только поздно ночью, когда никто из профессоров не мог их увидеть.

И уж если говорить о современных корейских повседневных ритуалах, то хочется отметить еще один, который ни разу не нарушался за

всю мою историю пребывания в Корее, как Южной, так и Северной: если в коридоре стоят двое, то обходить их можно только за спиной, но никак не *перед* говорящими, пусть даже для этого придется попросить человека отодвинуться от стены.

Итак, разговор закончен. Уже около 12 ночи. Пора спать. Как и в «Ёнгок совон», преподавателям выделена отдельная комната. Здесь спать удобнее, чем в *совоне*: чище, нет гнуса и даже можно воспользоваться подушками из гостиничной части «деревенского клуба». Однако за день тело настолько пропотело, что кожа уже не дышит и вряд ли можно будет уснуть, если не помыться. Но где? Душа нет. Однако студенты быстро находят выход из положения. У здания «клуба — деревенской администрации» есть небольшой канал оросительной системы. Вода в нем немного мутная, но, надо думать, чистая. Студенты моются там. Вслед за ними иду и я. Беру с собой маленький карманный фонарик, иду к каналу, шириною около двух метров, спускаюсь к квадратной «запруде», три на три метра, где расположена заслонка, регулирующая поток воды, полностью раздеваюсь. Толстые прохладные струи настоящей корейской воды, питающей рисовые поля, морской ветер, громкий шелест листьев над головой, небо, частью закрытое низкими темно-серыми торопливыми облаками. Все тело словно рождается заново. Я готов уснуть.

День третий, 26 июля 1995 года

Как всегда в подобных экспедициях, подъем был ранним, в 6.30. Завтракать отправились в ресторан неподалеку. Но это был не деревенский ресторан, а ресторан у шоссе — таких в корейской провинции очень много и все они называются *гадын* (가든) — это от английского слова garden — «сад». Конечно же, перед типовым названием «сад» всегда есть имя собственное, нередко связанное с местными достопримечательностями. Внешне такие рестораны — это небольшие одноэтажные строения, чаще всего сложенные из кирпича, с местом для парковки автомобилей. Над входом — неоновая вывеска. Тут же стоит автомат по продаже кофе, что для меня, человека с низким давлением, которому необходим кофеин, особенно летом, было чудесным спасением. Дело в том, что в настоящей корейской глубинке в продовольственных магазинах вы не найдете ни кофе, ни кока-колы. По крайней мере, так было в деревне Панчхон, где мы ночевали. Действительно, зачем старикам кофе? Зато в нем были представлены в самом разнообразном ассортименте изделия из женьшеня — уни-

версального снадобья, укрепляющего здоровье и, как считают корейцы, продлевающего жизнь.

Кстати, если уж и говорить об особенностях корейской провинции, то следует добавить еще одну деталь. В деревне нет общественного телефона-автомата, принимающего к оплате телефонные карты. Есть старый автомат, работающий от монет, да и тот находится в помещении деревенского магазина, то есть вы можете им пользоваться только тогда, когда магазин открыт. Ночью же вы оторваны от мира. Конечно, в самой деревне, в частных домах, телефоны есть. Их нет для «гостей», то есть для чужаков, которые, очевидно, не так часто посещают местных жителей.

После завтрака вся группа во главе с профессором Хван Пхэганом отправилась к небольшой речушке Чанчхон (長川), чтобы осмотреть еще одно старинное частное учебное заведение, а также попрактиковаться в снятии копий-отпечатков со стел.

Наш путь лежал вверх по горе. Недалеко от дороги протекал ручей. Кто-то из профессоров достал пластмассовый стаканчик и предложил попробовать вкус здешней воды, что мы и сделали. Тем более, что подъем в гору по жаре был довольно изнуряющим и хотелось пить. Корейцы считают, что в Сеуле вода малоприспособна для питья, в то время как горные ручьи не просто чисты, но обладают целебными свойствами.

Совон, куда сначала лежал наш путь, назывался «Чанчхончже» (長川齊). Хотя вряд ли его в полной мере можно назвать *совоном*. Действительно, по преданию эта «школа» была основана учеными из рода Ви, выходцами из уезда Чанхын. В ней, согласно тем же преданиям, во второй половине XVIII века преподавал известный ученый Ви Пэккю (魏伯珪, 1727–1798), имевший литературный псевдоним Чончже (存齊). Второй слог псевдонима как раз и вошел в название школы. Однако в ней не было храма предков, поэтому нельзя говорить, что это был *совон*. Рядом со школой находился жилой дом смотрителя. Когда мы заходили в помещения школы, навстречу нам попались около пятидесяти детей лет 12, собиравших вещи и покидавших ее территорию. Очевидно, они приехали сюда вместе со своими преподавателями на экскурсию и провели тут ночь. Так я узнал, что некоторые *совоны* могут играть роль летних гостиниц. Школа «Чанчхончже» ничем особым, по крайней мере внешне, не выделялась, за исключением, пожалуй, ее старинного учебного устава, высеченного на деревянной доске и прикрепленного у входа в один из корпусов.

Сделав несколько фотографий, носивших скорее туристический, нежели научный характер, студенты отправились дальше вверх по го-

ре к стеле, с которой предстояло снять копии. Она была очень старой, покрытой плесенью. Иероглифы местами стерлись от времени и непогоды. Стела содержала жизнеописание одного из выдающихся представителей рода Ви. На этот раз я был не просто зрителем, но и активным участником снятия копии-отпечатка. Получалось настолько хорошо, что профессор Хван Пхэган вторично «выдал мне лицензию» на самостоятельное снятие копий. Конечно же, это было сказано отчасти в шутку (хотя качество моей печати было достаточно неплохим), поскольку никто в Корее, по крайней мере по закону, не может себе позволить снимать подобные копии по своему усмотрению. Прежде, чем приступить к такому ответственному делу, необходимо получить специальное разрешение у местной администрации, которая более всего обращает внимание на степень квалификации человека, с тем, чтобы памятник не оказался поврежденным.

Так незаметно время приближалось к обеду. Все единодушно решили сэкономить деньги и перекусить быстрорастворимой лапшой *рамён* в здании клуба-администрации деревни Панчхон, ведь там была кухня и можно было приготовить взятые с собой запасы.

По дороге обратно, недалеко от шоссе, за которым находилась наша временная «штаб-квартира» (деревенская администрация), все обратили внимание на очень красивый дом, выстроенный в традиционном стиле, перед которым был вырыт пруд. Дорожка к дому начиналась с металлического стэнда на двух опорах с объяснительными надписями на корейском и английском языках — верный признак того, что имеешь дело с каким-то архитектурным или историческим памятником. Перед домом стоял автомобиль, а во дворе ходили люди: несмотря на историческую ценность дома, он использовался по назначению — в нем жили люди. И тем не менее мы решили попробовать зайти туда. Ведь одна из целей нашей экспедиции — поиск новых исторических материалов, и что-то могло обнаружиться здесь.

Дом на металлическом стэнде был обозначен как «Дом Ви Сонтхака (魏聖卓)». Очевидно, Ви Сонтхак — это нынешний хозяин. Итак, мы — профессора и я — вошли во двор, в то время как основная группа студентов отправилась вперед, к зданию администрации деревни Панчхон за шоссе готовить обед. Обратились с вопросом к мужчине, одетому в белую футболку и цветастые шорты, можно ли осмотреть дом. Сообщили о себе: кто такие, почему приехали в деревню Панчхон. Мужчина любезно пригласил внутрь, предложил присесть (естественно, на полу), угостил фруктами. Оказалось, что в его доме хранятся старинные ксилографы и рукописи, частью написанные его

предками, принадлежавшими к сословию служилого люда. Для ксилографов в доме была выделена специальная комната, где книги лежали на металлических стеллажах. Книг было несколько сотен экземпляров. Названия наиболее интересных с точки зрения профессоров сочинений были записаны, с тем, чтобы впоследствии можно было вести переговоры об их более подробном исследовании.

В той же комнате находились разные старинные предметы: керамика, шляпы, длинные трубки для курения табака, веера, корзины и многое другое — настоящий домашний этнографический музей. В особом плоском «шкафу» в две трети человеческого роста высотой был помещен портрет одного из известных предков фамилии Ви. Специально для нас створки шкафа были раскрыты, и перед нами предстало цветное изображение мужчины преклонных лет, но еще достаточно бодрого, в белых чиновничьих одеждах, с книгой в руках, сидящего, очевидно, либо у себя в домашнем «кабинете», либо в государственном присутственном месте.

Перед уходом мы сфотографировались вместе с хозяином на фоне дома. Дом был действительно необычен: подобно частному учебному заведению наружные стены его были украшены черными деревянными табличками с белыми иероглифическими надписями на них.

После обеда большинство студентов отправились в конфуцианский храм³⁹ «Пангеса» (盤谿祠), чтобы снять копию с еще одной памятной стелы. Я же, вместе с профессором Хван Пхэганом, его учеником доктором Кан Чэхолем и еще тремя студентами, решил остаться в деревне, чтобы продолжить как поиск новых письменных материалов, так и просто посмотреть на жизнь далекой корейской деревни изнутри.

Сначала мы отправились в дом старосты деревни, чтобы узнать поподробнее, у кого из местных жителей можно найти большие собрания старинных книг. Староста, так долго говоривший вчера на темы морали и нравственности, жил у самого края деревни, за которым начиналась бамбуковая роща, в большом одноэтажном доме, выстроенном в традиционном стиле. Дом был действительно большим. В первых, комнаты с обогреваемыми полами в нем были расположены

³⁹ Термин «конфуцианский храм» несколько условен, так как конфуцианство все же не является религией. Термин происходит от установившегося перевода иероглифа 祠 (廟) как «поклонение предкам». Действительно, в конфуцианском «храме» есть молельня («храм предков») в честь того или иного известного ученого. Однако такой «храм» может выполнять функции учебного заведения, подобно *совону*.

не в один, как в большинстве корейских традиционных домов, а в два ряда. Во-вторых, посередине дом разделяла огромная по корейским меркам комната с деревянным (холодным) полом, играющая роль «веранды внутри», площадью порядка 40–50 квадратных метров.

Хозяин встретил нас не слишком приветливо. К счастью, дома оказалась его жена, угостившая нас арбузами и дынями. Поглядев на то, как вяло течет разговор, хозяйка даже решила угостить нас настойкой собственного изготовления. Сходила куда-то и принесла огромную бутыл с темной жидкостью, торжественно объявив, что лично настаивала ее 7 лет на корнях полыни (쑥주). Настойку налили в маленькие глиняные чашечки, выпили. (Пили лишь профессора, совсем немножко, и я. Студентам пить не полагалось.) «Вино» мне очень понравилось. В его вкусе мне почудились и благовония храмов, и ароматы лавок, торгующих корейскими лекарствами, и запахи далеких веков. Я сказал хозяйке, что впервые в жизни пью в Корее такую благородную по вкусу настойку. В ответ она решила дать мне с собой целую бутыл, которую я обещал не пить здесь, в Корее, а обязательно увезти в Россию и наслаждаться напитком холодными русскими зимами, особенно тогда, когда в душе будет просыпаться ностальгия по Корее. Я был искренен в своих намерениях, но им, увы, не суждено было сбыться.

Бутыл с вином я получил, несмотря на раздраженное ворчание хозяина, мол, зачем ты этому иностранцу даешь такую ценную вещь. Но хозяйка сумела настоять на своем, и из дома старосты я вышел, сжимая в руках этот удивительный эликсир. По рекомендации старосты деревни мы отправились в дом к господину Ви Сонъёлю (魏聖烈). Там перед входом во двор также был установлен металлический щит, сообщавший прохожим о том, что и это строение является достопримечательностью местного значения.

Господин Ви Сонъёль встретил нас не очень дружелюбно. На вид ему было за шестьдесят. Он был одет в белую корейскую национальную кофту *чогори*, сшитую из легкой (и очень дорогой) ткани из рами (모시) и брюки традиционного покроя из той же ткани. На вопрос профессора Хван Пхэгана, есть ли дома у господина Ви какие-нибудь старинные книги, очень торопливо ответил, что у него ничего нет, что он очень занят и временем для приема гостей он не располагает. Ситуацию спас староста деревни, подъехавший несколько минут спустя на своем автомобиле. Только после его рекомендации хозяин пустил нас в дом и достал из платяного шкафа завернутые в чистую материю книги. Причина такого отношения к нам, а также весьма

странного способа хранения книг выяснилась чуть позже из беседы с хозяином.

Оказывается, в последнее время по деревням стали шастать какие-то непонятные люди, которые разными путями пытаются выудить у стариков рукописи и ксилографы. Говорят, что один раз был даже случай убийства из-за них. К самому Ви Сонъёлю приходили весьма агрессивные люди, назвавшиеся «представителями университета», и силой забрали часть его коллекции. С тех пор он стал распускать слух, что у него дома больше не осталось книг, а то, что тогда не унесли, он прячет, так, чтобы случайные посетители ничего не видели. Поэтому-то он поначалу так и отнесся к нам. Однако, поговорив немного с профессором Хван Пхэганом и поняв, что действительно имеет дело со специалистом высочайшего класса, хозяин стал очень дружелюбным и даже угостил корейскими хлебцами *тток* (떡).

В числе интересных документов профессор Хван Пхэган выделил распоряжение о разделе имущества покойного, составленное в 15-й год правления китайского императора Канси, то есть в 1677 году. Документ представлял из себя аккуратно сложенный огромный лист высотой в 60 сантиметров и длиной в несколько метров. Начинался текст большими китайскими иероглифами, естественно, расположенными в направлении сверху вниз, справа налево, по 7 иероглифов в строке. Основной текст был написан мелко, по 30 иероглифов в строке. В целом, его содержание сводилось к тому, что большая часть имущества покойного передавалась храму предков, далее в порядке очередности шли старший сын, младшие сыновья, муж дочери и так далее. В конце распоряжения называлось имя жены покойного, «заверенное» отпечатком ее руки. Правильность документа удостоверяла печать местной управы.

Ознакомившись с коллекцией господина Ви, прежде чем распрощаться, мы сфотографировались перед домом. Большой, просторный, красивый дом в традиционном стиле со спутниковой антенной у задней стены. Может быть, менее прочный, чем особняки, выстроенные из кирпича. Зато, наверно, более уютный, здоровый, лучше гармонирующий с ландшафтом и просто красивый, такой, в каком жили предки в течение тысяч лет.

Итак, экспедиция почти закончена. Мы возвращаемся в здание деревенской администрации, собираем вещи, делаем последние фотографии на память. Нам не нужно ждать вторую часть нашей группы, отправившуюся в конфуцианский храм Пангеса. Они, закончив работу, самостоятельно отправятся в уездный центр Чанхын. Туда же едем и мы. Дорога обратно уже не так романтична, как и всякая до-

рога обратно. Эту ночь мы проведем в небольшой дешевой гостинице типа *ёгван* (여관). Там же всем студентам, в том числе и той группе, что занималась сугубо фольклорной работой, предстоит отчитаться о проделанной работе. Но это после ужина. А ужинать мы будем в небольшом ресторанчике напротив гостиницы. Он настолько маленький, что все студенты не помещаются в нем сразу. Поэтому ужинаем посменно. Естественно, что я вместе с профессорами — в первую очередь.

Среди профессоров, и не только тех, кто посещал дом старосты деревни Панчхон, прошел слух, что «господину Сергею» удалось добыть у жены старосты литровую бутылку с настойкой на корнях полыни. Говорят, что по этому поводу я должен угостить профессуру. Или я жадина? Иду в гостиницу за драгоценной бутылкой. Угощаю и профессоров, и старших студентов. Пьют мои «гости» немного, но половина того, что я должен был употребить в морозные русские ночи, уже перекочевала в корейские желудки. Но мне действительно не жалко, так как удалось столько увидеть и узнать. И ведь благодаря профессору Хван Пхэгану все это для меня — бесплатно, хотя, например, студенты обязаны оплачивать часть экспедиционных расходов.

Гостиница, где мы остановились, называлась по имени города — «Чанхын». Итоговое собрание решили провести на крыше. Для Южной Кореи это нормально. Крыши невысоких кирпичных строений здесь всегда плоские и огорожены по периметру, то есть крыша является неким «балконом-площадкой». Однако электрическое освещение конструкцией не предусмотрено. Поэтому студенты установили мощные переносные фонари, расстелили газеты на цементном полу, принесли напитки и *снэк* (snack) — сушеные кальмары, печенье.

Часам к 10 вечера все собрались, рассевшись в большой круг на расстеленные газеты. Выступление начал профессор Хван Пхэган, уделив особое внимание целям фольклорной экспедиции (답사). Он сказал, что подобная экспедиция — это не просто трех-четырёхдневная поездка в провинцию с целью сбора материала. Нельзя просто так приехать, промчаться по деревням, а затем преспокойно вернуться в Сеул, благополучно забыв о людях, с которыми доводилось встречаться. Нужно обязательно написать благодарственные письма всем тем, с кем приходилось общаться, прислать им фотографии. Нужно установить прочные связи с жителями деревни. И только тогда можно считать цели экспедиции выполненными.

Слушая профессора, я понял, что основная работа с теми материалами, которые удалось найти, еще предстоит. А пока это было лишь

предварительное ознакомление, и прежде всего не с самими памятниками письменности, а, скорее, с их владельцами.

Еще профессор сказал, что такие экспедиции очень полезны также и потому, что студенты, которым учиться было тяжело или неинтересно и которые хотели уходить с факультета, после участия в таких экспедициях часто меняют свое решение и остаются.

Потом выступали другие преподаватели, а за ними — студенты. И каждый рассказывал о чем-то своем, особо запомнившемся за эти несколько дней.

После собрания профессора отправились отдыхать, а студенты остались, рассевшись кружками — по учебным группам. Я тоже пытался пристроиться к студентам. Но все же мой статус гостя профессоров не позволял им вести себя раскованно, и я поспешил удалиться в номер, чтобы не мешать. Тем более, что так хотелось принять настоящий цивилизованный душ.

День четвертый, 27 июля 1995 года

Последний день уже завершившейся экспедиции был потрачен на дорогу в Сеул. Встали около 7 утра, позавтракали в ресторанчике перед гостиницей супом с соевым соусом *твенчжан чиге* (된장찌게) — коричневатым на вид, несколько острым, одним из наиболее распространенных традиционных корейских супов.

Дорога от автостанции города Чанхын до города Кванчжу прошла для меня быстро и незаметно, потому что я сидел рядом с профессором Чон Гванхёном (전광현) и все время беседовал с ним. Профессор Чон работал с фольклорной группой, изучавшей диалекты, поэтому я с ним практически не общался. Вчера, на общем собрании, я обменялся с ним несколькими формальными фразами, почувствовав, что он ко мне относится несколько свысока, как к европейскому «профану», ничего не понимающему в корейской культуре и выставляющего себя за «ученого». Сегодняшняя беседа в автобусе изменила его пренебрежительное (стандартное для корейского корееведения) отношение ко мне, как представителю Запада. Когда в Кванчжу мы посещали местный исторический музей (국립광주 박물관), он от своего имени подарил мне купленный им альбом о музее.

Обедали в небольшом, дешевом, очень старом и, я бы сказал, не совсем приглядном «ресторанчике китайской кухни» (중화요리 식당). Хотя был в нем и какой-то романтизм старой Кореи 1960-х. Хозяева не были готовы к такому обилию посетителей. Времени на выполнение

заказа ушло очень много. И все ожидали в нервном беспокойстве, так как до поезда на Сеул оставалось совсем немного времени.

На улице сквозь типичную для корейского лета дымку светило мутное жаркое солнце. Весь мир, казалось, плавился, превращая тело и мысли в аморфную, лишённую формы и смысла массу. Тем не менее, мучаясь в ожидании лапши *чачжанмён*, я даже написал грубое стихотворение о «восточной романтике». Наконец лапшу принесли и все, с трудом успевая прожевывать пищу, быстро заглатывали ее.

Наш поезд был проходящим, шел из юго-западного порта Мокпхо и, к счастью, немного опоздал.

Пройдя билетный контроль на вокзале станции Сончжонни (송정리), что в предместьях Кванчжу, почти без сил зашли в прохладный кондиционированный вагон поезда второго класса «Мугунхва». Студенты старшекурсники, естественно парни, достали откуда-то бутылочку корейской водки *сочжу*, предложили выпить вместе мне и преподавателям. Из вежливости я принял предложение. И вскоре, как и по дороге в Кванчжу, в начале экспедиции, все уснуло и только я и профессор Хван Пхэган вели долгие разговоры о корейской культуре. Конечно же, в этой беседе я был скорее покорным слушателем, чем равным собеседником. Ибо, несмотря на мои 13 лет занятий корееведением, мне еще многому предстоит учиться в течение, я думаю, всей жизни.

1995

6. Новый старый Итхэвон

Как я люблю этот старый, грязный и не желающий обновляться торговый квартал Итхэвон, расположенный у Штаба главнокомандующего вооруженными силами ООН в Корее — в сеульском районе Ёнсан!

Вечером 8 августа 2002 года у меня появилось немного времени, и я решил проехаться по новой 6-й линии метро до торговой улицы «Итхэвон», куда я раньше всегда добирался с таким трудом: дорога пешком от станции «Самтакчи» 4-й линии метро до торгового квартала занимала 20–30 минут.

Новая линия метро, выдержанная в тонах цвета хаки⁴⁰, встретила новыми блестящими вагонами, обшитыми нержавеющей сталью, низкими потолками вагонов и сидениями как в лондонском метро: вдоль

⁴⁰ Все линии метро в Сеуле имеют отличительные цвета не только на соответствующих схемах линий, но и в интерьерах станций, в выборе цвета отдельных частей подвижных составов

стен, но не общие скамейки, а ряд индивидуальных сидений, предназначенных для каждого отдельного пассажира. Сама станция «Итхэвон» оказалась просто огромной: имеющей много ярусов, с длинными эскалаторами. Рассчитанная на посещение иностранцами, станция украшена роскошными картинами, представляющим и облик Сеула. Выход со станции расположен у гостинцы «Гамильтон» (Hamilton).

Сначала решил прогуляться по «верхней», восточной части улицы. С радостью, словно встретил старых друзей, обнаружил, что многие здания здесь те же, что были 12 лет тому назад: знаменитая дискотека «Королевский Клуб» (King's Club), автозаправка, пожарная часть, вечно закрытая дискотека «... Старз» («... Stars»), с круто уходящий вверх длинной бетонной лестницей.

Уже стемнело. Обилие торговых лавочек с теряющимися внутри кварталов узкими «коридорами» магазинов; фланирующие взад-вперед иностранцы. Изобилие дешевого товара сомнительного качества.

Но есть на Итхэвоне и новое. Это — немногочисленные лавчонки, у входа в которые вывеска: «обмен денег» (money exchange). Они работают и в 9–10 часов вечера, когда большинство магазинов уже закрыто. Решил зайти в одну из них. Помещение маленькое: полтора — два метра в ширину и метра три в длину. Слева от входа — деревянная крашеная скамеечка для ожидания посетителей. На ней сидит молодой мужчина в шортах, лет 35, в очках, беседует с другим мужчиной, чуть старше его. Я спрашиваю, меняют ли деньги. Мужчина в шортах отвечает утвердительно. Тогда я прошу поменять 100 долларов и спрашиваю о курсе. Ответает: 120 тыс. вон; это больше, чем дают в банках. Мужчина в шортах пролезает в дверь-проем под окошечком кассы (другого входа в кассу нет), принимает мои 100 долларов и без какой-либо квитанции или вопроса о паспорте вручает мне 120 тыс. вон.

Еще мне нужно купить на Итхэвоне дешевый галстук. У меня много хороших дорогих галстуков. Но я их забыл дома, а завтра — выходить в костюме на трибуну. Но как купить галстук в 9 вечера, когда практически все магазины уже закрыты? Однако упорно хожу по улице взад-вперед, обращая внимание, прежде всего, не на магазины, а на передвижные двухколесные торговые тележки, освещаемые подвешенными на проводах лампочками «рыбий глаз». Обнаружил сразу два лотка, стоящих рядом друг с другом и принадлежащих одной хозяйке — женщине лет 55–60. Она торговала дешевыми галстуками из полиэстера за 3–5 тыс. вон. В левом лотке были выложены строгие костюмные галстуки, а в правом — «прикольные», с изображениями

типа «компьютер и настоящая мышь с сыром», «белые овечки и одна черная», «смеющиеся зайцы из мультиков» и т. п. Хозяйка очень вежлива и приветлива. Посоветовала мне самый «приличный» галстук.

Обратно, в гостиницу, решил поехать с другой станции метро — «Ноксапхён», расположенной у входа в американскую военную базу. Эта станция оказалась еще более грандиозной, чем станция «Итхэвон». Под огромным прозрачным куполом находятся как бы «подвешенные в воздухе» эскалаторы, спускающие пассажира в таинственный мир картин и барельефов: на одном из подземных этажей станции находится помещение для проведения различных выставок.

На станции попробовал снять деньги с банкомата по карточке родного «Сбербанка». Получилось! Был очень обрадован этим событием, увидев за ним иллюстрацию положительных сторон глобализации, которую так любят ругать...

8–15 августа 2002 года

7. Впечатления от города Тэчжон (1)

Раньше я заезжал в город Тэчжон, что расположен в провинции Южная Чхунчхон, только проездом, и никогда не ночевал в нем. В октябре 2004 года я провел в этом городе несколько дней.

Удивительный город. Не в том смысле, что «хороший» или «плохой», а просто странный какой-то.

Жил я, как оказалось, в 8 минутах ходьбы от исторического центра города, то есть от улицы, соединяющей железнодорожный вокзал с провинциальной управой. Под всей улицей, наверное, на протяжении более километра, расположены бесконечные торговые ряды, основные покупатели в которых — молодежь.

Несмотря на то, что я жил рядом с центром, улицы моего квартала, застроенные низкими 2–3-этажными домами, были пустынные и днем, и вечером, и ночью. В особенности странным было впечатление от вечера. И людей на улицах нет, и огни в окнах домов не горят — мертвый город!

В центральном квартале тоже есть то, что вызывает некоторое недоумение. Это невероятная грязь. Кажется, весь центр города завален старой (стоптанной прохожими) бумажной рекламой, окурками, бумажными стаканчиками. И все это не убирается днями. И только у пустых и темных по вечерам лавочек местного вещевого рынка торговцы старательно выметают территорию перед своими магазинчиками.

Странный мертвый город. И кому это в голову могла прийти дикая идея переноса сюда административной столицы Южной Кореи?

24 октября 2004 года

8. Впечатления от города Тэчжона (2)

И все же Тэчжон — это не совсем «мертвый город», быть может, даже совсем не мертвый. Быть может, я просто попал в самый странный район Тэчжона — *Сонхва-дон*.

Поздно вечером, около 11 часов, я вышел погулять из своего тихого и мертвого квартала в направлении северо-запада. К своему большому удивлению, за почти деревенским кварталом я обнаружил многоэтажные офисные здания, ярко освещенные широкие улицы... по которым ездило не так много автомобилей. Но все же какая-то жизнь. Около 6 часов вечера, когда корейцы возвращаются с работы, на этих улицах даже бывают пробки...

28 октября 2004 года

9. «Европейский город» Тэчжон

Тэчжон многим отличается от городов Южной Кореи, в чем-то оказываясь ближе к европейским городам, а в чем-то — дальше.

Например, в Тэчжоне есть улицы с названиями и улиц этих много. Если в Сеуле, например, улица, имеющая собственное название — это довольно редкое явление, относящееся к известным улицам центра города, то в Тэчжоне буквально каждая «дыра» в глубине квартала называется «улицей», имеющей даже имя собственное. Правда, имена эти чуть менее разнообразны, чем, скажем в России.

Во-первых, в названиях улиц Тэчжона на конце слова всегда присутствует слово-слог «большая дорога» *ро* или «маленькая дорога, путь» — *киль*. «Дорог», имеющих схожие имена (которые расположены в одном квартале), как правило, несколько. Например, может быть «Первая Дорога родника» (샘터 1길), «Вторая Дорога родника» и т. п. Обычно максимальное число таких «дорог» не превышает 5–7.

Июль 2005 года

ГЛАВА 15. ОПИСАНИЕ ДОМОВ, ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТ

1. Корейские дома конца XX века

Первое общее впечатление от сеульских домов было такое: «та же, что и в Северной Корее манера строить “непонятно из чего”, обмазывать стены штукатуркой и выдавливать на них очертания бетонных плит, из которых, якобы, и построен дом».

Разумеется, что небоскребы в деловой части города, выстроенные с использованием заимствованных современных технологий, выглядят достаточно солидно. И все же даже в центре Сеула очень много одноэтажных домов традиционного типа. Они строятся на каменном фундаменте, на который устанавливаются деревянные столбы, промежутики между которыми обмазываются глиной. Черепичная крыша. Теплые полы. Угольное отопление. Иногда такие дома очень красивы, а иногда напоминают лачуги.

Вообще Сеул, по крайне мер его центральная часть, отличается низкоэтажностью, плотностью и миниатюрностью построек. Двухэтажные дома в «евро-восточном» стиле с небольшим садиком и гаражом — идеальное жилье, которое становится доступным все большему числу горожан.

1990

2. Кафе «Утопия»

18 апреля 1990 г. Около 23.30 отправился гулять в окрестностях гостиницы «Лотте», то есть в самом центре Сеула. Напротив нее среди шикарных небоскребов растворились улочки с одно-, двухэтажными домами, которые местами имеют весьма неприглядный вид. Еще горит свет в многочисленных ресторанчиках и магазинчиках, но посетителей уже нет. Только хозяева прибираются. Улочка, по которой я иду, освещена лишь светом неоновых вывесок, реклам, окон. Фонарей нет. Дорога кривая. Иногда попадаются кучи мусора. Вот идет кореец в бедной рабочей одежде, таща за собой двухколесную телегу с огромным грузом. Вот пара: пьяный молодой парень в обнимку с девушкой в характерном платье ресторанной гейши. Дохожу до перекрестка. Подъезжает микроавтобус с надписью «полиция» на корейском и английском языках. Из него выходят человек 7 в штатских костюмах и расходятся по улицам в разных направлениях. Вообще в городе

много полиции. Часто можно увидеть здоровенных парней в джинсах и бронежилетах, с переговорными устройствами, дубинками; иногда около них стоят щиты — белые, прямоугольные. Ресторанчики очень интересны по своему устройству: узкий, красиво оформленный выход на улицу и бесконечный лабиринт шикарного бара, уходящий в необъятную глубину. То там, то тут возникают дворы с кривыми бетонными стенами, в которых стоят машины. Такой двор часто завершается таким же кривоватым серым зданием в два — три этажа.

Иду я так по улице, и вдруг ко мне подходит группа подвыпивших мужчин. Один из них говорит, что знает меня и что все эти люди работают вместе с нами. Я не узнаю. Спрашивают сразу, не хочу ли я выпить. Но уже 12 ночи, а после 12 все кафе закрываются. Корейцы что-то обсуждают и ведут меня ко входу, довольно прилично выглядящему, какого-то ресторана. До этого они угостили меня сигаретой и буквально набили мои карманы зажигалками. Итак, заходим в огромный зал. Столы с креслами и диванчики образуют как бы отдельные «ячейки». В зале все еще есть оставшиеся посетители. В основном это молодые пары. Мы же направляемся в очень красивый низенький «бар-ответвление», что находится слева. Садимся за один из столиков, который с трех сторон окружен диваном. Вдруг откуда-то приходят две молодые женщины, одетые в национальное корейское платье *чогори* и садятся — одна между мной и «капитаном» (так называют корейцы здорового бритого молодого мужчину, одетого в черный костюм с белой рубашкой и галстуком.), а другая — слева от «капитана». Одновременно с этим приносят пиво и закуску. Это делает полный улыбающийся официант, который все время вертится около капитана и называет себя его «братом». Мне же он говорит, что коллекционирует деньги и просит как-нибудь потом принести на память советские деньги. Бокалы наполняются пивом. Тост. Корейцам что-то не нравится в женщинах, что сидят за нашим столом. Они прогоняют их, и вместо них приходит одетая в красное европейское платье девушка. Юбка короткая, с нахлестом спереди, талия перетянута черным поясом — точно-точно как платье у той девушки, которую я видел на улице, шедшей в обнимку с пьяным парнем. Она садится между мной и капитаном. Видно, что все корейцы очень хорошо знакомы с девушкой. Она вдруг берет меня за руку и говорит, что моя рука очень холодная. Корейцы постоянно подливают друг другу пива, чокаются. Они называют это словом *комбэ* — «тост». Пену от пива, что остается в бокале, выливают в пепельницу. Они наливают пиво друг другу и просят, чтобы это делал и я. Традиция, Так устанавливается дружба. Они говорят, что они —

«друзья». Работают охранниками в отделе безопасности универмага «Лотте». Все спортсмены, мастера борьбы *тхэквондо*. Сейчас они направлены на охрану артистов балета. Все время ездят с ними в автобусе и находятся во дворце спорта. Расспрашивают меня о том, как я выучил корейский язык, о Северной Корее, об СССР. Об СССР говорят с особой теплотой, чуть ли не с любовью. Очень довольны расширением отношений между нашими странами. Фамилия девушки слева от меня — Со. Еще ее называют именем Чхин-а, что значит «близкая, родная любовь», или еще к ней обращаются просто как «сестричка». Она все время подливает мне пива, насаживает на деревянную палочку кусочек ананаса, апельсина или земляничину, подает это мне, порой прямо в рот. Это ее работа, таким образом обслуживать посетителей. Но не больше. Сами корейцы в течение всего вечера все время повторяли мне, что она всего лишь «сестричка», и чтобы я ничего плохого не думал. Хотя в ее обязанности входит даже раскуривание сигарет для мужчин. Конечно, не всегда, а лишь в каких-то особых случаях. А в самом конце нашей встречи один из корейцев даже сказал мне: «Ты не думай, эта не из тех, кого можно взять с собой в гостиницу». Вообще с непривычки мне была очень удивительна такая форма обслуживания, но оказалось, что это типично для корейских пивных ресторанов, в особенности для тех, куда не принято приходить иностранцам.

Было около двух часов ночи, когда мы вышли на улицу. Выходили через какой-то черный ход на узенькую улочку. Пара корейцев ненадолго покинула нас. Потом мы пошли все вместе. Я шел посередине этой толпы, и было легко и приятно. Человека два через некоторое время распрощались со всеми, а остальные пошли провожать меня до дверей гостиницы. Улицу мы перешли вне зоны перехода. У дверей гостиницы «капитан» объяснил швейцару, почему я так поздно пришел. попрощавшись с моими провожатыми, я вошел в холл. Там было пусто. Лишь двое служащих неторопливо натирали полы.

1990

3. В гостинице «Лотте»

Очень многим русским постояльцам, а в особенности одиноким мужчинам, горничные постоянно подкидывали под дверь рекламные проспекты диско-бара гостиницы. За месяц таких проспектов набралось около 15 штук.

В каждом номере гостиницы в стандартном наборе рекламных материалов можно было обнаружить интересный свод правил поведе-

ния в гостинице. Один из пунктов гласил о том, что администрация отеля имеет право контроля за тем, кто находится в номере и может в этих целях заходить в номер практически в любое время.

1990

4. Больница «Синхва»

Больница⁴¹ под названием «Синхва»⁴² находится где-то на окраине города, в районе Ёнпхо. Это небольшое здание, стоящее на перекрестке. Облицовано белой керамической плиткой. Этажей пять. Снаружи — красивые двери из солнцезащитного темного стекла. А заходишь внутрь — типичная Северная Корея. Такие же «железные» полы, разделенные стеклянными перегородками на квадраты, кривоватые желтые двери. Стены от пола и до половины высоты покрашены какой-то блеклой краской. Остальная часть стен и потолки побелены. К столам и стульям очень хорошо подходит определение «бедные». Если бы не многочисленные плакаты и вывески, сделанные довольно хорошо, то вид был бы просто удручающий.

Слева от главного входа находится регистратура. У стен скупые металлические стеллажи с историями болезни, у которых сильно обтрепаны края. Напротив регистратуры на обшарпанной скамье сиротливо притихли ждущие пациенты. В глубине — лестницы и двери, которые никак не меняют общего впечатления от здания.

Единственное, что придает больнице современный вид — одноразовые шприцы и обилие лекарств, великолепно изготовленных, о названии которых нам и слышать не доводилось. Но за все нужно платить.

1990

5. Кафе «Ночной свет»

Читатель уже знаком с «клубом для совершеннолетних» — кафе «Утопия». 18 апреля 1990 г. случай завел меня туда.

Кафе «Ночной свет» или по-корейски «Ягван» — тоже нечто подобное. И попал я в это заведение уже не случайно...

«Капитан» службы безопасности универсама «Лотте» — Ли Чжэхун — часто подходил ко мне во дворце спорта, где выступал

⁴¹ «Больницами» в Южной Корее называют как стационары, так и лечебные заведения поликлинического типа. Иногда они соединены вместе.

⁴² В Южной Корее большинство лечебных учреждений частные, часто называются по имени квартала, в котором расположены.

Балет на льду, и говорил мне полупшепотом, заговорщическим тоном, что хочет вечером, после возвращения с очередного представления, отдельно встретиться со мной и сходить куда-нибудь в кафе. В конце концов, мы договорились на среду, 25 апреля. В 22.40 я должен был выйти на улицу, а местом встречи был определен выставочный стенд советских автомобилей, расположенный у гостиницы «Лотте». (Там стояли всего два автомобиля: черная «Волга» и красная «Лада» модели 2109.)

Когда я шел на встречу, я не боялся. Хотя время было позднее и предстоящий поход выглядел довольно странным, все-таки Ли, как ни как, начальник службы безопасности и на то и призван, чтобы защищать, а не подводить иностранных гостей. Когда Ли пришел, меня удивило то, что он был один. Спросил меня, куда я хочу пойти. Не хочу ли я пойти туда, где есть «девочки» и танцуют. Но тут же сам себе возразил, что идти туда, где танцы, уже поздно, но он знает одно хорошее местечко, куда меня и свезет. Мы вышли на улицу Чхонгеро. Ли взял такси. По совпадению, там уже сидел его приятель. (В Корее водители нередко подсаживают попутчиков.) Но «капитан» явно не обрадовался тому, что знакомый увидит его в сопровождении советского. Поехали в сторону рынка «Тондэмун». Остановились где-то в самом начале рыночного квартала, справа. Перед нами — узкая дверь сомнительного вида. Узкая лестница на второй этаж. Узкий коридор. «Железные» полы и рыночная атмосфера. В коридоре много дверей и еще есть лестница на третий этаж. Сначала Ли Чжэхун пытался было прорваться на третий этаж, но служитель заведения сказал Ли пару слов и тот вернулся обратно в коридор. К нам подошел официант и провел в свободную комнату тут же на втором этаже. Посередине — стол. С трех его сторон — диванчик. Интерьер под Европу XIX века, но уже весьма поизносившийся. Входная дверь разбита — очевидно, следы буйной ночи. Зеркала, подсвечники в стиле «а-ля барокко». Мы сели с Ли друг против друга. Сидеть вдвоем было немного неловко, так как люди мы совершенно несхожие и, быть может, несовместимые. Наконец официант принес фрукты и пиво. А через некоторое время подошли две девушки — «гейши» наподобие той, что была в «Утопии». Девушка, что присела около Ли, оказалась его давнишней знакомой. Сидела вплотную к нему, все время смеялась и даже щекотала его под ребрами. Та, что под села ко мне, была одета в черный костюм — кофта и юбка. Усталая, со взглядом, словно говорившим: «Как вы мне все надоели, а тут еще этого иностранца притащили!»

В то время, как пара напротив весело щебетала, у меня разговор не клеился совсем. В обязанности таких «гейш» входит угощать клиентов. Моя не делала почти ничего, а что делала, то медленно и с кислой миной на лице. Через некоторое время вошел директор заведения. Он слышал о Балете на льду и считает визит такого гостя, как я, большой честью. Посидев с нами немного, он вышел, а потом удалились и Ли с подругой. Куда — не сказал; лишь короткое: «Сейчас вернемся». Оставшись вдвоем с «гейшей», почувствовал себя страшно неловко и тут же сделал маневр, сказав: «Тяжелая у вас, наверное, жизнь, очень сочувствую...» И далее в том же роде. После такого подхода девушка стала оттаивать. Но тут в комнату снова вошел директор заведения. Это было сделано специально, чтобы не оставлять меня наедине с девушкой. Минут через 20–30 вернулся и Ли Чжэхун. Его девушка, посидев немного вместе со всеми, снова куда-то ушла. Я вышел в туалет. Не слишком чистый, он напомнил мне стандартные советские общественные туалеты. Справа расположены 3 писсуара, а в дальней части туалета — кабинки. Я подошел к одному из писсуаров. Около меня — мужчина. Стою. Вдруг кто-то ударяет меня сзади по плечу. Оборачиваюсь. Мимо проходит только что вышедшая из кабинки подружка Ли. Вот это номер! Возвращаюсь.

Остаток вечера проходит без особых приключений. Директор «кафе» теперь все время с нами. Наконец, пора уходить. Встаем. За время вечера я, видимо, чем-то растрогал свою «гейшу», и она чувствует себя виноватой за то, как вела себя в начале. Подходит ко мне и говорит что-то в роде: «Дайте уж хоть поцелую вас на прощание». Целует в щеку. Мы выходим на улицу. И снова через какой-то черный вход. Почему по ночам гостей выводят только через черные входы? Директор ведет нас до самого выхода и потом еще долго стоит, махая вслед рукой. Мы идем по надземному уличному переходу на другую сторону. Там горит свет: работают служащие мелких лавочек, что расположены на переходе. А ведь уже второй час ночи. Ли ловит такси и провожает меня до гостиницы.

Мне никто ничего специально не рассказывал о вечерних походах корейцев с другими членами советской делегации. Но из обрывков фраз я догадался, что этот работник службы безопасности не только из «чисто дружеских» соображений сводил меня в ночное кафе. Этой же чести удостоились представитель «Союзтеатра», а также представитель советских спецслужб, которого корейцы сразу вычислили, и, возможно, еще некоторые «одинокие» важные персоны.

6. День рождения в кафе «Утопия»

5 мая, на следующий день после моего действительного, но никак не отмеченного дня рождения, в 23.40 я встретился с начальником службы безопасности Ли Чжэхуном и остальной братией у гостиницы «Лотте», в том месте, где раньше находилась выставка советских автомобилей. В руках одного из них была коробка с тортом, а у другого какой-то пакет. Мне очень хотелось, чтобы в пакете был подарок для меня. Глядя на корейцев, у меня складывалось ощущение, что мой день рождения по-настоящему хочет праздновать только Ли, а остальные пришли, просто подчинившись требованию своего начальника.

И вот мы снова у входа в кафе «Утопия». Оказалось, что знакомого официанта на месте нет. Немного потоптавшись, вошли в главный зал с круглой сценой посередине. Вход в боковой «аппендикс», где мы были в первый раз, был закрыт. У сцены в конце зала со стойкой для диск-жокея сидело человек 25 молодежи, а остальная часть зала была пуста. Две девочки, небрежно причесанные, в мини-юбках, все в белом, пели под фонограмму и подергивались в такт. Молодой человек в черном костюме танцевал диско. Было спето несколько песен. Мы сели за свободный стол у круглой сцены. Официант принес три бутылки шампанского, пива и фруктов. Ли Чжэхун заказал у официанта тост в честь моего дня рождения, который должен был произнести диск-жокей.

Вскоре певицы ушли за стойку с аппаратурой, и появился диск-жокей. Начались танцы. Стена у сцены осветилась изнутри множеством огней. На танцплощадку, чуть левее сцены, вышли посетители. Стремительно откуда-то из-за кулис в сторону круглой сцены в центре зала прошли две девушки в спортивных костюмах. Не доходя до нее, сбросили костюмы на свободные кресла у столиков и поднялись по ступенькам. Очевидно, в их задачу входило подзадоривание танцующих и ублажение взоров тех, кто почему-либо не мог или не хотел танцевать. Однако они только лениво чуть покачивали бедрами, неторопливо, почти с отвращением похаживали по сцене и, казалось, что они ждут не дождутся, когда, наконец, кончится все это безобразие. Чувствуется, что девушкам холодно. Их купальники слишком открыты. При всей неприязни корейцев к американцам странно было видеть на одной из них купальник с изображением американского флага.

В это время диск-жокей наконец-то объявил о моем дне рождения. Я встал. Все посетители, находившиеся в зале, дружно что-то закры-

чали и заплодировали в мою честь. Официант открыл шампанское и стал им меня поливать. В этот момент атмосфера наконец-то разрядилась и стала более или менее теплой. Разрезали торт, на котором перед тем я задул 9 свечей — две большие, десятки лет, и семь маленьких. И все же ощущение того, что мой день рождения празднует только Ли Чжэхун, не проходило.

Через некоторое время девушки с круглой сцены удалились. Их сменила кореянка в национальной одежде. Она танцевала танец гейши. Хотя она была закутана с пят до головы, кокетливые движения и двухсантиметровые приподнимания платья не оставляли сомнения в том, кого она изображает. Потом совершенно неожиданно, танцую, вдруг стала по частям скидывать с себя одежду. И так продолжалось до тех пор, пока она не осталась в прозрачном, совершенно европейском купальнике. Когда танец окончился, по просьбе моих корейцев она подошла ко мне, села рядом и налила мне пива. Я ей тоже налил. Так полагается. Но она не пила. Только пригубила, затем угостила меня фруктами со стола из своих рук, как полагается ресторанной гейше. Потом быстро встала и, попрощавшись, убежала в служебные помещения.

Диск-жокей объявил, что это был последний номер и кафе заканчивает свою работу. Посетители дружно встали и вышли. А мы еще некоторое время побыли в кафе. Корейцы силой вытолкнули меня на танцплощадку, где были еще какие-то две девушки. Они страшно меня стеснялись, и мне тоже было неловко. Все то время, что мы «незаконно» продолжали сидеть в кафе, девушки в купальниках все так же лениво пританцовывали на круглой сцене. Потом я вернулся со сцены на место. И все почувствовали, что пора идти. Мы вышли из кафе, но на этот раз через главный вход. Как всегда, корейцы проводили меня до дверей гостиницы. Но такого воодушевления и радости, как в первый раз, уже не было. Загадочный сверток они унесли с собой.

1990

7. Банки не для иностранцев

Недалеко от Рынка у Восточных Ворот — «Тондэмун», на улице, часто торгуют с двухколесных тележек. Как-то раз покупал я там у одной бабушки рюкзак. У меня не было с собой достаточного количества южнокорейских *вон*, и я предложил ей доллары. Бабушка отказалась,

сказав нечто в роде: «Сынок, я не понимаю этих денег. Я их не возьму. Пойди, пожалуйста, обменяй их вот там, в банке напротив».

Я направился в банк. Многоэтажное здание, на котором написано «Чеиль Ынхэн». (Дословно название банка можно перевести как «Первый Банк»). Внешне здание банка практически не отличается от стоящих рядом домов с мелкими лавками и кафе. У входа в банк — красивые широкие двери из темного стекла с блестящими ручками из нержавеющей стали. Типичная для Сеула дверь. Открываешь ее, и перед взором предстает... убогое помещение с небольшими столиками и диванчиками. Позади — длинная невысокая стойка, примерно по пояс, открытая. За ней столы, за которыми сидят служащие банка. Все на виду. На стойке стоят таблички с указанием отделов. Полы «железненные». Стены серовато-белые. На потолке — лампы дневного освещения.

Отдел обмена валюты находится на втором этаже, как и в большинстве других банков Кореи. Там такая же стойка, как и на первом этаже. Перед ней несколько кресел. На стойке небольшой металлический поднос прямоугольной формы. Подхожу и спрашиваю, можно ли поменять доллары. Меня понимают неправильно. Думают, что я хочу менять воны на доллары. Иностранцу это можно сделать, если у него есть паспорт. Тогда с паспорта снимают ксерокопию, заполняют квитанции, и меняют за один раз не более чем на сумму, соответствующую 100 долларам США. При этом в паспорте ставят соответствующую печать.

Итак, меня понимают неправильно. Но я еще не догадываюсь об этом и начинаю возмущаться, мол, я не обязан все время носить с собой паспорт. Я знаю, что в гостинице доллары на воны меняют беспрепятственно, в любом количестве и безо всякого паспорта. Тогда мне вежливо отвечают, что без паспорта я, в принципе, могу поменять воны на 10 долларов США. Тут, наконец, я соображаю, что в банке меня поняли неверно и с радостью объясняю, что меняю не воны на доллары, а наоборот. Тогда мужчина, служащий банка, обрадовано улыбнулся мне, спросил, сколько я хочу поменять. Заполнил квитанцию. Я положил 20 долларов на металлический поднос. Служащий взял его и пошел к сейфу. Обрато вернулся с вонами, которые лежали на том же подносе. Поднос он подал мне, как это полагается при вежливом обращении, правой рукой, которую как бы придерживал левой.

После этого мне приходилось еще несколько раз бывать в банках вместе с руководством Балета на льду. Все банки в Корее на одно лицо. Но что мне особенно в них понравилось, так это то, что на столиках,

на которых клиенты заполняют документы, помимо авторучек, иногда находится по несколько пар очков для людей в возрасте.

1990

8. Телефонные будки

В телефонных будках в центре Сеула иногда висят на металлических цепочках толстые телефонные справочники. В телефонных автоматах пользуются монетами достоинством в 100, 50 и 10 *вон*.

1990

9. Больница «Ыльчи»

Если ехать от гостиницы «Лотте» минут 5 по улице Ыльчи-ро, то больница «Ыльчи» будет находиться справа. Двери, как всегда в Сеуле — это темное солнцезащитное стекло и металлические ручки. Над входом название больницы. Хотя главный вход в больницу расположен не на главной, а на «задней», параллельной улице. В здании больницы этажей пять. Точно не знаю, так как был только на первых двух, а напряженность ситуации не позволяла слишком долго рассматривать здание снаружи.

Но войдем в больницу с центральной улицы. Справа, чуть сзади — регистратура приемного покоя. Это простая деревянная стойка без стекла, высотой примерно по грудь. За ней находится медсестра. Иногда может присутствовать и врач. За стойкой окно, на котором стоит моно магнитола «Сони». Справа от входа, в углу, чуть спереди, в центральной части большого холла — столы и шкафы с лекарствами. Там готовят уколы. Слева — ряд кроватей на колесах. Между ними раздвижные ширмы. «Железненный» пол, беленые стены.

Если в приемный покой попадает больной с острой болью, то персонал не торопится оказать ему помощь. Прежде всего медсестра в регистратуре, как правило, приятная молодая женщина, будет не торопясь писать кучу квитанций. Многие под копирку, в двух экземплярах. Потом передаст их тому, кто сопровождает больного, и скажет: «Поднимитесь на второй этаж и оплатите в регистратуре». И лишь затем не спеша пойдет к шкафам с медикаментами, приготовит и сделает укол. Цена одного обезболивающего укола — 10–15 долларов США.

1990

10. Старая редакция «Корейской экономической газеты» (Хангук кёнчжэ синмун)

Здание редакции «Корейской экономической газеты», расположенное неподалеку от Сеульского вокзала, довольно старое⁴³. Лет тридцать, как построили. Стоит на пригорке. Точнее, это не одно здание, а несколько. Этажей пять в каждом. Стены облицованы керамической плиткой кирпичного цвета. К главному входу ведет бетонная дорога, кривая, со следами соединительных швов. На дороге и на площадке у входа в редакцию — множество легковых автомобилей. Мы с Мун Бёнхваном, тридцатилетним корреспондентом газеты, поднимаемся по этой дороге. Очень много знакомых Муна попадают к нам навстречу, здороваются, обмениваются короткими репликами. Сначала мы идем в столовую редакции. Слева от входа столы со стульями. Перед нами, чуть направо, стойка с кассой. Здесь самообслуживание. Мебель более чем скромная. Все вымыто, но грязновато. Интерьер явно не шикарный. Беленые стены. Все очень напоминает Северную Корею. Мун берет две баночки сока слева от кассы, расплачивается, идет ко мне. Мы пьем сок, холодный, с апельсиновой мякотью и выходим в соседнее здание. И там те же беленые, но не белые стены, «железненный» пол, чуть кривоватые ступени лестницы. В углах накинаны бумаги. Поднимаемся на третий этаж. Огромный низкий зал. К потолку подвешены таблички с названиями отделов: «Отдел иностранных агентств» и т. д. Тут же стоят столы. Телефоны, бумаги... Между отделами нет никаких перегородок. Все расположено в одном зале. У начальника «Отдела иностранных агентств» есть свой кабинет для приема. Меня ведут туда. Невзрачная мягкая мебель под кожу, какие-то кривоватые столы и те же беленые, но не белые стены. Со мной беседуют, фотографируют меня. Кто-то приносит желтый чай в чашечках. «Растворимая трава». Потом идем в издательский отдел. Красивая новая четырех-пятиэтажная постройка, но с металлическими тонкими стенами. Тут красиво. В кабинете начальника издательского отдела более фешенебельно, но все тот же непонятный не слишком вкусный желтый чай.

1990

⁴³ Описываемое здание к настоящему времени снесено и на его месте построено новое.

11. Место отдыха продавцов в универмаге «Лотте»

Интересно было обнаружить в универмаге Лотте комнату отдыха для торгового персонала низшего звена. У края торгового зала, того, что ближе к главной улице — блестящая широкая металлическая дверь с надписью: «посторонним вход воспрещен». За нею — небольшое, вытянутое вширь пространство, выходящее окнами на центральную улицу. У стены позади — два обычных автомата по продаже кофе и прохладительных напитков. Только цена за стакан не 200–250 вон, как обычно, а всего 120. В помещении сильно накурено и в металлической пепельнице, на подставке, большое количество окурков. Присутствие женщин — а в Корее практически нет курящих женщин, за исключением представительниц древнейшей профессии и некоторых «интеллектуалок», получивших образование на Западе — никак не смущает любителей расслабиться табачком. Скамеек нет. Сотрудники сидят на низких каменных подоконниках с бумажными стаканчиками в руках и мирно беседуют...

1992

12. Поход в ресторанчик, специализирующийся на свиных копытцах *ччокпаль*, с водителем автобуса 19 мая 1992 года

Водитель одного из автобусов, возивших Санкт-Петербургский Балет на льду до стадиона в районе Моктон и обратно в гостиницу «Лотте» — полный крепкий мужчина ростом чуть выше меня, с добродушной улыбкой — уже давно пообещал сводить меня в ресторанчик, где подается один из корейских деликатесов — копченые свиные копытца *ччокпаль*. Это обещание было дано после того, как я принес водителям автобусов, работавших с нами, советских конфет.

Даже спустя несколько дней после того, как обещание было дано, он все откладывал наш поход. Наконец, 19 мая, он решил после вечернего спектакля сводить меня в ресторан. Но, как назло, в городе началась студенческая демонстрация, и прилегающие к гостинице «Лотте» улицы, как нам говорили, были полны слезоточивым газом. В целях безопасности (или перестраховки) директор Балета велел всем членам коллектива по приезду в гостиницу никуда из нее не выходить.

Итак, на машине начальника я вернулся в гостиницу. Были какие-то дела, задержавшие меня в лобби. Потом я увидел, как приехали автобусы с артистами. Словно какая-то неведомая сила подтолкнула ме-

ня к выходу. Так я оказался около входа в автобус, которым управлял тот самый шофер, который дал обещание. Водитель вышел из автобуса. Переговорил со своими коллегами — такими же шоферами еще двух автобусов. Те, увидев меня рядом, и зная об обещании сводить меня в ресторан *ччокпаль*, стали как-то подшучивать по поводу обещанного ресторанчика. И мой шофер просто сказал мне: «Ну садись, поехали».

Я сел на сиденье спереди, справа от шофера. Было немного неловко ехать одному в огромном автобусе, когда время уже приближалось к 11 часам вечера, чувствуя, что отвлекаешь водителя от заслуженного отдыха. Похоже, он тоже немного стеснялся сложившейся ситуации.

На улицах было пусто и ничто не напоминало о демонстрации. Даже запаха слезоточивого газа не было. Мы поехали прямо по улице Ыльчжи, свернули направо и еще раз направо. Более половина ресторанчиков и кафе были задраены на ночь железными жалюзи. Шофер пожаловался, что вот несколько лет назад запретили работу кафе и ресторанов в ночное время, и теперь вкусно поесть и интересно провести время можно лишь в более ранние часы.

Наконец, остановились перед какой-то небольшой гостиницей. Вышли. Мотор был оставлен работающим, а свет в салоне — включенным. Стоянка в этом месте запрещена, пусть думают, что автобус остановился ненадолго.

Пошли в обратном направлении. Метрах в 20 — низенькое помещение, все еще открытое. На витринах надпись — «Ччокпаль»: значит, мы на месте.

Внутри, в левой части ресторанчика — ряд маленьких столиков со стульями. Справа — стойка. В самой дальней части помещения — тоже небольшая стойка-раздача с кухонными атрибутами позади. В дальнем правом углу — лестница наверх. Отделка стен и потолка не шикарная. Стены местами неровные. Смесь довольно прогрессивных технологий и убогости. Справа от лестницы, за правой стойкой — старый холодильник с телевизором над ним.

Хозяйничает женщина лет 37, старенькая бабушка и бегают две полненькие девочки лет 13 и 10 — дочери молодой женщины. Мы сели у окна за крайний слева столик. В кафе уже чувствовалась атмосфера закрытия: вымытые пустые столы с приправами в керамической посуде. Вымытые полы. Тишина. Никакой суеты и никаких запахов блюд. Легкая усталость и расслабленность.

К моему шоферу отнеслись как к очень близкому знакомому. Завсегдатай? Нет. Вскоре нам принесли на стол приборы для еды, и во-

дитель стал представлять мне присутствующих. Оказывается, женщина — это его сестра. Здесь же живет ее муж. На втором этаже кафе как раз находятся жилые помещения. Потом несколько раз спускался и он, так что мне удалось увидеть этого еще очень молодого человека. Корейские женщины, как мне показалось, стареют раньше мужчин. «Бабушка» — это просто работающая вместе женщина, не родственница.

Теперь мне стал понятен и прием, оказанный нам в такое время, и особые отношения между шофером и хозяевами. На стол подали тарелку с нарезанными ломтиками мяса с копченых свиных копытцев, листья салата, острые приправы из красного перца, капусту *кимчи*. Потом принесли и рис. Шофер показал мне, как едят мясо с этих копытцев, завертывая их в листья салата и предварительно намазывая на них острую приправу. Иногда все это заедается маринованным чесноком.

Еще нам поставили на стол бутылку корейской 25-градусной водки *сочжу*. Шофер налил мне, а я — ему. Он не сопротивлялся моему жесту вежливости, но водку не пил. Я же выпил одну рюмочку для приличия. Больше не хотелось.

Закончив свои дела на кухне, к нам (на некотором расстоянии) подседа молодая хозяйка и «бабушка». Разговорились. Оказалось, что «бабушка» родилась в Пхеньяне. Тогда, во время Корейской войны, многие северные корейцы просили солдат отступающей армии взять с собой на воспитание своих детей. Многие переходили на Юг сами. Бабушка стала с ностальгической грустью вспоминать отдельные районы Пхеньяна, давно уже изменившие свой облик. На своем старом месте осталась лишь гора Моранбон, о которой мы и поговорили. Тема нашей неспешной беседы все время менялась: о России и Корее, об объединении Корейского полуострова и о жизни вообще.

Но уже очень поздно. Шофер попросил «бабушку» завернуть с собой пару пакетиков с фирменным блюдом. Я сначала не понял, зачем два. Бабушка принесла еще не порезанные копытца, настрогала мяса на пластиковые тарелочки, положила листьев салата и приправ.

Прощавшись с хозяевами, вышли. Во время ужина шофер выходил куда-то ненадолго. Оказалось, что он перегнал автобус к дверям закусочной. Сев в него, мы быстро доехали до гостиницы. Теперь уже без особых разговоров и эмоций. Мне было немножко неудобно, так как шофер должен был еще отогнать машину в гараж и доехать домой. Общественный транспорт рано прекращает работу в Сеуле. А завтра к 7–8 утра он уже должен был выйти на работу, в гараж. (И зачем? Ведь артисты поедут на стадион не раньше 10.30, а то и вообще могут отправиться только около 13.00).

Подъехав к гостинице, мы стали прощаться. Один пакет с деликатесами шофер отдал мне, а другой попросил передать супружеской паре Цыбульских, с которыми он подружился и которые подарили ему что-то необычное.

Когда мы на следующий день встретились с моим шофером на стадионе, то мне показалось, что отношения с ним стали чуть теплее, чем раньше, но лишь совсем ненамного.

1992

13. Поездка домой к корреспонденту «Корейской экономической газеты» Ким Гиуну 21 мая 1992 года

Около 8.30 вечера Ким Гиун, ему около 40 лет и очень приятная внешность, а также молодой сотрудник той же газеты, русист по образованию и в противоположность первому — не столь симпатичный, по имени Мун Бёнхван, пришли за мной на ледовый стадион района Моктон, где проходили гастролы Балета на льду. По случайности я тоже оказался у главного входа и увидел, как они входили. Поздоровались. Поскольку наш отъезд к Киму домой был запланирован на 9 вечера, они попросили меня провести их «по благу» в зрительный зал, что я без труда и сделал.

Пробыв еще некоторое время в служебных помещениях стадиона, я направился в зрительный зал к директору Балета, чтобы получить разрешение на небольшой вечерний отпуск. Там же я встретил и Муна, который вместе со мной направился к директору отпрашивать меня на этот домашний визит. Разрешение было получено легко, и мы пошли к главному входу, где нас уже ждал Ким. Было около 9.15 вечера.

Машина Кима стояла недалеко от входа. Когда подошли к машине, то Мун жестом пригласил меня сесть вперед, рядом с хозяином машины. На полу, под сиденьем, оказался портфель Муна, а на самом сиденье — какие-то газеты.

К моему удивлению, Ким плохо знал дорогу. Сначала поехали прямо, по принципу «куда глаза глядят», по невысоким ярко освещенным холмистым улочкам с обилием магазинчиков и кафе. Ким был уверен, что благополучно выедет на искомое Олимпийское шоссе. Поэтому он довольно оживленно болтал со мной по поводу ситуации в России, о Советском Союзе, пытался убедить меня, что скоро все будет хорошо, а я безуспешно пытался спорить. Мун в основном молчал и лишь изредка подавал отдельные реплики. Но вскоре Ким забеспокоился,

стал останавливать у перекрестков машину и спрашивать у прохожих дорогу. Один раз попался какой-то юноша лет 15, весьма замызганного вида, которого мы остановили около безлюдного, поросшего лесом холма. Наконец, добрались до первой цели — шоссе.

Дорога по Олимпийскому шоссе была сказочной. Высокая скорость нового корейского автомобиля. Слева — украшенный таинственными огнями противоположный берег реки Ханган. Фантастические мосты внеземной цивилизации с бархатным южным небом. Где-то по дороге нам попало место ремонта шоссе, огороженное увешанным лампочками забором, имевшим вид праздничной гирлянды.

Быстро приближались к месту назначения — дому Кима. Все бы хорошо, но на блуждание в поисках дороги ушло почти полчаса. А у Кима дети еще маленькие, и им нужно рано ложиться спать, да и жена его устала к вечеру.

За Олимпийскими стадионами свернули направо, миновали темный Олимпийский парк и подъехали к бывшей Олимпийской деревне. Ким купил там квартиру. Не бедный, значит. На подъезде к жилому массиву снизили скорость. Иначе нельзя, так как через каждые метров 100 дорогу перегораживает небольшой вал, высотой сантиметров в 7, который ощутимо бьет по колесам⁴⁴. Наконец, свернули направо и въехали во двор. Он не был огорожен забором, как это часто бывает в корейских новостройках. С трудом поставили машину, так как почти все свободные места уже были заняты. Вышли из машины. Ким показал мне на окно, под которым спортсмен какой-то страны во время Сеульской Олимпиады 1988 года то ли нарисовал флаг своей страны, то ли написал собственное имя. Но я ничего не заметил в темноте. Вошли в подъезд, имевший сквозной выход на улицу. Лифт находился слева, а справа в небольшой застекленной будочке сидел консьерж. Я в шутку спросил, уж не проверяет ли он, пришел ли жилец в отсутствие жены вместе с любовницей. Вразумительного ответа на мой вопрос я так и не получил.

Поднялись на 10-й этаж. Номер квартиры поразил красотой: что-то вроде 1001. Ким позвонил. Открылась дверь. На пороге стояли все члены семьи: жена, немного постаревшая, но со следами яркой красоты в молодости. Рядом была старшая сестра хозяина вместе со своей 16-летней дочерью. Тут же были двое детей — девочка лет восьми и мальчик лет пяти. Оба очень хорошенькие, в родителей.

⁴⁴ Сейчас это называется «лежачим полицейским», но в 1992 году в России еще ничего подобного не было, как не было и соответствующего термина.

Закончив церемонию приветствия и взаимного представления, во время которой каждый из незнакомых мне людей слегка поклонился, сняли обувь в миниатюрной прихожей с углублением в полу и прошли в гостиную. Кстати, Мун тоже в первый раз пришел в гости к Киму. Между гостиной и прихожей — никаких дверей и коридоров. Большая ее часть с балконом в конце — слева. Справа — небольшое углубление с обеденным столиком, за которым — окна. Направо же от столика находится кухня, также не имеющая с гостиной никаких дверей. Чуть впереди направо — три двери: левая — в спальню хозяев, передняя — в туалет с ванной, правая — в детскую. В левой части гостиной также дверь в небольшой кабинет хозяина. Вот и вся, как говорят корейцы, «трехкомнатная» квартира, расположенная между двумя продольными стенами многоквартирного дома.

В гостиной стоял симпатичный набор мягкой мебели, куда мне и предложили сесть. Перед ним — журнальный столик. У стены напротив — мебель с большим телевизором, немного запылившимся магнитофоном с компакт-диском. В мебели «стенке» — сувениры из разных стран, которые посетил Ким, в том числе русские матрешки, которые у меня почему-то не вызвали особого восторга.

Разговор в доме клеился плохо. Хозяин куда-то отошел. Зато непосредственно вели себя дети. Девочка все никак не могла поверить, что перед нею сидит настоящий русский. Потом дети стали бегать по комнате. Мальчик вообще не останавливался ни на секунду. Тут было где удивиться дисциплинированности корейских детей, которая хорошо проявляется на улице, особенно когда они находятся в школьном или детсадовском коллективе. Потом дети достали кокетливо сложенную записочку на желтой бумаге, которую мальчик написал днем с помощью своей старшей сестры. Стали читать вслух. Там было написано, как сын сильно любит своих папу и маму. В детском разговоре принимал участие и Мун.

Наконец женщины закончили суетиться на кухне и позвали гостей к столу. Пригласившие меня корреспонденты были особенно голодны. Мы пошли к небольшому столику у кухни, на четверых. Естественно, что там были только три прибора. Жена Кима лишь подносила блюда. Стол был скромн и шикарен одновременно, а вкус и внешнее оформление блюд, приготовленных хозяйкой, ничем не уступали лучшим ресторанам. И как только это удастся сделать? Следует отметить, что корейские блюда очень непросты в приготовлении и требуют много времени и особого мастерства. Кроме традиционной капусты *кимчи*, на столе была картофельная лапша *чанчхе*, суп, рис, свиные ребрышки, особо поджаренная говядина, нарезанная мелкими кусочками

и огромное количество овощных блюд. Из напитков — только холодный ячменный чай. И ничего алкогольного.

Вкусно поев, мы вышли из-за стола. Надо сказать, что в конце трапезы жена Кима все-таки подсела к нам за стол и тут же подбежала дочка, которая то ли хотела спеть песенку, то ли что-то показать. Сын к тому времени уже устал от беготни по квартире и лег спать.

Прошли в противоположную часть гостиной, к журнальному столику. Все расселись: кто на диванчики, кто на пол. Я сел на пол. Рядом были сестра Кима, дочь сестры, жена. Жена принесла с кухни печенья, воздушную кукурузу и предложила на выбор напитки: пепси или соки. Разговор потек более оживленно. Оказалось, что племянница Кима в августе этого года должна поехать в Петербург, учиться в консерватории. Всего два года. Она уже прошла отборочное прослушивание. Обучение вместе с платой за общежитие будет стоить порядка 4 тыс. американских долларов в год.

Слушая разговоры, я продолжил начатый ранее осмотр квартиры. Ведь это был первый мой визит в корейскую квартиру в современном, недавно построенном доме...

В кабинете у окна стоит маленький рабочий стол с пишущей машинкой, завален бумагами. На стуле висит какая-то одежда. Справа от стола — ряд книжных шкафов. В спальне, прямо у входа, расстелена корейская толстая подстилка. Напротив — низкие полочки со старым телевизором. Справа и позади — ряд скромных платяных шкафов.

В детской — весело-зеленоватая детская мебель, секретер, обилие детских рисунков и легкий беспорядок. Спят дети тут же, естественно, на полу, а спальные принадлежности убираются днем в шкаф.

Уровень пола ванной немного ниже, чем во всей квартире, то есть как в прихожей. Розовый кафель. Несколько полотенец. Все достаточно скромно и очень мало предметов. Даже как-то пусто.

Времени уже первый час. Сфотографировались — и на мой фотоаппарат и на хозяйский. Потом Ким принес гитару, и Мун стал что-то петь. На стене, у мягкой мебели — большая свадебная фотография хозяев. Сделана летом, на берегу моря. Кажется, на острове Чечжудо, куда ездят в свадебное путешествие большинство корейских молодоженов. Очень красивая пара.

Пора идти. Прощаемся. Хозяин дарит мне небольшой переносной цветной телевизор с радио. Говорит, что ему тоже подарили. На коробке написано «NTSC»⁴⁵, значит, в России работать не будет, но я не

⁴⁵ Восточно-Азиатская телевизионная система.

показываю вида, чтобы не обидеть хозяина. Еще мне выпадает две пары часов и большая коробка. В ней, как оказалось — три огромных рулета, которые мне было наказано съесть «с коллегами». Мун тоже получает в подарок часы и рулет.

Спускаемся вниз. Хозяин с женой, сестра хозяина с дочерью, Мун и я. Сестра с племянницей прощаются с нами в подъезде и выходят через сквозной вход на улицу: им недалеко идти пешком. Жена прощается с нами у машины Кима. Ким уже в спортивной одежде. Я и не заметил, когда он успел переодеться. Но он нас до гостиницы не повезет. Возражает Мун. К тому же в машине нет бензина, да и поздно. Ким играет с коллегами в гольф рано утром. Совсем занят, устал. И он нас довезет до того места, где можно поймать такси. Оказывается, и в Сеуле есть проблемы с такси.

Доезжаем до большого перекрестка. Выходим на угол, ловим такси. Ким прощается с нами и дает Муну 10 тыс. вон на такси. Неловкость. Бумажка даже падает на асфальт. Но Мун берет. Еще раз прощаемся.

В машине не хочу говорить по-корейски. Да и пусть, думаю, Мун по-русски потренируется. К тому же впереди сидит еще один пассажир. (Зачем слушать наши разговоры?) Любят корейские таксисты, работающие на зарплату в крупных таксомоторных фирмах, подсаживать пассажиров, а особенно ночью. Но поездка получается какая-то неловкая. Таксист думает, что это два корейца сидят сзади и выпендриваются, говоря на иностранном языке. Говорит: «Любит нынче молодежь в последнее время, лишь чуть-чуть побывав за границей, приезжать в родную страну и строить из себя крутых». Но мы раскрываем карты. Признаюсь, что я — русский. Шофер крайне удивлен, но зато отношение к нам улучшается, и он всю дорогу говорит о чем-то с Муном и весьма по-дружески.

Подъезжаем к гостинице «Лотте». Я прощаюсь с Муном. Довольно холодно. Я не питаю к нему таких чувств, как к Киму. Я даже знаю, что мы с ним больше не увидимся. И дело тут совсем не в подарках.

1992

14. Фантастическая прогулка по ночному Сеулу 22 мая 1992 года

Весенний день 22 мая выдался хорошим. Как по погоде, так и по событиям. Приятная после холодного Петербурга почти что летняя жара.

Поэтому к 10 часам вечера, времени, когда я обычно возвращался со стадиона, у меня было не только желание, но и силы, чтобы побро-

дить одному по городу в поисках приключений. Вечер обещал быть теплым и прозрачным.

Выйдя из гостиницы, я направился в близлежащий район Мёндон. Ничего особенного от него я не ждал, так как бывал здесь и раньше. Просто он очень красив, и по вечерам здесь гуляет много заманчиво-привлекательных своей жизнью молодых людей. И здесь не так грустно бродить одному.

Через некоторое время после начала моего пешего «путешествия», вышел на улицу Мира (*Пхёнхва кори*) и снова углубился в дальнюю часть квартала. Тут я бывал редко. Дошел до поперечной улицы, и вдруг решил отправиться на исследование совершенно незнакомо мне района.

Через автостраду вел надземный пешеходный переход. Темно. Прохожих почти нет. На лестнице, ведущей на переход, увидел забавную картину: фонарный столб с навершием в петербургском стиле, только какой-то по-детски маленький. На половине лестничного марша увидел мягко освещенные изнутри окна какого-то офиса. У окон стояло множество больших растений в кадучках, отчего вся внутренность офиса приобретала особую мягкую притягательность.

Низко над переходом проходил второй ярус автострады. Навстречу попался какой-то нищий. Я спустился вниз. Передо мной открылось продолжение улицы из Мёндона. Только она была почти не освещенной. Большинство лавочек невысоких двух- четырехэтажных домов были наглухо закрыты металлическими жалюзи. Однако из-за этого то, что еще оставалось освещенным — отдельные рекламные вывески, интерьеры все еще не закрытых ресторанчиков и кафе — казалось еще более привлекательным.

Снова вышел на поперечную улочку. Дома — невысокие, уютные, и даже попался один дом в стиле барокко. И главное — по обеим сторонам улицы — густые платаны, подсвеченные редкими фонарями и витринами. Запоздавшие прохожие. Пустые кафе, уже закрытые, хотя еще и заполненные светом наведения порядка. Между ними маленькие типографии, жужжащие летними ночными насекомыми. Однажды мне подвернулась открытая дверь, с лестницей, ведущей на второй этаж. Воздух коридора был залит тихим манящим желтым светом. Покружив еще немного около «платановой улицы», решил перейти на другую сторону по подземному переходу. Он был связан с уже закрытым метро. Тут я понял, что подошел совсем близко к улице Ыльчжи, ведущей к району Больших восточных ворот. Выйдя из перехода, оказался перед кварталом еще более узких улочек и низких до-

мов, напоминающих классический Сеул 1960-х — 1970-х. Вошел в него. У какого-то серого трехэтажного дома на углу стояло человек пять рабочих, занимавшихся установкой неоновой вывески. Тихо прошел дальше. Рабочие меня ни о чем не спросили.

Свернул еще на какую-то более узкую улочку и вдруг наткнулся на стол, стоящий чуть ли не посередине небольшого перекрестка. За столом сидели четверо мужчин, пили рисовую брагу *макколли* и закусывали острой корейской капустой *кимчи* и копченым мясом с копытца свиней — *чокпаль*. Один пьяненький мужчина, увидев меня, одиноко шатающегося непонятно где иностранца, подал мне знак рукой и громко позвал к столу. Я подошел. Во-первых, я сам хотел таких приключений. А во-вторых, если не подойти и по-хорошему не объяснить, кто ты такой и почему бродишь в такое время один по кварталам, где иностранцам не принято ходить, то можно нарваться на неприятности.

Подойдя к столу, сразу начал с того, что я не американец, а советский, приехал переводчиком с Балетом на льду, в Сеуле всего три недели и т. д. Услышав все это, мне сразу предложили место, спиной к перекрестку, дали пару деревянных палочек и пиалушку для бражки, довольно большую. Чтобы, по всем корейским правилам, поддерживая двумя руками, принять в пиалушку наливаемую хозяином из пластиковой бутылки брагу, пришлось взять палочки в рот. Увидев это, корейцы весело рассмеялись. Оказывается, я совершил сугубо корейское действие — ну как они. К смеху присоединились и какая-то бабушка с женщиной помоложе, сидевшие где-то в дальнем углу кухни, возможно ресторанчика, в доме слева от меня. Похоже, все смеявшиеся хорошо знали друг друга.

Затем начался пьяный разговор. *Макколли* — некрепкий напиток. Но отсутствие крепости прекрасно компенсируется потребляемыми объемами. И после двух чарок, которые не были единственными в эту ночь, я почувствовал прилив тепла и мягкую расслабленность. Один раз собеседник, сидевший справа от меня, в знак своего расположения ко мне, подал мне свою пиалушку и налил в нее брагу. Естественно, что я держал этот белый сосуд двумя руками. Но я не знал, что в этом случае следует делать затем. Я лишь отпил немного из чарки соседа и поставил ее на стол, на что получил мягкое, но волевое указание: оставшееся я должен перелить себе в пиалушку, а пиалушку, что принял, отдать хозяину и самому налить в нее *макколли*. Это я и сделал.

Разговор крутился в основном о Советском Союзе. Слово «Россия» плохо приживается в корейском языке. Говорили мои собеседники, двое из которых были одеты в костюмы, а значит, работали где-то

в фирмах, в основном о том, что, мол, Советский Союз — страна богатая, природных ресурсов много, коммунизма уже нет, а есть свобода и поэтому лет через десять, а, может, уже и через пять будет эта страна жить также хорошо, как и все развитые державы мира.

Кстати, в самом начале нашего общения на мой вопрос, что они делают здесь, посреди перекрестка, хозяева ответили: «да, вот, охраняем эти улочки. Ведь здесь много разных веселых заведений». Наверное, в чем-то это была шутка. Возможна в шутке была доля истины.

Когда спросили меня о моем имени, я дал им свои визитные карточки. Уж больно сложны на слух русские имена. Свои визитные карточки они мне почему-то не дали. Не было?

Разговор становился все более пьяным, да и время подходило к 11.40. Откуда-то сзади подошла женщина лет 45–50. Она направилась к собеседнику, что сидел слева от меня и представился врачом. Он все никак не мог остановить свою бесконечную полусвязанную речь. Женщина обратилась к нему как к мужу. Сказала: «Дорогой! Пошли. Ну, пошли! Уже поздно, а тебе рано вставать». Муж долго артачился и, наконец, встал. Оказалось, что он еле стоит на ногах. Я был удивлен, так как сидя он выглядел достаточно бодрым. Когда ушел он, — видимо, жил где-то рядом, — легче было распрощаться и мне. Выпив последнюю чарку, я встал и пошел в направлении, вежливо указанном мне моими новыми знакомыми. Я им сказал, что иду к гостинице «Лотте».

1992

15. Обстановка в комнате Кан Ённёна, которую он снимал в г. Инчхоне за 60 тыс. вон в месяц

Кан Ённён снимал небольшую комнату в одноэтажном корейском доме традиционного типа с теплыми полами и черепичной крышей.

Размер комнаты — примерно два с половиной на три метра. Слева «внизу» — вход с порогом, приподнятым на 30 сантиметров над полом самой комнаты. Дверь раздвижная, полностью оклеена белыми обоями. Обои на стенах и потолке. Пол выстлан линолеумом, белым со светло-розовыми и светло-фиолетовыми прямоугольными узорами. На потолке очень неудобная лампа дневного освещения. В правой части комната имеет небольшой угол-выступ. У левой стены лежит подстилка-матрас и одеяло. В дальнем левом углу — гитара. У дальней стены — подушка. Над ней — миниатюрное раздвижное окно

с замочком посередине. Справа у выступа — низкий корейский столик; на нем стоит не очень дорогая, за 180 тыс. вон, переносная стереосистема с компакт-диск плеером и декой с автореверсом фирмы «Хэтхэ». Сам столик резной темно-красного цвета, высотой примерно 35 сантиметров со сторонами 40 на 70 сантиметров. Справа у стены за выступом — картонный ящик из-под чего-то, с книгами, далее — холодильник двухкамерный фирмы «Самсунг», очень старый. За холодильником — матерчатый шкаф для одежды на алюминиевом каркасе. У задней стены, ближе к двери — пластиковый горшочек с комнатным цветком, тут же пластиковая урна, а также набросаны «шмотки» и прочих непонятный домашний хлам.

1993

16. Туалеты

Южнокорейская культура туалетов достойна отдельного описания. Она очень высока. Нередко в общественных местах оборудуются не просто чистые туалеты, но туалеты, украшенные настоящими картинами, живыми цветами, звучит приятная музыка.

Однако встречаются в Сеуле и туалеты, несколько отличающиеся от общего высококультурного фона, и могущие иногда шокировать иностранного гостя...

А. Платный туалет в подземном переходе у станции метро Мёндон

Туалет этот весьма примечательный. Начнем с того, что он платный и стоимость входа просто грабительская — 100 вон, в то время как обычная плата за вход составляет порядка 30 вон.

Перед входом сидит женщина лет 55, на стуле, но ноги сложены по-корейски. Деньги принимает в плоскую железную банку.

Сам туалет внутри очень грязный и не слишком приятно пахнущий. Справа от входа — ничем не прикрытые писсуары. Слева — ряд закрывающихся кабинок, на половине которых изображен силуэт женщины, а на другой половине — силуэт мужчины. Таким образом, стоящий у писсуара мужчина ничем не защищен от взглядов (думаю, абсолютно безразличных) женщин, направляющихся к своим кабинкам...

Б. Туалет в закусочной Макдоналдс в районе Мёндон

Туалет находится на подземном этаже закусочной. Точно такой же по устройству, что и описанный выше, только чистый и бесплатный.

Слева — кабина для сидения, справа — писсуар, символически прикрытый дверью «жалюзи», начинающейся от уровня плеч и завершающейся на уровне пояса.

1993

17. Описание квартиры Пак Минсо

Дом, в котором живет Пак Минсо, относится к классу многоквартирных домов, или *апхатхы*. Дом этот, как и ряд точно таких же, расположен на горе в районе Тонсун-дон⁴⁶. Часть из этих домов окрашена в темно-желтый цвет, часть — в серый. Построены лишь двадцать лет тому назад, но такое ощущение, что им не меньше шестидесяти.

Подъезд. «Железные», как и везде, полы; на края ступенек вмонтированы металлические пластины, так чтобы ступеньки не разрушались. Грязно. Краска на стенах местами, точнее — в большинстве мест, облуплена. Запах грязи. Цвет стен серый, а может быть, бывший темно-голубой. Подъезд никак не освещается. На лестничной площадке каждого этажа красным камнем выложен его номер.

Коридоры на этажах такие же, как и подъезд. Тянутся слева направо по всей длине здания. По сторонам коридора — двери, деревянные, выкрашенные в коричневую краску, возможно со щелями. Двери в квартиры раскрыты настежь, словно иллюстрируя корейскую поговорку: «сосед — это как родной дядя» (이웃사람은 삼촌이다).

Сама квартира, где живет Пак Минсо, выглядит следующим образом. «Наружная» (коридорная) дверь ведет в сравнительно большую комнату. Пол ее приподнят на 35–45 сантиметров, а у самой двери на уровне коридора небольшое углубление, куда ставится обувь. Налево — дверь в кухню и умывальню одновременно. Ступеньки ведут вниз. Размеры кухни примерно 1,8 на 1,8 метра, высота — в человеческий рост. По периметру кухни расположены полки. Слева — напольная газовая плита. Чуть подалее плиты — единственный в квартире кран холодной воды, к которому прикреплен пластиковый шланг, завершающийся у цементного пола.

Мытье. Когда необходимо помыться, нужно достать алюминиевый тазик (можно к нему еще и небольшой пластиковый добавить). Затем туда нужно налить из шланга воды. Сам тазик при этом стоит на полу. Сядишься на корточки и моешь сначала лицо и руки, а потом в том же

⁴⁶ В настоящее время весь жилой квартал снесен, и на его месте разбит живописный парк.

тазу ноги. Лицо вытирается «обычным» полотенцем, висящем на натянутой поперек «прихожей» веревке, а ноги — маленькими старыми полотенцами или тряпочками, лежащими в маленьком тазике слева от выхода из кухни.

Еще в кухне есть какие-то пластмассовые бойлеры, а также топка для обогрева квартиры углем. Таким образом, жильцы каждой квартиры такого дома обогревают себя самостоятельно в зависимости от вкуса или своих финансовых возможностей.

Над кухней находится кладовая или *тхарак* высотой где-то 1,2 метра. Ее площадь равна площади кухни. Она имеет застекленные двери, как со стороны «прихожей», так и со стороны «гостиной», которая находится слева от входа. В ней навален всякий хлам.

В «прихожей» стоит стиральная машина, холодильник и прочие предметы хозяйственного обихода, как то горшки и т. п. На стенах развешены полки.

Комната Пак Минсо. Находится справа от входа. В нее ведет раздвижная дверь, традиционная, оклеенная бумагой, а сверху чем-то вроде паралона-пенопласта. В левом нижнем углу пенопласт проломан так, что образуется маленькая «дырочка для подглядывания».

В комнате имеется: слева — небольшая книжная полка у окна, где стоит около 70 книг. Остальные книги свалены в стопки (от периода университетской учебы Пак Минсо) либо в *тхарак*, либо тут же, справа от полки. Пространство от начала левой стены до полки ничем не занято. В стену вбиты гвозди, на которых в несколько рядов висит одежда, в основном матери. И на этой же стене ближе к потолку прибиты образцы каллиграфии на родном языке — работа сестры Пак Минсо. Стена напротив входа имеет окно (зарешеченное?) с рамой, отодвигающейся в сторону.

У окна чуть справа стоит письменный стол с нормальным европейским стулом. На столе несколько книг, бумаги и старый компьютер с принтером. У правой стены большой и довольно хорошего качества платяной шкаф, занимающий практически все пространство справа. Внизу этого шкафа хранятся постельные принадлежности, вынимаемые перед сном и расстилаемые на полу. Практически вся задняя стена — это раздвижные створки двери.

Комната бабушки. Похожа на комнату Пак Минсо. Только раздвижная дверь не имеет предательских проломов. Слева старый, 20–30-х годов, платяной шкаф, более объемный, чем в комнате Пак Минсо. В дальнем левом углу, у такого же раздвижного окна — старый цвет-

ной телевизор «Сони» с кнопчным переключением программ (где-то 20 или 30 кнопок). Стоит на тумбочке. Пространство у правой стены ничем особенным не заполнено. На стене висят образцы каллиграфии и портреты членов семьи.

На полу расстелено небольшое тонкое зеленоватого цвета одеяло с подушкой. Бабушка почти не ходит, часто лежит на этом одеяле и лежа смотрит телевизор.

Туалет на весь этаж дома общий для всех жильцов. Находится в противоположной от квартиры Пак Минсо части здания, вторая дверь справа после лестничной клетки. Это огромное помещение с деревянным ограждением кабинок: фанера, покрашенная синей краской, уже старой и отлетевшей в местах прожилок и волокон. Работают только три кабинки (примерно из 10) в дальней части ограждения.

Кабинка. Заходишь и упираешься в небольшой подъем, на котором в цемент вделан «унитаз» для отправления нужд, сидя на корточках (так называемый «восточный унитаз»). Справа в углу такой же, как и на кухне, простой водопроводный кран с пластиковым шлангом: для смыва фекалий.

Признаком несколько полудеревенского уклада жизни в таких *апатхы* является также и содержание кур на балконах. Так, примерно в 6 утра каждый день петух у квартиры Пак Минсо играл роль «бесплатного будильника».

Вообще отношения между соседями довольно теплые, о чем свидетельствуют всегда открытые двери большинства квартир. Так, как-то пришел мальчик лет 8 и принес печенье... Сказал: «Мама передала».

Отец Пак Минсо практически не живет в семье: то есть не присутствует дома, не спит дома, только питается. И вообще отношения с сыном у него неважные. Кому понравится сын-неудачник, бывший диссидент, да еще без жены и детей в возрасте 35 лет?

1993

18. Дешевое коммерческое студенческое общежитие *косивон*

Так называемый *косивон* (고시원) — «учреждение для подготовки к экзамену» — это место, где студент или абитуриент может «жить» и готовиться к экзамену. Хотя «жизнью» существование в этом заведении вряд ли можно назвать.

Опишу один из них, находящийся в районе Синчхон, недалеко от одноименной станции метро на пути в университет Ёнсе.

Ничем не приметное здание. На первом и втором этажах — небольшие ресторанчики, на третьем — платная бильярдная, а на четвертом — *косивон*.

Поднявшись по лестнице до конца, упираешься в застекленную конторку смотрителя *косивона*, с теплым полом, постелью, телефоном, документами на столе, набором ключей на специальном стенде. Слева — вход в коридор, перед которым выставлена просто пугающая своим количеством студенческая обувь: по всему пространству *косивона*, как и во всяком нормальном корейском доме, следует ходить без обуви.

Вместе с Ли Санхо, молодым работником Корейского Фонда и моим знакомым одновременно, заходим внутрь. Узкий коридор, уже, чем в спальном вагоне российского поезда, с дверьми по левую и правую сторону. Сплошной ряд дверей, прилегающих друг к другу. Стен вообще словно и нет! Настолько узки комнатки за ними. Высота потолка такова, что до него несложно дотянуться рукой. В комнате никакой мебели, кроме письменного стола с аудио лингвистической аппаратурой. Окон тоже нет. Если снимаешь комнату, то постель, расстилаемую на полу, нужно приносить с собой. Вещи развешиваются на гвозди, вбитые в стену. Туалет и душевая — общие. Единственное, что радует глаз в этой «тюрьме» с тонкими стенами, без какой бы то ни было звукоизоляции — это современные материалы, использованные в отделке помещений. И за все это нужно платить 200 американских долларов в месяц.

И хотя на момент посещения, 9 июня, у меня не было ни жилья, ни денег, я в ужасе бежал оттуда, из вежливости сказав вахтеру, что впечатление «ничего» и я еще подумаю насчет поселения здесь.

14 июня 1995 года

19. Корейский поезд и туалет. Свежие впечатления о дизайне

14 июня, поезд в Тэчхон по Западной линии, вагон 2, место 12.

Как всегда в вагоне два туалета: кабинка с писсуаром для мужчин и общий. В последний — очередь. Нетерпеливые женщины постоянно стучат в дверь своим предшественницам, чтобы те поскорее выходили.

Пока ждал своей очереди, обратил внимание на две вещи: плафон лампы на потолке был изготовлен в стиле «в рюшечку», а зеркало над умывальником в туалетном тамбуре, хотя и было прямоугольное,

но собственно отражающая поверхность была овальной формы, при этом его «нерабочее пространство» было украшено цветочным узором. И это при том, что поезд класса «Гибискус» — «Мугунхва» (무궁화)⁴⁷, в целом претендует на современный дизайн, соответствующий мировым стандартам. Рюшечки и цветочки вместе со стремительными и строгими линиями остального интерьера — вещь невозможная для Европы. И в этом есть что-то ключевое для корейской культуры.

14 июня 1995 года

20. В провинциальном книжном магазинчике

Удивительная вещь — провинция. Удивительна везде, в любой части света, а особенно в тех странах, где культура совершенно непохожа на твою родную, да еще есть несколько настороженное отношение к иностранцам и вполне естественное желание не пускать их в свою жизнь.

27 ноября вышел прогуляться в очередной раз по городку N с населением в 80 тысяч человек и решил зайти в показанный мне днем ранее книжный магазин, кажется, единственный приличный на весь город.

Стеклянные двери с ручками в виде трубы из нержавеющей стали вели в большое просторное помещение с невысоким потолком, по периметру которого были расположены книжные полки. В центре зала стоял газовый обогреватель. Перед ним два стула, на которых сидели две женщины: одной далеко за шестьдесят, другой — лет за сорок.

Я вошел и очень тихо, и даже более легким поклоном, нежели словами, поприветствовал хозяев и отправился вглубь магазина. Свет там был выключен и в полумраке я стал рассматривать книги о корейском семейном ритуале. Вдруг я почувствовал шевеление за спиной и над моей головой зажегся свет. Мысленно я поблагодарил хозяев, но почему-то даже не обернулся.

Когда я перешел к стеллажам, что стояли ближе к выходу, женщина, что помоложе, спросила меня, что мне нужно. Она спросила по-

⁴⁷ Всего в Южной Корее в 1990-е гг. имелось 4 класса поездов, для различения которых каждому классу были присвоены имена собственные. Самый дорогой и престижный поезд, напоминающий японские скоростные экспрессы, именовался «Новая деревня» — «Сэ маыль» (새마을) по названию движения за кооперацию в деревне и подъем сельского хозяйства начала 1970-х годов. Поезд второго класса назывался «Гибискус» — «Мугунхва» (무궁화), третьего — «Объединение» — «Тхонильхо» (통일호), и самого низшего, четвертого — «Голубь» — «Пидульги» (비둘기).

корейски, понимая, что если я рассматриваю книги на корейском языке, то все же должен хоть что-то понимать из ее речи. Тем более, что незадолго до этого, в то время, пока я рассматривал книги, в магазин заходила какая-то знакомая хозяйев и, наверное, увидев меня, стала с жаром рассказывать историю о том, как встретила в Сеуле филиппинца, прекрасно говорившего по-корейски.

— Да, это вам не английский «мяу-мяу», с таким человеком и поговорить приятно, — добавляла знакомая.

И вот теперь ко мне обращалась сама хозяйка магазина. На мою просьбу показать специальные работы по истории Кореи ответила, что таких книг здесь нет, а магазин рассчитан либо на школьников средней школы и их программу, либо на «среднего потребителя», работающего где-нибудь в фирме. А специальные книги нужно искать в Сеуле или в книжных магазинах университетов.

Я еще немного побродил между книг и собрался было уходить, когда хозяйка спросила меня, кто я и откуда. Узнав, что я из России и работаю преподавателем, хозяйка принесла мне со второго (жилого) этажа здания магазина чашечку кофе и мандарины. Рассказала о себе. Имеет среднее медицинское образование. Одно время работала медсестрой в Сеуле, потом медсестрой в средней школе. Выйдя замуж, приехала в Чанхан, где у мужа жили родители и было место преподавателя в школе. Когда отец мужа состарился, пришлось расстаться с работой в школе и взять в свои руки дело отца — книжный магазин. Таков долг старшего сына — заботиться о родителях. Днем посетителей в магазине почти нет. Но ближе к вечеру, когда служащие и школьники возвращаются домой, покупателей больше, и торговля более или менее идет.

Пока мы сидели, несколько раз в помещение магазина заходили и другие родственники хозяина магазина — младший брат с женой, приехавший на осеннюю церемонию поминовения предков и посещения могил — *сичже*. Хозяйка стала все более отвлекаться на новых посетителей, и я решил уйти. Время общения со мной вышло.

Записано 27–30 ноября 1996 года

21. Корейская баня в провинции

В корейской бане города N я был дважды. Первый раз знакомый отвез меня в баню на старом мотороллере 1 марта. Причем, когда знакомый позвал меня съездить с ним «куда-то», я не разобрал, что это будет баня, поэтому надел легкий свитер и обул первые попавшиеся

шлепанцы, которые оказались на несколько размеров меньше того, что было нужно. Поэтому дорога до бани оказалась непростой (нужно было делать все возможное, чтобы по дороге шлепанцы не слетели со стоп).

Оплатив мое посещение бани — 3 тыс. вон (в стоимость входило полотенце; зубную щетку и шампунь пришлось оплатить отдельно), знакомый сказал, что дорогу до дома я и сам знаю, после чего развернулся и неспешно укатил по своим делам.

Ненавистные шлепанцы я оставил при входе в мужское отделение. Напротив входа находился металлический шкаф с закрывающимися на ключ ячейками для одежды. Ключ крепится на резинку, которую надевают на щиколотку. Слева — огромное, на всю стену, зеркало с феном и одной на всех посетителей расческой для волос. Справа — такое же зеркало, перед которым прикреплена длинная полка с различными лосьонами и корзинкой с ватными палочками для чистки ушей.

Я разделся, взял с собой зубную щетку, одноразовый шампунь и ключ от шкафчика и направился в умывальню, отделенную от раздевалки стеклянной стеной. Умывальня представляла собой вытянутый в длину зал. Справа — лишь два душа для умывания в положении стоя. Остальные лейки душа — десять слева и пять справа — расположены так, что под ними можно умываться лишь в положении сидя. Ручка крана одна — только для теплой воды. Привычного смесителя нет. Посередине умывальни — два бассейна. Один большой, с теплой и слегка мутноватой водой. Другой — скорее миниатюрная ванная, откуда берут теплую воду для поливания из тазика. В дальнем левом углу — довольно большой бассейн с холодной водой, над которым надпись: «Перед принятием ванны просьба начисто вымыться». Справа от бассейна с холодной водой — небольшая кабинка сауны на двух-трех человек. Стены обшиты деревом. Но на скамейку сесть практически невозможно, так как из нее торчат накалившиеся железные гвозди.

Кладу зубную щетку и шампунь на приступочек, что около «сидячих» душей. Иду в сауну. Там — один кореец. Опасливо теснится и вскоре уходит из сауны. Сауна электрическая. На одной из стен — металлический лист с надписью, рекламирующей целебные источники «Ячжасу».

Кроме меня во всей бане всего двое мужчин: один в возрасте, один — молодой. Судя по всему, они либо друзья, либо родственники. Трут друг другу спину. Но пользуются исключительно душем для положения стоя.

На полу умывальни тут и там — пластиковые тазики, а также темно-синие «пласто-резиновые изделия», представляющие собой два соединенных вместе круга, толщиной порядка пяти сантиметров. Это — приспособление для сидения на полу (как раз под низеньким душем), которые я назвал по-русски «подзадниками». Молодой кореец сидит как раз на таком и жесткой мочалкой трет кожу. Это — исконно корейская часть процедуры умывания в бане. Не содрал с себя несколько слоев всего того, что накопилось на теле (때를 벗기다), кореец не чувствует себя нормальным человеком.

Выйдя из сауны, я моюсь под «сидячим» душем, принимаю холодную ванную, снова греюсь в сауне. Но на «подзадник» сесть не решаюсь.

Корейцы не обращают на меня особого внимания. Они уходят из бани раньше, и я на некоторое время остаюсь в одиночестве. Спокойно покидаю умывальню, вытираюсь полотенцем, пользуюсь общественной расческой (которая одна на всех), феном, чищу уши ватной палочкой. Хорошо.

Путь домой в шлепанцах, которые мне явно не по размеру, под светом яркой дальневосточной луны с подсветкой из звезд, не кажется тяжелым.

* * *

Когда я пошел в корейскую баню во второй раз, а это было 3 марта, то знакомый уже решил помыться вместе со мной. Эта была уже другая баня. С большей по размеру сауной, в которой гвозди не торчали из сидений скамеек. Скамейки были прикрыты легкими одеялами. В этой сауне были большие и чистые бассейны. И, соответственно — большое количество посетителей. Действительно, эта баня пользовалась особой популярностью среди жителей города N. В этой бане не было «сидячих» душей и «подзадников»: вместо них посетителям предлагались нормальные пластиковые табуретки.

А в «первую» баню знакомый меня отправил потому, что сам со мной пойти не мог, и, видимо, переживал за то, что я буду стесняться. Поэтому и привел в малолюдную баню.

Самым примечательным во «второй» бане мне показался огромный стеллаж с открытыми полочками — штук 60–70, стоявший при входе. На полочках были сумочки и пакетики с именами — банные принадлежности постоянных посетителей.

Записано 6–8 марта 1998 года.

22. Провинциальная клиника в 2000 году

В связи с болезнью моего ребенка (простуда) в августе 2000 года мне пришлось посетить типичную провинциальную частную клинику.

Небольшая частная клиника в Южной Корее, как правило, создается каким-либо одним врачом-специалистом. То есть *один* врач-специалист — это единственный на всю клинику врач, а все остальные ее работники — это медицинский и технический обслуживающий персонал. Поэтому понятно, что большинство таких клиник имеют узкую специализацию.

27 августа я отправился в частную клинику доктора N, специализировавшегося на болезнях внутренних органов.

Устройство этой клиники, расположенной в небольшом одноэтажном здании, типично для всей Кореи. При входе находится просторное помещение для ожидания приема с несколькими рядами кресел (как в кинотеатре) и обязательным телевизором, чтобы посетителям не было скучно. Тут же в конце зала находится «регистратура» — стойка с компьютером и бумагами, за которой, как правило, работают молодые девушки.

При обращении в регистратуру прежде всего выясняют вопрос о наличии и категории медицинской страховки. Имя посетителя регистрируется в компьютере и далее предлагается пройти в зал ожидания и ждать до тех пор, пока больного не позовут на прием через громкую связь.

Фамилию пациента произносит сам врач, который работает в единственном на всю клинику «кабинете врача». Он сидит за столом перед компьютером. Рядом с ним микрофон. Туда-сюда снуют девушки медсестры, поскольку «кабинет врача»... проходной. Первая дверь, входная, ведет из зала ожидания. Вторая дверь — у процедурного кабинета, в котором в основном делают уколы. Практически ни один прием пациента у врача не обходится без последующего укола. Это правило. Сейчас его стали критиковать: уж слишком много делают в Корее не столь нужных уколов. Но поскольку это — правило, на полу «кабинета врача» изображены стрелки в направлении процедурной с пояснительной надписью «укол».

Процедурная комната тоже проходная. Ее вторая дверь выходит в коридор, ведущий к стойке регистрации, но со стороны, противоположной входу в кабинет врача. После укола посетителю следует оплатить услуги клиники. Если у вас есть страховка, то стандартное

посещение стоит не так дорого: 2–4 тыс. вон. Тут же на принтере для пациента распечатывается рецепт.

С рецептом идут в указанную клиникой аптеку. В аптеке, прежде, чем отпустить лекарство по рецепту, так же выясняют, есть ли у посетителя медицинская страховка. Лекарство готовят в течение минут десяти (выдают наборы таблеток — по 3–6 штук в одной бумажной упаковке для единовременного приема, или же порошки и микстуры). При наличии страховки стандартный набор лекарств от простуды обходится в 1–2 тыс. вон (не более 2 долларов). При этом оплачивают аптеке не стоимость самих лекарств, а услуги провизора.

28 августа 2000 года

23. Опыт проживания в дешевой гостинице Мённюн на улице Тэханно в Сеуле

15 декабря 2001 г. я был вынужден покинуть гостиницу Сеульского Центра образования и культуры (Seoul Education & Culture Center), где проходила юбилейная конференция, посвященная 10-летию создания Корейского Фонда. Решил поселиться где-нибудь в недорогой гостинице у улицы Тэханно — районе, хорошо знакомом мне по 1993 году, когда я пять месяцев находился на научной стажировке и жил в общении неподалеку. Вдруг захотелось, что называется, «вспомнить былые годы».

Вышел с вещами из метро на западную сторону улицы — туда, где, помимо ресторанов и кафе, расположены также и жилые дома. После получаса поисков в глаза бросилась маленькая невзрачная вывеска, на которой кроме названия — «Гостиница Мёнрюн» — также была нарисована стрелка, указывавшая куда-то вглубь квартала узких улочек, застроенного невысокими двух- трехэтажными домами. Крыльцо гостиницы, которая одним боком примыкала к небольшому ресторанчику, было устроено таким образом, чтобы прохожим не были заметны лица входящих в выходящих постояльцев.

При входе в гостиницу я обнаружил каморку размером 1,2 на 3,5 метра, в которой сидела старая женщина лет 80, очевидно, мать хозяина гостиницы. В каморке был обустроен теплый пол. На мой вопрос о стоимости комнаты бабушка ответила: «25 тыс. вон». Это было недешево для более, чем скромного интерьера этого заведения, но я согласился, учитывая дороговизну земли в этом районе и удобство инфраструктуры. Не успел я свыкнуться с мыслью о 25 тыс. вон за

сутки, как тут же появился хозяин гостиницы и заявил, что поскольку я собираюсь провести два самых «урожайных» на постояльцев дня недели — субботу и воскресенье — то должен заплатить 35 тыс. вон в сутки. А это немалые деньги. Я попытался спорить. В итоге мы сговорились на том, что за два дня пребывания в комнате с корейским (теплым) полом на первом этаже я заплачу 60 тыс. вон, причем всю сумму — авансом. (Позже я выяснил, что и это было намного завышенной ценой.)

Сначала хозяева дали мне комнатку № 102, располагавшуюся прямо у входа на этаж. Пока я менял доллары, полученные на конференции, на корейские воны, хозяин все же решил переместить меня в более дальнюю и более «тихую» комнату № 106. Был очень услужлив и лично перетащил мою тяжелую сумку в новый номер.

«Номер» представлял собой маленькую комнатку размером 2,5 на 1,8 метра. В конце находилось помещение с унитазом и душем, кран которого был расположен прямо у пола. В душевой был старый кусок мыла и большой тубик зубной пасты, использованный наполовину. На полу, вымощенном мелкой кафельной плиткой, одиноко стоял старый пластиковый тазик для умывания.

Сама комната была оклеена старыми обоями грязно-кремового цвета, местами ободранными. В углу лежало сложенное стопкой старое постельное белье: матрас, одеяло и две подушки. Слева от входа стояла тумба со старым телевизором, каналы в котором переключались вручную барабанным тумблером. Окна в комнате не было вообще: только вентиляционная форточка у двери, выходящая в коридор. На стене справа была прикреплена вешалка с двумя хилыми пластиковыми плечиками для одежды.

Оставив вещи в номере, я ушел по своим делам. Вернулся около 10–11 вечера. Бабушка-хозяйка дала мне связку ключей, чтобы я открыл свой номер, и затем вернул связку обратно. Потом я снова ненадолго вышел, и окончательно вернулся около 12 ночи. Но поспать мне так и не удалось.

Из-за тонких перегородок всю ночь доносились голоса молодых мужчины и женщины, звон бутылок, хлопанье дверей, цоканье каблуков по коридору. В другом соседнем номере также были мужчина и женщина, всю ночь ругавшиеся друг с другом. Регулярно, каждые 20 минут, раздавалась грубая нецензурная брань мужчины, а затем происходило очередное хлопанье дверью. Я с нетерпением ждал, когда эта раздраженная пара, наконец, уйдет, чтобы спокойно поспать хотя бы несколько утренних часов.

Из-за того, что в комнате не было окна, и она находилась в постоянном полумраке, я не мог составить представления о времени. Мне казалось, что я проспал не больше часа после того, как ушла эта шумная пара. Но когда я включил свет и посмотрел на часы, то выяснилось, что было уже полвина второго дня. Так потерять драгоценное время в Сеуле!

* * *

Однако следует сказать, что, несмотря на все «но», пол в комнате «жарил» на всю катушку и из крана всегда шла горячая вода. А хозяин накануне дал мне застиранное, но чистое полотенце и запечатанную в пластик новую зубную щетку.

В ночь с 16 на 17 декабря я вернулся в гостиницу также очень поздно: шел пешком от Рынка у Южных ворот — Намдэун. В эту ночь в гостинице было довольно тихо, и я наверняка смог бы хорошо выспаться, если бы не необходимость раннего подъема: утром я должен был ехать в аэропорт.

Когда я выезжал из гостиницы, хозяин был предельно вежлив. Однако когда я попросил его выписать мне квитанцию за проживание, то сначала он предложил мне отметить в ней лишь 50 тыс. вон (то есть, очевидно, по действительному тарифу, а не по тому, что он запросил с меня).

На это я ответил:

— Запишите по правде, как есть.

И хозяину пришлось отметить в квитанции ту сумму, которую я заплатил ему на самом деле.

17–18 декабря 2001 года

ГЛАВА 16. ЭКОНОМИКА

1. Корреспондент «Корейской экономической газеты» о корейском развитии

Как-то раз в беседе с мной корреспондент «Корейской экономической газеты» г. Ким Гиун сказал так: «Еще 10 лет тому назад в Корее никто не мог представить того, что практически в каждой семье будет свой автомобиль, а процесс экономического роста пойдет настолько быстро».

1992

2. Корея — страна дефицитов (Или кое-что об импортозависимой экономике)

Как-то искал я в Сеуле авторучку, такую, чтобы кнопка была наверху, с синей пастой и имеющую запасные стержни в продаже. Это было 30 августа 1993 года. Обошел как большие универмаги типа «Лотте», так и все большие книжные магазины Сеула: «Кёбо мунго», «Енпхунъ мунго», «Чонно сочжок», «Бльчжи сочжок» и т. п. Обошел и огромное количество мелких магазинчиков канцтоваров.

И каковы же были итоги моего дневного рейда? К ручке «Краун-Корея» (Crown-Korea) с четырьмя стержнями, которую я купил в первые дни моего пребывания в Корее, «японских» (как их называли сами продавцы) запасных стержней не нашел. Единственными авторучками со сменными стержнями оказались дешевые, стовоковые «Мон ами» (Mon ami, что значит «Мой друг»). Удивительно, что к этой дешевке, которую и выкинуть-то не жалко, почему-то есть сменные стержни, в то время как к более дорогим и, казалось бы, более долгого пользования авторучкам, запасных стержней нет, даже к металлическим. И все эти авторучки средней ценовой категории по большей части либо японские, либо итальянские, либо немецкие. Сменные стержни есть только для очень дорогих авторучек типа «Паркер», но почему-то только черного цвета.

Но в итоге долгих скитаний я все же нашел более симпатичную и недорогую авторучку «Морнинг глори» (Morning Glory — «Утренняя слава») за 250 вон, со сменными стержнями.

Но каково же было мое удивление, когда, рассматривая стержни, с которыми эти авторучки поступили в продажу (а купил я на радостях аж несколько цветов), я обнаружил на них надписи: «сделано в Швейцарии» или «сделано в Германии»!

Нонсенс! Многоцветная дешевка и одноразовая дороговизна!

Ответ прост. Сами корейцы производят только простейшую авторучку «Мон ами», а все остальное более или менее высокого качества — беззастенчивый импорт, иногда с надписями «Корея», очень однообразный и неудобный.

1993

3. Скупка товаров

В конце декабря 1998 года⁴⁸ стали доходить слухи о том, что в связи с падением курса воны и повышением цен на многие товары корейцы стали заранее запасать самые необходимые для жизни товары: рис, сахар, соль. Говорят, что в Корее даже прилавки опустели. Правительство пыталось было прибегнуть к помощи правоохранительных органов с тем, чтобы привлекать таких паникующих скупщиков к ответственности. Но разве можно сдерживать человеческие эмоции, недоверие к государству?

1998

4. Повышение спроса на уголь

В связи с тем, что падение курса воны привело к повышению ввозимого в Корею из-за рубежа бензина и других нефтепродуктов, обогревать частные дома керосином стало очень дорого. Поэтому те, кто не выбросил сохранившиеся с 1970-х годов угольные бойлеры марки «Сэ маыль» («Новая деревня» — в честь «Движения за новую деревню», развернутого президентом Пак Чонхи в 1970-е годы), достали их из чуланов и стали активно греться углем.

1998

5. Безработица

Все указанные выше сложности и изменения, вызванные падением курса местной валюты, совсем не вызвали «автоматического» роста заработной платы. Наоборот, рабочие стали получать еще меньше. Некоторые из работников фирм, оказавшихся на грани закрытия, были согласны вообще не получать зарплаты, лишь бы не выгнали с работы, надеясь получить свое в дальнейшем, после ожидаемой стабилизации экономики.

Впервые за многие десятилетия в конце года не выплатили премий. Корейцы говорили мне, что безработица (увольнение с работы) затронуло каждые 8 из 10 семей.

Записано 15 декабря 1998 года

⁴⁸ Период финансово-экономического кризиса 1997–1998 гг.

6. «Нечего есть»

В телефонных разговорах корейцев из Южной Кореи со своими соотечественниками за рубежом стала проскакивать фраза о том, что в Корее нечего есть, что в Сеуле жизнь стала настолько невыносимой, что люди вдруг кинулись покупать землю в провинции, с тем, чтобы впоследствии, в случае еще большего углубления кризиса, лично заниматься растениеводством и таким образом кормить себя и свою семью.

Однако, честно говоря, довольно трудно представить такую ситуацию, когда в Южной Корее «нечего есть», особенно после того невероятного изобилия продуктов питания, которое можно было наблюдать в 1990–1996 годах.

С другой стороны, занимаясь географией Кореи, я выяснил, что в Южной Корее в последние десятилетия наблюдалась тенденция сокращения производства сельскохозяйственных продуктов и увеличение их импорта из-за рубежа. И если Южная Корея в сфере обеспечения населения продовольствием действительно зависит от внешнего рынка, то ситуация, когда «нечего есть», теоретически вполне возможна.

Записано 25 января 1998 года

7. Реклама и мобилизационные кампании

Просматривая южнокорейские газеты начала января, в основном газету «Хангук ильбо», столкнулся с очень интересной рекламой, направленной на мобилизацию населения во имя преодоления финансово-экономического кризиса.

Так, в номере «Хангук ильбо» от 12 (?) января была помещена реклама, изображавшая 8-летнюю девочку, говорившую: «А не отдать ли мне мое золотое колечко, подаренное ко дню годовщины со дня рождения, государству, чтобы экономика в стране стала лучше?» Реклама направлена на организацию кампании продажи в казну личного золота по фиксированным государственным ценам.

А на странице 9 той же газеты от 16 января реклама изображала пейджер с открытой крышкой отсека для батареек, в которой батарейка была завернута в американский доллар. Реклама спрашивала: «А не тратятся ли в моем пейджере американские доллары?» То есть

реклама призывала к использованию исключительно отечественных (южнокорейских) батареек.

Записано 25 января 1998 года

8. Реклама и развлекательные телевизионные программы

По сообщениям петербургских резидентов из Южной Кореи, в стране резко сократилось количество развлекательных и молодежных передач. Связывают это не только с необходимостью переориентации народа от «излишнего» количества развлечений к трудовой деятельности, но и с большой дороговизной производства таких программ. Говорят, что сокращение развлекательных программ было одним из требований Международного валютного фонда к Республике Корея.

Сократилось количество рекламы и в метрополитене. И не только. В самих корейских газетах рекламы стало значительно меньше. Зато повысилось внимание населения к печатным средствам массовой информации. По сообщению корейцев, недавно приехавших из Сеула, до 70–80% пассажиров метро теперь читают по дороге на работу утренние газеты.

Записано 28 января 1998 года

9. «Эпоха Международного валютного фонда» (1)

Всего два с половиной месяца прошло с тех пор, как в Южной Корее почти в два раза упал курс национальной валюты, обесценились акции, резко возрос государственный долг, и в экономику страны стал вмешиваться Международный валютный фонд. В Корее это время кризиса получило свое название «Эпоха МВФ» (IMF 시대), потому что корейцы ожидали еще как минимум года 2, а то и все 5–10 лет продолжения кризисных явлений.

Хотя внешне поразивший страну кризис не особенно-то и заметен. Люди также хорошо одеты, ходят в рестораны и ездят на хороших машинах.

Однако тем, кто посещал Корею раньше, бросается в глаза подорожание проезда на общественном транспорте: автобус «местных линий» (마을 버스) теперь стоит 300 вон, обычный городской рейсовый автобус — 500 вон, метро — от 450 вон. Причем в метро резко возросла стои-

мость проезда по зонам тарификации: самих зон стало больше. Выросла цена билетов и на поезда дальнего следования. И это понятно. В Корее (в то время) большинство железных дорог не электрифицированы. А с падением курса местной валюты возросла стоимость импорта, в том числе нефти (запасов которой в Корее нет) и нефтепродуктов.

Все, что происходило с ценами в начале 1998 года, действительно можно было назвать «подорожанием», а не инфляцией, так как заработная плата осталась «замороженной» и даже сократилась в среднем на 4–5%. На мелких и средних предприятиях, которые постигло банкротство, заработную плату вообще перестали платить. Но люди продолжали работать в надежде на улучшение ситуации (сообщения новостей от 3 марта 1998 года) Увеличилось число безработных: до 1,5 миллионов человек (из радиопередачи от 3 марта 1998 года). Кстати, именно поэтому, как говорят сами корейцы, увеличились доходы пунктов видеопроката: люди сидят дома, скучают, и от вынужденного безделья смотрят видеокассеты. Но в новостях сообщают и об открытии школ по переквалификации безработных.

Вообще, по всей Корее полно плакатов, призывающих к экономному расходованию. Есть даже реклама на телевидении, изображающая полную кореянку, затягивающую пояс. Реклама, правда, призывает не затягивать пояс слишком туго.

Возможно, кризис сказывается на том, что за последние 2–3 года почти не обновился парк корейских легковых автомобилей. Если 1995 год, по сравнению с 1993, поразил тем, что, по крайней мере визуально, обновилась почти половина моделей легковых автомобилей, то в 1997 г., по сравнению с 1995, почти все осталось по-старому. Новые модели корейских фирм Дэу и Хёндэ, KIA конечно же, появились, но не стали массовыми.

Мода на одежду за один год и два месяца, что я не был в Корее, также заметно не изменилась: люди носят все то же, что носили и раньше.

Зато огромной оказалась инфляция. С конца декабря 1997 г. по февраль 1998 г. потребительские цены выросли в среднем на 25%: так сказал мне мой корейский знакомый Ли Санхо.

Несмотря на развертывание всекорейской кампании за сдачу государству по фиксированным ценам драгоценных металлов, начавшейся в прошлом году, магазины, торгующие ювелирными изделиями, работают так же, как и работали раньше. С 5 марта 1998 года началось движение за сбор украшений и предметов из серебра. Правда, действительно, спрос на драгоценные металлы действительно стал меньше. Так, 5 марта у прилавка, развернутого перед ювелирными магазинами

на центральной улице Чонно, торговавшего «золотыми украшениями (18 к золота)» «дешево», не было ни одного покупателя.

4–5 марта 1998 года

10. Эпоха МВФ (2)

Несмотря на внешнее «благополучие» Кореи, преодолевающей кризис «Эпохи Международного валютного фонда», на улице все же заметны признаки все более усложняющейся жизни.

Во-первых, тут и там стали появляться конторы, занимающиеся предоставлением информации о рабочих местах: показатель невиданной доселе безработицы. В универмагах, правда, не таких крупных и известных как «Лотте», заметно отсутствие покупателей. Например — универмаг «Хэтхэ Шоппинг» (Haitai Shopping) у станции Пучхон надземной железной дороги. Товары в нем какие-то «старые» и «однообразные». Продавщицы тихо, боязливо и одновременно как-то даже вяло (от безнадежности?) умоляют: «Пожалуйста, купите галстук, всего за 9 тыс. вон...»

А новости из провинции еще более ошеломляющие. Из-за нехватки сырья (нет валюты для его покупки) стали воровать металл. По ночам, естественно. Объектом воров может стать алюминиевый каркас виниловых теплиц, а то и металлические заборы — демонтируют целиком.

Одним словом, «Эпоха МВФ». Цены на многие товары стали до невероятности низкими. В том же универмаге «Хэтхэ» продавали хорошие костюмные брюки за 10 тыс. вон (7,5 долларов), пиджак костюмный — за 20 тыс. вон (15 долларов), а свитер китайский стоил вообще 3 тыс. вон (2 доллара).

9 марта 1998 года

11. Кризис. Кризис?

Пред этим своим визитом в Корею я внимательно читал корейские газеты, рассказывавшие о положении дел в стране. Газеты бодро писали о том, что Корея находится на пути успешного преодоления экономического кризиса, разразившегося в 1997 году. Рассказывая об укреплении курса южнокорейской воны по отношению к доллару США, пресса прогнозировала полное восстановление экономики к 2000 году.

Приехав в январе 1999 года в провинцию, я увидел несколько иную картину.

В доме, где я останавливался и прежде, несмотря на холодную зиму, отопление было включено только в 2 из 4 жилых комнат второго этажа⁴⁹. И то не на весь день. В ресторане, что расположен на первом этаже дома, совсем нет посетителей. Быть может, один-два человека за день. Раньше хозяйка ресторана поднималась в 5–6 часов утра, и возвращалась с работы в 10–11 вечера. Нынче она не начинает работу раньше 8–9 утра, и возвращается уже в 9 вечера. Невиданное дело по прежним временам!

На рынке города N в «базарные дни» (проходят 1 раз в 5 дней) стали продавать старые поношенные вещи! Разве было такое до кризиса? Цены действительно стали очень низкими. За куртку цвета сафари из плащевой ткани с отстегивающейся теплой подкладкой берут всего 8 тыс. вон (6 долларов)! Но... она 1991 года производства, да и швы у нее местами разошлись. (На том же рынке обнаружил утепленную куртку южнокорейской фирмы Maupole, на которой было указано, что она произведена в КНДР — Северной Корее.)

Хозяин книжного магазина, расположенного на центральной улице города, сказал мне:

— Уж и не знаю, как и живу. На грани разорения.

В магазине сувениров и канцтоваров, что расположен неподалеку, на той же центральной улице, также пусто. Хотел было купить там два синих стержня для авторучки. Продали за 150 вон за штуку, в то время как в Сеуле они стоят всего 100 вон. Стал проверять стержни: не пишут. Посмотрел на год выпуска: 1995. Наверное, паста высохла. Другой стержень был 1997 года, с трудом удалось расписать. Хотел было заменить старый стержень, но выяснилось, что все оставшиеся стержни, которые подходят к моей авторучке — 1995 года выпуска и все не пишут.

Пустота. Застой. Кризис. Цена недвижимости упала в три раза! Построенная в прошлом году недалеко от вокзала гостиница пустует и у нее до сих пор нет постоянного хозяина. Город словно застыл в ожидании смерти.

Хотя мелкие строительные фирмы, например, занимающиеся постройкой автозаправочных станций, наоборот процветают. У них полно заказов, есть доходы и в ближайшую весну они ожидают улучшения ситуации.

22–25 января 1999 года

⁴⁹ В частных южнокорейских домах помещение отапливается индивидуально, как правило, с использованием водонагревателей, работающих на керосине.

12. «Эпоха МВФ» исчезает

Еще летом 1998 года все южнокорейские средства массовой информации только и говорили об экономическом кризисе и Международном валютном фонде (International Monetary Fund — IMF) — его зловещем символе. В ресторанах и магазинчиках часто можно было увидеть вывески, сообщавшие посетителям о «ценах МВФ» или «меню МВФ», то есть очень дешевом. Тогда снижением цен хотели поднять потребительский спрос и, тем самым, способствовать выходу из кризиса.

В начале 1999 года об «МВФ» все еще писали в газетах и говорили с экранов телевизоров. Но с улиц Сеула и других городов Кореи эти три неприятные буквы — IMF — почти полностью исчезли.

29 января 1999 года

13. «Сделано в Китае» (1)

В последнее время товары китайского производства все больше и больше заполняют южнокорейский рынок. И это не только и не столько товары китайских торговых марок. Чаще всего — это изделия корейских фирм, иногда даже довольно известных, таких как «И-Лэнд» (E-Land). Если это одежда, то на лейбле все надписи сделаны по-корейски. И адрес, и телефон фирмы тоже корейские. Только в самом низу указано: «сделано в Китае» (Made in China). Корейцы говорят, что дешевле произвести вещь в Китае по корейским технологиям, нежели все делать в самой Корее. Поэтому многие южнокорейские компании открывают в КНР свои производственные филиалы.

В то же время большие и гордые слова «сделано в Китае» на изделиях корейских торговых марок, похоже, указывают на новое отношение Китая к своей продукции, считающего, что ныне изделия, произведенные в этой стране, не такого уж плохого качества.

А ведь в августе 2000 г. в Южной Корее разразился скандал в связи с тем, что в партии рыбы и краба, импортируемых из Китая, внутри тушек, обнаружили болты и прочий железный «хлам», с помощью которых нечестная фирма хотела увеличить вес продаваемого товара.

28 августа 2000 года

14. «Сделано в Китае» (2)

В 2001 году становится все более заметной тенденция захвата южнокорейского рынка китайскими товарами. Расширяется число мест, где ими торгуют, а также ассортимент.

Так, на рынке у Больших Восточных ворот (Тондэмун) вечером 24 сентября нашел несколько торговых точек, торговавших исключительно товарами китайского производства: полотенцами, мужскими сорочками в стиле кэжьюал (casual). За одну такую мужскую рубашку просят около 7 тыс. вон — цену, типичную для этих изделий и для рынка Тондэмун. Однако качество....

Купил одну такую, не разобравшись в том, что она китайская. Надел. И сразу же над плечами — слева и справа — стали расходиться швы...

27 сентября 2001 года

15. «Сделано в Китае» (3)

28 сентября в девятичасовых новостях центральной телерадиовещательной корпорации Кей Би Эс (KBS — Korean Broadcasting System) прозвучало сообщение о том, что очень много товаров, особенно тех, которые продаются как подарки к празднику урожая *чхусок*, выдаются за корейские, хотя на самом деле они сделаны в Китае.

28 сентября 2001 года

16. «Сделано в Китае» и «Сделано в Корее»

Чем дальше, тем сложнее или почти невозможно приобрести в Корее недорогую качественную вещь местного производства.

15 июля купил в магазине-складе «Карфур» (Carrefour), якобы на «регулярной распродаже», коричневый ремень за 5 тыс. вон (это около 5 долларов), будто бы даже и кожаный. На особое качество не надеялся. Дома стал смотреть на все этикетки и особенности «качества» купленного мною ремня. Что удалось выяснить? На бумажной этикетке указано, что ремень сделан из кожи и искусственной кожи в г. Тэчжоне. Последнему указанию я обрадовался, подумав: «Ну не все же в этой стране “Сделано в Китае”!» Каково же было мое разочарование, когда я обнаружил, что пряжка все же сделана в Китае. Что касается «устройства» ремня, то когда я отрезал его кусок (чтобы немного укоротить), то с удивлением обнаружил следующее. Основная

часть ремня сделана из толстого темного материала непонятного происхождения. На внешнюю часть ремня наклеена тончайшая полоска чего-то, напоминающего обработанную кожу. На внутреннюю сторону ремня как бы «напылены» кожаные ворсинки, призванные иллюстрировать якобы «внутреннюю необработанную сторону толстого куска “натуральной кожи”». На самом деле это искусственное напыление довольно-таки легко отслаивается. Вот вам и корейское качество!

Неделей ранее купил «корейские» кожаные туфли, похоже, местного производства, с весьма плохого качества рыжеватой покраской внешней части обуви. Не успел я походить в них 3–4 часа, как полностью развалилась внутренняя «полустелька», выполненная из тонкого кожзаменителя. При этом «кожаная» поверхность моментально стерлась, перейдя на носки, и обнажилась тканевая подкладка с клеем — так что носить все это было невозможно. Кроме того (впервые за мой 15-летний опыт покупки корейской обуви) мне жутко натерло правую ступню, так что после этого больше недели ранка не могла зажить. Башмаки я поменять не смог, так как, после обнаружения брака, в дождливую погоду должен был ехать в Сеул, а другой обуви у меня не было. Поезд отправлялся в 7.45 утра, брак я обнаружил около полуночи накануне. Пришлось отрывать стельку от старых развалившихся башмаков (тоже корейского производства, двухлетней давности; в них подошва треснула) и переклеивать на «новые» туфли.

Иногда мне кажется, что нынче в Корее лучше сразу покупать китайские вещи. У китайских вещей, может быть, материал некачественный, но шьют, к примеру, китайцы хорошо. Так, сколько бы я ни покупал корейской одежды (дешевой), я не помню случая, чтобы после покупки мне не приходилось обрезать «хвосты» ниток на внутренних швах. У китайцев же «все в порядке», швы идеальные и нигде ничего не болтается.

Правда, купил я в Тэчжоне китайский ковшик, чтобы воду кипятить, за 1 тыс. вон (около 1 доллара). «Тефлоновый», но с некачественной ручкой. Когда поставил ковшик на газ первый раз, чуть было не умер. Ручка нагрелась и стала дымиться, и от нее пошел такой вонючий и едкий дым, что еле проветрил комнату. После запах от копящейся ручки ковшика, хотя и стал меньше, так и не исчез.

Вообще на большинстве вещей, продаваемых в современной Корее, несмотря на наличие корейского имени производителя и корейского лейбла, чуть ли не в большинстве случаев, где-нибудь в самом не-

приметном месте, почти всегда можно обнаружить надпись «сделано в Китае».

16 июля 2005 года

17. Как в Южной Корее отключают электроэнергию

10 июля 2011 года я, сев на автобус № 1150, с багажом отправился из центра Сеула, района Мёндон, в Ёнинский кампус столичного Университета иностранных языков Хангук, расположенный в столичной провинции Кёнги, где мне предстояло жить несколько дней.

Остановка, на которой я вышел, находилась в «безлюдной» части университета. Справа от дороги стояли корпуса почти что достроенного нового студенческого общежития, а слева в гору уходила дорога. Мне следовало идти в гору. Я не знал точного адреса гостевого дома для профессоров, и искал его по приблизительному описанию дороги, которое мне сообщили накануне.

Поднявшись к самому дальнему зданию у подножия горы, обнаружил охранника-консьержа, мужчину лет 65, который сидел на скамейке, обращенной в сторону живописной долины, и о чем-то разговаривал с сотрудником кампуса.

Я спросил его, является ли это здание «общежитием для бакалавров» (так не совсем точно было обозначено название гостевого дома).

— Нет, — ответил охранник.

— А где такое есть? — спросил я, сомневаясь, что получу хоть какой-то вразумительный ответ, потому что нигде рядом я не видел каких-либо строений, имевших гостевые комнаты, кроме того здания, перед которым стоял.

— Не знаю.

— Мне кажется, — продолжил я, — что в этом здании для меня приготовлена комната. К вам поступали какие-либо заявки на проживание иностранцев?

— Нет, ответил охранник.

И тут начал идти дождь. Я занес свой багаж под крышу и стал названивать по сотовому телефону, пытаюсь выяснить, куда же мне идти. И в самый пик диалога мой телефон вдруг выключился. Я попытался набрать номер снова, но телефон упорно молчал. Я попытался перезагрузить телефон. Но и это не помогло. Расстроенный, пошел на пост охраны и попросил дать возможность воспользоваться местным телефоном. Охранник с явным сочувствием предложил позвонить со служебного телефона, имевшего выход в город.

Вскоре мне на помощь приехал профессор, работавший в университете Хангук. Оказалось, что я пришел в нужное место и что он подавал заявку на мое проживание, которая почему-то не дошла до поста охраны.

Профессор сказал:

— Дайте нашему гостю удобную комнату, на пятом этаже, с хорошим видом.

— Конечно же, — вежливо ответил охранник и дал мне ключ и электронную карту для прохода через пункт контроля.

Мы с профессором поднялись на пятый этаж. В прихожей «удобной» комнаты была огромная лужа воды и не включался свет в ванной.

— В чем дело? — спросил я. — Здесь что-то неисправно?

— Нет, ответил профессор, — это отключена электроэнергия. До семи вечера. Идут ремонтные работы. К электроснабжению подключают новое студенческое общежитие, расположенное внизу долины. Поэтому нет света в ванной, разморозился холодильник в прихожей, нет Интернета.

«И выключили антенну одного из операторов сотовой связи!» — подумал я.

При этом в самой комнате моего номера 504, как и в отдельных помещениях здания гостевого дома, свет был, очевидно, обеспечен системой резервного электроснабжения. И лифт работал. Хотя лифты в соседних зданиях «намертво» стояли.

Когда через полчаса я отъехал километра на три от кампуса, мой телефон снова обрел жизнь, и я почувствовал себя намного комфортнее.

Записано 16 июля 2011 года

ГЛАВА 17. БИЗНЕС ПО-КОРЕЙСКИ

1. Бизнес по-корейски в Корее (1)

18 августа 1998 года директор магазина балетных принадлежностей «Митхури», что расположен на центральной улице Сеула Чонно, сам пришел в Сеульский концертный комплекс «Есур-ый чондан» (예술의 전당) к руководству Санкт-Петербургского государственного балета на льду, чтобы поговорить о возможности приобретения Балетом лосин, бандажей и балетных колготок для своих артистов. В перерыве между дневным и вечерним спектаклями, где-то около шести вечера,

директор магазина направился к костюмерам и артистам обсуждать модели и цены. В процессе разговора выяснилось, что в магазине также есть хлопковые костюмы для репетиций. Из предложенного костюмерам понравились серые рейтузы. Но артистам были нужны именно черные костюмы для репетиций. Директор магазина сказал, что у него все это есть, и что он позже пришлет необходимые образцы. Кроме того, обещал доставить 40 пар балетных колготок нужного цвета и качества. Договорились о новой встрече на 20-е число.

Наступило 20 августа. Сам директор магазина не приехал, а прислал вместо себя молоденькую девушку и парня, работавших у него. С собой они привезли... огромное количество разноцветных купальников из полиэстера. На мой вопрос, почему директор магазина прислал совсем не то, что мы просили, был дан ответ:

— Так распорядился директор. Он сказал, что вы заказали черный цвет только потому, что в России нет ничего, кроме черного. (Решил осчастливить артистов яркими корейскими цветами).

Тогда работников магазина провели на сцену и показали, что на самом деле нужно. Я же объяснил, что при постановке спектаклей балетмейстеру удобнее работать с труппой тогда, когда все одеты в черный цвет.

В ответ работники магазина сказали, что у них есть то, что нам нужно, только, может быть, задняя часть комбинезонов имеет чуть более глубокий вырез, чем на тех, что у артистов, и что спереди могут быть небольшие складки. Обещали все привезти на следующий день.

На следующий день мне позвонил молодой человек и сказал, что вчера они «ошиблись» и нужных балетных костюмов в магазине нет...

21 августа 1998 года

2. Бизнес по-корейски в Корее (2) **(Торговец сувенирами)**

Санкт-Петербургский государственный балет на льду привез на гастроли в Южную Корею русские сувениры для продажи. Ответственное лицо со стороны Балета уговорило Хелен Ким — менеджера южнокорейской компании «Сеул Артистс Менеджмент» (Seoul Artists Management), проводившей гастроль, организовать в фойе театра особую торговую точку.

Для работы в этой торговой точке Хелен Ким пригласила своего знакомого, который специализировался на продаже в Корее русских

сувениров: водки, матрешек и т.п. У знакомого тоже были свои собственные товары для продажи. Кореец согласился продавать сувениры Балета за 35% комиссии от назначенной продажной цены. Для организации работы торговой точки он взял на временную работу еще двух корейских девушек.

Таким образом, на протяжении всего периода гастролей ответственное лицо Балета передавало корейцу сувениры и записывало в специальном блокноте количество сувениров и ту сумму, которую было необходимо за них получить. Кореец вел записи на каких-то клочках бумаги. Точно так же раз в несколько дней ответственному лицу передавалась часть причитавшихся ему 65% выручки.

К 30 августа все привезенные сувениры и наборы открыток были проданы. Наступило время окончательного расчета. Ответственное лицо и корейский «директор» прошли в одно из задних помещений фойе. Дверь была заперта на ключ. С определением общей суммы проблем не было. Вопрос возник только тогда, когда стали выяснять, сколько же денег ответственное лицо уже получило за предыдущие дни гастролей, и сколько еще оставалось получить. На клочках бумаги корейца значилось, что ответственное лицо получило на 300 тыс. вон больше, чем было зафиксировано в блокноте у ответственного лица. Ответственное лицо упорно настаивало на том, что никаких «лишних» 300 тыс. вон оно не получало.

Тогда кореец сказал:

— Знаете, это Вам только кажется, что 35% с суммы продаж — это большие комиссионные. Половину из этих процентов я должен отдать фирме «Сеул Артистс Менеджмент» за предоставление права торговать в театре. И еще мне надо заплатить двум девушкам, которые работали у меня. И что же мне остается... Ну, вспомните, ведь Вы же получили тогда эти 300 тыс. вон...

— Ну ладно, давайте поделим ответственность пополам. Вы мне даете на 150 тыс. меньше того, чем выходит по моим расчетам, а Вы, соответственно, на 150 тыс. больше, чем выходит по Вашим, — предложило ответственное лицо.

— Триста тысяч, — произнес кореец (всего, согласно российским расчетам, следовало получить 550 тыс. вон остатка), и протянул пачку денег.

Когда деньги пересчитали, то оказалось, что в пачке было 400 тыс. вон.

Послесловие

Кореец продавал сувениры Балета не по цене, назначенной Балетом и с которой он получал 35% комиссии, а гораздо дороже...

1 сентября 1998 года

ГЛАВА 18. МОДЕРНИЗАЦИЯ

1. Замечание о модернизации Кореи

Если 1992 год в сравнении с 1990 годом произвел на меня несколько удручающее впечатление — было ощущение стагнации и легкого разрушения построенного прежде, то 1993 год относительно 1992 воспринимался мной в этом плане более оптимистично. Чувствовался немалый прогресс в жизни страны, и внешне это проявлялось в следующем. Новые виды продуктов питания, новая одежда, быстрое изменение моды (конечно, не без воздействия из Европы и Америки): брюки клеш; туфли на платформе; никто в Корее теперь не носит поясных сумок и т. п. Новые сорта сигарет. Изменение интерьеров крупных магазинов. Так, «молодежный магазин» «Мёндон Ыйрю»⁵⁰ расширил свою площадь в 2 раза, универмаг «Лотте» (центральный торговый центр) планирует полностью переделывать интерьер первого этажа.

В стране началась кампания (общемировая, но ее не было еще в середине 1992 г.) за сокращение количества мусора; на улицах появились пары мусорных баков: для уничтожаемого и для перерабатываемого мусора.

Также заметны проявления новой кампании по борьбе с курением в общественных местах. К примеру, теперь в гостинице «Лотте» вы не найдете пепельниц около кресел для ожидания в холле или у лифтов и т. п.

Появилось огромное количество новых моделей автомобилей...

1993

⁵⁰ 명동의료. Магазин молодежной моды, расположенный в центральном квартале Мёндон.

2. Сеул — полудеревня

Несмотря на бурное строительство и прогресс, все же в Сеуле остается еще немало мест с очень убогими, отсталыми даже в сравнении с Северной Кореей жилищами⁵¹: крохотные глинобитные одноэтажные домики с угольным отоплением, туалетами на улице, чуть ли не единственным на весь дом краном холодной воды. Как правило, такие дома составляют целые кварталы, расположенные в относительно труднодоступных для обычного городского транспорта местах — на склонах крутых холмов. Как правило, туда ходят крохотные автобусики, начинающие свой маршрут от станций метро или других транспортных узлов. Они называются «деревенскими автобусами»: *майльпосы*. Одна поездка в них стоит 150–200 вон.

Действительно, и нравы в таких районах, можно сказать, деревенские: двери домов часто открыты нараспашку, где-то рядом собираются соседи, чтобы обсудить последние новости, тут же гурьбой из двора во дворик перебегают дети.

Примером такого района может служить квартал Тонсун в районе Хехва.

1993

3. Вежливость (Европеизация)

Теперь в метро мужчины, да и молодые женщины также практически всегда уступают место пожилым людям и женщинам с детьми.

На автобусной остановке при посадке в транспорт женщин тоже, как правило, пропускают вперед.

1993

4. Судьба караоке *норэбан*

Где-то в начале 1990-х годов, в особенности после 1992 года, в Корее стали очень популярными так называемые *норэбан* (노래방) — салоны караоке. В переводе с корейского слово *норэбан* значит «комната для песен». Как правило, это совсем небольшие помещения, часто расположенные на втором этаже зданий, с узкой лестницей, небольшим холлом, где перед стойкой, похожей на стойку бара, стоит хозя-

⁵¹ К 2010 году подобных кварталов в Сеуле практически не осталось совсем.

ин. За его спиной — набор лазерных видеодисков⁵². Из холла гость попадает в коридор, ведущий в несколько комнат. Двери в комнаты, как правило, прозрачные. После того, как гости заходят туда и рассаживаются на скамейки или диванчики, расставленные по периметру, берут в руки микрофоны и готовы петь, освещение делается приглушенным. В центре комнаты иногда стоит столик, где хозяин на свой страх и риск может позволить посетителям выпить по баночке пива. Формально распивать алкогольные напитки в *норэбан* нельзя. На столике находится каталог пронумерованных песен, которые посетитель заказывает на свой выбор. На экране телевизора поющий может считывать текст заказанной песни, при этом фоном чаще всего служат картины природы, видеозапись спортивных состязаний или чаще всего — картинки из шоу «мисс пляжа». После окончания исполнения песни «компьютер» показывает, сколько баллов заслуживает ваше исполнение. Максимальная оценка — 100.

Так вот, к 1995 году мода на такие салоны караоке стала стремительно угасать, и бывшие *норэбаны* стали менять свой профиль главным образом на питейные заведения. При этом в названиях их сохранилась память о предшествующем роде деятельности. Они стали именоваться *сочжубан* (소주방), что означает «комнаты *сочжу*⁵³».

19 июня 1995 года

5. Некоторые изменения в Корее рубежа тысячелетий

Не прошло и семи месяцев после того, как я покинул Корею, и вот я снова здесь и с удивлением отмечаю заметные изменения во внешнем облике этой страны.

Прежде всего бросается в глаза появление новых моделей автомобилей. Внешний облик корейцев почти тот же. Но обращает на себя внимание то, что, несмотря на жаркую погоду, в городе уже меньше в сравнении с 1995 годом количество молодых людей надевают шорты. И в то же время, появились девушки и даже юноши, имеющие по нескольку сережек в ухе или даже проколотые носы, чтобы можно было вставить некий маленький гвоздик со шляпкой (то есть стал входить в моду так называемый пирсинг).

⁵² В 1990-е годы были предметом особой роскоши, по размерам напоминали виниловые аудиодиски.

⁵³ Южнокорейская пшеничная водка крепостью 24–25 градусов.

В Сеуле все меньше лачуг. Даже стали появляться кварталы, называемые «новым городом» (신도시). Более всего таких «новых городов» мне попадалось на пути из Сеула в Инчхон. «Новый город» — это огромные районы новостроек с подземными автостоянками в домах, с благоустроенными дворами, где есть и детские площадки, и павильоны для престарелых *ноинчжон*⁵⁴. Отдельные кварталы могут соединяться между собою особыми велосипедными дорожками, проложенными вдоль тротуаров (отличаются красным цветом асфальта и изображенным на нем белой краской велосипедом). Правда, мне пока еще не доводилось видеть, чтобы по этим дорожкам действительно ездили велосипедисты.

«Павильон для престарелых» — небольшое двухэтажное или одноэтажное здание для собраний стариков, нечто вроде «деревенского клуба», но в городе. Перед *ноинчжон* нередко строятся традиционные открытые павильоны для отдыха: несколько приподнятый над землей деревянный пол, над которым на четырех столбах покоится черепичная крыша. Взирая в этот павильон, всегда оставляя обувь на земле. В нем можно сидеть или лежать. Старики, бывает, даже дремлют там, ничуть не смущаясь тем, что десятки прохожих снуют мимо них туда-сюда, или, что их сон можно преспокойно наблюдать из окон ближайших домов.

В таких «новых городах» старики не остаются без внимания: по внутренней трансляции, которая есть во всех новых многоэтажных домах, от имени «домовых комитетов»⁵⁵ к старикам нередко обращаются с просьбой собраться в *ноинчжон* к определенному часу.

20 июля 1996 года

⁵⁴ Подробнее о *ноинчжон* см. в дневниках за 1995 год, материалы фольклорных экспедиций в провинцию.

⁵⁵ В Южной Корее все население объединено в разного рода соседские группы, называемые *тон* или *пан*. В случае с современными кварталами многоэтажных домов в состав одной группы *тон* могут входить жители одного подъезда, в *пан* — жители одного дома. На всеобщем собрании представителей квартир избирается начальник *тон* или *пан*. Вопрос о причинах и характере такого феномена, как соседские группы в Южной Корее, в некоторой степени затронут в кандидатской диссертации А. З. Жебина «Народные группы и их место в политической системе КНДР в условиях глобальных перемен» (М., 1997).

Не вдаваясь в подробности указанной реалии, отметим, что во многом роль соседских групп состоит в том, чтобы представлять население квартала в местных органах власти и решать разного рода вопросы, возникающие в связи с эксплуатаци-

6. Мобильные телефоны

В последнее время мобильные телефоны из-за своей необычайной дешевизны получили огромное распространение в Корее и стали вытеснять очень модные еще три года тому назад пейджеры⁵⁶. Действительно, самый дешевый сотовый телефон вместе с начальным взносом телеоператору стоит всего 80 тыс. вон, то есть порядка 60 американских долларов, а ежемесячная плата за переговоры составляет всего 20–30 тыс. вон, то есть 15–20 американских долларов. Согласно подсчетам, на настоящий момент около четверти населения Южной Кореи (включая стариков и детей) имеет мобильные телефоны, а среди молодежи они есть у каждого второго.

16 августа 1998 года

7. «Кукушка» в метро

Совсем недавно, на рубеже 1998 и 1999 годов, в сеульском метро появилось одно интересное новшество. При подъезде к узловым станциям пересадок (не все переходы с линии на линию являются узловыми) одновременно с голосом диктора, сообщающем о названии следующей станции и стороне выхода, левой или правой, раздается звук, напоминающий голос кукушки из часов или из будильника. Очевидно, цель нововведения — помочь заснувшим пассажирам (что с корейцами бывает весьма часто) не пропустить нужную станцию.

29 января 1999 года

8. Новое содержимое рекламы (Заметки об Интернет-революции)

Чуть более полутора лет прошло с тех пор, как я последний раз был в Корее. А реклама здесь за это время успела измениться коренным образом. Особенно это заметно в вагонах метро. Визуально процентов 60–80 всей рекламы — это указание на страницы в интернете того или иного предприятия.

Раньше над дверьми крайних частей вагона — то есть дверьми, расположенными в переходах из вагона в вагон — на 1-й и 2-й линиях

цией жилья. Вещание по внутренней трансляции также ведется от имени соседской группы в целом или ее начальника.

⁵⁶ Пейджер — мобильный прибор, оповещающий адресата о номере абонента, который его вызывает.

метро размещали афоризмы, принадлежащие известным людям. А теперь здесь все та же реклама интернета. И лишь в немногих вагонах метро все еще можно найти высказывание древнекитайского мыслителя Лао-цзы о том, что порядок определяет стабильность в обществе.

20 августа 2000 года

9. Компьютеры захватывают мир

За последние полтора года буквально как грибы после дождя на улицах корейских городов появились интернет-кафе или так называемые компьютерные комнаты («*пи-си бан*»; PC 방).

Компьютерные клубы расположены в неказистых зданиях, имеющих невысокую арендную плату, как правило, на подземном этаже или втором — третьем этажах. В таком клубе стоит до 30 компьютеров, подключенных к интернету. Любопытно заметить, что 40 процентов посетителей — девушки (в отличие от России). В помещениях клуба можно курить. Плата — 1 тыс. вон (меньше 1 доллара) за час работы.

Как-то раз я пошел в такой компьютерный клуб, расположенный недалеко от станции метро Кэбон. Было около 2.30 ночи. Я посидел за компьютером только минут 15. Нужно было отправить почту. Хозяева дали мне бутылочку йогурта (100 г.) и даже не взяли денег, сказав:

— Оплатите потом, когда придете в следующий раз.

Так я и сделал.

20 августа 2000 года

10. Как корейцев учили ездить на эскалаторе в метро

До конца 1990-х годов в Южной Корее, можно сказать, почти не было «настоящих» эскалаторов. То, что в больших универмагах — то движется медленно и участки подъема или спуска относительно короткие. Да и кто спешит в больших и дорогих универмагах?

Метро в Сеуле также не было особо глубоким. И в основном все спуски и подъемы обеспечивались обычными лестницами. Поэтому, как правило, на эскалаторах, движущихся как на подъем, так и на спуск, люди занимали обе стороны ступенек.

Но вот в 1998 году в строй вступила новая, пятая линия сеульского метро, относительно глубокого залегания. Она даже реку Ханган пересекает под дном русла реки. И на этой линии метро появились

длинные эскалаторы. Поначалу, год — полтора, корейцы так и ездили на них, словно в универсамах: занимая обе стороны ступенек и не оставляя проход для тех, кто спешит.

А в 2000 году у всех эскалаторов метро появились надписи, призывавшие пассажиров, стоявших на ступенях, занимать правую часть эскалаторов, а тех, кто желал идти пешком — держаться левой стороны. Однако, очевидно, эти призывы не слишком эффективно воздействовали на пассажиров.

И вот 29 августа 2000 г. в четыре часа дня у одного из новых эскалаторов станции метро Чонно сам-га («Третья улица Колокольной дороги») я заметил молодого юношу, одетого в униформу работника метро. Через плечо у него была перекинута черная лента с надписью. В руке юноша держал плакат, призывавший к «правильному» пользованию эскалатором. Время от времени юноша громко кричал, обращаясь к пассажирам:

— Становитесь на правую часть ступени эскалатора! На правую часть!

29 августа 2000 года

11. Интернет-реклама в метро

Заметно сократилась Интернет-реклама в метро. Если еще два года тому назад в рекламе присутствовали не только Интернет-услуги, но и «классические» товары, поставляемые через Интернет, то к осени 2001 г. из метро почти полностью исчезла реклама Интернет-фирм. Кроме того, Интернет-составляющая рекламы обычных товаров также, похоже, пошла на убыль.

27 сентября 2001 года

12. Изменения в банке «Ханпит ынхэн»

Еще в декабре 2001 г. я менял деньги в Сеуле на улице Тэханно в банке «Ханпит ынхэн» (한빛은행), название которого можно перевести как «Банк Света Кореи»⁵⁷. Однако уже летом 2002 года все отделения банков, имевшие название «Ханпит ынхэн», поменяли вывески на

⁵⁷ В 1997 году такое название получил банк «Ханиль ынхэн» (что значит — «Корейский Первый Банк»), основанный еще в 1946 году.

«Ури ынхэн» (우리은행), что значит «Наш Банк»⁵⁸. Форменная одежда служащих стала ярко-синей. Изменилась и эмблема банка. Новая представляет собой «голубой круг с белым восходящим солнцем».

9 августа 2002 года

13. Мода на цифровые камеры

В 2003 г. Южную Корею буквально захлестнула мода на цифровые камеры (мода, которая задела и автора настоящих строк).

Несмотря на то, что все средства массовой информации лета 2003 г. пестрели сообщениями о том, что в стране наблюдается падение экономики, падение внутреннего товарооборота (скажем, в сфере продажи автомобилей), магазины по продаже цифровых фотокамер были всегда полны покупателями.

Многие корейские странички в Интернете, в том числе и центральных южнокорейских газет, таких как «Тона ильбо», «Чосон ильбо» и других, имели прямые выходы на «конкурсы цифровых фотографий» и сайты с рекламой и информацией о характеристиках и информации о продаже цифровых камер.

В это время в Южной Корее даже появилось новое слова «тикха», обозначающее цифровую камеру. Это слово образовано от первых слогов двух слов английского словосочетания «цифровая камера» (digital camera — di ca), но в корейском варианте прочтения.

В оборот «моды» на цифровые фотокамеры попала главным образом корейская молодежь, больше мужского пола (здесь требуется хорошо разбираться в компьютерах), а также корейские мужчины более старшего возраста, вплоть до примерно 55 лет.

3 июля 2003 года

14. Новый растворимый кофе

В начале 2004 года в маленьких сетевых супермаркетах, как, например, «Фэмили Март» (Family Mart) в продаже появились одноразовые стаканчики (как пластиковые, так и бумажные), с порошком растворимого кофе внутри и ложечкой, прикрепленной к упаковке. Сорта кофе около восьми: «капучино», «с ореховым вкусом» (hazelnut) и др.

⁵⁸ Официально название банка «Ханпит ынхэн» было заменено на «Ури ынхэн» в декабре 2001 года.

Теперь желающему выпить стаканчик растворимого кофе, что называется «на скорую руку», уже нет необходимости покупать одно-разовый стаканчик и упаковку растворимого кофе «три в одном» отдельно (в сетевых мини-маркетах всегда есть горячая вода). Все уже предусмотрено в новом продукте.

30 мая 2004 года

15. Новое корейское лото «Lotto»

В 2002–2003 годах в Южной Корее появилось государственное корейское лото, нечто вроде советского «спортлото», очень популярное в народе. Оно называется «Лотто» (Lotto).

Суть «Лотто» та же, что и в «спортлото»: играющий вычеркивает шесть номеров из сорока пяти, отправляет заявку в центральный офис и ждет результатов очередного розыгрыша.

Заявка оформляется через особую компьютерную сеть, к которой подключены автоматические считывающие устройства, которые, в свою очередь, расположены в многочисленных киосках, специализирующихся на продаже билетов «Лотто», а заодно и сигарет и мороженого.

Компьютерная сеть «Лотто» позволяет зарегистрировать заявку не менее чем за 30 секунд до официального времени завершения приема заявок.

Как я и предполагал, играют в это «Лотто» люди в основном малоимущие (что заметно по одежде покупателей билетов «Лотто»), которым, на вид, в среднем, лет 40–60, и у которых, очевидно, уже не осталось надежд разбогатеть каким-либо другим способом.

30 мая 2004 года

16. «Мыльницы» не продают!

На улице, ведущей от Больших Южных ворот Намдэун в сторону района Мёндон (у рынка Намдэун) традиционно расположены магазины, торгующие фотоаппаратурой. В 2003 г., когда в стране происходил настоящий «цифровой бум», фотоаппаратурой торговали также и прилегающие к «традиционному» фото-району маленькие магазинчики. В то время основной ассортимент составляли компактные камеры, прозванные в России «мыльницами», а большие зеркальные фотоаппараты еще только-только начинали появляться на рынке.

К 2007 году ситуация изменилась коренным образом. Рынок компактов оказался настолько насыщенным, что они практически полностью исчезли из «рыночных магазинов», оставшись лишь на прилавках крупных торговых центров. Рынки же полностью переключились на крупногабаритные дорогие зеркальные камеры.

А магазинчики в прилегающих кварталах просто разорились. На некоторых торговых комплексах еще можно увидеть надпись «цифровые камеры». Но торгуют в этих комплексах совсем другим: товарами для туризма и рыболовства, сумками. И лишь изредка в таких торговых рядах можно увидеть крайне бедные по ассортименту лавочки с цифровой аппаратурой.

Никакие «революции» не длятся долго.

12 сентября 2007 года

17. Модернизация по необходимости

В 2007 году я купил небольшой южнокорейский телефон марки «Эвер» (Ever), который подключил к провайдеру «Кей Ти Эф» (КТФ) по тарифу предоплаты. После, когда я посещал Южную Корею с краткосрочными визитами, то все время или сам лично, а с 2009 года — через знакомых — подключал его к услугам сотовой связи. К сожалению, в Южной Корее невозможно один раз оформить некую карту предоплаты «на вечные времена» и пользоваться ею все время, до тех пор, пока не закончатся деньги. Система подключения к услугам провайдеров сотовой связи здесь намного сложнее, и это — отдельная история.

Так вот, когда в июле 2011 года я в очередной раз попытался подключить свой телефон (а в последний раз я это делал в марте 2011 года), то выяснил, что это было невозможно по простой технической причине: с 1 мая 2011 г. в Южной Корее прекращено подключение телефонов, которые имеют поддержку сетей не выше второго поколения 2G, от которой в самое ближайшее время произойдет полный отказ.

Кроме того, на здании штаб-квартиры крупнейшего южнокорейского сотового оператора Эс Кей Телеком (SR Telecom) я увидел огромный плакат, возвещавший о том, что уже в 2011 году оператор начинает коммерческую эксплуатацию сетей 4-го поколения 4G.

Ну а мой симпатичный корейский телефончик мне придется выбросить или, в лучшем случае, сохранить для домашнего музея.

17 июля 2011 года

ГЛАВА 19. ТОРГОВЛЯ

1. Сеульские рынки

То, что по-корейски называется словом «рынок» (*сичжан*), на самом деле обозначает два разных понятия. Во-первых, рынками называются большие торговые районы. Это кварталы магазинчиков, лавочек, торговых тележек, с которых торгуют прямо на улице, а также отдельно стоящих больших торговых комплексов. Собственно здания — торговые комплексы как раз и есть то, что относится ко второму понятию «рынок», и одновременно является составной частью первого понятия. Такие «здания-рынки» представляют собой 3–5 этажные строения, часто облицованные красновато-песочной керамической плиткой, со множеством входов. Они имеют собственные названия. Так, в районе «рынка» (рыночного квартала) Тондэмуна («[У] Больших Восточных ворот») можно обнаружить рынки-здания «Пхенхва» («Мир»), «Чеиль Пхёнхва» («Первый Мир»), «Кванхый» («Высшая радость») и т. п.

Сульские «рынки», как правило, торгуют одеждой, обувью и другими товарами промышленного производства, в первую очередь необходимыми человеку. Есть и продовольственные рынки, но их меньше и они находятся дальше от делового центра города. Рынки в Сеуле нередко специализированные. На рынке «Кванхи» больше всего кожаной и другой теплой одежды. «Пхёнхва» торгует только одеждой. «Хынъик» — одеждой и обувью.

Все рынки-здания очень похожи друг на друга. Зайдем в одно из них. Лестницы из «железненного» бетона, кривоватые. Какие-то обрывки бумажки, мусор. Поднимаемся. Прямо перед нами маленькая лавочка площадью около 6 квадратных метров. Низкие потолки. С трех сторон — глухие перегородки. С четвертой, той, что обращена к покупателю — открытое пространство, которое на ночь закрывается металлическими жалюзи на замок. Над лавочкой небольшая табличка, на которой написано название торговой фирмы. В лавочке может не быть прилавка. Просто небольшой помост, такое возвышение над полом, на котором разложен товар. На товаре сидит хозяин. Потрясающее изобилие товара. Он расположен на стенах, подвешен к потолку, сложен на полу. Порой хозяин с трудом поворачивается в своей лавке, так мало места. Таких лавочек море. Каждый этаж рынка — это лабиринт продольных и поперечных проходов, образованных сплошными линиями лавочек. Иногда проход может быть настолько узким, что в нем с трудом рас-

ходятся два человека. И в каждой лавочке свой стационарный телефон. Хозяин никогда не ходит обедать. Он набирает номер ближайшего кафе, заказывает себе обед или просто чашечку кофе и минут через 5–7 получает свой заказ. Разнощицы еды на рынке не отличаются особой вежливостью по отношению к покупателям. Как правило, это — женщина средних лет в кофе, штанах и с двумя-тремя подносами на голове; проходя между лавочек, может грубо оттолкнуть зевающего покупателя, да еще и наорать вдобавок, мол, чего на проходе стоишь. Зато клиент — хозяин лавочки — доволен. Еда доставляется быстро: свежая, горячая. Кофе разносят в узелках. Естественно, там не чашки с кофе, а термос, банка растворимого кофе и посуда. Официантка приходит, разворачивает свой узелок, расставляет чашки перед клиентами и готовит кофе. И, между прочим, это все не так дорого.

Как-то довелось увидеть на рынке следующую сцену. Некий молодой человек в костюме и с галстуком подходит к каждой лавочке, кланяется в пояс хозяину, который может играть в карты, китайские шахматы или просто позевывать в отсутствии покупателей и что-то бойко тараторит, словно солдат рапортует перед офицером. Оказалось, что это особая церемония представления нового торговца или просто рыночного работника новым сослуживцам. Новичок должен обойти все лавки рынка («здания-рынка») и сообщить свое имя, возраст, род занятий. И это не так просто. Ведь таких лавочек не одна сотня.

В рыночных кварталах особо интересны передвижные лавки-тележки. Как правило, здесь продаются товары, которые почему-то раньше не пользовались спросом по своей прежней, более дорогой цене. Здесь распродажа. Здесь самые низкие цены, но и самое сомнительное качество. Торговцы на рыночных распродажах, в отличие от своих коллег, что заняли места внутри рынков-зданий, не позволяют себе сидеть, сложа руки, и развлекаться в ожидании покупателей. Здесь шум, крик. Хлопают в ладоши, бьют в барабаны, кричат: «Подходите! Подходите! Всего 3 тыс. вон... Самое дешевое! Только здесь!»

Есть у рыночных комплексов и выходные дни. У всех по-разному. Самый распространенный выходной день — воскресенье. Может быть не каждое воскресенье, а через одно. Но и в воскресенье рынки полностью не прекращают свою работу. Здания закрыты, но улицы превращаются в настоящую ярмарку. Имеются в виду, конечно, улицы рыночных кварталов. Но об этом, как и о рыночных клоунах-певцах, торговцах магнитофонными кассетами, наш рассказ будет дальше.

2. Торговля с тележек

Торговля с тележек очень распространена в Сеуле. Тележки с двумя большими колесами и «оглоблями — ручкой». Торгуют с них всегда чем-нибудь уж очень дешевым, по качеству даже хуже, чем на рынке. Например, на такой тележке может быть написано: «любой предмет за 1 тыс. вон»⁵⁹. И тут же в легком беспорядке могут лежать детские игрушки, наборы отверток, удлинители, наушники, соломенные плетеные подставки и т. д. Все немного запыленное, сомнительного качества, которое, однако, лучше нашего магазинного минимум в три раза. Могут быть на таких тележках и товары подороже: часы-подделки, обувь из кожзаменителя, сумки, майки, кассеты с самодельными записями, микрокалькуляторы, рубашки.

Иногда торговые тележки могут быть оборудованы в «мини-закусочные».

Если хозяева тележек торгуют до поздней ночи, то тогда к тележкам подвешивают лампу — «рыбий глаз». Обычно торгуют с таких тележек одни и те же люди в строго определенных местах. Возможно, они просто имеют разрешение на торговлю именно с этих мест. Иногда торговцы куда-то исчезают и через довольно долгое время появляются вновь. А бывает, что торгуют только несколько раз в месяц по определенным дням.

1990

3. Бабушка на рынке «Намдэун»

Если идти от площади с фонтаном, где находится Центральный банк⁶⁰, в сторону Больших Южных ворот «Намдэун», то целый квартал слева будет занимать рынок, специализирующийся на товарах легкой промышленности. В квартальчике лавок, торгующих сумками и чемоданами, есть небольшая узенькая улочка. Она уже потеряла всякий облик улицы и о том, что это — улица, можно догадаться лишь при внимательном рассмотрении и с обязательным запрокидыванием головы вверх. Пространство между домами закрыто шиферной крышей, посередине улочки — сплошной длинный прилавок, заваленный мелкими товарами: заколки для галстуков, дешевая бижутерия, косме-

⁵⁹ По курсу 1990 года примерно 1,30 доллара США. По курсу 2012 года — 0,86 доллара США.

⁶⁰ В настоящее время в этом здании расположен Музей купюр и монет.

тика, солнцезащитные очки. Над прилавками традиционные для рынков лампы — «рыбьи глаза». Я подошел к прилавку с очками. Давно хотелось купить солнцезащитные очки, но все откладывал покупку. Но уже скоро уезжать из Кореи, и, наконец, я решился. Хозяева лавок заинтересовались моим корейским языком, стали оповещать об этом соседей-хозяев; сбежалась целая толпа. Узнали, что был на Севере. Очень обрадовались. Оказалось, что человек 5 здесь родом с Севера. В том числе и одна бабушка.

Меня почти что подтолкнули к ней. Она сидела на высоком стуле у своего прилавка, с его обратной стороны. Линия прилавков была посередине бывшей «улицы», а слева и справа от нее были проходы. Бабушка усадила меня рядом с собой, попросила никуда не уходить и сказала, что сейчас угостит меня кофе. Попросила кого-то, чтобы в ближайшей закусочной заказали кофе. Мы стали говорить о Северной Корее, «прошлись» насчет «режима» Ким Ирсена, который мешает жить людям свободно и счастливо, потосковали о скорейшем объединении страны. Очки мне продали на четверть дешевле цены.

1990

4. Распространители рекламы

Часто на центральных улицах Сеула можно увидеть скромно одетых женщин, лет 40–50. Они стоят посреди тротуара с пачками рекламных карточек, которые пытаются всунуть в руки прохожим. На карточках, по размерам напоминающих визитки, чаще всего написано название какого-нибудь небольшого, только что открывшегося ресторанчика. Кроме названия, указано время работы и нарисован план расположения ресторана. Иногда вместо карточек такие распространители раздают маленькие коробочки с 5–10 плоскими спичками, на которых имеется вся та же информация, что и на карточках. Но всунуть такие карточки им удается в руки разве что зевакам. Прохожие стараются делать вид, что не замечают этих людей.

1990

5. Магазин пуховой одежды на торговой улице «Итхэвон»

Если пройти в начало торговой улицы Итхэвон в «американском районе», так, чтобы река Ханган осталась справа, то слева будет маленький магазинчик пуховой одежды, в котором продают лыжные костюмы, пуховые куртки и пальто.

Как-то раз директор Балета⁶¹ В. Л. Марковский, артист В. Романцов с женой и я отправились в этот магазин. Было около трех часов дня, когда мы вошли в лавку. Хозяин, мужчина лет 50, невысокого роста, по имени Чон Чжэхёк вместе со своей женой сидел на полу посередине магазинчика и обедал. Играла музыка. Маленькая моно магнитола лежала на куче наваленной на полу одежды. Все стены тоже были завешаны товаром и то, что часть товара находилась на полу, свидетельствовало не о неряшливости хозяина, а лишь о более чем скромных размерах помещения. Все так же сидя на полу, хозяин вежливо, но твердо сказал, что мы пришли в неудачное время. Тогда В. Л. Марковский, в свою очередь, стал доказывать нашу чрезвычайную занятость и объяснил, что в другое время мы приехать не можем. Услышав это, хозяин отложил остывающий обед, встал и начал поочередно предлагать пуховые пальто. Одно из них заинтересовало директора. Оно было черного цвета, и внутри была пришита этикетка с надписью «сделано в Англии». Застегивалось пальто на молнию и кнопки. Но почему-то кнопок не было: забыли прикрепить. Другого пальто тоже не было. Хозяин засуетился и достал откуда-то нужные кнопки, молоток, трубочку для пробивания дырок, резиновую подстилку и разложил это на полу около низенького столика с обедом. Страшно волнуясь, стал вставлять кнопки. Наконец, весь в поту, с трясущимися руками, он встал, расправил пальто. И вдруг на спине показался ряд дырок, словно пальто прострелили из автомата. Хозяин не сказал ни слова, но, казалось, готов был расплакаться. Мы тоже стали выражать сочувствие. Хозяин не сдавался и попытался предложить нам это пальто по более низкой цене, по которой мы упрашивали его продать пальто раньше. Естественно, мы отказались и купили другое.

В другой раз В. Л. Марковский приехал в этот же магазин вместе с музыкальным руководителем Балета Лео Корхиным. Ему каким-то образом удалось договориться с хозяином, чтобы тот бесплатно отдал ему куртку для дочери. К моему удивлению, это свершилось. В. Л. Марковскому, который присутствовал при этом, перепал утепленный синтетический костюмчик из куртки и штанов для маленькой внучки. Хотя он и был очень грязным от долгого висения, но все же очень даже симпатичный. Ну а мне достался очередной сюжет для моих записок.

1990

⁶¹ Ленинградский государственный балет на льду.

6. Рынок «Тондэмун» в выходной день. Уличные торговцы-певцы

По воскресеньям сеульские рынки не работают. Действительно, все здания, на которых написано слово «рынок», закрыты, на витринах опущены сплошные металлические жалюзи.

Зато пространство между зданиями в рыночных кварталах превращается в настоящую ярмарку. На дорогу выставляются стойки с развешенными на них куртками, футболками, рубашками и всякой всячиной, выкатываются двухколесные телеги с товаром. Над многими передвижными лавками натягиваются тенты. Тут же стоят тележки-закусочные со столиками и стульями рядом, где хозяин на глазах посетителей готовит еду. Везде мощные магнитофоны с праздничной музыкой. «Музыка» — это модернизированные поп-народные песни. То тут, то там виден торговец, взобравшийся на прилавок перед своим товаром и зазывающий покупателей: «Подходите! Подходите! Брюки! Разные хорошие брюки! Подходите! Всего за 4 тыс. вон! В универмаге 20 тыс., а здесь всего 4 тыс.! Подходите!» А иной даже прихлопывает в ладоши или бьет в барабан. И действительно, цены на такой распродаже ниже, чем на том же рынке и на такие же товары в обычный день. Но, если ты купишь в стационарной рыночной лавке товар и он окажется с браком, то всегда можно вернуться в лавочку и обменять его. Места на рынке, занимаемые маленькой торговой фирмой, постоянны. А здесь уже все. Придешь на рынок на следующий день, и ни лавок тебе на улице, ни музыки, ни ярмарки. А где этот торговец, что вчера брак всучил, поди узнай!

И тут же на ярмарочном рынке выходного дня можно увидеть интересное зрелище. Оно привлекает внимание не только туристов, но и самих корейцев, которые всегда образуют толпу около подобных представлений.

Вообразите себе двухколесную тележку, забитую аудиокассетами с записями. Перед тележкой двое одинаково одетых мужчин средних лет. Оба в белых штанах и куртках, «разукрашенных» яркими разноцветными «лохмотьями». На их головах — колпаки из такого же материала. Лица ярко накрашены. Громко играет магнитофон. Он встроен в эту же тележку. Какая-то народная музыка с мощными ритмическими ударами. Один из «клоунов» в такт музыке бьет в барабан. Другой хрипловатым голосом что-то поет в микрофон. Песня получается веселая, заводная. Это — продавцы аудиокассет.

Как-то позднее довелось увидеть их идущими по одной из улиц в центре Сеула. Они так же пели песни и были окружены людьми.

7. Торговка цветами

Как-то раз, подходя к подземному переходу у гостиницы «Лотте», я увидел такую сцену. У лестницы, ведущей вниз, расположилась торговка цветами: множество лоточков, ведер. К ней подошел полицейский, стал орать на нее, толкаться, снимать с лоточков цветы. Торговка что-то кричала в ответ, ставила снятые цветы обратно. Я не мог долго наблюдать эту сцену, так как должен был спуститься в подземный переход, а остановиться и глазеть было бы слишком неприлично, и все промелькнуло передо мной за пару секунд. Однако ни раньше, ни потом я не видел, чтобы на этом месте торговали цветами. В то же время, если свернуть направо и пройти по направлению к универмагу «Лотте» до первого подземного перехода, то там всегда можно увидеть пару лавок с комнатными цветами и какими-то безделушками. В течение месяца, когда мне доводилось проходить мимо, я видел, что лавки и торговцы были одни и те же. Очевидно, в Сеуле, для того, чтобы торговать на улице в определенном месте, нужно иметь особое разрешение.

1990

8. О знании корейцами сеульских рынков

Когда мы с В.Л.Марковским⁶² и водителем нашего автомобиля, молодым человеком по имени Ким Санъюн, ходили по рынкам, то я обнаружил, что наш корейский провожатый не только не знаком с ними, — он постоянно удивлялся ассортименту товаров, продаваемых там, и ценам на них, — но также и не имеет понятия, по меньшей мере, о 30–40% морепродуктов, которые там можно купить.

1992

9. Корейцы и рынки

Когда ходишь по многочисленным корейским рынкам и видишь, как бойко ориентируются там местные жители, и в голову не может прийти то, что порой некоторые из них чувствуют себя там не более свободно, чем заезжие иностранцы.

Так, когда мы с шофером нашей легковой машины — Ким Санъюном ходили по рынку «Тондэмун» (водителю уже исполнилось 26 лет, не-

⁶² Директор Ленинградского государственного балета на льду.

давно демобилизовался из армии, не женат, живет с родителями), то было забавно наблюдать, как он совершенно не ориентировался в его лабиринтах, не знал, что и где продается, но главное — удивлялся изобилию товаров и говорил, что у него самого глаза разбегаются и трудно что-либо выбрать.

Еще он говорил, что нужно раз десять обежать места, где можно купить интересующий тебя товар. И даже после этого нередко случается так, что, к примеру, купишь что-либо за 40 тысяч вон, а потом вдруг выяснится, что твой друг купил то же самое за 10 тысяч.

А я-то думал, что только мы, иностранцы, такие несмышлениши в корейском шоппинге.

1992

10. Корейские «челноки»

Оказывается, не только наши соотечественники занимаются челночной торговлей

Как мне сообщили продавцы с рынка Тондэмун (у Больших Восточных ворот), также немалое количество корейцев, оптом, буквально мешками закупают товары на ночном рынке Намдэмун (у Больших Южных ворот), вывозят их не совсем законно в Японию и продают их там. А надо сказать, что в Японии цены на одежду, особенно в сравнении с Кореей, очень и очень большие.

И если вдруг в Японии кого-либо поймают на этом бизнесе, то виновному грозит, по меньшей мере, конфискация всех денег (или имущества).

Комментарий.

Рынок у Больших Южных ворот — крупнейший в Сеуле, хотя, на мой взгляд, и рынок у Больших Восточных ворот не меньше.

По моим наблюдениям, Южный обладает следующей особенностью, не всегда заметной стороннему наблюдателю: товары его более «ориентализированы», то есть произведены с расчетом на вкусы корейского жителя и имеют меньше европейского, чем, скажем на Восточном рынке.

Удивительно и то, что очень хороший специалист в вопросах европейской моды, директор магазина «Березка» на Невском, д. 7, г. В. А. Восканьянц независимо от меня пришел к аналогичному выводу.

1993

11. Авторынок квартала Синволь-дон в городе Пучхон

17 августа 1998 года вместе с директором Санкт-Петербургского государственного балета на льду М. Б. Каминовым и его женой отправился на авторынок квартала Синволь-дон города-спутника Сеула — Пучхона. В начале 12-го приехали к большому четырехэтажному паркингу, сооруженному из металлических конструкций. Перед входом у ступеней паркинга стояло человек восемь молодых людей, на вид лет 20–28, стильно подстриженных и хорошо одетых. Они стояли, перекрывая собою вход. Это — «ловцы покупателей». Буквально хватают за руку любого пришедшего на авторынок клиента, водят его между рядов автомобиля и, в конечном итоге, продают всякую рухлядь по хорошим ценам.

Но с нами был сопровождающий: продавец из салона новых автомобилей «Хёндэ», который сразу повел нас на четвертый этаж паркинга в офис к своему знакомому. Авторынок квартала Синволь-дон — это не одна большая организация, торгующая поддержанными автомобилями, а десятки фирм, офисы которых расположены в административном корпусе рынка, прилегающем к паркингу.

Благодаря наличию корейского сопровождающего, «ловцы покупателей» не стали к нам приставать, и после короткого визита в офис мы сразу отправились на смотровую площадку. На авторынке не было машин старше четырех лет. Однако все они имели пробег от 100 тыс. км и более, большинство — с царапинами и помятостями (что естественно для корейских узких улочек жилых кварталов при обилии машин). Стоили эти автомобили около 5000 \$ (6 миллионов корейских вон).

20 августа 1998 года

12. Обман в торговых сетях

20 августа 1998 года я отправился покупать переносную газовую плитку, работающую от газовых баллончиков. Это было в районе станции надземной железной дороги Пучхон. Был выходной день, и часть магазинов было закрыта. Идя по главной улице, идущей перпендикулярно станции, наткнулся на магазин электробытовых приборов фирмы «Эл Джи» (LG). Зашел внутрь и обратился к продавцу с вопросом насчет переносных плит. Электрических в продаже не было, но были газовые — как раз то, что нужно — по цене 15 тыс. вон.

Поскольку я в то время плохо ориентировался в ценах, то решил проконсультироваться с корейскими знакомыми насчет того, покупать или нет по указанной цене. Мне ответили, что можно купить, если продавец предоставит скидку или даст несколько запасных газовых баллончиков.

Я вернулся в магазин. Снова спросил о цене газовой плитки, но уже у другого продавца. И получил тот же ответ: 15 тыс. вон. Спросил не потому, что «занудствовал», а потому что цены на товарах нигде не были указаны. Кроме того, мне сказали, что никаких скидок не предоставляют, поскольку «и так Вам дешево продаем». И баллонов запасных в придачу тоже никаких. И все же, несмотря на обилие отрицательных ответов, я решился купить эту газовую плитку, поскольку она была нужна очень срочно. К тому же подкупило то, что фирма производителя была известная — «Эл Джи».

Продавец, молодой парнишка лет 22, спросил, желаю ли я приобрести газовую плитку из демонстрационного зала или мне принести товар в новой, нераспечатанной упаковке. Естественно, я выбрал второе. Достали из упаковки. Проверили. С трудом заставил продавца заполнить гарантийный талон по всем правилам, с указанием даты продажи. Затем плитку снова упаковали в картонную коробку и вручили мне.

Расстроенный, еще сам не понимая почему, я отправился домой. По дороге, в маленьком частном супермаркете, купил газовый баллон за 650 вон. (В 1995 году он стоил всего 500 вон). Хозяйка магазинчика, вдруг ни с того ни с сего, сообщила мне, что у нее такую же газовую плитку, что у меня в руках, можно купить всего за 10–12 тыс. вон. Чувство легкого разочарования начало закрадываться ко мне в душу. В ответ я сказал, что моя плитка все-таки произведена известной компанией «Эл Джи» и, наверное, хорошего качества.

Когда я вернулся домой и стал распаковывать покупку, то первым возгласом моих знакомых было: «А где же сумочка для плитки?!» Оказывается, в комплект к переносным газовым плиткам обычно входит и сумочка.

Присмотревшись более внимательно к передней панели газовой плитки, точно такой же, что стояла в демонстрационном зале, я обнаружил, что с нее «исчезли» заветные буквы «Эл Джи». А в инструкции по эксплуатации фирмой-производителем значилась какая-то никому неизвестная контора...

20 августа 1998 года

13. Новый рынок «Тондэмун»

Говоря о «новом» рынке «Тондэмун», то есть Рынке у Больших восточных ворот, я имею в виду совсем даже не новые огромные многоэтажные здания с «универмажными» по дизайну интерьерами, как, например здание корпорации «Дусан» (Doosan Building), и не новые интерьеры и экстерьеры старых трех — четырехэтажных торговых рядов. Под словом «новый» я имею в виду новые манеры продавцов, новые, неписанные правила торговли.

Создается впечатление, что за 10 лет, прошедшие со времени начала активных российско-корейских отношений, русские и южнокорейские партнеры будто бы активно учились друг у друга и перенимали отдельные манеры друг друга.

Например, в России в маленьких частных магазинчиках стали обменивать и принимать к возврату не только товар с браком, но и тот, который по каким-либо причинам просто не подошел покупателю.

А в Южной Корее на рынке «Тондэмун» все наоборот.

В 1999 году, впервые за все время, что я езжу в Корею (с 1990 года), на «развале», где продавали капроновые куртки на теплой подкладке, я увидел корейскую надпись: «товар обмену и возврату не подлежит». Торговцы на рынке перестали торговаться. Какую цену назначают с самого начала, на той и стоят. И нет никакой возможности добиться хоть малейшей скидки. Не только иностранцу, но и корейцу.

30 января 1999 года

14. Цены на электронном рынке, или Как в Корее продают товары

28 августа на электронном рынке «Сеун санга» я искал электронный прибор, «отпугивающий» домашних насекомых и мышей. Есть такие. Внешне похожи на обыкновенный адаптер, только белого цвета и с соответствующими рисунками на корпусе. Назовем его «антитараканом».

Итак, я пошел на старый электронный рынок «Сеун санга» искать «антитаракан». Рынок этот имеет следующее устройство. В центре находится старое неказистое железобетонное многоэтажное здание с торговыми рядами⁶³. А около него расположены хаотично разбро-

⁶³ В 2009 году переднюю часть уродливого здания, выходившую фасадом на Ко-локольную улицу Чонно, снесли, а перед ней разбили небольшой садик.

санные малюсенькие одноэтажные лавочки. Я начал свой поиск с маленьких лавочек, но их хозяева упорно отправляли меня в главное здание.

В главном здании я нашел фирму, в которой мне предложили «антитаракан» за 30 тысяч вон. Узнав, что я собираюсь купить целых три штуки, хозяева обещали уступить прибор по 25 тысяч вон за штуку. Я знал, что это дорого, поблагодарил хозяев и пошел искать дальше.

В самом конце торговых рядов «Сеун санга» я нашел «антитаркан» за 20 тысяч вон, но другой, более простой модели. Мне предложили скидку до 18 тысяч за штуку.

Однако я решил еще раз попытать счастья в квартале одноэтажных лавочек, посчитав, что утверждение о том, что «антитараканы» продают только в главном здании, может быть и неверным. Действительно, в лавочках я нашел модель упрощенной конструкции за 20 тысяч вон. А походив между рядов еще немного, нашел то место, где продавали остатки от партии «антитаранов» (небольшого размера), уже снятых с производства. Хозяева — два молодых парня — запросили по 14 тысяч за штуку. Но у них было только два, а мне нужно было три. Кроме того, в их лавочке обнаружилась та самая дорогая модель, с которой я начал свои поиски в главном здании «Сеун санга». Здесь за нее просили не 30, а 20 тысяч вон. Я решил поискать еще, попросив хозяев какое-то время не продавать никому два маленьких «антитаракана».

Наконец на самой окраине торгового квартала нашел дорогой «антитаракан», за который с меня в самом начале просили 30 тысяч вон. Здесь он стоил всего 17 тысяч. Купил одну штуку, не торгуясь, и решал вернуться за двумя маленькими.

Зашел в лавку к молодым людям и, прежде, чем купить два маленьких «антитаракана», решил показать тот, что купил за 17 тысяч, совсем позабыв, что точно такой же есть и в этой лавочке:

— Вот, — говорю я, — пришел за вашими маленькими «антитараканми», что по 14 тысяч. Кстати, смотрите, вот этот, — сказал я, демонстрируя покупку, — приобрел всего за 17 тысяч.

На это хозяин, не отрывая взгляда от газеты, которую читал, произнес:

— Ну и что? А в нашем магазине точно такие же за 15 тысяч продаются.

Я не знал, что на это ответить. И продолжил: — Так я покупаю у вас маленькие по 14 тысяч.

В ответ — никакой реакции.

— Так я покупаю, — повторил я.

На это хозяин молча достал две коробочки с нужными мне приборами и положил их в мой пакет, в котором уже лежал «большой» «антитаракан».

Я протянул продавцу 30 тысяч вон и на сдачу получил 2 тысячи, хотя после того, что произошло, в душе надеялся на большее. Я понял, что не должен был говорить о своей покупке, сделанной в другой лавочке, но уже было поздно...

31 августа 2000 года

15. Свободные цены на лекарства, или Не покупайте лекарства только на Тондэмуне

Вечером 23 мая 2004 г. я решил побродить по торговым рядам рынка Тондэмуна. Приехав в торговый квартал, я вспомнил, что мне нужен бактерицидный пластырь. А было уже десять вечера, воскресенье. Большинство лавочек было закрыто. Однако ближе к центральной площади, в угловой части здания «Рынка Пхёнхва»⁶⁴, одна аптечная лавка была все же открыта, и в ней, судя по количеству входивших и выходивших покупателей, бойко шла торговля.

Я тоже решил туда зайти. Продавец — мужчина лет 50–55, был одет в белый медицинский халат. Я спросил у него, есть ли в продаже бактерицидный пластырь. На мой вопрос мужчина почему-то предложил мне огромную упаковку с пластырем и попросил за нее 1 тыс. вон. Названная цена показалась мне подозрительно высокой, так как еще 21 мая я покупал «стандартную» упаковку пластыря всего за 300 вон. Я же решил купить несколько упаковок, чтобы взять с собой в Россию, и переплачивать не хотелось.

Усомнившись в «законности» названной цены, я решил проверить свои сомнения и попросил упаковку «поменьше». Аптекарь выложил на прилавок упаковку в два раза меньше.

Я спросил:

— Сколько?

— 500 вон, — ответил аптекарь.

— Ну ладно, спасибо, — сказал я, показав своим видом, что покупать пластырь не буду.

⁶⁴ Торговый комплекс «Рынка у Больших Восточных ворот» или «Рынка Тондэмуна» состоит из ряда строений, которые также имеют собственные названия, как, например, «Рынок Пхёнхва», «Рынок Мира» и т. п.

— Почему? — удивленно-оскорбленно спросил мужчина. — Ведь Вы спрашивали пластырь. Он Вам больше не нужен?

— Да так, есть соображения, — ответил я и быстро вышел из аптечной лавки, подальше от злобных взглядов продавца.

На протяжении нескольких дней я больше не решался заходить в аптечные лавки поздно вечером. Когда же мне представился случай зайти в одну из аптек днем, также неподалеку от рынка Тондэмун, на 7-й улице Чонно, то на мою просьбу дать бактерицидный пластырь женщина-продавец предложила уже виденную мною раньше упаковку — в ночной аптеке на Тондэмуне. На мой вопрос о цене, сказала:

— 300 вон.

Довольный, поняв, что в ночной аптеке на Тондэмуне меня пытались обмануть, я купил несколько упаковок пластыря и вышел из аптеки.

Потом вдруг решил вернуться и спросить у аптекарши насчет дневных и ночных цен:

— Скажете, пожалуйста, здесь в аптеках дневные и ночные цены разные?

— Нет, одинаковые, — ответила женщина. — Просто у нас нет фиксированных цен на лекарства, и всякий аптекарь волен устанавливать свои цены. Другое дело, если Вы заказываете лекарства по рецепту, и Вам нужно его срочно изготовить. Тогда с Вас могут взять деньги за срочность.

— Спасибо, — сказал я, и уже во второй раз покинул аптеку, поняв, что я был прав, отказавшись покупать пластырь по явно завышенной цене.

30 мая 2004 года

16. Рынки — только для пожилых

В начале июля я, привычный к покупкам на сеульском вещевом рынке Тондэмун (Рынок у Больших Восточных ворот), отправился на тэчжонский «центральный» рынок, что расположен у железнодорожного вокзала, и имел неосторожность купить джинсы и башмаки. Я не буду говорить о качестве продукта. Джинсы, сделанные в Китае, невероятно линяли. А ботинки были произведены с таким качеством, что «полустельки», приклеенные внутри, развалились на второй день: они вытерлись почти насквозь, при этом верхняя часть стелек так въелась в носки, что еле-еле их отстирал от клея и прочей кожезаменительной химии.

Главное — фасон этих джинсов и башмаков, как оказалось, был фасоном 50-летних мужчин из низших социальных слоев, так сказать, рабочего класса и торговцев низшей категории. Никто из молодежи или богатых людей в возрасте одежду и обувь подобного фасона не носил.

Июль 2005 года

17. Как легко обменять бракованную вещь в книжном универмаге Кёбо

Зонтики в современном мире — эта такая вещь, которую не принято ремонтировать. Зонтики ломаются, их выбрасывают и взамен покупают новые, тоже недорогие, чтобы было не жалко выбросить в следующий раз. Да и снашиваются нынешние зонтики как-то подозрительно быстро.

Эта моя поездка в Сеул пришлась на сезон дождей. А мой старый зонт с тканью, протертой на месте изгибов, и с покореженной спицей уже давно просился на «заслуженный отдых».

Зайдя в главный сеульский книжный магазин Кёбо, в отдел канцтоваров, я обнаружил витрину с простыми, но элегантными зонтами, продававшимися за полцены. Магазин через пять минут закрывался, времени на выбор не было, взял черный шелковистый зонт, расплатился и вышел на улицу. Как раз начался дождь, и я был рад своей новой покупке.

Когда я подходил к гостинице, то дождь кончился, и я сложил зонт. А потом с удивлением обнаружил, что ручка «сложенного» зонта самопроизвольно раздвинулась, и все мои попытки привести ее в сложенное состояние заканчивались ничем: под воздействием силы тяжести ручка зонта упорно самораскладывалась.

— Брак, — с грустью подумал я.

Весь следующий день у меня был расписан, и я имел возможность попасть в магазин Кёбо, чтобы обменять бракованный зонт, только вечером.

Итак, этот вечер настал. Я пошел в отдел канцтоваров Кёбо. Поначалу, по старой российской привычке, хотел было пойти к кассам, но там были огромные очереди. Увидел молоденькую девушку — работницу отдела. Подошел и спросил:

— Вот, вчера купил у вас зонтик. Брак. Не складывается. Можно обменять? Вот мой чек.

— Да, можно, — ответила девушка и взяла мой чек. Потом вернула его и пошла к стеллажу, на котором были выставлены зонты.

Девушка открыла ящик, расположенный под стеллажом, достала зонт, такой же, как и у меня. Вскрыли упаковку, проверили работоспособность.

Я спросил:

— Можно брать и идти?

— Конечно, — ответила продавщица.

— И больше ничего не нужно? Не нужно ли оформлять возврат товара?

— Нет.

С удивлением, благодарностью и радостью я покинул гостеприимный магазин Кёбо, один из множества ему подобных.

Записано 19 июля 2011 года

ГЛАВА 20. ТРАНСПОРТ

1. Такси. Ночное такси

В Корее нет проблем с такси. Об этом возвещают все рекламные проспекты, то же подтверждает действительность.

Однажды у главного входа в гостиницу «Лотте» я увидел, как водитель такси остервенело ругается с полицейским, пытающимся прогнать его со стоянки. Слишком много машин подъезжает к гостинице и долго находиться около нее нельзя. Высадил пассажира — и поезжай.

Водитель такси продолжал настаивать на своем. Тогда полицейский подозвал напарника, и они вдвоем пытались затолкать водителя в его машину. Началась драка. К счастью вскоре подошел клиент, с которым еще раньше уговорился шофер. Довольный, он повез пассажира, и конфликт на том исчерпался.

Цена за такси сравнительно невелика. Есть особые автомобили такси с синей полосой на белом корпусе и цифрами 88 на крыше. Это — скоростное, с большим салоном и особой степенью комфортности, дороже обычного почти в 2 раза.

Однако ночью — сплошной произвол.

Артисту балета Голубчикову ночью стало плохо. Страшные боли от камней в почках. Нужно ехать в больницу. Лучше на такси. Слишком велика плата за скорую помощь, да и толку с нее немного. Было 4 часа утра. Я позвонил в лобби гостиницы, заказал машину. Мне ответили, что такси будет ждать внизу. Оказалось, что подали такси особой комфортности «88». Сели в машину. До больницы ехать минут 5, если не меньше. К моему удивлению таксометр был выключен, и на его дисплее горела надпись: «машина свободна». У меня мелькнула мысль, что может, из сострадания к больному человеку, гостю страны, водитель вообще не возьмет платы за проезд. Приехали. Водитель такси сказал, что подождет у обратной стороны больницы. Через 30 минут все необходимая помощь больному была оказана, и мы уже ехали назад. Каково же было мое удивление, когда за всю поездку водитель запросил 10 тыс. вон. В то время это соответствовало примерно 15 долларам США и раза в 4 превосходило ту сумму, которую обычно брали за проезд.

1990

2. Корейские «таксисты-заряжалы»

Удивительно обнаружить так много общего между российскими и корейскими реалиями, демонстрирующего, что то ли Россия не в достаточной мере является страной европейской, то ли Корея — восточной.

Днем 22 ноября 1996 года мне нужно было доехать из аэропорта Кимпхо в город-спутник Сеула Пучхон, который расположен не так уж и далеко. Таксист поехал туда лишь с тем условием, что ему будет дана плата в два раза больше той, что покажет счетчик.

По дороге водитель сделал еще небольшую «накрутку» расстояния, видя, что пассажир не является местным жителем.

Записано 25 ноября 1996 года

3. Поезда класса «Голубь»

Отправившись 23 августа 1998 г. на поезде в провинцию и уже прибыв на конечную станцию, обратил внимание на два одиноко стоявших на запасных путях старых вагона с надписью на борту: «Голубь» (비둘기). Так в Корею раньше называлась самая низшая по степени комфортабельности категория поездов дальнего следования, без кондиционе-

ров, которые останавливались буквально на каждом полустанке. Еще в 1995–1996 году эти поезда обслуживали пассажиров. Правда, они не доезжали до Сеула, чтобы не позорить своим убогим видом облик обновленной столицы. К 1998 г. эти поезда полностью сняли с эксплуатации. Их заменили поезда классом чуть повыше: «Объединение» (통일호), также останавливающиеся на каждом полустанке.

28 августа 1998 года

4. Цены на метро

С 18 января 1999 года базовый тариф оплаты проезда на сеульском метро вырос с 450 до 500 вон. Таким образом, теперь одна поездка на метро в Сеуле стоит от 500 до 600 вон, в зависимости от тарифной зоны.

28 января 1999 года

В 2012 г. минимальная стоимость проезда (без учета скидок) составляла 1 тыс. вон в пределах одной зоны.

Январь 2012 года

5. Такси высшего класса «де люкс» исчезают

Еще лет 10 тому назад в Сеуле четко выделялись такси двух категорий: образцовые и повышенной комфортности «де люкс» (de luxe). Последние были значительно дороже и имели в своем парке автомобили бизнес-класса, выкрашенные в черный цвет. Водители таких таксомоторов носили форменную одежду и отличались изысканной вежливостью.

К 2000 году уровень южнокорейского автомобилестроения вырос настолько, что по степени комфортности большинство производимых автомобилей во многом стали схожи. И такси «де люкс», как мне показалось, стали постепенно исчезать.

Увидеть их еще можно в Сеуле у дорогих гостиниц. Но большинство машин таких «люкс» такси — старых моделей, примерно пятилетней давности.

20 августа 2000 года

6. Исчезновение поездов третьего класса

К 2000 году в Южной Корее остались пассажирские поезда только двух классов: повышенной комфортности «Сэ майль» (새 마을), что значит «Новая деревня»⁶⁵, и поезд условно «второго класса» — «Мугунхва» (무궁화), что значит «Цветок гибискуса»⁶⁶.

Поезда «третьего класса» «Тхониль-хо» (통일호), что значит «Объединение», все еще ходили на *части* провинциальных линий, но очень редко, да и то в то время, когда их мало кто из гостей страны мог увидеть: часа в 4 — 5 утра.

Об исчезновении поездов самого низкого класса — «Пидульги», что значит «Голубь», я уже писал раньше.

28 августа 2000 года

7. Такси и тарифы

Вторая половина 2001 года показала значительный рост цен на такси. Так, в Сеуле посадка⁶⁷ на такси теперь стоит 1600 вон, а на такси-минивэн — 4 тыс. вон. Последние обычно относятся к категории такси повышенной комфортности, которые называют по-английски «де люкс», а по-корейски — *мобом* (모범), что значит «образцовые».

С другой стороны, в Сеуле я столкнулся с таким знакомым в России явлением, как нелегальное такси. Так, когда мы с друзьями 2 октября 2001 года с большим количеством багажа пришли на стоянку такси у станции метро Ёндыпхо, к нам подошел какой-то мужичонка и спросил, не желаем ли мы воспользоваться его услугами и что у него есть собственный минивэн. Но, узнав, что мы едем на небольшое расстояние, он сильно расстроился, сказав, что ему, будто бы, нужно ехать в противоположный район Сеула — Чамсиль. Позже, обнаружив, что среди потенциальных пассажиров есть иностранец (то есть я), води-

⁶⁵ «Новая деревня» — это название происходит от названия так называемого Движения за новую деревню, развернутого в Южной Корее под эгидой властей в 1970-е годы.

⁶⁶ Цветок алтеи является государственным символом Республики Корея. Его изображение присутствует на многочисленных атрибутах, символизирующих государственную власть.

⁶⁷ В стоимость посадки входит также и «бесплатный» проезд нескольких километров.

тель-нелегальщик сам поспешил отказаться от дальнейших переговоров с нами.

Позже мы выяснили, что если в легальном такси все пассажиры застрахованы на случай аварии, то в случае нелегального извоза страховка покрывает лишь ущерб пассажиров, располагающихся на переднем сидении.

3 октября 2001 года

8. Улучшение обслуживания в автобусах

В сеульских рейсовых автобусах экскурсионного типа (так называемых «автобусах с местами [для сидения]» 좌석 버스) водители почему-то стали здороваться с входящими пассажирами и прощаться с выходящими. Я был очень удивлен этому факту.

Потом, однако, заметил, что у входа в автобус, справа от места водителя, висит плакат, призывающий здороваться с каждым посетителем. Наверное — это новая политика автотранспортных компаний.

28 июня 2003 года

9. Метро: научились у русских?

В последнее время, то есть в 2003 году и, кажется, в прошлом, нередко видел, как в метро к окошку, где продают магнитные билеты на метро, подходили пожилые люди и работник метро (всегда — мужчина), ни говоря не слова и не принимая никаких денег на оплату, давал старикам особые магнитные билетки белого цвета. (В то время как для обычных пассажиров, оплачивающих свой проезд, билеты светло-желтого цвета.) То есть старики нынче ездят в корейском метро бесплатно.

Спросил у одного знакомого корейца, давно ли для стариков проезд в метро бесплатный? Мне сказали, что не так давно, с прошлого 2002 года. И не только в метро. Пожилым людям также выдают специальные проездные документы для бесплатного проезда и на других видах городского транспорта.

А вот что появилось в метро совсем недавно (в текущем 2003 г.), так это объявление перед отправлением поезда о том, что двери закрываются и поезд отправляется. Раньше таких голосовых объявлений не было. Могли лишь подаваться наружные звуковые (плохо слышные) сигналы, напоминающие трещание дурного электрического будильника. Но они были слишком короткими и двери после этого сразу за-

крывались. Голосовое сообщение лучше слышно и оно длиннее, позволяет пассажиру сориентироваться.

У России научилась, что ли?

19 августа 2003 года

10. В метро больше нет давки

В начале 1990-х годов в часы пик в сеульском метро было необычайно много народа. В поезда было просто не войти. Люди находились в вагонах как селедка в бочке.

Теперь даже в самые напряженные часы (если только в метро не проходит очередная забастовка, когда поезда почти не ходят) в вагонах метро достаточно свободно.

Это и понятно. В начале 1990-х годов на весь Сеул было всего 4 линии метро, а теперь — целых 8 и еще 2 пригородные линии, органично влитые в столичный метрополитен. К тому же многие предпочитают пользоваться личным наземным транспортом.

Стоимость проезда в метро, правда, за это время выросла почти в 3 раза. Если в 1990 г. минимальная плата за проезд (в Сеуле плата за проезд берется по зонам, в зависимости от расстояния) составляла 250 вон, то в 2003 г. — 700 вон.

При этом также любопытно отметить, что «хозяева» у старых четырех линий метро и у новых — различные.

26 августа 2003 года

11. Новая система сеульских городских автобусов

До 2004 года в крайнем правом ряду на сеульских улицах общественному транспорту выделялась особая полоса для движения, на которую, теоретически, частные автомобили не должны были выезжать.

Однако на практике по крайним правым сторонам ездили совсем не автобусы. И дело здесь далеко не в недисциплинированности водителей (хотя и такое тоже могло быть). Дело в том, что в Сеуле слишком много маленьких улочек, на которые можно свернуть, только лишь заняв крайнюю правую полосу.

И сеульские власти нашли очень оригинальный выход из этого положения. Решили предоставить для движения городских автобусов, там, где это возможно, крайнюю левую полосу (то есть центральную

часть улиц). При этом выделенную полосу покрыли асфальтом красного цвета. А в местах остановок, в центре проезжей части, соорудили островки безопасности, огороженные сзади перилами из нержавеющей стали. Таким образом, можно сказать, что в Сеуле появился «безрельсовый трамвай на резиновых колесах»!

Одновременно власти решили перекрасить все автобусы в три основных цвета. Автобусы дальних маршрутов с местами повышенной комфортности, так называемые автобусы с местами (좌석 버스), стали красными. На их бортах появилась латинская буква «R» (от английского слова red — красный). Обычные автобусы со средней протяженностью маршрута стали синими и получили на свои борта букву «B» (blue — синий), а автобусы сверхкоротких маршрутов, которые называют странным для русского уха словосочетанием «сельские автобусы» (마을 버스), стали зелеными с буквой G (green) соответственно. Однако зелеными бывают не только маленькие «сельские автобусы», но и автобус чуть больше размером: очевидно, у них тоже небольшая протяженность маршрута.

Эта новейшая система городского транспорта еще только начинает вводиться и она пока не охватывает весь Сеул. Однако я обратил внимание на то, что новой системе выделенных полос все же не удалось полностью избежать «вторжения» частного транспорта, которому иногда приходится занимать автобусную полосу у перекрестков перед поворотом налево.

Что ж, поживем — увидим, насколько новая система организации автобусного движения окажется эффективной.

30 мая 2004 года

12. Водительская солидарность и внимание к пассажирам

Утром 25 июня 2007 года, в понедельник, я должен был ехать по делам в Сеул. Пошел в сторону автобусной остановки и вдруг увидел, что приближается мой автобус № 5001-2, который как раз едет до станции метро Янчже — туда, куда мне нужно. Побежал вслед за автобусом. На бегу пытаюсь подать знак водителю, чтобы подождет (старался бежать так, чтобы меня было видно через зеркало заднего обзора), рванул в сторону автобусной остановки. И...! Надо же было так случиться, что как раз перед остановкой под углом 90 градусов к пешеходной дорожке был припаркован микроавтобус, начисто закрывавший водителю автобуса заднее обозрение.

Почти без надежды успеть, как-то автоматически продолжал бежать в сторону уходящего автобуса.

И... о чудо! Водитель ехавшего вслед за моим автобусом другого автобуса стал подавать звуковые сигналы своему коллеге из автобуса № 5001-2. Один сигнал, второй, третий... Мой автобус остановился. Я вскочил в него, очень благодарный корейской водительской солидарности.

Записано 2 июля 2007 года

13. «Зайцем на поезде»: изменение правил проезда на железнодорожном транспорте

К лету 2008 года на железнодорожном транспорте Южной Кореи был введен новый порядок проезда на поездах дальнего следования.

Раньше свободный выход на платформу был запрещен. Разрешалось заходить на платформу минут за 10 до посадки, не ранее. При этом перед выходом на платформу работник железной дороги (или автомат) проверял у пассажиров билеты, так что сесть в поезд, не оплатив перед тем проезд, было практически невозможно.

Летом 2008 года я наблюдал следующее. На вокзале Ёнсан (в Сеуле) все еще стояли автоматы (турникеты) по проверке билетов перед выходом на платформу. Но они не работали. Отверстия для вставления билетов были заклеены скотчем, а сверху были прикреплены объявления, извещавшие о том, что автоматического контроля билетов (при посадке и после прибытия) нет, и пассажир может взять железнодорожный билет на память.

Увидев это, я подумал, что билеты проверяют в поезде (на манер того, как это делается в Европе). Но ни во время моей поездки в провинцию, ни во время возвращения в Сеул никто ни разу не проверил ни меня, ни других пассажиров.

Единственное, что при прибытии в Сеул я обнаружил, что работник вокзала по-прежнему (не проверяя) собирает у прибывших пассажиров железнодорожные билеты. Но мне показалось, что делает он это, скорее, по привычке или для того, чтобы не шокировать прибывших из провинции пассажиров, которые еще не привыкли к новому порядку проезда на поездах, а не для того, чтобы действительно контролировать оплату проезда.

23 сентября 2008 года

14. Мужской голос диктора в метро

Южная Корея — страна, которая активно учится у всего мира. Стремительно трансформируется, и все в интересах граждан.

В середине 2000-х годов все станции сеульского метро, имевшие открытые платформы, получили стеклянные стены и двери, отделяющие поезда от платформ, для безопасности пассажиров.

А в июле 2011 года обнаружил еще пару новшеств: голос диктора перестал быть исключительно женским: появились объявления, произносившиеся приятным мужским голосом. А звуковые сигналы, сообщающие о приближающемся поезде, стали более разнообразными и, так сказать, музыкальными.

Но это еще что! В середине июля сеульская общественность озабочилась вопросом бездомных, обитающих у Сеульского железнодорожного вокзала: решили создать для них сеть «свободных кафе» со спальными местами, душем, телевизором, телефоном и даже литературой для чтения...

Записано 24 июля 2011 года

ГЛАВА 21. КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

1. Контрасты

(возможно, немного преувеличенные)

Центральная часть Сеула в 1990 году показалась очень контрастной. Великолепные здания. Сверкающие небоскребы. И тут же внизу — узкий переулочек с кривыми стенами улиц, какими-то шиферными перекрытиями, узкими бетонными дорогами. Тесные проходы между прилавками, на которых женщины что-то готовят и продают. Тут же можно поесть. Порция горячих бобов стоит 700 вон. Это около доллара.

Маленькие газетные лавочки забиты самым разным товаром. Кроме печатных изданий в них — сигареты, жевательная резинка, сладости, женские тоники... Пространства в них так мало, что продавцу почти невозможно двигаться внутри и единственная приемлемая поза — это сидеть скорчившись.

1990

2. Официальные нищие

На центральных улицах Сеула (1990 год), иногда на рынках, нередко можно видеть нищих калек. Чаще всего у них повреждены ноги. Ноги безжизненно болтаются и обернуты в черную резину. Иногда у калек вообще нет ног. Они передвигаются или ползком по земле или на низенькой тележке. Если на тележке, то на ней обычно стоит магнитофон, часто автомобильный, с большими колонками. В руке — микрофон. Под фонограмму они поют песни. Бывает, что просто крутят музыку. Прохожие кидают им мелкие деньги, достоинством в 100–1000 вон. Порой денег бывает достаточно много. Иностранцы подают валюту. Но это — «официальные нищие». Их не гоняет полиция, их можно фотографировать, снимать на видеокамеру. Однако есть еще и другая категория нищих. Но об этом — чуть ниже.

1990

3. Рикши⁶⁸

Вело- и моторикши — особенность Сеула 1990 года. За сиденьем велосипеда или мотоцикла (мотороллера) из металлических труб сооружены своего рода стеллажи высотой примерно в три мотоцикла. Если они доверху заполнены грузом, то становится просто удивительно и немного жутко, когда думаешь о том, как все это не падает. Вело- и моторикши приравняются к пешеходам и вместе с ними переходят улицу по зеленому сигналу светофора, беспрепятственно ездят по тротуарам. Очевидно, что работа у них не из легких, так как ею занимаются в основном молодые.

Есть в Сеуле и «грузовые» рикши классического типа, тянущие за собой двухколесную телегу. Один такой нам уже встречался на узкой улице 18 апреля ночью⁶⁹. Днем, да еще в центре города их увидеть почти невозможно.

1990

⁶⁸ «Рикши» — это условное название профессии, так как нынешние «рикши» перевозят в основном грузы. Для людей предназначены дешевые и комфортные такси. Однако что-то напомнило мне в этих перевозчиках грузов северокорейских велорикш и «традиционных» рикш. Поэтому и решил употребить такое не совсем подходящее для Южной Кореи слово: «рикша».

⁶⁹ См. Главу 15, заметку 2 «Кафе “Утопия”».

4. Об уровне жизни

Горничная гостиницы «Лотте» получает порядка 900 долларов в месяц. Шофер нашей автомашины (первый из двух работавших в 1990 году с делегацией Ленинградского государственного балета на льду) — 500 тыс. вон, что составляет примерно 700 долларов. Говорит, что жить тяжело. Квартплата порядка 46 тыс. вон. Но это не его квартира, арендованная. С жильем, говорит, вообще плохо.

У него швейцарские кварцевые часы. Говорит, что это свадебный подарок. Кожаный ремешок часов подклеен скотчем — совсем сносился. Но старается одеваться респектабельно: костюм, рубашка, галстук, поношенные дорогие ботинки и каждый день — свежие белые носки.

1990

5. Личные автомобили

Как мне говорил наш второй водитель Ким Бёно, в Сеуле практически каждая семья имеет автомобиль. Богатые имеют по 2–3 автомобиля: для себя, жены и сына. Простые люди, как правило, покупают машину в рассрочку. При оформлении покупки вносят 200–300 тысяч вон (300–450 долларов), а затем постепенно выплачивают с каждой зарплаты, примерно в течение трех-четырех лет.

1990

6. Телефон в деревне

Когда мы ехали в этнографический музей под открытым небом, так называемую «Этнографическую деревню», расположенную недалеко от Сеула, наш водитель Ким Бёно, глядя на деревенские пейзажи, проносившиеся за окном, вдруг сказал: «Да, сейчас в деревне стало жить гораздо лучше, не то, что раньше. Уже в половине домов телефоны есть, а каждая десятая семья имеет свою машину. Хотя, конечно, с городом ни в какое сравнение не идет».

1990

7. Неофициальные нищие

Однажды майским днем 1990 года на ступенях подземного перехода под площадью у универсама «Син сего» («Новый мир») я увидел грязную женщину с двумя такими же грязными измученными детьми. Они сидели на ступенях и отрешенно смотрели на прохожих.

В подземном переходе у гостиницы «Лотте», в начале улицы Ыльчжи, практически каждую ночь на скамьях спят грязные бездомные, укрывшись с головой старыми газетами.

А еще как-то раз мы с нашим шофером Ким Бёно поехали на рынок часов, что находится у западной окраины рынка «Пхёнхва» («Мир»). Подъехали к перекрестку, вышли из машины. И вдруг к нам подошла полная женщина, измазанная чем-то, одетая в грязное синее платье, направилась к В.Л.Марковскому, директору Балета на льду, и сказала ему по-корейски: «Дайте денег, дайте денег!», протягивая руку. Испуганный шофер быстро подошел к нам, отогнал нищенку и сказал мне: «Скажи директору Балета, что она сумасшедшая, что просто потеряла рассудок». Сидевшая неподалеку торговка овощами, сконфуженно улыбаясь, повторила вслед шоферу: «Извините, пожалуйста. Извините. Она сумасшедшая».

1990

8. Девочка в метро и жевательная резинка

Метро. В вагоне почти нет пассажиров, точнее — только сидящие. Вдруг вижу — девочка лет 8–10 в цветастой футболке и шортах, желтые шлепанцы на грязную босую ногу, сумка через плечо — проходит мимо сидящих пассажиров и кладет каждому на колени или на сумку пачку жевательной резинки. Смотрю и удивляюсь. Думаю, что это за благотворительность? А лица пассажиров при этом нейтрально-пустые, как будто ничего не происходит и никакой девочки нет. В чем дело?

Спрашиваю у сидящей рядом женщины, почему так? А она отвечает: «Это не обязательно покупать». И мне все ясно.

21 июля 1993 года

9. Попрошайки (1)

В Сеульском метро часто встречаются самые разные «просители помощи».

Прежде всего это слепые, ходящие с палочкой по вагонам, благо в Корее поезда метро имеют сквозные проходы между вагонами. Как правило, на плече у них висит простой магнитофон, из которого вырываются звуки какой-нибудь заунывной песни. Иногда слепой и сам

подвывает поощему. В руках у него металлическая плошка для денег. Чаще всего такому просящему ничего не дают.

А как-то раз на переходе метро на станции «Чонно самга» (Третья улица Колокольной дороги) я увидел буддийского монаха, во всем своем одеянии и шишкой на шее, как у Ким Ирсена. Перед ним стоял ящик для пожертвований. Где-то из магнитофона вырывалась нудная буддийская песня. А сам монах молча, с безразличным видом, стоял на коленях и бил в колотушку.

26 июля 1993 года

10. Попрошайки (2)

26 июля 1993 года около 17 часов вечера в переходе на станции метро «Сеульский вокзал» ко мне внаглую пристал кореец лет 35, нахально выпрашивая деньги на дорогу в г. Пусан. Я ему очень долго объяснял, что я из России, где люди получают лишь 40 долларов в месяц. Лишь после этого он нехотя отстал от меня.

26 июля 1993 года

11. Подержанная электроника

В этот свой визит в Корею (1993 год) я с удивлением узнал, что в Корее есть магазины и даже целый рынок подержанной электроники и часов. Мне казалось, что в такой развитой стране этого не может быть. В такой, как она представлялась мне из гостиницы «Лотте», из окна автомобиля или по рекламным проспектам.

Рынок старой электроники находится восточнее рынка Тондэмун (у Больших Восточных ворот) на Восьмой улице Чхонгечхон⁷⁰. Старые цветные телевизоры стоят порядка 40–80 тыс. вон (50–100 долларов), старые хорошие магнитофоны от 30 до 70 тыс. вон. Телевизор можно купить даже во временное пользование, а потом, скажем, через полгода, сдать его тому же продавцу, но, естественно, по гораздо меньшей цене.

Помимо этого на рынке, который еще называют «муравьиным» (*кеми сичжан*) или «чертовым» (*токкэби сичжан*), продается еще

⁷⁰ В настоящее время ни рынка, ни самого квартала по указанному адресу нет. На его месте возведен новый жилой квартал.

и одежда, обувь и прочая всячина, часто подержанная, самая дешевая в Сеуле. Есть на рынке и «новые» телевизоры, но очень и очень устаревших моделей.

1993

12. Кто живет в богатых особняках на живописных холмах Сеула?

Мне долго не давал покоя вопрос о том, кто же живет в богатых особняках в районе, расположенном неподалеку от президентского дворца?

К примеру, дом президента центральной гостиницы «Лотте» г. Чан Сонвона, который до этого был президентом всей сети универмагов концерна «Лотте», в десятки раз скромнее того, что мне довелось увидеть в холмах района Тонам (돈암동): огромные по площади двух-трехэтажные виллы, часто с парками, что для Сеула является невероятной роскошью, а иногда и с прудами и водопадами. Бывает, что такие особняки выстроены в традиционном стиле, что гораздо дороже, чем построить дом в европейском духе.

Случайно я разговорился с жильцом-хозяином одной из таких вилл, не самой богатой по меркам района, который по манере держаться походил не менее как на высокопоставленного члена правительства. Оказалось, что г. Чу Чжонбин является профессором медицины, работает в ведущих клиниках Сеула и является главой временной медицинской выставки-конференции, проводимой в 1993 г. в Сеуле. По его словам, большинство владельцев аналогичных вилл также являются врачами.

Необычайно дорогое медицинское обслуживание в Корее, видимо, немало способствует повышению благосостояния узкой касты врачей: если дед врач, то и сын, и внук с легкостью могут стать врачами. К примеру, сын г. Чу также врач.

1993

13. О сеульской воде

Когда раньше к нам в Санкт-Петербург приезжали корейцы и спрашивали, можно ли пить водопроводную воду, часто покупая при этом питьевую воду в магазинах, я часто воспринимал это как некое оскорбление нашей действительности.

Попав в 1995 году в Сеул и оказавшись в одном доме вместе с корейскими студентами⁷¹, я обнаружил, что это всего лишь перенос корейской (сеульской) привычки совершенно не пить весьма странную по вкусу и запаху воду из водопровода на нашу почву⁷².

Сеульцы среднего достатка покупают питьевую воду особо в больших стеклянных бутылках емкостью в несколько десятков литров, а студенты даже стараются запастись ею в ресторанах, если она там дается бесплатно и посетители имеют возможность наливать ее сами.

Кроме того, среди жителей Сеула встречается такое мнение, что подземные источники в сеульских сопках тоже очень плохие, и пить воду из них нельзя.

13 июня 1995 года

14. Чечжуские жалобы на жизнь

С кем бы ты ни говорил из жителей острова Чечжудо — будь то гид, водитель автобуса, продавец в магазине, или человек, приехавший сюда на заработки — всегда слышишь одно и то же: жалобы на тяжелую жизнь. Тяжелую по двум причинам. Во-первых, это слишком большие цены на все товары и услуги на острове, вызванные, якобы, очень большой стоимостью транспортных расходов. Во-вторых, это политика Сеула, забирающего большую часть доходов от туристического бизнеса. Происходит это по той причине, что большая часть земли, гостиниц, развлекательных заведений принадлежит выходцам из Сеула. Транспорт, в частности и авиа, также сеульский. Вот и получается, что большая часть денег, которые турист тратит на Чечжудо, возвращается обратно на полуостров, а местным жителям почти ничего не остается. Однако, судя по чаевым и различным процентам с продаж, которые гиды и водители получали на всем протяжении моей туристической поездки на остров, мне как-то не верилось в «тяжелую жизнь» местного населения.

Так, по окончании 3-х дневного тура по острову, пассажиры собрали «на чай» водителю 80 тыс. вон, что по тогдашнему курсу составляло около 90 долларов США и было весьма немалой суммой.

4 декабря 1996 г.

⁷¹ В 1995 году я снимал в Сеуле комнату в так называемом пансионе *хасук*.

⁷² К середине 2000-х годов качество водопроводной воды в Сеуле приблизилось к качеству питьевой воды.

15. Контрастная Корея

Как приедешь из провинции в международный аэропорт Инчхон и побудеешь там несколько часов, так из памяти сразу стираются все неудобства повседневной корейской провинциальной жизни. В аэропорту чисто и красиво, доступ в Интернет, места тестирования МП-3 плееров. Везде — сверкающие безналоговые магазины, красивая униформа обслуживающего персонала, вежливые улыбки, приятные речи. Прогресс...

А в провинции...

Создается такое впечатление, что люди там только и делают, что лежат, сидят, едят, смотрят на мир без движения и ожидают, что богатство само упадет им на голову.

25 августа 2005 года зашел в магазин старой книги в Тэчжоне, что в западной части привокзального рынка. Хозяин — мужчина лет 50, с необычными для корейца курчавыми волосами. Книги на полках расставлены в относительном порядке. Нашел книжицу из серии карманных изданий 1980 г. выпуска, около 160 страниц. Старая, желтая. Спрашиваю о цене, просит 2 тыс. вон, хотя книге красная цена — 1 тыс. вон. Хозяину совсем неинтересно, кто я и почему интересуюсь корейскими книгами. Ну да ладно. Решаю все же купить понравившуюся книгу. Хозяин сидит на корточках перед одной из книжных полок, что-то расставляет. Я подошел, стал давать деньги. Хозяин даже не встал. А уж «спасибо» тем более не дожидаться. Стал уходить из магазина — ноль эмоций, никакого «до свидания». Тут же в магазине сидела жена хозяина, смотрела телевизор. На мое присутствие и на то, что я пытаюсь попросить дать мне пакетик, чтобы положить книгу — никакого внимания. Я тоже, ни слова не говоря, вышел из магазина, но решил больше сюда никогда не приходить.

24 августа купил набор керамических чашечек для чайной церемонии в подарок. Набор долго стоял на улице, поэтому сильно запылился: как сами чашечки, так и коробка. На мое замечание по поводу пыли продавец — мужчина лет 65 — сказал, что все чисто, просто на днях проводили ремонт в подземном переходе (где находится магазин), «немножко запылилось».

Дома я с трудом отмыл чашки. А когда вытер их насухо, то оказалось, что чашки... — с трещинами! Две из 5 предметов набора. Но обнаружил это лишь в ночь перед отъездом из Кореи, поэтому поменять уже не удалось.

27 августа 2005 года

16. Новое городское жилье

К 2009 году я обнаружил, что в Корее появилась новая устойчивая тенденция к появлению нового типа городского жилья, приближенного к «офистелю» (officetel), то есть некоему гибриду офиса и гостиницы (отеля), хотя по большому счету речь идет об обычном частном городском жилье.

Итак, еще в начале 2000-х годов в Южной Корее стали строить многоквартирные дома, которые по форме напоминали не вытянутые в длину параллелепипеды (в которых квартиры располагались как бы в одну линию), а многоэтажные четырехгранники, квадратные в сечении.

В таких домах, как правило, первые несколько этажей занимает автомобильная парковка. В самом центре (в «стержне») здания располагаются лифты, а квартиры расположены вокруг стержня дома, по периметру.

Однако в этих новых офистелях новым является не только общая планировка дома, но и устройство самих квартир.

Самое главное — это полное исчезновение веранд-балконов, на которых корейцы разводили мини-садики и которые использовали для хозяйственных и эстетических нужд.

Второе отличие от «традиционных» квартир в многоэтажных домах — это отсутствие внутренних раздвижных непрозрачных окон, которые создавали эффект традиционного корейского жилого пространства, отграниченного от внешнего мира непрозрачными бумажными окнами и дверьми с деревянным оконным переплетом, оклеенным бумагой.

Еще одним нарушением традиционного представления о жилом пространстве является наличие керамической плитки в коридоре и части гостиной — той части, в которой располагается не отделенная никакими стенами от основного жилого пространства кухни. Нарушение состоит в том, что плитка положена в той части квартиры, в которой должен располагаться теплый пол и по которой следует ходить босиком. Таким образом, в летнее время, когда пол не отапливается, жильцам приходится ходить по квартире босыми ногами по холодной напольной плитке.

Мебель в таких новых домах тоже практически вся встроенная. Так что желающему сменить меблировку придется прибегать к услугам специальной строительной фирмы, занимающейся еще и интерьерами.

Таким образом, новое дорогое корейское жилье, оборудованное по последнему слову техники, во многом разрушает традиционные представления корейцев о жилом пространстве и во многом напоминает гостиницы «нового типа», оборудованные мини-кухнями, имеющими стиральные машины и прочую бытовую технику, а также стандартное для всех гостиниц прочее оборудование...

Действительно, в последнее время корейцы стали настолько мобильны в перемене мест работы и мест жилья, что каждая новая квартира, по сути — это уже не квартира, а очередная гостиница длительного проживания на переменчивом жизненном пути.

Август 2009 года

ГЛАВА 22. КУЛЬТУРА

1. О современной художественной литературе (Высказывание корреспондента «Корейской экономической газеты» Хангук кёнчже синмун Мун Бёнхвана)

«В Корее практически непопулярны детективы *чхури сосоль*, также как и научная фантастика *конъсанъ сосоль*. Последнюю могут изредка читать дети или подростки.

Что касается корейской прозы, то Хан Сусан уже устарел и его произведения — это вообще чтение только для юношества. Ли Мунъёль более известен за границей, хотя он по-прежнему еще “на плаву”».

Комментарий: сам я специально искал корейскую фантастику и детективы. Детективы, а точнее — сборник детективов «Лучшие писатели, лучшие детективы» (정예 작가 정예 추리. 서울, 현대추리사, 1989) я с трудом нашел где-то на распродаже в районе станции метро Ёндынпхо. Корейской фантастики не видел ни разу. В книжных магазинах можно найти переводы (и только переводы) английской и американской фантастики и детективов на корейский язык. Но и их не так много⁷³.

1990

⁷³ И к 2010 году ситуация с популярностью в Южной Корее детективов и научной фантастики практически не изменилась.

2. Заметки после посещения вечера традиционных танцев в Городском дворце собраний г. Кунсан провинции Северная Чолла

А. Традиционная культура Востока и Запада

На Дальнем Востоке в понятие «традиционная культура» входит как культура простонародья, так и культура аристократии. Поэтому она более «живучая», популярная или, другими словами, достаточно престижна, поскольку может приобщить ценителей традиции к высшему сословию.

В Европе, в частности в России, «традиционная культура» — это, как правило, культура простонародья. Аристократическая феодальная и раннебуржуазная культура переросла в так называемую «классическую культуру».

Б. Композиция и символика корейского танца

Корейский традиционный «аристократический» танец обычно начинается с *медленных* движений. Очень медленных. Танцор практически не движется, но внутренне чрезвычайно напряжен. На сцене господствует *ритуал*.

Завершается танец *быстрыми* движениями. На сцене происходит активное, страстное выражение чувств и эмоций, сдерживавшихся до этого ритуалом.

Записано 26 ноября 1995 года

3. Необычное восприятие музыки и драмы в Корее

22 августа 1998 года в вечерних новостях телерадиокорпорации «Эм Би Си» (МВС) на экранах вдруг появился текст корейской поговорки, гласящей, что «Богатый богатеет, а бедный беднеет» (富益富 貧益貧). Поговорку эту напомнили зрителям в связи с телевизионным комментарием, рассказывавшим о том, что в то время как вся страна переживает тяжелые последствия экономического кризиса и наводнения августа 1998 года, в стране есть такие, которые позволяют себе «швыряться деньгами», и... ходить на концерты классической музыки и в драматические театры. Интонации комментаторов были весьма жесткими. Из комментария следовало, что культура и искусство — это не неотъемлемая часть жизни цивилизованного общества,

которая может помочь в духовном плане также и в преодолении трудностей, а всего лишь один из способов прожигания денег и времени.

24 августа 1998 года

4. Китайская письменность в Корее

До середины 1960-х годов Южная Корея активно использовала китайские иероглифы, которые составляли порядка половины знаков на письме: остальное писалось корейским алфавитом.

С середины 1960-х годов и до 1972 года, до так называемого «переворота *юсин*», когда диктатор Пак Чонхи ввел новую, более тоталитарную систему государственного управления⁷⁴, в Республике Корея была развернута кампания за искоренение употребления китайской иероглифики и полный переход на корейское алфавитное письмо. В ходе этой кампании было прекращено изучение иероглифики в начальной и средней школе. Поэтому люди моложе 40 лет почти не знают иероглифов.

По рассказу настоятеля католического собора.

24 августа 1998 года

5. Две категории библиотек

Есть в Южной Корее большие удобные каталогизированные библиотеки, оборудованные по последнему слову техники. Прежде всего это — Государственная центральная библиотека (국립중앙도서관) и Библиотека Национального собрания (국회도서관). Книги здесь выдаются только в читальный зал или для копирования.

Также неплохи и классические университетские библиотеки. Здесь можно брать книги и в читальный зал, и домой, на абонемент.

Однако по всей Корее можно найти огромное количество маленьких частных заведений, похожих на пункты проката видеокассет, которые называются «Пунктами проката книг» (책 대여점). Там за небольшую плату можно на время взять почитать книгу «популярного» ассортимента: любовные и приключенческие романы, комиксы и т. п. Таким образом, эти маленькие частные пункты проката книг играют роль «квартальных (районных) библиотек».

25 августа 1998 года

⁷⁴ Подробнее см.: Курбанов С. О. История Кореи с древности до начала XXI века. СПб., 2009. С. 472–479.

ГЛАВА 23. МОЛОДЕЖНАЯ КУЛЬТУРА

1. Старшеклассницы в автобусе

Как-то в конце ноября 1995 года ехал на автобусе № 143 в сторону квартала Синса района Ынпхён в Сеуле. В автобусе ехали несколько школьников из одной школы — все в одинаковой униформе: серые юбки и клетчатые темно-красные пиджаки. Мое внимание привлекли две школьницы старших классов, очевидно подружки. Одна из них сидела, а другая стояла рядом, нежно поглаживая первую по волосам, шее, плечам. Девочкам было на вид лет 15.

Приятельские отношения, совершенно непонятные европейцам?

Записано 22 ноября 1995 года

2. «Цветная» молодежь

2000 год поражает распространением среди корейской молодежи моды на крашенные волосы: желтые, голубые, фиолетовые, зеленые, красные или даже цвета радуги.

Обычно так красят волосы неработающие молодые люди или студенты: те, кто уже закончил среднюю школу, но еще не устроился на работу в какую-нибудь фирму. В школе, как и на рабочем месте, подобное проявление свободомыслия не допускается.

17 августа вечером ехал из Сеула в пригород на электричке, следовавшей в Инчхон. В моем вагоне оказалась группа «цветных» молодых людей: три девушки и четыре парня в модной молодежной одежде: широкие брюки с низкой мошной. У одного из парней волосы были выкрашены в несколько различных цветов, и было проколото ухо. У девушки, сидевшей рядом с этим парнем, были яркие голубые глаза (контактные линзы). Один парень из группы был совсем некрашенный, но у него была толстая золотая цепь на шее, золотая клипса в ухе и перстни на пальцах⁷⁵.

Компания была весьма шумной. Ребята и девчонки громко перебрасывались фразами. Потом парни прямо в вагоне метро устроили соревнование на подтягивание, воспользовавшись для этого поперечным поручнем у потолка. Потом как-то по-доброму стали приставать к пас-

⁷⁵ Было ли это настоящее золото или имитация — точно определить было невозможно.

сажирам, уступив перед этим место беременной женщине. Спросили ее:

— Ну что? Скоро разрешитесь? Поздравляем!

— У меня тоже есть жена, — говорил парень с волосами цвета радуги. — Вы что, мне не верите? — продолжал парень. — Думаете, я молодой? Школьник? Какой я школьник? В школе разве позволяют такие волосы? У меня действительно есть жена. А эти все, — продолжал парень, указывая на «цветных» приятелей, — это мои друзья.

Потом высокий парень с темными, лишь немного подкрашенными волосами, вдруг встал на колени перед беременной женщиной и спросил:

— Вы думаете, я в своем уме? В своем уме?

И потом улегся на пол вагона метро. Приятели с трудом подняли его с пола.

Затем одна из молодых девушек при всех вдруг села на колени одному из парней. Другой парень сел на колени сидевшей рядом с первой девушки. И так вся эта группа передвигалась по вагону с места на место, пока не обратила свое внимание на меня.

Я стоял у двери вагона метро. Все «цветные» вдруг стали говорить одному из парней:

— Ну, давай! У тебя самые лучшие способности в английском. Покажи себя! Поговори с тем иностранцем!

Знаток английского языка подошел ко мне и стал спрашивать, что я думаю о них самих.

Я спросил, любят ли они Корею...

Разговор с «цветными» был сумбурным. Меня не спросили о том, из какой я страны или сколько мне лет. Но вдруг я услышал вопрос:

— Вы понимаете по-корейски?

Я утвердительно кивнул в ответ.

После этого вся компания засмеялась, и я почувствовал в их смехе некоторую неловкость от осознания того, что я, иностранец, слышал и понимал весь вздор, который они только что произносили вслух.

Парень — знаток английского — отошел от меня, и на некоторое время я остался в одиночестве. Но кое-кто из подростков продолжал кидать на меня взгляды.

Наконец поезд подошел к станции Кэбон, на которой я должен был выходить. Направился к двери. Напоследок помахал рукой «цветно-волосым».

И они мне дружно ответили: и жестами, и словами. Девушка с «искусственными» голубыми глазами что-то сказала. Но мне было трудно расслышать. Тогда сидевший рядом с нею парень повторил ее слова громче:

— Она говорит, что хочет увидаться с Вами снова. (Это такой вид корейского прощального приветствия по отношению к тому, с кем действительно хочешь встретиться еще раз.)

И тот же парень, в то мгновение, когда я уже занес ногу, чтобы переступить порог двери вагона, вдруг сказал мне вслед по-английски:

— Постарайтесь любить Корею.

Я же, выходя из вагона, почему-то подумал: «Корее нечего опасаться за свое будущее».

18–19 августа 2000 года

3. Нет крашенных волос. Мода

Каждое новое поколение молодых в любой стране мира привносит свою моду.

Что касается южнокорейских молодежных причесок образца 2004 года, то можно говорить о практически полном исчезновении молодых людей с крашеными волосами, которых было много в конце 1990-х годов. Даже слегка подкрашенные волосы — и то редкость у молодежи.

Однако костюмно-галстучная мода, похоже, не проявляет себя никак. Хотя, например, в 1996 году даже месяца пребывания в Южной Корее было достаточно для того, чтобы определить новые тенденции в моде на одежду делового стиля.

Молодежная одежда также не показывает каких-либо определенных устойчивых тенденций.

В целом ощущается склонность южнокорейского населения к спортивному стилю, популярны ткани светлых и ярких тонов. Мода на джинсовую одежду почти полностью прошла. В джинсах (дешевых) ходят больше рабочие, нежели молодежь. Пик джинсовой моды приходился на конец 1980-х — начало 1990-х годов.

Единственное, что бросается в глаза: новая мода на солнцезащитные очки. Очки несколько увеличились в размерах по сравнению с теми, какие были популярны в конце 1990-х — начале 2000-х годов, стали более «вытянутыми» и «квадратными». Поражает разнообразие цветов светозащитных стекол: розовые, зеленоватые, голубые, фиолетовые. Не вредна ли подобная цветовая гамма для глаз?

Молодежные наручные часы стали более разноцветными и «блестящими». Больше разнообразие рисунков на циферблатах. Большая часть модных часов — или китайская дешевка, или очень дорогие модели. Средней ценовой категории нет. Совсем исчезли из продажи собственно южнокорейские марки часов, популярные в конце 1980-х — начале 1990-х: «Каппа» (Карра; выпускались корпорацией «Самсунг») и «Альпекс» (Алрех).

30 мая 2004 года

ГЛАВА 24. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

1. Демонстрация и шофер

Директору Ленинградского балета на льду фирмой «Лотте» для личного пользования была предоставлена легковая машина престижной марки «Хёндэ-Гранджё», но не самой последней модели. Сам автомобиль принадлежал одной из частных фирм, сдающих машины в аренду. Водители тоже были оттуда. Сначала у директора Балета был водителем нестарый мужчина, на вид лет 40, вежливый, но совершенно безразличный к своим пассажирам, любивший большие скорости и часто нарушавший правила дорожного движения. Этакая смесь нахальства и снисходительного добродушия.

Числа 18–19 апреля мы с директором Балета возвращались из дворца спорта в гостиницу. Подъезжали к центру. Вдруг слева среди движущихся машин показалась колонна демонстрантов. Это были студенты. В начале и конце колонны демонстрантов — полицейские машины с синим проблесковым маячком на крыше. Студенты идут строем и что-то выкрикивают, одновременно вскидывая руки, сжатые в кулак. Идут совсем рядом с нашим автомобилем. Внезапно один из демонстрантов сует в руки нашему шоферу листовку. Это — одна страница с текстом и картинками, отпечатанными с двух сторон на копировальной машине. Какие-то непонятные с первого взгляда карикатуры, призывы к «смещению диктатуры». Наш водитель растерян. Пользуясь этим, — ведь я прежде никогда не видел живьем ни южнокорейских демонстраций, ни листовок, — не очень вежливо выхватываю листовку из его рук и начинаю внимательно рассматривать. Шофер, опомнившись, выхватил ее у меня. Я снова (не очень вежливо) перетянул ее к себе и продолжил рассматривать. Все это время наш

автомобиль медленно двигался, не останавливаясь. Директор тоже заинтересовался содержанием листовки и попросил меня перевести ее. Когда я закончил, шофер взял у меня листовку, будто бы для того, чтобы почитать, посмотрел немного и, слегка покраснев, скомкал ее и запрятал в мусорный контейнер автомобиля.

1990

2. Менеджер программы «Холидэй он Айс» и «Сеульский режим»

В Сеульской гостинице «Шератон Вокэ Хилл» (Sheraton Walker Hill) в концертном зале-ресторане «Каягым» проходили шоу-программы американского развлекательного полустриптиз-балета на льду «Холидей он Айс». Его менеджер в Сеуле — кореец. У меня еще сохранилась его визитная карточка.

Директор и главный балетмейстер Ленинградского государственного Балета на льду решили сходить на эту программу, прежде всего из чисто профессиональных соображений. Войдя в зал и обосновавшись за столиком, через официанта мы послали менеджеру свои визитные карточки. Через некоторое время он подошел к нам, представился и подсел за наш столик. Он так и сидел с нами во время всего представления и даже угостил за свой счет бутылочным пивом «Карлсберг». Во время разговора он бросил фразу, не обязательно предназначенную для перевода, а я счел нужным ее не переводить: «Если бы я вот так подсел к вам пять лет тому назад, то мне было бы очень плохо».

1990

3. Лозунги

Удивляет обилие лозунгов на улицах Сеула. Внешне они напоминают советские лозунги, только написаны они не белым цветом по красному фону, а разными цветами по белому фону и в чем-то сродни обычной коммерческой рекламе.

Вот их содержание: «Все будем вежливы на дорогах!», или: «Все будем придерживаться порядка!»

В нижней части такого лозунга иногда мелкими буквами может быть написано название отделения полиции, по чей инициативе этот

лозунг был установлен. А однажды в центре Сеула я увидел лозунг такого содержания: «Япония, мы не забываем унижений!»⁷⁶ И это в наше-то время и при таком тесном сотрудничестве Кореи с Японией! Я спросил у нашего водителя, почему водрузили такой лозунг. Он ответил, что, очевидно, у людей еще до сих пор жива ненависть к Японии за пережитое в годы японской колонизации. Хотя молодое и среднее поколение ничего этого и не видело...

А на стене дворца спорта, где проходили выступления Ленинградского балета на льду, был размещен почти что коммунистический лозунг: «Еще в более широкий мир, к более светлому будущему!»

1990

4. Антикимирсеновская пропаганда

Не раз на улицах Сеула мне доводилось видеть старые потрепанные легковые автомобили, на крышах которых были установлены громкоговорители. Они, как правило, медленно ехали вдоль краев улиц, и из их громкоговорителей вырывалось нечто похожее на брань. Создавалось впечатление, что это северокорейское радио обрушивалось на «южнокорейских марионеток». На самом деле это была южнокорейская пропаганда. Время от времени из динамиков таких машин слышалось слово «кимирсенизм», сопровождаемое самыми нелестными комментариями. Это — антикимирсеновская, антисеверокорейская пропаганда.

1990

5. Перебежчик с Севера

Как-то (24 апреля?) я зашел в рынок «Пхёнхва» (в торговом квартале Тондэmun) с его восточной стороны. Не торопясь, прошел по первому этажу рынка. На это ушло минуты три-четыре. Заинтересовался лавкой с теплой верхней одеждой, что была слева от главного прохода. Зашел. Стал рассматривать куртки. Но хозяина не было. Вообще никого не было. Кстати, для корейских рынков отсутствие на месте хозяина и как бы «заброшенность» лавки — обычное дело. Но никто не ворует. Возможно, соседи присматривают за оставленным хозяином имуществом.

⁷⁶ Речь идет о периоде японского колониального господства в Корее в 1910–1945 гг.

Итак, одна куртка в лавке теплой одежды заинтересовала меня, и я стал спрашивать о цене соседей. Но вместо ответа те просто стали звать хозяина. Наконец явился невысокого роста мужчина, лет 60, небритый, в неброской одежде. Спросил, хочу ли я что-нибудь купить, откуда я приехал. Узнав, что я из СССР, он страшно обрадовался и стал говорить мне, что во время Сеульской олимпиады 1988 года очень много советских спортсменов покупали у него куртки.

И потом вдруг стал сыпать русскими словами. Написал на клочке бумаги русскими буквами, даже чуть небрежно, слова «гласность», «перестройка», «новое мышление». Я очень удивился и спросил, откуда он так хорошо знает русский язык. Но торговец ответил вопросом на вопрос: откуда я сам знаю корейский язык. Я рассказал, что учил его в Пхеньяне, в университете им. Ким Ирсена и еще год работал на стройке в городе Сунчхоне.

— Ах, Ким Ирсен! Знаю, знаю! Сволочь! Утром Ким Ирсен, на работе — Ким Ирсен, вечером — Ким Ирсен, спать ложись — Ким Ирсен, в туалет иди — Ким Ирсен!!! Жил я там, знаю. Ах, гадина! — сказал хозяин лавочки.

Глаза у него озлобились, и щетина на лице словно взъерошилась чуть-чуть. И тут мне сразу стало понятно, откуда хозяин знает русский. На Севере научился. Потом он вдруг стал орать всем соседям по рынку, что здесь стоит русский, который «учился у Ким Ирсена». «Товарищ, товарищ!» — все время повторял он, обращаясь ко мне в издевательском тоне. И даже стал злобно посматривать на меня. Мне очень долго пришлось убеждать его, что к режиму на Севере я отношусь отрицательно.

Наконец, хозяин лавочки немного смягчился.

Пообщавшись немного в таком духе, мы расстались. Хозяин пригласил меня прийти еще раз. Но он мне был настолько неприятен и ко всему прочему заламывал за свой товар такие цены, что я к нему больше не заходил.

1990

6. О свободе

Относительная свобода, как говорит большинство корейцев, появилась в стране лет 5 назад (то есть к 1987 году). А до этого в стране была диктатура.

1992

**7. Высказывание официанта ресторана «Кукче хвагван»
при Фонде корееведческих исследований
Хангук хаксуль чинхын чэдан о политических партиях в Корее**

Можно сказать, что в Корее фактически нет политических партий. И вообще, народ более интересуется экономикой (что «чувствуется кожей»), чем политикой. А все политиканы — лжецы.

1993

8. Корейская «железная стена»

До 1988 года перед выездом за границу все корейцы в обязательном порядке должны были проходить инструктаж в духе «патриотизма и гордости за свою Родину». При этом выезжающие вкратце знакомились с той страной, куда им предстояло ехать, и обучались элементарным манерам поведения за границей.

Проводился такой инструктаж, в частности, в сеульской гостинице «Интерконтинентал» (Intercontinental).

*Записано со слов корейского информанта
28 июня 1995 года*

**9. Некоторые комментарии в связи с обрушением
сеульского универмага «Сампхун» (삼풍백화점) 29 июня 1995 года
(Впечатления от просмотра телепередач 30 июня 1995 года,
с 0 до 4 часов, связанных с ликвидацией последствий
катастрофы)**

Вечером 29 июня 1995 года половина здания одного из крупнейших универмагов Сеула, находящегося в престижной части города, к югу от реки Ханган, обрушилась сама по себе, без какого-либо внешнего воздействия, погребя под своими обломками сотни людей. Нужно было срочно спасать жизни людей, оставшихся под завалами. По всем каналам телевидения непрерывно велись репортажи о ходе спасательных работ. То, что удалось увидеть в репортажах, можно сказать, шокировало. Вот несколько отдельных замечаний по поводу увиденного.

1. Хотя катастрофа случилась в 17.55, до 12 часов ночи не могли найти представителей строительной фирмы, соорудившей универмаг в 1989 году. Они были нужны по той простой причине, что никто кроме них, в том числе и владельцы универмага, не имели чертежей здания, дающих четкое представление об устройстве универмага.

2. С экранов телевидения все время раздавались призывы к населению принести к месту катастрофы рабочие перчатки, защитные маски, еду. Мало того, власти просили прийти к месту спасательных работ сварщиков-добровольцев и даже обращались к частным лицам с просьбой предоставить тяжелые краны. (Неужели в Корее нет спасательной службы или структур, которые могли бы исполнить их роль?)

3. Примерно в 2–3 часа ночи от работников универмага к месту спасательных работ стали поступать частные телефонные звонки, разъясняющие устройство универмага. Однако все равно никакой ясности это не дало. (Странно, что власти не догадались хотя бы опросить жителей соседних домов.)

4. От 0 до 3 часов ночи на месте катастрофы было порядка 5 тыс. человек, участвовавших в ликвидации ее последствий. Среди них была полиция, подразделения армии и морской пехоты, пожарные и просто добровольцы (в основном сварщики, резавшие арматуру). Однако работы были организованы настолько плохо, что многие из присутствовавших просто слонялись без дела, иногда даже больше мешая, чем помогая ходу работ. Именно такие «спасатели без дела» часто становились объектом интервью корреспондентов телевидения.

5. Так называемый «штаб» спасательных работ (지휘소) образовался лишь к часу ночи. Он обосновался в здании ближайшей бензозаправочной станции фирмы «Югон» (유건).

6. При ликвидации завалов, необходимой для того, чтобы было можно подобраться к оставшимся в живых на нижних (подземных) этажах здания, не обошлось и без появления мародеров, пытавшихся поживиться дармовыми товарами и наличностью из касс. К счастью, они были пойманы и показаны по телевидению.

7. Непрерывные трансляции с места событий продолжались примерно до 17–18 часов 30 июня (следующего после катастрофы дня). Дольше всех передачи вела телерадио корпорация Эм Би Си (MBC: Munhwa Broadcasting Corporation). Остальные телестанции прекратили прямую передачу чуть раньше.

Во время просмотра всех этих передач создавалось такое впечатление, что «масс-медиа» упиваются видом катастрофы. Например, перед камерами очень долго показывали вещи пострадавших (раненых? убитых?), в основном женские сумочки, из которых руками в грязных перчатках доставали удостоверения личности, кошельки, косметику и прочие «женские штучки». И все эти предметы слишком, слишком долго показывали на экранах.

30 июня 1995 года

10. Вооруженная охрана на почте

На центральном почтовом отделении города N — единственном почтовом отделении, где было возможно обменивать банковские чеки на наличность — весь сентябрь дежурила женщина-охранник с револьвером на поясе.

Возможно, подобная особая мера безопасности была связана с террористическим актом, произошедшим в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года.

3 октября 2001 года

11. «Безопасность» на рейсе авиакомпании «Кориан Эа»

16 сентября 2001 года я благополучно перебрался из международного аэропорта «Инчхон» в аэропорт «Кимпхо», откуда выполнялись местные авиарейсы. У стойки регистрации, буквально за десять минут до вылета самолета, купил билет до города Тэгу. Служащий аэропорта, продававший билеты — мужчина лет 30 — долго спрашивал, как правильно произносятся мои имя и фамилия. Видя, что на слух русские имена воспринимаются им плохо, я просто передал паспорт. Затем, вспомнив, что у меня есть бонусная карта авиакомпании «Кориан Эа» (Korean Air), дал служащему и карточку, чтобы тот внес в компьютер соответствующую информацию.

Перед посадкой у меня попросили паспорт, посадочный талон, все внимательно проверили и допустили на спецконтроль.

Полет прошел без происшествий. Аэропорт города Тэгу поразил наличием военных и бронетехники, охранявших здание аэровокзала.

Уже потом, когда я расположился в международном гостевом доме Университета Кемён и достал посадочный талон, чтобы передать организаторам конференции для оплаты авиа перелета, то обнаружил, что на талоне мое имя записано не как Kurbanov Sergey, а как Ku Pet. И это через пять дней после теракта в Нью-Йорке! И ведь сверяли же паспорт с посадочным талоном, и до посадки допустили!

Организаторы конференции, увидев такое дело, отказались оплачивать авиа перелет. Спасла бонусная карта с моей фамилией. По ней сделали «правильную» выписку о совершенном полете.

Сентябрь — декабрь 2001 года

12. «Сумасшедшая корейнка»

Когда я летел в самолете в Сеул 24–25 июля 2007 г. (уже второй раз за этот год), в кресло прямо позади моего, «на свободное место» села корейнка средних лет. Почти все время полета она спала, свернувшись калачиком на 2 креслах, расположенных у окна.

Под утро, когда стали разносить завтрак, она проснулась очень поздно, так что ей не успели подать еду одновременно с другими пассажирами.

Начиная с этого момента корейнка впала в истерику и громко ругалась, почти что нецензурными словами. Когда подходили стюардессы, корейнка замолкала, усилием воли делала свой голос более мягким, а после ухода стюардесс снова начинала грязно и громко ругаться. В ее ругательствах проскальзывали выражения типа «долбаная страна». Какая страна? Корея? Или та, из которой корейнка летела?

Потом я увидел ее уже при получении багажа. Она шла одна, ни с кем не общаясь (что для Кореи — редкое явление). Багаж ожидала не у линии транспортера, а вдалеке, присев на пол у стены. При этом волосы закрывали часть ее лица. В самолете она показалась мне очень страшной, а издали — даже в чем-то миловидной.

... Есть, видимо, в Южной Корее какие-то неизвестные мне, скрытые социальные проблемы.

12 сентября 2007 года

ГЛАВА 25. АРМИЯ. ОБЪЕДИНЕНИЕ КОРЕИ

1. О корейской армии (со слов информанта)

Как говорил мне Пак Минсо, южнокорейская армия не имеет свободы действий, то есть в принципиальных вопросах подчинена американцам. Так, вопрос о начале военных действий или же разработка их стратегии и тактики — все в руках американского военного командования.

1993

2. Что думают молодые корейцы об объединении страны

Числа 10–11 июня 1995 года студенты, проживавшие вместе со мной в полуподвальном этаже небольшого частного пансиона неподалеку от Восточных ворот университета Ёнсе, решили позвать меня в холл, ведущий в три небольшие комнатки, что мы снимали, с тем, чтобы выпить по баночке пива и познакомиться поближе.

Каким-то образом разговор зашел о Северной Корее. И когда я спросил о том, не знают ли мои новые знакомые, чьи имена сразу мне было довольно сложно запомнить, когда по телевидению идут программы, посвященные Северной Корее, мне ответили, что не знают. Во-первых, время старых передач о Северной Корее изменили, так что новое время им неизвестно. Во-вторых, и интереса-то особого к ним нет, потому что все отфильтровано и всегда повторяется одно и то же. Ну и, в-третьих, отсутствие большого интереса связано еще с тем, что никто уже не верит в возможность объединения страны в ближайшем будущем.

О необходимости экономической помощи Северной Корее мои собеседники высказали такую интересную мысль: делать это категорически нельзя, так как любая помощь только усложнит объединение страны. Действительно, это так, поскольку экономическое укрепление Северной Кореи способствует как раз ее самостоятельности, в то время как экономическая слабость может послужить рычагом к большей сговорчивости в вопросах объединения.

14 июня 1995 года

3. Южные корейцы о Северной Корее

20 сентября 1995 года в городе Тэчжоне, крупном научно-промышленном центре, в местном Городском дворце культуры проходила конференция, посвященная проблемам Северной Кореи. Конференция была организована тэчжонским Университетом Ханнам и приурочена 50-летию освобождения Кореи от японской колонизации.

Я тоже присутствовал на конференции как один из выступавших: я должен был прокомментировать доклад сотрудника Института национального объединения г. Ли Уёна.

Несколько часов выступлений и прений пролетели, как одно мгновение. Слушателями были в основном обыкновенные тэчжонские го-

рожане среднего и старшего возраста. Студентов и школьников почти не было.

После окончания конференции всем выступавшим раздали конверты с гонорарами за труды, после чего всех пригласили в ресторан неподалеку «отметить» удачное завершение конференции.

За хорошей едой и выпивкой мне удалось услышать несколько иные впечатления о Северной Корее, чем те, что было рассказаны с официальной трибуны. Вот лишь некоторые из них:

— У северных корейцев очень высок уровень духовной культуры, несмотря на низкое техническое развитие. И у них есть много такого, чему нам, южным корейцам, стоит поучиться. Вообще было бы неплохо больше пропагандировать их культурные достижения.

— У них очень хорошие фильмы. Но их трудно достать, трудно привезти. Таможенники обязательно отберут половину, даже если есть специальное разрешение и письма из высоких инстанций. Конечно же, чтобы посмотреть самим.

... И еще меня очень поразили застольные речи г. Ли Уёна, доклад которого я комментировал. При «пустоватости» его официального выступления, Ли Уён показал великолепную информированность буквально о всех сторонах современной северокорейской жизни.

Записано 25 сентября 1995 года

4. Тяготы армейской жизни

В конце ноября около 2 часов дня шел по улице Синчхон-но. Вот уже подходил к станции метро Синчхон, ближайшей к Университету Ёнсе, как заметил, что рядом с выходом из подземного перехода (одновременно и входа в метро) расположились подразделения вооруженных формирований *хонбён*, предназначенные для обеспечения порядка во время демонстраций. *Хонбён* — это некий вариант альтернативной службы для молодых людей, которым пришел черед идти в армию. «Наверное, ожидается демонстрация», — подумал я. Обмундирование у *хонбён* устрашающее — серые костюмы, бронежилеты, шлемы, огромные изогнутые щиты. На окнах автобусов, в которых они передвигаются, прикреплены металлические сетки.

Подхожу к метро Синчхон и вижу: перед самым входом в подземный переход, рядом с обувным магазином (который потом снесли), выстроилось человек 35 этих *хонбён* в шеренгу по два, лицом друг к другу. Кто-то в спешке, не успевая насытиться дымом табака, курит.

Кто-то застегивает ширинки брюк. Между шеренгами по асфальту улицы стекает ручеек мочи. На очень оживленной улице, с обилием прохожих, магазинов, транспорта, в 2 часа дня...

Тяжела служба солдата!

Записано 28 ноября 1995 года

5. Отношения между Южной и Северной Кореей

В начале марта 1998 года между Южной и Северной Кореей подписано соглашение о пролете в северо-корейском воздушном пространстве (вдоль ее северо-восточного побережья) южнокорейских самолетов, следующих транзитом в Россию или Европу.

13 марта 1998 года было подписано соглашение между южнокорейской телерадиокорпорацией Эм Би Си (MBC — Munhwa Broadcasting Corporation) и государственной телерадиокомпанией КНДР о совместном производстве и прокате программ о природе Северной Кореи (горы Кымгансан, Мёхянсан и т. п.).

Этим же соглашением предусматривалось ежегодное 4-недельное пребывание в КНДР корреспондентов компании Эм Би Си.

14 марта 1998 года.

По сообщению СМИ Республики Корея.

6. Северная Корея по радио

Приехав в Южную Корею в этот раз (1998 год), не смог удержаться от того, чтобы не послушать северо-корейское радио на коротких волнах (все средневолновые северо-корейские радиостанции в Южной Корее глушатся).

Удалось мне поймать всего две радиостанции: «Радио Пхеньяна» и «Центральное радио». Основная часть вещания — это музыка, по духу почти та же, что и 10 лет тому назад. Если и слышен голос диктора, то, как правило, это не новости, а пропагандистские передачи: те же истерические интонации об объединении страны или «тяжелой» жизни соотечественников на Юге, то есть, в основном, все то же, что и раньше.

Хотя есть и небольшие перемены. Ким Ченир теперь называется не просто «любимым руководителем» или «любимым товарищем», но и «великим товарищем». А раньше определение «великий» употре-

блялось только в отношении Ким Ирсена. То есть постепенно средства массовой информации Северной Кореи подводят слушателя к идее трансформации роли и образа Ким Ченира, его приближению к образу «вождя» Ким Ирсена. Двадцать первый век в северокорейских передачах теперь именуется не иначе, как «Век Ким Ченира».

Еще я обратил внимание на то, что в Северной Корее глушат большинство передач южнокорейских радиостанций на коротких волнах: наверное, в Северной Корее есть немало коротковолновых радиоприемников, и северные корейцы пытаются активно слушать мир извне. Иначе зачем глушить?

18 августа 1998 года

ГЛАВА 26. РАЗНОЕ О ЮЖНОЙ КОРЕЕ

1. Короткие заметки о разном

Как мне сказали корейцы, в Южной Корее формально запрещено употребление в пищу собачьего мяса и официально нет ресторанов, где бы его можно было отведать. Запрет был введен перед Сеульской Олимпиадой 1988 года.

* * *

Средний отпуск южного корейца — 7 дней, а выходные — это половина субботы и воскресенье. Хотя у крупных универмагов выходной день, как правило, понедельник или вторник.

* * *

В центре Сеула большое количество дорог и всевозможных разъездов с «двухэтажными» эстакадами.

* * *

Когда мы возвращались в СССР, то из-за метеоусловий Хабаровска вылет был задержан более, чем на час. Тогда в аэропорту к месту ожидания нашей группы подкатили металлические шкафы со стойками, откуда всем бесплатно раздали по банке сока с трубочкой, пирожку и стаканчику горячего кофе.

1990

2. Некоторые недоказанные карееведческие предположения

А. О традиционном корейском доме

Как-то я сделал предположение насчет устройства традиционного корейского дома, и оно не произвело никакого впечатления на профессора истории университета Корё г. Чо Гвана.

А предположил я следующее. Корейский традиционный дом — словно модель, воспроизводящая архаическую традицию жизни на земле под деревьями. Сам дом, в принципе — это дерево. Столбы, поддерживающие крышу — это его стволы, стропила — ветви дерева, черепица на крыше — это листья. Иными словами, дом — это «улучшенный вариант» дерева или чащи, под которыми спали предки.

Возможно, что изобретатели теплого пола *ондоля* (что, по-моему, никак не связано с устройством традиционного дальневосточного дома, имеющего холодный пол) были выходцами из районов активной вулканической деятельности, где есть гейзеры, земля теплая и т. п.

Б. О культе черепахи

Возможно, что традиционный культ черепахи как-то связан с образом холма, может быть прибрежного (у рек, озер, моря), коими Дальний Восток изобилует в огромном количестве.

1993

3. Мысли и впечатления от посещения Центрального исторического музея во дворцовом комплексе Кёнбоккун

1. Экспозиция в музее стала более продуманной.

2. Время рубежа I в. до н. э. — III в. н. э. справедливо названо «Прото Три государства» (원삼국, Proto Three Kingdoms): в этом названии отражается представление о том, что государственность на Корейском полуострове в указанный период времени еще только формировалась, а государств в полном смысле слова еще не было.

3. Государство Древний Чосон вообще никак не представлено в экспозиции, даже упоминаний о нем нет (или, по крайней мере, ничего подобного не бросается в глаза).

4. Представлена потрясающая золотая пряжка государства Наннан (одного из китайских «округов», образованных на месте покоренного «государства» Древний Чосон). Пряжка с нефритовыми и жемчужны-

ми украшениями. Во многие разы выше по художественному и техническому уровню по сравнению с тем, что в то же время производили в Прото Трех государствах.

5. В разделе «Культура [государства] Силла» интересная экспозиция глиняных статуэток, изображающих фигуры обнаженных людей — мужчин и женщин — с гипертрофированно выделенными гениталиями; всего 21 фигурка. Причем четыре статуэтки представляют акты совокупления.

Нигде прежде в исторической литературе (в том числе и на корейском языке) я не встречал какого-либо комментария относительно этих необычных для «классической» культуры Кореи статуэток.

10 марта 1998 года

4. Корейская археология и строительный рынок

13 марта 1998 года я, находясь в провинции Северная Кёнсан, по рекомендации ректора сеульского Университета Хансон встретился с профессором исторического факультета Университета Андон доктором Лим Сегвоном.

Сам по себе, внешне, это был очень интересный кореец: высокого роста, с большим для корейца, почти что орлиным носом, большими круглыми глазами, длинными, уже начинающими сидеть волосами. К тому же, несмотря на то, что он находился на работе, в своем университетском кабинете, он был небрит уже несколько дней.

Исключительно по просьбе ректора Университета Хансон Лим Сегвон принял меня и моих спутников: Ким Самтхэ (уже известно читателю по записям моего Корейского дневника за 1998 г., запись № 19, глава 4, часть 1) и его друга. Из Университета Андон Лим Сегвон повез нас на своем джипе сначала в деревню Чотхап-ни, известную кирпичными буддийскими пагодами эпохи Объединенного Силла (VII–IX века), а затем — в буддийский монастырь Пончжонса (봉정사, 鳳停寺), в котором имеются старейшие в Южной Корее деревянные постройки, относящиеся к концу эпохи Корё (XIV век).

На обратном пути из монастыря в город Андон Ли Сегвон, отвечая на мой вопрос о трудностях в проведении археологических изысканий в связи с частной собственностью на землю, рассказал мне следующее: «Сейчас в Корее уже практически нет “чисто научных”, финансируемых государством раскопок. Раскопки ведутся главным образом в связи со строительными работами: прокладкой скоростных автомагистралей,

строительством заводов или жилья. Корея — маленькая страна, а история у нее долгая. Поэтому практически везде, где ведутся новые строительные работы, могут быть обнаружены археологические памятники. В стране издан специальный закон, обязывающий любого производителя земляных работ прежде, чем приступить к выполнению основного проекта, проводить археологические изыскания или же общую экспертизу на предмет возможности нахождения в земле памятников старины.

Но, к сожалению, в этом случае экспертные работы должны полностью финансироваться фирмой, ведущей работы. А это может приводить к тому, что факт открытия археологических находок скрывается и они буквально “закапываются в землю” вместо того, чтобы быть раскопанными и выставленными для всеобщего обозрения. К счастью, закон этот собираются пересматривать».

13–14 марта 1998 года

5. Записи одной строкой

Чтение газет в метро. В метро уже не читают так жадно газеты, как это было лет 6–8 тому назад. Большинство пассажиров имеют сотовые телефоны. Один-два человека в вагоне, как правило, разговаривают по телефону. Некоторые играют в телефонные электронные игры. Газету читают, максимум, человека два на весь вагон, и то не всегда. И теперь входящие в вагон уже не ищут с жадностью кем-либо оставленную газету, как это было раньше. Бумажные газеты, похоже, выходят из моды.

Замена англоязычных надписей на новые. На автодорогах, железнодорожных вокзалах, аэропортах и в государственных учреждениях происходит массовая замена англоязычных указателей с географическими названиями и именами собственными в соответствии с новыми правилами латинской транскрипции корейского языка, принятыми в конце 2000 года.

22 сентября 2001 года

Часть 2

СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ

Вводные замечания

Северокорейские дневниковые записи — это то, с чего начиналась настоящая книга. Бóльшая часть их составлена в то время, когда автор находился в годичной командировке на строительстве Сунчхонского виналонового объединения (1987–1988 годы, провинция Южная Пхёнан, КНДР). Несмотря на то, что с тех пор прошло немало времени, дневниковые записи не потеряли своей актуальности, поскольку главным объектом внимания автора этих строк был национальный характер жителей Северной Кореи, который практически не изменился. Во всех коротких заметках, представленных ниже, читатель увидит *конкретных людей* с их характерами, в которых можно обнаружить как индивидуальные черты, так и национальные особенности в целом.

Небольшая часть северокорейских дневниковых записей сделана в 2000–2004 гг. и отражает новые реалии Северной Кореи, пытающейся встать на путь ограниченных реформ с привлечением механизмов рыночного регулирования экономики.

ГЛАВА 1. ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1. Индивидуальная трудовая деятельность в КНДР (1)

Если ехать по улицам провинциального города, то часто у окон квартир, на балконах многоэтажных домов или же на шесте около дома, если дом одноэтажный, традиционного типа, можно увидеть небольшие деревянные таблички с яркими каллиграфическими надписями следующего содержания: «цветочный магазин (꽃방), 3-й этаж, 2-й подъезд, 5-я квартира»; или «ремонт, одежды» (옷 수리), или «ателье» (양복점), «ресторан» (식당) «парикмахерская» (미용) и т.д., так же с указанием этажа, подъезда, номера квартиры. Что это такое? Это так называемые «семейные производственные бригады» *канэбан*

(가내[작업]반) — занятие индивидуальной трудовой деятельностью, как сказали бы сейчас у нас, на дому. Как правило, работают там люди уже немолодые. Цены на одни и те же услуги ниже государственных. Однако качество не гарантируется: может быть ниже, чем на государственных предприятиях, может быть таким же, а может быть и выше. Как мне говорили корейцы, такие производственные бригады 10% выручки платят государству, а 90% идет бригаде на материальные затраты, зарплату и т. д. Корейцы считают, что работа в таких бригадах очень выгодна и приносит больше доходов, чем аналогичная работа на государственных предприятиях.

Существуют «семейные бригады» очень давно, лет 15–20 как минимум.

Таких «семейных бригад» в Пхеньяне нет. По крайней мере, вывесок на домах я не видел.

Работать в этих бригадах молодым людям не позволено.

2. Индивидуальная трудовая деятельность (2)

Вот одна маленькая зарисовка функционирования так называемых «семейных [производственных] групп» (*канэбан*), о которых уже говорилось раньше.

В пригороде города Сунчхон есть железнодорожная станция Рёнпхо. Как и все станции в Корее, она огорожена кирпичным забором, обмазанным цементом. В одном месте в заборе выломан проем. К нему идет хорошо утоптанная тропа. Невдалеке от тропы над окном первого этажа трехэтажного здания сделана надпись «Хранение ручной клади» (*Сончжим погван*). Надпись сделана кистью на деревянной табличке, прикрепленной перпендикулярно стене дома.

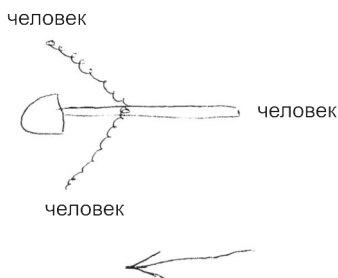
Однажды вижу, одна из створок трехстворчатого окна открыта. В комнате у окна стоит женщина лет 30–40. Внизу на улице мужчина. Они передают друг другу вещи и деньги. Тут же на окне стоят цветы. А через окно виднеется самая обыкновенная жилая обстановка.

3. Трудолюбие корейцев

Разгильдяйство и трудолюбие — вещи, причудливо переплетенные в современной Северной Корее. Первое — следствие нерационально организованной «социалистической» экономики. Второе — особенности нации, национального характера, имеющие глубокие исторические корни. Сельскохозяйственные работы в Корее — это часто

работа с лопатой, с землей. Иригационная система требует много труда. Поэтому все работы с лопатой — земляные, бетонные — корейцы выполняют очень дружно, слаженно, быстро, энергично, умело. Не видно ни одного «сачкующего», отлынивающего от работы. Все как одно целое переживают за порученное дело и одинаково стараются. Таковы, по крайней мере, личные впечатления.

Корейская лопата. Есть у корейцев особый способ работы с лопатами. Он старый. Я часто видел его изображение на картинах, рассказывающих о прошлом. У лопаты очень длинная деревянная ручка. Внизу к ручке привязывается веревка из рисовой соломы. Одной такой лопатой работают сразу три человека. Один, как обычно, берет лопату за ручку и производит все те же действия, что и обычный землекоп.

Двое других берут в руки два конца веревки, которой обмотан низ ручки лопаты, и становятся напротив основного землекопа. Главный землекоп вонзает лопату в землю, а двое с веревками помогают кидать почерпнутый ком земли.

4. Как строят стены в провинции

Из-за нехватки кирпичей фабричного производства корейцы строят стены из цементных кирпичей, сделанных тут же на стройплощадке, прямо на земле.

Цементные кирпичи в 2–2,5 раза больше наших обычных, полые внутри. Если их положить на сплошную сторону, «на спину», то получится нечто вроде цементной коробки с дном, боковыми стенками, но без крышки.

Стены домов, хозяйственных построек из таких кирпичей кладутся очень криво. Затем стены обмазываются сверху цементом, штукатурятся, а в штукатурке выдавливаются линии, вырисовывающие как бы

сплошные бетонные плиты. Кривизна стен после такой обработки скрадывается, и если их красят, то они принимают вполне приличный вид.

Стены, сложенные таким образом, иногда после усушки дают трещины, но не разваливаются. Но так совсем некачественно могут делать лишь стены небольших хозяйственных построек.

5. Цветы на стройке

Около предприятий, цехов комбинатов корейцы очень любят высаживать цветы. Получается это, правда, не всегда.

На Сунчхонском виналоновом объединении есть цех по производству карбида. Как говорят сейчас — это экологически очень грязный цех. Вблизи цеха все покрыто карбидной пылью.

И вот вышло распоряжение: развести на голом песке прямо около стен цеха цветы. Место будущих газонов оградили, воткнув в землю деревянные колышки и натянув между ними веревку. Поверх набросали траву. С нее должны были ссыпаться семена. Долгое время все это поливали водой из тазиков, беря воду из ближайшей канавы, или из шлангов. Затея не вышла. Потом просто насыпали семена. В конце концов, уже перед праздником 9 сентября (Днем основания Республики), стали сооружать клумбы, используя для этого принесенные в горшках цветы ...

* * *

Хочется скрасить картину одним замечанием насчет отделки стен корпусов цехов. Корейцы довольно изящно украшают фасады заводских зданий. Рельефная бетонная отделка в виде колец, колонн, ромбов и т. д. Штукатурка вперемешку с сияющей на солнце щебенкой. Здание, как правило, раскрашивается несколькими цветами. Формы раскраски, сочетания цветов очень современные и в то же время самобытны. Не всегда удается разбивать цветники около грязных производств, зато сами здания цехов как цветы расцветают среди рисовых полей.

6. Склад оборудования Сунчхонского виналонового объединения

Недалеко от виналонового завода выделена территория под склад, который официально называется «цех оборудования». На территорию два въезда. У въезда — будка с охранником в ней. У охранника автомат. Перед будкой цепь, загораживающая въезд. При необходимости въехать цепь опускается на землю. Все вышеописанное — картинка типичного КПП небольшого учреждения.

На территории склада под открытым небом находится крупногабаритное оборудование. Место, где на земле лежит большой аппарат, скажем, регенератор, аккуратно выложено мелким гравием, по краям гравиевой площадки на камушках выведена белая полоса.

Ряд низких служебно-канцелярских построек, напоминающих по внешнему виду традиционные жилые дома. Белые стены, синие оконные рамы. Выкрашенные той же синей краской кривоватые двери. В окнах стекла или полиэтилен, местами порвавшийся. Потолки низенькие, колченогие столы. Такие же шкафы и скамейки. У одной из стен выложен *ондоль*, нечто среднее между традиционным теплым полом и просто обогреваемой лежанкой. Отапливается он угольными брикетами, которые напоминают «колеса» диаметром 150 мм и высотой примерно 100 мм, со сквозными отверстиями параллельными «оси» колеса. Корейцы называют такие брикеты «дырчатым углем» (*кумон тхан*). Отапливается *ондоль* снаружи, хотя в традиционном жилом доме горячий воздух для обогрева пола подается из кухни, изнутри здания.

На территории «цеха оборудования», естественно, есть и складские помещения. Стены выложены из низкокачественного красного кирпича или из цементного кирпича, который изготавливается тут же на стройплощадке и имеет размеры примерно 40×30×20 см, полый внутри. Стены поэтому получаются кривые. Крыша тоже худая. Освещения нет. Внутри не всегда удобно расставлены ящики с оборудованием. «Хламовато». Тем не менее корейцы имеют подробный план расположения этих ящиков, зарисованный в особой тетради. Много молоденьких девушек, выполняющих тяжелую физическую работу. Зимой отопление складских помещений происходит так: в железные бочки насыпают уголь, спрессованный в небольшие подушечки диаметром 4–5 см, и поджигают его. Дышать в таком помещении очень тяжело.

Около конторских помещений плакаты, восхваляющие передовиков, поздравляющие отличившихся.

7. Корейская обувная фабрика

**(Рассказ переводчика Син Н о своей работе
с советским специалистом В. Я. Впоследствии снят с работы
за излишние «симпатии» к Советскому Союзу)**

Син говорит, что работать очень тяжело. Корейское руководство фабрики не всегда сдерживает обещания, обманывает, «крутится» всячески. План экспортно-импортного отдела обувной фабрики секретный. Почему? Бывает так, что завод не справляется с намеченным

планом; план выполняется только на 60%. И дефицит плана как раз покрывается экспортно-импортным цехом. Делается это тихо, чтобы создать видимость нормальной работы завода. В противном случае, работницы этого завода не получают премии, а, быть может, будет сокращена и зарплата.

8. Добровольный труд

В Северной Корее среди молодежи очень распространен так называемый «добровольный труд». О его реальной добровольности судить трудно. Но вот, что я узнал об этом от лаборантки Хван N.

С 8 ноября 1987 года по 30 декабря 1987 года она добровольно работала на строительстве одного из цехов виналонового объединения, которое ведет Стройтрест №51. Работала в свободное от основной работы время, по 2 часа в день. За это ей вручили «Удостоверение участника [движения] добровольного труда» (*Рорёк чивон тхончжисо*). Это — небольшая картонная корочка красного цвета, где указано, что товарищ Хван N с такого-то по такое число добровольно трудилась на стройке. Сверху слева стоит Регистрационный номер (*тыннок понхо*) — 51–36. Цифра 51 — это номер стройтреста, где работала N, а 36 — порядковый номер удостоверения. Такие удостоверения выдаются один раз в квартал.

Что же это за удовольствие в свое свободное время сверх нормы работать на строительстве какого-либо объекта, ко всему прочему и бесплатно?

Ответ на вопрос — организация «добровольной работы». Всего работают, как уже говорилось выше, 2 часа. Сначала работают час, потом полчаса перерыва, и снова час работы. Во время перерыва молодежь веселится, поет песни, танцует. А ведь основная часть рабочих виналонового объединения и есть молодежь. С вечеринками и каждодневными танцами не так хорошо, как у нас. А такая работа — неплохая возможность для молодых людей познакомиться, «крутить любовь».

9. Производственная гимнастика

В Северной Корее в учреждениях и на предприятиях с 1988 года, как мне сказали, возобновлено обязательное занятие производственной гимнастикой. Например, в гостинице «Чансусан» в Пхёнсоне персонал по утрам до начала работы, т. е. до 8 часов утра, выходил во двор гостиницы, выстраивался и дружно делал гимнастические упражне-

ния. Иногда это было после 8 часов. А иногда такой гимнастики не было вообще. Трудно было заметить определенную систему.

10. Велорикши

В Северной Корее очень распространена такая услуга, как перевоз багажа от вокзала к дому на особом трехколесном велосипеде с грузовым отсеком позади. Как правило, за рулем женщины средних лет. В Сунчхоне перевоз багажа стоит 10 чон. Есть такие велорикши и в Пхеньяне.

11. Режим работы северокорейских предприятий

Режим работы предприятий в Северной Корее неравномерный. В первую половину месяца предприятия работают с малой нагрузкой. (По некоторым оценкам на 20–50%. Так говорили сами корейцы.) Со второй половины месяца они начинают работать на полную нагрузку. А под самый конец месяца происходит штурм месячного плана.

Из-за такого режима работы меняются и характеристики электрической сети: напряжение и частота. Эти показатели больше в начале месяца и значительно понижаются к концу.

12. О воровстве на производстве

В поставках советского оборудования в цех воздухоразделения есть и нержавеющие трубы диаметром 150 мм. Наши специалисты неоднократно отмечали факт необоснованного перерасхода именно этих труб. По их предположению, трубы расхищаются корейцами для изготовления приспособлений штамповки угольных брикетов, которые используются для обогрева домов.

13. Воровство

Я уже писал о том, что корейцы подворовывают с рабочих мест. Вот тому еще один пример.

Во дворе гостиницы «Чансусан» есть гараж для автомобилей гостиницы. В марте 1988 года его стали расширять, решили пристроить еще одну секцию. Пригласили рабочих... И вот 30 марта из окна своего номера я увидел следующее. В 18.00 строители пошли переодеваться. В 18.30 они вышли во двор, двое мужчин и женщина, уже переодетые.

У гаража лежала куча кирпичей. Они поставили у кучи носилки и нагрузили их доверху кирпичами. Потом мужчины взяли носилки и понесли их за территорию двора гостиницы. При этом они все время оглядывались. Женщина тоже «стояла на стреме», следила за окружающим.

14. Воровство кукурузы и охрана

Вблизи больших предприятий,строек, особенно там, где работают солдаты, нередко случаи воровства кукурузы с полей. Поэтому часто у края поля можно видеть очень своеобразные наблюдательные вышки с «общественными постовыми» там.

Вышка — это небольшая квадратная площадка (1,5 × 1,5 м) на четырех высоких столбах. С трех сторон площадка обнесена соломенными циновками. Низенькая крыша из циновки. В наблюдательной вышке можно только сидеть, свесив ноги, сидеть на корточках или полулежать.

ГЛАВА 2. ТРАНСПОРТ, ПЕРЕДВИЖЕНИЕ

1. Автодороги

В северокорейской провинции автодороги, как правило, бетонные, сложенные как бы из кривоватых квадратных секций с деревянными досками между ними. Асфальт есть только на отдельных участках. Асфальтом же заделывают трещины в бетоне. Обочины очень узкие, их практически нет. Склоны обочин очень крутые. Вдоль дорог часто идут каналы. И тут же начинаются или рисовые поля, или посевы кукурузы, или склон холма. Из-за того, что дороги сами по себе очень узкие, и обочины узкие, а водители чересчур свободно и независимо ведут себя на дорогах, около дороги часто можно увидеть перевернутые машины.

Прямо у края дорог, на обочинах, иногда растут толстые деревья. Дорожных знаков практически нет. Хотя около Пхеньяна есть места, где дороги ограничены светоотражающими столбиками. Ночью машины движутся, не зажигая габаритных огней. Зато ярко горят фары. Часто бывает зажжена лишь одна фара, слева или справа, без системы. Перед обгоном впереди идущей машины шофер не подает мигающего сигнала, как в СССР, а сигнализирует звуком в дневное время или миганием фарами в ночное.

Среди молодежи очень моден следующий способ передвижения: увидев какую-нибудь грузовую машину, молодые парни поджидают, пока она пройдет мимо, затем бегут за ней вслед и запрыгивают в кузов. Так же на ходу они в нужном месте выпрыгивают из машины. Дело облегчается низкой скоростью автомобилей местного производства. Не всем шоферам нравится такой нелегальный проезд молодых людей в их грузовиках. Поэтому можно часто видеть сценку, когда после запрыгивания очередной группы парней машина останавливается, из нее выходит шофер и сгоняет их. Некоторые из согнанных иногда запрыгивают снова после того, как машина тронется.

2. КПП на автодорогах

В Северной Корее на автомобильных дорогах можно встретить большое количество КПП (контрольно-пропускных пунктов). Как КПП выглядит? Это — небольшое одноэтажное здание, построенное из бетонных кирпичей и заштукатуренное. Около него всегда стоит большой прожектор, направленный навстречу движению, то есть два прожектора в обе стороны дороги. Иногда у таких КПП есть металлические заборы на колесиках, которыми в случае необходимости можно перекрыть дорогу. Обслуживают КПП сотрудники органов безопасности движения. На некоторых КПП я видел и кадровых военных.

Такие КПП находятся на границах провинций и уездов Северной Кореи, у Пхеньяна. На дороге между Пхеньяном и Пхёнсоном таких пунктов три: один при выезде из Пхеньяна, другой где-то посередине пути, у тоннеля. Третий у самой границы Пхеньяна и провинции Южная Пхёнан. Первые два КПП не очень важные по значению, перед ними редко останавливают автомобили. Зато перед последним межпровинциальным КПП всегда стоят автомобили, идет проверка документов у пассажиров. Такой же важности КПП есть и перед въездом в г. Сунчхон со стороны Пхёнсона.

В случае, если по дороге ожидается проезд высокопоставленных лиц или иностранных гостей, на дорогах дополнительно выставляются посты безопасности движения.

На микроавтобусах, где ездили мы, иностранные специалисты, у ветрового стекла был прикреплен пропуск. И мы проезжали эти стационарные КПП беспрепятственно. Хотя, мне кажется, главным пропуском была не та бумажка, что была прилеплена к ветровому стеклу, а наши европейские физиономии. Если приходилось ехать ночью, то

около таких КПП шофер всегда включал в салоне свет, чтобы охранники могли видеть наши иностранные лица.

Как объясняют сами корейцы, такая система КПП обусловлена тем, что после окончания войны в 1953 году был заключен не мирный договор, а только соглашение о перемирии, поэтому ситуация в стране напряженная. А такая система способствует ликвидации возможности передвижения потенциальных шпионов с Юга.

3. Расчистка дорог от снега

Если ночью выпадает снег, то на следующий день рано утром все выходят чистить дороги, и стар, и млад. За каждой определенной группой людей закреплен свой участок дороги. Корейцы не расчищают ни сантиметра больше того, чем им полагается сделать. Поэтому утром дороги становятся на некоторое время «полосатыми»: где вычищено, а где и снега полно. В конце концов расчищается все.

Причина такого аврала в климате. Зима, как правило, солнечная. Снег никогда не идет долго, и вслед за снегопадом всегда наступает солнечная погода. Поэтому если вовремя не убрать снег, он растает днем, а к вечеру талая вода замерзнет. Зимой в Северной Корее ночи холодные, до -25°C . И на дорогах образуется гололед. Рельеф в Корее холмистый. Не расчищенные вовремя дороги становятся необычайно опасными для движения.

4. Корейские пешеходы на дороге

Корейские пешеходы в провинции совершенно не обращают внимания на проезжающие мимо машины. Тротуаров часто нет. Обочины на шоссе маленькие. Ходят по проезжей части. Надрывный гудок проходящих мимо автомобилей редко заставляет прохожего изменить «траекторию» своего движения. И уж никто и никогда не обернется на сигнал. Машина, проходящая в 5 сантиметрах от тела пешехода, не вызывает у него ни малейшей реакции.

5. Пьянство за рулем (1)

(Поездка за продуктами в Пхеньян 15 апреля 1988 г.)

Хотя на стройплощадке нас, советских специалистов, и кормили обедом, еще нужно было завтракать и ужинать, а также женам (у кого они были) тоже нужно было как-то питаться. Поэтому 1 раз в неделю, по понедельникам зимой и по пятницам в остальные времена

года, мы получали в посольском магазине свежие продукты — масло, колбасу, ветчину, хлеб, сметану и творог, которые самолетом привозили из Хабаровска. Мало того, для нас было строго отведено время «отоваривания» — 13.40. Раньше и позже этого покупать было нельзя.

Получилось так, что в 1988 году 15 апреля, главный праздник Кореи — день рождения Ким Ирсена, пришлось на пятницу. И хотя это общекорейский выходной день, питаться нам все же нужно, и не отправить в Пхеньян автобус «Ниссан» с нашими женщинами и мужчинами было просто невозможно.

Но оказалось, что все корейские шоферы упились так, что в сознание привести никого невозможно. Наконец, нашли одного молодого парня, водителя другого микроавтобуса «Исудзу», Ким Н.

Мы сидели в автобусе без шофера и ждали. Я увидел в дверях гостиницы начальника Иностранного отдела Треста № 32 Ха Н, который дрался с шофером Ким Н. Очевидно, Ким не хотел ехать. Ведь «Ниссан» — не его автобус, да и выходной. Наконец, изрыгая ругательство «сэчки» (сволочи), он сел за руль. Автобус гнал со страшной скоростью, хотя в автобусе были женщины и дети. Лицо источало недовольство. Оно было красное, признак того, что кореец пьян.

Приехали в посольство. Шоферам, что возили нас в Пхеньян, мы часто покупали пиво, в знак благодарности. Нашелся кто-то, кто дал бутылочку и сейчас. Очевидно, пока нас не было, Ким выпил пиво. Он спал, облокотившись на руль, и я с трудом разбудил его. Ехал обратно, в Пхёнсон, медленнее. Иногда он засыпал во время движения, и я будил его. Он и сам выставлял руку за окно, навстречу ветру, чтобы не заснуть. На лице была злоба, глаза были тупы.

Из этого эпизода я сделал два очевидных вывода:

- 1) Пьянство за рулем не слишком преследуется в Северной Корее;
- 2) В гараж по обслуживанию иностранцев (в частности в Гараж № 50 г. Пхеньяна) идут работать далеко не из любви к зарубежным гостям.

6. Пьянство за рулем (2)

Вот еще один прискорбный случай, показывающий возможность и не особую наказуемость пьянства за рулем. Делают это, правда, в основном молодые.

3 мая 1988 года. 17.00. Время, когда мы должны уезжать с работы домой. Садимся в автобус «Нисан» (№ 50-216) и видим, что шофер автобуса Ли Н пьян. Он сидит на шоферском месте и спит, опер-

шись на руль. В салоне сильный запах спирта. Пытаемся разбудить. Никак. Подходят корейские официантки и бьют его кулаками. Почти не реагирует, посылает официанток подальше. Наконец, добуживаемся. У него тупые глаза, красная физиономия, на ней написано недовольство. Естественно, мы не соглашаемся ехать с таким шофером. Руль у автобуса справа, движение в Северной Корее правостороннее. Дороги сложные, особенно вечером. Опасно.

Подходит шофер микроавтобуса «Исудзу» (№ 50-237) Ким N и предлагает повести автобус вместо Ли, а Ли пусть поедет в салоне. Так и делаем, но Ли N покидает нас.

Прошло минут 8–9, как мы отъехали. И вдруг нас обгоняет «Исудзу», за рулем которого сидит Ли N с сумасшедшим лицом. Не с разъяренным лицом, а именно с сумасшедшим. Обогнал и, вихляя, погнал вперед. Потом в районе городка Рёнпхо он притормозил и ехал медленно, так, чтобы держать нас в поле зрения. У моста через небольшую речушку в Сунчхоне он остановил машину и сделал вид, что моет ее. Нам пришлось обогнать. Он снова помчался нам вслед, долго ехал впрытик к нашему автобусу, снова обогнал и остановил машину у перевала, где проходит граница между Сунчхонским и Пхёнсонским уездами. Нам опять пришлось обогнать. Хотя ехали мы все время со стабильной скоростью, примерно 60 км/ч. В районе поселка Понхак нам опять пришлось обогнать остановившего машину Ли Nn. Он снова обогнал нас, маячил перед нами, плевался в нашу сторону...

Потом мы подняли скандал и даже написали коллективное письмо. Люди — не игрушки.

Почему Ли N был пьян? Бригады шоферов работают с нами по два месяца. 3 мая был последний день работы бригады с нами. Шоферы имеют традицию напиваться в последний день работы на очередном месте.

У Ли N сложная судьба. Родился в СССР на Сахалине. В 3 года вместе с родителями переехал в Северную Корею. На Сахалине остались родственники, живущие хорошо. Его родители болеют...

7. Борьба с авариями

Ежегодно в мае и ноябре по всей Северной Корее объявляются месячники по борьбе с авариями. Информацию об этом можно прочесть на бортах грузовых автомобилей. (5, 12월 «사고방지대책 월간»이다).

На некоторых автомобилях сзади, там, где пишется номер машины, можно увидеть таблички со следующими надписями: «Машина обще-

ственной безопасности движения» (사회교통안전차), «Без аварий» (무사고), «Запрет аварий» (사고금지).

8. Номера автомобилей, личный автотранспорт

До июля — августа 1988 года номера автомобилей в Коре выглядели следующим образом: «к (ㄱ) 50-216», где «к» (ㄱ) — кодовое обозначение Пхеньяна. Другая буква корейского алфавита обозначала какую-нибудь другую провинцию. Например, «н» (ㄴ) — Провинция Южная Пхёнан и т. д. Двухзначная цифра, следующая за буквой — это номер гаража, к которому приписана машина, в данном случае — «50». Следующая цифра — порядковый номер машины в этом гараже (предприятии). Если автомобиль военный, то за буквой провинции следует сплошной 8–10-значный номер. Есть случаи просто длинного цифрового номера, без букв.

В июле — августе 1988 года в Северной Коре была проведена реформа автомобильных номеров. В начале номера вместо буквенного шифра стало писаться целиком название провинции или Пхеньяна. Например, номер «к-50-216» теперь выглядит так: «Пхеньян-50-216». В корейской графике названия провинций не занимают много места.

Есть в Коре и личные автомобили (*чагаёнъ чха*). У них номерное обозначение иное, нежели у государственных машин, отсутствует номер гаража. Например: «Пхеньян-605»; раньше, до лета 1988 года, номер этой машины обозначался как «к-605». Личные машины не продаются государством. Они привозятся из-за рубежа или перепродаются частным порядком с соответствующим оформлением документов. Однако в Коре можно купить автомобиль и в магазине, правда не в простом, а в таком, как совместный корейско-японский магазин «Рагвон» («Рай»): открыт северокаорейскими властями совместно с этническими корейцами, постоянно проживающими в Японии, и торгует на свободно конвертируемую валюту. Личные автомобили в Коре, как правило, японского производства, с рулевым управлением справа.

9. Проездной билет на поезд

Хотя главные железные дороги в Северной Коре электрифицированы, пригородных поездов, как у нас, нет. Их роль выполняют поезда, состоящие из вагонов, напоминающих вагоны спальные, но имеющие внутри лишь места для сидения, очень неудобные, как в очень старом и разбитом вагоне электрички. Ходят такие поезда довольно редко, примерно 3 раза в день по одному маршруту.

Люди, живущие в одном городе и работающие в другом (близлежащем), в пределах 20–30 километров, добираются с работы и на работу как раз на таких поездах. Для облегчения оплаты проезда продаются специальные месячные билеты; по размерам они как наш единый проездной билет на городской транспорт, но имеют запись фамилии и имени владельца, а также его фотографию. Стоимость проездного билета на поезд между Пхёнсоном и Сунчхоном на один месяц — 6 вон 50 чон⁷⁷. Такие проездные билеты называются «билет на поезд для проезда на работу» (*тхонгын чхапхё*).

Несмотря на то, что все корейские железнодорожные станции огорожены забором, а выход на перрон разрешается только перед самым прибытием поезда при условии наличия билета, паспорта и пропуска на выезд в другую провинцию или уезд, дисциплина пользования железнодорожным транспортом довольно низкая. Постоянно есть такие, особенно молодежь, кто во время движения поезда свешивается с тормозной площадки или даже прыгает с поезда на ходу. Иногда есть любители прокатиться на крыше вагона. Видел, как ездят в грузовых вагонах.

* * *

Корейцы — очень приветливый народ. Когда мы в автобусе ездили с работы и на работу, находящиеся у дороги люди, как правило, дети или молодежь, махали нам руками. Ну и мы тоже махали им в ответ.

Как-то раз мы долго ехали параллельно поезду. Мы вглядывались в лица его пассажиров, они — в нас. Дело кончилось взаимным приветствием из окон вагонов с их стороны и из окна автобуса с нашей. В другой раз в подобной ситуации нам не только помахали руками, но и машинисты локомотива даже дали для нас несколько гудков.

10. Дорога на работу из другого города

Немало тех, кто работает на Сунчхоиском виналоновом объединении, живут в городе Пхёнсоне, расположенном в 30 км от комбината. Кое-что я уже писал об этом в разделе «Проездной билет на поезд». Вот еще маленькая информация на эту тему из жизни машинистки компрессора Ким Н.

Поезд из Пхёнсона до Сунчхона ходит три раза в день, так, что вполне можно ездить к началу каждой из 3 смен. Но все равно, не очень удобно. Например, чтобы добраться на работу к 8 часам утра, нужно

⁷⁷ Вона — северокорейская денежная единица. В одной воне — 100 чон.

быть на вокзале Пхёнсона в 3.46. До станции Рёнпхо, за Сунчхоном (от нее до цеха ближе всего), ехать около часа. Потом — пешком до цеха, это далеко. Если повезет, то можно подъехать на автобусе для служебной развозки (*тхонгынча*), который курсирует перед началом смен и сразу после их окончания. Таким образом, в цех Ким попадает к 5.30–6.00 часам утра. Время, оставшееся до начала работы, она досыпает в бытовой комнате (*сэнхвальсиль*).

11. Пхеньянское метро в 2000-е годы

Метро в Пхеньяне также стало другим...

3 августа 2004 года вечером гулял вместе с Л. А. Петровым по Пхеньяну (юго-западная часть), шли по улице Сэмаиль. Хотелось попасть куда-нибудь в центр. Не спеша двигались вслед за потоком прохожих. Вдруг оказалось, что впереди нет ни широких улиц, ни больших кварталов. Но люди по-прежнему шли куда-то мощным потоком. «В метро», — подумал я. И действительно, в 100 метрах впереди увидел вход в «подземный переход» посреди небольшой площади (без дорог), перед которым стоял указатель со слогом «чи» — первым слогом корейского словосочетания «подземная железная дорога» (*чиха чхольдо*).

Спустились вниз. Полумрак. Большой низкий вестибюль. Большинство пассажиров идет прямо к турникетам; они бросают туда что-то (кажется, жетоны) или же проводят мягкой розовой карточкой по считывающему устройству, позволяющему пройти в метро. Карточки имеют штрих-код и запечатаны в пластиковый футляр.

Жетоны, очевидно, продают в окошечке слева. Туда подходят корейцы, просовывают в окошечко купюры, получают жетоны.

В КНДР на улице не принимают иностранную валюту. К счастью, у моего спутника оказалась приобретенная заранее «обычная» северо-корейская валюта. Самая мелкая купюра, которая нашлась у него, была достоинством в 50 вон. Дали купюру кассиру. Замешательство. Мы не знаем цены за проезд и не знаем, сколько жетонов просить. Мой спутник свободно говорит по-корейски, но с небольшим акцентом. Поэтому кассир сразу определяет, что мы — иностранцы. Выскакивает из комнаты кассиров, смотрит на нас в замешательстве — давать или не давать жетоны. Ведь обычно «новенькие» иностранцы ездят в метро только в сопровождении корейцев. А с нами никаких сопровождающих нет. «Свои» иностранные студенты или обслуживающий персонал иностранных посольств знают, что к чему, ведут себя в метро иначе и не привлекают к себе всеобщего внимания.

В итоге после долгих переговоров нам выдали 5 алюминиевых жетонов (чуть больше по размеру, чем прежние мелкие монетки достоинством в 1, 5, 10, 50 чон, уже вышедшие из употребления) и 30 вон сдачи.

Несколько неуверенными шагами пошли к турникетам. Ведь кассир сказала нам, что нужно опустить *два* жетона. Но то ли два на каждого, то ли два на двоих. Подходим к турникету. И тут нам навстречу подбегает молоденькая сотрудница метро в темно-синей форме и фуражке и спрашивает, зачем мы хотим ехать на метро и где наши сопровождающие. Но мы свободно говорим по-корейски. Я стараюсь убедить собеседницу, что хорошо знаю пхеньянское метро (действительно, 20 лет тому назад я регулярно ездил на метро в течение года). Нас все еще не пускают. Мы пытаемся пройти. Уставшая девушка в униформе, наконец, спросила, откуда мы. Сказал — из России. Попросила подождать немного. Быстрыми шагами направились к местному телефону, позвонила куда-то. Видимо, нам разрешили идти. Жетоны мы не опускали, положили на крайний левый турникет («льготный») и благополучно прошли к эскалатору.

В метро было очень много народа. Освещение — тусклое. Спустившись на эскалаторе, долго шли по очень длинному коридору к самой станции. На нас почти никто внимания не обращал. Вдруг нас догнала девушка в синей униформе, что не хотела пускать в метро. Извинилась, что задержала нас и пошла как бы по своим делам куда-то дальше. (Спустилась ли она вниз для того, чтобы извиниться, или действительно у нее были какие-то дела внизу?)

Сначала мы хотели поехать до гостиницы Корё. Спросили у корейца, стоявшего на платформе, до какой станции метро ехать, чтобы попасть в гостиницу Корё. Оказалось, что никуда ехать не нужно. Достаточно воспользоваться противоположным выходом со станции. Но мы все же решили поехать «куда-нибудь», в центр города.

Находясь на станции, обратил внимание на то, что теперь корейцы, ждущие поезд, уже не сидят на корточках (как это было в прошлом), а все стоят. Как и раньше, на станциях помещены газеты для чтения, в том числе и относительно свободная от идеологии «Спортивная газета».

Поезд ждали около 8 минут. Вместо привычных мне поездов с китайскими вагонами на станцию пришел старый «немецкий» поезд, с дверьми, открывающимися вручную и сиденьями, расположенными *вдоль* стен вагона. Освещение в поезде было не слишком ярким. Поразило то, что стекла вагонов были изрезаны какими-то плохо читаемыми надписями на латинице. Графический стиль — «готический» (а ля «панк рок»). «Ну вот, — подумал я, — и здесь молодежь не вся та-

кая уж заидеологизированная. И это нормально». (А может быть уже из Германии вагоны поездов поступили с исцарапанными стеклами.)

Вышли на следующей остановке. Затем, немного поколебавшись, решили проехать еще одну остановку и выйти у «Первого универмага» и театра «Мнсудэ».

Больше никаких приключений в метро у нас не было.

Вечерняя площадь перед «Первым универмагом» встретила предзакатным полумраком, разрезаемым яркими лучами света, направленными на мозаичную картину-стену с надписью, гласящей о том, что «Великий вождь навеки с нами».

2004

ГЛАВА 3. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ

1. Беседы на заводе у горячей спирали (1)

Сунчхонское виналоновое объединение. Цех разделения воздуха. Центральный пульт управления (ЦПУ). Очень холодно. Где-то в углу зала ЦПУ выведены концы электрического кабеля. На них безо всякого специального крепления просто положена накалившаяся спираль. Около нее — корейцы, парни и девчонки лет 20–25; кто сидит на корточках, кто на скамейке. Всего человек 8. Если кто-то случайно тронет кабель, то из места контакта кабеля со спиралью сыплются искры. Но на это никто и внимания не обращает. Подхожу я. Меня приглашают сесть рядом, погреться. Часть из них — жители Сунчхона, часть приехали из разных мест Кореи, живут в общежитиях. Постепенно психологический и языковой барьер между ними и мной снимается (хотя какие-то слова и остаются непонятными). Часть из этих ребят окончила спецшколу (*чонмун хаккё*), часть — выпускники средней школы. У одного парня замечаю женское колечко на безымянном пальце левой руки. Кисти рук у молодежи маленькие и тонкие, хотя они и занимаются физическим трудом. В феврале 1987 года 18 человек были на 3-месячной стажировке в Новомосковске. Двоих из них, переводчиков, отправили в другое место, а остальные работают здесь, в цеху. Во время разговора одна из сидевших девушек, сама того не замечая, кладет свои руки мне на колени. Потом к нам подходит мужчина лет 40. Производит умное впечатление. Осведомлен о проблемах советско-китайских отношений, о Горбачеве, об антиалкогольной борьбе в СССР, о проблемах вьетнамо-кампучийских отношений,

о «захвате» СССР островов у Японии и т. д. Про себя я отметил, что тематика его разговора, вопросов, его терминология очень похожа на южнокорейское радио.

Вообще же корейцы при первом знакомстве всегда спрашивают имя, возраст, женат ли, есть ли дети, и уже потом все остальное.

2. Беседы на заводе у горячей спирали (2)

15 декабря 1987 г., то же виналоновое объединение, цех разделения воздуха, ЦПУ, холод и накалившаяся спираль. Мои собеседницы — 20-летние девушки Чхе N и Чон N. Во время разговора около нас все время вертится переводчик Юн N — мужчина в возрасте — и пытается прислушаться к разговору.

Обе эти девушки местные, сунчхонские. В 1984 году окончили среднюю школу. По их желанию они были распределены на Сунчхонское виналоновое объединение. Живут дома с родителями. На работу ходят пешком, 1,5 часа в один конец. В будущем обещают пустить троллейбусы. Встают в 5 часов утра. На работе нужно быть в 7.40. Работают по-сменному. Всего три смены: 8.00–16.00 — дневная смена (*нат кёдэ, чжугын*), 16.00–24.00 — вечерняя смена (*чжун кёдэ, хуягын*) и 24.00–8.00 — ночная смена (*пам кёдэ, чонъягын*). Порядок выхода в смену меняется один раз в неделю, по воскресеньям. Выходной скользящий, отдыхают поочередно, в любой день недели по договоренности. Есть специальные табели, где начальник смены оценивает каждый рабочий день по 10-балльной системе, в зависимости от этого выплачивают заработную плату. Средняя зарплата машиниста компрессора 60–80 вон в месяц. Те, кто поступил на работу, окончив среднюю школу, то есть без специального образования, доучиваются и получают специальность на заводе. Два раза в год они сдают экзамены, как в учебном заведении.

3. Жизнь молодого рабочего

***(На примере лаборантки Ким N, работающей в лаборатории
Цеха воздухоразделения, выпускнице химического ф-та
Университета им. Ким Ирсена)***

Как правило, и на стройке, и в цехах работает молодежь. На взгляд их примерно 80–85% рабочего персонала. Иногородные живут в общежитии, местные у себя дома. От самого города Сунчхон до цеха разделения воздуха пешком идти около 1,5 часа. Ким N — урожен-

ка Пхеньяна. Ее дом находится в районе Сондовон, недалеко от моста Тэдонгё. У нее в семье мать, двое младших братьев и младшая сестра. Отец умер в 1976 году. После окончания университета получила распределение на Сунчхонское виналоновое объединение. Живет в общежитии, в часе ходьбы от цеха. В комнате 7 человек. Есть у нее и свои книги, главным образом по химии. Книг на английском языке нет, хотя и изучала его в университете. Разговорного английского языка не знает, так как учила его у одного преподавателя.

Зимой, когда на улице -15°C , ходит следующим образом: на голове голубой платок, вязанный, куртка до пояса из ткани, похожей на ткань тонкого демисезонного пальто, брюки, чуть клеш, малинового цвета со стрелочкой, под ними — капроновые чулки-колготки или гольфы. Тонкие носочки. На ногах тапочки из материи с резиновой подошвой, без шнурков (фасон такой), с маленькими дырочками, протертыми в районе мизинцев.

4. Быт молодых рабочих Сунчхонского виналонового комбината

Девушки, работающие в цехе воздухоразделения и живущие в общежитии, моются один раз в три дня в общей бане. В общежитии, где они живут, построенном по квартирному типу, есть ваннные комнаты, но нет воды.

Купаться в реках не принято, купаются только дети. Но в летнюю жару все же моются в реках, но только мужчины. Раздеваются догола, пусть даже рядом проходит оживленное шоссе, моются с мылом, часто стирают белье, которое тут же на солнышке сушат.

5. Снабжение молодых рабочих

Бригада машинистов компрессора цеха воздухоразделения, всего 15 человек, получает централизованно на определенный срок набор туалетных принадлежностей. Это — зубная паста «Женьшеневая» или «Мёхян», маленькие кусочки корейского туалетного мыла розового цвета и советское хозяйственное (70%) мыло, которое, как я выяснил, используется далеко не для хозяйственных нужд.

Вообще, государственная цена одного куса советского хозяйственного мыла — 80 чон (48 коп. по официальному курсу 1987 года).

6. Оплата труда в Северной Корее

Оплата труда происходит по принципу, чем-то напоминающему советский «коэффициент трудового участия» (КТУ). Каждая бригада имеет журнал, на обложке которого написано: «Общий расчет суммы» (*чэчжон чхонхва*). В нем — список членов бригады. Все числа месяца. Каждый день бригадир заносит в этот журнал количество часов, отработанных членом бригады, а также через знак дроби в той же графе ставит оценку труда каждому по 10-балльной системе (как в школах и вузах). Например: 8/10, 8/8, 8/7, 8/9. В последнем случае, к примеру, человек отработал 8 часов с оценкой 9. Если у рабочего был выходной, то в графе буквами пишут слово «ноль» (*кон*). Исходя из количества часов и оценок, рабочему и выплачивают заработную плату.

Следует, правда, заметить, что сам характер труда рабочего, в данном случае машиниста турбокомпрессора, не позволяет применить иную оценку труда.

7. Зарплата официантки

Зарплата молодой официантки без стажа в гостинице «Чансусан» составляет 80 вон в месяц. При этом большинство официанток имеют валютные товары: часы, одежду, обувь...

8. Деньги в сберкассе от молодежи

Молодые рабочие обязаны один раз в квартал положить в сберегательную кассу 40 вон. При этом средняя зарплата молодого рабочего составляет 80 вон в месяц.

9. Штраф на производстве

Штраф на производстве за нарушение правил эксплуатации оборудования может достигать 30 вон.

Информация — из объявления, вывешенного в ЦПУ цеха разделения воздуха в августе 1988 года. Текст написан на большом листе бумаги кистью и тушью. В нем, в частности, говорится, что за нарушение правил эксплуатации блока разделения воздуха, которое приводит к остановке технологического процесса, нарушитель наказывается таким штрафом.

10. «Красные» воны у корейцев

В Северной Корее очень много валютных магазинов для местного населения (а не для иностранцев). В Пхеньяне их не менее 10. Есть они и в большинстве крупных провинциальных городов.

Откуда у корейцев валюта? Некоторые из них имеют родственников, проживающих в Японии, и получают деньги от них. Некоторые работают или учатся за рубежом и привозят деньги оттуда. А остальные? В валютных магазинах всегда очень много народа. И практически нет такого корейца, который бы не имел валютный товар.

Вот что мне сказал очередной водитель автобуса «Ниссан» (№ 50-216) Ким Н: «Получаем у друзей, работающих во внешнеторговых организациях. А еще покупаем “красные” воны за простые воны по курсу 1:40».

Напомню, что «красные» воны — это корейская денежная единица, на которой стоит особая печать красного цвета, удостоверяющая, что эта вона получена в обмен на конвертируемую валюту⁷⁸.

11. Еще раз о «красных» вонх

Я уже упоминал о наличии так называемых «красных» вон, то есть вон, на которых есть красная печать, удостоверяющая получение этой воны в обмен на конвертируемую валюту. Кроме печати такая вона имеет особую окраску номеров купюры: обе номерные цифры красного цвета.

Очевидно, что подобный дизайн «валютной воны» оказался не слишком удачным с той точки зрения, что особый знак в форме «красной печати» не очень сложно подделать. Кассиры валютного магазина «Пхёнчхон», принимая «красные» деньги, всегда придирчиво осматривают «печать», а также всегда смотрят на цвет номеров, которые подделать сложнее. И лишь удостоверившись в подлинности денег, ставят отметку в товарный чек.

Недаром в сентябре 1988 года произошла реформа «красных» денег, которые стали выпускать, полностью изменив их дизайн, так что ни размерами, ни оформлением они перестали быть похожими на «обычные воны».

⁷⁸ В настоящее время (2012) подобные деньги в КНДР не используются. В ходу или местная валюта — воны, или иностранная (там, где она официально принимается).

12. Вещевая сберегательная лотерея «Чогым чхучхом»

Впервые с этой вещевой лотереей я познакомился в городе Пхёнсоне в июне 1988 года. Гуляю по улицам города и вижу, что у одной из витрин обыкновенного магазина останавливаются люди и на что-то с большим интересом смотрят. Подхожу и вижу громадное объявление, написанное кистью и разноцветными красками на листе желтоватой бумаги размером с два ватманских листа, склеенных вместе. В объявлении сообщается о том, что в городе проводится вещевая лотерея (*чхучхомпхё*) с ценой билета в 2 воны. Купить такой билет можно в любом магазине города до 15 июня. Разыгрываются телевизоры марки «Моннан», наручные механические часы «Моранбон», костюмы, детская одежда и т. д. 17 июля на центральной площади города объявляются итоги и раздаются выигрыши. В объявлении указано также и точное количество разыгрываемых предметов. Например, часов марки «Моранбон» — 400 штук.

Как мне говорили потом корейцы, такие лотереи проводятся постоянно во всех крупных городах страны.

13. О продуктах питания (Из рассказов переводчика Ли N)

Основной продукт питания в Корее — рис. Его нет в свободной продаже, он распределяется по карточкам. Средняя норма риса на человека — 700 граммов в день (сухой крупы). Норма рабочих тяжелых профессий (шахтер, летчик) — 1 тыс. граммов в день. Государственная цена 1 кг риса 3–5 чон («копеек»). Закупочная цена риса у сельхозкооперативов — 70–80 чон за килограмм.

Из овощных продуктов питания главным является национальное блюдо *кимчи*. Его можно условно сравнить с квашеной капустой. Капуста не белокочанная, а особая, дальневосточная («китайская»). В *кимчи* добавляют большое количество специй и прочих ингредиентов: красный перец, лук, огурцы, рыбу и т. д. Каждый сорт *кимчи* имеет свои особенности. *Кимчи* очень вкусное блюдо. [Хотя такое блюдо и чуждо для русской кухни, все, абсолютно все наши советские специалисты полюбили *кимчи*].

Кимчи заготавливается несколько раз в год в огромных глиняных чанах, которые называют «ток». Чаны зарывают в землю, откуда хозяева по мере надобности достают *кимчи*. Есть весеннее, летнее, осеннее *кимчи*. Основным является осеннее, так как это — главное

овощное блюдо на осень, зиму и начало весны. Учитывая особенности заготовки *кимчи*, понятно, что покупать овощи в магазине (точнее, продавать в магазине) нецелесообразно. Слишком большое количество *кимчи* требуется на семью, а заготовка происходит не так часто.

Поэтому, как правило, овощи в Северной Корею не продаются в розничных магазинах, а подвозятся на машинах прямо к домам. Расплачиваются или до, или после их получения. «Овощи» — это прежде всего корейская капуста и редька. Специи корейцы стараются выращивать сами, очень многие имеют личные огороды.

14. Питание корейцев в ресторане гостиницы «Чансусан»

Те корейцы, которые работали вместе с иностранцами и проживали в одной с ними «интуристовской» гостинице, питались в ресторане этой гостиницы. Вот как это было организовано.

У администратора гостиницы есть особая «книжечка», размером 2,5 × 10 см, скрепленная на одном конце зажимом. Каждая страничка «книжечки» состоит из трех секций. На одних таких трехсекционных страничках написано «завтрак», на других — «обед» или «ужин». Если корейцу нужно, скажем, пообедать, он подает администратору продовольственную карточку, размером с почтовую марку, на которой написано «рис, 200 грамм», и платит деньги. Обыкновенные корейские воны, а не особые валютные, которыми расплачиваются иностранцы. Администратор отрывает от трехсекционного листа «книжечки» с надписью «обед» 2 секции и отдает корейцу. Одна секция остается в «книжечке». Кореец берет эту бумажку, где на двух секциях написано слово «обед», идет в ресторан и там официантки обслуживают его.

Стоимость завтрака — 1 вона. Обед — ?

15. Четыре бутылки пива

В нашей «интуристовской» гостинице на первом этаже в холле был магазинчик, где на деньги, полученные в обмен на иностранную валюту (как конвертируемую, так и «не» — то есть валюту соцстран) можно было купить продукты питания, алкогольные напитки, керамику, сувениры, очки и т. д. Естественно, что цены в конвертируемой валюте ниже, чем в неконвертируемой. Иногда я видел, как к прилавку магазинчика подходили корейцы, работавшие с нами или другими иностранцами, и на простые корейские невалютные воны покупали пиво, сигареты и другие товары. А товары в магазинчике не только

местного производства, но и импортные. Как я узнал позже, корейцы имеют право покупать в гостиничном валютном магазинчике некоторые товары местного производства на простые деньги при наличии письменного разрешения директора гостиницы.

Мало того, я видел эпизод похлеще. В воскресенье 20 февраля 1988 г. поздно вечером работавший в вечернюю смену администратор, парень лет 25, просто зашел за прилавок магазинчика, взял там 4 бутылки пива «Понхак» (государственная цена — 1,40 «синих» (то есть полученных в обмен на несвободно конвертируемую валюту) воны за бутылку) и унес их куда-то. Через некоторое время я опять увидел его. У него было покрасневшее лицо, безошибочный признак того, что кореец навеселе.

16. Дома отдыха

В Северной Корее есть сеть домов отдыха. Но попадают туда не по собственному желанию, а по направлению. Туда ездят люди больные, или же передовики производства, или еще как-либо положительно зарекомендовавшие себя граждане страны.

Например, машинистку компрессора Юн Н на две недели направили в дом отдыха у гор Тэсонсан, в окрестностях Пхеньяна. Она пробыла там с 20 апреля по 7 мая 1988 г. Еда и прочие услуги бесплатные. Каждый день два часа отводилось на политическую учебу (*чончхи кё-ян саоп*). Кроме этого в доме отдыха проводилось много различных культурных мероприятий: спортивные игры, концерты, тематические вечера, кино.

17. Детские сады, школы

В Северной Корее детей с 3 лет отдают в ясли-сад, в 6 лет дети учатся в подготовительном классе (в детском саду?), а с 7 лет — идут в школу.

Ясли-сады есть недельные, есть месячные. В недельных ребенок бывает дома раз в неделю, а если ходит в месячные, то бывает дома раз в месяц. Если ребенок ночует дома, то в садике получает одноразовое питание, если ночует в садике, то трехразовое. («Бывает дома» — фраза написанная выше, подразумевает дневное пребывание ребенка дома. То есть, скажем, в недельном садике он может действительно быть дома раз в неделю, а может и ночевать дома, но днем быть с родителями тоже раз в неделю). Посещение яслей и детсадов в Северной Корее бесплатное.

В северокорейских школах ученикам выдается бесплатно школьная и спортивная форма. Школьники также получают бесплатное одноразовое питание.

18. Отпуск

Продолжительность отпуска в Северной Корее составляет обычно 14 дней. Для работающих в сфере сложного производства, как, например, на шахтах или в цехе производства карбида кальция отпуск предоставляется на 1 месяц.

Отпуск после свадьбы составляет 10 дней (*норым*).

19. Равенство рабочих и колхозников

В 1986 году в Северной Корее официально объявлено об абсолютном правовом равенстве рабочих и колхозников.

ГЛАВА 4. РЫНКИ, МАГАЗИНЫ, ТОРГОВЛЯ

1. Рынки. Стихийные рынки

Во всех городах Кореи есть рынки. Как правило, они находятся во дворах микрорайонов, так что их не видно с улицы. В целом они напоминают наши рынки, только гораздо меньше по размерам. Маленькие прилавочки, низкие крыши над ними, чуть выше человеческого роста. В Пхёнсоне, например, рынок представляет собой прямоугольник, метров 20×40, огороженный забором, с узеньким входом, и таким низким, что при входе нужно обязательно наклонять голову. Торгуют в основном старые женщины. Товары — продукты питания, кустарные украшения, детская одежда, посуда и т.д. Тут же можно купить горячий батат.

Кроме рынков официальных есть и стихийно образованные. Пример — город Сунчхон. На левом берегу Тэдонгана, там, где расположена «международная» гостиница, чуть подальше на окраине города (июль 1988 г.) — строящийся дом. Верхние этажи еще не достроены, но внизу есть помещение, где потом будет магазин. Пока еще это бетонные столбы, голые стены и пустые проемы под витрины. Каждый день туда приходят старые женщины, усаживаются и продают в основном продукты питания. Не знаю, сколько они там находят-

ся, но в 8.30, проезжая на работу, я видел их, и в 17.20, возвращаясь с работы, тоже видел. На этом импровизированном «рынке» всегда было полно народа: покупателей, зевак.

Просуществовал он недолго. В августе его уже не было.

2. Базарные дни

Каждый месяц 1, 11 и 21 числа с раннего утра на улицах корейских городов особое оживление. Вдоль дорог к городу тянутся колонны людей с какими-то мешками, тазами, сумками. Бывает, у кого-нибудь под мышкой визжит поросенок. В этой шумной толпе, как правило, женщины средних лет и старше. Все они стекаются к городскому рынку. А некоторые выкладывают свои товары тут же на дороге и ведут торговлю. Кто чем. Кто продуктами, кто изделиями домашнего ремесла, а кто и «спекульнет» дефицитным заморским товаром...

Это так называемый «базарный день» (*чанналь*). День, когда вся Корея может выйти на улицу и торговать. Пожалуй, «вся Корея» — это немножко громко. «Базарный день» считается официальным выходным днем для деревни, колхозников. Они работают по воскресеньям, отдыхают в «базарный день», который может и совпасть с общим выходным днем. В этот день, в отличие от других будних дней, телевидение работает с 9 часов утра, как и в воскресенье.

3. Валютные магазины. Серия заметок

В Пхёнсоне в 1987–1988 годах, недалеко от вокзала, в обычном жилом доме располагался валютный магазин. Серое пятиэтажное здание. Рядом — низенькие хозяйственные постройки, личные свинарники. Вдоль дома со стороны двора — грязная дорожка-тропинка. Если пройти по ней расстояние в полдома, оказываешься перед низким заборчиком с калиткой. Заходишь в малюсенький дворик. Видишь низенькую дверь, ведущую в помещение первого этажа. Там — коридорчик и одна комната размером в две-три жилые комнаты. Это — «торговый зал». В зале всего два прилавка, расположенных в форме буквы «Г». Окна, как всегда в корейских валютных магазинах, занавешены непрозрачными шторами. Ассортимент довольно бедноватый: импортная ткань, одежда, спортивные костюмы, термосы, обувь, фотоаппараты и т. д. Преимущественно все «тряпки» китайского, гонконгского или японского производства. Не сверхмодные, но получше, чем в обычном советском магазине.

В марте 1988 года этот магазинчик переехал в Пхеньян в район Мунсу и слился с так называемым (в народе) Ливийским валютным магазином, расположенном недалеко от ливийского посольства и универмага «Пхеньян».

* * *

Магазин «Ансан». Известен под названием «Ансан клуб». Расположен у реки Потхонган в Пхеньяне, как раз недалеко от гостиницы «Потхонган». Как говорят, в начале 1980-х годов там располагался развлекательный комплекс для иностранцев из капстран; был там и «публичный дом», где по контракту работали филиппинки. Комплекс этот оказался нерентабельным и к 1987 году там открыли обычный валютный магазин и ресторан с баром, куда свободно мог ходить любой кореец, естественно, имеющий валюту. В марте 1988 года промтоварную часть магазина слили с валютным магазином района Пхёнчхон. А в старом «Ансан клубе» остались продовольственный отдел и рестораны.

* * *

Напротив магазина «Кёнхын» около станции метро «Золотое поле» (Хвангымболь-ёк) в марте 1988 года открыли еще два магазина-универмага для корейцев, торгующих полным ассортиментом валютных товаров.

* * *

В марте 1988 года часть продавщиц из персонала валютного магазина «Тэдонган», находящегося у гостиницы «Пхеньян», перевели в новооткрытый магазин «Кёнхын» у станции метро «Золотое поле».

* * *

Продавщицы магазина «Тэдонган», так же, как и других валютных магазинов Пхеньяна (кроме магазина «Рагвон») постоянно меняют место работы в пределах магазина; то они находятся в отделе сувениров, то в продовольственном отделе, то за кассой, а то и в баре.

* * *

В августе 1988 года валютный магазин «Тэдонган» закрыли на капитальный ремонт.

4. Валютный универмаг «Рагвон»

Пхеньянский валютный универмаг «Рагвон» (что в переводе означает «Рай») — совместное предприятие, организованное корейскими торговыми организациями и торговой фирмой корейцев, постоянно проживающих в Японии (то есть «японских корейцев»).

Магазин находится в центре Пхеньяна около гостиницы «Чхангвансан» и водноспортивного комплекса «Чхангванвон». Весь универмаг «Рагвон» — это небольшое двухэтажное здание. Имеет все отделы, присутствующие в любом универмаге, начиная с продовольственного. В «Рагвоне» можно купить и японские легковые машины, но по предварительному заказу. Расположение отделов универмага постоянно меняется; то есть время от времени отделы перемещают с места на место, с этажа на этаж.

Цены в магазине — самые высокие в Пхеньяне. Аналогичный товар в любом другом валютном магазине Пхеньяна стоит на 10–30% дешевле. Цены на электронику в магазине «Рагвон» дороже, чем в Гонконге на ту же аппаратуру, примерно в 1,3–1,8 раза.

В отделе радиотоваров по меньшей мере с 1985 года работает продавщица по имени Хан Н. Естественно, она занимается подпольным распространением иностранных аудиозаписей, так как, находясь на работе, может свободно пользоваться японской аппаратурой. Я видел и такие моменты, когда Хан вкладывала свежезаписанную кассету в пакетик с фирменной надписью «Рагвон», писала на нем имя заказчика и передавала посылному... Она и меня не раз просила дать «послушать» музыку «диско», что я и делал неоднократно.

5. Кореец — магазин для иностранцев

В Пхеньяне есть особый магазин для иностранцев. Вход корейцам туда запрещен. Он существует для обслуживания, прежде всего, иностранных граждан, работающих в Корее, а также туристов. В нем продают все, начиная от продуктов питания и кончая радиоаппаратурой. Естественно, и расплачиваются в нем особыми деньгами, полученными в обмен на иностранную валюту. С 1986 года по сентябрь 1988 магазин для иностранцев находился в Восточном Пхеньяне в помещении универмага (дословно — «магазина») «Пхеньян». До 1986 года и после сентября 1988 года там же, в Восточном Пхеньяне, но в районе иностранных посольств, в маленьком двухэтажном здании. Для сравнения, магазин «Пхеньян» имеет 4 этажа. С сентября 1988 года

«Пхеньян», практически сохранив ассортимент магазина для иностранцев, стал доступен всем корейцам, имеющим валюту.

Итак, декабрь 1987 года, магазин «Пхеньян» — все еще исключительно для иностранцев. Шофер нашего микроавтобуса Хан N просит, чтобы я провел его в магазин. У него — 150 «синих» вон. («Синие» воны — северокорейская банковская купюра, имеющая особую печать синего цвета, удостоверяющую, что данная купюра получена в обмен на неконвертируемую иностранную валюту. Покупательная способность у такой воны, естественно, ниже, чем у «красной» воны, полученной в обмен на конвертируемую валюту). Шофер попросил меня, чтобы я за его деньги купил ему женские сапоги для невесты. Корейцам в этом магазине товары не продают. Взяли сапоги за 65 вон. Потом Хан вдруг разглядел, что сапоги корейские, а ему велели купить импортные. Он тогда взял сапоги, подошел к продавщице обувного отдела и сказал, что у нее должны быть монгольские сапоги. Та взяла сверток и ушла за ширму прилавка. Спустя несколько минут вышла. В ту же бумагу были завернуты монгольские сапоги. Дополнительных денег продавщица не взяла, о цене не сказала ни слова. Нижнее белье для невесты, осмелев, он купил сам, а кольца выбирать помогал ему я.

* * *

Обратно из Пхеньяна в Пхёнсон с нами ехали две девушки, повара из ресторана гостиницы «Чансусан». Одна из них, Ким N, сказала, что пишет стихи...

6. Магазин «Пхеньян» — еще магазин для иностранцев. Реформы мая 1988 года

Май в жизни валютного магазина «Пхеньян» ознаменовался значительными переменами. Если раньше ассортимент товаров был представлен главным образом товарами местного производства, но более высокого качества, а также небольшим количеством товаров из Японии, Китая и европейских соцстран, то теперь магазин стал просто наводнен товарами из Японии, Гонконга, Макао. Если раньше большинство товаров продавалось за «синие» (несвободно конвертируемы) воны, то с мая 1988 г. основная масса товаров продавалась за конвертируемую валюту. Раньше соотношение между ценой в «красных» и «синих» вонх на один и тот же товар было 1:2 или 1:3. С мая 1988 г. в большинстве отделов магазина соотношение стало 1:6. К примеру, цена японского зонта стала 7.50 «красных» вон и 45 «синих».

Одновременно в мае значительно выросли цены на спиртные напитки и табак, в 3–5 раз.

Однако в магазине была и еще одна интересная особенность. Цены на одни и те же товары на разных этажах магазина могли быть разными или соотношение «красных» и «синих» цен могло быть различным. Скажем, на одном этаже 1:6, а на другом 1:3. Вот чем это объясняется, также как и все перемены в магазине.

Как сказали мне продавщицы, новый ассортимент товаров связан с тем, что магазин заключил соглашение с какой-то торговой фирмой из Макао, которая поставила новые товары. «Какая фирма, что за соглашение?» — спрашиваю я. Мне очень вежливо ответили: «Вам это не обязательно знать». Товары из Макао продавали по новым ценам, а старые товары, оставшиеся от прежнего поставщика, продавали по старым ценам.

* * *

В Пхеньяне в апреле-мае наблюдается повсеместный рост цен на валютные товары, особенно в местах обслуживания иностранцев. Вот примеры (цены даны в «синих» вонх). Гостиница «Чхангвансан», банка пива Асахи раньше стоила 4,5 вон, теперь 21 вону. Бар в водноспортивном комплексе «Чхангванвон», старая цена сигарет Данхилл — 1,9 воны, новая — 27 вон.

7. Двухкассетная стереомагнитола для корейца

В северокорейских валютных магазинах часто приходилось видеть объявления следующего содержания: «Магнитолы, имеющие радиоприемник, продаются только для зарубежных гостей».

И вот однажды, когда я был в валютном магазине района Сочжан в Пхеньяне и как раз находился около прилавка с радиоаппаратурой, ко мне подошел шофер нашего автобуса Ким N, сунул в руки 340 «красных» вон и сказал: «Сергей, купи мне вон тот двухкассетный магнитофон “Санъё”». А он как раз и был с радиоприемником, то есть такой, какой корейцам покупать нельзя. Я выбрал, проверил аппарат, заплатил деньги, отдал нашему шоферу. Он вышел из магазина и тут же, за углом, отдал магнитофон другому корейцу, который в мгновение ока куда-то исчез.

Впоследствии я расспросил шофера подробнее, почему он так странно покупал магнитофон и откуда у него такая крупная сумма в валюте. Ответ был следующим: Ким случайно встретил у магазина друга, который дал ему деньги и попросил купить магнитофон. Зная,

насколько корейцы хитры, трудно было поверить в это объяснение на 100%. Дело в том, что наша группа выезжала в Пхеньян для поездки по магазинам в один и тот же день недели, в одни и те же часы, и маршрут был практически одним и тем же с небольшими изменениями.

8. О типах магазинов

В Северной Корее есть особый тип промтоварных магазинов. Они называются *чинмэчжом* — «магазин непосредственной (прямой) продажи». В нем можно покупать товары без карточек, причем не только государственного производства, но и изготовленные на дому отдельными лицами.

Есть еще учреждения, очень похожие на магазины, но магазинами не являющиеся. Это так называемые *сумэдо*. Скажем, *сумэдо* предметов домашнего обихода. Это — то место, куда поступают товары для дальнейшего распределения в магазины (некий аналог складов оптовой торговли).

(Со слов шофера Хан N).

9. Торговые палатки

2004 год показал колоссальные изменения в экономической жизни страны. «Колоссальные», естественно, не в абсолютных показателях, но в относительном качестве.

А именно — на улицах Пхеньяна появилось большое количество торговых палаток. Они есть везде — и у дорог, как городских, так и ни выезде из города, и во дворах, и на улицах перед магазинами. Выглядит такая торговая палатка точно так же, как и российская рыночная палатка образца 2004 года. Продавцы — как правило, женщины 30–40 лет. Ассортимент — продукты питания, но не основные, а «дополнительные»: пиво (100 вон за бутылку), вяленые кальмары, печенье, орешки, лимонад в пластиковых бутылках (китайского производства) и т. п.

8 августа у входа в пустой магазин (без посетителей и почти без товара) на оживленной улице Сэмаиль я увидел наскоро организованную торговую точку, перед которой сидела женщина и отгоняла мух от продававшегося ею мяса. То есть иногда на улицах города торгуют чем-то более «существенным», нежели просто «выпивка и закуски».

2004

10. Новый уровень сервиса авиакомпании «Корё хангон»

Многое изменилось и в северокорейской авиакомпании «Корё хангон», услугами которой в последний раз я пользовался в конце 2000 года.

Если раньше форменная одежда стюардесс напоминала военную форму, в особенности на рейсе Владивосток — Пхеньян, то теперь, летом 2004 года, стюардессы стали одеваться в стиле стюардесс южнокорейской авиакомпании «Асеана». Белые блузки с красным полосатым бантом-галстуком, юбки желтоватых оттенков, именные карточки прикреплены к поясу. Волосы в причёске уложены в тугий узел на затылке и перехвачены модной заколкой. На маршруте Пекин — Пхеньян в самолёте кормят полноценным обедом с прохладительными и алкогольными напитками, мясом, салатами, булочками и чаем или кофе. (На пути из Пхеньяна в Пекин все питание ограничивается местными «гамбургерами» и кофе.)

Правила безопасности в полёте пока еще не демонстрируют, но показывают то, как правильно регулировать ремни безопасности.

Ежемесячных журналов авиакомпании «Корё хангон» пока еще нет: не столь велико количество выполняемых рейсов, а численность всего парка самолётов колеблется около 20.

Из старых традиций «Корё хангон» (или советского «Аэрофлота») осталась традиция давать жевательную резинку (В Пекине) или леденцы (в Пхеньяне) для того, чтобы пассажиры могли легче переносить неприятный эффект закладывания в ушах.

2004

11. Переполненные рестораны

4 августа около 13 часов дня площадка для парковки автомобилей у ресторана «Оннюгван» была переполнена настолько, что уже не было места для каких-либо других машин. Припаркованные автомобили были довольно дорогими, включая новый джип «Митсубиси» (правда, с правым рулем). Как и полагается во всяком развитом восточном обществе, к обеду элита съезжается в дорогие рестораны, принимает пищу и разъезжается по местам работы. Действительно, к 14 часам парковочная площадка опустела процентов на 80.

Таким образом, к 2004 году образовалась пусть даже еще небольшая, но все же *заметная* часть населения Пхеньяна, которая жила в современном напряженном ритме жизни «делового человека».

2004

12. Эпизод с четырьмя чашками кофе в горах Мёхянсан (рынок идет)

6 августа 2004 года обедал в ресторане гостиницы «Мёхянсан». Меню, видимо, было оговорено заранее Академией общественных наук КНДР, организовывавшей «Второй всемирный конгресс корееведения». В обеденном меню, как всегда, были различные крепкие настойки и пиво. Но кофе, так необходимого мне для поднятия кровяного давления, очевидно, не было.

Когда обед закончился и официантка, видимо, решила подавать чай, я спросил, можно ли вместо чая принести чашечку кофе (стандартный для России вариант замены меню). Мне ответили, что «можно» и принесли малюсенькую чашечку крепкого черного растворимого кофе. Я выпил. Почувствовал себя лучше. Но показалось мало. Попросил еще одну. Официантка без лишних слов принесла еще одну чашку кофе. Однако мне показалось, что и двух малюсеньких чашечек будет мало, и я попросил третью. Официантка ничего не сказала. Принесла третью чашку кофе, а затем произнесла:

— Вы знаете, в вашем меню кофе не предусмотрен. За ваши три чашечки кофе надо заплатить. С вас — 2,6 евро...

Я очень удивился сказанному. Но вида не подал. Лишь подумал: «Ладно, пусть за мой счет работницы ресторана купят себе что-нибудь хорошее».

Поскольку мелких купюр евро у меня не было, я спросил, можно ли заплатить китайскими юанями. Корейская официантка сказала, что можно.

Я дал 30 юаней (это — 3,75 американских доллара, 3,12 евро). Официантка взяла деньги, ушла за сдачей. Но вернулась без сдачи и лишь сказала:

— Извините, но у нас нет сдачи. Не могли бы вы... выпить еще одну чашечку кофе. Тогда мы с вами будем в расчете.

— Хорошо, — без особой радости согласился я. А сам решил в качестве компенсации за «обдираловку» попросить двух официанток в бело-голубой униформе, что обслуживали мой стол (и «сняли» с меня валюту) сфотографироваться вместе со мной на память. Девушки согласились.

Так за 3,12 евро я выпил в гостинице Мёхянсан 4 чашки кофе и сфотографировался с корейскими официантками.

2004

13. Сувенирная лавка для «простых» корейцев

Перед входом в «Исторический музей Мёхянсана» была оборудована небольшая торговая точка для продажи сувениров «обычным» корейцам за «деревянные» вонны. К сожалению, мне не удалось разглядеть более подробно, что же там продавалось. Но сам факт существования такой торговой точки показался весьма примечательным в качестве еще одного свидетельства вхождения КНДР в рынок и повышения роли отдельных личностей.

2004

14. Теперь не торгуются

Когда в ноябре 2000 года я покупал книги и сувениры — в гостинице «Янтакто», в специальном магазинчике сувениров для иностранцев, в квартале «позади» Монумента идеям чучхе или же в горах Мёхянсан — в том случае, когда я покупал много, скажем, на сумму в 50–70 долларов США, мне удавалось договориться с продавщицами о скидках (долларов на 5–10).

В августе 2004 года все мои попытки добиться скидок ни к чему не привели.

Однако же в гостинице «Сосан» со мной произошел другой эпизод. В книжном магазине, что на втором этаже, я должен был купить 10 карманных русско-корейских словарей. Я сразу сказал, что куплю 10 штук. Спросил о цене. Сначала мне сказали: «10 евро». Я еще раз переспросил о цене (такова уж моя манера покупать вещи в Корее). Продавщица немного засмушалась, сказала, что посмотрит в перечень товаров с ценами (на самих книгах цены нигде не проставлены). Потом, несколько смутившись, объявила мне, что словарь стоит 4 евро за штуку.

... Когда 6 августа я был в гостинице «Мёхян» в горах Мёхянсан, то в гостиничном магазине сувениров я видел такие же русско-корейские словари, но уже за 7 евро...

2004

ГЛАВА 5. МОДЕРНИЗАЦИЯ

Сотовые телефоны

И в августе 2004 года, как и 4 года тому назад, при въезде в КНДР у всех иностранных граждан на границе изъяли сотовые телефоны. При этом я, например, расписки за свой сотовый телефон не получил: вместо меня ее взял мой гид (*аннэвон*) и держал при себе все время пребывания в стране. Телефон свой я получил только при выезде из КНДР, в аэропорту, тоже весьма странным образом: кто-то из службы сопровождения делегации подошел ко мне во время оформления документов просто вручил, его ничего не говоря. Когда потом, в России, я включил свой телефон, то выяснил, что во время «хранения» корейцы тоже его включали. Но так как при включении требуется введение кода, то их попытка (как показало сообщение на дисплее) оказалась неудачной.

2004

ГЛАВА 6. РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ

«Искусственный» монах

В горах Мёхянсан в «Историческом музее», то есть в «монастыре» Похёнса, можно увидеть так называемых «буддийских монахов». Это люди, одетые в серые одеяния с красным покрывалом, перекинутым через плечо. На шее — деревянные бусы-четки. Они наголо подстрижены. Худощавы. Как правило, стоят в зданиях монастыря в ожидании посетителей. То, что они ждут — видно по косо бросаемым взглядам, направленным на очередную группу иностранцев, приближающуюся к строениям «монастыря». Они стоят на цементном полу зданий, в башмаках. Рядом — плетеные циновки. Но увидеть «монаха», сидящего на циновке, практически невозможно. Они стоят как статуи, сложив ладони перед собой. Если посетитель (верующий — иностранец) склонится перед ними, то и они тоже склонятся в ответ, все также продолжая держать ладони сжатыми перед собой. Как роботы. Как идолы-хранители «монастыря». А в глазах их — ни мыслей, ни чувств. Они спокойно разрешают иностранцам фотографировать как статуи Будд, так и самих себя, словно статуи.

2004

ГЛАВА 7. ПРОПАГАНДА

1. Корейцы и пропаганда

Однажды еду я в служебном автобусе (на котором нас довозили до стройплощадки). Включен вмонтированный радиоприемник. Передают народную музыку. Музыка заканчивается и затем следует устное сообщение, начинающееся словами: «Великий вождь товарищ Ким Ирсен...» Шофер тут же протягивает руку к ручке настройки и находит другую радиостанцию, где передаются песни.

Декабрь 1987 года

2. Пропаганда и действительность

В Северной Корее явное несоответствие между тем, что передают средства массовой информации и реальной действительностью. И дело не только в том, что говорится о «всенародном подъеме», а он не столь велик (или его совсем нет) и т. п., то есть не только общие фразы далеки от настоящего положения вещей. Несоответствие такого рода можно увидеть и в более простых и «мелких» по значимости сообщениях.

Например, 3 марта 1988 года по первой программе телевидения был показан документальный телефильм-репортаж о положении дел на важнейших стройках страны. Естественно, в нем упоминалось и о Сунчхонском виналоновом объединении. Говорилось, в частности, о том, что благодаря «опоре на собственные силы» пущены 2 генератора ТЭЦ комбината, а остальные 4 генератора готовятся к пуску.

Что есть на самом деле? ТЭЦ не работает вообще. В феврале-марте 1988 дым из трубы ТЭЦ шел очень редко, самое большее 1–2 дня в неделю. Остальное время электростанция не работала. Кроме того, строилась эта ТЭЦ не на основе «опоры на собственные силы», а при содействии китайских специалистов с импортом основного оборудования из Китая.

В том же репортаже говорилось о цехе карбида кальция виналонового объединения, в частности о том, что в январе 1988 пущены 2 карбидные печи, которые дают стране продукцию. Реальность была иной: очень часто случались перебои в работе цеха, когда ни одна печь вообще не работала.

И уж, конечно, в этом репортаже (как и в других, связанных с виналоновым объединением) ни слова не было сказано о цехе разделения

воздуха, купленном в СССР, который строился и пускался при содействии советских специалистов. А без цеха разделения воздуха работа цеха карбида кальция, основы всего виналонового производства, невозможна.

3. Плакаты, лозунги

В Северной Корею очень много плакатов, лозунгов, вывешенных у края дорог, над дорогами, на стенах домов. Есть лозунги и в полях. Причем примерно через 3–5 месяцев порядка 40–50% всех лозунгов заменяется. В деревне каждому новому виду сельскохозяйственной деятельности соответствует свой лозунг: «Все на бой по высадке рассады!» весной, «Все на бой по прополке сорняков!» в начале лета, «Все на уборку урожая!» осенью и т. д. В сельской местности такие лозунги развешиваются на шестах, воткнутых в почву прямо на полях, лицом к дороге.

Лозунги заменяются также и на стройплощадках. Иногда это приурочено к началу какого-либо трудового движения. Например, «200-дневный бой» навстречу 40-летию основания Республики, трудовое движение навстречу 13-му Фестивалю молодежи и студентов и т. д. Бывает, лозунги просто заменяют оттого, что они написаны очень давно, поистрепались, да и уже успели поднадоесть. Тогда тут же, поверх старого лозунга, пишутся новые буквы, как правило, белого цвета, а все свободное пространство закрашивается красной фоновой краской.

4. Постоянные лозунги и объединение Кореи

Вдоль северокорейских автодорог можно встретить совершенно особый тип постоянных лозунгов. Они представляют собой как бы «стену» высотой в 1,5–2 человеческих роста, стоящую на опорах. Стена выкладывается из кирпича и обмазывается цементом. Затем по цементному полю цементом же выкладываются рельефные буквы лозунга, написанные каллиграфическим почерком «кистью». После этого и фон, и буквы покрываются краской, чаще всего белой и красной. Такие лозунги, можно сказать, украшают дороги.

Немного не доезжая границы областей городов Пхёнсона и Сунчхона («не доезжая» — это если ехать от Пхёнсона), справа от дороги летом стали сооружать очередной цементный лозунг. С одной его стороны (он стоял перпендикулярно дороге, так, чтобы можно было

соорудить два лозунга, видные с разных сторон) цементом выложили лозунг: «Мирно объединим нашу Родину!» (우리 조국을 평화적으로 통일하자!).

Так в сыром, не покрашенном виде, он простоял около двух недель. Потом надписи сбили и выложили на той же «стене» лозунг совершенно противоположного содержания: «Всем народом защитим нашу социалистическую Родину!» (전 인민이 떨쳐나서 우리사회주의 조국을 보위하자!).

Мне подумалось, что этим действием государство кое-что продемонстрировало относительно своей реальной позиции в вопросе «Объединения Родины».

5. «Экскурсии» по революционным местам

Практически все молодые корейцы бывали в «революционных» местах, местах, связанных с деятельностью Ким Ирсена, которая, собственно говоря, и отождествляется с революцией. Такие поездки совершаются обычно в школьном или студенческом возрасте.

Вот, например, экскурсия на гору Пэктусан, самую высокую гору Кореи, находящуюся на севере страны. В районе этой горы в 1930-е годы против японцев действовали отряды партизан во главе с Ким Ирсеном. Там же, согласно официальной историографии, родился и сын Ким Ирсена — Ким Ченир.

Когда отправляются в долгую дорогу на Пэктусан, сначала в район гор все едут на поезде. Затем дети и люди престарелого возраста, если они есть, едут почти до самой горы на автобусе. Старшие школьники и студенты идут пешком, делают привалы и костры, сами себе готовят пищу, то есть происходит в известной степени «имитация» жизни партизан. Естественно, все это сопровождается обилием революционных рассказов, преподносимых экскурсоводами.

6. Агитбригада на стройке

На Сунчхонском виналоновом комбинате, как и на любой другой стройке Северной Кореи, есть агитбригады. В июле 1988 года мне удалось увидеть такую агитбригаду в действии. Это было у строящегося здания водородной наполнительной. Как раз туда поставили работать взвод солдат.

Агитбригада появилась в первой половине дня. Как мне сказали потом, бригады обычно приходят к строителям до обеда. В ней бы-

ли юноши и девушки. Парни, как правило, играют на музыкальных инструментах, а девушки поют и танцуют. Всего в агитбригаде человек 15. Солдаты как раз занимались земляными работами у наполнительной. И в то время как кипела работа, члены бригады играли, пели, а некоторые девушки пританцовывали, взяв в руки бумажные цветы.

Очевидно, во время работы велся учет тех военнослужащих, кто работал лучше всех.

Наконец, объявлен перерыв. Девушки агитбригады тут же бегут к лучшим из работавших солдат и накидывают им на шею бумажные венки. Один из передовиков страшно растерялся, и девушки буквально тащат его в центр группы солдат. Солдаты вместе с девушками из агитбригады выстраиваются в две шеренги, кричат какие-то приветственно-восторженные слова, вскидывая руки вверх. В то же время, откуда ни возьмись, появляется фотограф и снимает вскидывающих руки вверх передовиков. И уже готовы плакаты с поздравлением двух других отличившихся: военнослужащих юноши и девушки. Портреты их уже успели нарисовать карандашом и поместить на плакате. Сами плакаты приклеиваются к стене наполнительной. Все это действие кончается танцами — в сопровождении оркестра. В основном танцуют солдат с солдатом. Лишь немногим достается счастливая возможность потанцевать с девушкой. Среди счастливчиков — командир взвода.

Наступает час обеда. Всех, и агитбригаду, и солдат, как ветром сдувает со стройплощадки. После обеда солдаты продолжают работу в обычном неторопливом темпе.

7. Об идеях *чучхе* (1)

Так называемые идеи *чучхе* — это основное теоретическое учение, определяющее социальную, политическую, экономическую и т. д. жизнь страны. По значению можно сравнить с учением марксизма-ленинизма в СССР. Между прочим, иногда в корейской политической литературе встречается мысль о том, что идеи *чучхе* являются развитием марксизма-ленинизма в применении к корейским условиям. Создателем идей *чучхе* считается т. Ким Ирсен. Само слово «*чучхе*» можно перевести как «хозяин тела (сущности)», «обладание телом (сущностью)».

Система политической учебы охватывает все трудящееся и учащееся население Северной Кореи. Вот как определяют идеи *чучхе* сами корейцы, зазубрившие определение на политзанятиях.

Сущность идей *чучхе* можно выразить в следующих высказываниях:

1. Человек является хозяином всего и определяет все.
2. Мир — это природа, общество и человек.
3. Кимирсенизм — это подробная система идей *чучхе*.

Как видно из этих трех пунктов, определяющих идеи *чучхе*, главная суть этих идей такова, что хозяин всего — человек; человек может все, и все в мире для человека. Таким образом, значение термина *чучхе* также становится более или менее понятным.

Корейская массовая пропаганда, регулярные политзанятия пытаются убедить рядового корейца в том, что идеи *чучхе* — это новая универсальная философия, являющаяся вершиной человеческой мысли конца XX века, дающая всем прогрессивным странам мира ответ на вопрос о том, как жить дальше. Северокорейская пропаганда строится так, что у рядового корейца создается впечатление, что весь мир занят изучением идей *чучхе*, нет такой страны в мире, где бы ни было хотя бы кружка по изучению этих идей. Поэтому часто в разговорах с корейцами, особенно при первом знакомстве, мне задавали такие вопросы: «Разве вы не изучали идей *чучхе*?», «Разве в СССР нет научно-исследовательского института по изучению идей *чучхе*?» Чтобы не обидеть спрашивавших, приходилось отвечать уклончиво, в том смысле, что я сам самостоятельно изучал эти идеи.

* * *

Если до освобождения Кореи, как мне говорили сами корейцы, корейский народ 16 часов в день работал и 8 часов спал, то теперь, благодаря завоеваниям социализма, корейцы 8 часов работают, 8 часов учатся и 8 часов спят. Говорилось это на полном серьезе в качестве иллюстрации завоеваний социализма.

8. Об идеях *чучхе* (2)

С комплексом идей *чучхе* неразрывно связана и концепция «опоры на собственные силы», призывающая стараться делать все на основе своей технологии, своего сырья, своими руками. Эти идеи иногда приводят и к некоторого рода «странным», с точки зрения иностранца, действиям. Например, до недавнего времени со всех японских автомобилей, эксплуатируемых в Северной Корее, снимались таблички с названием фирмы, чтобы сторонний зритель был в неведении о стране происхождения автомобиля. Грузовик, произведенный в Северной Корее по образу и подобию советского грузовика КРАЗ, называется «Самостоятельность», среднелитражный автомобиль повышенной

проходимости — копия советского «ГАЗ-69» — «Опора на собственные силы» и т. д.

Как-то в одной из радиопередач конца марта 1988 года прозвучала фраза следующего содержания: «Идеи *чучхе* не подразумевают отказ от передовых достижений других стран, а как раз наоборот, принятие этих достижений, но... применительно и своеобразно к корейским условиям».

9. Особенности телевидения

В северокорейском телевидении используется телесистема ПАЛ Д/К. Изображение цветное. Время на телеэкране вечером высвечивается как «8.00», «9.04», «10.13», а не «20.00», «21.04» и «22.13», как у нас. Заранее подготовленной недельной программы телепередач нет. В газетах, кроме «Пхеньянской газеты», не печатается программа передач даже на текущий день. О программе можно узнать: 1) накануне, после окончания ежедневной программы; 2) вечером, в 18.00 (если это будний день) в начале ежедневной программы, и утром в 9.00, если это выходной. Иногда в течение вечера можно услышать о программе оставшихся к показу передач.

Начало передач в программе не подгоняется к «округленному» времени (7.00, 8.15, 9.25, 10.30 и т. д.). Передачи следуют одна за другой, практически без перерыва. Поэтому время начала передач выглядит как «6.21», «7.03», «8.37», «9.49» и т. д.

Ежедневно в 9.00 вечера передается информационная программа, похожая на отечественную программу «Время», но никакого имени собственного она не имеет.

Один раз в месяц проводится профилактика телеоборудования, когда вообще нет никакого телевидения.

Каждый день диктор телевидения, объявляя день по общемировому календарю, в начале телевидения данного дня объявляет и дату по традиционному лунному календарю.

Три раза в месяц, 1, 11 и 21 числа во время проведения так называемых «базарных дней» телевидение работает с 9 утра, как и в выходные дни.

В субботу вечером и в воскресенье весь день параллельно центральной телепрограмме транслируется видеоканал «Мансудэ» или «12-й канал», как называют ее сокращенно корейцы. По нему передаются видеозаписи в основном зарубежных фильмов, мультфильмов, документальных фильмов. 12-й канал не имеет в своем штате дикторов, объявляющих программу передач. Она набирается буквами

на экране. Художественные фильмы часто следуют один за другим, без перерыва. Кончается один, и сразу начинают показывать другой. В воскресенье по 12-му каналу передают общереспубликанский 9-часовой выпуск новостей.

Кроме этих двух программ в Корее есть еще одна местная телепрограмма города Кэсон на юге Северной Кореи. В окрестностях Пхеньяна принимается звук, но нет изображения этого телеканала.

10. Впечатления от северокорейского телевидения

С мая 1988 года в моем номере гостиницы появился телевизор; его попросил поставить для меня переводчик Ли Н. И уже через 1,5 месяца просмотр корейских телепередач страшно надоел: все время сообщения о трудовом героизме и верности Вождю, редкие фильмы, главным образом о войне 1950–1953 годов и о производстве. (Хотя позднее, через некоторое время, когда произошла «акклиматизация» к телевидению, интерес снова немного вырос.)

На работе я спрашивал корейцев, как им нравится их телевидение. И мне всегда отвечали, что телевидение очень нравится, что его стараются смотреть каждый день. Это не было простой отговоркой, так как на лицах отвечающих был написан неподдельный восторг.

11. Кое-что о радиовещании

В Северной Корее есть две главные радиостанции. Одна называется «Центральное Корейское радио» (조선중앙방송). Она вещает для северных корейцев. Принимается уверенно по всей территории страны. Время работы: с 5 часов утра до 2 (?) ночи по местному времени.

Другая радиостанция называется «Пхеньянское радио». (평양방송). Она менее мощная и не везде слышна хорошо. В ее радиопередачах часто можно услышать обращение: «Уважаемые южнокорейские соотечественники...» (남조선 동포 여러분), то есть некоторые передачи этой радиостанции предназначены и для Южной Кореи. Часто в таких передачах звучат рассказы о революционной антияпонской деятельности Великого вождя Ким Ирсена.

12. «Тезисы централизованного обучения [членов] Социалистического союза трудовой молодежи»

Печатное издание февраля 1988 года. На обложке гриф: «для внутреннего пользования» (내한함). Название тезисов: «Крепко вооружимся идеей превосходства нашего вождя, партии, родины» (우리수령, 우리당, 우리조국 제일주의로 튼튼히 무장하자).

Конспект состоит из трех частей. Первая — «О величии Великого вождя товарища Ким Ирсена» (위대한 수령 김일성 동지의 위대성에 대하여). Вторая — «О величии любимого руководителя товарища Ким Ченира» (친애하는 지도자 김정일 동지 위대성에 대하여). Третья часть (название передаю приблизительно, так как держал этот документ в руках я недолго и затем писал по памяти, хотя и в тот же день) — «О величии нашей социалистической родины» (우리 사회주의 조국에 위대성에 대하여).

На обложке тезисов есть еще надпись: «для трудовой молодежи» (로동청년용).

В первой части тезисов содержится 8 глав, во второй — 10 и в третьей — 7 глав. Особенно интересна вторая часть, главное содержание которой сводится к тому, что товарищ Ким Ченир является лучшим и единственным продолжателем кимирсенизма, замечательным руководителем.

Любопытна одна из фраз раздела № 1 «О величии Великого вождя товарища Ким Ирсена». На эту фразу указала мне девушка, работавшая на виналоновом комбинате — член бригады по обслуживанию преобразователя частоты высокого напряжения (ПЧВН): «В СССР приезжает много зарубежных гостей — руководителей стран. Однако при этом их портреты не вывешивают на улицах. А вот когда в СССР в 1984 году приезжал товарищ Ким Ирсен, то везде были выставлены его портреты, и народ очень горячо приветствовал его». Эта фраза приводится в тексте в качестве иллюстрации тезиса о мировой значимости Ким Ирсена.

13. Разучивание песен (1)

Во время пребывания в Северной Корее у меня появилось предположение, что песни поются среди молодежи не просто так. Например, в мае 1988 года появилась песня «Цветок Кимченир-хва»; в то же время усилилась пропаганда по восхвалению Ким Ченира.

Мои предположения оправдались. Вот что сообщили мне мои корейские друзья. У рабочей молодежи есть обязательная учеба четырех видов: 1) техническая (기술학습), 2) политическая (정치학습), 3) изучение песен (노래학습) и 4) изучение стихов (시학습). Регулярно, по установленному графику, проводится опрос (문답식) по этим четырем разделам. Его проводят местные секретари Социалистического союза трудовой молодежи Кореи и другие «партийно-комсомольские» работники.

Не только молодежь охвачена подобной системой обучения. Часто я слышал, как по утрам работники гостиницы «Чансусан» собирались в особом административном корпусе и хором пели предложенные к разучиванию песни.

Справедливости ради нужно отметить, что эти официально заучиваемые песни не лишены мелодичности и даже красоты.

14. Разучивание песен (2)

20 июля 1988 года на столе в помещении КРУ цеха воздухоразделения я увидел клочок бумажки с записью названия песен для разучивания к очередной проверке (*мундапсик*). За столом сидели машинистки по обслуживанию электрооборудования, находящегося в помещении КРУ и переписывали песни друг у друга в особые тетради. Вот список песен:

1. «Не забудем нашу дружбу». 잊지 말자 우리 우정.
2. «Молодой машинист». 젊은 기관사.
3. «Вечно Его сын». 영원히 그대의 아들.

От себя добавлю, что эти песни, хотя и являются официальными, тем не менее очень красивы в музыкальном отношении.

15. Распространение газет подписчикам

Начну с того что в Северной Корее периодические издания в свободную продажу не поступают. В свободной продаже есть лишь центральная газета и городская газета, но только в столице — Пхеньяне, да и то не всегда и не везде. («Нодон синмун» — «Трудовая газета» и «Пхеньян синмун» — «Пхеньянская газета»).

Как распространяются газеты в провинциальном центре, городе Пхёнсоне? Их доставляют из Пхеньяна в центральный книжный магазин города. Кажется, это вообще единственный книжный магазин в Пхёнсоне. И то с декабря 1987 по лето 1988 года он был совсем закрыт для доступа посетителей. Таким образом, главной и единственной видимой функцией магазина в этот период было распространение газет.

Из книжного магазина газеты до 2 часов дня доставляются подписчикам. На дверях квартир или на калитках дворов индивидуальных домов можно видеть ящики с надписями названия той газеты, которую данная семья получает.

16. Глушение радиостанций

В 1984–1986 годах никакие иностранные радиостанции на территории Северной Кореи не глушились. С весны-лета 1988 года в КНДР стали глушить средневолновые южнокорейские радиостанции. Сначала только мощные, потом стали глушить все.

Радиостанция «Голос нации» (*Минчжог-ый сори*), происхождение которой мне установить не удалось, не глушится. Она начинает свои передачи с 9–10 часов вечера. На эту радиостанцию часто ссылается ЦТАК (Центральное Телеграфное Агентство Кореи).

Факт глушения радиостанций свидетельствует о наличии довольно большого количества радиоприемников у населения.

17. Показуха

8 марта на Сунчхонский виналоновый комбинат приезжала группа членов ЦК Трудовой партии Кореи. Были они и в цехе разделения воздуха. По этому случаю была обеспечена стабильная подача пара, необходимого для нормальной работы цеха. До этого события пара не было. Заработала ТЭЦ, которая стояла до этого, заработал в полную мощность карбидный цех. И даже сдвинулись с мертвой точки переговоры о приобретении в СССР новых установок воздуходеления.

18. Странное Пхеньянское радио

9 июля в 15 часов на короткой волне в левой части диапазона 49 м услышал очень странные новости Пхеньянского радио (заглушавшиеся местными станциями помех). В новостях кроме выдающихся заслуг «председателя Ким Ченира» в управлении «республикой», сообщалось о том, что из-за южнокорейских партнеров сорвана работа сборочного автомобильного завода «Пхёнхва» («Мир») в г. Нампхо. Вместо 200 тыс. автомобилей в год он с трудом собрал 200. И кроме того, Пхеньянское радио почему-то с гордостью говорило о том, что «южнокорейская» («Нам Чосон») фирма «Самсунг электроникс» открыла свой филиал в Словении, и теперь ее продукция еще больше завоевывает рынки Восточной Европы и России, а также о совместно южнокорейско-российском научном семинаре, который будет проходить в Санкт-Петербурге (об этом трудно найти какие-либо сообщения даже в южнокорейских средствах массовой информации).

Еще говорилось, что старый социалистический принцип *распределения* не оправдал себя экономически, и что рабочий должен быть заинтересован в *прибыли* от своей работы...

Что-то случилось со средствами массовой пропаганды в Северной Корее?! Или это вещание этнических корейцев с территории Китая?

11 июля 2003 года, Южная Корея

19. Радио «Голос народа»

Та странная радиостанция, что я обнаружил в левой части диапазона 49 м, а также и на средних волнах, оказалась совершенно новой для КНДР радиостанцией с весьма странным, «прозападным» названием «Голос народа» (인민의 소리).

Отличается она чуть более разговорными интонациями дикторов. Кстати, дикторов там, по-видимому, работает не так много, их голоса узнаваемы, то есть обладают *индивидуальными особенностями*, в отличие от голосов дикторов официального радио КНДР.

Сообщают вещи просто поразительные. Так, в передаче от 20 июля говорилось (вслух, громко!) о перебежчике из КНДР в Южную Корею. Сказали, без особого осуждения, что перебежал он потому, что в северной части Республики ему не хватало еды и одежды. В тот же день радио сообщило, что прежние негативные представления о капитализме ошибочны. Вот, например, председатель корпорации «Хёндэ». Он говорит, что, конечно, деньги могут зарабатывать не всегда честным путем. Но ведь не это главное. Главное, как их тратить. А уж он то тратит их правильно, на помощь Республике.

Еще по радио сказали, что молодежь в Республике активно обсуждает ситуацию в Южной Корее и считает, что там на очень хорошем уровне мораль и «общественные ритуалы».

В то же время это же радио отчаянно критиковало позицию США относительно Кореи.

Кроме того, «Голос народа» отличается большим количеством передач на исторические темы, то есть как бы прослеживает историю страны не с 1920-х годов, как это принято в официальной историографии, а с древних времен.

Судя по интонации, акценту, силе радиосигнала, скорее всего эта радиостанция — китайская. Может быть, она вещает из Ёнбёна (Яньбянь) — места компактного проживания корейцев в Китайской Народной Республике. Уж слишком в ней много критики существующих в КНДР порядков, и слишком много призывов следовать китайскому пути (большая открытость, экономические реформы).

Хотя о КНДР дикторы этого радио говорят как «наша республика».

Однако происхождение радиостанции «Голос народа» — это все лишь мои предположения. Местные южные корейцы, сколько я ни спрашивал об этой радиостанции, говорят, что слышали о ней, но она северокорейская или КНР-овская — никто толком сказать не может.

Дикторы же радиостанции сами не говорят о месте своего вещания, не говорят о своем адресе (и почему-то перед очередными новостями не передают сигналов точного времени).

26 июля — 18 августа 2003 года, Южная Корея

ГЛАВА 8. О КИМ ИРСЕНЕ

1. Личные впечатления о Ким Ирсене посла СССР в КНДР Г. Г. Бартошевича

Ким Ирсен — человек дружелюбный, приятный в общении, грамотный. О своей стране знает практически все: где, что и с кем в данный момент происходит. Выглядит бодро. Знает русский язык. Сложно определить степень владения языком, но на слух понимает, о чем идет речь.

2. Отношение простых корейцев к «Великому вождю» (1)

Вот какой диалог произошел между мной и группой машинистов компрессора вместе с их начальником смены. Это было в июне 1988 года.

— Как вы думаете, какой день можно считать днем рождения цеха разделения воздуха? — спросил я.

— Наверное, тот день, когда пустили первый блок разделения, 1 января 1988 года, — отвечают мне.

— А, может, тот день, когда приступили к монтажу оборудования? — спрашиваю я.

— Нет, 15 октября 1986 года.

В этот день товарищ Ким Ирсен был на Сунчхонском виналоновом комбинате и произвел так называемое «руководство на месте» строительством. Место, где он был, огорожено забором, там посажены цветы и деревья, а на дороге около этого места стоит дорожный знак «ограничение скорости». Позже на территории комбината установили огромную надпись, состоящую из букв-транспарантов: «Выполним

указания Великого вождя, товарища Ким Ирсена [сделанные им] 15 октября 1986 года!»

— Да, — добавляет стоящий рядом молодой парень, — знаменательный день... Великий вождь (*Сурён-ним ккесо*)... Такое значение... Наверное, этот день потом будет отмечаться всем виналоновым объединением...

Самое интересное то, что разговор у меня с ними был неофициальный. Иногда в таких разговорах мы касались очень щекотливых тем. А здесь самые вежливые формы речи по отношению к Вождю, явное уважение. Никакого наигрыша в интонациях я не почувствовал. Все было очень искренне.

3. Отношение простых корейцев к «Великому вождю» (2)

Август 1988 года. По лестнице нашей гостиницы «Чансусан» поднимаются двое корейцев. По внешнему виду они — руководящие работники, так называемые «канбу». Обстановка неофициальная. Их лица расслаблены, движения непринужденны. Кроме них никаких других корейцев рядом нет. И вот я слышу, как один из поднимавшихся в очень вежливых выражениях говорит что-то о деятельности и поучениях Великого вождя. Говорит действительно вежливо, с большим уважением.

4. Отношение простых корейцев к «Великому вождю» (3)

Из разговора с технологическим инженером цеха разделения воздуха Он N, родился в Хамхыне в 1964 году, в 1987 г. закончил Хамхынский технологический институт.

О Великом вожде говорил с большим уважением. Подчеркивал, что нельзя уважать человека по приказу. Уважение должно идти от души. Только из души возможно извлечь уважение. Великий Вождь очень много страдал в молодости, в годы войны с японцами. И поэтому то, что молодежь служит в армии по 10 лет, не так страшно.

5. Портреты «Великого вождя» и «Любимого руководителя»

Портреты Великого Вождя товарища Ким Ирсена присутствуют в Корее практически везде: в домах людей, в учреждениях, в троллейбусе и вагоне метро, в магазинах... Портреты «Любимого руководи-

ля» товарища Ким Ченира, как правило, вывешиваются в жилых домах и местах работы там, где это не требуется официально. Этим как бы проявляется «любовь народа» к «Любимому руководителю».

Портреты эти бывают самыми различными по форме и исполнению. Часто они напечатаны на бумаге, вставлены в деревянную рамочку под стекло. Я заметил такую особенность. Портрет Вождя имеет, как правило, прямоугольную форму и всегда цветной. А вот портрет Ким Ченира очень часто, хотя и заключен в деревянную рамку такого же размера, однако занимает не все поле, а представляет собой овал на белом фоне и нередко исполнен в черно-белой тональности.

Я спросил об этом в августе 1988 начальника иностранного отдела стройтреста № 52 Ха Н, переводчика Ли Н и заместителя начальника Чин Н. Те очень удивились моему вопросу и сказали буквально следующее: «Надо же, какой ты наблюдательный! Вот ты иностранец и заметил. А мы, корейцы, никогда на это и внимания не обращали. И никакого особенного смысла в этом нет».

ГЛАВА 9. АССОЦИАЦИЯ КОРЕЙЦЕВ В ЯПОНИИ – ЧХОНРЁН

1. Чхонрёновцы в Корее

Словом *чхонрён* называют корейцев, постоянно проживающих в Японии и ориентирующихся на Северную Корею⁷⁹.

3 сентября 1988 года к нам в Пхёнсон в гостиницу «Чансусан», уже вечером, приехали 2 шикарных автобуса. В них были *чхонрёновцы*, старшие школьники. Они прибыли в Корею ко дню празднования 40-летия основания Республики (9 сентября) и все время до дня праздника и немного после него должны были жить в нашей гостинице.

Внешне они были очень симпатичными. И все очень высокого роста, особенно юноши. Мы, русские, в массе выше КНДР-овских корейцев. А эти подростки были в целом выше и крупнее нас. Гладкая кожа. Чисто вымытые, холеные, с модными стрижками. По гостинице они ходили одетые в красивые спортивные костюмы, на ногах — кроссовки. На многих из них черные футболки с надписью «Адидас» или белые футболки с голубой надписью «Студенческие переговоры 15 августа»

⁷⁹ Слово *чхонрён* — сокращение от названия Чэ Ильбон *чосон-ин чхон рёнхапхе* (재일본 조선인 총련협회), что значит «Всеобщая ассоциация корейцев в Японии».

(8.15 학생회담; в то время в Северной в Корею шла кампания за проведение студенческих переговоров между Северной и Южной Кореей, которая завершилась неудачно. Переговоры не состоялись, южнокорейские студенты не сумели пройти до демаркационной линии). У некоторых чхонрёнцев на спортивных костюмах сделаны надписи типа: «Корейская школа [префектуры] Ходоко» (호도코 조학). У всех — модные кварцевые часы. Держатся все вместе, группами. Носятся по гостинице, играют в волейбол на спортивной площадке во дворе. А то собираются кружками в холлах гостиницы на этажах, рассаживаются на полу, кладут перед собой тетради с книжками и что-то обсуждают. Бывает, что сидят по двое или по трое, развалившись в креслах, закинув ноги на стол, часто с какой-нибудь баночкой сока или напитка в руках, тоже «изучают» что-то.

По утрам и вечерам собираются в кинозале гостиницы. Изучают идеи чучхе. В номерах у них тоже есть книги по идеям чучхе и, как говорят горничные, они всегда лежат на столах раскрытыми. Еще они разучивают корейские песни.

По утрам все организованно делают гимнастику с элементами национальной борьбы, играют в волейбол. «По утрам» — значит в 5.30–6.00.

По-корейски говорят очень странно. Слова вроде и корейские, но звучат неотчетливо. Часто в разговоре проскакивают японские слова, а то и целые японские фразы.

Когда в какой-либо гостинице проживают чхонрёнцы, в ней всегда присутствуют офицеры и солдаты охраны с красными повязками на рукаве, на которых написано: «проверяющий» (검열원). Также было и у нас в гостинице. При этом один охранник постоянно стоял на улице, у входа в гостиницу. Он все время прохаживался между двумя шикарными автобусами, стоящими у подъезда. В левом холле первого этажа в кресле всегда сидел офицер. Еще двое рядовых стояли внизу у каждого из лестничных маршей.

Сами местные корейцы относятся к чхонрёнцам настороженно, с опаской, очень услужливо и чуть-чуть неприязненно. Не видел, чтобы чхонрёнцы вступали с местными в неофициальные контакты. К гостиничному персоналу чхонрёнцы обращались только с какими-либо бытовыми просьбами. Ни одной дружеской улыбки, теплого слова. Да и корейцы понимали их просьбы не с первого раза (из-за сильного акцента).

Я и сам сначала хотел было познакомиться с чхонрёнцами. Как ни как корейцы все же, да и молодые, симпатичные, особенно девушки. Но теперь, 5 сентября, по прошествии двух дней вижу, что это

невозможно. Они живут очень замкнуто, видят только себя, обращают внимание только на себя. Остальное их не волнует. Окружающее трогает настолько, насколько это необходимо им для их нормальной жизни. Кажется, что мы, русские, уважаем местных корейцев больше, чем *чхонрёновцы*; интересуемся их историей и культурой больше, чем *чхонрёновцы*. А нас, русских, они вообще не замечают. Немного реагируют на наших детей. Наши дети раскованнее нас самих, без предрассудков и могут позволить себе подползти к *чхонрёновским* девушкам на четвереньках и высунуть язык.

Потом они стали здороваться с нами, даже по-русски. А дело вот в чем. В воскресенье, 4 сентября, у нас должен был быть просмотр советского фильма в 18.00 в кинозале гостиницы. Такая у нас была договоренность с гостиничным руководством, такова была традиция. А *чхонрёновцы* устроили днем очередное заседание в кинозале. Уже далеко за 18 часов, а они все в зале. И им, вроде бы, говорили о нашей традиции, традиции строителей Сунчхонского виналонового комбината. Естественно, русские, особенно руководитель Ю. Н. Ермилин, очень по этому поводу рассердились. Ермилин закатил скандал, сказал, что русские не поедут на работу и потребовал от *чхонрёновцев* извинения. Ко всем прочим претензиям приплюсовал то, что они орут под окнами по утрам, играя в волейбол с 5 утра, и мешают спать советским трудящимся и членам их семей. Вина была признана, сатисфакция получена, и школьники с тех пор стали здороваться с нами.

2. Чхонрёновец Кан Сончжин

Случайно, под влиянием какого-то порыва, поздно вечером разговорился с одним *чхонрёновцем*. Он единственный жил на нашем этаже. Он вышел со своей подружкой на общий балкон в конце коридора. Мы там сушили белье. Я вышел повесить что-то для просушки и завязал разговор.

Вот что узнал из беседы с Кан Сончжином.

Всем подросткам здесь по 17 лет. Они учатся во 2-м классе «высшей средней школы» (고등중학교). Всего в школе — 3 класса. И в школе, и здесь, в Корею, они изучают идеи *чучхе*. Зачем? Чтобы потом заниматься в Японии «патриотической работой» (애국 사업), за которую, между прочим, платят деньги. Во время пребывания в Корею они не свободны, имеют определенную программу. Они постоянно изучают идеи *чучхе* и смотрят кинофильмы на соответствующие темы. Каждый вечер у них — подведение итогов дня, саморазбор, самокритика (총화).

Как они изучают идеи? Собираются группками (по классам?), сидят на полу холла, на бетонных лестницах у подъезда гостиницы и т. д. Один читает вслух учебный текст. Остальные слушают. Время от времени раздаются аплодисменты.

Но вернемся к «интервью». Диско музыку не слушают. Диско танцев не танцуют. Спрашиваю, какие у них любимые песни? Парень отвечает, что японские. Дал пару названий.

Отец Кана ни много ни мало является владельцем корейского банка в Японии (조선은행주인). Кан одет в спортивный костюм с надписью «le coq sportif». Он с гордостью говорит, что это настоящий французский костюм. На руке у него модные кварцевые часы.

Во время всей нашей беседы рядом стоит его очень красивая подружка. Между прочим, она сама очень часто заходила к нему в номер. И когда Сончжин рассказывал мне о *чучхе*, о северокорейских руководителях, о патриотической работе, с ее стороны все время доносились какие-то истерические смешки.

3. Эпизод с чхонрёновцами

5-й этаж гостиницы «Чансусан». Кинозал. К кинозалу ведет лестница, перед входом в зал — ровная площадка. На лестнице и площадке зеленый ковер. Здесь, на площадке, у чхонрёновцев только что было очередное занятие. Все сидели на полу и учились. И вот вижу картину. На этой площадке лежит парень в голубом спортивном костюме, опершись головой о перила и храпит сном убитого... Через 10 минут его там уже не было.

4. Подарок от чхонрёновцев

Во время проживания чхонрёновцев в гостинице весь персонал «стоял на головах» и не знал ни сна, ни отдыха. Постельное белье им меняли почти каждый день. Горничные полностью обстирывали их. Брали вечером грязную одежду, а к утру она им приносилась чистой и выглаженной.

Правда, перед своим отъездом из гостиницы чхонрёновцы подарили администрации настенные часы марки «Ситизен», с памятной надписью. Часы сразу были водружены на стену. И еще чхонрёновцы много фотографировались на память вместе с гостиничным персоналом.

ГЛАВА 10. ОПИСАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

1. Гостиница «Корё»

Строительство гостиницы было завершено в 1986 году. Она представляет собой два 44-этажных корпуса с общей 2-этажной частью внизу и с переходом между двумя корпусами примерно на уровне 37-го этажа. Эта гостиница будет оставаться самой высокой и самой престижной в Пхеньяне вплоть до 1989 года. В 1989 году планируется сдать в эксплуатацию к XIII Всемирному фестивалю молодежи и студентов еще более грандиозную 105-этажную гостиницу, отдаленно напоминающую по форме пирамиду.

Наружные стены здания гостиницы «Корё» облицованы особой плиткой, основной цвет ее — красно-коричневый, но она может иметь оттенки и других цветов, в зависимости от угла падения солнечного света.

Как и полагается, подъезд к парадным дверям гостиницы находится под навесом. У входа стоит швейцар в «европейском» костюме. Пожалуй, это единственная гостиница в Пхеньяне, где у входа стоит швейцар. Войдя в двери (они открываются автоматически), попадаешь в огромный холл. Крыша холла в некоторых местах стеклянная, чтобы проходил дневной свет. У левой и правой стен холла — эскалаторы для подъема на второй этаж, в глубине — валютные магазины с сувенирами и произведениями искусства. Слева от входа в гостиницу находится стойка обмена валюты, далее бар, а еще дальше — рестораны традиционной корейской кухни. Справа от входа — стойка администрации, кресла для отдыха гостей, телефоны, и совсем в глубине — промтоварно-продовольственный валютный магазинчик. Еще в холле есть лестница вниз, ведущая на подземный этаж. Фонтаны, рыбки в воде. На подземном этаже — бар, где столики расположены как бы на островках импровизированного пруда. Стеклянный светящийся потолок, похожий на бесконечное множество свешивающихся алмазных кристаллов, и т. д. Трудно описать всю роскошь убранства. Тут же на подземном этаже, прямо за баром — вход в бассейн с женской и мужской сауной.

На втором этаже общей части зданий гостиницы есть книжный магазин, бар с бильярдом, рестораны и т. д. В каждом из двух жилых корпусов по два лифта.

Снаружи есть отдельный вход в подземный валютный ресторан. С левого торца здания тоже особый вход в валютный магазинчик для

корейцев. Напомню, что гостиница «Корё» в принципе предназначена для иностранцев и вход «простым корейцам» туда запрещен.

Гостиница поистине на уровне мировых стандартов.

2. Ресторан на 44-м этаже гостиницы «Корё»

На 44-м этаже каждого из двух корпусов гостиницы «Корё» расположен ресторан круглой формы, который вращается вокруг своей оси, так, что если сидеть на одном месте, то через некоторое время перед посетителем предстанет вся панорама города.

20 марта 1988 года для нашей группы советских специалистов, работавших на Сунчхонском винолаоновом комбинате, тоже организовали подъем в этот ресторан. Почему «организовали»? Говорят, что только за подъем и вход в этот ресторан полагается платить по 20 «синих» вон с человека. Мы же поднялись бесплатно.

Поднимались в ресторан на лифте. Лифт явно японского производства, но все надписи в нем сделаны только по-корейски. Вместимость лифта — 13 человек.

Итак, лифт поднимается на последний этаж гостиницы, открываются двери, и мы попадаем в небольшой коридорчик. Коридор расположен как раз на линии диаметра круглой башни-ресторана. Один конец коридора выходит в зал — движущуюся смотровую площадку со столиками. Другой конец завершается винтовой лестницей, уходящей вниз, и входом внутрь стойки бара. На противоположной от выхода из лифта стороне также находится дверь другого лифта.

В этом же коридорчике и дверь в туалет. Он один на весь бар-ресторан, общий. В нем есть «прихожая», где расположены умывальник, зеркало, полотенце. Кафельные плитки с декоративной росписью. В самом туалете писсуар с отбитым краем и два унитаза: один для сидения на корточках, а другой для нормального («европейского») сидения. Двери в туалете огромные, но повешены чуть косо и закрываются очень плохо, замков нет совсем... А туалет общий.

В зале бара — огромная стойка с вращающимися табуретами перед ней. Стереосистема с колонками фирмы «Саньё», телевизор фирмы «Тошиба», повернутый экраном к девушке-бармену. В глубине бара стоят шкафы, набитые бутылками и банками с разнообразными алкогольными и «без» напитками. Чашечка растворимого кофе «Нескафе» стоит здесь 2 «синих» воны (против 1 воны в баре первого этажа той же гостиницы). Бутылка лимонадного напитка «Саида» стоит 2.20 вон

(в магазине цена той же бутылки — 70–80 чон, а в 1984 году такая же бутылка воды стоила 25 чон). Дорого.

Медленно вращается пол. И сквозь затемненные, уже давно немытые окна любуюсь панорамой Пхеньяна. Вдоль окон металлические перила, как раз на уровне глаз, если сидеть; очень неудобно.

3. Посещение ресторана корейской лапши *куксу* в районе Тэтхарён (Пхеньян)

В последнюю пятницу декабря 1987 года, после того, как я в баре гостиницы «Корё» угостил нашего шофера Хан Н чашечкой кофе, он предложил мне вместе с ним отведать *куксу* — национальной корейской лапши. Я согласился. Он повел меня в столовую-ресторан *куксу* района Тэтхарён.

Ресторан Тэтхарён расположен недалеко от станции метро «Золотое поле», у берега реки Потхонган. Время что-то около 12.30. Подходим к ресторану. Снаружи стоит очередь человек в 50. Внутри тоже небольшая очередь. В зале столики на одной ножке с бетонным «железненным» верхом. Все столики не накрытые. За ними сидят люди, ждут официанток. Всего 20–30 столиков. Стол для военных отдельно, там уже едят. *Куксу* подается в миске *кырыт*. Она изготовлена из металла, похожего на бронзу. По форме напоминает чашечку для мороженого, только раза в 4 больше, с широким плоским блюдом наверху с низенькими краями. *Куксу* подается холодным. Кроме лапши серовато-коричневатого цвета в «миске» еще есть соевые бобы, морковь, свежие огурцы, красный перец, мелкие кусочки мяса и т. д.

Мы с Ханом проходим через весь зал в особую комнату для гостей. Судя по обстановке, в ней давно не было гостей. Люстра снята, лежит на полу. В центре комнаты — длинный стол. Вокруг стола стулья. Часть стульев отставлена к стене. Приборы на столе чуть более шикарные, чем в общем зале. Ждем официантку. Приходит, на ее лице неудовольствие. Вытирает стол. Принимает заказ. Довольно скоро несет две порции *куксу*. В мгновение ока блюдо Хана становится пустым. У меня еще больше половины. Потом подали мутноватый отвар из бобов, с сахаром, в маленьких чайных чашечках на блюдечке. За этот обед Хан выложил 2 карточки, на 200 грамм риса каждая, и 10 вон. Официантка дала сдачи 3 воны. Карточки представляют собой небольшие талоны, размером с почтовую марку, на которых напечатано «рис, 200 грамм» и есть какая-то чернильная печать.

Закончив еду и расплатившись, мы встали и, сопровождаемые завистливыми взглядами, вышли на улицу.

4. Бар-ресторан на пятом этаже «Рыбного магазина»

«Рыбный магазин», о котором идет речь (*Сусанмуль чинмэчжом*), находится справа (если стоять спиной к площади им. Ким Ирсена) от моста Оннюгё. В нем 5 этажей с разнообразными отделами. На самом последнем, 5-м этаже находится бар-ресторан. Трудно понять, валютный он или нет. Но на валютные воны здесь тоже можно посидеть. Сюда часто ходят русские, они называют это заведение «Рыбный ресторан», соединяя воедино функции этого заведения как рыбного магазина и рыбного ресторана.

Ресторан на пятом этаже — это помещение вытянутой формы с баром в конце. Стены оклеены фотообоями, изображающими лес. Вдоль окон стоят уютные столики, отделенные друг от друга ширмочками. За ними сидят корейцы, одетые очень даже неплохо. Они пьют пиво, едят вкусно и красиво приготовленные блюда, курят. Иностранцев почти нет. И то место, которое им отведено в самом конце зала, у бара, оборудовано не лучшим образом. Видно, что и корейцы, хозяева страны, и иностранные гости абсолютно равны.

Две кружки разливного пива стоят здесь 1,50 «синие» воны. В баре также есть иностранные спиртные напитки за валюту.

5. Пхёнсонская специальная школа иностранных языков

Пхёнсонская специальная школа иностранных языков представляет собой большое 5–6-этажное здание. Рядом с ним расположены 2 общежития, стадион, спортивные площадки. Вся территория школы огорожена бетонным забором, и есть КПП, где дежурят сами же учащиеся.

Поступают в эту школу, как и в другие школы Северной Кореи, после окончания 4 классов начальной («народной») школы. Учатся в течение 7 лет. После окончания часто работают учителями иностранного языка в деревенских школах. В Школе иностранных языков четкий режим дня: 6.00 — подъем, 7.00 — завтрак, 8.00 — начало занятий, 13.00 — обед, потом самоподготовка, 19.00 — ужин, отбой примерно в 23–24 часа.

В ноябре 1987 года к нам на стройку в Сунчхон были направлены на 20-дневную стажировку четверо студентов-выпускников этой школы. Три 17-летних девушки: Ким Хвасун, Чан Хвасун, Ри Мёнхи и парень по имени Пак Сончхоль.

6. Институт вышивки. Посещение 3 января 1988 года

Институт вышивки — небольшое двухэтажное здание в центральной части Пхеньяна, примерно в районе Кёнхын. Построено в традиционном стиле. Черепичная крыша с загнутыми краями, колонны и т. д. В холле здания — картина с изображением вождя Ким Ирсена и его сына Ким Ченира. Справа от входа — магазин с изделиями ручной и машинной вышивки, слева — выставочный зал, экспонаты которого тоже, по желанию, можно купить.

На первом этаже Института — отдел машинной вышивки. Корейские швейные машины марки «Чхоллима», с кустарно приданным электроприводом. Бешеные темпы работы. Очень хорошее качество вышивки.

На втором этаже — отдел ручной вышивки. Небольшие комнаты. За столами сидят женщины, от 40 до 70 человек в одном помещении. Перед группками в 4–6 человек расположены образцы картин. У каждой из работниц на ткани изображено нечто похожее на образец. Шьют. В среднем картину средней сложности и средних размеров вышивают за один месяц. Зарплата 80–90 вон в месяц. Бывает и 100–110. Считают, что это — очень много. Несмотря на то, что большая часть их изделий продается за валюту, сам институт ничего с этого не имеет. Почему «институт»? Скорее маленькое производственное объединение. Оказывается, здесь разрабатывают технологию вышивки для других такого рода предприятий столицы и провинций.

Пхеньянский Институт вышивки основан в 1948 году. Имеет золотую медаль. Работающие здесь женщины окончили Институт искусств (*Мисуль тэхак*), факультет вышивки (*суге хакпу*).

7. Торговый институт в Пхеньяне

Факультет обслуживания (*Понса хакпу*) пхеньянского Торгового института (*Санон тэхак*) имеет в своем составе два подразделения: 1) собственно вузовское и 2) отделение, приравненное к техникуму-ПТУ, «спецшкольное». Выпускники спецотделения высшего образования уже иметь не могут. Срок обучения на спецотделении — 3 года после окончания средней школы. На нем готовят в том числе и официанток.

8. Общежитие для иностранцев Университета им. Ким Ирсена

Для иностранных студентов, обучающихся в университете им. Ким Ирсена, под общежитие выделено отдельное здание. Оно находится рядом с университетом. Это — пятиэтажное здание, 3 этажа используются под общежитие иностранцев, а два верхних, имеющих отдельный вход, занимают корейские аспиранты университета.

На первом этаже здания находятся административные комнаты, комната для приема гостей, библиотека, магазинчик (валютный) для проживающих в общежитии, столовая. Второй этаж — жилой, женский. Третий — мужской. На каждом этаже есть комната с умывальниками и душами и туалетная комната. Есть комната для сушки белья с гладильным столом и утюгом. Есть и холл с креслами и телевизором. Каждая комната рассчитана на двух человек.

В конце апреля 1988 года я зашел в это здание общежития, где жил в 1984–1985 учебном году. Впечатление после гостиницы «Чансусан», где я жил во время нынешнего пребывания в Северной Корее, было просто гнетущим. Узкие лестницы со стоптанными ступенями, узкие коридоры, низкие потолки. Очень бедная мебель в номерах, тесно. Умывальная комната в сравнении с 1985 годом изменилась. Если раньше под каждым краном была раковина, то теперь их нет. Сделан общий сток, выложенный мелкой кафельной плиткой. Есть изменения в коридоре. Раньше они были беленые, а теперь оклеены моющимися обоями, на которых изображены ели. Но двери в номера остались такими же.

Эпизод из быта общежития. Весной 1988 года я зашел в общежитие для иностранцев вместе с Василием Сучковым и Сергеем Малышевым, работавшими вместе со мной в Сунчхоне. Мы шли из парка Моранбон. У нас были грязные руки, так как мы откапывали из земли декоративные черепицы с крыш беседок, валявшиеся тут же около них (очевидно, остались после ремонта крыш). Нам нужно было помыть руки. Естественно, ни мыла, ни полотенца у нас с собой не было. Смотрю, в умывальной комнате 3-го этажа стоит китайский стажер, моется. Попросил у него мыло и полотенце. И тот, не говоря ни слова, дал все нужное нам. Естественно, я его поблагодарил.

9. Пхеньянский Дворец пионеров и школьников («старый»)

В центре Пхеньяна есть Дворец пионеров и школьников. Его новое здание строится на самом современном проспекте города — Кванбок.

Так как Дворец является центральным детским учреждением столицы КНДР, туда все время водят на экскурсии иностранных гостей. Не в любое время. Для таких экскурсий специально выделены дни и часы: понедельник и четверг каждой недели. Начало обзорной экскурсии — 16.00. После экскурсии в 17.00 школьники всегда показывают гостям концерт в большом зале. При этом почетные гости сидят в партере на гостевых местах, гости «туркласса» располагаются на балконе. Остальные места партера всегда заполнены детьми. Следует отметить высокий, почти профессиональный уровень выступлений учащихся.

10. Экскурсия в Исторический музей селения Самхва-ри, провинция Южная Пхёнан

Местечко Самхва-ри (в дословном переводе значит «Селение трех цветов») находится километрах в 5–7 от города Пхёнсона. Как-то в воскресенье 28 марта 1988 г. я пошел прогуляться по городу и случайно оказался в этом селении, а также музее, организованном там.

По выходным я часто совершал прогулки по Пхёнсону. 28 марта, выйдя из гостиницы, я направился в сторону железнодорожного вокзала. В этот день как раз проходили репетиции массовых представлений школьников и студентов по случаю предстоящего всенародного праздника — Дня рождения Великого Вождя товарища Ким Ирсена, 15 апреля. На центральной улице на обочинах проезжей части сидели школьники с бумажными цветами и плакатами в руках. Дойдя до вокзала, свернул направо и прошел до переезда через железную дорогу. Сразу после переезда начиналась дорога поразительного качества, необычайно ровная с асфальтовым покрытием. Для Северной Кореи это редкость. В чем дело? Решил дойти до конца.

По дороге встретилась группка учащихся, идущих строем, с лопатами в руках. Они где-то занимались уборкой территории. Когда они проходили мимо меня, до меня донеслись их реплики: «Смотри, вон идет иностранец, его зовут Сергей, он хорошо говорит по-корейски». Я же видел ребят впервые. Они, скорее всего, были из Пхенсонской школы иностранных языков. У меня были знакомые в этой школе,

и среди учеников, и среди учителей. Пару раз я был на территории школы. Они могли знать меня понаслышке или видеть издалека. Иностранец, тем более, по-корейски говорящий, в провинции личностность заметная.

Иду по дороге дальше, люблю пейзажем. Вдруг вижу, что хорошая дорога кончается, а вдалеке слева, между холмов — постройки, очень напоминающие музей. В Северной Корее все провинциальные музеи построены на «одно лицо». А еще у построек были молодожены, которые фотографировались. Не знаю откуда, но в последнее время в Корее появилась традиция фотографирования молодоженов у памятных мест. Наверняка здания вдалеке — что-то памятное, подумалось мне. Подошел ближе. Как раз у здания стоят люди. Представился. Корейцы удивились моему знанию языка. Сказали, что это — музей селения Самхва-ри (*Самхвари сачжоккван*). Один из стоявших — кореец лет 50, предложил мне пройти вместе в музей. Хотя вообще, судя по всему, музей не работал, он был пуст. Я ходил по залам и слушал рассказы моего экскурсовода. Этот музей основан в память о руководстве на месте, произведенном Великим Вождем в 1949 (?) году. Тогда же им была произнесена речь о значении учебы, напечатанная в 5-м томе Собрания сочинений Ким Ирсена. В музее представлены фотографии, имеющие отношение к событию, картины, образцы вещей, которыми пользовался в то время Вождь. Есть в музее и подлинные вещи Вождя. В то время вместе с отцом по стране ездил и его сын Ким Ченир; в музее есть чашечки, из которых он ел. Между прочим, Вождь был в деревне зимой, когда был снег. И он не отказался от удовольствия съехать с горы на лыжах, о чем тоже рассказывается в музее. Около здания музея стоят постройки, представляющие деревню тех лет: дом, где ночевал Ким Ирсен, дом и двор председателя правления кооператива, сельский клуб тех лет, где при свете карбидной лампы выступал Ким Ирсен... Все эти дома восстановлены заново. Кроме них в долине нет других домов. Это — музейная территория, а сама деревня перенесена в соседнюю долину.

Вот и окончена моя экскурсия. Мой провожатый спрашивает меня о работе, что делаю здесь в Корее, о Советском Союзе, о климате там.

На улице очень холодно, а он одет только в костюмчик, стоит, ежится на ветру. Пора прощаться. Кореец приглашает прийти в мае, когда будет тепло, будут цвести цветы. Тогда сразу станет понятным, откуда у селения такое название — «Трех цветов». Прощаемся, пожимаем друг другу руки. Ухожу обратно по ровной асфальтовой дороге.

Но ни в мае, ни в другое время прийти в Селение Трех Цветов мне уже не довелось.

11. О Художественном музее в Пхеньяне

Общее количество картин, которые находятся в Художественном музее Пхеньяна (*Мисуль Панмульгван*) — 12 тыс. Однако экспонируется в залах музея не более 1 тыс. картин. Экспозиция меняется один раз в год. Поэтому многие шедевры недоступны для посетителя. Музей не отапливается.

План Пхеньяна, который в 1984 году датировался XVII веком, теперь, в 1988 году, выставлен в другом зале и датируется XIX веком.

Большую часть музейных залов занимают картины, созданные после 1945 года.

12. Посещение кабинета зубного врача рядовой больницы г. Пхёнсона

Больница г. Пхёнсон находится недалеко от железнодорожного вокзала. Есть в ней стационар, есть и кабинеты специалистов, ведущих прием аналогично врачам поликлиники.

В центральном холле больницы висит картина с изображением Великого Вождя среди народа. Полы в больнице бетонные, отполированы («зажелезнены», как сказали бы строители). Стены побелены мелом. На стенах висят лозунги, что-то вроде «Улучшим качество медицинского обслуживания населения!» То тут, то там проходят люди в серовой в полоску больничной одежде.

На первом этаже больницы, где находятся стоматологические кабинеты, есть мужской и женский туалет. В мужском туалете есть писсуары современного дизайна, длинные, но кривоватые, видно, местного производства, кое-где отбиты края. По полу течет вода.

Всего в больнице три стоматологических кабинета: кабинет Заведующего отделением с письменными столами, телефоном, доской для письма мелом, экран соцсоревнования. Есть лечебный кабинет, перед дверью которого висит табличка: «лечение зубов» (*кугванъ чхи-рё*), а также зубопротезный кабинет. Перед кабинетами есть холл для ожидания. В нем стоят деревянные скамейки со спинками, выкрашенные синей масляной краской. На потолке металлическое основание люстры без колпака, туда ввернута простая лампочка. У выключателя приклеена бумажка с надписью: «экономия электроэнергии» (*чонги чоряк*).

Зайдем в лечебный кабинет. Стоит одна зубоврачебная машина чехословацкого производства. На машину надет чехол, на котором вы-

шито: «Оборудование-подарок», что значит, что машина была подарена больнице Великим Вождем (или его сыном; если подарок сделан сыном, часто это указывается особо). Машина производства начала 1970-х годов. Кроме машины в небольшом кабинетике есть стол у окна со стулом для медсестры, пара шкафов с лекарствами и приборами, кривое зеркало...

С гигиеной на нашем фоне туго. Вот пример. Врач удаляет мне зуб. Вдруг в его кабинете (он — Заведующий отделением) звонит телефон. Он уходит. Через некоторое время возвращается. Но перед тем, как продолжить операцию и, что называется, «лезть ко мне руками в рот», он свои руки не помыл. (Зуб было удалять тяжело. Можно списать эту оплошность на волнение. Но тем не менее...)

13. Подъем на Монумент идеям чучхе

Подъем на Монумент идеям чучхе (*Чучхе сасан тхан*) с подземного этажа, то есть по самому «низшему разряду», стоит 5 вон с человека. Кроме подземного этажа, башня имеет «лестничный этаж», то есть этаж, находящийся на уровне каменных лестниц, окружающих мону-мент снаружи, и еще 8 этажей. 1–7 этажи являются служебными, а 8-й этаж выводит на смотровую площадку, находящуюся под «факелом», венчающим Монумент.

14. Пролог⁸⁰. На пограничной станции Хасан

В один из последних дней октября 2000 г. вертолет МИ-8 доставил делегацию Министерства путей сообщения России во главе с заместителем министра А. В. Целько на школьный стадион, располагающийся недалеко от станции Хасан, последней перед границей с Северной Кореей. Увидев снижающееся с небес чудо (настоящий вертолет), местные дети, одетые весьма скромно, сбегались на стадион.

Делегация отправилась на вокзал и ушла куда-то по своим делам. Я был здесь как переводчик. Предполагалось проехать до северокорейской пограничной станции Туманган. Но это должно было случиться чуть позже. А пока я был свободен, и решил прогуляться по станции, поговорить с местными жителями о том, о сем. В самом конце пассажирской платформы некогда процветавшей станции был скромный

⁸⁰ «Пролог» к северокорейским дневниковым записям 2000 года.

обелиск белого цвета, установленный в честь советских воинов, погибших в боях с японскими агрессорами в 1938 году.

Вернулся в здание вокзала. В конце огромного главного зала наряду с русскими — корейские надписи, выполненные белой краской через графариет в стиле, наводящем на мысли о середине XX столетия: «Зал ожидания» (대기실), «Таможенный и пограничный контроль» (세관 및 통경 검사).

Никаких пассажиров в здании вокзала не было. Тогда я решил поговорить с женщинами-железнодорожницами, вышедшими на работу при полном параде по случаю приезда заместителя министра путей сообщения:

— Пограничный контроль у вас проходят прямо здесь, на станции?

— Ну да, корейцы ездят.

— А что, есть регулярное пассажирское сообщение с Кореей?

— Есть. Два раза в неделю, по вторникам и пятницам ходят поезда до станции Туманган. А там они пересаживаются на свои поезда. Еще ходят два прицепных вагона по маршруту Москва — Пхеньян.

— И много корейцев ездят?

— Много, особенно летом, на сезонные работы.

— А женщины есть?

— Ну как же, есть: женщины и дети. Это когда они с семьями едут.

— А какие они из себя, эти корейцы? — продолжал спрашивать я.

— Бедные. И такие безалаберные, как наши. Сидят тут на путях. Водку пьют. Мусорят.

— Да нет, они не все такие, — возразил я.

А потом стали говорить «за жизнь».

Вскоре пришли члены делегации Министерства путей сообщения. Все сели в спецвагон и поехали к границе, к реке Туманган. По дороге выяснилось, что через границу без визы корейцы пустят только тех, кто взял с собой удостоверение работника МПС. Таких оказалось только трое. По загранпаспорту с нашей *одноразовой* северокорейской визой ехать нельзя. Значит, не поеду сейчас и я. Поезд, состоявший из локомотива и одного вагона, дошел до моста через реку Туманган. Мост был закрыт на замок. Все вышли из вагона, чтобы посмотреть так называемый «Домик Ким Ирсена», который официально называется «Домом российско-корейской дружбы». В этом домике ненадолго останавливался на отдых Ким Ирсен, когда в 1984 году посещал СССР и страны Восточной Европы. Дом сложен из бревен. Имеет Т-образную форму в плане. Внутри здания, в одной из комнат есть шкаф с северокорейской пропагандистской ли-

тературой. Нам позволили взять пару номеров иллюстрированного журнала «Корея».

Затем трое из членов делегации сели в вагон и продолжили свой путь в Северную Корею. Остальных местная железнодорожная администрация, приехавшая сопровождать замминистра, повезла показывать место, где соединяются вместе границы трех государств: России, Китая и Северной Кореи.

На другой стороне реки Туманган одиноко, как-то мертвенно и безлюдно расположилась корейская деревушка с низенькими белыми одноэтажными домиками традиционного типа.

Дул холодный ноябрьский ветер.

Какая ты, Корейская Народно-Демократическая Республика?

4 ноября 2000 года

15. Гостиница «Янгакто»

Направляясь в Пхеньян, мы думали, что нас поселят в гостинице «Корё», расположенной в самом центре города. Но корейцы повезли нас в новую 47-этажную гостиницу «Янгакто», расположенную на одноименном острове посередине реки Тэдонган.

Гостиница построена неплохо. На самом последнем этаже — вращающийся вокруг своей оси бар, из которого открывается прекрасный вид на город. В дизайне холла гостиницы присутствует декор, основанный на мотивах традиционной корейской культуры: айсты, цветы магнолии. На стойке регистрации стоит компьютер, что было некоторой неожиданностью.

Селили нашу делегацию очень долго. Заместитель министра должен был жить на 26-м этаже в № 13. Но там было жутко холодно, и его переселили на 25-й этаж. Не менее долго готовили номера для остальных членов делегации. Как шутили наши «товарищи»: «долго, потому что жучки для прослушивания устанавливали». Лифты в гостинице иностранные, но надписи внутри все сделаны по-корейски. Всего шесть лифтов. Два из них движутся по внешнему краю здания, открывая чудесный вид на город.

На каждом этаже работает по две горничных: женщины лет 45–50. Они ходят в зеленой униформе. Есть еще какие-то симпатичные молодые девушки в розовых униформах. Похоже, заняты какой-то «подручной» работой. Но я их видел только однажды, и то мельком, в ночь нашего приезда. Для горничных отведены комнаты с номером «00».

Гостиничные номера выдержаны в аскетическом стиле: белые стены, темная мебель. Никаких картин на стенах нет. Есть совмещенная ТВ-видео двойка фирмы Фунаи (Funai). Работает единственный гостиничный видеоканал, по которому иногда показывают «новости». Управление освещением совмещенное: от выключателей и универсального пульта у кровати. В ванной есть все туалетные принадлежности, которые должны быть в гостинице класса от четырех звезд и выше. И они исправно заменяются по мере использования. Постель перестеливается каждый день. Причем создается такое впечатление, что за гостем внимательно наблюдают.

Так, во вторую ночь проживания я накрылся дополнительным одеялом, которое было в шкафу. И постель перестелили *вместе* с этим одеялом. Потом, на третью ночь, я также накрылся двумя одеялами. Но номер, наконец, прогрелся, и стало жарко. И я скинул второе одеяло в ноги. Несмотря на то, что утром я аккуратно застелил его *по всей* постели, вечером я с удивлением обнаружил, что постель перестелили уже *без* этого дополнительного одеяла.

В гостинице есть несколько ресторанов, но работают только три: европейский и китайский на первом этаже, и иногда, под заказ, открывают бар-рестроан на 47-м вращающемся. Китайский ресторан открыт потому, что в гостинице живут китайцы, работающие здесь. Они из Макао. Они уже построили на подземном этаже казино, и в настоящее время занимаются устройством зала дискотеки.

В гостиничных магазинах очень много китайских товаров: белый фарфор, набор из зубной пасты и щетки для ванной и т. п.

В первое утро мы завтракали в «Европейском ресторане» (서양식당). Меню шведского стола было довольно скудным: рисовая каша, корейская острая квашеная капуста *кимчи*, соевый творог, что-то мясное, кола (китайская), вода, кофе, жареный белый хлеб с обрезанными корочками. Потом мы стали выбирать утреннее меню, используя сервис предварительного заказа, после чего меню заметно улучшилось. Нас обслуживали официантки в форменной одежде: белая блузка, темно-синий жилет и юбка. Были и официанты-мужчины. Все очень приветливые.

Официант, обслуживавший нас вечером 3 ноября и утром 4 ноября, по манерам очень походил на южнокорейца: делано широко улыбался, кланялся и отвешивал шуточки-комплименты типа:

— Да... Увы... Сегодня я не смог обслужить вас качественно... А вы мне так понравились... Я завтра специально подам вам завтрак позже, чтобы вы опоздали на самолет. Тогда вам придется вернуться в гостиницу. И вы будете ужинать у нас. И вот тогда я вас обслужу так, как надо!

Меню для «европейских» блюд, написанное по-корейски, весьма любопытно, потому что в нем прослеживается совершенно необъяснимое для меня влияние русского языка. И это в 2000 году! Так, напротив английского слова bread, что значит «хлеб», по-корейски написано слово «хуреба» (후레바), что является искаженной транскрипцией русского слова «хлеб». В ресторанном меню от 3 ноября (меню напечатано на принтере, но цены пишущие от руки, красным карандашом) я обнаружил следующее блюдо: «сюничжелъ ичжы ккуру» (슈니첼 이즈 꾸루), что было корейской транскрипцией русского словосочетания «шницель из куры». Английского названия этого экзотического для Северной Кореи блюда я не запомнил... В тот день фотоаппарата под рукой у меня не было. Попросил официантов дать мне это меню на память. Но, конечно же, я так ничего и не получил. Так что читателю остается только верить мне на слово, или попытаться найти и опросить тех членов делегации МПС, которые находились со мной в Пхеньяне в первых числах ноября 2000 г.

Несмотря на то, что в «Западном ресторане» было утвержденное меню, нам позволяли заказывать то, чего в меню не было (но очень хотелось отведать), и корейцы всегда выполняли наши заказы, причем достаточно быстро.

Среди гостей отеля «Янгакто», которые питались вместе с нами, были японцы (японские корейцы), китайцы, два африканца и одна француженка.

В целом гостиница производила впечатление полупустой, если не совсем пустой. Больше всего были заняты номера на этажах с 4-го по 26-й. На них стоимость проживания дешевле. На этажах с 27-го по 46-й никто не жил, и там всегда был выключен свет.

Вообще со светом в гостинице, как и во всей стране, очень много проблем. Так, только за время моего дневного пребывания в гостинице (что случалось не часто) свет отключали, по меньшей мере, два раза. Даже останавливались лифты. Один раз лифты встали с частью нашей делегации. И наши соотечественники сильно растерялись, не зная, что делать и как выбраться из этого «железного мешка», подвешенного между небом и землей. Но, слава Богу, задержка не продлилась более нескольких минут.

В гостинице «Янгакто» есть даже свои швейцары. Обычно они стоят при входе. Но в дни заезда гостей могут появляться и у лифтов. Сразу следует отметить, что ни у одного из служащих гостиницы на форменной одежде нет значка с изображением Ким Ирсена.

Как я успел заметить, служащие гостиницы работают в ней теперь уже не только ради «партии и родины». Когда я покупал книги и видеокассеты в гостиничном киоске, мне была предоставлена скидка в четыре с половиной доллара с общей суммы покупки в семьдесят долларов. А когда я попросил у продавщицы — женщины лет пятидесяти пяти — выписать мне чек, то в ответ на мою просьбу она сказала:

— Вам все равно, какая дата будет обозначена в чеке?

— Почти. Важно, чтобы дни совпадали со временем моего пребывания в Корею.

— Хорошо.

Откуда-то снизу продавщица достала чек с подписью и печатью от 28 октября, стерла цифру «8» и переправила ее на «9». Какой это был чек? Что за «липовая» отчетность? Все это для меня так и осталось неясным.

В день накануне отъезда девушка, работавшая у стойки регистрации, помогала нам оформить документы, необходимые для командировочной отчетности. Выяснилось, что она сможет написать имена членов делегации по-русски, так как когда-то изучала русский язык.

Я решил отблагодарить девушку чаевыми. Положил под очередной лист бумаги, который она заполняла, купюру достоинством в пять долларов. На это девушка сказала:

— Так я не могу.

— Но чаевые дают во всех гостинцах мира. Это — норма. Это — естественно.

— Нет, я не могу, — повторила девушка и подвинула лист бумаги, с купюрой под ним, на 1–2 сантиметра в нашу сторону, сильно покраснев.

Мы, искренне выразив сожаление, уже стали разворачиваться, чтобы уходить, как девушка вдруг резко потянула лист с купюрой в свою сторону...

На следующий день, когда мы уезжали в аэропорт, эта девушка не только сказала на прощание добрые слова благопожеланий, но и искренне, от всей души, помахала нам вслед рукой.

4–5 ноября 2000 года

16. Мавзолей Ким Ирсена

Утром 31 октября 2000 года вся российская делегация должна была отправиться в мавзолей Ким Ирсена.

По-корейски его название дословно звучит как «Мемориал Кымсусан» (금수산 기념관). «Кымсуан» — это, с одной стороны, на-

звание местности — горы Кымсусан, а с другой — одно из старинных поэтических названий Кореи (чуть сокращенное) — «Кымсу гансан» (금수강산), что значит «Золотые воды, алмазные горы». Таким образом, в названии мемориального комплекса заключена идея «вскорейского» значения фигуры Ким Ирсена.

Однако для простоты изложения мы будем называть в наших очерках Мемориальный комплекс Кымсусан просто как «Мавзолей Ким Ирсена».

Мавзолей — это здание бывшей резиденции Ким Ирсена, переоборудованное под мемориал. Находится в северной части Пхеньяна, у правого берега реки Тэдонган. К нему ведут широкие скоростные автомагистрали. Недавно проложена и трамвайная линия, особая, узкоколейная, отличная от других трамвайных линий Пхеньяна. По ней ходят симпатичные «швейцарские» зеленые вагончики. Однако именно до резиденции народ на этих трамваях почти не ездит, а выходит где-то раньше.

Посетители в Мавзолей Ким Ирсена допускаются только организованными группами. И когда такое событие случается в жизни рядовых корейцев, то тогда их довозят на красивых импортных автобусах прямо до резиденции.

Итак, в 9 утра 31 октября наша делегация выехала из гостиницы «Янгакто» в Мавзолей Ким Ирсена. Незадолго до прибытия всем предложили снять верхнюю одежду и оставить ее в автобусе. На улице было очень холодно.

Надо сказать, что место высадки посетителей находится довольно далеко от самого Мавзолея, примерно на расстоянии километра — полутора. К нему ведет длинная галерея с ленточным эскалатором. Прежде, чем войти туда, нужно снять верхнюю одежду и вместе с сумками сдать ее в гардероб. Затем нужно пройти пункт автоматической очистки подошв обуви и пункт контроля безопасности, где, в том числе, человека просвечивают рентгеном. И лишь затем посетители допускаются на длинный ленточный эскалатор.

Возможно, в таком длительном движении по эскалатору есть особый смысл: прежде, чем попасть в здание Мавзолея, человек должен проникнуться идеей скорби и духом торжественности, прочувствовать величие момента предстоящей «встречи» с «вождем». Практически на всем пути к входу в Мавзолей стоят женщины-служанки в традиционном корейском платье темных тонов, сшитом из бархатной ткани.

Доехав до входа в Мавзолей, все поднимаются в огромный и пустой зал. В нем стоит величественная статуя Ким Ирсена белого цве-

та. Стена за статуей подсвечивается красным и синим светом. Звучит торжественная музыка. Все посетители должны подойти к статуе и совершить поклон. Не головой, а в пояс, на 60 градусов. Все это проделывает и российская делегация.

Затем из этого зала все переходят в так называемый «Зал плача» (울음의 홀). Здесь всем посетителям раздают электронные аудио-гиды марки «Сони» (Sony), которые направляют и комментируют продвижение по залу. Судя по отдельным элементам декора, можно предположить, что это тот самый зал, где раньше, при жизни «вождя», на одной из стен была изображена гора Пэктусан, на фоне которой Ким Ирсен часто фотографировался с иностранными гостями. Теперь на месте старой картины огромное изображение красного знамени, выполненное из камня, с портретом Ким Ирсена посередине. Все это напоминает церковный алтарь. На стенах слева и справа от «алтаря» — шесть бронзовых барельефов, изображающих «скорбь» корейцев — граждан КНДР: рабочих, крестьян, интеллигенции, солдат — а также жителей Южной Кореи и «всего прогрессивного человечества», и их «решимость» вести «дело революции» до победного конца.

Потом всех посетителей ведут в вытянутую часть «Зала плача» с колоннами. Указывают на пол, выложенный черным мрамором со светлыми вкраплениями. Это — символ «слез» корейского народа, проливаемых по поводу кончины вождя. Похоже, что пол сделан совсем недавно. Говорят, что ни кто иной, а именно великий полководец товарищ Ким Ченир повелел обустроить мемориальный комплекс так, как он предстает перед глазами посетителей.

У выхода из «Зала плача» у всех собирают электронные аудио-гиды и посетители движутся на огромную крутую мраморную лестницу, охраняемую с двух сторон офицерами Корейской Народной Армии. Поднявшись наверх, проходят через специальные дезинфицирующие камеры. И лишь затем можно попасть в огромный зал, находящийся в самой высшей точке мемориального комплекса (или бывшей резиденции) Ким Ирсена. В зале полумрак. Потолок подсвечен неярким густым красным светом. Со всех сторон звучит траурная торжественная музыка. Посередине зала стоит постамент, на котором в стеклянном саркофаге покоится тело Ким Ирсена. «Вождь» лежит в костюме. Покрит красным полотнищем. Саркофаг с четырех сторон огорожен лентами на невысоких опорах. Вдоль ограждения группами по 4–5 человек корейцы обходят саркофаг.

Сначала они в колонне по одному подходят к месту начала обхода. Там стоит офицер КНА и регулирует движение, формируя группы

по 4–5 человек. Группа сначала становится напротив передней части саркофага, перед ногами вождя, и одновременно отвешивает поясный поклон. Затем справа от вождя — поклон, позади вождя — поклон, слева от вождя — поклон. Кто-то из сопровождающих группу иностранцев говорит, обращаясь к другому корейцу-сопровождающему: «Позади тела кланяться не нужно». И мы обходим голову Ким Ирсена без поклона, совершая поклоны в остальных указанных местах. Хотя остальные корейцы совершают поклон со всех четырех сторон. Далее медленно выходим из зала.

После зала с саркофагом расположен музей наград и дипломов Ким Ирсена. Все посетители должны медленно обойти его и внимательно ознакомиться со всеми орденами, медалями и дипломами, полученными Ким Ирсеном при жизни. Позади зала наград находится огромное пустое помещение, в части которого, за переносными ширмами на ножках, устроено место для отдыха и находится книга записей для почетных гостей. Глава нашей делегации оставляет запись, которая тут же переводится на корейский язык штатным (при мемориальном комплексе) переводчиком.

Быстро спускаемся по лестницам и выходим не в галерею с горизонтальными эскалаторами, по которой возвращаются обычные посетители, а прямо на площадь перед мемориальным комплексом. Там уже ждут два государственных мерседеса темно-вишневого цвета и микроавтобус «Тойота» с правым рулем: автомобильный кортеж нашей делегации. Кто-то из корейских сопровождающих уже сбегал в камеру хранения перед эскалаторной галереей и принес мою кожаную сумочку, которую у меня отобрали на спецконтроле. Мы едем на край площади, где расположено место для фотографирования членов почетных делегаций на фоне мемориала. Делаем снимки. И через центральные ворота выезжаем ...

...Когда глава нашей делегации на два дня раньше остальных ее членов должен был покинуть КНДР и рано утром 2 ноября направлялся в сторону пхеньянского аэропорта Сунан, ответственный товарищ с корейской стороны, сопровождавший главу делегации, попросил водителя отправиться не прямо в аэропорт, а сделать небольшой крюк, чтобы еще раз проехать мимо мемориального комплекса Кымсусан...

Записано 10–13 ноября 2000 года

17. Посещение электровозного и тепловозного депо Пхеньянской железной дороги

Во второй половине дня 31 октября представители корейского Министерства железных дорог (МЖД), поддавшись многочисленным просьбам членов нашей делегации, все-таки согласились свозить нас в местное электровозное и тепловозное депо.

Обычно я всегда ездил на первом сиденье в мерседесе главы делегации. Сегодня по непонятным для меня причинам корейцы попросили меня, чтобы в автомобиле главы российской делегации поехал корейский переводчик. А я отправился в депо с рядовыми членами делегации в старом автобусе «Тойота». Дорога шла мимо реки Потхонган, мимо стелы в память о началах работ по реконструкции русла реки и связанным с этим «руководством на месте» Ким Ирсена. Потом мы свернули на какие-то «задворки» Пхеньяна с очень неровной дорогой, низкими жилыми строениями традиционного типа, обнесенными стеной. По дороге вереницей шли люди в темной одежде цвета хаки или темно-синего цвета военного покроя. В том месте, где их зрительно было более всего, оказался местный открытый рынок. Достаточно большой. В длину метров 80–100, в ширину раза в два меньше. На территории рынка, прямо на земле, стояли низенькие металлические прилавки с крышами, у которых довольно плотной толпой толкались люди — продавцы и покупатели. Внезапно автобус свернул вправо и мы въехали за забор на ухоженную территорию электровозного депо.

Среди газонов и декоративных деревьев стояла огромная стена с текстом, повествующем о «руководстве на месте», которое Ким Ирсен провел здесь, кажется, в 1955 году. Об этом всей российской делегации рассказывала женщина-гид в железнодорожной форме.

Выслушав все, что полагается в плане «идеологической подготовки», мы отправились к зданию депо. Около него на ближайших к нам путях стоял специально приготовленный для осмотра электровоз местного производства, на котором тоже в свое время побывал Ким Ирсен. Об этом свидетельствовала памятная табличка, прикрепленная на борту.

Специалисты пошли осматривать внутренности машины; некоторые обозревали железнодорожные пути. Затем мы прошли в само здание депо — огромное сооружение из железобетона, никак не освещаемое внутри. В небольшом помещении при входе, отделенном от коридора стеклянной перегородкой, находилось штук 20 разного рода почетных знамен, очевидно, завоеванных коллективом депо во всевозможных социалистических соревнованиях. ...

Записано 11–13 ноября 2000 года

ГЛАВА 11. ПХЕНЬЯН. ВПЕЧАТЛЕНИЯ

1. По ночным улицам Пхеньяна

Вместе с заместителем министра путей сообщения на старом «Мерседесе» едем из аэропорта в гостиницу. Перевожу ему время от времени. Поэтому сижу на переднем сидении полубоком. Первое впечатление от окружающего мира: темно. И совсем не видно людей. Доехали до контрольно-пропускного пункта на границе с Пхеньяном. Наш сопровождающий показал военным какой-то пропуск. Сказал, что будет еще одна машина и автобус: чтобы пропустили.

Едем по широким зеленым улицам. Темно. Мы в городе или все еще за городом? Такой же вопрос возникает и у заместителя министра. Все погружено в темноту и не видно домов за деревьями. Только отдельно стоящие монументы в честь Ким Ирсена⁸¹, как оазисы в пустыне, выхватчены светом из кромешной тьмы.

4 ноября 2000 года

2. Прогулка по Пхеньяну, или Размышления о Северной Корее

Благодаря удачному для меня стечению обстоятельств во второй половине дня 2 ноября я наконец-то смог вырваться из гостиницы «Янтакто» в город. Гостиница расположена на одноименном острове, разделяющем реку Тэдонган на два рукава. Поэтому для того, чтобы попасть на правый берег, в центральную часть города, мне нужно было пройти до моста, соединяющего остров с остальной частью Пхеньяна.

Из гостиницы решил пойти кратчайшим путем по дороге, которая проходила мимо строения непонятного назначения. Днем оттуда выходили рабочие, трудившиеся на благоустройстве пригостиничной территории. Дошел до контрольно-пропускного пункта с будкой и подвижным тросом, натянутым поперек дороги. Трос перекрывал движение только автомобилям, а люди, казалось, могли свободно ходить в нужном им направлении.

Только я решил продолжить свой путь, обойдя заграждение, как вдруг ко мне подошел мужчина лет 50–60 в рабочей одежде цвета хаки и в кепке такого же цвета и обратился по-корейски:

⁸¹ Имеются в виду так называемые «стелы вечной жизни», на которых написано: «Великий вождь товарищ Ким Ирсен вечно с нами».

— Идите вон туда, через главный выход.

— Почему? — спросил я.

— Идите через главный выход.

Пришлось подчиниться. Я пересек еще не использовавшуюся тогда площадку для гольфа и вышел на главную дорогу. Дальше, уже безо всяких проблем, выбрался на мост через реку Тэдонган.

На мосту было множество пешеходов, которые шли по своим делам и не обращали на меня никакого внимания. По крайней мере, они не проявляли его внешне. У перил моста стояла пожилая женщина с большим мешком, в котором находилась корейская редька. Перед женщиной остановилась молодая пара и стала что-то обсуждать с ней. Похоже, цену, за которую пожилая женщина продавала свой товар.

Потом я обратил внимание на группу школьниц старших классов, шедших мне навстречу. Они были в синих кофтах и синих брюках. На шее повязаны пионерские галстуки. Их школьная форма почему-то напомнила мне военную. Одна из девочек держала в руке какое-то лакомство и с удовольствием ела его на ходу. То, что ела девочка, представляло собой нечто длинное и белое на деревянной палочке, что-то похожее на мороженое или сладкую вату. Я не сумел все это разглядеть более подробно, потому что шел очень быстро и не мог позволить себе слишком пристально вглядываться в прохожих.

Пройдя по мосту еще немного, я увидел сидящую на корточках пожилую женщину со старым рюкзаком цвета хаки. Чуть приоткрыв клапан рюкзака, она подавала еще одну «палочку мороженого» другой девочке, сидевшей перед ней на корточках. «Бабушка» подавала это «мороженое» с какой-то опаской, то и дело поглядывая по сторонам. «Нелегальная торговля», — подумал я и продолжил свой путь по мосту.

Хождение по длинному мосту с узкими тротуарами располагает, насколько это возможно, к наблюдению прохожих. Попадавшиеся мне на пути мужчины в своем большинстве были более низкого роста, чем в Южной Коре, однако выглядели физически более крепкими. В их одежде преобладали защитный зеленый и темно-синий цвета. Иногда были заметны мужчины в куртках с молниями и брюках, пошитых в стиле, который предпочитает Ким Ченир. У некоторых из таких мужчин даже прически были похожи на прическу Ким Ченира.

В женских костюмах было заметно большее разнообразие, продиктованное желанием одеваться красиво. Некоторые из проходивших

мимо женщин были одеты в плащи или полупальто «модного» покроя, а в волосах у них были яркие по цвету и стилю заколки.

Вскоре я наконец-то достиг правого берега Тэдонгана, у которого были построены многоэтажные дома. Как я узнал позднее, эти дома были ведомственными и принадлежали Министерству железных дорог КНДР. Обратил внимание на то, что на втором этаже одного из зданий балкон был наглухо закрыт металлической решеткой, покрашенной в белый цвет. «Вот, уже и воруют», — подумал я.

Покинув мост, я направился в сторону Пхеньянского вокзала. К вокзалу вела широкая улица, по обеим сторонам которой были посажены платаны. Прохожие почти не обращали на меня внимания. Даже тогда, когда я останавливался посередине тротуара, чтобы сделать фотографию. Я подумал, что, наверное, это происходит потому, что вскоре ожидается визит Билла Клинтона (который так и не состоялся). Поэтому, может быть, корейцы думают, что я — американец и особо не пристают ко мне с лишними вопросами, чтобы не вступать в конфликт. В то время в Пхеньяне проживала американская делегация, занимавшаяся вопросами подготовки визита президента США в КНДР.

Дойдя до площади у Пхеньянского вокзала, решил зайти в магазин сувениров, явно не предназначенный для иностранных гостей. В нем продавались открытки, статуэтки. Статуэтки привлекли мое особое внимание. Одна из них представляла собой корейскую фею, по преданиям живущую в горах Кымгансан. Вторая — танцующую девушку-военнослужащего. Кроме того, в магазине в большом ассортименте была представлена художественная вышивка и картины. Посетители — рядовые корейцы, большей частью молодые люди — смотрели на все эти товары с явным интересом.

Я попросил продавщицу, женщину лет 50, сделать мою фотографию на фоне прилавка. Продавщица немного застеснялась, но все же взяла мой фотоаппарат и спросила, куда нажимать. Я встал у прилавка, за которым на полках была выставлена корейская керамика и картины. Посетители быстро покинули ту часть магазина, где я расположился для фотографирования. Очевидно для того, чтобы не попасть в кадр. И я остался в одиночестве. После того, как продавщица сфотографировала меня, она протянула мне фотоаппарат, держа его двумя руками, как полагается по старому корейскому этикету.

Завершив съемку, стал присматриваться к ценам. Они были достаточно высокими по тогдашнему уровню зарплат. Набор открыток сто-

ил 20 вон, статуэтки около 50, а картины в пределах 120–220 вон. И это при официальной зарплате в 120–200 вон⁸².

Завершив осмотр магазина, вышел на площадь. Недалеко от магазина сувениров был установлен фотостенд, рассказывавший о событиях, связанных с процессом объединения Кореи. На нем были фотографии, представлявшие последнюю встречу членов разделенных семей, то есть таких, часть родственников которых проживает в Северной, а часть — в Южной Корее. Некоторые из прохожих останавливались и внимательно рассматривали фотографии.

Недалеко от стенда я обнаружил четыре телефона-автомата, повешенные в красных телефонных будках. Кнопочные телефоны-автоматы по виду напоминали те, из которых в Москве звонят по жетонам. Перед каждым из автоматов стояла очередь в 3–4 человека. Метрах в 10 от них, у жилого здания, я заметил маленькую деревянную будку, в которой, по моим предположениям, эти жетоны и продавались. В этот мой приезд в Пхеньян телефоны-автоматы, как особое проявление свободы информации, как-то особенно бросились в глаза. Раньше, лет 10 тому назад, таких телефонов не было⁸³.

От привокзальной площади по улице Ив (Подынаму кори) пошел в сторону гостиницы «Пхеньян», построенной в 1950-е годы. Раньше это была одна из лучших гостиниц.

Пока шел к гостинице, внимательно смотрел по сторонам. Прежде всего, обратил внимание на то, что по середине улицы были проложены трамвайные пути, которых лет 10–15 тому назад еще не было. Трамваи чешского производства, по два вагона в составе. И в самих трамваях, и на трамвайных остановках очень много людей.

Очень удивился, обнаружив на улицах Пхеньяна ярко-красные двухэтажные рейсовые автобусы. Подумал, что не видно автобусов и троллейбусов своего, северокорейского производства. Их было очень много в 1980-е годы. Наверное, они сломались, а отремонтировать нечем (или незачем).

На улице Ив много пешеходов. Много велосипедистов, в частности и на «грузовых» трехколесных велосипедах. И это тоже новое «либеральное» новшество Пхеньяна. Велосипедисты и трехколесные грузовые велосипеды были в Северной Корее и раньше, но только в про-

⁸² В настоящее время цены в Северной Корее отпущены, в результате чего наблюдается резкая инфляция.

⁸³ Те, кто посещал Пхеньян осенью 2003 года, говорят о заметном количестве пхеньянских прохожих, пользующихся сотовыми телефонами.

винции. В более передовом столичном городе граждане ездили на общественном транспорте. А нынче и бензина не хватает, и электроэнергии очень мало. К тому же старый автобусный и троллейбусный парк поизносился. Вот и ездят по Пхеньяну на велосипедах.

Пройдя примерно половину улицы, обнаружил интересный промтоварный магазин, который почему-то назывался «Магазин строительных материалов». Наверное, вывеску просто не успели сменить. В нем было много посетителей и много самых разнообразных товаров массового потребления. Решил зайти. Корейские покупатели не обратили на меня ни малейшего внимания. (А еще говорят, что в Пхеньяне какое-то «особое» отношение к иностранцам!) Стал более внимательно рассматривать, что же здесь продают. Товары были в основном импортного производства и стоили просто баснословных по тем временам денег. Черные женские туфли — около 900 вон, мужской пиджак — 1500–2200 вон, плащ — 2500 вон, пальто — 3500 вон, сковорода тефлоновая — 1050 вон... Явно, что к 2000 году, по крайней мере у жителей Пхеньяна, была возможность жить не только на зарплату, а зарабатывать деньги как-то иначе, с использованием механизмов рынка. Иными словами, то, что я увидел на улице Ив, доказывало то, что я знал из новостей: КНДР давно уже не живет в «социализме», где все получают по карточкам, а постепенно переходит на путь рыночной экономики. Только почему-то в мире об этом не знают или не хотят знать. Почему?

Из всех тех магазинов, что я видел в Пхеньяне осенью 2000 года, в этом было больше всего посетителей. Какая-то женщина-покупатель громко произнесла: «Как же, 1500 вон!»

Посмотрев на товары и покупателей, я вышел из магазина, встал напротив и приготовился сделать его фотографию. Какой-то мужчина средних лет, похоже, покупатель, увидел, как я готовлюсь сделать снимок, посмотрел на меня, но ничего не сказал.

Итак, я продолжил свой путь по улице Ив дальше. Тротуары были усыпаны опавшими желтыми листьями дерева гинкго и как-то по особенному золотились в лучах закатного солнца. Глядя на это золото корейской природы, я шел и думал: «Скоро конец всему этому уравнительному социализму “классического” типа. Прежде государство жестко контролировало цены. В Северной Корее и раньше, в течение многих десятилетий, существовали валютные магазины для своих граждан, не для иностранцев. Но в обычных, невалютных магазинах цены всегда и везде были одинаковыми. А подобный тому, что я только что обнаружил, отпуск цен означает открытое признание неравенства, признание того, что деньги можно зарабатывать как-то иначе,

а не только на государственных предприятиях. Причем зарабатывать огромные деньги! Такие магазины разжигают в людях желание приобрести товары. Желание иметь деньги, зарабатывать. И все это рано или поздно подорвет уравнилительный социализм».

Чуть подальше за удивительным промтоварным магазином увидел еще одно удивительное (для Северной Кореи) заведение. Перед ним ровненько стояло множество велосипедов, а на вывеске значилось «Магазин Пхеньянского пивоваренного завода». Правда, это был не магазин, а пивная. В ней было множество высоких столов-стоек, за которыми тесными группками стояли корейцы всех возрастов и потихоньку попивали разливное пиво, обсуждая дела насущные.

Но вот и конец улице Ив. По подземному переходу вышел на противоположную сторону площади, к гостинице «Пхеньян». Перед нею стояло много старых импортных автомобилей. Не меньше было число входящих и выходящих из гостиницы корейских «руководящих кадров». Похоже, в этой гостинице, выстроенной в «японско-сталинском» стиле, проживали в основном сами корейцы.

Я вошел внутрь и сразу отправился на второй этаж, где, по крайней мере раньше, находился книжный магазин. Поднявшись, я обнаружил магазин на старом месте. Однако продавщицы не было, и я попросил проходивших мимо работников гостиницы позвать ее.

Через некоторое время продавщица подошла. Это была женщина лет 50, в больших очках, коротко подстриженная. На ней был серо-бежевый короткий плащ. Внешне она было мало похожа на типичных северных кореянок, скорее на японку или южнокорейскую женщину. Возможно, все дело было в косметике и особом, будто сверлящем взгляде.

Я подошел к прилавку и стал спрашивать о книгах, которые меня интересовали. Она же предложила мне присесть и поговорить. О разном. Кстати, по моему лицу, по интонации, а также по тому, что я *спросил о цене*, она сразу определила, что я приехал из России. Беседовали мы с нею на весьма актуальные темы, такие, как современное положение России и Кореи. Вдруг моя собеседница назвала Корею ежом, который непонятно почему выставил на весь мир острые иглы. Я поспешил добавить, что у ежа доброе сердце.

Однако в интонации продавщицы я не ощущал доброжелательности к себе. Скорее какое-то непонятное раздражение. Вдруг ни с того ни с сего она стала говорить о своей личной жизни, о своем детстве. О том, что родилась в Москве, до 8 лет жила в СССР, ходила в московский детский сад и свободно говорила по-русски... А затем вдруг довольно резко сказала:

— Ну все, уходи!

— Почему? Ведь я пришел купить книги.

— Уходи. В следующий раз купишь.

— Ну я хоть посмотрю. Вдруг книгу подходящую найду. И куплю ее.

— Уходи. Книги нужно покупать в большом книжном магазине.

Уходи. Мне домой пора.

Внутри меня все закипело. «Ну и хамство, — подумал я, — как в третьесортных лавочках. За что на меня так ополчились?» И тогда я, пересилив себя, улынулся и сказал:

— Давайте сфотографируемся на память.

— Вы победили. Хорошо. Сфотографируемся. Товарищ! — обратилась продавщица к проходившему мимо корейцу, — сделайте фотографию!

Когда нас сфотографировали, продавщица сказала:

— Пришлите мне фотографию.

— Куда? Кому? — спросил я.

— Пришлите. Не важно, дойдет или не дойдет. Все равно пришлите.

— А как же адрес?

— Пхеньян, гостиница «Пхеньян». (Назвала свое имя). А теперь уходите. Быстрее! Идите в свою гостиницу «Янгакто»! Я прослежу, как вы пойдете. Мне здесь все хорошо видно со второго этажа.

Я направился к лестнице, а продавщица пошла вслед проводить и сказала:

— Не должна я провожать посетителей до лестницы. Ну да ладно. До свидания!

— До свидания, — ответил я и с очень неприятным ощущением того, будто бы меня крепко обругали, вышел из гостиницы «Пхеньян». Рядом шла набережная реки Тэдонган и я направился по ней до моста, ведущего на остров Янгакто.

Вообще книги в Северной Корее стали довольно дорогими. Средняя цена хорошей по содержанию книги — 5–10 американских долларов. При этом следует помнить о том, что книги в большинстве своем печатаются на желтоватой бумаге не слишком высокого качества. (Хотя лично мне эта бумага, имеющая специфический *восточный* корейский аромат, нравится больше, чем современная «безликая» бумага ярко-белого цвета.) Однако в КНДР печатаются книги и достаточно высокого полиграфического качества. Книги продаются в основном в гостиницах. Наверное, потому, что печать очень дорога, а продажа на внутреннем рынке не окупает расходов. Конечно же, в Пхеньяне есть книжные магазины и для граждан своей страны. Раньше иногда я заходил в них. Но в этот мой

приезд в Северную Корею *корейских* книжных магазинов обнаружить не удалось: просто времени не было. В гостиницах цены на книги везде одинаковые. Похоже, существует особая книготорговая фирма, занимающаяся продажей корейских книг в гостиницах. Продащица книжного магазина в гостинице «Янгакто» сказала мне, что в гостинице «Пхеньян» находится «их филиал». Цены на продаваемых книгах никогда не указываются. Теперь их надо спрашивать у продавца. Причем любопытно отметить, что теперь в Пхеньяне можно торговаться. Если вы покупаете много книг (на сумму от 50–100 американских долларов и выше), то можете просить, чтобы вам предоставили скидку...

Итак, я шел вдоль правого берега реки Тэдонган. У меня еще было немного времени и не хотелось торопиться с возвращением в гостиницу. Поэтому я решил углубиться в жилые кварталы, располагавшиеся справа от меня, посмотреть, как живут нынче корейцы.

Уже смеркалось. Навстречу мне шли школьники, возвращавшиеся домой. Увидев меня, стали громко говорить: «Иностранец! Иностранец!» Прошли мимо. Другие школьники, поодаль от меня, жгли сухие листья, собранные в кучи. В воздухе стоял аромат поздней дальневосточной осени.

Большая дорога, по которой я шел, внезапно закончилась тупиком, оставив лишь узкий проход между цементной стеной школьного двора и стеной, ограждавшей территорию у многоэтажного жилого дома.

Не снижая темпа ходьбы, уверенными шагами, я решил пойти туда, куда шло большинство корейцев. Попал во двор другого многоэтажного дома, состоявшего из трех корпусов, которые, примыкая друг к другу, как бы образовывали букву «п». В глубине двора я обратил внимание на три грузовые машины с корейской капустой, редькой и рисом. Около них стояли группки жильцов дома, ожидавшие своей очереди на получение продуктов.

Дело в том, что осенью в Корею, и в Северной и в Южной, принято заготавливать на зиму острую капусту *кимчи* и острую редьку. Поэтому овощи в большом количестве, «с машин», покупают не только в Северной Корею, но и в Южной.

Во дворе дома была построена детская площадка, довольно убогая в плане технического исполнения, но богатая по набору предметов. Кроме того, во дворе было припарковано около 15–20 легковых автомобилей. Трудно сказать, были ли они частными или же просто кто-то из жильцов дома работал на них в качестве водителя. Однако впечатление было такое, что находишься в обычном отечественном дворе спального района.

Покинув двор, я снова попал на набережную реки Тэдонган. Повернул направо и зашагал в сторону гостиницы «Янгакто». Вдруг позади себя услышал мальчишеский голос, громко произнесший «Hello!» Не оборачиваясь, поднял руку в знак приветствия. И дальше, пока я шел мимо зданий Промышленного университета им. Ким Чонгхэ, такой обмен приветствиями повторился несколько раз. Наконец, когда я добрался до ближайшего перекрестка, услышал «Good bye!» Мальчик свернул на боковую улицу. «Надо же, — подумал я, — дети обращаются на улице к иностранцам по-английски, совсем как в Южной Корее».

Дальше мой путь до моста у острова Янгакто прошел безо всяких приключений. Обошел вокруг квартал жилых домов, принадлежащих Министерству железных дорог КНДР. Было темно. Ни уличного освещения, ни света в домах: в квартале была полностью отключена электроэнергия. Лишь в окнах отдельных квартирок светились то ли свечи, то ли фонарики, работающие от аккумуляторных батарей. Многие жильцы, выйдя из своих темных квартир, сидели на траве перед домами и вели неспешные беседы.

Мост через Тэдонган был также неосвещен. Поэтому никто не видел, что по мосту иду я, иностранец. Однако же и я плохо видел идущих мне навстречу корейцев. Фары автомобилей, разрезавших крошечную тьму, до боли слепили глаза.

В гостиницу «Янгакто» я вернулся, весь продрогший от холода. После теплого дневного солнца к ночи температура в городе резко опустилась.

* * *

И почему всегда, когда говорят о Северной Корее, вспоминают только ракеты? Ведь и в этой стране живут *люди*.

2–4 ноября 2000 года

ГЛАВА 12. АРМИЯ И СИСТЕМА ОХРАНЫ

1. Охрана на Сунчхонском виналоновом комбинате (1)

С февраля 1988 года у цеха разделения воздуха стоит охранник. Как правило, это — девушка в военной форме с автоматом. На форме погон нет. Время от времени приходит смена и заменяет стоящую на посту девушку. Около цеха есть две специальные будки, сделанные из дерева: три стены с ромбовидными прорезями на уровне головы,

крыша. Размеры будки таковы, что в ней можно только стоять. Но девушки часто уходят оттуда. И вообще во время дежурства часто занимаются болтовней с находящимися рядом парнями.

Иногда внутри цеха появлялись парни в гражданской одежде с нарукавной повязкой, на которой было написано «охранник». Они слонялись между рабочими и вообще не знали, как убить время. Когда я спрашивал у них, что они делают в цеху, мне отвечали:

— Охраняем.

— От кого? — спрашивал я.

— От шпионов и диверсантов. (Предполагается — шпионов из Южной Кореи.)

Территория виналонового объединения находится на левом берегу реки Тэдонган. Город Сунчхон и завод связывает между собой ряд мостов. Один из них, постройки 1950-х годов, находящийся в центре города недалеко от завода удобрений, тоже охраняется. Но не «добровольными» охранниками, как было описано выше, а уже кадровыми военными. Сначала, зимой 1988 года, было вообще трудно понять, для чего охрана поставлена, так как и люди, и машины свободно и беспрепятственно ездили по мосту, а охрана лениво посматривала на них. Ситуация изменилась к лету 1988, когда мост был закрыт для грузового движения. Охранники «фильтровали» автомобили, чему очень помогало наличие шлагбаума, приподнятого ровно настолько, чтобы под ним мог проехать только легковой автомобиль.

2. Охрана на Сунчхонском виналоновом комбинате (2).

Смена караула

Выше я уже писал кое-что о «добровольных охранниках», стоящих на посту у цехов Сунчхонского виналонового комбината. Стоят на посту они посменно...

Как-то раз мне довелось наблюдать смену караула. Вижу, идет к нашему цеху колонна из четырех девушек в зеленой форме без погон, с автоматами. Подходят к будке, где должен стоять караульный. Надо меняться. И вдруг девочки видят, что я, иностранец, смотрю на них. Делать нечего, придется меняться по уставу, а не в упрощенном «дружеском» варианте. Ржут. Спотыкаются и опять ржут. Со смехом одна из них идет к будке строевым шагом. Смеются и смущаются.

Какой-то внутренний голос сказал мне: «Отвернись, не мучай девочек». Я отвернулся. Секунд через 30 снова посмотрел в сторону будки. Вижу: от будки в сторону цеха, туда, где тень (а на улице стоя-

ла страшная жара) направляется только что заступившая на пост девочка вместе со своей подружкой в такой же зеленой форме и о чем-то оживленно болтает.

Примечание. Караульный держит патроны не в особой сумке, как у нас, а в кармане брюк и передает горсть патронов каждому новому караульному.

3. Работники органов безопасности на стройке

На стройплощадке Цеха разделения воздуха постоянно присутствуют работники служб безопасности, в том числе и офицеры в военной форме. Особенно часто они появляются там, где происходят какие-либо срывы, аварии. Например, после того, как в нашем цехе корейцы самостоятельно произвели пуск компрессора № 5, еще не сданного в эксплуатацию, в результате чего сторели подшипники (в них не было масла), в помещении Комплексного распределительного устройства часто стали бывать эти люди и проводить беседы с теми, кто был на рабочем месте в момент «незаконного» пуска.

4. Учения по гражданской обороне

Учения по гражданской обороне проходят в Северной Корее достаточно регулярно. Во время этих учений выключается всякое освещение улиц в городах и поселках, окна домов затемняются, автомобили убавляют свет фар. А на шоссе выставляются специальные посты, ведущие проверку автомобилей.

Последнее такое учение 1987 года было проведено в октябре, а первое учение 1988 года состоялось 14 марта.

5. Встреча с солдатами в окрестностях Цеха разделения воздуха

26 марта 1988 года во время обеденного перерыва, как всегда, вышел погулять в сторону реки Чансонган, которая впадает в реку Тэдонган. Перешел на другую сторону речки по железнодорожному мосту, еще недостроенному. Чуть подальше строят еще один мост. Но сейчас время обеденного перерыва, и уставшие рабочие спят на солнышке у подножия холма. Иду дальше. Вдруг вижу на склоне следующего холма группку солдат. Подхожу, заговариваю. Они поддерживают разговор. В руках одного из них вижу книгу: Ким Ирсен, «О воору-

женных силах» (название дано примерно, смысл точный). Этот парень читал книгу в то время, когда я подошел. И это в обеденный перерыв, когда все гражданские спокойно спят!

Здесь, на вершине холма, находится казарма, а сами солдаты работают на строительстве карбидного цеха. Спрашивали меня о силе и мощи нашего оружия, о техническом прогрессе в Советском Союзе.

Кончалось время обеденного перерыва, я попрощался со своими собеседниками. Солдаты сказали мне, что если у меня еще будет свободное время, они будут рады поговорить со мной. Сказали: «Приходите еще!»

Но я уже больше не встречался с ними, потому что казармы этих солдат находились слишком далеко от нашего цеха.

6. Об армии *(Из беседы с Он N)*

Как правило, в Северной Корее в армию идут служить в 16 лет. С 16 до 19–20 лет учатся. Потом уже начинается «нормальная» служба. Те солдаты, которые проходят службу на строительстве народно-хозяйственных объектов, служат, собственно говоря, не по-настоящему. А вот у демаркационной линии — это действительно служба.

Однако учащиеся высших учебных заведений не служат в армии, а только проходят полугодовые военные сборы.

7. О школе и женщинах в армии *(Из бесед с Чха N⁸⁴)*

После окончания начальной («народной», 4 класса) школы сдают экзамены, а потом ученики распределяются по средним школам. В Северной Корее средние школы для мальчиков и девочек существуют отдельно. Раньше были и общие школы, в качестве эксперимента, но эксперимент не удался. Хотя спецшколы для особо одаренных, или спецшколы иностранных языков остаются общими.

В Корее в армии служат не только мужчины, но и женщины. Как они отбираются в армию? В среднюю школу приходят офицеры. Главные критерии отбора — физические данные: рост, телосложение, отсутствие болезней. В классе в среднем 30–40 человек. Из них от-

⁸⁴ Чха N — девушка лет 22, работающая лаборантом в Отделе документации иностранного отдела треста «Химстрой» № 32.

бирают по одной — две девочки. Есть такие, которые хотят служить в армии, а есть такие, которые не хотят. Служат женщины в армии, в среднем, до 23 лет.

8. Экспорт оружия

Как-то раз сижу я вместе с корейцами за столом в Цехе разделения воздуха. Кто-то принес на стройку и передал корейцам журнал «Новое время» на русском языке. Корейцы не понимают содержания, но с интересом разглядывают фотографии. Вдруг на одной из страниц возникает фотография Сальвадора Альенде. Сидящий рядом со мной кореец, Пак Донсок, увидев на фотографии мужчину с автоматом, восклицает: «Корейский автомат!» Я спрашиваю: «А может это — советский?» «Нет, — отвечает Пак, — Я точно знаю, что это корейский, советских таких не бывает». Спрашиваю: «Разве Корея экспортирует оружие?» — «Немножко, по просьбе...» — «А куда?» — Ответа на этот мой вопрос не последовало.

ГЛАВА 13. ОБЪЕДИНЕНИЕ КОРЕИ

Взгляд из Северной Кореи

На сайте газеты корейцев, проживающих в Японии и ориентированных на КНДР (www.korea-pr.co.jp), есть любопытный раздел, озаглавленный как «видеоинформация». В нем собраны несколько интервью, сделанных в Кэсоне в марте 2003 г.

Есть интервью «потомка» основателя государства Корё, короля Ван Гона. Он сказал, что благодаря указанию «Великого полководца» где-то нашли его родословную (*чокпо*), в которой и обозначено, что интервьюируемый и есть дальний потомок великого короля. Вообще 2003 г. оказался необычным. В этом году впервые за всю историю КНДР праздновали лунный новый год, праздновали широко, как полагается по всем правилам. И, похоже, герой интервью был доволен изменениями.

Было интервью с директором Кэсонской фабрики пошива одежды. Говорит, что на фабрике шьют костюмы на экспорт в Японию. Хотя чем торговать с Японией — уж лучше с более близкой Южной Кореей. Тем более, и нация-то одна. В заключение директор фабрики с некото-

рой грустью произнес, что сам он родом из Сеула (кстати, он внешне был очень похож на обычного южнокорейского предпринимателя).

Еще было интервью с главой администрации Кэсона. Был одет в хороший костюм, производил впечатление очень хитрого и проницательного (совсем не «социалистического») человека. Интервью давал в помещении с традиционными интерьерами, с образцами каллиграфии на заднем плане (а не с портретами вождей). Говорил о ликвидации уезда Пханмун в связи с образованием Кэсонской свободной экономической зоны. Вообще говоря, относительно будущего южнокорейско-северокорейского сотрудничества был настроен весьма оптимистично и на вопрос о «совместимости» капиталистической и социалистической систем отвечал, что в плане экономики здесь только в деталях есть некоторые затруднения и разногласия, а так, в целом, все очень понятно и общаются представители Севера и Юга на одном, всем понятном языке...

Все интервьюируемые очень хотели скорейшего объединения двух Корей, понимая, что от этого зависит благополучие в их жизни. И благодарили «Великого полководца» за мудрое руководство, приносящее первые плоды на пути объединения родины.

Записано 6 июля 2003 года, в Южной Корее

14. ЦИКЛ «СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАБОТЫ»

1. Полевые работы в марте

Работы на полях начинаются в марте. В самом начале месяца на полях почти никого нет. Потом людей становится все больше и больше. Небольшие участки полей выстилают циновками. Сооружают маленькие теплички: на согнутые дугой прутья натягивают полиэтилен. Высота этих тепличек примерно 0,4 м. Одновременно с этой работой огораживают небольшие участки полей соломенными циновками, поставленными вертикально. Огороженные участки окапывают. Кроме того, ведется проверка ирригационной системы. Включаются насосные станции (양수장), прокачивается водой цепь главных водопитающих каналов. Вода также направляется в эти специально отгороженные участки полей. Там будет выращиваться рисовая рассада. И в то же время начинается ремонт земляных дамб (뚝, 흙 뚝, 논두렁),

образующих каналы и отгораживающих рисовые чеки друг от друга. Характерно то, что работающие на полях в большинстве своем женщины.

2. Полевые работы в апреле

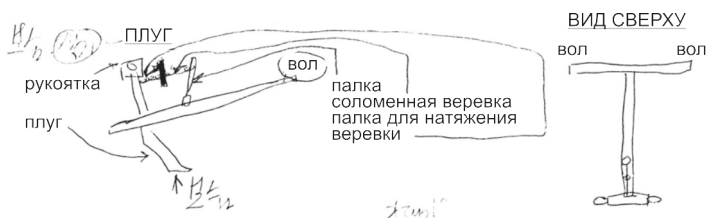
Наблюдения начала апреля. Людей на полях уже больше, чем в марте. Все интенсивнее выращивается рассада (모). Она двух видов.

Первый и главный — рисовая рассада. На рисовом поле циновками, поставленными вертикально, огораживается участок (모판) 100х50 метров, в нем делаются грядки. Над грядками из веточек связываются «дужки», на которые натягивается полиэтилен, то есть сооружаются парнички. На грядки запускают воду.

Второй вид рассады — это рассада для овощей. Также на полях делаются грядки. Но циновками они не огораживаются. Над грядками так же сооружают невысокие парнички высотой 30–40 сантиметров. Днем полиэтилен с этих парничков над овощными грядками снимается.

Кроме этого, на полях происходят и другие работы. Местами видны сложенные на определенном расстоянии друг от друга кучки удобрений. Позже эти удобрения будут вручную разбросаны по полю.

Ведется распахивание полей. На больших и ровных участках пахут с помощью тракторов. На крутых склонах холмов или на небольших участках земли пахут на волах. В упряжке, как правило, два вола. Сама упряжь очень проста. Это два нетолстых «бревна» — длинное и короткое, соединенные в форме буквы «Т». Верхняя часть «буквы» покоится на шеях животных; горб на их спинах не дает упряжке соскочить. К нижней части «буквы Т» присоединяется плуг. Рисунок плуга приведен ниже.

Одновременно продолжается прокачка воды по каналам системы орошения рисовых чеков. Теперь воду запускают уже в отдельные чеки. Продолжается ремонт дамб, с них также счищают лопатами остатки прошлогодней травы.

Погода в это время ясная, сухая, хотя облаков побольше, чем зимой. Даже изредка идет дождь. Температура воздуха в 6.00 утра — 0...–4° С, а днем — +10...+14° С. Все больше ветров юго-восточных направлений и меньше северо-западных.

3. Полевые работы конца апреля — начала мая

Во второй половине дня (изредка и утром) на полях начинают появляться школьники, причем чем дальше, тем больше.

С некоторых сухоходольных полей уже убирают созревший шпинат (시금치) и готовят поля для кукурузы (옥수수).

На некоторые из рисовых чеков (논) заливается вода. И вот по этим чекам с водой ходят трактора (или волы) со своеобразной «бороной» (씨레) — бревном-палкой, которую волокут по полю. Она сравнивает борозды, оставленные плугом и превращает чеки в сплошную «водно-почвенную жижу».

Одновременно проводятся работы на дамбочках (둑, 논둑, 두둑), отделяющих чеки друг от друга. С них снимают дерн и затем взрыхляют.

4. Полевые работы середины мая

В провинции Южная Пхёнан в это время начинается высадка рисовой рассады (모내기), механически, на специальных машинах, и вручную. На полях много школьников. Они работают уже в утреннее, учебное время. На полевые работы присылаются студенты. При этом еще есть такие чеки, где земля только вспахана, а воды нет, не говоря о бороновании.

В тот же период времени по телевидению показывают художественные фильмы о героическом труде народа по высадке рассады. Иногда это даже кинокомедии.

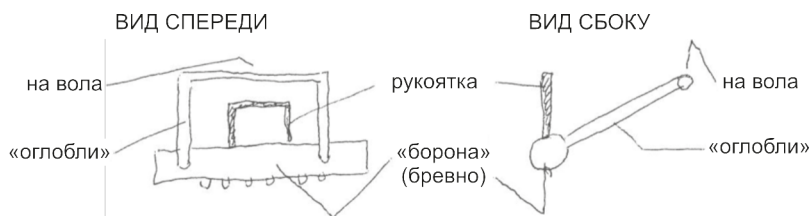
В середине (конце) мая снимается первый урожай корейской капусты (배추).

5. Ремонт дамб и боронование

Дамбы на рисовых чеках. Как они ремонтируются весной (가래질).

Целостная картина такова. Сначала с дамб лопатами снимают сорняки. Затем дамбы взрыхляют. То есть берут лопаты и вскапывают дамбы. Позже, когда в чеки запускается вода, эти взрыхленные дамбы, словно цементом, обмазывают мокрой почвой, вроде как «штукатурят». Причем делают это самыми настоящими строительными мастерами. В одном из углов поля в дамбе делается выемка для перетока

воды в более низкую чеку. Выемка эта и канал, по которому стекает вода, выстилается узкой соломенной циновкой, чтобы избежать вымывания почвы.

Борона, с помощью которой выравнивают вспаханную почву в рисовых чеках, куда уже запущена вода. В случае боронования трактором конструкция бороны очень проста. Как я уже писал, это просто «палка или бревно», положенное поперек хода и привязанное к трактору. В случае боронования на волах конструкция бороны несколько сложнее. Выше дан рисунок. Тянет борону, как правило, один вол.

6. Полевые работы июня

На всей территории провинции Южная Пхёнан рисовая рассада уже высажена. Начинаются работы по прополке (김매기) и культивации полей (벼 재배 작업).

Прямо на полях в земле закреплены лозунги, обращенные «лицом» к шоссе. Старые лозунги: «Все на бой по высадке рисовой рассады!» заменяются на новые: «Все на бой по прополке сорняков!»

Не только сами поля, но и дамбы на рисовых чеках пропалываются от сорняков. На склонах дамбочек, что побольше размером, высаживаются овощи, соевые бобы (논 두렁 콩).

Идет прополка суходольных (кукурузных) полей. Культивацию производят на волах. Один вол тянет за собой один плуг.

Одновременно со всем вышеописанным происходит удобрение рисовых полей. По полю в одиночку идут люди. В руках у них тазы с удобрениями (порошок белого цвета). Вручную они раскидывают их по полю. (Это может быть не удобрение, а дуст; он используется в Северной Корее и сейчас для борьбы с вредными насекомыми.)

Культивация рисовых полей (논 갈이). Хочется остановиться на этом вопросе отдельно. Культивация ведется двумя способами.

1) С помощью машин. Машина для высадки рисовой рассады оборудуется особой насадкой, представляющей собой ряд колец, состоящих как бы из металлических «скрюченных пальцев»: каждому кольцу соответствует одна борозда.

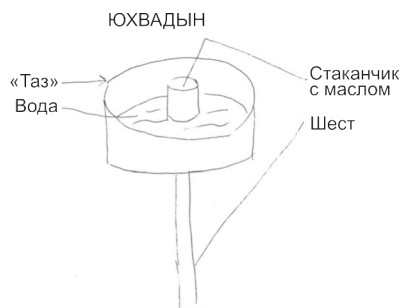
2) Вручную. Делается это с помощью особого приспособления, представляющего собой узкое металлическое колесо, по форме напоминающее то, в которое сажают белок. К колесу с двух сторон крепятся две палки, завершающиеся рукояткой (см. рисунок ниже). Одним

таким приспособлением культивируют одну борозду (а не несколько, как в случае механической обработки). «Бороздой» в данном случае я называю участок земли между двумя рядами рисовых посадок. Борозд в прямом смысле слова нет. Все поле ровное. Работают корейцы на ручной культивации бригадами по 4–7 человек, реже по одному. Группками ходят по полю и так же группками все вместе отдыхают.

7. Средство борьбы с вредными насекомыми

Довольно распространенное средство борьбы с вредными летающими насекомыми на рисовых полях называется «лампа на масляном огне» (*юхвадын*). Состоит из палки-бревна, шеста, врытого в дамбу между рисовыми чеками. На шест сверху прикрепляется бетонный «таз». В нем есть два отделения. Одно находится как раз на оси бетонного «таза» и представляет собой стаканчик, куда наливается масло.

Он возвышается над дном «таза». А в сам «таз» (второе отделение) наливается вода.

Как действует это приспособление? Когда темнеет, масло в стаканчике поджигают. Насекомые слетаются на свет, обжигаются на огне и падают в воду, налитую в «таз», из которого их затем легко удалить.

8. Полевые работы июня — конца августа

В июне работы по прополке и культивации полей подходят к концу. По полям продолжают ходить «одиначные колхозники» и разбрасывать по полю белый порошок (дуст? удобрение?). В целом отмечается затишье полевых работ.

К началу июля собирается вся белокочанная (европейская) капуста. Она высажена около кукурузных полей, иногда попеременно с кукурузой: одна борозда — кукуруза, одна борозда — капуста.

В середине июля зацветает гаолян (𪎩𪎪).

Середина-конец августа — период колошения риса. Крестьяне начинают ходить по полям с кошелками за поясом и серпами в руках. Они срезают колоски, превышающие высоту общей массы посевов, и складывают их в кошелки. Эти колоски — сорные растения. Как мне говорили корейцы, срезают колосья сорняков для того, чтобы их семена не успели попасть в землю.

Вообще высота рисовых посадок в это время — чуть выше пояса — ниже груди корейца, работающего на поле.

9. Полевые работы конца августа

В конце августа (так же, как и в начале месяца) по рисовым полям ходят бригады в 5–10 человек и обрезают колоски сорных трав, возвышающихся над рисом на 30–50 см. Как правило, в этих бригадах работают женщины, реже — мужчины.

Колосья риса в это время уже начинают желтеть, хотя и не теряют до конца зеленого оттенка. Внешне рисовые посадки выглядят как сплошная стена, если смотреть на них сбоку, и как густой ковер, если смотреть сверху.

Кукуруза стала коричнево-желтой. В конце августа ее уже начинают убирать. При этом огромные стебли срезаются под корень. Дозор с наблюдательных вышек от воров еще не снят.

* * *

Октябрь корейцы называют «месяцем яблок»

ГЛАВА 15. О ДЕВУШКАХ, ЖЕНЩИНАХ

1. Отношения юноша — девушка (1)

(Из бесед с Чха N)

Обычно юноши и девушки знакомятся друг с другом на работе: «строят глазки» и т. д. Один из распространенных подарков парней девушкам — карманное зеркальце. Предложение выйти замуж парень девушке делает обычно в письме. Замуж выходят не ранее 23–24 лет, женятся в 27–28. Это традиционно. Но если парень и девушка приняли решение пожениться раньше, то можно и раньше.

До сих пор корейцы женятся не только по собственному выбору, но и по указанию родителей.

* * *

Внешние наблюдения. От автора

Корейцы созревают физически несколько позже, чем европейцы. Например, 18-летний парень выглядит по нашим меркам на 15 лет, 24-летний — на 21 год и т. д. Поэтому позднее заключение брака физиологически не является поздним. Уже не говоря о социальных условиях, о государственной установке, по которой молодой человек должен сначала потрудиться на благо страны, и лишь потом имеет право обзаводиться семьей.

2. Отношения юноша — девушка (2)

Эпизод зимы 1988. Цех разделения воздуха виналонового объединения. Второй этаж. Лаборатория. Слева от нее есть еще комната. Раньше там был «штаб» строительства цеха. Теперь эту комнату освободили. Интересно, что же сейчас там? Открываю дверь, смотрю... Темно. У дальней стены стоит стол, а за ним скамейка. На скамейке сидят парень с девушкой и обнимаются. Немного поодаль тоже какой-то парень сидит.

3. Украшения корейских девушек

Корейские девушки любят носить кольца. Темно-желтый металл, похожий на бронзу с простым камушком. Носят эти кольца как-то несуразно на наш взгляд. На указательном пальце, даже на большом, без системы. Традиции обручальных колец в Северной Кореи нет.

Северные корейки совсем не носят серьги, не любят.

4. Корейская женская психология

Как-то в августе 1988 года я разговорился с девушкой-поваром из нашей столовой на стройке (филиала ресторана гостиницы «Чансусан»). У нее на белой форме почему-то вышит красный крест.

И вот говорит она мне буквально следующее: «В вашей группе советских специалистов есть одна женщина (Л. В. Мунько. — С. К.) и есть мужчины, которые приехали без жен. И эта женщина-специалист разве не помогает одиноким мужчинам стирать и готовить? Они же одни». «Нет», — отвечаю я. «А вот мы бы помогали мужчинам. Это же так естественно и нормально...»

5. Отношения «мужчина — женщина»

Пхёнсон, город, где мы жили, находится примерно в 30 километрах от Сунчхона, города, где мы работали. Каждый день туда и обратно ездили на автобусах. Шоферы в автобусах корейские, как правило, жители Пхеньяна. Одна бригада шоферов работала с нами по 2 месяца, а затем сменялась на другую. Почему бригада шоферов? Для нашей группы советских специалистов корейской стороной были выделены две легковые машины «Вольво», два микроавтобуса «Исудзу» и один микроавтобус «Ниссан». Часто вместе с нами в одном автобусе ездили и официантки и повара, обслуживавшие нас на стройке.

Один раз, в феврале 1988 года, мы как обычно к 6 часам вечера приехали с работы. С нами ехала и официантка Ли N. Все вышли из автобуса «Ниссан». И вот шофер автобуса стал уламывать официантку прогуляться с ним вместе. Официантка стала отказываться, говоря, как это не стыдно женатому мужчине прикидываться холостяком и цепляться к девушке. (Шоферу было примерно 32 года.) А водитель отвечает, мол, нет, он холостяк, пойдем вместе прогуляемся.

Хотя на самом деле шофер говорил мне, что в Пхеньяне у него есть жена и ребенок.

6. О женщинах

Женщины в Северной Корее, особенно на нашем фоне, очень целомудренны. Курящих и пьющих женщин нет. Правда, женщина, которой перевалило за 40 лет, можно иногда выпить с гостями рюмочку. Встречаются курящие старухи. Но старухи курят в Корее издревле. И то я написал «встречаются», то есть таких очень и очень мало.

Женщина всегда старается уделить наибольшее внимание семье, а не собственным «развлечениям».

Однако среди молодежи, под влиянием гнилой западной культуры, начинают появляться отклонения от этого хорошего правила. Кое-что я уже писал в разделе «Отношения женщина — мужчина». А вот еще один случай, рассказанный Г. Г. Гуревичем, нашим специалистом.

Работала у нас в столовой на стройке пару месяцев девушка, повар по специальности (Ее имени Г. Г. назвать не смог). Однажды утром он отправился на спортивную площадку, чтобы сделать зарядку. Как раз эта девушка-повар выходила из гостиницы. Дом у нее в этом же городе, в Пхёнсоне, рядом с гостиницей, в долине Чанъсу-голь. Когда наш специалист проходил мимо нее он, как обычно, поздоровался. Девушка вместо ответа пробурчала что-то невнятное и закрыла лицо руками. Лицо было опухшим, от девушки шел запах перегара. Потом девушка пошла в сторону дома. Шаги ее были медленными, нерешительными. Она то и дело останавливалась, оглядывалась на гостиницу, раздумывая, идти домой или остаться.

ГЛАВА 16. О БРАКЕ И СВАДЬБЕ

1. О свадьбе

(Рассказ лаборантки Ким N)

Ким говорит, что так как сама замуж не выходила еще, то точно обряд свадьбы не знает. Но кое-что может рассказать. По сравнению с прошлыми временами празднуют проще, «короче». Церемония помолвки, предшествующая свадьбе, в настоящее время состоит лишь в том, что собираются молодые и их родители, молодые дарят друг другу подарки, договариваются о дне свадьбы и все.

На самой свадьбе присутствуют близкие родственники, соседи, друзья, народу не очень много.

Квартирный вопрос. Говорит, что если молодые женятся, то предприятие, где работает муж, довольно быстро, месяцев за 6–10, дает молодым отдельное жилье: домик или квартиру в многоэтажном доме. Если молодой человек живет у родителей, а не в общежитии (как часто бывает на крупных предприятиях, куда стекается молодежь со всей страны), то семья старшего сына остается жить с родителями, а младшие дети уже живут отдельно.

2. О помолвке

В Северной Корее до сих пор жива традиция устраивать перед свадьбой церемонию помолвки, дословно «церемонию договора о бракосочетании». Обычно она происходит в доме невесты с присутствием молодых и родителей обеих сторон. Срок между помолвкой и свадьбой никак не определен. Свадьбу можно делать хоть на следующий день после помолвки. Например, у нашего шофера Хан N помолвка была 15 ноября 1987 года, а свадьбу назначили на январь 1988 года.

3. О браке (1) (Из бесед с Чха N)

Северокорейские девушки очень серьезно относятся к вопросам брака. Есть девушки, которые считают, что нужно всегда слушать мужа, служить ему. Если он говорит что-то не то, нужно промолчать, но своим тихим настойчивым поведением взять свое. Корейские девушки верны. Если знают одного мужчину, то ему уже не принято изменять. Все женщины хотят иметь детей и считают, что без детей семья не имеет смысла. (Как-то одна девушка, повар в столовой для советских специалистов в Сунчхоне, увидев фотографию дочери одного из них, воскликнула: «Ой, как я завидую!»)

Разводы есть, но мало. Разводятся молодые, если не сойдутся характерами, обычно месяца через 3–4 после свадьбы. Но лучше этого не делать. Потому что потом, как считают корейки, не остановишься в разводах и неудовольствиях. Девушки выходят замуж в 24–25 лет. Муж, как правило, старше жены на 3–4 года. Бывает, женятся сверстники. И очень редко, когда жена старше мужа на 1–2 года.

Один из самых распространенных подарков юношей своим возлюбленным (1987–1988) — это чулки-колготки или же маленькое карманное зеркальце. Последнее является традиционным подарком.

4. О браке (2)

В корейских семьях до сих пор сохраняется следующий порядок женитьбы (выхода замуж). Сначала обязательно вступают в брак старшие, и лишь затем младшие. Если старший сын (дочь) еще не женился (не вышла замуж), то младшие не имеют права жениться.

* * *

Если девушка старше парня больше, чем на два года, то он и мыслить не может о том, чтобы жениться на ней. Иногда парни говорили

мне: «Вот нравится мне та девушка, да старше меня на несколько лет», и вздыхали.

5. Родовые отношения и брак

В Корею очень невелико число фамилий. Самых распространенных не более 10: Ким, Ли, Пак, Чо, Чха и т. д. Однако эти фамилии различаются по родам. Например, если фамилия Ким, то из какой провинции, из какого места. Например, Ким Хэчжуский: из местечка Хэчжу ведет начало род, фамилия данного человека. Корейцы до сих пор помнят родовое происхождение своей фамилии, и это влияет, в том числе, на заключение брака. Юноша и девушка из одного рода не могут заключить брак, несмотря ни на какую любовь.

ГЛАВА 17. ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ, ПРАЗДНИКИ

1. Календарь

В настоящее время Северная Корея, как и все страны мира, использует европейский календарь. Однако следы старого лунного календаря еще можно заметить в жизни современной Северной Кореи.

Календари, выпускаемые издательствами на иностранных языках, никаких «следов» лунного календаря не имеют. Иначе выглядят календари для корейцев. В продажу они поступают не всегда, часто распространяются на рабочих местах. Напечатаны на желтоватого цвета бумаге низкого качества. Размер где-то 50 × 30 сантиметров. Картинка «сказочного» содержания. Например, тигр в тайге. Под каждым днем календаря подписан день по лунному календарю. Начало каждого лунного месяца выделяется особо. Внизу календаря отдельно вынесены названия и даты начала 24 сельскохозяйственных сезонов. Так же отдельно обозначены названия некоторых традиционных праздников.

2. Похоронный обряд

Если человек умирает, то его труп сразу же помещается в деревянный гроб, который немедленно заколачивают. Гроб представляет собой вытянутый деревянный ящик, без расширений и заужений по форме тела, как у нас, но прямоугольный в сечении. Заколотенный гроб должен простоять до дня похорон (*чаннесик*) 3 дня. Если в течение 3 дней все родственники не могут собраться, то похороны происходят через 5 дней.

Место для могилы выбирается в сопках (*ясан*), так, чтобы светило солнце, то есть желательно на южной стороне холма с видом на красивый пейзаж. Таким образом, в Корее нет специально отведенных для кладбищ мест, могилы можно встретить повсюду, практически на каждом холме, отстоящем недалеко от жилья.

В месте, выбранном для могилы, роется яма глубиной примерно в 0,7 м. Туда опускают гроб. Затем приносят жертвоприношение духу горы (*сансиннён*). Потом на гроб кидают комья земли, сначала самый старший из родственников, затем — младшие. После этого гроб закрывают лопатами. Над местом захоронения насыпают земляной холм около метра высотой. Перед холмом сооружают небольшую прямоугольную площадку для жертвоприношений; обычно это — цементная плита. Позади холма устанавливают надгробную стелу, очень узкую, 1–1,5 метра высотой. Она также сделана из бетона или из дерева (*писок*). На ней пишется имя покойного и даты жизни и смерти. Позади на стеле иногда пишут имя того, кто ухаживает за могилкой.

Через 3 дня после захоронения на могилу снова приходят родственники, пьют, едят, приносят жертвы духам. После похорон, после всех длительных церемоний, могилу навещают обычно 2 раза в год, весной и осенью во время традиционных национальных праздников — «хансик» (праздник «холодной пищи»; в 1988 году это было 5 апреля) и «чхусок» (осенний день поминовения предков; в 1988 году — 25 сентября). Хотя эти дни не выделяются в официальном государственном календаре как праздничные, все же большинство корейцев освобождается от работы и едет на могилы родственников, пусть даже они находятся в другой провинции.

(Со слов переводчика Ким Н и лаборантки Ким Н. Между рассказчиками возник опор о дате весеннего праздника «чхонмён» — «хансик»; есть вариант: 4 апреля).

3. Хансик — весенний день поминовения предков

По (северо)корейским традициям полагается ходить на могилы усопших предков два раза в год — весной и осенью. Весенний праздник называется «хансик», что значит «холодная пища». Его дата практически постоянна, меняется незначительно. В 1988 году это было 5 апреля.

В праздник «хансик» многие не работают, но отдых приходится отрабатывать в следующее воскресенье. В этот день корейцы идут на могилы предков, в сопки, беря с собой еду и питье, лопатки и веники, если это необходимо для ухода за могилкой. Практически на каждой соп-

ке, расположенной недалеко от человеческого жилья, есть могилки. Трудно сказать, как проходит поминание, но часам к 12 дня корейцы, как правило, собираются группками по 8–10 человек у одной могилки. Точно знаю, что пьют водку, едят, прибирают могилки. Оставляют ли что-нибудь на жертвенных столиках перед могилкой, трудно сказать. По крайней мере, после этого дня никаких остатков от церемонии кормления духов предков я не видел.

4. 22 декабря — день зимнего солнцестояния

Этот день северные корейцы до сих пор отмечают как народный праздник. Он называется *«тончжи наль»*, то есть «день зимнего солнцестояния». В этот день корейцы готовят особое блюдо *«тончжи чжук»* — «кашу дня зимнего солнцестояния». Каша готовится из красных бобов, возможно — риса, а также соевого порошка и приправ. Имеет характерный темно-красный цвет. Ее принято есть перед сном. Другие считают, что кашу нужно есть ночью, специально проснувшись для этого в полночь, объясняя это тем, что ночь длинная и человек за это время быстро становится голодным. «Кашу [дня] зимнего солнцестояния» готовят не только дома, но и в общественных столовых, ресторанах, где ее можно отведать 22 декабря.

ГЛАВА 18. СОВРЕМЕННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ

1. Празднование Нового года (по европейскому календарю)

31 декабря все северные корейцы работают. На рабочих местах часто вывешиваются поздравления отдельным лицам или трудовым коллективам. Они пишутся, как правило, на листах бумаги размером чуть больше тетрадных листов. Поздравления пишутся кистью каллиграфическим почерком, тушью красного, синего, реже черного цвета. По краям иногда рисуют цветы или что-нибудь подобное. Любое поздравление начинается фразой: «Поздравляю с Новым годом» (*Сэхэ-рыль чхукха хамнида!*)

Вечером 31 декабря обычно ничего особенного не происходит. Едят, пьют, спят. Дольше, чем до 1 часу ночи, никто не бодрствует. Улицы украшены национальными флагами и довольно скромными плакатами-стендами с новогодними поздравлениями.

Главный день празднования — 1 января. Все новогодние поздравления подписываются именно этим числом (по-корейски: *чонволь чхо хару*). В 6 часов утра полагается (некоторые это делают и в 7.30) идти к монументу Вождя и возлагать там цветы. После этого корейцы ходят в гости, по магазинам и т. д. 1 и 2 января все магазины работают, выходной у них 3 числа.

Почему-то 3 января 1988 года был провозглашен днем (часть кампаний?) поддержки деревни и все корейцы по всей Северной Корее везли в своих тележках навоз на поля.

2. День рождения Ким Ченира (16 февраля)

Одним из больших праздников в Северной Корее является 16 февраля — день рождения «любимого руководителя» товарища Ким Ченира. Этот день не обозначен как праздничный в календарях. Но в этот день никто не работает, хотя этот «выходной» отрабатывается в последующие дни, в отличие от «нормальных» праздничных дней.

Вот как этот день отмечают студенты университета им. Ким Ирсена (из рассказа лаборантки Ким N). Рано утром все встают и идут к бронзовому монументу Ким Ирсена, расположенному тут же на территории университета. К памятнику возлагают живые цветы, которые заблаговременно покупают в многочисленных цветочных магазинах «*ккотпан*». Цветы специально к этому дню в большом количестве выращивают в парниках. После возложения цветов гуляют по территории университета. Потом смотрят телевизор. Считается, что в этот день программа особенно интересная. «Вот и все», — говорит Ким N, пожимая плечами.

Подарки к 16 февраля.

Иногда накануне дня рождения Ким Ченира в некоторых учреждениях происходят церемонии вручения подарков от «любимого руководителя», а также ряда правительственных наград. Например, 14 февраля 1988 года церемония вручения подарков (*суёсик*) для работников лаборатории Цеха разделения воздуха Сунчхонского виналонового объединения происходила в здании Заводоуправления в 16.00. Девушкам подарили духи, каждой по флакону. 15 февраля на заводе проходили церемонии вручения орденов (*хунчжанъ суёсик*).

3. О праздновании 8 марта

Девушки в Северной Корее 8 марта не празднуют. Даже удивляются, когда их спрашиваешь об этом дне. Празднуют только замужние женщины. 8 марта до обеда они работают, а после обеда идут до-

мой. Говорят, что в некоторых домах по вечерам бывает праздничный ужин. Кое-кто говорит о каких-то подарках. Но создается впечатление, что об ужине и подарках говорят специально для меня, чтобы не ударить лицом в грязь перед иностранцем, хотя на самом деле ничего такого нет. Женщина в Северной Корее занимает особое социальное положение, отличающееся от положения мужчин.

* * *

В марте 1988 года в нашем Цехе разделения воздуха время от времени появлялся маленький забитый мужичок во френче зеленого цвета, в зеленой фуражке, где на месте красной звезды была дыра. Он говорил, что является учителем английского языка Пхёнсонской специальной школы иностранных языков, а сюда, в цех, приезжает, чтобы учиться русскому языку. По правде говоря, ни русского, ни английского он толком не знал. Вот что он сказал мне, когда я спросил его о том, как празднуют в Северной Корее 8 марта. Он ответил мне так:

— Их поздравляют, дарят сигареты высшего качества, книги...

(отмечу от себя, что в Северной Корее нет курящих женщин, работающих на производстве).

Я спрашиваю его:

— А сигареты-то зачем?

Отвечает:

— Ну, женщины приходят с работы, дарят сигареты мужьям... Для женщин самое большое счастье — сделать приятное мужьям...

4. Празднование 8 марта

Рассказ лаборантки Ким N, выпускницы университета им. Ким Ирсена, работающей в лаборатории Цеха разделения воздуха.

«Утром пришли парни, поздравили [меня], пели песни. Потом, после работы, пошли гулять по берегу реки Тэдонган...» Спрашиваю: «А цветы дарили?» Немного помявшись, N отвечает: «Дарили». Дальше спрашиваю: «А что за парни?» — «Вместе учились в университете, здесь [на Сунчхонском виналоновом комбинате. — С. К.] много выпускников университета».

* * *

Из бесед с горничными гостиницы «Чансусан» в Пхёнсоне.

Горничные (Ан N и др.) говорили мне, что в СССР принято возвеличивать женщин, и поэтому там празднуют 8 марта, международный женский день. А в Корее принято возвеличивать мужчин. Женщины всегда провожают уходящего на работу мужа. Всегда встречают воз-

вращающегося с работы мужа, принимая из его рук портфель, сумки... Спрашивают меня: «Завидуешь?» — и добавляют: «Корейские женщины — образец для всех».

5. Танцы на центральной площади г. Пхёнсона 15 апреля 1988 года

15 апреля — день рождения «Великого вождя товарища Ким Ирсена», самый большой праздник Северной Кореи. Каждый год вечером этого дня на центральных площадях больших городов, начиная с Пхеньяна, устраиваются танцы. Обычно принимает в них участие молодежь.

В 1988 году в Пхёнсоне танцы в этот день начинались в 18.00. Но молодежь начала стекаться на центральную площадь еще задолго до этого. Только студентки в своей зеленой студенческих форме шли к площади строем. Остальные шли вольно, как попало, группками и по одному. Одежда на всех чистая, нарядная. Каждый хочет чем-то выделиться из толпы. Есть и одетые в иностранное: футболки с надписями на европейских языках, модные куртки, солнцезащитные очки, модная кожаная обувь и т. д. При этом у площади чувствуется то же самое возбуждение, что и на танцах у нас. Цель одна и та же: познакомиться. (А не «выразить верноподданнические чувства».)

С краю площади, что ближе к памятнику Ким Ирсену, стоит микроавтобус с громкоговорителями на крыше. Звучит музыка. Начинаются танцы. Танцуют, образовывая круги, вроде как хороводом. Всего на площади примерно восемь 3–4-слойных кругов. По периметру площади стоит толпа не танцующих молодых людей.

Я тоже гулял по площади и смотрел на танцующих. Вдруг какой-то кореец лет 30 схватил меня за руку и потащил в круг танцующих, тот, что был ближе к микроавтобусу. Мы рассекали ряды танцующих, и перед нами расступались. Так мы подошли к какой-то паре. Мой провожатый отогнал партнера одной из танцевавших в сторону и сунул мою руку в руку девушки округлых форм, на вид лет 25–27. Потом я подумал, что кореец знал, что именно эта девушка хорошо танцует и подвел меня к ней.

Итак, мы начали танцевать. Девушка вывела меня в самый центр круга, и мы танцевали в середине. Сначала я двигался неуклюже, но потом понял с ее помощью суть движений (*тольги, тви-ро, иччок сон, паксу...*). Потом даже пытался двигаться с изяществом. Один раз она вывела меня из круга, попросила подождать и куда-то исчезла. Я немного подождал. Но очень уж на меня глазели корейцы. Мне стало неудобно, и я пошел в совершенно другую сторону площади. Тем не менее девуш-

ка меня как-то нашла и снова потащила в тот круг, где мы танцевали раньше. Опять она вывела меня в самый центр круга. Мелодии танцев следуют не подряд, одна за другой, а с небольшим, около минуты перерывом. Как-то в один из таких перерывов громко объявили, что хотя на танцах и есть гость из Советского Союза, это не значит, что ему нужно выделяться и танцевать в середине. Гость, как и все, должен танцевать в общем кругу. Временно мы снова вошли в круг, но потом почему-то опять вышли на середину. И вот, мне думается, почему. У каждого круга есть свой ответственный, который следит за порядком в нем и постоянно его расширяет, так как круг имеет стихийную тенденцию к сужению, а затем и нарушению стройных рядов. Как мне показалось, этот ответственный выбирает лучшие пары танцующих и выдвигает их в середину «хоровода». Я танцевал неплохо, даже по мнению подруг моей партнерши, с которой они перекинулись парой слов. И если поначалу она была недовольна тем, что насильно прервали ее танец и всунули какого-то иностранца, то потом танцы со мной доставляли ей уже удовольствие. Это было видно по ее поведению. И еще, очень странно то, что уже под конец танцев она почему-то дала мне в руку свой «шелковый» платок.

Под какую музыку танцует корейская молодежь? Это песни о партии, о Вожде, о Родине; есть и народные песни. И еще была одна песня о Ким Ченире, в которой было что-то отдаленно напоминающее музыку «диско» и сами элементы танца под эту песню тоже были какие-то «дисковатые».

После окончания танцев моя спутница без слов подвела меня к микроавтобусу (у которого на крыше были установлены динамики) и ушла. Там стоял симпатичный мужчина, лет 38, который оказался первым секретарем Союза Социалистической Молодежи Кореи провинции Южная Пхёнан. Город Пхёнсон как раз является столицей этой провинции. Он был ответственным организатором танцев. Около автобуса еще стоял молодой парень, лет 18. Он представился сыном «начальника отдела русского языка» (*Роо бучжан*). «Отдела» чего, какой организации? Похоже, этот отдел существует отдельно, самостоятельно. Он занимается переводом трудов «товарища Ким Ирсена» на русский язык. Сын начальника отдела заметил меня во время танцев, хотел подойти еще тогда, почему-то не смог и очень переживал из-за этого.

Девушка, с которой я танцевал, опять подошла ко мне. Оказалось, что, по корейским традициям, если парень был с девушкой на танцах, то он может, а она просто обязана погулять с ним после этого. Это было для меня новостью. Я растерялся. К тому же я иностранец, личность очень броская и гулять с корейской девушкой вечером... Она тоже долго мялась. Потом сказала, в конце концов, что ей срочно нуж-

но домой, а дом далеко и вообще... Я пожал ей руку, поблагодарил за танцы и мы расстались.

Обратно, в гостиницу я пошел вместе с сыном «начальника русского отдела». Мы дошли до его дома. Это как раз по пути. И тут он стал приглашать меня к себе домой, говорить, что неплохо было бы пообщаться с его отцом. Потом вдруг заколебался. И на мой вопрос, что же он решил, он ответил: «До свидания!» Но назвал свой адрес и сказал, что если будет время, можно прийти потом. Но этого «потом» так никогда и не случилось...

6. Танцы по праздникам

1 мая 1988 года, так же, как и 15 апреля, на центральных площадях больших городов, на крупных заводах в специально отведенных местах с 20 до 22 часов устраивались танцы для молодежи. Проходили они точно так же, как и 15 апреля, что я описывал ранее.

7. 25 июня — день памяти начала Корейской войны

25 июня — день «нападения американцев» на территорию Северной Кореи в 1950 году. Этот день (как и день «победы» в этой войне) ежегодно отмечается. По всей стране в этот день проходят митинги. Некоторые из них показывают по центральному телевидению.

Спросил я об этом празднике и группу машинистов компрессора Цеха разделения воздуха. Вот что мне рассказали.

В доме с бытовками для рабочих есть особая «комната пропаганды» (*сончжонсиль*). И в ней 25 числа проходил семинар (*тхоронхве*), где участники вставали из-за столов и осуждали коварное нападение американцев. Потом я спросил: «А что же конкретно говорилось на этом семинаре?» Мне ответили: «И что это вы все время спрашиваете и спрашиваете?»...

8. Массовые работы перед праздником

Перед крупными праздниками, особенно если в то или иное место ожидается приезд иностранных гостей, большое количество людей, в особенности школьников, привлекается на работы по благоустройству той или иной территории.

Например, в конце августа 1988 года в преддверии 40-летнего юбилея основания Республики в район Сунчхонского виналонового объединения стекались огромные массы школьников «среднешкольного» возраста. Это были бесконечные колонны мальчишек и девчонок с лопатами и корзинами, в которых были цветы. Дети занимались глав-

ным образом земляными, дорожными работами, высаживали принесенные с собой цветы.

9. Сунчхонский виналоновый комбинат и 9 сентября — праздник основания Республики

С 4 сентября начинается постоянный поток гостей на завод. Все вычищено, зализано. Бордюры дорог выкрашены в белый цвет. Все здания цехов свежеевыкрашены. И те, которые работают, и те, в которых построены только стены, а оборудования внутри еще нет. Дымит все, что можно: и 4 печи Карбидного цеха, и котельная, и ТЭЦ. Хотя это только дым. На ТЭЦ была авария. Вышли из строя турбинные лопатки одного из генераторов. Котельная до этого дымила вообще только два раза с тех пор, как ее построили. Наличие парокommunikаций от котельной к цехам — вещь сомнительная. Карбидные печи же при нормальной схеме работы вообще дымить не должны.

Для встречи гостей на заводской территории собрано огромное количество школьников. До 4 сентября они же мели дороги, убирали территорию. А ведь 1 сентября уже прошло. У большинства детей в руках цветы. У некоторых бумажные ленты, протянутые поперек дороги. Если едет автобус с гостями, они натягивают ленты поперек дороги. И где-то за 50 см до столкновения с машиной они резко опускают ленты под колеса. При совершении всех этих манипуляций школьники находятся так близко от проходящей машины, что, кажется, еще сантиметр, и они будут сбиты.

ГЛАВА 19. ИГРЫ

1. Корейская детская игра «гальки» — чагаль

Как мне говорили корейцы, игра в гальки — «древняя игра». Вот как в нее играют.

Для игры необходимо взять 5 камушков диаметром 1,5–2 см. Задача игры — набрать как можно большее количество очков. Число играющих не ограничено. Игра имеет несколько туров.

1-й тур. Нужно взять один камень в руку, а другой — положить на плоскую поверхность (стол, землю и т.д.). В нашем случае «любой плоской поверхностью» будет стол. Тот камень, что в руке, нужно подкинуть. И пока он находится в воздухе, нужно успеть взять камень, лежащий на столе и поймать падающий. Таким образом, в руке должно

оказаться 2 камня. За это играющий получает 1 очко (1 дын). Далее, один из пойманных камней нужно отложить в сторону, он прошел первый тур. В стороне у нас осталось 3 камня (всего камней — 5). Из этих 3 берем 1 камень и так же, как и предыдущий, откладываем отдельно на стол; тот, что в руке, подбрасываем, хватаем этот отложенный камень, ловим падающий камень, что был подброшен, и в руке у нас снова должно оказаться два камня. Зарабатываем еще одно очко и откладываем один из двух камней, что в руке, к отложенному в самом начале. Не подброшенных камней у нас теперь 2. Так же берем один из них и проделываем вышеописанную операцию. И так далее, пока все 4 камня не пройдут 1 тур.

2-й тур. Теперь мы откладываем по 2 камня сразу. Берем в руку один камень, подкидываем его, и, пока он находится в воздухе, хватаем лежащие на столе сразу 2 камня и ловим падающий камень. Теперь у нас в руке должно оказаться 3 камня. Мы получаем 2 очка. Если в то время, как подкинутый камень находится в воздухе, не удастся схватить сразу два отложенных камня, а только один и при этом падающий все же удастся поймать, мы получаем только 1 очко. Прошедшие тур камни откладываются отдельно и та же операция по подкидыванию одного камня, хватания двух и одновременной ловле подкинутого повторяется с камнями, не прошедшими тур.

Если подкинутый камень не удастся поймать, то очки вообще не присуждаются. Это правило универсально для любого тура.

3-й тур. Аналогичен 2 туру, но на столе теперь лежат уже три камня, один подбрасываешь в воздух и в итоге в руке должно оказаться 4 камня. Если успеваешь схватить со стола меньше 3 камней, то есть не все, то и очков присуждается не 3, а меньше. Если неловишь подкинутый камень, то очки не присуждаются.

4-й тур. То же самое, но на столе лежат 4 камня и в руке должно оказаться 5 камней.

5-й тур. Для тех, кто поймал все 5 камней в предыдущем туре (вообще те, кто не смог поймать все камни, по правилам выбывает из игры с того тура, где попытка была неудачной). Итак, 5-й тур. Все 5 камней берутся в руку и подкидываются в воздух. Нужно поймать все 5 камней верхней стороной ладони. Сколько камней поймал, столько очков и присуждается.

Выиграл тот, кто поймал все камни, то есть тот, кто прошел все туры и набрал наибольшее количество очков, или тот, кто прошел большинство туров и набрал наибольшее количество очков.

(Со слов машинисток КРУ и ПЧВН Цеха разделения воздуха Сон N и Кан N, с демонстрацией игры на практике. Июнь 1988).

2. Эбальги

«Эбальги» — название детской зимней спортивной игры. Но и это определение не совсем точно передает суть. Что это такое? Представьте себе конек для катания на льду. К коньку прикрепляется дощечка, такого размера, чтобы на нее можно было поставить ступни ног и сидеть на корточках. У пяток тоже прибивается небольшая поперечная дощечка. Мальчик садится на этот конек, берет в руки две палки, отталкивается ими и едет по льду, то есть получается нечто среднее между лыжами и коньками. Я не случайно употребил слово «мальчик». Девочки никогда не катаются на «эбальги». В Северной Корее почти нет снега, зато много льда зимой — на многочисленных речушках, прудах, на рисовых полях, с которых не спустили воду.

Мне всегда казалось, что «эбальги» — это национальный традиционный вид зимнего спорта-игры. Но, как сказали мне корейцы, «эбальги» появилось в стране лишь в 1970-е годы.

ГЛАВА 20. ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, ТРАДИЦИИ

1. Личные печати

Каждый совершеннолетний северный кореец имеет свою личную печать. Это — пластмассовый цилиндр (или брусок) диаметром 10–12 мм и длиной 40–45 мм. Сверху цилиндр имеет отверстие, так, чтобы печать можно было продеть в связку ключей. Сам цилиндр прозрачный. Иногда внутри вырезаются и раскрашиваются тушью цветы, птицы и т. д. На нижнем конце цилиндра каллиграфически вырезано имя владельца. Печать ставят особой красной тушью (*точжан чжип*). Традиция личных печатей берет свое начало из древнего Китая.

Где использует современный северный кореец личные печати? Он ставит печать при выходе на работу, каждый день. При получении зарплаты, при сдаче денег в сберкассах и в некоторых других случаях, как, например, написание заявления о перемене места работы и т. д. Корейцы также имеют личную подпись. Как правило, на документах ставится

или подпись, или печать, в зависимости от типа документа и требований к нему. Например, акты о сдаче оборудования, о пуско-наладочных испытаниях иностранного оборудования заверяются только подписью.

2. Отношение к керамике

Как-то в лаборатории Цеха разделения воздуха я увидел симпатичный керамический чайничек изящных форм, темно-коричневого цвета. Спросил у лаборанток, что это за чайник, откуда взялся.

Мне ответили: «Мы не любим такую керамику. Нам нравится керамика белого цвета. А этот чайник сделан по кубинскому заказу. Лучшее мы отправляем, а то, что получилось не очень хорошо, попадает на предприятия».

3. Летнее корейское лакомство

Одно из любимейших северокорейских лакомств летом — это так называемые «замороженные ледяные кусочки» (얼음 보숭이). Они продаются в ларьках на улице или просто с «тумбочки на колесах», вроде тех, в которых у нас продают жареные пирожки.

Что же это за лакомство? Приготавливается из сладкой (фруктовой?) воды. Вода эта в «форме мороженого» замораживается на деревянной палочке. Корейцы, особенно дети и молодые люди, очень любят «ледяные кусочки». Покупают по 2–3 штуки на человека и умудряются сосать все 3 одновременно. При этом ледышки очень быстро тают, буквально ручьем бегут на землю капельки сладкой воды.

Тем не менее продаются эти «ледяные кусочки» очень редко и в ограниченном количестве мест.

Наверное, этим можно объяснить то, что жарким летом корейцы очень любили делать в нашем Цехе разделения воздуха простые кусочки льда из обыкновенной воды (наливая воду в ведро с жидким кислородом) и сосать их. Для нас было дико, что кто-то сосет лед, Я попробовал. Ничего вкусного. А корейцы с большим удовольствием боролись таким способом против жары.

4. Корейский национализм

Как-то раз во время разговора с одним из аппаратчиков блока разделения воздуха мне была сказана следующая фраза: «Разве Вы не знаете, что в работе товарища Ким Ирсена “Об идеях чучхе”... «Работе товарища Ким Ченира», — поправляю я. — «Да, в работе товарища

Ким Ченира, — продолжает мой собеседник, — сказано, что корейская нация самая лучшая в мире?»

5. Любопытство

Эпизод, описанный ниже, напомнил мне сюжет из книги В. Серошевского «Корея», изданной в начале XX века, где он писал о любопытстве как национальной черте корейцев и приводил в пример эпизод, когда он ложился спать в глухой деревне в простом доме, и дом этот буквально облепляли корейцы, смотрели во все щели, и, в конце концов, даже протыкали бумагу, которой были заклеены оконные рамы, чтобы посмотреть на удивительного европейца.

Июнь 1988 года. Цех разделения воздуха. Домик в два этажа, в нем находятся бытовые помещения корейских рабочих. Около домика стоит японский микроавтобус «Исудзу». На нем мы должны ехать домой. Я сижу на переднем сиденье. В руках у меня магнитофонная кассета. В микроавтобусе есть встроенный магнитофон. Мимо идет группа молодых парней с еще мокрыми волосами. Мылись где-то, наверное. Вдруг один отделяется от группы, подходит ко мне и говорит: «Давайте послушаем! Какую музыку вы слушаете?» Я вставляю кассету в автомагнитоу. И тут же эти молодые парни одновременно с разных сторон буквально облепили автобус, как железо ко вдруг включенному электромагниту. Сквозь открытые окна машины к панели управления, к встроенным в двери динамикам потянулось множество рук... Потом интерес у них как-то моментально пропал. Почти все сразу оторвались от машины и быстро ушли куда-то.

6. Дисциплина у школьников

У северокорейских школьников очень высок уровень дисциплины. Часто можно видеть группу школьников, идущую строем по улице и даже поющую песню. При этом присутствие взрослого руководителя совершенно не обязательно.

А вот еще эпизод. Один из июньских дней 1988 года. 8.00 утра. По улицам Пхёнсона мы едем на работу. Как раз по центральной улице идет колонна по три, состоящая из девочек школьниц, лет 12–13. Они занимают 1/3 проезжей части. Идут по центру. У них на головах надежды бумажные «короны», на которых написано «10» и ниже — «десять тысяч тонн виналона». 10 — это высший балл в школе, символ отличной учебы. А еще это начало цифры 100 000. В корейском языке есть особое числительное «десять тысяч» (*ман*). Поэтому 10 по 10 000 и есть

100 000 — план выпуска виналона в тоннах на новом Сунчхонском комбинате. Трудно сказать, демонстрация ли это или репетиция массового шествия к какому-нибудь празднику.

Девочки не просто идут. Они поют песню. Трудно понять, какую; мы слишком быстро едем. В ладони правой руки у них большой цветок, похожий на ромашку, сделанный из гибкой пластмассы. Время от времени, в ритм песни, они вскидывают вверх руку с цветком. Глядя на это, вспоминаешь фразу из северокорейской песни, в которой поется о «100 000 виналоновых цветков», которая означает изобилие разнообразных товаров народного потребления, сделанных из виналона.

И самое удивительное, что на эту ровную красивую колонну из 100–120 детей только двое взрослых.

7. Обидчивость

Дело произошло в июле 1988 года. Как-то, находясь в центральном пункте управления цеха, я увидел такую картину: на полу положен линолеум. Он не приклеен. Поэтому его края задираются. Чтобы края не задирались, какого-то парня поставили склеивать места стыков линолеумных полов. Он клеил, а лаборантка по имени Ким Н шла за ним и подтирала места склейки. А между прочим эта лаборантка — единственная сотрудница лаборатории, которая имеет высшее образование, окончила университет им. Ким Ирсена. Тут же в ЦПУ был переводчик Ким Н. Он не раз бывал в СССР, хорошо относится к русским, умен. И я, глядя на то, что делает лаборантка, сказал ему, что использовать таким образом человека с высшим образованием — это все равно, что заколачивать электронно-вычислительной машиной гвозди. Ким Н увидела, что я о чем-то разговариваю с переводчиком и мы посматриваем на нее. Она подошла к переводчику и спросила, о чем шла речь. Тот передал наш разговор один к одному. Она моментально исчезла из ЦПУ, ушла в лабораторию. Через некоторое время в ЦПУ пришла зав. лабораторией Чо Н и стала говорить переводчику, мол, что это такое он говорит (т.е. я)? Вот ушла тов. Мунько (наш специалист из лаборатории), анализ, который она должна была делать вместе с Ким, не делается, так что ж, ей без дела сидеть?...

С трудом удалось мне отговориться, что это была шутка. Потом я пошел в лабораторию и специально поговорил на эту тему с Ким Н.

Честно говоря, трудно было ожидать такой реакции на мое замечание. Дело в том, что мужчины корейцы, работающие в цеху, очень плохо реагируют на замечания и рекомендации советских специалистов. Часто делают все по-своему и не лучшим образом.

8. Отзыв о национальном характере

Отзыв одного образованного советского специалиста о национальном характере корейцев: «злые».

Позволю себе не согласиться с этим мнением.

9. Надписи на стенах

За все время моего пребывания в Северной Кореи я ни разу не видел надписей на стенах жилых домов, на стенах общественных туалетов и т. д. Однако это не значит, что «настенное художество» в Северной Кореи не существует. Есть, но где и, главное, какова его тематика — вещи поистине удивительные.

В сопках Кореи очень много подземных оборонительных сооружений: доты, дзоты, какие-то тоннели... Как-то и я попал в один из таких, недалеко от гостиницы «Чансусан» в Пхёнсоне. Две комнаты с бетонными стенами, низкие потолки, темно. И вот вижу надписи на стенах, сделанные углем. Наконец-то! Увидел местную настенную живопись! Что же там написано? Представьте себе, ни много, ни мало: «Американские империалисты, вон из Кореи!», «Долой Ро Дэу!» Ро Дэу — это новый президент Южной Кореи, сменивший Чон Духвана. А какие картины намалеваны? Ничего цензурного, представьте себе! Карикатура Ро Дэу в нескольких вариантах.

Есть, правда, в этой «живописи» маленькие «но». Но насколько они безобидны и наивны на фоне наших художеств! Одно «но» — это изображение черепа с костями. А другое «но» — надпись: «для молодых: парней (юношей) и девчонок (девушек)...» И то, что эта надпись означает, можно по-разному истолковать. И ведь никто не заставлял этих молодых людей в таком заброшенном месте писать нормальные правильные политические лозунги.

ГЛАВА 21. О МОЛОДЕЖИ

1. Молодежь и знание о прошлом

Март 1988 года. Вопросы, заданные мной официантке ресторана гостиницы «Чансусан» Ли Н о прошлом Кореи.

Вопрос № 1. В настоящее время вода в рисовые поля закачивается с помощью специальных насосных станций (*янсучжан*). А как было раньше, когда не было насосов и электричества? Ответ: «Не знаю».

Вопрос № 2. Откуда люди берут воду в многочисленных деревнях, расположенных у подножия холмов, где нет ни рек, ни озер? Ответ: «Из водопровода». А раньше? — «Не знаю, наверное, из источников в сопках».

2. Призыв товарища Ким Ченира к фестивалю молодежи и студентов. Возраст в Корее

В 1987 или (1988) году товарищ Ким Ченир выдвинул призыв: подготовить к 13-му Всемирному фестивалю молодежи и студентов много хороших поваров. Поэтому многие из выпускниц средних школ были направлены в Нампхоскую специальную школу по подготовке специалистов по обслуживанию иностранцев. А в 1988 году многие из учениц этих школ проходили практику в «интуристовских» гостиницах. Есть несколько таких девушек и в Пхёнсонской гостинице «Чансусан». Одну из них зовут Ли Н. Она 1971 года рождения. Говорит, что ей 18 лет. (Хотя в Северной Корее с 1985 года официально отменена старая система исчисления возраста, до сих пор корейцы используют ее в неофициальном общении. По этой системе ребенок, который только что родился, имеет возраст в 1 год. Каждое новое прибавление следующего года возраста происходит не после дня рождения, а после наступления каждого Нового года, у всех одновременно). На вид девушке все 22 года. Работая в ресторане, она имеет возможность питаться лучше, чем остальные сверстницы и тело у нее гораздо крепче, развитее. В феврале-марте 1988 года она работала в отделении ресторана гостиницы на стройплощадке в г. Сунчхоне с советскими специалистами.

3. Журнал мод

Как и в любой другой стране мира, в Северной Корее издаются журналы мод. В свободной продаже я их не видел. Один из них называется дословно так: «Формы одежды и выкройки» (*От хёнтхэ-ва сольге*). Одежда, изображенная в журнале, очень напоминает советскую моду 1970-х годов, хотя журнал современный. Поражает гордость, с какой корейцы обсуждают «свою» моду, не желая и смотреть на современные мировые тенденции.

ГЛАВА 22. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СОВЕТСКИМИ (РОССИЯНАМИ) И КОРЕЙЦАМИ

1. Общение «иностранец-кореец» в провинции

Во время моего пребывания в Северной Корее я подружился со студентками-стажерами из Пхёнсонской специальной школы иностранных языков. После окончания их стажировки в нашем Цехе разделения воздуха в Сунчхоне они захотели встретиться со мной и в Пхёнсоне. Мы назначили встречу у гостиницы в воскресенье в 3 часа дня. Правда, они подумали, что в 2, и целый час прождали меня на мосту через речушку, протекающую около гостиницы. Наконец я вышел к ним, но встреча не получилась. На нас глазел весь город. Они застеснялись и быстро убежали. Договорились встретиться снова, уже в среду, после моего возвращения с работы (после 6 вечера), когда уже будет темно. Они пришли. В руках у них были лопаты. Около школы проводились какие-то общественные работы, но они сбежали на 10 минут, чтобы увидеться со мной. Все время оглядывались, страшно переживали. Толком и двух слов связать не могли. Это была полная противоположность нашим отношениям в цехе, где они вели себя очень свободно и чуть ли не обнимались со мной. После этого все наши встречи прекратились, хотя спецшкола находится всего метрах в 500 от гостиницы.

Месяцев через 10 после этого, уже летом 1988 года, старый дед-вахтер, сидевший у КПП въезда на территорию гостиницы, сказал мне, что как-то на днях приходила девушка в студенческой форме из школы иностранных языков, говорила, что она вместе со мной работала на стройке, что кончает школу и ее направляют куда-то в провинцию работать учительницей русского языка, и что неплохо было бы напоследок встретиться со мной. Но я так никого из них и не увидел, ни Ким N, ни Чан N, ни Ри N.

2. Общение «иностранец — корейские дети» (1)

29 ноября 1987 года морозным, почти зимним днем вышел из гостиницы прогуляться. Две маленькие 13-летние девочки Ким N и Ко N тоже гуляли около гостиницы. Я написал «маленькие», потому что по нашим меркам они выглядели лет на 10–11. Они увязались за мной. Ким обратилась ко мне по-русски заученными в школе фразами, весьма неплохо произнесенными: «Откуда вы приехали?», «Куда идете?»

Я ответил по-русски, пошел дальше, но они не хотели отцепляться и шли за мной. Тогда я продолжил разговор по-корейски. Они шли уже рядом со мной, Ким поближе, Ко — подальше. Они живут в соседних домах, расположенных как раз напротив нашей гостиницы. Учатся они в одном классе Токсонской женской высшей средней школы города Пхёнсона. Ко — староста группы (*хаккын панчжан*). Тем не менее Ким все время треплет ее за шею, командует ею. У Ким на голове намотан шарф (*меира*), одета она получше своей подруги. На Ко грязноватая красная капроновая куртка и красные тренировочные брюки. На ногах обеих жиденькие туфельки и носки. Холодно, дует сильный ветер, и они все время просят идти по солнечной стороне улицы. У Ким отец работает в СССР, на Дальнем Востоке, уехал работать в июне 1987 года на 3 года, ее родственница в третьем колене в настоящее время учится технике в Восточной Германии. У матери Ким выходной день в понедельник. В школе они сейчас учатся во втором (шестом по советской системе) классе. Окончив начальную школу, они получили направление в свою нынешнюю. В школе изучают математику, физику, родной язык, историю (которую знают не слишком уверенно), биологию, занимаются пением и физкультурой, есть специальный предмет «обучение за границей» (*рюхак конбу*), иностранный язык. Проходя мимо очередного магазина, они мне почему-то указали на портрет вождя в нем. И вообще, они все время очень хотели, чтобы я сходил с ними в магазин. (Купить что-нибудь?) В конце концов, дошли до валютного магазина у вокзала. Им туда заходить нельзя, но со мной они вошли. Поначалу они стеснялись. Освоились. Ким была побойче. Больше всего смотрела на детскую одежду. Потом вместе дошли до гостиницы. Под конец Ким, расхрабрившись, предложила зайти в гостиницу, посмотреть, как я живу, мой номер. Но снова застеснялись и договорились встретиться в следующее воскресенье в 11 утра.

3. Общение «иностранец — корейские дети» (2)

Вторая воскресная прогулка с Ким N и Ко N произошла в декабре 1987. Опять все время они водили меня в магазины, уже корейские, словно намекая на что-то. Потом просто сунули мне в руку обычную корейскую вону. А немного погодя попросили ее обменять. Я от чистого сердца просто подарил им «красную» вону. («Красная» вона — северокорейская денежная единица, имеющая особую красную печать, удостоверяющую, что данный денежный знак получен в обмен на свободно конвертируемую валюту. Этими деньгами расплачива-

ются в специальных валютных магазинах. С сентября 1988 года эти «красные» воны заменены на особые чеки, напоминающие по внешнему виду бывшие чеки «Внешпосылторга».) Ко приняла эту купюру традиционно по-корейски, двумя руками, с легким поклоном. Потом, когда мы фотографировались, на глаза у Ко наворачивались слезы. И по одежде было видно, что ее не часто балуют. Фотографировались мы в сопках. Они побоялись это сделать на глазах у сограждан, но не побоялись подняться с иностранцем в сопки. Во время подъема в сопки недалеко они вдруг увидели девочек из своего класса и поторопились укрыться в невидимом для тех месте.

4. Случай с корейцем, начальником «народной группы» и советскими специалистами — Беляевым и Вагиным

В Северной Корею все население объединено в так называемые «народные группы» по принципу единого места жительства: скажем, такую группу может составлять один подъезд многоэтажного жилого дома или расположенные рядом одноэтажные дома традиционного типа. Каждая «народная группа» имеет свой номер, который указывается и в адресах.

Вечер 15 апреля 1988 года, около 8 часов. Я возвращаюсь с танцев, которые были на центральной площади города. У гостиницы, уже не помню почему, перебросился с кем-то из прохожих несколькими фразами по-корейски. Вдруг ко мне подходит мужчина лет 50 и спрашивает меня, говорю ли я по-корейски. Я отвечаю утвердительно. Тогда он начинает мне рассказывать суть своей проблемы. Говорит, что с двумя нашими товарищами договорился о водке, но не сдержал слова, что очень переживает. Описал мне их одежду, но очень поверхностно, как можно описать любого русского. Каким-то третьим чувством я догадался, что это должны быть наши харьковские специалисты Вагин и Беляев. В это время совершенно случайно у дверей гостиницы показались они. Я подошел к ним, и они подтвердили, что у них был уговор с корейцем.

Все вместе мы подошли к корейцу, который ждал нас за территорией гостиницы в темноте. Вот что оказалось на самом деле.

Каким-то образом Вагин и Беляев столкнулись лицом к лицу с этим корейцем. Тот подавал им знаки в смысле «выпить вместе». Те поняли, что он просит деньги на водку. И дали корейцу 1 американский доллар. Как они мне сказали, «просто для эксперимента, посмотреть, что будет». Кореец дал знать, жестами, естественно, что он скоро вернет-

ся. Наши немного подождали, но не дождались и ушли. Когда кореец вернулся (а жил он довольно далеко от гостиницы и бежал домой), то никого уже не было. Он расстроился, что не сдержал слова и около часа простоял у гостиницы в ожидании появления наших. Кореец пришел со своей водкой в кармане пиджака. Он думал, что у наших нет водки и они хотят выпить. Корейцы ведь знают, что у нас в стране идет борьба с алкоголизмом. Доллар он потом вернул и все время приглашал выпить. Тогда Вагин пошел в номер за закуской. Заодно вынес на улицу и небольшой сувенир для корейца. Таким образом, мы оказались все вместе, вчетвером у берега речушки, протекавшей около гостиницы, в полной темноте с бутылкой водки и закуской. Кореец наш был не «простым смертным», а начальником народной группы (*инмин банчжан*), должность немалая для корейца. И иметь запятнанную общением с иностранцами репутацию, особенно таким образом, дело не из приятных. И как только наш кореец встретил Вагина и Беляева, отдал проклятый доллар и таким образом урегулировал недоразумение, все его мужество исчезло и он уже не мог спокойно стоять возле нас. Передал бутылку нашим мужикам и сразу же захотел уйти. С трудом те уломали его выпить рюмочку. Тот сделал это совершенно безо всякого удовольствия, схватил сверток с сувениром, который ему вынес Вагин, спрятал его под пиджак и, пожелав нам всего хорошего, со всех ног помчался прочь. Больше он нам никогда не встречался.

5. «Иностранец — вон из Кореи!»

Как-то в обеденный перерыв я гулял в окрестностях Цеха разделения воздуха Сунчхонского виналонового объединения. Рисовые и кукурузные поля. Одноэтажные домики одного из сельхозкооперативов. Около одного из таких домов вдруг появился маленький мальчик лет 5 и заорал, увидев меня: «Иностранная (скорее — «американская») скотина, проваливай из Кореи!» Было довольно далеко, и я четко не расслышал, какой «скотиной» он меня называл. Тут же на улицу выскочила мать и стала урезонивать трясущего кулаком мальчугана. Но он долго еще не мог успокоиться.

Следует отметить, что это единственный случай невежливого отношения к иностранцу, которому я был свидетелем. И то я думаю, что мальчик просто насмотрелся северокорейского телевидения, активно ведущего антиамериканскую пропаганду. Тем более что лозунг «Американские скоты, вон из Кореи!» звучит довольно часто... Очевидно, мальчик, впервые увидев человека европейской внешности

и еще не понимая, что к чему, решил на практике продемонстрировать патриотические чувства.

6. История со значком Ким Ирсена

Практически все совершеннолетние корейцы носят на куртках, кофтах, пиджаках выходной (то есть не рабочей) одежды значки с изображением портрета Ким Ирсена. Значки эти самые разнообразные по размерам и форме. Есть значки, обозначающие специальную принадлежность к какому-либо учреждению. Например, студенты университета им. Ким Ирсена имеют совершенно особые значки, где помимо портрета вождя также имеется надпись: «Университет им. Ким Ирсена». Но таких значков мало. Как правило, значки — «общегражданские», если так можно выразиться. Естественно, в магазине они не продаются, а вручаются в особо торжественной обстановке.

Как то один наш специалист (Г. Г. Гуревич) попросил рабочего подарить ему такой значок. Рабочий согласился дать, так как, по его словам, у него был «лишний». Подошел назначенный день, а рабочий значка не принес. Отложил на другой день. Потом снова отложил и т. д. В конце концов рабочий стал советоваться с корейскими переводчиками, можно ли подарить нашему специалисту значок. Каждый переводчик отсылал рабочего к другому переводчику. В конце концов рабочий подошел к Г. Г. Гуревичу со следующим ответом: «Если бы вы носили значок с изображением Вождя постоянно, я, может быть, и подарил бы его. А так, для коллекции, дать не могу».

7. Как легко фотографироваться с незнакомыми корейцами

В конце апреля 1988 года нас как-то вывезли на прогулку в Пхеньянский парк Моранбон. Это было в воскресенье. Втроем — я, Василий Сучков и Сергей Малышев — отправились гулять по аллеям парка, утопавшего в весенних цветах. На одной из аллей увидели девушек, человек 15, расположившихся у скамейки под кустами сливы. Они были одеты в черные костюмы, а волосы были заколоты веточками с розовыми цветами форзиции (по-корейски — чиндалле). Они так красиво смотрелись, что нам очень захотелось сфотографироваться вместе с ними на память.

Я подошел к девушкам и спросил, можно ли сфотографироваться с ними. Они с радостью согласились. Сидевшие на скамейке подвинулись и уступили нам место посередине. Мы сели, а Василий даже

обнял двоих девушек за талию. Фотографировались весело. Много смеялись. Девушки представились нам. Оказывается, они — учащиеся какого-то вуза провинции Северная Хамгён. Они приехали в Пхеньян, чтобы принять участие в строительстве грандиознейшей улицы столицы — Кванбок (улицы Возрождения). Одна из них даже дала адрес, куда можно прислать фотографии: г. Пхеньян, р-н Мангёндэ, 2 дивизия провинции Северная Хамгён, 4-й полк, 2-я рота.

8. Выступление иностранцев с номерами художественной самодеятельности

По большим праздникам в концертах мастеров искусств иногда принимают участие и зарубежные гости. Как правило, они поют песни. Часто это транслируется по центральному телевидению и радио. Но такому выступлению предшествует длительная подготовка.

Например, каждый год 1 мая в Тэсонсанской парковой зоне в Пхеньяне, у ворот Намдэун, как раз происходят такие выступления с участием иностранцев. Праздник-то ведь международный. Вот и нашей группе специалистов предложили выступить там.

Для начала начальник иностранного отдела треста «Химстрой» № 32 тов. Ха N еще в марте 1988 года отправил заявку в центр. Он же и предложил нам песню для исполнения, согласованную с центром, она называлась «Победный май». Он дал мне текст, я перевел его на русский, а так же написал транскрипцию корейских слов русскими буквами для наших специалистов. На стройплощадке все это и отпечатали.

Ха N договорился с местной агитбригадой виналонового объединения и нам в помощь выделили гармониста и певца. За неделю до праздника каждый день в обеденный перерыв они приходили к нам репетировать. Затем в гостинице проводилась генеральная репетиция. На ней лично присутствовал какой-то большой чиновник из центра. Мало того, нас заставили сделать магнитофонную запись нашего исполнения. Запись вместе с чиновником ушла в Пхеньян. И только после этой центральной цензуры мы были допущены к выступлению.

Хочется отметить еще одну деталь. В припеве песни были слова: «завершим победой план народной экономики». А в это время в стране шел трудовой «200-дневный бой» навстречу 40-летию основания Республики. И тов. Ха предложил заменить слова припева на следующие: «завершим победой 200-дневный бой!» Тем более что мы, русские, трудясь вместе с корейцами, принимали участие в этом «бою». И еще

он заказал написать транспарант с этими же словами, который мы, заканчивая песню, должны были поднимать. Цензура из центра запретила петь песню в измененном виде, заставили вернуться к первоначальным словам припева. Но транспарант вынести на сцену разрешили.

9. Инцидент между мной и переводчиком Чха N 15 апреля 1988 года

Прежде, чем рассказать о сути происшествия, дам некоторые пояснения. 15 апреля в Северной Корею — всенародный праздник, день рождения Великого Вождя товарища Ким Ирсена. В календаре это число обозначено красным цветом, является выходным, так же как и последующее 16 число.

Цех воздухоразделения входит в состав Сунчхонского виналонового объединения, которое является заказчиком. Строил цех строительный трест «Химстрой» № 32. Советские специалисты формально выполняли функцию технического надзора в этом цехе (хотя на практике часто являлись и строителями, и эксплуатацией). Поскольку с цехом связаны иностранцы (т. е. мы), то и 32-й Трест и объединение имели иностранные отделы. Начальником иностранного отдела треста был Ха N, а начальником иностранного отдела завода был Со N. Каждый из иностранных отделов выделял для работы с нами переводчиков. Трестовский — для строительно-монтажных работ, заводской — для пуско-наладочных. Чха N был переводчиком иностранного отдела завода.

И вот 14 апреля 1988 г., как раз накануне праздников, Чха подходит ко мне и спрашивает: 1) не хочу ли я послать поздравительную телеграмму Вождю, стоит мне только слово сказать и все будет сделано; 2) не хочу ли я в честь праздника остаться поработать переводчиком вечером 14 числа и выйти поработать в выходные 15 и 16 числа, так сказать, ударным трудом поздравить Вождя? Я пошел и рассказал об этом нашему руководителю, Ю. Н. Ермилину. Мы обсудили этот вопрос и решили, что для укрепления наших позиций было бы неплохо мне выйти на работу 15 апреля вместе со сменными рабочими. Для посольства эту работу можно было бы посчитать субботником в честь 22 апреля. Таким образом, я пошел обговаривать подробности дела с начальником иностранного отдела завода Со N (ведь переводчик Чха, который предложил мне работу, как раз из этого иностранного отдела). А Ермилин пошел обсуждать это дело с начальником иностранного отдела Треста № 32 тов. Ха. Как ни странно, Со резко отказался от моего предложения поработать 15 апреля. А Ха согласился,

поддержал эту идею и обещал дать транспорт. В конце концов, порешили, что 15 апреля я выхожу на работу.

Наступило 15 апреля. 8 часов утра. Спускаюсь из номера гостиницы вниз. У подъезда стоит одна легковая машина Вольво. Больше и не нужно. Одно место для переводчика и три — для сменных рабочих. Остальные советские специалисты, как и большинство корейцев, отдыхают. Вдруг выскакивает переводчик Чха, забирается в Вольво, так, чтобы я не успел раньше него сесть в машину, и очень грубо говорит, мол, нечего делать мне на стройке и иди спать. Тут же говорит шоферу «поезжай» и машина укатывается прочь.

Естественно, мне не остается ничего другого, как подняться в номер и очень обидеться на поведение корейца. Да, еще до того как подняться, внизу я встретился с удивленным начальником иностранного отдела треста тов. Ха, который был «за» мою работу. Он удивился, что я не уехал. Хотел дать машину, но было поздно. Весь настрой исчез, да и находиться 12 часов вместе с оскорбителем не очень хотелось.

Через некоторое время ко мне в номер постучали. Это был переводчик Треста Ли N и заводской переводчик Ким N, очень добрый и порядочный человек. Они извинились передо мной за поведение Чха. Я же им объяснил, что после случившегося ехать на стройку вдгонку, да еще в такой день нет смысла. Меня поняли.

После этого Ли N хотел «уничтожить» Чха (Ли N был представителем спецслужб и имел большие полномочия). Я попросил замять дело. Хотя, как показало дальнейшие события, зря. Сам Чха, как мне сказали позже корейцы, получил нагоняй за это самоуправство.

Но было ли это самоуправство, или распоряжение тов. Со, который остался в тени? Этого я не знаю. Этим эпизодом обнажились противоречия между иностранными отделами завода и Треста, а также то, что некоторые корейцы ведут деятельность, направленную против советских. Но зачем, для кого и какие общественные круги?

10. Провокационные действия корейцев по отношению к советскому специалисту-обувщику Вере Я.

Вера Я.⁸⁵ жила вместе с нами в гостинице «Чансусан» в г. Пхёнсоне, а на работу ездила на обувную фабрику в г. Сунчхон. Я не помню ее фамилии, все называли ее просто «Вера». В отличие от нас, за номер в гостинице платил не корейский заказчик, а она сама. И на работе

⁸⁵ Фамилия не указана исключительно по причине отсутствия соответствующей информации.

ее тоже не кормили. Правда, возили на легковой машине Вольво, но, кажется, также за ее счет.

На фабрике в Сунчхоне корейцы по нашему (советскому) заказу из нашего же материала шили обувь. Не всегда качественно. Однажды Вера забрала 5 тыс. пар обуви к отправке в СССР (первоначальная цифра — 25 000, потом все же кое-что пропустила). И в ответ на это корейцы стали отказывать на Веру давление. Перестали возить на работу. С 5 июля 1988 г. она практически безвыездно сидела в гостинице. Еду готовила сама, а ведь нужны продукты, и за номер платить по 80 вон в день — не шутка!

Корейцы препятствовали ее попыткам самостоятельного выезда в Пхеньян в Советское посольство, а также за продуктами. Когда она попробовала поехать в Пхеньян вместе с нашим руководителем Ю. Н. Ермилиным, ее просто высадили из машины.

С Верой работал переводчик по имени Син N, очень симпатизировавший Советскому Союзу. Его сразу убрали. И как говорила Вера, этому переводчику сказали: «Не забывай, что ты — кореец!»

Записано со слов тов. Ю. Н. Ермилина во время его официального представления информации советским специалистам.

11. Отношение корейцев к советскому оборудованию

Конец июня 1988 года. Центральный пульт управления цехом разделения воздуха Сунчхонского комбината. Происходит очередной спор между советскими и корейскими специалистами о неполадках автоматического привода задвижки турбокомпрессора. Советские уходят. Я остаюсь на месте. Говорящий не видит меня. Это кореец, один из инженерно-технических работников цеха. Слышу его возмущенный возглас, сопровождаемый едким смехом: «Привозят нам свое паршивое оборудование, а потом тут копайся с ним!»

12. Вопросы об СССР, которые часто задают корейцы всех возрастов и полов

1. Правда ли, что до женитьбы советские парни и девушки обнимаются, целуются и даже живут вместе?

2. Много ли таких случаев, когда женщина, имея мужа, живет с другим мужчиной?

13. Советская пропагандистская литература в Корее

Следует отметить, что наша пропагандистская литература, издаваемая АПН («Агентством Печати Новости»), не отличается ни высоким уровнем информативности, ни грамотностью.

Например, в книге о 38-й параллели, разделяющей Корею на две части, заглавие книги на обложке было написано следующим образом: «линия 3–8». Сами корейцы нередко указывали мне на ошибки в тексте.

Тем не менее когда в августе 1988 года наш советский специалист Василий Сучков понес в цех воздуходеления пачку советских книг на корейском языке, корейские солдаты, бывшие на стройке, рабочие, по его словам, прямо «вырывали» книги из рук.

Однажды и я сам видел, как начальник смены машинистов компрессора, находясь в центральном пульте управления, в рабочее время читал книгу с трудами М. С. Горбачёва. При этом он читал книгу так, чтобы проходящий мимо не смог видеть заглавие книги. Прочитанную страницу он закрывал ладонью руки.

14. Полет из Владивостока в Пхеньян

Северокорейский самолет рейса JS 272 вылетал из Владивостока 29 октября 2000 года, в воскресенье, в 19.30. Регистрация на рейс началась в 18.10. Из дверей, ведущих в зал таможенного контроля, показался северный кореец в костюме и симпатичной куртке, молча посмотрел на нас и куда-то исчез. Потом он снова появился у стойки регистрации билетов. Бодро и как-то по-дружески кореец переговаривался с русскими носильщиками. За «использование» аэропорта с нас взяли по 30 рублей с человека.

Наступило время посадки. Автобус довез нас по летному полю к старому, стоявшему с краю Ан-24. Свет в его салоне был погашен. Очень тусклый свет от бортовых аккумуляторов появился лишь тогда, когда пассажиры стали заходить в салон. Пока мы размещались, свет гас еще несколько раз.

В самолете не было кресел бизнес-класса. Кроме нашей делегации в составе 10 человек в салоне было еще четыре пассажира: этнические корейцы, постоянно проживающие в Японии, уже преклонного возраста. Свободных мест было много, и рассаживались не по билетам, а каждый выбирал понравившееся свободное место. Еще до того, как были заведены двигатели самолета, приветливые стюардессы раздали

бланки миграционных карт и таможенных деклараций. Но было очень темно, чтобы писать.

Казалось, что самолет не предназначался для международных рейсов. В салоне не было никаких надписей на корейском, русском или английском языках. Довольно убогий интерьер. Стены покрашены в светло-зеленый цвет. Перед началом полета не было сделано никаких объявлений: ни через радиотрансляцию, ни «живым» голосом. Самолет просто тронулся с места и поехал на взлетно-посадочную полосу. В карманах кресел не было никаких рекламных проспектов или журналов. Только белые санитарные пакеты.

Когда завели двигатели, в салоне стало намного светлее. Стюардессы, как в старые советские времена, перед вылетом раздали пассажирам леденцы, корейские.

Наконец самолет взлетел. Одна из стюардесс сидела на заднем кресле салона. Место около нее — в противоположном ряду — было свободно. И я решил подсесть рядом, чтобы пообщаться, попрактиковаться в северо-корейском диалекте корейского языка. Было несколько боязно: уже 12 лет я не был в Северной Корее. Столько же не общался с северными корейцами. Только с южными. А мне предстояло работать с первым заместителем министра, и работать качественно. Нужна была подготовка.

Я подошел к стюардессе — кореянке лет 28, крепкого телосложения, в темно-синей униформе; волосы подколоты сзади. Хотел сесть в противоположном ряду, но она отодвинулась и пригласила сесть рядом. Начался долгий и интересный разговор, сделавший незаметными два с половиной часа полета до Пхеньяна.

Вскоре предложили ужин, и я на время вернулся на свое место, чтобы поесть и дать стюардессе возможность исполнить свои профессиональные обязанности. Меню было российское, из Владивостока, правда, к ужину предлагали корейское бутылочное пиво «Рёнсон».

После ужина я вернулся к стюардессе. Разговор шел о разном: России, Корее. Я рассказал, что учил корейский язык в Университете им. Ким Ирсена, что работал в КНДР на стройке. Стюардесса закончила Пхеньянский институт иностранных языков. О возрасте и имени друг друга не спрашивали. Я рассказал стюардессе, какая символика стоит за цветами и надписями посадочного талона северо-корейской авиакомпании «Эр Корё» (Air Koryo), продемонстрировав тем самым знание и корейской культуры и истории.

Потом разговор переключился на телевидение. Выяснилось, что северные корейцы очень любят фильм «Семнадцать мгновений весны».

Его показывали совсем недавно. Вообще, много советских и китайских фильмов показывают по субботам и воскресеньям. Вот, например, сегодня в Пхеньяне показывают вторую серию фильма «Любовь по-русски» (로씨야식 사랑). Стюардесса говорит, что интересно. Первую серию уже показывали. А сегодня — вторая. В девять вечера. Но сегодня, из-за того, что на работе, уже не успеет посмотреть.

Самолет начал снижаться. Надо бы пристегнуть ремни безопасности. Хотя ни стюардессы, ни капитан корабля не просят пассажиров пристегнуть ремни. Ревут двигатели. За бортом — тьма. Самолет трясет. И такое чувство, что самолет куда-то очень и очень торопится.

Земля уже близко. Вдруг стюардесса хватается за живот и говорит:

— Что-то внутри болит. Извините! Извините!

— Ничего, ничего, — отвечаю я.

И вот самолет уже на земле. Торопится куда-то по взлетно-посадочной полосе. Спешит, качая крыльями.

Вскоре мы уже на стоянке перед аэровокзалом пхеньянского аэропорта Сунан. Везде темнота. И только ярко подсвечен огромный портрет Ким Ирсена.

— До свидания!

— До свидания! — отвечаю стюардессам.

На поле уже стоит аэропортовый автобус. Японский: входная дверь слева. Работница аэропорта в униформе и фуражке говорит по-английски:

— Быстрее, быстрее. Садитесь в автобус! (И куда она так спешит?)

Вскоре мы попадаем в полутемное здание аэропорта.

Я в Пхеньяне!

4 ноября 2000 года

15. Визит министра путей сообщения Н. Е. Аксененко в КНДР 16–17 марта 2001 года

Когда самолет Ил-62 ГТК «Россия» подлетал к Пхеньяну, все пространство под ним было погружено в кромешный мрак. Не было заметно того, что самолет приближается к какому-то большому населенному пункту. Сев на темную взлетно-посадочную полосу, самолет долго перемещался к зданию аэропорта.

Поразило то, что портрет Ким Ирсена, установленный на фасаде аэровокзала, был освещен лишь на треть от того уровня яркости, который можно был наблюдать еще в октябре прошлого года. Видимо,

с электроэнергией здесь стало еще хуже. Северокорейские легковые автомобили, поджидавшие министра у трапа самолета, стояли в крошечной тьме. И только лишь оператор пхеньянского телевидения разрезал тьму лучом дополнительного освещения, на какое-то мгновение выхватывая из мрака ничего не понимавших только что прибывших российских гостей.

Я вместе с заместителем министра А. В. Целько ехал в Пхеньян в третьей машине кортежа — темно-вишневом «Мерседесе-180» 1980-х годов выпуска. В первой — также в старом «Мерседесе» — находился российский министр и северокорейский «начальник штаба» (참모장) железнодорожных войск Ким Гвансу. Второй машиной кортежа был новейший «Мерседес» российского посла В. И. Денисова.

Дорога до Пхеньяна, как всегда, была темной. На подъезде к станции метро «Чону-ёк» обратил внимание на то, что и здесь «стела вечной жизни», поставленная в память о Ким Ирсене, также освещена еле-еле.

Сначала кортеж отправился к Музею корейской революции — возлагать венок (заранее привезенный из России) к монументу Ким Ирсена. И монумент также был освещен слабее, чем обычно, примерно на одну треть. И здесь российскую делегацию сопровождал северокорейский телеоператор. Затем по пустому городу, по которому все же ходили редкие троллейбусы, а на остановках стояли редкие прохожие, кортеж направился к Монументу освобождения (해방탑), сооруженному в честь советских воинов, отдавших жизнь за освобождение Кореи, чтобы возложить венок. У монумента кортеж встретил более чем скромно одетый (зеленая куртка, ватные брюки, «резиновые» башмаки *комусин*) кореец лет 55 — «хранитель» монумента (해방탑관리 책임자).

После совершения всех положенных церемоний кортеж отправился в более чем скромную государственную резиденцию для иностранных гостей, расположенную у реки Потхонган. Резиденция называлась «Сочжэголь чходэсо» (서재골 초대소), то есть «Резиденция долины Сочжэ».

По дороге в резиденцию на одной из пхеньянских улиц заметил двух хорошо одетых женщин, лет 45 и лет 37 (первая была в кожаной куртке), которые пытались «поймать» такси или какую-нибудь частную машину, чтобы «подбросили» до нужного места. Подобной свободы передвижения в Пхеньяне раньше не было...

Пока ехали в резиденцию, спросил у водителя, много ли в Пхеньяне иностранцев.

Водитель ответил:

— Много. Очень много. Американцев нет. Были только в сентябре 2000 года, в связи с подготовкой визита госсекретаря США М. Олбрайт. Теперь нет. Зато очень много китайцев, и есть представители разных африканских стран. Из китайцев больше всего тех, кто занят в мелком и среднем бизнесе. Это не тяжелая или машиностроительная промышленность. Китайцы в основном занимаются производством одежды и изделий из кожи.

Поздно вечером мы прибыли в «резиденцию» — огромный участок, огороженный железобетонной стеной, на территории которого были построены гостиничные коттеджи. В резиденции был полумрак. Всю делегацию расселили в три коттеджа (호동). В коттедже № 23 жил сам Министр путей сообщения, его первый заместитель и переводчик (я).

В дальней части резиденции находилось большое двухэтажное здание для приемов. Туда всех членов делегации привезли на ужин. Залы для приемов — огромные и пустые. Само здание довольно просто по архитектурным решениям. Но внутренний интерьер, как всегда в монументальных северокорейских постройках, достаточно интересен.

Ужин прошел стандартно. Официанты здесь — исключительно мужчины в черных брюках и белых куртках. Был даже один — мужчина лет 50, с большими, не «официантскими» натруженными ладонями.

После ужин все разошлись по коттеджам. Я — в свой номер 223 коттеджа № 23. Интерьер симпатичный. Видно, что разработчик его, что называется, вложил душу. Но ванна старая, уже потрескавшаяся, и, кажется, плохо помытая. Из всей косметики — только два куска темно-зеленого пхеньянского мыла. Фиолетовая мыльница у умывальника — китайского производства.

В моем номере стоял японский холодильник марки Саньё (Sanyo) с бутылкой минеральной воды и бутылкой сладкого напитка из шизандры китайской (오미자). У кровати был расположен пульт управления освещением в номере: сделан кустарно, имитирует оборудование хороших гостиниц международного класса.

Все жилые номера коттеджа находятся на втором этаже. На первом этаже располагается помещение для переговоров, а также кухня со столовой. Всю ночь в коттедже дежурил молодой человек — охранник и женщина горничная. Также, похоже, в коттедже находился повар. Но он ничего не готовил.

Поздно ночью произошел такой случай. Заместителю министра путей сообщения г. Сидорову корейцы забыли занести его личные вещи. За вещами нужно было идти в другой коттедж, который был

расположен на противоположной части парка-резиденции. Пошли за чемоданом вместе с работником министерства — И. А. Ивановым. На улице была темнота — хоть глаз выколи. Освещение корейцы включили уже потом, когда увидели, что потерявшееся во тьме иностранцы беспомощно тычутся по территории гостевого комплекса. В коттедж № 13 — туда, где находились вещи заместителя министра — мы попали не сразу. Оказалось, что на ночь все коттеджи запираются приписанными к ним охранниками, и нужно звонить куда-то ответственному лицу и ждать, пока тот придет и откроет коттедж. Позвонили по указанному номеру и ждали минут пятнадцать.

В коттеджах есть телефоны двух типов. Черные дисковые (аналоговые), японские, 1985 года выпуска, служат для связи между коттеджами, расположенными в резиденции. Белые кнопочные телефоны имеют прямой выход на международную связь, без какого-либо дополнительного набора номера коммутатора.

В итоге мы нашли вещи заместителя министра и отнесли к нему в резиденцию. Затем я вернулся в свой коттедж и немного поговорил с охранником.

Мы вели беседу в зале для переговоров, который почему-то назывался *сочжэ* (서재) — так в Южной Корею именуют личные кабинеты в частных домах. Оказалось, что мой собеседник — не просто охранник, а дипломированный специалист, закончивший Торговый институт (상업 대학). Курил красиво оформленные пхеньянские сигареты *Пхадэ* (파도), что значит «Волна».

Всю ночь на кухне в коттедже оставалась женщина средних лет в белой форменной одежде повара. Но ни утром, ни в другое время она ничего не готовила гостям. (Может быть, это была горничная?)

Наконец я поднялся к себе в номер. В ванной с туалетом было очень холодно. Освещение перед зеркалом ванной комнаты не работало. Отопление в спальне обеспечивалось временно установленным вентилятором — электрообогревателем. Решил помыться. Было около трех часов ночи. Холодная вода из крана вообще не шла, а «горячая» была чуть теплой. Сон почему-то долго не шел...

* * *

Утро следующего дня началось с небольшого инцидента. Еще накануне вечером я попросил охранника погладить костюм первого заместителя министра, так, чтобы он был готов к 7 утра. Однако в 7 утра выяснилось, что молоденькая девушка, работавшая при коттедже (во-

лосы слегка завиты, темные брюки и яркая цветастая кофта) еще только начала гладить костюм, а закончила всю операцию только к 7.18.

Завтрак начался в 8.17, и здесь уже никаких эксцессов не было. На завтрак подали рис, тосты, яичницу и салат. К завтраку также предложили маленькие стеклянные баночки с простоквашей. На баночках по-корейски было написано слово «кхепхиры» (케피르), что, по видимому, было корейской транскрипцией слова «кефир».

В 8.40 утра вся делегация отправилась в мемориальный комплекс «Кымсусан» — мавзолей Ким Ирсена. Я уже посещал это заведение несколько месяцев назад, и в этот раз впечатление не было таким ярким, как при первом посещении, 1 ноября 2000 года.

Март 2001 года

ГЛАВА 23. ИНОСТРАННОЕ ВЛИЯНИЕ НА КОРЕЮ

1. Лев Толстой в Корее

Как-то зимой 1988 года я зашел в лабораторию нашего цеха воздуходеления. На столе увидел книгу, зачитанную буквально «до дыр». У нее нет первых 16 страниц, нет страниц и в конце. Спрашиваю, что за книга. Отвечают, что это «Анна Каренина». Но кто автор этой книги, лаборантки не помнят. Я называю имя автора. Всплеснули руками и заахали: «Да, да, знаем, знаем...» Книга была, естественно, на корейском языке.

2. Корейцы и советская эстрада

14 марта 1988 года. Возвращаемся с работы. Едем в микроавтобусе «Исудзу». В автобусе на передней панели есть встроенная магнитола фирмы «Санъё». Водитель — молодой парень лет 32 по имени Ким Н. Он очень любит слушать музыку. У него есть собственные кассеты с записью. Он слушает и сейчас. Это корейская музыка, самая типичная. Но вот мелодия заканчивается и вдруг слышится следующее: стучат какие-то примитивные ударники, органолоа, электрогитары... Затем женский и мужской голоса поют на русском языке с корейским акцентом: «Лето, ах лето... Я так хочу, чтобы лето не кончалось, чтоб оно со мною мчалось...» Ничего подобного ни по официальному радио, ни по телевидению я не слышал.

* * *

Среди корейской молодежи очень популярна песня А. Пугачевой «Миллион алых роз». Они хорошо знают текст песни, переведенный на корейский язык, любят ее петь и все время просят русских, чтобы они дали русский текст песни.

3. Музыка диско в Корее

Как мне рассказали девушки-стажеры из Пхёнсонской школы иностранных языков, в Корее ведется борьба против музыки диско. Тем не менее они с большим интересом слушали записи современной советской эстрады. И это не все. 7 ноября 1987 года советские специалисты в ресторане гостиницы праздновали годовщину Октября. В конце вечера устроили танцы. Там была и музыка диско, в том числе западная. Сам директор ресторана гостиницы просил меня, чтобы я научил официанток танцевать современные диско танцы. И молоденькая официантка по имени Чхве Н делала это очень охотно. 47-летний переводчик Ли Нонбон также просил меня обучить его диско танцам.

4. Корейская молодежь и музыка

Как-то я спросил аппаратчика блока разделения воздуха, который был на 3-месячной стажировке в Новомосковске, Пак Н, какую музыку любят корейцы, корейская молодежь? Он ответил: о партии, о вожде, песни, которые рождаются в труде. Немного подумав, сказал: любят диско музыку. А потом спросил: «А что, диско музыка пришла из Индии?»

5. Внешний вид корейца. Исключение

Обычно у корейцев довольно строгий и скромный внешний вид. Конечно, есть среди молодежи и элементы развязности: закатанные штанины, женские платки на голове парней...

Как правило, корейцы носят на груди значок с портретом Ким Ирсена.

Но бывают во внешнем облике корейцев и исключения. Вот два примера.

Провинциальный город Пхёнсон. Дорога позади гостиницы «Чансусан», уходящая в долину между холмами, где разбросаны одностажные белые корейские дома традиционного типа. Идет мне на-

встречу молодой парень лет 25. На нем потертые джинсы, явление исключительное, белая куртка модного покроя, а на том месте, где обычно находится значок с изображением Ким Ирсена, значок с надписью «Пекинский университет» по-английски, к тому же вверх ногами приколотый.

Второй портрет. Пхеньян, район валютных магазинов «Кёнхын» у станции метро «Золотое поле». Переходит дорогу молодая женщина, лет 32. У нее за спиной ребенок, лет 3–4. На ней очень плотно облегающие ноги вельветовые брюки, свитер на голое тело с громадным вырезом на груди и иностранными надписями, а на шее — цепочка с крестом.

ГЛАВА 24. КОРЕЯ ПРИ ЯПОНЦАХ (1910–1945)

1. Корея — японская колония (Из рассказа переводчика Кан Киллёна)

Кан Киллён (род. в 1930 году) учился в японских школах. Тогда, будучи ребенком, он не понимал, что японцы — агрессоры. Просто в стране были два языка: корейский и японский. Тот, кто выучит японский так, что будет говорить без акцента (а еще лучше и английский), получит хорошую работу, или на той же работе будет получать больше денег, чем простой кореец, не знающий японского. К примеру, в железнодорожных мастерских кореец получал 3–4 чоны (копейки) в день, а японец — 1 вону (рубль). На фабрике, правда, контрасты были меньше. Корейцы и японцы получали по 50 и 100 вон в месяц соответственно. Иногда тех корейцев, кто хорошо владел японским и английским, власти даже посылали учиться за границу. В официальном делопроизводстве использовался японский язык. В управах были специальные конторки, где сидел переводчик с корейского на японский и за плату переводил бумаги. Знание японского сильно облегчало и удешевляло жизнь.

Школы были такие, где начальниками были корейцы, а были такие, где начальниками были японцы. В школах первого типа учиться было легче, отношение к ученикам было лучше. Но и работу после таких школ получить было труднее.

Японцы не разрушали буддийские храмы, в отличие от других корейских институтов.

2. Японские школы в Корее в период японской колонизации (Рассказ переводчика Ли Боммо)

К 1945 году Ли Боммо было 12 лет. Тогда он ходил в 4-й класс. Говорили и писали в школе только по-японски. Говорить по-корейски было запрещено. Японцы считали, что корейцы и японцы — один народ, и говорить корейцам нужно на японском.

На каждую неделю каждому ученику в школе выдавалось по 10 талонов. Если кто-то в школе говорил по-корейски, то любой соученик имел право отобрать талон у провинившегося. Если же тот талон не давал, другой мог донести учителю и провинившегося ждало суровое наказание. Учеников выстраивали. Нарушитель делал шаг вперед из строя, поднимал руки перед собой и учитель бил бамбуковой палкой по кончикам пальцев. Если он замечал, что во время удара наказуемый пытается приопустить кончики пальцев, чтобы смягчить удар, то тогда наказание еще более ужесточалось: удары палкой по ступням ног. В конце каждой недели подводились итоги. Имевшие 10 талонов «жили спокойно». Имевшие менее 10 талонов наказывались, но не так жестоко, как за отказ дать талон. Имевшие более 10 талонов, то есть те, кто отнял их у товарищей, доносчики, получали поощрение в виде тетрадей, ручек и т. д. В результате корейцы не знали букв своего алфавита, а родной язык — только разговорный, и то только в той степени, в которой они смогли выучить его дома.

3. Рассказ переводчика Ли Боммо о днях освобождения Кореи Красной Армией

Будучи очевидцем того, как советская Красная Армия освобождала Корею от японского колониального господства, Ли Боммо рассказывал:

— Во время японской колонизации Кореи (1910–1945) не было слова «кореец», все должны были называться «японцами» на основании теории «единых предков, единых корней» (*тончжо тонгын*).

— Корею с севера освобождали советские войска. Русские не могли отличить японца от корейца. Поэтому советское командование приказало корейцам спускаться с гор, а в качестве опознавательного знака надевать на руку красную повязку. Как вспоминал Ли Боммо, в то время летало очень много самолетов и с них сбрасывали листовки, приготовленные для корейцев Красной Армией. Но эти листовки

никто не понимал. Во время японской оккупации Кореи корейский язык был запрещен, и хотя на нем разговаривали дома, алфавита никто не знал. И еще. В то время радостные крестьяне, народ, часто выбегали на улицу и размахивали знаменами старой Кореи периода конца династии Ли. (Династия Ли правила в Корее с конца XIV века по 1910 год.)

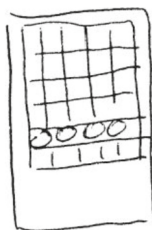
ГЛАВА 25. РАЗНОЕ О СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ

1. Легенда о создании корейского алфавита (Рассказана переводчиком Чха Суннёном)

Как-то государь Сечжон (XV в.) сидел у себя во дворце и смотрел на двери. А на корейских дверях есть квадраты, углы, круглые резные украшения. И вот, согласно форме узоров на дверях, король и придумал алфавит.

* * *

Дверь в корейском традиционном доме. Открывается в сторону, как в вагоне метро. Сделана из дерева. Низ двери сплошь закрыт деревянными досками. Верхняя половина состоит из большого количества деревянных планочек, вставленных продольно и поперечно, как бы

«пересекающихся» между собой. Тем самым в дверном переплете образуются небольшие квадратики. Иногда между планками вставляются деревянные кружки. Бывает, что деревянные узоры на дверях имеют более сложную форму. В старину обратная часть такого оконного переплета заклеивалась особой бумагой. Теперь вместо бумаги используется стекло или полиэтилен.

2. Мытье в реке

Корейцы, мужчины, часто моются летом в реках очень оригинальным способом. Особенно этот способ популярен среди солдат. Иногда ему подражают дети.

Моются по двое. Один человек раздевается до пояса, становится на четвереньки, так, чтобы руки находились в воде, а поясница была выше головы. Другой человек стоит рядом и обмывает первого. Вся вода стекает к плечам и не попадает в штаны. При этом первый ни звуков никаких не издает и не шевелится. Глядя на эту процедуру, почему-то вспоминаешь о том, как моют лошадей.

3. Образцовое произношение

Раньше в Корее образцовым произношением считалось сеульское произношение. После образования Северной и Южной Кореи образцовым произношением Северной Кореи считается не Пхеньянское, а, как сказал переводчик Ким Чхуниль, Вонсанское. Вонсан — город на побережье Восточно-Корейского (Японского) моря, столица провинции Канвон.

В различных провинциях Кореи очень сильны диалектальные различия. Например, в провинции Южная Пхёнан вместо звука «ч» (ㅈ) часто говорят звук «т» (ㄷ). (정거장 — 덩거장 ; 저기 — 데기).

4. Сроки пребывания в Корее родственников, постоянно проживающих за рубежом

Живущие за рубежом родственники могут навещать своих родных в Корее 1 раз в год. При этом срок проживания в доме родных ограничен 14 днями. Путешествовать по стране можно в течение одного месяца. Для этого в отделе безопасности («анчжонбу», по функциям нечто среднее между милицией и КГБ) гостям выдается специальный пропуск для свободного передвижения по стране.

Вообще в Северной Корее формально нет свободного передвижения, для переезда из провинции в провинцию кореец должен иметь специальный пропуск (см. раздел «КПП»).

5. Летнее время в КНДР

В Северной Корее нет летнего и зимнего времени. Зато, как мне говорили, есть нечто, заменяющее летнее время.

Летом в Корее работа на предприятиях начинается на один час раньше и заканчивается на один час раньше. В 1987 году советским

специалистам тоже предложили перейти на такой режим работы, но наши отказались.

Тем не менее теле- и радиопрограммы начинаются и заканчиваются в обычное время. В режиме работы магазинов тоже никаких изменений не наблюдается.

Возможно, что это был просто эксперимент 1987 года.

6. О лесах

В центральной и южной частях Северной Кореи нет лесов в нашем понимании. Это — равнинная местность, усеянная большим количеством холмов и невысоких гор, круто как бы «вырастающих» из равнины. Вся плоская местность распахана под поля, даже часть холмов террасирована на посевы. На холмах, непригодных для сельскохозяйственной деятельности, растет то, что можно назвать «лесом». Как правило, это сосны с кривыми стволами и длинными иглами. Низ лесов — местные кустарники. Большинство лесонасаждений центра и юга Северной Кореи — посадки искусственные. Весь естественный лес был уничтожен во время Корейской войны 1950–1953 годов.

Поэтому на отдельных холмах можно видеть надписи, как бы «вырезанные» среди молодых лесопосадок. Для того, чтобы выполнить надписи, часть леса с холмов вырубается (или не высаживается) так, чтобы «пустые» пространства между лесопосадками образовывали начертания букв. Такие надписи видны за многие километры. Их содержание, как правило, имеет идеологическую окраску: «Комсомольский лес», «Пионерский лес», «Октябрятский лес», то есть лес, посаженный комсомольцами и т. д. (Слова «комсомольский» и т. д. не являются дословным переводом. Это — аналог советских организаций похожего типа.)

7. Об объединении Кореи (Из разговора с Он N)

По словам Он N, объединение Кореи можно совершить и *мирным* путем. На мой вопрос: «А что, возможен и другой путь?», он ответил уклончиво. Сказал, что Корея должна иметь много вооружения, чтобы можно было говорить с Америкой о мирных переговорах. Если Корея будет слабой и будет предлагать мирное объединение, американцы только посмеются.

Из-за сложной ситуации на Корейском полуострове процентное отношение количества войск к численности населения в Северной Корею больше, чем в СССР.

8. Корейско-кампучийское сотрудничество

3 августа 1988 года в 21.35 вопреки объявленной ранее программе телепередач по северокорейскому телевидению был впервые показан совместный корейско-кампучийский художественный фильм «Случай глубоко в горах» (깊은 산속에 있던 일). Фильм был завершен к июлю 1988 года. Режиссер — сам Нородом Сианук. Сюжет фильма — романтическая любовная история, имевшая место на севере Кампучии. Главные герои погибают. Корейцы говорили мне, что якобы такая история имела место на самом деле и что один из погибших — сын Сианука.

Съемки производились в горах Мёхянсан, во дворцовом комплексе, расположенном в этих же горах.

В самом начале фильма перед обычными титрами (режиссер, актеры, директор и т. д.) идет очень много слов благодарности тов. Ким Ирсену и тов. Ким Чениру на французском и корейском языках.

9. Жизнь китайских специалистов, работающих на строительстве ТЭЦ Сунчхонского виналонового объединения

Летом 1987 года на строительстве ТЭЦ Сунчхонского виналонового объединения работало 47 китайских специалистов. К зиме 1988 года их стало всего 21. Все специалисты — мужчины. Все приехали работать в Корею без семей. Имеют бесплатное (то есть за счет заказчика) трехразовое питание. Завтрак и ужин — в гостинице, обед — в бытовых помещениях на стройке. Как и у советских специалистов, обед на стройке обеспечивали повара и официантки из гостиницы проживания. Жили китайские специалисты в «интуристовской» гостинице в Сунчхоне. На работу, так же как и советских специалистов, их возили на легковых машинах «Вольво», микроавтобусах «Исудзу» и «Ниссан», транспорт обеспечивался Пхеньянским гаражом № 50 за счет заказчика. Китайцы выезжали на работу из гостиницы в 8 утра и работали на стройплощадке до 17.00.

Денег в Корею китайские специалисты не получали вообще. Зато им начислялась заработная плата в Китае. Проработавшие в Корею

один год имели право на 3-месячный отпуск. После отпуска некоторые из китайских специалистов приезжали обратно. Перед окончательным возвращением на родину китайские специалисты получали от корейской стороны подарки и сувениры, как, например, женшеневую водку, одежду, картины и т. д.

По плану к лету 1988 года все китайские специалисты должны были вернуться на родину, но из-за поломки турбогенератора срок их пребывания был продлен.

*(Со слов начальника иностранного отдела
Сунчхонского виналонового объединения Со N).*

10. Категории переводчиков

В Северной Корее есть официально 5 категорий переводчиков, где самая высшая — 1-я категория переводчиков, а низшая — 5-я. Раз в два-три года они сдают экзамен на переквалификацию. Переводчик 3-й категории имел в 1987 году заработную плату 140 вон в месяц.

Научное издание

КУРБАНОВ Сергей Олегович

С БЛОКНОТОМ ПО КОРЕЕ
Записки востоковеда

Редактор *Д. В. Виноградов*
Компьютерная верстка *А. М. Вейшторт*

Подписано в печать 21.07.2017. Формат 60 × 90¹/₁₆.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 30 + вкл. 1 л.

Планируемый тираж 1000 экз. 1-й завод — 200 экз. Заказ №

Издательство Санкт-Петербургского университета.

199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21.

Тел./факс (812)328-44-22

publishing.spbu.ru

Цифровая типография Издательства СПбГУ.

199034, С.-Петербург, Менделеевская лин., 5

Обилие блюд в ресторане традиционной корейской кухни (I, 2, с. 30)

Алтарь в доме шаманки (I, 2, с. 38)

Шаманка (I, 2, с. 38)

Указатель присутствия на рабочем месте руководителей отделов
Академии корееведения (I, 5, с. 81)

Заклеенный за ненадобностью указатель присутствия на рабочем месте
руководителей в Институте национальной истории (I, 5, с. 81)

Пляж Сондовон в г. Инчхон. Июнь 2007 г. (I, 6, с. 87)

Уличная протестантская пропаганда христианства. Сеул, район Мёндон, 2011 г.

Надпись на транспорте крупным текстом: «Иисус — рай. Неверие — ад»

(I, 7, с. 89)

Православная церковь в Сеуле, 2007 г. (I, 7, с. 99)

Торговая улица Итхэвон
неподалеку от американской
военной базы (I, 8, с. 122)

Плакат, призывающий
граждан Южной Кореи
лучше относиться
к иностранным гостям
(I, 8, с. 116)

Корейские могилы в сопках. Город Ёнин, провинция Кёнги. 2007 г. (I, 12, с. 156)

Молодежный торговый квартал Мёндон в центре Сеула (I, 14, с. 163)

Корейские «подушки» (I, 14, с. 166)

Чайная церемония (I, 14, с. 187)

Ксилографическая печать с досок в совоне Ёнжок (I, 14, с. 191)

Проф. Хван Пхэган и С. О. Курбанов со свежееотпечатанным листом ксилографической книги (I, 14, с. 191)

Центральная часть Сеула.
Площадь перед зданием городской администрации. 2006 г. (I, 15, с. 215)

Сеульский мото-почтальон (I, 21, с. 298)

Сунчхонский виналоновый комбинат, 1988 г.
На первом плане справа: Цех разделения воздуха
(II, 6, с. 361)

Буддийский монах в монастыре Похёнса (II, 6, с. 361)

Буддийский монастырь Похёнса в горах Кымгансан (II, 6, с. 361)

Житель Пхеньяна у фотостенда с фотографиями, рассказывающими о встрече членов разделенных семей Севера и Юга Кореи (II, 11, с. 398)

Трамвай на улице Ив, Пхеньян (II, 11, с. 398)

Образцовый сельский дом в северокорейской провинции. Селение Чхонсанри, 1984 г. (II, 3, с. 351)

Северокорейские школьницы на экскурсии в предместье Пхеньяна —
Мангёндэ, в родном селении Ким Ирсена (II, 20, с. 433)

Фотография в парке Моранбон со студентками из провинции Северная
Хамгён. Весна 1988 г. (II, 22, с. 441)